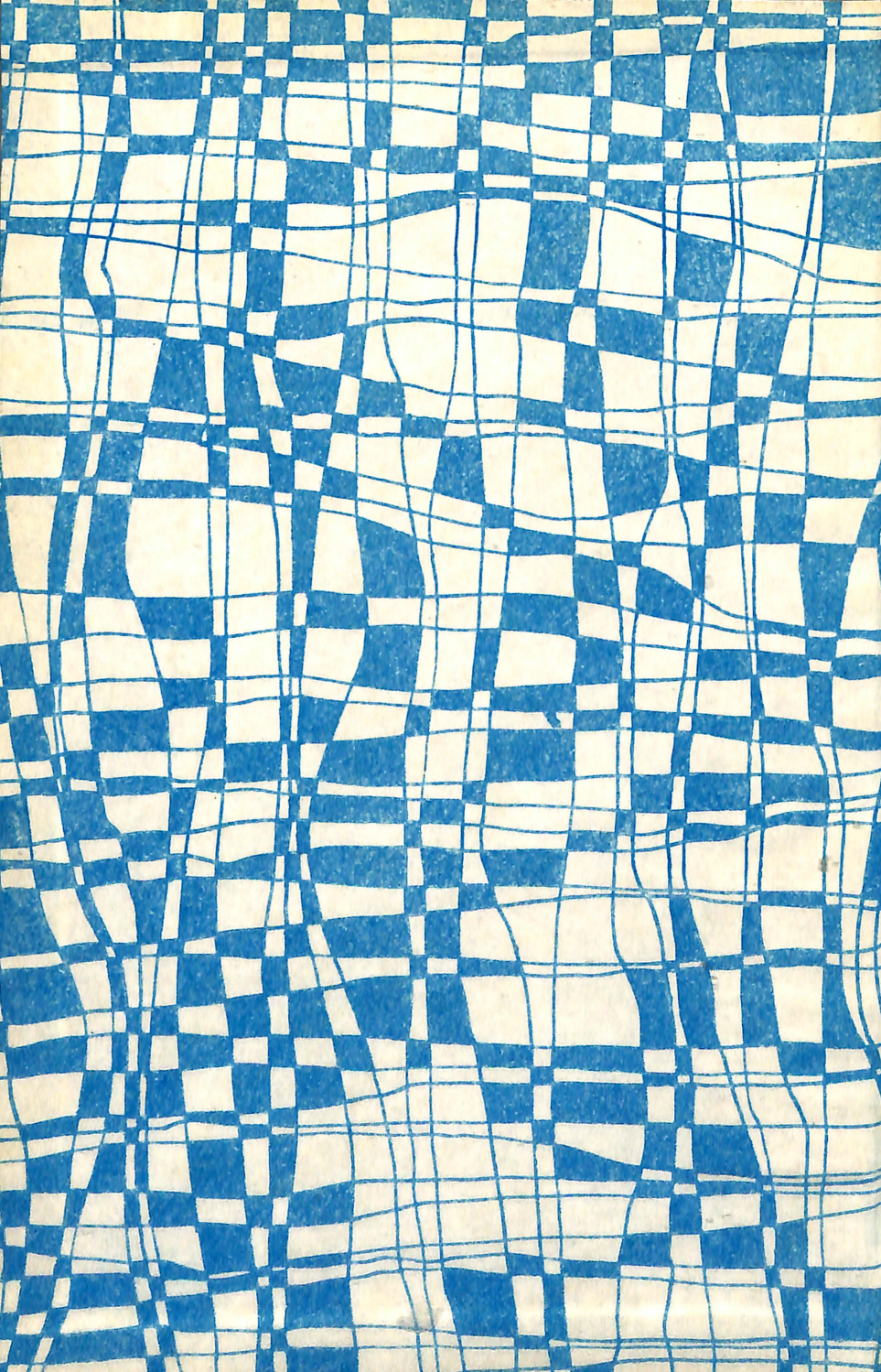
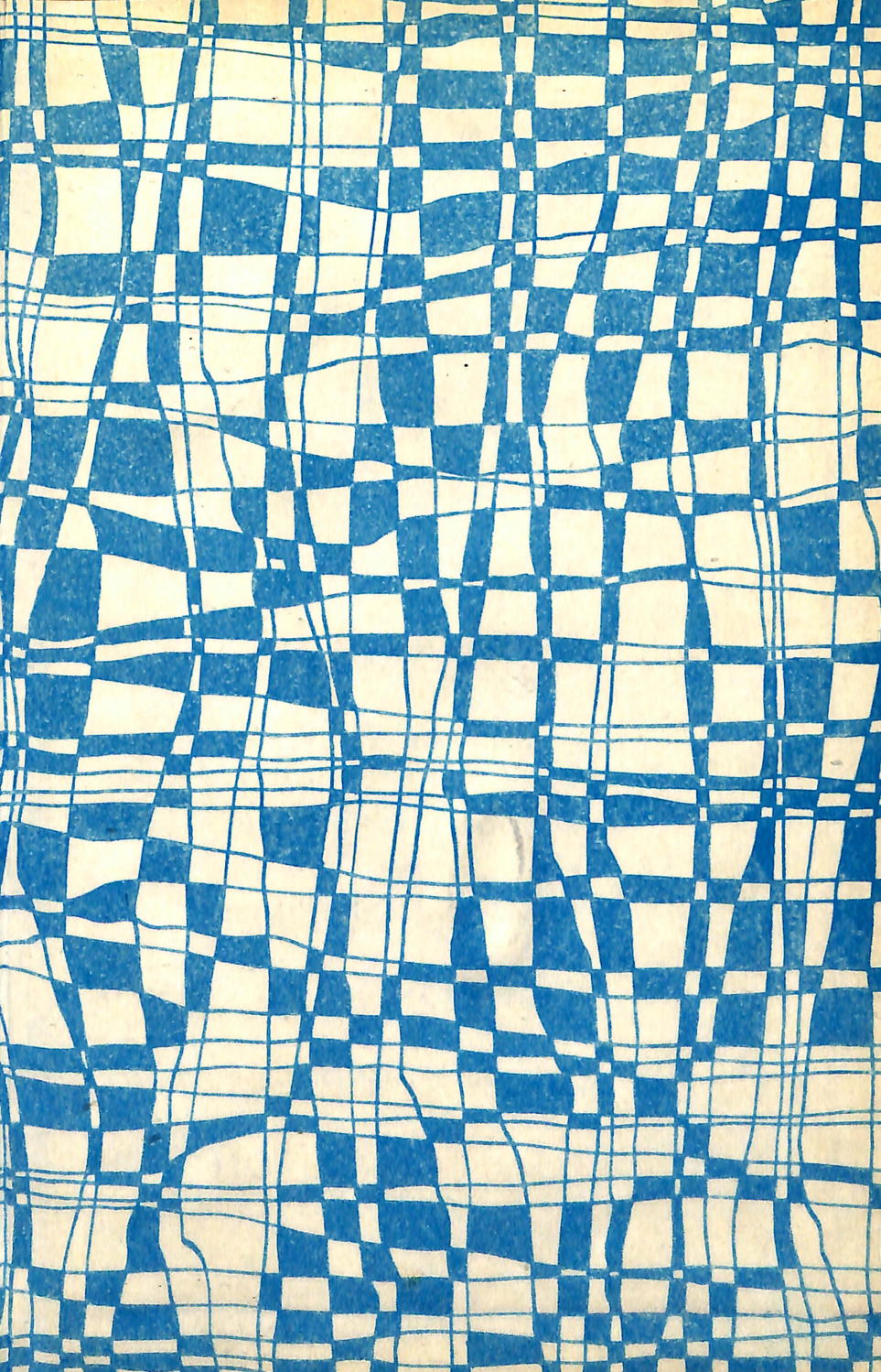

НЕВЕРОЯТНЫЙ МИР

НЕВЕРОЯТНЫЙ МИР

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Роберт ХАЙНЛАЙН

Мюррей ЛЕЙНСТЕР

Деймон НАЙТ

Джеймс БОЛЛАРД

Рэй БРЭДБЕРИ

Фредерик ПОЛ

Дино БУЦЦАТИ

Станислав ЛЕМ

Клиффорд САЙМАК

Роберт ШЕКЛИ

Курт ВОННЕГУТ

Юджин О'ЧЕРРЕТ

Эдмунд ГАМИЛЬТОН

НЕВЕРОЯТНЫЙ МДР

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Кемеровское
книжное издательство
1991

ББК 84.4 + 84.7
Н 40

Составление, послесловие и справки об авторах
Е. Панаско

4703000000

Н ————— Без объявл.

М145(03)—91

ISBN 5—7550—0324—6

- © Е. В. Панаско, состав., послесловие, справки об авторах, 1989.
- © Ставропольское книжное издательство, 1989, переводы, отмеченные в Содержании*.
- © Е. Ф. Зайцев, оформление, 1991

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Экспедиция к Проксиме Центавра, организованная Фондом Джордана в 2119 году, была первой в истории попыткой достичь ближайших звезд нашей Галактики. О судьбе, постигшей экспедицию, можно только догадываться...

Фрэнк Бак. Романтики современной астрографии, изд-во «Люкс Лимитед».

Часть I

Вселенная

— Осторожно, мьют!

Кусок железа врезался в переборку прямо над головой Хью с такой силой, что, не промахнись прашник, пробил бы ее наверняка. Хью Хойланд резко пригнулся, оттолкнулся ногами от пола и, пролетев несколько метров по коридору, выхватил нож. Перевернувшись в воздухе у поворота, он встал на ноги. За поворотом коридор был пуст. Оба товарища догнали его.

— Ушел? — спросил Алан Махони.

— Ушел, — ответил Хойланд. — Я видел, как он нырнул в люк. Кажется, у него было четыре ноги.

— Четыре или две, нам все равно теперь не поймать мьют, — сказал Морт Тайлер.

— Вот еще, ловить его! — воскликнул Махони. — На кой Хафф он нам сдался!

— А я был бы не прочь поймать его, чтобы потолковать кое о чем, — ответил Хойланд. — Клянусь Джорданом, возьми он на два дюйма ниже, быть бы мне в Конвертере.

— Перестаньте через каждые два слова богохульничать, — укоризненно сказал Тайлер. — Слышал бы вас Капитан! — И он благоговейно приложил ладонь ко лбу, как и подобает при упоминании Капитана.

— Джордана ради, — резко ответил Хойланд, — не умничай, Морт. Тебя еще не произвели в ученые, а я вряд ли менее благочестив, чем ты, но не вижу греха

в том, чтобы иногда дать выход чувствам. Даже ученые так выражаются в сердцах, я сам слышал.

Тайлер открыл было рот, но промолчал.

— Слушай, Хью, — Махони дернул Хойланда за руку. — Давай уйдем отсюда. Мы так высоко никогда еще не забирались. Я хочу вернуться туда, где нормальная тяжесть.

Хойланд, сжимая рукоять ножа, жадно смотрел на люк, в котором скрылся противник.

— Ладно, малыш, — согласился он. — Впереди дорога долгая, пора возвращаться.

Он повернулся и пошел к люку, через который они выбрались на этот ярус. Вверх приходилось подниматься по крутым лестницам, но сейчас Хью просто оттолкнулся от крышки люка и начал плавно спускаться на палубу пятнадцатью футами ниже. Тайлер и Махони последовали за ним. Так они продвигались вниз — через десятки люков и зловещих, слабо освещенных палуб. С каждым разом прыжок чуть-чуть ускорялся, и приземлялись они чуть-чуть тяжелее. В конце концов Махони не выдержал:

— Хью, хватит прыгать. Я ногу зашиб. Давай пойдем лестницами.

— Ладно, но так будет дольше. Кстати, далеко нам еще?

— Отсюда до фермы палуб семьдесят, — ответил Тайлер.

— А ты почему знаешь? — подозрительно спросил Махони.

— Знаю, потому что считал, балда ты такая.

— Ну да! Считать умеют только ученые. Ты думаешь, если тебя учат читать и писать, так ты уже все знаешь?

Хойланд вмешался, прежде чем спор перерос в ссору:

— Заткнись, Алан. Может, он действительно умеет считать. Морт на такие дела мастак. Да и, судя по тяжести, он прав.

— А лезвия в моем ноже он посчитать не хочет? — не унимался Алан.

— Заткнись, тебе говорят. Ты что, Закона не знаешь? За пределами деревни дуэли запрещены.

Они продолжали свой путь в тишине, легко бежали по лестницам, пока возросшая сила тяжести не заставила перейти на шаг. Вскоре показался ярко освещенный ярус, где расстояние между палубами было раза в два больше, чем наверху. Воздух здесь был влажный и теплый.

— Наконец-то... — сказал Хью. — Однако я не вижу нашей фермы. Мы, наверное, вышли с другой стороны.

— А вон и какой-то фермер,— сказал Тайлер. Сунув мизинцы в рот, он свистнул, а потом крикнул:— Эй, приятель! Куда это мы попали?

Крестьянин не спеша оглядел всех троих, потом объяснил, как найти Главную дорогу, ведущую к их деревне. Они прошли с полторы мили энергичным шагом по широкому, довольно оживленному тоннелю. Навстречу им попадались по большей части крестьяне, толкавшие перед собой груженные тележки. Потом они увидели, как в носилках, которые держали четверо здоровенных слуг, с достоинством покачивался ученый. Его оруженосец шествовал впереди, разгоняя с дороги простолюдинов... А вскоре вся тройка пришла в общинную своей деревни — просторное помещение в три палубы высотой. Здесь они разошлись. Хью направился в казармы кадетов — молодых холостяков, живущих отдельно от родителей. Он умылся, потом отправился к дяде, Эдуарду Хойланду, у которого работал за еду. Когда Хью вошел, тетя взглянула на него, но ничего не сказала: женщине подобало хранить молчание.

— Привет, Хью,— сказал дядя.— Опять бродил по окрестностям?

— Доброй еды, дядя... Конечно, бродил...

Эдуард Хойланд, солидный здравомыслящий человек, снисходительно усмехнулся:

— Где был и что видел?

Тетя бесшумно выскользнула за дверь и вернулась с ужином для Хью, поставила перед ним тарелку, но ему даже и в голову не пришло поблагодарить за заботу. Он проглотил кусок прежде, чем ответить.

— Был наверху. Добрались почти до невесомости. А потом мьют чуть не разнес мне череп.

Дядя хмыкнул:

— Свернешь себе шею в этих трущобах, парень. Ты бы лучше занимался хозяйством и ждал дня, когда я умру и оставлю его тебе.

На лице Хью появилось упрямое выражение.

— А вам разве не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, когда я был молодым, тоже много шатался. Прошел всю Главную дорогу, потом вернулся обратно в деревню. И в Темном Секторе бывал, меня там мьюты разве что за пятки не хватали. Видишь шрам?

Хью видел этот шрам не в первый раз, а дядин рассказ уже наскучил ему до тошноты. Подумаешь, прошел однажды Главную дорогу! Сам-то Хью хотел побывать везде, все увидеть и все узнать. Взять хотя бы верхние ярусы. Если человеку не дано так высоко забираться, то с чего Джордану было их создавать?

Но мысли эти он держал при себе и продолжал есть. Эдуард Хойланд сменил тему:

— Мне надо повидать Свидетеля. Джон Блэк заявил, что я ему должен трех свиней. Хочешь пойти со мной?

— Да нет, пожалуй. Хотя да, пойду.

— Поспешай тогда.

По дороге они зашли в казарму, и Хью отпросился идти с дядей по делу.

Свидетель жил в маленьком вонючем помещении на краю общинной, где был легкодоступен всем, нуждающимся в его услугах. Он сидел на пороге, ковыряя ногтем в зубах. Его ученик, прыщавый близорукий подросток, сидел на корточках за его спиной.

— Доброй еды, — сказал дядя.

— И тебе доброй еды, Эдуард Хойланд. Ты пришел по делу или просто составить старику компанию?

— И то и другое, — дипломатично ответил дядя, а затем изложил суть своего визита.

— Так в чем проблема? — сказал свидетель. — В контракте ведь ясно сказано:

Джон Блэк дал Эдуарду овес,
Чтоб Эд свиней ему принес.
Как поросята подрастут,
Из них двух Джону отдадут.

Подросли поросята, Эдуард Хойланд?

— Подросли, — ответил дядя. — Но Блэк требует трех, а не двух.

— Порекомендуй ему холодную примочку на голову. Свидетель свое слово сказал, — и старик жиденько рассмеялся.

Они немного посплетничали. Эдуард Хойланд как мог удовлетворял ненасытную жажду старика ко всякого рода подробностям. Хью хранил благопристойное молчание во время беседы старших. Но когда дядя наконец поднялся, он сказал:

— Я задержусь ненадолго.

— Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдуард Хойланд.

Когда дядя отошел достаточно далеко, Хью сказал:

— Я принес вам подарок, Свидетель.

— Покажи.

Хью вынул кисет с табаком, который захватил, когда заходил в казарму. Свидетель принял его, не сказав ни слова, и бросил ученику, чтобы тот спрятал.

— Заходи, — сказал Свидетель и повернулся к ученику: — А ты принеси-ка кадету стул.

Хью начал рассказ, и старик тщательно выпытывал все касающееся его последних вылазок, ругая при

этом Хью за неумение запомнить события до мельчайших подробностей.

— Ничего вы, молодые, не умеете. Даже этот паршивец, — Свидетель ткнул пальцем в ученика. — Даже он ничего не умеет, хоть и способней тебя раз в десять. Поверишь ли, и тысячи строк в день запомнить не может, а ведь должен занять мое место, когда умру. Да когда я был учеником, мне тысячи строк едва хватало, чтобы заговорить себя и поскорее уснуть. Свистки вы все без горошины.

Хью не возражал, он ждал, пока старик выговорится.

— Ты хотел что-то спросить у меня, паренек?

— Вообще-то да, Свидетель.

— Ну так выкладывай. Язык, что ли, проглотил?

— Вы когда-нибудь поднимались в невесомость?

— Кто, я? Конечно нет. Я же учился на Свидетеля. Мне нужно было запомнить все, что написали Свидетели до меня, а на мальчишеские забавы у меня времени не было.

— Я думал, может, вы мне скажете, что там есть.

— А, ну это совсем другое дело. Нет, сам я туда никогда не забирался, но слышал рассказы многих людей, которые там побывали. Очень многих, тебе столько людей не увидеть и за всю жизнь. Я ведь старый. Я помню отца твоего отца и его отца тоже. Что же именно ты хочешь знать?

— Что именно? — Как задать вопрос? Как выразить словами смутную боль в груди? И все-таки: — Какое в этом во всем предназначение, Свидетель? Зачем все эти ярусы над нами?

— Что? Джордан с тобой, сынок, я же Свидетель, а не ученый.

— Я думал, что вы, может быть, знаете... Извините...

— Но я действительно знаю. Строки из Книги Начала — вот что тебе нужно...

— Их я уже не раз слышал.

— Так послушай еще раз. Ответы на все вопросы есть в этих строках, если только у человека хватает мудрости увидеть их. Внемли мне. Хотя нет, дадим возможность моему ученику показать себя. Эй ты! Прочти нам из «Начала», да с выражением.

Ученик облизал губы и начал:

Вначале был Джордан в раздумье глубоком,
Вначале был Джордан во тьме одинокой,
Из тьмы и безлюдства родилось желание,
Желанье затем перешло в ожиданье.
Из ожиданья родился План —
Джордан решил, и час настал:
Из тьмы и мрака Он Корабль создал!

Миля за милей уютных жилищ
И для плодов золотых хранилищ.
Палубы, люки, свет и воздух —
Все для людей, еще не созданных.

Вот человека сотворил Он
И учредил для него Закон:
Создателя должен чтить человек,
Плану великому посвятить свой век.

Каждому Законом отведено место,
Каждому строго определен удел.
Человеку не дано знать цели,
Главное — чтобы он Создателю
Повиноваться умел.
Одним — говорить, другим — слушать.

Среди людей воцарился порядок.
Он создал Экипаж для черной работы
И ученых для соблюдения Плана.
Помазанник Джордана — Капитан —
Человеческим родом стал править сам.

Непорочен лишь Джордан, а люди грешны.
Зависть, жадность и гордость загрозили умы.
Первым Хафф согрешил, будь он проклят навек!
От него эту скверну вкусил человек.

Разразился мятеж, и погиб Капитан.
Кровью мучеников...

Мальчик запнулся, и старик наотмашь ударил его по лицу.

— Начинай снова!

— С самого начала?

— Нет, с той строки, с которой сбился.

Мальчик продолжал монотонно декламировать строфу за строфой, пространно рассказывая древнюю историю греха, мятежа и смутного времени. Как мудрость в конце концов взяла верх и как тела вождей мятежа скормили Конвертеру. Как некоторым мятежникам удалось избежать Полета и положить начало племени мьютов. Как после молитв и жертвоприношений был избран новый Капитан.

Хью беспокойно заерзал, шаркая ногами по полу. Без сомнения, в Священных Строках были ответы на все его вопросы, на то они и священные, но у него, видно, ума не хватало найти их. Но почему? В чем же вообще смысл жизни? Неужели жить — значит всего лишь есть, спать и в конце концов отправиться в дальний Полет? Разве Джордан не желал, чтобы его поняли? Откуда же тогда боль в груди? Этот голод, который нельзя утолить даже доброй едой?

Утром к дверям дядиного жилища подошел посылный.

— Ученый хочет видеть Хью Хойланда, — отчеканил он.

Хью понял, что его вызывает Лейтенант Нельсон —

ученый, отвечающий за духовное и физическое состояние сектора Корабля, в котором располагалась родная деревня Хью. Он быстро собрался и заторопился вслед за посыльным.

— Кадет Хойланд прибыл, — доложил он.

Ученый оторвался от завтрака и сказал:

— А, да. Входи, мой мальчик. Садись. Ты ел?

Хью утвердительно кивнул головой, не отрывая глаз от диковинных фруктов, лежащих на тарелке. Нельсон проследил его взгляд.

— Попробуй эти финики. Новая мутация. Я приказал доставить их с дальней стороны. Ешь, пожалуйста. В твоём возрасте всегда можно съесть ещё немножко.

Хью с гордостью принял приглашение. Делить трапезу с Ученым ему ещё не приходилось. Лейтенант откинулся в кресле, вытер пальцы о рубашку, оправил бороду и приступил к делу:

— Последнее время я совсем не видел тебя, сын мой. Расскажи мне, чем ты занимаешься.

Не успел Хью ответить, как Ученый заговорил снова:

— Хочешь, я сам тебе скажу. Ты изучаешь верхние ярусы, мало беспокоясь о том, что это запретная зона. Так или нет?

Хью пытался что-то промямлить, но ученый снова перебил:

— Ну ничего, ничего. Я вовсе не сержусь. Но просто все это заставило меня подумать, что тебе пора выбрать свое место в жизни. Есть ли у тебя какие-либо планы на будущее?

— Сказать по правде, определенных планов нет, сэр.

— А что у тебя с этой девушкой, Идрис Бакстер? Собираешься жениться?

— Не знаю, сэр. Я бы не прочь, да и отец ее тоже, насколько мне известно. Вот только...

— Что «только»?

— Он хочет, чтобы я пошел к нему на ферму в ученики. Предложение, конечно, неплохое. Его ферма да дядин надел — это хорошее хозяйство.

— Но ты не уверен, что тебе именно этим хочется заниматься...

— Сказать по правде, не знаю.

— Правильно. Ты не для этого создан. У меня относительно тебя другие планы. Скажи, ты никогда не задумывался, почему я тебя научил читать и писать? Ага, задумывался? Но держал свои мысли при себе? Вот и молодец. А теперь слушай меня внимательно. Я наблюдал за тобой со дня твоего рож-

дения. Воображение твое развито намного лучше, чем у других простолюдинов. В тебе больше, чем в них, любопытства, больше энергии. Ты прирожденный лидер и уже ребенком выделялся среди других детей. Когда ты родился, твоя слишком большая голова сразу вызвала пересуды. Некоторые даже предлагали закончить дело Конвертером. Но я не согласился. Мне было очень интересно, что из тебя получится. Жизнь крестьянина не для тебя. Твой удел быть ученым.

Лейтенант смолк и внимательно посмотрел на растерянного, потерявшего дар речи Хью. Потом заговорил снова:

— Именно так дела и обстоят. Человека твоего склада следует сделать либо одним из правителей, либо отправить в Конвертер.

— Если я правильно вас понял, сэр, то у меня и выбора нет?

— Откровенно — да. Оставлять мыслящих людей в рядах Экипажа — значит сеять ересь. Это недопустимо. Однажды так случилось, и род человеческий чуть было не погиб. Ты выделился из общей массы своими дарованиями. Теперь твое мышление следует направить на путь истинный, открыть секреты чудес, дабы ты стал охранителем устоев, а не источником смуты и беспокойства.

Вошел посыльный, нагруженный узлами, и сложил их в углу.

— Да это же мои пожитки! — воскликнул Хью.

— Совершенно верно, — подтвердил Нельсон. — Я за ними послал. Теперь ты будешь жить здесь, заниматься под моим наблюдением, если, конечно, у тебя на уме нет чего-либо другого.

— О нет, сэр, что вы! Должен сознаться, я просто немного растерян. Скажите, я теперь... Ну, то есть вы против моей женитьбы?

— А, вот ты о чем... — безразлично ответил Нельсон. — Если хочешь, просто возьми девку себе. Отец теперь возражать не посмеет. Но позволь предупредить, тебе будет не до нее.

Хью пожирал одну за другой древние книги, которые давал ему наставник, забыл даже о Идрис Бакстер и своих дальних экспедициях. Часто ему казалось, что он напал на след какой-то тайны, но каждый раз оказывался в тупике и чувствовал себя еще больше запутавшимся, чем раньше. Постичь премудрости науки и тайны ученых было более трудным делом, чем он предполагал.

Однажды, когда он ломал голову в размышле-

ниях о непостижимо странных и непонятных характерах предков и пытался разобраться в их запутанной риторике и непривычной терминологии, в его комнаташку вошел Нельсон и отцовским жестом положил руку на плечо.

— Как идет учеба, мальчик?

— Да, пожалуй, нормально, сэр, — ответил Хью, отложив книгу в сторону. — Но кое-что я не совсем понимаю. А сказать по правде, не понимаю совсем.

— Чего и следует ожидать, — невозмутимо ответил Нельсон. — Я умышленно оставил тебя наедине с мудростью, чтобы ты увидел ловушки, расставленные для природного ума, не вооруженного знанием. Многое из того, что ты прочел, не понять без разъяснений и толкований. Чем ты сейчас занят? — Он взял книгу и посмотрел на обложку: — «Основы современной физики». Это одно из самых ценных древних писаний, но непосвященному не разобраться в нем без помощи. Прежде всего ты должен понять, мой мальчик, что наши предки при всем их духовном совершенстве придерживались иных взглядов на мир, чем мы. В отличие от нас, рационалистов до мозга костей, они были неисправимыми романтиками, и те незыблемые истины, которые оставлены нам в наследство, часто излагались у них аллегорическим языком. Возьми, например, Закон Всемирного Тяготения. Дошел ты уже до него?

— Да, я читал о нем.

— Понял ли ты его? Мне кажется, что нет.

— Я не увидел в нем никакого смысла, — робко сказал Хью. — Прошу прощения, сэр, но все это показалось мне какой-то белибердой.

— Вот блестящий пример того, о чем я тебе говорил. Ты воспринял этот Закон буквально, «Два тела притягивают друг друга пропорционально квадрату расстояния между ними». Казалось бы, эта формула звучит как правило, констатирующее элементарное состояние физических тел. Но нет! Ничего подобного! Перед нами не что иное, как древнее поэтическое изложение закона близости, лежащего в основе чувства любви. Тела, о которых идет речь, — это человеческие тела. Масса — это их способность к любви. У молодых потенциал любви намного выше, чем у стариков; если их свести вместе, они влюбятся друг в друга, но, если разлучить, чувство любви быстро проходит. Все очень просто. А ты пытался найти какой-то скрытый глубокий смысл там, где его нет.

Хью усмехнулся:

— Такая трактовка мне и в голову не приходила...

— Если тебе что-либо неясно, спрашивай.

— У меня много вопросов, так сразу я даже с ними и не соберусь. Но вот что я хотел бы знать, отец мой. Можно ли считать мьютов людьми?

— Так... Вижу, ты наслушался праздной болтовни... И да и нет. Верно то, что мьюты когда-то произошли от людей, но они ведь давно уже не относятся к Экипажу, ведь они согрешили и нарушили Закон Джордана. О, это очень сложный вопрос, — продолжал учитель, увлекшись. — Здесь можно спорить и спорить. Дискутируется даже этимология слова «мьют». Некоторые ученые считают, что было бы более правильным называть эти существа «мяты», поскольку — и это, безусловно, верно — начало их роду было положено избежавшими Конвертера мятежниками. Но верно также и то, что в их жилах течет кровь многочисленных мутантов, расплодившихся в Темные века. Отсюда и «мьют» — «мутант». В те давнишние времена, как ты сам понимаешь, не существовало еще нашего мудрого обычая — осматривать каждого новорожденного и отправлять в Конвертер тех, кто отмечен печатью греха, а значит, родился мутантом.

Хью обдумывал услышанное, потом спросил:

— А почему же среди нас, людей, все еще появляются мутанты?

— Это как раз легко понять. Семя греха все еще живет в нас и временами воплощается в людей. Уничтожая этих паршивых овец, мы оберегаем стадо и тем самым приближаемся к осуществлению великого Плана Джордана — завершению Полета в нашем доме небесном, Далеком Центавре.

Хойланд напряженно свел брови:

— Это мне тоже не совсем ясно. Многие из древних писаний говорят о Полете как о действительном процессе движения куда-то. Как если бы сам Корабль был бы какой-то тележкой, которая может двигаться из одной деревни в другую. Как это понять?

Нельсон хмыкнул:

— Как понять? Вот уж действительно вопрос. Как может двигаться то, внутри чего движется все остальное? Ответ ясен. Ты опять спутал древнюю аллегория с реальностью. Само собой разумеется, что Корабль неподвижен. Корабль — это Вселенная. Но, конечно, она движется в духовном смысле слова. С каждым нашим праведным поступком мы продвигаемся все ближе и ближе к божественному предначертанию Плана Джордана.

— Я, кажется, понимаю, — кивнул Хью.

— Видишь ли, Джордан мог создать Вселенную и не в виде Корабля. Он мог придать ей любую форму. На заре человечества, когда наши предки были более

поэтичными, чем мы, святые соперничали друг с другом, строя гипотезы о возможных мирах, которые мог бы создать Джордан, будь на то его воля. Существовала даже школа, разработавшая целую мифологию о перевороте вверх дном мира, состоящем из бесчисленного множества пустых пространств, в которых только кое-где мерцали огоньки и жили бестелые мифологические чудовища. Они называли этот вымышленный мир «небом», или «небесным миром», видимо, по контрасту с реальной действительностью Корабля. Я думаю, что все это делалось к вящей славы Джордана. И кому дано судить, по нраву Ему были эти мечты или нет? Но в наш просвещенный век на нас возложена более серьезная работа, чем на наших предков.

Астрономия Хью не интересовала. Даже его нетренированному уму было ясно, насколько она нереальна и не от мира сего. Он же был занят вопросами более практическими.

— Если мьюты — плод греха, то почему же мы не предпримем попыток уничтожить их? Разве такое деяние не ускорит выполнение Плана?

После короткой паузы ученый ответил:

— Ты задал прямой вопрос и заслуживаешь прямого ответа. Подумай сам: ведь в Корабле достаточно места только для определенного числа членов Экипажа. Если мы начнем размножаться безо всяких ограничений, то наступит время, когда доброй еды на всех не хватит. Так не будет ли лучше, если некоторые погибнут в стычках с мьютами, чем допустить ситуацию, при которой нас станет так много, что мы будем вынуждены убивать друг друга из-за еды? Видишь, в Плане Джордана даже мьютам отведено место.

Аргументация казалась убедительной, но все же не до конца. Во всяком случае для Хью.

Но когда его как младшего ученого допустили к практической деятельности по управлению жизнью Корабля, он обнаружил, что существуют и другие теории. Согласно установленному обычаю он некоторое время обслуживал Конвертер. Работа была неотъемлемая. В основном приходилось принимать отходы, доставляемые носильщиками из всех деревень, да вести учет поступлениям. Но, работая там, он познакомился с Биллом Эртцем, Заместителем Главного Инженера, который был совсем ненамного его старше,

Хью обсуждал с ним теории, усвоенные из бесед с Нельсоном, но реакция Эртца просто потрясла его.

— Заруби себе на носу, малыш, — сказал ему Эртц, — что наша работа — это практическое дело для

практически мыслящих людей. Забудь всю ту романтическую чепуховину. План Джордана, тоже мне! Все эти рассказы только и годятся для того, чтобы держать крестьян в повиновении, но ты-то на это не клей. Никакого Плана и в помине нет, кроме, конечно, наших собственных планов. Кораблю нужны свет, тепло и энергия, которыми ведаем мы, ученые. Экипажу без них не прожить, что касается этой мягкой терпимости по отношению к мьютам, то, помани мое слово, скоро кое-что изменится. Держи язык за зубами, а сам будь поближе к нам.

Из этого разговора Хью понял, что ему следует прикнудить к группировке молодых ученых. Молодые создали свою собственную крепко спаянную организацию, состоящую из практически мыслящих, работающих людей, которые были намерены улучшить условия жизни во всем Корабле. Они были крепко спаяны потому, что каждый молодой кандидат в ученые, не оказавшийся способным воспринимать их взгляды, либо вскоре оказывался снова среди крестьян, либо, что случилось еще чаще, был обвинен в серьезном служебном проступке и оказывался в Конвертере.

И Хойланд начал понимать, что молодые ученые были правы.

Они были реалисты. Корабль есть Корабль. Факт, не требующий толкования. А что касается Джордана, то кто Его видел? Кто с Ним хоть раз беседовал? И в чем это заключается Его малопонятный План? Смысл жизни в том, чтобы жить. Человек рождается, живет и уходит в Конвертер... Все очень просто, безо всяких мистерий, божественных Полетов и Центавров. Все эти мифы и сказки не что иное, как пережитки детства рода человеческого, тех времен, когда человек еще не умел разобраться в реальности бытия и не обладал достаточной смелостью, чтобы смотреть правде в глаза и объективно ее воспринимать.

Хью перестал забивать себе голову астрономией, мистической физикой и прочей мифологией, которую ранее привык почитать. Священные строки из Книги Начала и все эти старые сказки о Земле — это еще что за хаффовщина, «Земля» какая-то? — теперь только забавляли его. Он знал, что верить в них могут лишь дети да тупицы.

Да и работы у него теперь было по горло. Молодые вынашивали свои проекты, среди которых первое место занимало планомерное истребление мутантов. Они и сами толком не представляли себе, чем займутся после этого, но рассчитывали полностью использовать все ресурсы Корабля, включая и верхние ярусы. Молодежи удавалось проводить свои планы в

жизнь, не вступая в открытое противоборство со старшими, потому что старшее поколение ученых мало интересовалось вопросами повседневной жизни Корабля. Нынешний Капитан разжирел так, что редко покидал свою резиденцию, а всеми делами от имени Капитана вершил его Старпом, член группы молодых Главного Инженера Хью за все это время видел всего один раз, да и то на религиозной церемонии сдачи вахты у Конвертера.

Проект истребления мьотов требовал систематических рекогносцировок верхних ярусов. В одной из таких вылазок Хью и попал в засаду.

Этот мьот стрелял из пращи лучше, чем первый. Спутники Хойланда сочли его мертвым и оставили на поле боя, отступив под давлением превосходящих сил противника.

Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Раньше он играл сам с собой в карты, но Джо — правая голова — заподозрил, что Джим — левая голова — передергивает. Они поссорились, но потом помирились, поскольку давно уже поняли, что двум головам на одной паре плеч просто необходимо уметь находить компромиссы.

Шашки были куда как лучше. Обе головы видели доску, и почвы для конфликта не возникало.

Игру прервал громкий стук в дверь. Джо-Джим обнажил метательный нож и согнул руку для броска.

— Входи! — рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший вошел спиной — все знали, что к Джо-Джиму входить можно было только так, чтобы сразу не угостили ножом.

Вошедший был приземист — не выше четырех футов — и коренаст. В нем чувствовалась гигантская физическая сила. На широких его плечах лежало обмякшее человеческое тело.

Джо-Джим убрал нож.

— Положи его на пол, Бобо, — приказал Джим.

— И закрой за собой дверь, — добавил Джо.

— Съедем, а? — На полуоткрытых губах Бобо выступила слюна.

— Может быть, и съедем, — неуверенно ответил Джим. — Это ты его подбил?

Бобо кивнул маленькой головой.

— Хорошо, Бобо, — одобрительно сказал Джо. — Куда попал?

— Бобо попал ему сюда, — карлик ткнул толстым пальцем чуть ниже грудной клетки пленника.

— Метко, — одобрил Джим. — Мы, пожалуй, и ножом бы лучше не попали.

— Бобо меткий,— охотно согласился карлик.— Показать? — И он достал пращу.

— Уймись,— беззлобно сказал Джо.— Нам показывать не надо. А вот его хорошо бы заставить говорить.

— Бобо сделает,— согласился коротышка и по простоте душевной попытался ткнуть лежащего без сознания человека ножом под ребра.

Джо-Джим отогнал его пинком и сам занялся телом, применяя методы хотя и болезненные, но значительно менее радикальные, чем методы Бобо. Юноша открыл глаза.

— Съедем, а? — стоял на своем Бобо.

— Нет,— ответил Джо.

— Ты когда ел в последний раз? — осведомился Джим.

Бобо потерял живот и печально затряс головой, всем своим видом показывая, что это было, увы, давно. Джо-Джим открыл шкаф и вынул оттуда кусок мяса. Джим понюхал его, Джо брезгливо отвернулся. Джо-Джим бросил кусок Бобо, который, радостно подпрыгнув, поймал его на лету.

— А теперь убирайся,— приказал Джим.

Бобо засеменил к выходу и закрыл за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленнику и пнул его ногой.

— Говори,— сказал Джим,— кто ты, Хафф тебя дери?

Юноша вздрогнул, медленно провел рукой по голове, потом, увидев вдруг Джо-Джима, попытался рывком вскочить, но непривычно малая сила тяжести нарушала координацию движений. Поднявшись, однако, на ноги, он потянулся к ножам. Ножа на поясе не было. Зато Джо-Джим обнажил свой.

— Веди себя хорошо, и тебя не обидят. Твое имя? — спросил Джо.

Юноша облизал запекшиеся губы и обвел глазами комнату.

— А что с ним возиться? — сказал Джим.— На мясо только и годится. Давай лучше позовем Бобо.

— С этим всегда успеется,— ответил Джо.— Я хочу с ним потолковать. Как тебя зовут?

Пленник снова посмотрел на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ничего не говорит,— заметил Джим,— Чем ты занимаешься? Из какой ты деревни? И что делал в стране мяутов?

На эти вопросы Хойланд не отвечал, даже когда его кольнули ножом под ребро.

— Хафф с ним,— буркнул Джо.— Он, видно, всего лишь глупый крестьянин. Плюнь на него.

— Так что, прикончим?

— Не сейчас. Пока просто запрем.

Джо-Джим открыл дверь маленькой каморки, впихнул в нее Хью и, заперев, вернулся к игре.

Хью растянулся на полу и погрузился в невеселые и бесплодные раздумья, благо времени у него оказалось более чем достаточно. Сколько он пробыл взаперти, Хью уже не мог понять. Он много раз засыпал и просыпался, терзаемый голодом и жаждой.

Когда Джо-Джим снова почувствовал интерес к пленнику и открыл дверь, Хью валялся в углу в полуобмороке. Джо-Джим выволок его наружу.

Встряска немного оживила Хью. Он сел и огляделся по сторонам.

— Будешь говорить? — поинтересовался Джим.

Хойланд открыл рот, но не мог вымолвить ни звука.

— Он так обезвожен, что у него язык к гортани прилип, — сказал Джо своему близнецу. Потом он повернулся к Хью: — Если мы тебе дадим воды, будешь говорить?

Хойланд обалдело посмотрел на него и изо всех оставшихся сил закивал головой.

Джо-Джим протянул ему кружку с водой. Хью жадно припал к ней.

— Хватит с тебя, — вырвал наконец кружку из его рук Джо-Джим. — Говори!

Хью начал и выложил все до мельчайших подробностей.

Он ожидал, что его образование и ранг ученого произведут впечатление на Джо-Джима. Но ожидания эти не оправдались. Близнецы были прирожденными скептиками и спорщиками. Особенно Джим. Они быстро выкачали из Хью все, что могли, и махнули на него рукой. Хойланд чувствовал себя уязвленным. Разве он не ученый, в конце концов? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись, ты! — сказал ему Джим. — Чтение — дело плевое. Я умел читать, когда твой отец еще не родился. Думаешь, ты у нас первый ученый пленник? Вот еще невидаль — ученые! Шайка невежд!

Пытаясь завоевать уважение к своему интеллектуальному «эго», Хью начал излагать теории молодых ученых, отмечающие все религиозные интерпретации и воспринимающие Корабль как он есть. Он ожидал, что Джо-Джиму такой подход будет по душе, но близнецы лишь еще больше стали издеваться над ним.

— Вот уж действительно, — фыркнул Джим, закашлявшись от смеха, — вы, молодые идиоты, еще хуже старых.

— Но ты же сам говорил,— обиженно ответил Хью,— что все наши религиозные догмы просто чепуха. Мои друзья именно из этого и исходят. Они хотят положить конец всей этой устаревшей ерунде.

Джо начал было отвечать, но Джим перебил его:

— Что ты с ним возишься, Джо? Он же безнадёжен.

— Нет, он вовсе не безнадёжен. Мне нравится с ним спорить. Впервые нам попался человек хоть с какими-то проблесками ума. Просто интересно посмотреть, голова у него на плечах или держалка для ушей.

— Ладно, спорь с ним,— согласился Джим.— Может, он и поймет, что к чему. Но только, пожалуйста, потише. Я пока сплыву.

Левая голова закрыла глаза и захрапела. Джо и Хью продолжали вполголоса беседовать.

— Все вы дурни, и старые и молодые,— говорил Джо,— но каждый на свой лад. То, что молодые не могут понять, они просто отрицают. Не существует, мол, этого, и все дела. А старцы — те наоборот. Они не отрицают непонятное, они просто подгоняют его под свои догмы, а потом уверяют и себя и вас, что все правильно поняли и что именно так дела и обстоят. Но никто из вас никогда и не пытался просто поверить прочитанному и воспринять все как есть в действительности. Как же, вы ведь слишком умны, чтобы упрощать! Если вы чего не поняли, значит, следует искать совсем противоположный смысл!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хью подозрительно.

— Что я имею в виду? Возьми хотя бы этот пресловутый Полет. Как ты его себе представляешь?

— Никак. Полет, по-моему, вообще ничего не означает. Так, басня для крестьян.

— Хорошо, пусть будет басня. Но в чем она заключается?

— Полет — это место, куда человек попадает, когда умрет, или даже то, что он делает после смерти. Человек умирает и отправляется в Полет на Центавр.

— А что такое Центавр?

— Центавр — это... Но учти, что я тебе просто излагаю ортодоксальные доктрины. Сам-то я в них давно не верю. Так, значит, Центавр — это то место, куда человек попадает в конце Полета после смерти, место, где все всегда счастливы и где много доброй еды.

Джо фыркнул. Джим перестал храпеть, открыл один глаз, потом закрыл его и опять заснул.

— Именно это я и имел в виду,— продолжал шепотом Джо.— Не хочешь ты шевелить мозгами. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что

Полет и есть именно полет, а не что-либо другое? И что старые книги следует понимать буквально: как в них и написано. Корабль вместе со своим Экипажем просто летит куда-то, передвигается в пространстве.

Хойланд обдумал слова Джо.

— Ты просто смеешься надо мной. То, что ты говоришь, никак невозможно физически. Как же Корабль может передвигаться в пространстве, когда он сам и есть пространство? Мы можем передвигаться внутри Корабля, но, говоря о Полете, мы, конечно же, вкладываем в это слово чисто духовное содержание.

Джо призвал на помощь имя Джордана.

— Послушай,— сказал он,— вбей, наконец, в свою тупую башку такую мысль. Представь себе пространство, намного большее, чем наш Корабль. И что Корабль движется в нем.

Хью честно попытался вообразить себе такую картину. Потом покачал головой.

— Бессмыслица,— сказал он.— Как же может существовать нечто большее Корабля? Корабль — это и есть Вселенная.

— Хафф тебя поberi! Вне Корабля, поймешь ты наконец или нет? Вообрази себе пространство вне Корабля. Иди мысленно вниз до самого последнего яруса, а потом представь, что ты прошел сквозь него.

— Но ведь дальше нижнего яруса некуда идти. Поэтому он и есть нижний.

— Представь себе, что ты взял нож и начал сверлить дыру в полу нижнего яруса. Что получится?

— Что? Сломаю нож, вот и все. Пол же очень твердый.

— Вообрази, что пол мягкий. Вообрази, что ты проковырял дыру. Что ты обнаружишь? Подумай!

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он сверлит дыру в полу нижнего яруса. Смутно, очень смутно в сознании его забрезжила картина, переворачивающая всю душу, все привычные представления. Он вышел в сделанную им дыру и падает, падает, падает в нее, в бесконечную пустоту.

— Нет, нет, я не верю,— выдохнул он.— Это ужасно!

Джо-Джим встал.

— Я тебя заставляю поверить,— хмуро сказал он.— Заставлю, если даже придется свернуть тебе для этого шею.— Он подошел к двери и крикнул: — Бобо, эй, Бобо!

Джим дернулся и открыл глаза.

— Что происходит? Что случилось?

— Мы сейчас отведем Хью в невесомость.

— Это еще зачем?
— Вбить в его глупую голову немного ума.
— В следующий раз.
— Нет, сейчас.
— Хафф с тобой, ладно. Да не трясись ты, я уже все равно проснулся.

Умственные способности Джо-Джима Грегори были так же уникальны, как и его физический облик. Он был бы выдающейся личностью при других обстоятельствах, и неудивительно, что держал себя хозяином и заставлял мутантов служить себе. Испытывая он жажду власти, ему ничего не стоило бы сплотить мутантов и покорить Экипаж Корабля. Но властолюбием Джо-Джим не страдал. Он был прирожденным интеллектуалом, наблюдателем, стоящим в стороне. Его стремление к действию ограничивалось созданием уютной и удобной обстановки, способствующей размышлениям.

Родись он двумя обычными близнецами среди Экипажа, их наверняка ожидал бы сан ученых. Сейчас же Джо-Джим мучился отсутствием достойного партнера для интеллектуальных упражнений и утешался, как мог, чтением книг, наворованных его служками, три поколения которых он уже пережил.

Прочитанное всегда живо обсуждалось обеими половинами его двойной личности. В итоге Джо и Джим выработали весьма разумную и связную концепцию физической природы мира и его исторического развития. Понятие художественной литературы было, пожалуй, единственным, чего они не смогли усвоить, романы, которыми когда-то была снабжена библиотека Фонда Джордана, они воспринимали за такую же достоверную информацию, как справочник и научную литературу. На этой почве они серьезно расходились во взглядах. Джим считал величайшим в истории человеком Алана Квотермейна. Джо придерживался того же мнения о Джоне Генри.

Оба страстно любили поэзию, Киплинга они читали на память целыми страницами. Почти наравне с Киплингом оба чтили Райлинга, «слепого певца космических дорог».

Вошел Бобо. Джо-Джим показал на Хью.

— Он сейчас выйдет отсюда, — сказал Джо.

Бобо радостно захлопал себя по животу.

— Вот ведь обжора, — Джо двинул его кулаком в бок. — Нет, ты его не трогай. Ты и он — кровные братья. Понял?

— Нельзя есть?

— Нельзя. Ты будешь драться за него, он за тебя.

— Хорошо.— Карлик пожал плечами, покоряясь неизбежному.— Кровные братья. Бобо знает.

— Тогда пошли. Туда, где все летает. Ты иди вперед.

Они лезли вверх гуськом, один за другим. Карлик шел первым и внимательно осматривал дорогу. За ним следовал Хойланд. Джо-Джим замыкал шествие. Джо смотрел вперед, Джим через плечо назад.

С каждой пройденной палубой вес все уменьшался. И вот они достигли яруса, выше которого дороги не было — потолок был глухой, без люка. Силы тяжести здесь почти не чувствовалось. Хью особой радости от экспедиции не испытывал — с непривычки его начало мутить. Зато Бобо заметно наслаждался парением в невесомости. Он передвигался в воздухе подобно большой неуклюжей рыбе, хватаясь за вделанные в стены поручни.

Так же хватаясь за поручни, расположенные в определенном порядке, Джо-Джим продвигался вперед, как паук по паутине. Хью пытался подражать им. Постепенно он приноровился отталкиваться, пролетать значительное расстояние, отталкиваться снова. Остановились они, когда путь им преградила стена. Джо-Джим двинулся по стене направо, ощупывая ее рукой. Наконец он нашел то, что искал, — дверь высотой в человеческий рост, запертую так плотно, что и обнаружить ее можно было только по сложному геометрическому узору на поверхности. Джо-Джим посмотрел на дверь и почесал свою правую голову. Потом правая и левая головы тихонько о чем-то шептались. Джо-Джим нерешительно поднял руку.

— Нет, нет,— сказал Джим.

Джо-Джим снова посмотрел на дверь.

— Как так? — спросил Джо.

Они снова начали шептаться.

Наконец Джо кивнул, и Джо-Джим опять поднял руку. Он обводил пальцами контуры рисунка на двери, не прикасаясь, однако, к нему. Потом уперся ладонью в стену, оттолкнулся от двери и замер в ожидании. Через секунду раздался еле слышный свист проходящего через щель воздуха. Дверь вздрогнула, приоткрылась дюймов на шесть и остановилась. Джо-Джим был заметно обескуражен. Он осторожно всунул пальцы в образовавшуюся щель и потянул дверь за край. Дверь не двигалась с места.

— Бобо, открой ее! — крикнул Джо.

Сморщив лоб, Бобо оглядел щель. Потом уперся ногами в стену, вцепился в дверь руками, поднатужился и потянул. По лицу его катился пот, спина напруглась, на шее выступили жилы. Хью услышал,

как у карлика затрещали суставы. Было похоже, что он сейчас лопнет от натуги, потому что отказаться от этой невозможной затеи у него не хватит ума.

Но дверь неожиданно скрипнула и подалась, вырвавшись из крепко сжатых пальцев Бобо. Ноги карлика, упертые в стену, пружиной швырнули его в сторону, и он растопырил руки, пытаясь схватиться за поручень в полете. Через секунду Бобо вернулся обратно, потирая сведенную от напряжения икру.

Джо-Джим первым вошел в проход. Хью за ним.

— Где мы находимся? — потребовал объяснений Хью, любопытство которого разгорелось настолько, что даже заставило забыть о подобающих случаю манерах.

— В Главной рубке, — ответил Джо.

Главная рубка! Священнейшее и запретнейшее помещение Корабля, само расположение которого забылось и стало тайной! Для старых Ученых она была либо слепым догматом веры, либо предметом мистических толкований, а молодые Ученые вообще перестали верить в ее существование.

Хотя Хью и считал себя человеком просвещенным, одни эти слова привели его в благоговейный трепет. Главная рубка! Да ведь здесь же, говорят, обитает дух самого Джордана!

— Что стоишь столбом? Пошли! — оглянулась голова Джо.

— Но ведь дух Джордана...

— Вот те на! — воскликнул Джо раздраженно. — Ты же говорил, что вы, молодые, в Джордана больше не верите.

— Конечно, но ведь...

— Прекрати. Иди вперед, а не то прикажу Бобо тащить тебя.

Хью неохотно последовал за Джо-Джимом.

Они прошли коридор, достаточно широкий, чтобы в нем могли разминуться два человека, и очутились в арке, ведущей непосредственно в Главную рубку. Любопытство перебороло страх, и Хью выглянул из-за плеч Джо-Джима. Глазам его открылось просторное, футов двести длиной, хорошо освещенное помещение сферической формы — внутреннее пространство огромного шара. Поверхность этого шара светилась тусклым матовым серебром. В геометрическом центре сферы Хью обнаружил скопление приборов футов пятнадцати в поперечнике. Увиденное ничего не говорило его неопытному глазу, он бы и описать его не смог. Просто приборы висели неподвижно без какой бы то ни было опоры.

От арки, в которой они стояли, шел только один путь — тоннель из металлической решетки.

Джо-Джим приказал Бобо оставаться на месте, а сам полез в тоннель. Он лез по решеткам, как по лестнице. Хью последовал за ним внутрь непонятного сооружения. Постепенно из общей массы оборудования пульта управления стали видны отдельные детали, но Хью они все равно ничего не говорили. Он отвернулся и принялся рассматривать поверхность шара, окружавшего их.

Это было ошибкой. Белая матовая поверхность не давала чувства перспективы. Может быть, она отстояла от него всего на сотню футов, а может быть, на всю сотню миль. Хью никогда не видел ни высоты, большей чем расстояние между двумя палубами, ни открытого пространства, большего, чем общинная его деревни. Его охватил ужас, усугублявший тем, что причин этого чувства он не мог понять. Дух давно забытых лесных предков пробудился в нем, и первобытный страх свел судорогой живот. Хью вцепился в Джо-Джима.

Джо-Джим резко ударил его по лицу.

— Ты что это?! — рявкнул Джим.

— Я не знаю, что со мной, — выдавил наконец Хью. — Не знаю, но мне здесь не по себе. Давайте уйдем отсюда.

Джим посмотрел на Джо и сказал безглаголиво:

— Можем и уйти. Попусту только время тратим на эту мокрицу, все равно он ничего не поймет.

— Прекрасно поймет, — ответил Джо. — Лезь в кресло, Хью, вот сюда.

Пока братья спорили, Хью внимательно осмотрел тоннель, которым они достигли пульта управления, проследив взглядом весь путь, проделанный ими от арки. Сфера неожиданно сфокусировалась в его глазах, и страх исчез. Все еще дрожа, он повиновался приказу Джо.

Кресла пульта были установлены так, чтобы все приборы и панели находились в пределах досягаемости космонавтов, но Хью, разумеется, не имел об этом ни малейшего представления. Он откинулся в кресле, радуясь, что устроился наконец прочно и надежно.

На панели перед креслом Джо-Джима происходило что-то таинственное. Внезапно зажглись красные буквы: «Второй навигатор пост принял».

Что такое «второй навигатор»?

Вдруг Хью увидел на панели перед его креслом те же слова и понял, что это человек, который должен сидеть здесь. Но что же означает «второй навигатор»?

Буквы на приборной доске перед Джо-Джимом

погасли. В левом углу светилась лишь большая красная точка.

— Приготовься,— сказал Джо.— Сейчас погаснет свет.

— Нет, не надо, не выключай,— запротестовал Хью.

— А я и не собираюсь. Ты сам выключишь. Посмотри слева от себя. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью повернулся и увидел на левом подлокотнике восемь маленьких огоньков, расположенных двумя группами по четыре одна над другой.

— Каждый контролирует освещение одного квадранта,— объяснил Джо.— Прикрой их рукой, и свет погаснет.

Неохотно, но, уже не в силах подавить растущее любопытство, Хью повиновался. Матовые стены потемнели, а потом их свечение угасло совсем. В крошечной тьме мерцали лишь огоньки приборной доски.

Хью была нервная дрожь. Он убрал руку, восемь маленьких огоньков горели теперь голубым светом.

— Сейчас я покажу тебе звезды,— сказал Джо.

В темноте рука Джо-Джима легла на другой узор из восьми огоньков.

Мироздание.

Со стен стеллариума на Хью смотрели отражения звезд, со скрупулезной достоверностью воспроизведенные зеркалами телескопов; звезд, испускающих ровный безмятежный свет. Бриллианты, с небрежной щедростью рассыпанные по искусственному небу,— бесчисленные светила лежали перед ним, над ним, окружали его со всех сторон. Один посреди звездной вселенной!

— О-о-о! — невольно выдохнул Хью и вцепился в ручку кресла, чуть не обломав ногти, но даже не заметил боли. Страха больше не испытывал. Только одно чувство владело им. Грубые будни Корабля не убили в нем стремления к прекрасному, и сейчас он впервые в жизни переживал невыносимо сладостную муку встречи с ним. Прекрасное ошеломило его и вызвало боль.

Только окончательно придя в себя, Хью заметил сардоническую усмешку и услышал едкое покашливание Джо.

— Хватит или еще? — осведомился Джо. Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил освещение дублирующим устройством, расположенным в левом подлокотнике его кресла.

Хью вздохнул. У него болела грудь и бешено билось сердце. Он вдруг понял, что за все это время он не перевел дыхания.

— Ну, умник,— сказал Джим,— убедился?

Хью снова вздохнул, сам не зная почему. Когда зажегся свет, ему опять стало хорошо и уютно, но он никак не мог избавиться от ощущения невосполнимой потери. Сердцем он чувствовал, увидев однажды звезды, он никогда уже не будет счастлив, как прежде. Тупая боль в груди, смутная, неосознанная тоска по утраченному никогда уже не оставят его, хотя в невежестве своем Хью еще не мог осознать этого.

— Что это было? — тихо спросил он.

— Оно самое,— ответил Джо.— Мир, Вселенная. Именно то, о чем я тебе говорил.

Хью отчаянно пытался понять, что имел в виду Джо.

— Это и есть мир вне Корабля — красивые маленькие огоньки?

— Совершенно верно, только они не маленькие. Они просто очень далеко от нас, за десятки тысяч миль, а может быть, и больше.

— Что?!

— То, что ты слышал,— усмехнулся Джо.— Космос огромен. А некоторые из этих звезд размером с Корабль, если не больше.

— Больше Корабля? — выдохнул Хью.

— Без толку все это,— нетерпеливо сказал Джим.— Только время зря на него, остолопа, теряем.

— Полегче, братец, полегче,— возразил Джо.— Не надо заставлять малыша бегать, прежде чем он научится ползать. Мы ведь тоже не сразу все поняли. Насколько я помню, ты долго не хотел верить своим глазам.

— Ложь,— сердито буркнул Джим.— Это тебя пришлось долго убеждать.

— Ну ладно, дело прошлое,— согласился Джо.— Все же нам с тобой тоже понадобилось время разобраться, что к чему.

Хойланд слушал близнецов краем уха. Их споры были делом обычным. Хью же сейчас думал только о том, что произошло с ним.

— Джо,— спросил он,— что случилось с Кораблем, когда мы увидели звезды? Он стал прозрачным?

— Не совсем так,— ответил Джо.— Ты видел не сами звезды, а их изображение. Есть такие устройства с зеркалами. Я тебе дам потом прочесть книгу о них.

— Но можно посмотреть и на настоящие звезды,— вклинился в разговор Джим, уже остывший от минутной размолвки.— Здесь есть одно место...

— Точно,— подтвердил Джо.— Я совсем забыл о Капитанской рубке. Она сделана из стекла, и оттуда все хорошо видно.

— Капитанской?

— Разумеется, не нынешнего Капитана. Этот сюда ногой не ступал. Просто там на двери написано: «Капитанская рубка».

— Мы пойдем туда?

Джо было согласился, но Джим запротестовал:

— В следующий раз. Сейчас пора возвращаться. Я есть хочу.

Они спустились по тоннелю в арку, разбудили Бобо и отправились в долгий путь вниз.

Не скоро удалось Хью уговорить Джо-Джима на новую экспедицию, но он не расстраивался — время не пропало даром. Джо-Джим пустил его в свою библиотеку. Такого количества книг Хью за всю свою жизнь не видел. А немногие из них, которые он читал раньше, теперь наполнились живым смыслом и воспринимались совсем по-другому.

Хью не мог оторваться от библиотеки, он жадно впитывал новые мысли, переваривал их, пытался усвоить. Хью забывал про еду, от него бежал сон, и только раскалывающаяся от боли голова и резь в пустом желудке напоминали ему, что надо заботиться и о теле. Утолив голод, он снова брался за книги и читал, пока буквы не начинали расплываться перед глазами.

Служить Джо-Джиму было не так тяжело. Хотя Хью и полагалось находиться при хозяине все время, тот позволял ему читать сколько угодно, лишь бы пленник оказывался всегда под рукой. Хью вменялось в основную обязанность играть в шашки с одной из голов, когда другой голове игра надоедала. Но и это время никак нельзя было считать всецело потерянным, потому что, играя, Хью почти неизменно переводил разговор на обсуждение истории Корабля, его устройства и оборудования.

Беседовали они и о людях, построивших его и отправившихся на нем в путь, об их прошлом, о Земле — этом странном и непонятном для них мире, где жили снаружи, а не внутри.

Хью пытался понять, как люди удерживались на Земле. Он спросил об этом Джо и наконец получил представление о гравитации.

Душой он в нее так и не поверил — слишком уж она казалась невероятной, но впоследствии, когда перед ним забрезжили первые смутные проблески искусства космической навигации и управления Кораблем, принял ее рассудком.

Наконец он уговорил Джо-Джима сводить его еще раз в Главную рубку. Джо рассказал Хью то немногое, что знал сам, о приборах управления.

Давно забытым инженерам-проектировщикам Фонда Джордана было дано задание построить корабль, который будет функционировать, даже если полет затянется на срок больший, чем предполагаемые шестьдесят лет. Ученые с блеском выполнили эту задачу. При создании главного двигателя, систем управления и механизмов, предназначенных для обеспечения нормальных жизненных условий, был разработан принцип, в корне отличающийся от всех, существовавших когда-либо. Корабль — это творение человеческого гения — был построен навечно. Даже если бы погиб весь экипаж, он продолжал бы полет, по-прежнему освещенный, по-прежнему со свежим, хорошо очищенным воздухом, с двигателями, готовыми к пуску. И теперь, когда лифты, конвейеры и другие вспомогательные устройства были давно забыты и заброшены, вся основная оснастка Корабля обслуживала свой невежественный человеческий груз и ждала пробуждения ума достаточно острого, чтобы найти к ней ключ.

Вот почему, когда неопытная, но ищущая рука Хью легла на квадратик огоньков под подписью «Ускорение», ответ пришел немедленно. Вспыхнул красный свет над креслом Главного пилота, и на табло зажглась надпись: «Главный двигатель — вахта не на посту».

— Что это значит? — спросил Хью.

— Трудно сказать, — ответил Джо, — Мы однажды проделали то же самое в двигательном отсеке, и там зажглась надпись: «Главная рубка — вахта не на посту».

Хью задумался, потом спросил:

— Интересно, а что получится, если ты пойдешь в двигательный отсек, а я в это время буду в Главной рубке?

— Трудно сказать, — повторил Джо.

Хойланд молчал. В его мозгу зрело решение. Он тщательно обдумывал его.

Хью долго ждал подходящего момента — надо было застать близнецов в благодушном настроении. Однажды, когда они сидели в Капитанской рубке, он решил наконец рискнуть. Джо-Джим только что хорошо поел, удобно развалился в кресле и рассматривал в иллюминатор безмятежные звезды. Хью парил рядом.

— Послушай, Джо-Джим, — начал Хью.

— Что тебе, юнец? — ответил Джо.

— Красиво, правда?

— Что красиво?

— Звезды... — Хью махнул рукой в сторону иллюминатора и тут же схватился за спинку кресла, чтобы не отлететь в сторону.

— Конечно, красиво. На душе от них хорошо становится.

Как ни странно, это сказал Джим. Хью понял, что момент, которого он ждал, наступил. Собравшись с духом, он выпалил:

— Почему бы нам не довести дело до конца?

— Какое дело? — спросил Джо.

— Полет. Почему бы нам не запустить Главный двигатель и не взять на себя управление? Ведь где-то там, — Хью говорил быстро, чтобы его не успели перебить, — где-то там есть похожие на Землю планеты, во всяком случае, так считали наши предки. Мы должны найти их.

Джим расхохотался, Джо затряс головой.

— Мальчик, — сказал он, — ты в своем уме? Такого даже от Бобо не услышишь. Забудь об этом и думать.

— Но почему?

— Потому что нам это не по плечу. Для такого дела необходим грамотный экипаж, обученный управлению Кораблем.

— А много ли нам нужно людей? На Корабле ведь не больше десяти постов управления. Я думаю, что десять-двенадцать человек вполне могут управлять им. Если, конечно, они будут такими же знающими, как вы оба, — добавил он лукаво.

— Что, Джо, поймал он тебя? А ведь парень прав, — усмехнулся Джим.

Джо пропустил шпильку мимо ушей.

— Ты переоцениваешь наши знания и возможности, Хью, — сказал он. — Я допускаю, что можно научиться управлять Кораблем, но что потом? Нам неизвестно даже, где мы находимся. Корабль дрейфовал один Джордан знает сколько веков. Мы не имеем ни малейшего представления о его курсе и скорости.

— Но ты сам показывал мне навигационные приборы, — стоял на своем Хью. — Я уверен, что вам обоим ничего не стоило бы в них разобраться, Джо, если бы вы только захотели.

— Это уж точно, — согласился Джим.

— Не хвастай, братец, — одернул его Джо.

— А я и не хвастаюсь, — отрубил Джим. — Я в любом приборе разберусь, если он действует.

Джо только хмыкнул.

Первая маленькая победа. Они уже спорят друг с другом, а Хью только этого и надо. И хорошо, что наименее сговорчивый из них уже на его стороне. Теперь следует закрепить успех...

— Я знаю, где взять людей, если вы согласитесь их обучить.

— Где же? — недоверчиво спросил Джим.

— Помните, я рассказывал вам о молодых Ученых?

— А, эти кретины...

— Но они же не знают того, что знаете вы. И по своему они люди здравомыслящие. Если бы я мог вернуться к ним и рассказать, о чем узнал, то я набрал бы вполне подходящую команду для обучения.

— Посмотри-ка на нас внимательней, Хью,— перебил его Джо.— И скажи, кого ты перед собой видишь?

— Джо-Джима, кого же еще?

— Ты видишь мутанта,— поправил его Джо голосом, полным сарказма.— Ты видишь мьюта, ясно тебе? Ученые не станут с нами сотрудничать.

— Неправда,— запротестовал Хью.— Я же не предлагаю обращаться к крестьянам. Они, конечно, ничего не поймут, но ученые, о которых я говорю,— наиболее разумные из всех там, внизу. Они поймут. От вас всего лишь потребуется обеспечить безопасный проход через страну мьютов. Ведь для вас это совсем не проблема,— добавил он, инстинктивно перенося суть спора на более твердую почву.

— Это для нас раз плюнуть,— согласился Джим.

— Прекрати,— сказал Джо.

— Конечно, конечно,— заспешил Хью, почувствовав, что его настойчивость всерьез рассердила Джо.— Но вообще было бы интересно попробовать...

С этими словами он отодвинулся подальше от братьев. Ему было слышно, как они оживленно шепчутся, но он сделал вид, что их разговор его не интересует. Двойственность всегда была главной проблемой Джо-Джима. Будучи скорее группой, чем индивидуумом, он с трудом переходил от слов к делу, так как каждый его поступок требовал принятия совместного решения.

Немного погодя Хью услышал, как Джо повысил голос:

— Ладно, пусть будет по-твоему! Хью, плыви-ка сюда!

Хью оттолкнулся от стены и одним прыжком очутился близ Джо-Джима, вцепившись обеими руками в спинку капитанского кресла, чтобы затормозить.

— Мы решили отпустить тебя вниз и дать тебе шанс попробовать,— сказал Джо.— Но все равно ты идиот,— добавил он хмуро.

Бобо проводил Хью через опасные ярусы страны мьютов и оставил его в необитаемой пограничной зоне.

— Спасибо, Бобо,— сказал ему Хью на прощанье.— Доброй тебе еды.

Карлик усмехнулся, кивнул и устремился вверх

по лестнице, по которой они только что спустились. Хью рассчитывал найти Билла Эртца, Заместителя Главного инженера, вождя группы молодых Ученых. До беседы с ним Хью хотел по возможности избежать каких бы то ни было объяснений с другими.

Скоро Хойланд оказался в знакомом коридоре. Поворот налево, еще ярдов сто, и он очутился у двери, охраняемой часовым. Хью рванулся было вперед, но часовой преградил ему дорогу.

— Стой, ты куда?

— Мне нужен Билл Эртц.

— Главный инженер? Нет его здесь.

— Билл Эртц — Главный инженер? А что случилось с прежним? — Хью сразу смекнул, что выдал себя, но часовой был глуп и ленив.

— С прежним? Да он давно ушел в Полет, — зевнул страж. — А Главный инженер Эртц у себя в резиденции.

— Спасибо. Доброй еды.

— Доброй еды.

Хью пришлось подождать в приемной, прежде чем его впустили к Главному инженеру. Увидев Хью, Эртц привстал из-за стола.

— Вернулся, значит, — сказал он. — Вот так сюрприз. А мы-то думали, ты давно мертв, и списали как ушедшего в Полет.

— Это естественно.

— Садись, рассказывай. У меня сейчас есть немного времени. Здорово ты изменился, я бы тебя не узнал. Совсем седой стал. Видно, нелегко пришлось?

Седой? Хью и не подозревал этого. Но ведь и Эртц сильно изменился. Морщины, брюшко. Джордан, сколько же он был в плену?

Эртц побарабанил пальцами по столу, скорчив гримасу.

— Возникает проблема, — сказал он. — Боюсь, что на старый пост я назначить тебя не могу, его занимает Морт Тайлер. Но мы подыщем тебе место, подходящее твоему рангу.

У Хью не сохранилось никаких приятных воспоминаний о Мorte Тайлере. Лицемер. Только и заботится о том, чтобы соблюсти все приличия и угодить начальству. Так-так, значит, Тайлер выбился все-таки в Ученые и занял прежнюю должность Хью. Но сейчас это не имеет значения.

— Послушай, Билл, — начал он. — Я хотел бы с тобой переговорить о...

— Конечно, возникает и проблема старшинства, — продолжал свое Главный инженер. — Пожалуй, следует передать дело на рассмотрение Совета как вопрос, не имею-

щий прецедента. Мьюты и раньше, случалось, захватывали наших Ученых, но, насколько мне известно, ты первый, кому удалось вернуться от них живым.

— Есть более важная тема для разговора, — опять перебил его Хью. — Я увидел много удивительного, Билл. Удивительного и жизненно важного. Ты обязательно должен все это знать. Поэтому я прямо к тебе и пришел. Слушай, мне...

Эртц внезапно стал сосредоточенным:

— Конечно же! И как я сразу не сообразил? У тебя ведь была небывалая возможность досконально изучить страну мьютов. Выкладывай все, что знаешь!

— Я совсем не о том, — ответил Хью. — Все гораздо сложнее, чем просто информация о мьютах, хотя дело касается и их тоже. Я думаю, нам придется изменить теперь всю политику по отношению к ним.

— Говори, говори, я слушаю.

Хью начал рассказывать о великом открытии, об истинной природе Корабля, выбирая слова как можно тщательнее и стараясь говорить убедительно. Он лишь мельком коснулся трудностей, связанных с реорганизацией жизни Корабля, но зато не жалел красок, расписывая почет и уважение, которые достанутся тому, кто этот процесс возглавит.

Говоря, Хью наблюдал за лицом Эртца. Когда он выложил главное — что Корабль всего лишь движущееся тело в безбрежном пространстве, — лицо Эртца выразило крайнюю растерянность. Однако потом на нем застыла маска бесстрастного спокойствия, по которой ничего нельзя было понять. Только в глазах вспыхивали искорки, когда Хью говорил, что Эртц как раз и есть тот человек, который мог бы возглавить новое движение, опираясь на свой авторитет заслуженного руководителя и признанного вождя прогрессивно мыслящих Ученых.

Кончив говорить, Хью напряженно ждал ответа. Эртц молчал, продолжая барабанить пальцами по крышке стола. Наконец, сказал:

— Это очень важные вопросы, чтобы судить о них второпях, Хойланд. Мне необходимо тщательно обдумать услышанное.

— Разумеется, — согласился Хью. — Только я хочу добавить, что о безопасном проходе наверх уже есть договоренность. Я могу отвести тебя туда, чтобы ты все увидел собственными глазами.

— Да, это было бы лучше всего, — ответил Эртц. — Ты голоден?

— Нет.

— Тогда нам обоим нужно отдохнуть. Давай поспим немного, а потом будем думать на свежую голо-

ву. Можешь расположиться здесь, в комнате за моим кабинетом. Но говорить ты ни с кем не должен, пока я не обдумаю все сам. Если твои новости разгласить без должной подготовки, может начаться смута.

— Ты прав,— снова согласился Хью.

Эртц провел Хью в комнату за своим рабочим кабинетом, в которой, по всей видимости, отдыхал иногда, и сказал:

— Выспись, а там поговорим.

— Спасибо,— ответил Хью.— Доброй еды.

— Доброй еды.

Только оставшись один, Хью почувствовал, как он устал. Нервное возбуждение в беседе с Эртцем сменилось депрессией. Он растянулся на кровати и сразу уснул.

Проснувшись, Хью обнаружил, что дверь комнаты заперта снаружи. Более того, исчез его нож.

Прошло очень много времени, прежде чем он услышал шаги у двери. Вошли два угрюмых стражника.

— Вставай, пойдешь с нами,— сказал один из них.

Хью смерил их взглядом и отметил, что оба безоружны. Так, значит, шанса сорвать нож с пояса одного из них нет. Но если у безоружных конвоиров нельзя добыть оружие, то можно попробовать вырваться и уйти от преследования. Однако в следующей комнате стояли еще двое, такие же массивные и угрюмые. Эти были вооружены. Один изготовил нож к броску, другой был готов в любой момент всадить свой под ребра Хью с близкого расстояния.

Теперь Хойланд понял, что деваться некуда. Все предусмотрено. Давно уже привыкнув не противиться неизбежному, он спокойно пошел вперед. Увидев Эртца и убедившись, что именно тот и командует арестовавшими его людьми, Хью сказал:

— Привет, Билл. С чего вдруг такие предосторожности? Что случилось?

Эртц чуть-чуть замешкался с ответом:

— Ты сейчас предстанешь перед Капитаном.

— Хорошо, Билл, спасибо,— ответил Хью,— но разумно ли обращаться с таким делом к нему, не подготовив предварительно кое-кого?

Эртц даже не стал скрывать раздражения, вызванного столь очевидной тупостью:

— Если ты этого еще не понял, позволь объяснить, что ты предстанешь перед Капитаном для суда за ересь!

Хью реагировал так, как будто ничего подобного ему раньше и в голову не приходило.

— Тогда меня не по адресу ведут, Билл,— спокойно заметил он.— Обвинение в ереси и суд, может быть, и правильный подход к сложившейся ситуации, но я

ведь не крестьянин какой-нибудь, чтобы волочить меня под конвоем к Капитану. Меня должен судить Совет, я Ученый.

— Ты в этом уверен? — усмехнулся Эртц. — Я уже консультировался по этому вопросу. Хью Хойланд давно исключен из списков. Кто ты и что ты, будет теперь решать Капитан-Помазанник.

Хью сохранял спокойствие. Ситуация складывалась не в его пользу, и не было смысла раздражать Эртца. Главный инженер подал знак, безоружные конвоиры схватили Хью за руки, и он, не сопротивляясь, пошел за ними.

Хью с интересом разглядывал Капитана. Старик мало изменился, разве еще больше растолстел.

Капитан удобно устроился в кресле и взял со стола рапорт.

— В чем дело? — спросил он брюзгливо. — Я ничего не понимаю.

Обвинителем против Хойланда выступал Морт Тайлер. Такого поворота событий Хью отнюдь не предвидел, и этот факт не мог не усугубить его опасений. Он даже покопался в памяти, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, способную пробудить сочувствие к нему со стороны Тайлера, но так ничего и не нашел. Морт прочистил горло и начал:

— Речь идет о некоем Хью Хойланде, Капитан, который был одним из ваших младших Ученых.

— Ученых? Почему же его делом не занимается Совет?

— Потому что он больше не Ученый, Капитан. Он перебежал к мякотам, а сейчас вернулся, чтобы сеять ересь и смуту и подрывать вашу власть.

Капитан окинул Хью откровенно враждебным взглядом человека, не терпевшего покушения на свои привилегии.

— Это правда? — прорычал он. — Что ты сам скажешь, Хойланд?

— Это ложь, Капитан, — ответил Хью. — Все, что я говорил, лишь подтверждает истинность наших древних верований, по которым мы живем. Я никогда не пытался отрицать наше Учение, напротив, я сумел найти доказательства его правоты, еще более глубокие...

— Ничего не могу понять, — перебил его Капитан. — Его обвиняют в ереси, а он утверждает, что верит в Учение. Если ты не виновен, то как же здесь очутился?

— Я могу объяснить, — сказал Эртц.

— Надеюсь, что хоть ты это сможешь, — буркнул Капитан. — Давай выкладывай.

Эртц доложил о возвращении Хойланда и о его странных рассказах. Придерживаясь фактов, Главный

инженер сумел все же придать им определенную окраску.

Хью немедленно заговорил:

— Суть моих утверждений, Капитан, состоит в том, что в верхних ярусах есть места, где воочию можно убедиться в основной истине нашей веры: в том, что Корабль действительно движется; где можно увидеть План Джордана в действии. Это не опровержение, это подтверждение веры. Я не прошу верить мне на слово, сам Джордан подтвердит мою правоту.

Почувствовав нерешительность Капитана, в разговор вклинился Морт Тайлер:

— Капитан, я считаю своим долгом проанализировать и изложить все возможные версии этого невероятного дела. Есть два наиболее разумных объяснения смехотворной истории, рассказанной Хойландом. Либо это просто-напросто закоренелый еретик, либо тайный мьют и участник заговора, имеющего целью заманить нас в ловушку и предать в руки мьютлов. Но есть и третье объяснение, более милосердное по отношению к обвиняемому, и в глубине души мне кажется, что справедливо именно оно. В досье Хойланда указано, что при его рождении Инспектор был серьезно обеспокоен размером головы ребенка и ставил вопрос об отправке его в Конвертер. Но поскольку отклонение от нормы было незначительным, Инспектор все-таки пропустил Хойланда. Мне кажется, что ужасные мучения, которые Хойланд претерпел в плену у мьютлов, окончательно повредили его и так неустойчивый от природы разум. Бедняга просто не ведает, что творит.

Хью посмотрел на Тайлера не без уважения. Очень тонко — и репутацию ему очистил полностью, и обвинение в ереси снял, и Полет на сто процентов обеспечил!

Капитан махнул рукой.

— Хватит отнимать у меня время. — Он обернулся к Эртцу. — Рекомендации по этому делу есть?

— Так точно, Капитан. Конвертер.

— Ну и хорошо. Но я не понимаю, Эртц, почему меня обязательно нужно беспокоить по всяким мелочам? Ты сам должен уметь поддерживать дисциплину в своем ведомстве.

— Слушаюсь, Капитан.

Капитан отвернулся от стола, готовясь встать.

— Рекомендация принята и утверждена. Все свободны.

Хью охватила ярость от такой глупой несправедливости. Они даже не захотели познакомиться с реальными доказательствами его правоты и невинности. Он услышал, как кто-то крикнул: «Подождите!» — и понял, что кричал он сам. Капитан поглядел на него.

— Подождите,— продолжал Хью. Слова сыпались сами собой: — Подождите! Дела это не меняет, вы ведь так уверены в своей мудрости, что даже глаз не раскроете, когда вам всего лишь предлагают посмотреть! Но все-таки, все-таки, он движется!

Времени на размышление у Хью было предостаточно. Он опять сидел под арестом и ждал, пока Конвертеру потребуется очередная порция массы для производства энергии, и частью этой порции должен быть как раз он сам. Хью снова и снова анализировал свои ошибки. То, что он сразу, без подготовки, выложил все Биллу Эртцу, оказалось самым главным просчетом. Не стоило полагаться на старую дружбу, которая, скажем прямо, никогда не была особенно близкой. Следовало прощупать его сначала, а не лезть сломя голову. Второй просчет — Морт Тайлер. Услышав имя Тайлера, Хью опять же следовало выяснить, насколько Эртц прислушивается к его мнению и каким влиянием пользуется Морт. Он же Тайлера знал давно и должен был помнить, что его следует опасаться.

Вот Хью и сидит теперь здесь, заклеянный то ли как мутант, то ли как еретик. Ярлык, впрочем, дела не меняет — все едино, за что казнить. Хью подумал, что мог бы попробовать объяснить судьям, откуда взялись мутанты. Сам он узнал об этом, читая старые записи в тщательно наворованной библиотеке Джо-Джима. Нет, эту идею придется отвергнуть... Рождение мутантов было вызвано космической радиацией, но как рассказать людям о радиации извне, если они вообще не могут понять, что такое «извне»? Нет, он сам все испортил до того, как его поволокли к Капитану.

Скрип двери прервал мысленное самобичевание. Кормили Хью не часто, и для очередной еды было еще рано. Неужели за ним уже пришли? Хью твердо решил, что в Конвертер отправится не один. Хоть кого-нибудь из них прихватит с собой.

Но он ошибся. Раздался голос, преисполненный мягкого достоинства:

— Сынок, как же это ты?

Его первый учитель лейтенант Нельсон, изможденный и постаревший, склонился над ним.

Встреча очень расстроила обоих. Старик, у которого собственных детей не было, возлагал на своего ученика большие надежды, лелея даже мечту, что когда-нибудь Хью достигнет места Капитана. Самому Хью он об этом никогда не говорил, не хотел портить юношу зазнайством. Старик страшно горевал, когда его мальчик исчез. И вот вернулся мужчиной, но опозорен и приговорен к смерти.

Хью был огорчен не меньше старика. Он очень любил своего учителя, нуждался в его одобрении и хотел бы доставить ему радость, но, рассказывая свою историю, он с горечью убедился, что Нельсон просто не способен расценивать ее иначе как сумасшествие, и скорее предпочтет, чтобы Хью принял быструю смерть в Конвертере, чем жил и высмеивал древнюю веру.

Встреча была такой мучительной для них обоих, что вскоре старик поднялся, чтобы уходить.

— Могу я чем-нибудь помочь, сынок? Кормят тебя хорошо?

— Вполне, — солгал Хью.

— Прислать что-нибудь?

— Нет, спасибо. Впрочем, не могли бы вы прислать мне немного табаку? Я уже давно не жевал.

— Хорошо. Хотел бы ты повидать кого-нибудь из близких?

— Разве можно? Я думал, здесь свидания запрещены.

— Вообще-то запрещены, но я могу добиться исключения. Только дай мне слово, что никому не расскажешь о своей ереси.

Хью схватился за новый шанс. Дядя? Нет, не годится. Они всегда ладили, но никогда друг друга не понимали. Друзья? Он плохо сходилась с людьми и друзей заводил с трудом. Да и Эртца он ведь считал другом! Неожиданно Хью вспомнил приятеля своего деревенского детства, с которым частенько играл. Алан Махони. Он, правда, почти не виделся с Аланом с тех пор, как переселился к Нельсону, но все-таки...

— Алан Махони все еще живет в нашей деревне?

— Да.

— Если он согласится прийти, я был бы рад с ним повидаться.

Придя к Хью, Алан нервничал, чувствовал себя не в своей тарелке, но откровенно был рад видеть старого товарища и очень расстроился, узнав о приговоре. Хойланд хлопнул его по спине.

— Молодец! Я не сомневался, что ты придешь.

— Как только узнал. В деревне ведь никому ничего о тебе не известно, даже Свидетелю.

— Расскажи, как ты жил все это время. Женился?

— Да нет. Давай не будем тратить время на разговоры обо мне. Расскажи лучше, в чем тебя обвиняют.

— Не могу, Алан. Я дал слово Лейтенанту Нельсону.

— Чего стоят слова, когда надо выбиться из беды! Влип ты ведь крепко.

— А то я сам не знаю.
— Кто-нибудь имеет на тебя зуб, Хью?
— Видишь ли... Во всяком случае, скажем так: наш старый дружок Морт Тайлер и пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь.

Алан присвистнул и кивнул.

— Это проясняет дело.

— То есть? Тебе что-то известно?

— Как тебе сказать... Он женился на Идрис Бакстер после того, как ты исчез.

— Да, действительно проясняет.— Хью помолчал.

— Слушай, Хью,— сказал Алан.— Не сидеть же сложа руки и ждать, когда тебя поволокут в Конвертер. Тем более, что здесь замешан Морт Тайлер. Надо вытащить тебя отсюда.

— Как?

— Не знаю еще. Налет устроить, что ли. Есть несколько хороших ребят, которые не прочь помахать ножами.

— Боюсь, что тогда вместе со мной в Конвертере окажешься и ты, и твои хорошие ребята. Нет, это не пойдет.

— Так что же, дать им бросить тебя в Конвертер?

Хью смотрел на Алана. Имеет ли он право обращаться к нему с подобной просьбой? И он решил:

— Слушай, готов ли ты на все, чтобы выручить меня?

— Ты же знаешь,— обиженно ответил тот.

— Тогда ты пойдешь наверх и найдешь карлика по имени Бобо...

Алан лез все выше и выше. Так далеко он не забирался даже в юношеские годы, когда Хью водил в отчаянные, полные безрассудного риска экспедиции. Сейчас он был старше, менее подвижен и не испытывал никакого желания находиться здесь. К вполне естественному страху перед реальными опасностями примешивался и испуг, вызванный предрассудками и невежеством. Но все же он продолжал идти вперед.

Карлик увидел его первым. Снаряд пращи угодил Алану прямо в живот, он только успел крикнуть: «Бобо, Бобо!» — и потерял сознание.

Бобо спиной вошел в жилище Джо-Джима и сбросил свою ношу к ногам хозяина.

— Свежее мясо! — гордо объявил он.

— Ну и возьми его себе,— безразлично ответил Джим.

Карлик поковырял скрюченным пальцем в ухе.

— Смешно,— сказал он.— Знаст Бобо.

— Подожди-ка,— оторвался от книги Джо.

Хью подготовил Алана к встрече с двухголовым мутантом, поэтому тот, придя в себя, рассказал обо всем, что случилось. Джо-Джим слушал молча и бесстрастно. Бобо тоже слушал внимательно, но ничего не понимал.

Когда Алан кончил, Джим заметил:

— Твоя была правда, Джо. Ничего у него не вышло.— Повернувшись к Алану, он добавил: — Останешься вместо Хью. В шашки играть умеешь?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

— Вы даже не попробуете помочь ему? — спросил он.

— А с какой стати? — удивился Джо.

— Но он же рассчитывает на вас. Ему больше неоткуда ждать помощи. Я поэтому и пришел, разве вы не понимаете?

— Даже если бы мы согласились,— рявкнул Джим,— что бы мы могли сделать, дурья твоя голова? Отвечай!

— Да нападём на них просто-напросто и отобьём Хью!

— А чего ради мы должны рисковать шкурой, спасая твоего друга?

— Что, драться будем? — наострил уши Бобо.

— Нет, Бобо, нет. Просто разговоры,— ответил Джо.

— А-а...— разочарованно протянул Бобо и снова смолк.

Алан посмотрел на него.

— Ну хоть Бобо отпустите со мной!

— Нет,— отрезал Джо.— Об этом и речи быть не может.

Алан сидел в углу, обхватив в слепом отчаянии колени. Как вырваться отсюда? Внизу он мог бы еще найти помощь. Карлик, казалось, спал, хотя наверняка этого сказать не мог никто. Хоть бы Джо-Джим уснул.

Но близнецы и не думали спать. Джо пытался сосредоточиться на книге, но Джим все время отрывал его от чтения. О чем они говорили, Алан не слышал.

Вдруг Джо громко сказал:

— Хорошенькое у тебя представление насчет «по-забавиться»!

— Все одно веселей, чем шашки,— ответил Джим.

— Веселее, да? А если ты ножом в глаз получишь, что будет со мной?

— Стареешь ты, Джо. Кровь у тебя жидкая стала.

— Не старее тебя.

— У меня зато мысли молодые.

— Знаешь что, меня от тебя с души воротит. Ладно, будь по-твоему, но меня потом не вини. Бобо!

Карлик вскочил:

— Слушаю, хозяин!

— Приведи Кабана, Длиннорукого и Коротышку. Джо-Джим подошел к шкафу доставать ножи.

Под самой дверью тюрьмы возникла какая-то сумятица. Хью встрепнулся. Уже пришли за ним, чтобы отвести в Конвертер? Вряд ли конвой будет так шуметь. А может быть, этот шум в коридоре вообще не имеет к нему отношения? А может быть...

Точно! Влетевший в распахнувшуюся дверь Алан сунул Хью в руку пояс с ножами, одновременно вытаскивая пленника наружу.

Стоящий в коридоре Джо-Джим даже не заметил Хью сразу, потому что был сильно занят — методично и спокойно метал ножи, как будто упражнялся с мишенью у себя в комнате. Ухмылка Бобо казалась шире обычной из-за ножевой раны у самого рта, что, однако, никак не повлияло на меткость его пращи.

Хью узнал еще троих головорезов из обычного окружения Джо-Джима.

— Сматываемся, живо! — крикнул Алан. — Их сейчас набегит целая орава! — и устремился в правый коридор. Джо-Джим последовал за ним. Хью наудачу, не целясь, метнул нож в стражника, показавшегося из левого коридора, не успев даже посмотреть, попал или нет. Бобо, прикрывавший отступление с тыла и раздосадованный слишком быстрым завершением потехи, бежал вслед.

Алан снова свернул направо.

— Здесь лестница! — крикнул он.

Но ярдах в десяти от лестницы прямо перед ним захлопнулась герметическая дверь, о существовании которой Алан совсем забыл: этой лестницей почти никогда не пользовались. Бобо вцепился в дверь, но только обломал себе ногти.

— Попались, — мягко сказал Джо. — Надеюсь, Джим, что хоть это развлечение придется тебе наконец по вкусу.

Из-за поворота сзади высунулась голова одного из преследователей. Хью метнул нож, но расстояние было слишком велико: нож ударился о сталь стены. Голова исчезла. Длиннорукий, держа пращу наготове, не спускал с коридора глаз.

— Видишь светящуюся трубу на потолке? — Хью схватил Бобо за плечо.

Бобо кивнул. Хью показал ему на трубку освещения, проходящую над разветвлением коридоров, которые они только что проскочили.

— Можешь попасть в место, где эта трубка соединяется с другой?

Бобо прикинул расстояние на глаз. Далековато. Он ничего не ответил. Хью услышал лишь свист пращи и треск. В коридоре стало темно.

— За мной! — крикнул Хью и побежал назад по коридору. Приблизившись к перекрестку, он закричал: — Не дышать! Осторожно! Газ!

Из разбитой трубы лениво вываливались зеленоватые клубы радиоактивного испарения.

Хью мог только благодарить судьбу за то, что когда-то работал инженером осветительных систем и хорошо знал их устройство. Направление он выбрал правильное — линия освещения этого коридора шла как раз от соединения, разбитого Бобо, и поэтому сейчас здесь было темно. Вокруг только слышался топот бегущих людей — друзей ли, врагов ли, он не знал.

Наконец они выскочили на освещенный участок, где не было никого, кроме насмерть перепуганного крестьянина, тут же пустившегося наутек. Все были на месте, но Бобо шатался и тяжело дышал.

Джо посмотрел на него.

— Газу нанюхался, — сказал он. — Кабан, стукни его по спине.

Кабан охотно повиновался.

— Отойдет, — сказал Джо.

Эта маленькая заминка позволила одному из преследователей догнать их. Он вылетел из темного коридора прямо на Кабана, то ли не сообразив, что один оказался против целого отряда, то ли не придав этому значения.

Кабан поднял было пращу, но Алан, узнавший Морта Тайлера, схватил Кабана за руку:

— Не тронь его! Он мой!

— Один на один? — предложил Алан Тайлеру, прижав пальцем лезвие ножа.

Тайлер двинулся вперед, Алан был тяжелее и явно сильнее. Однако Тайлер был гибче и подвижнее. Он пытался ударить Алана коленом в живот, но Алан увернулся и сбил Тайлера с ног, упав на пол вместе с ним. Мгновение спустя Алан встал и вытер нож о бедро.

— Пошли, — сказал он.

Они поднимались вверх. Кабан и Длиннорукий выходили на каждую новую палубу первыми, осматривались по сторонам и охраняли лестницу с флангов, пока не поднимутся все остальные. Коротышка прикрывал отход с тыла.

Хью уже думал, что они совсем оторвались от погони, но неожиданные крики и свист ножа, пролетевшего прямо над головой, когда он вылезал из люка на очередную палубу, убедили его в обратном. Тем

более что этот нож хоть и не сильно, но задел его щеку.

Нож торчал из правого плеча Длиннорукого, но это его не беспокоило,— он раскручивал пращу. У Кабана свои ножи кончились, он поднимал с пола клинки, брошенные в него, и метал их обратно. Следы его работы были налицо: три трупа в коридоре да футов в двадцати от них раненный в ногу человек опирался рукой о стену, тщетно шаря другой в пустой перевязи. Хью узнал Билла Эртца.

На свое несчастье, Эртц прошел по другой лестнице, чтобы перерезать путь беглецам и устроить засаду. Бобо поднял пращу, но Хью остановил его:

— Этому нам нужен. Подстрели его в живот, но чтоб жив остался,— приказал он.

Бобо удивился, но сделал, как было велено. Эртц перегнулся пополам и рухнул на пол.

— Метко,— сказал Джим.

— Бобо, тащи его с нами,— скомандовал Хью и окинул взглядом весь отряд.— Внимание! Все наверх и живо! По сторонам смотреть в оба!

Группа двинулась дальше, сохраняя прежний порядок. Джо выглядел раздраженным. Происходило что-то странное — Хью вдруг начал командовать его собственными людьми да и им самим тоже. «Впрочем, сейчас не до споров»,— подумал он.

Джиму же, казалось, все это было безразлично. Он развлекался.

Они прошли еще десять палуб, не встречая сопротивления. Хью приказал без нужды не трогать крестьян. Три головореза повиновались безропотно, а Бобо был слишком занят Эртцем, чтобы нарушать дисциплину. Только палуб через тридцать, когда они оказались в нейтральной зоне, Хью позволил остановиться и заняться ранами.

Серьезно пострадали только Длиннорукий и Бобо. Джо-Джим перевязал их заранее запасенными бинтами. Хью, раненный в щеку, от перевязки отказался.

— Кровь уже остановилась,— сказал он,— и нечего тратить время на царапины. У меня дел по горло.

— Каких еще дел? Мы идем домой, и хватит ерундить,— сказал Джо.

— Ты как хочешь,— сказал Хью,— но Алан, я и Бобо идем на самый верх, в Капитанскую рубку.

— Это еще зачем? — спросил Джо.

— Иди с нами, тогда увидишь сам. Ребята, привал окончен. Вперед!

Джо хотел что-то сказать, но Джим безмолвствовал, поэтому промолчал и Джо. Близнецы последовали за Хью.

Они вплыли в дверь рубки.

— Вот,— сказал Хью Алану, показывая в иллюминатор,— вот то, о чем я тебе рассказывал.

Алан увидел звезды.

— Великий Джордан! — простонал он.— Мы же выпадем! — И закрыл глаза.

Хью встряхнул его.

— Не бойся, посмотри, как красиво.

Джо-Джим взял Хью за руку.

— Что ты задумал и зачем приволок сюда этого? — он показал на Эртца.

— Когда он очнется и увидит звезды, мы докажем ему, что Корабль движется в пространстве.

— Зачем?

— Когда он убедится сам, я пошлю его убеждать остальных.

— И с ним случится то же, что и с тобой?

— Тогда,— пожал плечами Хью,— тогда мы просто начнем все сначала. И так до тех пор, пока не убедим всех. Видишь ли, у нас просто нет другого выхода.

Часть II

Здравый смысл

Джо, правая голова Джо-Джима, посмотрел на Хью Хойланда.

— Ну, ладно, умник. Главного инженера ты убедил.— Двухголовый ткнул в сторону Билла Эртца ножом и вновь принялся ковырять им в зубах левой головы.— Ну и что? Какой тебе с того прок?

— Я уже тысячу раз объяснял,— раздраженно ответил Хью.— Будем продолжать, пока все Ученые, от самого зеленого стажера до Капитана, не убедятся в том, что Корабль движется и что его движением можно управлять. Тогда мы завершим Полет и исполним волю Джордана. Сколько у тебя наберется бойцов?

— Тебе, никак, взбрело в голову, что мы согласимся участвовать в твоих идиотских затеях?

— Естественно. Без вас ведь ничего не выйдет.

— В таком случае, можешь поставить на своих планах крест. Бобо, давай шашки!

— Сейчас, хозяин.— Микроцефал поплелся за шашками.

— погоди, Бобо,— сказал Джим, левая голова. Карлик застыл на месте, сморщив узкий лоб. Неспособность дать ему согласованный и непротиворечивый

приказ, временами проявляемая его двухголовым хозяином, вносила единственную нотку неуверенности в безмятежное существование Бобо.

— Дай Хью сказать, — продолжал Джим, — похоже, есть шанс поразвлечься.

— Развлекись! Ничего себе развлеченьице — получить ножом под ребро! Позволь тебе заметить, Джим, что это и мои ребра тоже. Нет, я никак не согласен.

— Я еще не предлагал тебе соглашаться. Всего лишь просто выслушать. И, знаешь, не говоря уж о развлечениях, это, может быть, и есть наш единственный шанс избежать ножа под ребро.

— То есть?

— Ты же слышал, что сказал Эртц. Офицеры Корабля намерены очистить верхние ярусы. Интересно, как тебе понравится Конвертер, Джо? Боюсь только, что нам не сыграть уже в шашки, когда нас разложат на атомы.

— Не паникуй! Экипажу мьюты не по плечу. Сколько раз уже они пробовали с нами справиться!

— А ты что скажешь? — обернулся Джим к Эртцу.

Эртц отвечал осторожно, ни на секунду не забывая, что теперь он военнопленный, а не старший офицер Корабля. К тому же он был выбит из колеи — слишком много всего случилось и слишком быстро. Налет, схватка, плен — и звезды. Звезды!

В его практичной трезвомыслящей голове не только понятия о них — места такому понятию никогда не было! Более того, Эртц отлично понимал, что жизнь его висит на волоске. Стоит только Джо-Джиму сделать знак этому карлику...

— Я думаю, что на этот раз Экипаж своего добьется. — Эртц тщательно подбирая слова. — Мы... они хорошо подготовились. Если только вас не больше и если вы не организованы лучше, чем предполагалось, Экипаж победит. Видите ли... Видите ли... В общем, всю подготовку вел я.

— Ты?

— Да. Большинство в Совете выступило против политики, позволяющей мьютам жить вне нашего контроля. Она, может, и соответствует нашим религиозным доктринам, но мы время от времени теряем людей и животных.

— А чем, по-твоему, мьюты должны кормиться? — грозно рявкнул Джим. — Воздухом?

— Должен отметить, что новый политический курс вовсе не предусматривал поголовного уничтожения мьютов. Сдавшихся в плен предполагалось приобщить к цивилизации и раздать членам Экипажа в качестве рабов. Речь идет, конечно, о тех мьютах,

кто...— Эртц запнулся, растерявшись, и опустил глаза.

— Ты хотел сказать: «О тех, кто не деформирован физическими мутациями», как я, например,— сказал Джо голосом, от которого мороз прошел по коже.— Так, что ли? Для таких, как я, одна дорога — в Конвертер.— Лезвие ножа Джо-Джим плашмя ударил себя по ладони.

Эртц инстинктивно дернулся вбок, его рука легла на пояс. Но ножа на поясе не было. Без оружия Эртц почувствовал себя беспомощным.

— Я всего лишь честно ответил на твой вопрос и обяснил истинное положение дел,— сказал он.

— Оставь его, Джо. Он правду говорит. И поэтому у нас нет выбора. Если мы не присоединимся к Хью, нас загонят в угол. Даже не думай его убивать, он нам еще здорово пригодится.

Говоря, Джим пытался вложить нож в ножны. Между братьями вспыхнула быстрая и молчаливая схватка за контроль над нервными центрами правой руки — схватка воли, незаметная для глаза. Джо сдался.

— Ладно,— хмуро сказал он,— но, когда меня потащат в Конвертер, я прихвачу его с собой.

— Уймись,— ответил Джим.— Я-то уж в любом случае тебе составлю компанию.

— С какой стати ты вообще ему веришь?

— Ему незачем врать. Он ничего этим не выиграет. Порасспроси Алана.

Алан Махони, закадычный дружок детских лет Хью Хойланда, слушал этот разговор, вытаращив глаза. Встреча со звездами потрясла его не меньше Эртца, но темный крестьянский ум не обладал гибкостью мышления Главного инженера. Эртц не мог не понять почти мгновенно, что само существование мира вне Корабля опровергает все, во что он когда-либо верил, и в корне меняет его жизнь и все планы. Алан же просто испытывал благоговейный восторг.

— Алан, что тебе известно о походе на мьютов?

— Что мне может быть известно? Я же не Ученый. Хотя постойте-ка. В нашу деревню прибыл новый офицер, чтобы помочь Лейтенанту Нельсону,— он запнулся и обескураженно обвел всех взглядом.

— Продолжай.

— Ну да, он начал проводить занятия с кадетами и женатыми молодыми крестьянами. Заставлял нас упражняться с ножами и пращами. Но зачем, не говорил.

— Убедились наконец? — всплеснул руками Эртц.

— Убедились,— хмуро кивнул Джо.

Хью Хойланд спросил его в надеждой:

— Теперь ты согласен быть со мной заодно?

— Придется,— ответил Джо.

— Согласен,— сказал Джим.

— А ты, Билл?

— Разве у меня есть выбор?

— Есть. Я всем сердцем хочу, чтобы ты был с нами. План у меня такой — Экипаж в счет не идет. Нам надо убедить офицеров. Те, у кого хватит ума поверить в очевидное, увидев звезды и Главную рубку, останутся с нами. Остальных,— он провел по горлу большим пальцем,— в Конвертер.

Бобо радостно усмехнулся и повторил его жест. Эртц кивнул.

— А дальше?

— Под руководством нового Капитана мьюты и Экипаж вместе поведут Корабль к Далекому Центавру. Да свершится воля Джордана!

Эртц смотрел на Хью. То, что тот предлагал, было настолько грандиозно, что не сразу укладывалось в голову. Но мысли Хью приходились по душе Эртцу. Опершись о стол руками, он наклонился вперед.

— Я с тобой, Хью Хойланд.

Один из ножей Джо-Джима лег на стол между его ладонями. Джо встрепенулся, хотел что-то сказать брату, но передумал. Эртц взглядом поблагодарил близнецов.

Близнецы пошептались между собой, потом Джо громко сказал:

— Если идем, так до конца.

Зажав лезвие ножа между большим и указательным пальцами так, что наружу торчало лишь острие, Джо-Джим вонзил его в предплечье левой руки.

Глаза Эртца зажглись. Схватив только что обретенное оружие, он надрезал себе левую руку в том же месте. Хлынула кровь.

— Спиной к спине! — Отпихнув стол, Эртц прижался раной к ране Джо-Джима.

Выхватив ножи, Алан, Хью и Бобо совершили обряд кровной клятвы. Они стояли, прижавшись плечами друг к другу, и кровь их стекала на пол одной струей.

— Нож за нож!

— Спиной к спине!

— Кровь за кровь!

— Кровные братья до конца Полета!

Ученый-вероотступник, ученый-пленник, темный крестьянин, двухголовый монстр и безмозглый карлик — пять ножей, считая Джо-Джима за один, и пять голов, считая Джо-Джима за две и не считая Бобо,— пять голов и пять ножей против всего «цивилизованного мира».

— Не хочу я туда возвращаться, Хью,— понуро сказал Алан.— Почему мне нельзя остаться с тобой? Я хороший боец.

— Боец ты отличный, дружище, но сейчас от тебя будет больше пользы как от лазутчика.

— Для этого есть Билл Эртц.

— Без тебя ему не обойтись. Билл на виду: если он все время будет мотаться вверх-вниз, могут пойти пересуды. Вот тут-то ты и нужен: будешь у него связным.

— А как я, Хафф побери, объясню в деревне, где столько времени пропадал?

— Говори как можно меньше. Главное, держись подальше от Свидетеля.— Хью вдруг представил себе, как Алан пытается выкрутиться, а Свидетель обуреваемый своей вечной жадой подробностей, загоняет его в угол умелыми вопросами.— Держись от старика подальше,— повторил Хью.— Он тебя сразу расколет.

— Старик-то? Да ведь он давно уже помер. А новый Свидетель еще зелен и глуп.

— Вот и хорошо. Будь осторожен и ничего не бойся.— Хью повысил голос: — Билл! Ты готов?

— Готов.— Эртц поднялся и неохотно отложил книгу, которую читал,— иллюстрированное издание «Трех мушкетеров».

— Книга просто чудесная,— сказал он.— Слушай, Хью, неужели на Земле действительно все так и есть?

— Конечно. Книжки Джо-Джима не врут.

Задумавшись, Эртц закусил губу:

— Как по-твоему, что такое «площадь»?

— «Площадь»? Насколько я понимаю — огромная общинная, где может сразу собраться много людей.

— Сначала, читая, я тоже так думал, но... как же можно тогда ездить на ней верхом?

— Что-что?

— Да вот в книге они только и делают, что залезают на площадь и скачут куда-нибудь.

— Дай-ка мне книгу,— приказал Джо. Быстро перелистав ее, он рассмеялся.— Ну и идиот же ты. Ездят на лошадях, а не на площадях. Можно сесть на лошадь и проехаться по площади, но не наоборот, понял ты, дурень?

— А что такое «лошадь»?

— Животное, величиною с корову. Ты усаживаешься ему на спину и едешь, куда хочешь.

Эртц обдумал новую информацию:

— Непрактично как-то. Когда едешь в носилках, просто говоришь Главному носильщику, куда идти, и все. А как объяснить дорогу корове?

— Легче легкого. Твой носильщик ее поведет в нужном направлении.

Эртц поразмыслил и над этим:

— Все равно непрактично. Можно ведь упасть. Нет уж, лучше пешком.

— Дело наживное, — объяснил Джо. — Требуется привычки.

— А ты умеешь ездить на лошади?

Джим фыркнул.

— Где ты видел лошадей в Корабле? — разозлился Джо.

— Ладно, не будем про лошадей. Но я хотел еще кое-что спросить. Эти парни, Атос, Портос и Арамис, дрались необычайно длинными...

— Об этом поговорим в следующий раз, — перебил его Хью. — Бобо уже вернулся, пора идти.

— Подожди, Хью. То, что я говорю, очень важно. Они дрались необычайно длинными ножами.

— Ну и что с того?

— Но ведь их ножи гораздо лучше наших. Длинной с руку, а то и больше. Подумай только, какое преимущество дадут нам такие ножи, если придется драться с Экипажем.

Хью обнажил свой нож и задумчиво посмотрел на него:

— Может, ты и прав. Но зато длинный нож не метнешь.

— А кто мешает сохранить наши метательные ножи?

— Да никто, пожалуй.

Близнецы молчали, прислушиваясь к их разговору. Наконец Джо сказал:

— Билл прав. Подумай о ножах, Хью, а нам с Джимом надо кое-что почитать.

Обе головы лихорадочно вспоминали все прочитанные книги, подробно и со знанием дела перечисляющие разнообразные методы, используемые людьми для сокращения жизни своих недругов.

Джо-Джим и не заметил, как учредил Факультет исторических изысканий военного колледжа, тем более, что такое цветистое название ему и в голову бы никогда не пришло.

— Читай, конечно, — согласился Хью. — Но поговори сначала со своими людьми.

— Пошли.

Они вышли в коридор, где Бобо собрал десятка два головорезов, составляющих опору Джо-Джима в стране мутантов. Для всей этой шайки, кроме Длиннорукого, Кабана и Коротышки, Хью, Билл и Алан были чужаками, а чужакам встречаться с ними было опасно для жизни

Джо-Джим приказал мьютам хорошенько запомнить троих людей с нижних палуб. Запомнить и знать, что их следовало пропускать везде и всюду беспрепятственно, оказывая помощь и содействие. Более того, в отсутствие Джо-Джима мьютам надлежит повиноваться им, как ему самому.

Среди мьютов начался гул. До сих пор они привыкли повиноваться только Джо-Джиму, и никому, кроме него.

Один из них, с огромным косом, поднялся и заговорил:

— Я — Джек Носатый. Мой нож остр и мой глаз меток. Джо-Джим-двухголовый мудр за десятерых, он мой хозяин, и я за него сражусь. Но хозяин он, а не эти трое с нижних палуб. Что вы скажете, молодцы?

Он выжидающе замолк. Мьюты нервно переминались с ноги на ногу, поглядывали на Джо-Джима. Джо уголком рта пробормотал что-то Бобо. Джек Носатый открыл было рот, чтобы продолжать, но раздался лишь треск разбитых зубов и переломанной шеи — снаряд пращи Бобо заткнул ему глотку.

Бобо снова изготовил пращу. Джо-Джим оглядел притихших мьютов:

— Длиннорукий! Ты, Сороковой и Топор пойдете вниз с Бобо, Аланом и Биллом. Остальным разойтись.

Трое мьютов отделились от отряда и проследовали за Бобо. Перед тем как прыгнуть в люк, Эртц обернулся.

— Да хранит вас Джордан, братья, — сказал он. Джо-Джим помахал ему рукой.

— И тебя, — ответил Джо.

— Доброй еды, — добавил Джим.

Бобо вел их вниз. Через сорок с лишним палуб они оказались на ничьей земле между мьютами и Экипажем. Бобо обернулся к своим рубакам:

— Мудрые Головы приказали вам стоять здесь по очереди на посту. Ты первый, — показал он на Длиннорукого.

— Алан и я идем вниз, — добавил Билл. — А вы трое по очереди будете караулить здесь и передавать мои послания Джо-Джиму. Ясно?

— Ясно, — ответил Длиннорукий.

— Приказ Джо-Джима! — отметил Сороковой, пожимая плечами, как бы говоря: «Что ж тут рассуждать!»

Топор просто хмыкнул в знак согласия.

Бобо от души похлопал Билла и Алана по спинам.

— Доброй еды, — напутствовал он их.

Обшаривая столы исчезнувшего Главного инженера, Старший помощник Капитана-Помазанника Финеас

Нарби обнаружил, к своему изумлению, что Билл Эртц тайком хранил парочку Ненужных книг. Были у него в столе, конечно, и обычные Священные книги, такие, как бесценные «Профилактика вспомогательного Конвертера» и «Справочник систем освещения и кондиционирования звездолета «Авангард» — самые священные из всех Священных книг: на них стояла печать самого Джордана, и они по праву могли принадлежать только Главному инженеру.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана — дело праведное и благое... для Экипажа. И все же слова «Фонд Джордана», оттиснутые штампом на титульном листе, будили в душе трепет, которого он не помнил с тех пор, как был удостоен сана Ученого.

Нарби восхищался прекрасным четким шрифтом старинных книг. Вот ведь были писцы у древних! Нет, что современные неряхи, которым и двух букв одинаково ровно не написать.

Он решил обязательно изучить подробно эти ценнейшие справочники инженерного ведомства, прежде чем передать их преемнику Эртца. Было бы очень полезно, решил Нарби, избавиться от необходимости слепо полагаться на слова Главного инженера, не зависеть от него, когда он, Нарби, сам станет Капитаном. Нарби не очень почитал Инженеров в основном потому, что сам инженерными способностями не блистал. Когда он стал Ученым, одним из тех, кто охранял духовное и материальное благополучие Корабля, когда дал клятву служить верой и правдой делу Джордана, то быстро понял, что более склонен к руководству кадрами и разработке политической линии, чем к обслуживанию Конвертера. Он занимал посты клерка, администратора деревни, секретаря Совета, кадровика и, наконец, поднялся до должности Старшего помощника самого Капитана-Помазанника. Это место он получил сразу же после таинственного происшествия, значительно сократившего жизнь его предшественника.

Решение заняться инженерными делами до избрания нового Главного инженера напомнило ему о необходимости подобрать подходящую кандидатуру. В обычной ситуации на пост Главного инженера, ушедшего в Полет, назначался старший Вахтенный офицер, но вахтенный Морт Тайлер сам ушел в Полет — его хладный труп нашли в коридоре, по которому отступали мьюты, освободившие еретика Хью Хойланда. Вопрос о кандидатуре оставался открытым, и Нарби еще не решил, кого рекомендовать Капитану.

Одно было ясно — новый Главный инженер не должен обладать таким чрезмерно развитым чувством

инициативы, как Эртц. Нарби отдавал последнему должное и признавал его заслуги в отличной организации подготовки Экипажа к намеченному истреблению мьютов, но именно эти его качество хорошего организатора и руководителя беспокоили Нарби — они могли сделать Эртца слишком сильным кандидатом на пост Капитана в случае... Наедине с самим собой Нарби мог признаться, что жизнь нынешнего Капитана так неопределенно затянулась только потому, что он, Нарби, не был на все сто процентов уверен, кого Совет изберет следующим Капитаном — Эртца или его. А сейчас старому Капитану было бы в самый раз отправиться к Джордану. Старый толстый дурак давно уже отжил свое, и толку от него... Нарби просто устал улещивать старика, чтобы тот отдавал нужные распоряжения. Да, если перед Советом встанет необходимость выбора нового Капитана именно в настоящий момент, то подходящая кандидатура будет только одна...

Нарби захлопнул книгу. Решение было принято. Замыслив убрать Капитана, Нарби отнюдь не испытывал ни стыда, ни угрызений совести, ни мыслей о грехе и предательстве. Капитана он презирал, но никаких злых чувств к нему никогда не испытывал, так что в его намерениях убить Капитана не было и следа личной ненависти или неприязни. Нарби строил свои планы, исходя из самых благородных побуждений государственного деятеля. Он искренне верил, что действует на благо всего Экипажа, что его цель — здравомыслящая администрация, порядок, дисциплина и добрая еда для каждого. Необходимость отправить кое-кого в Полет ради достижения великих целей и всеобщего блага не вызывала у него ни малейшего сожаления, и зла никакого к этим людям он не питал.

— Какого Хаффа ты роешься в моем столе?

Нарби обернулся и увидел покойного Билла Эртца, с недовольным видом склонившегося над ним. Сначала Нарби уставился на Билла, потом медленно закрыл рот. Нарби настолько был уверен в смерти Главного инженера после его исчезновения во время налета, что увидеть Эртца сейчас перед собой живым и сердитым было для него тяжелым ударом. Но он быстро взял себя в руки.

— Билл! Джордан с нами! Мы же думали, что ты ушел в Полет! Садись, садись, да расскажи поскорее, что с тобой приключилось.

— Сяду, конечно, если ты уберешься из моего кресла, — ядовито ответил Эртц.

— Извини. — Нарби быстро вылез из-за стола и пересел в кресло напротив.

— А теперь,— продолжал Эртц, занимая свое место,— будь любезен объяснить, почему ты копаешься в моих бумагах.

Нарби ухитрился изобразить обиду.

— Но разве это не ясно? Мы же считали тебя погибшим. Кто-то должен же руководить твоим ведомством до назначения нового Главного инженера. Я выполнял приказ Капитана.

Эртц смотрел ему прямо в глаза.

— Не заливай, Нарби. Мы-то с тобой знаем, кто думает за Капитана, сами частенько это делали. Даже если ты действительно считал меня мертвым, мог бы и подождать еще немножко, прежде чем лезть в мой стол.

— Но в самом деле, старина, ты уж слишком. Если человек исчезает после налета мьютов, то вполне логично предположить, что он ушел в Полет.

— Ладно, оставим это. Почему мое место не занял Морт Тайлер, как и должно быть во время моего отсутствия?

— Морт в Конвертере.

— Что, убит? Но кто приказал отправить его в Конвертер? Такая масса даст слишком сильную нагрузку.

— Приказал я. Масса его тела почти совпала с массой тела Хойланда, а Хойланд в Конвертер так и не попал.

— «Почти» и «совсем» — не одно и то же, особенно когда имеешь дело с Конвертером. Придется мне проверить.— И Эртц поднялся с места.

— Не беспокойся,— сказал Нарби,— я ведь все-таки тоже не крестьянин и в инженерном деле немножко соображаю. Я приказал подогнать массу Тайлера под график переработки, который ты составил для тела Хойланда.

— Хорошо. Потом проверю. Лишний вес терять впустую нам тоже нельзя.

— Кстати, насчет рационального использования веса,— невинно сказал Нарби,— я у тебя в столе нашел пару Ненужных книг.

— Ну и что с того?

— Тебе ведь известно, что они определены как масса, подлежащая конвертерной переработке для производства энергии.

— Известно. А тебе известно, кто отвечает за производство энергии.

— Ты. Но зачем эти книги находятся в твоем столе?

— Позволь заметить, дорогой любимчик Капитана, что только мне одному дано право судить, где хранить вещи, предназначенные для Конвертера.

— Конечно, конечно, ты прав. Послушай, если они не нужны для Конвертера прямо сейчас, можно я возьму их почитать?

— Бери, пожалуйста, но будь благоразумен. Я выдам их под расписку, а ты не распространяйся об этом.

— Спасибо. Живое было воображение у древних. Полный бред, конечно, но приятно на досуге позабавиться.

Эртц рассеянно приготовил расписку на две книги и протянул ее Нарби прочитать. Мысли Эртца были заняты совсем другим — как и когда начать обработку Нарби. Он хорошо понимал, что в деле, которое замыслили он и его кровные братья, без Финеаса не обойтись. Его позиция может иметь решающее значение. Перетянуть бы его на свою сторону...

— Фин,— сказал он наконец, когда Нарби положил на стол подписанную расписку,— я начал сомневаться в разумности нашего поведения в деле Хойланда.

Нарби удивленно взглянул на него.

— Да нет, я отнюдь не верю всем этим бредням, которые он наплел,— добавил Эртц торопливо.— Но сдается мне, что мы упустили шанс. Надо было поиграть с Хойландом и выйти через него на мьютов. Мы хотим присоединить их территорию, но все наши планы строятся на предположениях, а не на достоверной информации. Сколько их, каковы их силы, как они организованы — толком мы ничего не знаем. Более того, нам придется драться на чужой территории. Но верхние палубы для нас вообще «белое пятно». Надо бы притвориться, что мы верим Хойланду, и выкачать из него как можно больше сведений.

— На которые вряд ли можно было бы полагаться,— отметил Нарби.

— Полагаться только на его слова не было нужды. Он ведь предлагал нам безопасный проход через страну мьютов, можно было бы самим посмотреть, что к чему.

— Ты это всерьез? Любой член Экипажа, доверившийся мьюту, отправится не в Невесомость, а в Полет! — Нарби был ошеломлен.

— Не знаю, не знаю,— возразил Эртц.— У меня сложилось впечатление, что Хойланд сам верил в то, что говорил. Помимо того...

— Что «помимо того»? Весь этот бред о движении Корабля? Незыблемого Корабля? — Нарби ударил кулаком по стенке.— Да кто поверит в подобную чушь?

— Хойланд поверил. Ну, хорошо, он религиозный фанатик, я согласен. Но ведь его фанатизм на чем-то основан? Он увидел, наверху, что-то невероятное и воспринял его по-своему, в виде той истории, ко-

тору ю нам рассказал. Мы должны были использовать его предложение пойти наверх и познакомиться с его открытием хотя бы для того, чтобы разведать по дороге страну мьютов.

— Полнейшее безрассудство!

— Вот и нет. Судя по всему, он пользуется огромным влиянием среди мьютов, а то с чего бы им заваривать эту кашу и спасать его? Если он говорит, что гарантирует безопасный проход через их страну, значит, знает, что говорит.

— С чего это ты изменил свое мнение?

— Мое мнение изменил налет. Я бы в жизни не поверил, что шайка мьютов рискнет шкурами, чтобы спасти одного человека. Но коль скоро это произошло, я вынужден пересмотреть свои взгляды. Абстрагируясь от рассказа Хью, могу сказать только одно: мьюты готовы за него драться и, по всей вероятности, готовы подчиняться ему. А если это так, на его религиозный фанатизм следовало смотреть сквозь пальцы и использовать Хью для установления контроля над мьютами, не прибегая к войне.

Нарби пожал плечами:

— Твои рассуждения не лишены логики. Но стоит ли тратить время на рассуждения о том, что могло бы произойти. Если шанс и был, то он уже упущен.

— Как знать. Хойланд ведь бежал к мьютам. Если бы я мог как-нибудь связаться с ним, может, и удалось бы еще начать все сначала.

— И как же ты предполагаешь сделать это?

— Сам пока не знаю. Можно, например, взять охрану, полезть наверх, поймать какого-нибудь мьюта и отправить его к Хойланду.

— Рискованная затея.

— Но я не прочь попробовать.

Нарби задумался. Весь план казался ему донельзя глупым и неоправданно рискованным. Но если Эртц не прочь рискнуть... Шансов, конечно, мало, но чем Хафф не шутит? Если Эртцу удастся осуществить свой план, то у него, у Нарби, будут развязаны руки для выполнения самых заветных планов. Уж кто-кто, а Нарби понимал, что покорение мьютов силой будет делом долгим и кровавым, да и вообще вряд ли осуществимым. А если у Эртца ничего не выйдет, то опять же Нарби ничего не теряет, кроме самого Эртца. А на нынешнем этапе игры о жизни Главного инженера вообще вряд ли стоит сокрушаться. Та-ак...

— Возьмись за это дело, Билл,— сказал он.— Человек ты смелый, а дело стоящее.

— Хорошо,— согласился Эртц.— Доброй еды.

Нарби понял намек.

— Доброй еды, — ответил он и, забрав книги, ушел. Только вернувшись к себе, он сообразил, что Эртц так и не дал никакого объяснения своему исчезновению и долгому отсутствию.

Эртц тоже понимал, что и Нарби не был с ним полностью откровенен. Но, зная Нарби, принимал это как должное. Основа для будущих действий была заложена.

Главный инженер провел текущую проверку Конвертера и назначил исполняющего обязанности Вахтенного. Убедившись, к своему удовлетворению, что его подчиненные справятся с работой и во время его дальнейших отлучек, он приказал вызвать к себе Алана Махони. Он хотел было выехать навстречу Алану в носилках, но решил не привлекать внимания к встрече.

...Алан бурно приветствовал его. Для все еще не женатого, работающего на более удачливых людей кадета, все сверстники которого давно уже обзавелись семьями и собственностью, кровное братство с одним из главных Ученых Корабля стало самым выдающимся событием в жизни. Оно затмевало даже все недавние приключения, полный смысл которых его невежественный ум все равно не мог постичь.

Эртц прервал его и быстро закрыл дверь.

— Стены имеют уши, — тихо сказал он, — а у клерков, помимо ушей, еще и языки. Ты что, хочешь, чтобы нас с тобой сунули в Конвертер?

— Прости, Билл, я не сообразил.

— Ладно, оставь. Встретимся на лестнице, по которой мы спускались от Джо-Джима, десятью палубами выше этой. Считать умеешь?

— Даже в два раза больше, чем до десяти. Один да один — два, еще один — получится три, еще один — четыре...

— Молодец. Хватит. Но я больше полагаюсь на твою верность и умение обращаться с ножом, чем на твои математические способности. Встретимся как можно быстрее, и постарайся, чтобы тебя никто не видел.

В месте встречи на посту стоял Сороковой. Эртц окликнул его по имени издалека, держась вне пределов досягаемости ножа и пращи — совсем не лишняя предосторожность, когда имеешь дело с существом, дожившим до своих лет только благодаря умению обращаться с оружием.

Приказав мутанту найти и привести Хойланда. Эртц вместе с Аланом присел отдохнуть.

В жилище Джо-Джима не было ни хозяина, ни Хью. Сороковой застал там Бобо, но что с него толку? Бобо сказал, что Хью пошел на самый верх, туда, где все летают. Но на самый верх Сороковой забирался

лишь раз в жизни и верхних палуб толком не знал. Где там найти Хью? Сороковой растерялся. Нарушать приказы Джо-Джима было небезопасно, а Сороковой раз и навсегда вбил в свою буйную голову, что приказ Эртца — то же самое, что приказ Джо-Джима. Он снова растолкал Бобо.

— Где Мудрые Головы?

— У оружейницы. — Бобо закрыл глаза и захрапел.

Это уже лучше. Где живет оружейница, знал каждый мьют. Все имели с ней дела. Оружейница была незаменимой мастерицей, торговкой и посредницей. Нет нужды говорить, что личность ее была неприкосновенной, а мастерская — нейтральной территорией, где все схватки были запрещены. Туда и направился Сороковой.

Дверь с табличкой «Термодинамическая лаборатория. Вход строго воспрещен» была распахнута настежь. Читать Сороковой не умел, а если бы и умел, все равно бы ничего не понял. Услышав голоса оружейницы и одного из близнецов, он вошел внутрь.

— Хозяин, — начал было он.

— Закройся, — ответил Джо. Джим даже не обернулся, занятый беседой с Матерью Клинков.

— Сделаешь, как тебе говорят, — прорычал он, — и хватит попусту болтать.

Оружейница уставилась на него, уперев все четыре мозолистые руки в широкие бедра. Глаза у нее были красные, ей все время приходилось следить за пламенной печью — по морщинистому лицу на седые редкие усы стекал пот и капал на обнаженную грудь.

— Я делаю ножи, да! — отрезала она. — Честные ножи, а не дрючки для свиней, которые ты от меня требуешь. Придумают тоже — нож длиной с руку, тьфу! — и она плюнула в раскаленную докрасна печь.

— Слушай ты, падаль, — ровным голосом ответил Джим, — или сделаешь, что говорят, или я тебе пятки поджарю в твоей же печке. Ясно?

У Сорокового отвисла челюсть. Да, могущественней его хозяина не было! Никто и никогда, кроме него, не посмел бы так разговаривать с Матерью Клинков!

Оружейница сразу сдалась.

— Но так ведь делать ножи не положено, — жалобно всхлипнула она. — Их же не метнешь. Да я вам сейчас покажу. — Она схватила со стола пояс с ножами и метнула ножи через всю комнату в крестообразную мишень — все четыре сразу. Лезвия вонзились в четыре конца крестовины. — Видел? А твой дрючок разве так метнешь?

— Хозяин, — снова начал Сороковой, но Джо-Джим не оборачиваясь, заткнул ему рот кулаком.

— Ты права, — ответил Джим оружейнице, — но мы вовсе не собираемся метать длинные ножи. Мы ими собираемся колоть и резать на близком расстоянии. Принимайся за работу; пока не сделаешь для меня первый нож, есть не сядешь.

Старуха закусила губу.

— Плата обычная? — резко спросила она.

— Обычная. Десятину с каждого убитого твоим ножом, пока не будет выплачена их стоимость, и хорошая кормежка на все время работы.

Старуха пожала кривыми плечами.

— Ладно. — Она вытянула из-под стола длинный кусок стали и сунула его в печь.

Джо-Джим обернулся к Сороковому.

— В чем дело? — спросил Джо.

— Хозяин, Эртц велел мне найти Хью.

— Так что же ты его не ищешь?

— Бобо сказал, что Хью ушел в Невесомость.

— Ну и иди за ним туда. Хотя нет, заблудишься. Придется мне самому его найти. А ты возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы ждал.

Сороковой заспешил вниз. Хозяин был у него что надо, но мешкать в его присутствии не стоило.

...Обнаружив Кабана и Коротышку, спавших у двери, ведущей в Главную рубку, Джо-Джим понял, что Хью там — он сам назначил их личными телохранителями Хью. Но и так было ясно, что если Хойланд пошел вверх, то наверняка в Главную рубку. Она волшебной силой притягивала его к себе. С того момента, как Джо-Джим в буквальном смысле слова втащил Хью за шиворот в рубку и ткнул носом в действительность, в то, что Корабль — отнюдь не весь мир, а всего лишь песчинка, затерянная в гигантской Вселенной, судно, движением которого можно управлять, одна лишь мысль владела Хью Хойландом, тогда еще пленником-рабом Джо-Джима, одно лишь желание обуревало его — сесть за пульт управления и вести Корабль! Мечты Хью и в сравнение не шли с мечтами земных астронавтов. Стремление в космос, жажда полетов на космических кораблях, подражание романтическим героям-астронавтам были естественными для всех земных мальчишек еще с тех пор, как взлетела первая ракета. Но Хью-то мечтал вести в Полет не просто космический корабль, а весь свой мир! Замысли земляне оснастить свою планету двигателями и ринуться сквозь Галактику, и то их мечта уступала бы в дерзновенности намерениям Хью.

Новый Архимед обрел рычаг. Теперь он искал точку опоры.

Джо-Джим остановился на пороге гигантского стеллариума Главной рубки и заглянул внутрь. Хью он не видел, но был уверен, что тот расположился в кресле Главного навигатора — огни были включены. На стенах ярко мерцало изображение звездного неба, воспроизводимого телескопами с пунктуальной точностью.

Хью, сидя в кресле, гасил сектор за сектором, оставляя лишь один на противоположной себе стороне, отличавшийся от других изображением большого сверкающего шара, затмевающего своей яркостью соседние звезды. Джо-Джим полез к креслу Хью.

— А, это ты, — обернулся тот.

— Вылезай, тебя ждет Эртц.

— Хорошо, но сначала посмотри.

— Да пошли ты его... — сказал брату Джо, но Джим ответил:

— Будет тебе, право, давай посмотрим. Дело ведь недолгое.

Джо-Джим вскарабкался на соседнее с Хью кресло.

— Что еще там? — буркнул Джо.

— Посмотри на эту звезду, — показал Хью на яркий шар. — Она намного больше, чем была в прошлый раз.

— Да она давно уже растет, — ответил Джим. — Когда мы сюда пришли в первый раз, ее почти совсем не было заметно.

— Значит, мы приближаемся к ней.

— Разумеется, — согласился Джо. — Факт давно известный. Еще одно доказательство, что Корабль движется.

— А почему ты мне раньше не говорил?

— О чем?

— О звезде. О том, что она растет.

— Что нам проку с того, что она растет?

— «Что нам проку!» Да в этом же все дело! Это же конец Полета, место, указанное Джорданом!

Слова Хью привели обе головы Джо-Джима в замешательство. Мысли близнецов не шли дальше обеспечения собственной безопасности и привычных удобств, им трудно было понять, что Хью, да и Билл Эртц руководствовались совсем другими соображениями — желанием возродить утраченные достижения далеких предков и довести до конца их дело — давно забытый, превратившийся в мистику Полет на Далекий Центавр.

Первым пришел в себя Джим:

— Почему ты думаешь, что именно эта звезда и есть Далекий Центавр?

— Плевать мне, Центавр она или не Центавр. Но

мы к ней ближе, чем к остальным, и продолжаем приближаться. Одна звезда ничем не хуже другой, когда все равно не знаешь, где которая из них. Слушай, Джо-Джим, а ведь древние умели различать звезды.

— Умели,— ответил Джо.— Но нам-то что с этого? Выбрал ты себе звезду, ну и добро пожаловать. А я пошел вниз.

— Хорошо, я тоже спускаюсь,— неохотно поднялся с кресла Хью.

Эртц изложил Джо-Джиму и Хью содержание своей беседы с Нарби.

— Вот что я предлагаю,— продолжал он.— Я пошлю Алана обратно к Нарби и велю ему передать, что мне удалось вступить с тобой в контакт, Хью, и что я прошу его подняться сюда на ничейную палубу, где покажу ему кое-что очень важное.

— Почему бы тебе самому за ним не пойти и не привести его сюда? — спросил Хью.

— Потому, что так пытался сделать ты, когда пришел ко мне и хотел все объяснить.— Эртц смутился.— Ты вернулся от мьютов с невероятными рассказами, и я тебе не поверил, отдав под суд по обвинению в ереси. Если бы не Джо-Джим, быть бы тебе сейчас в Конвертере. И если бы ты не взял меня в плен и не затащил бы в Рубку, где я все увидел собственными глазами, я бы так тебе и не поверил. Пойми, что Нарби — орешек не менее твердый, чем был я. Мы должны заманить его сюда, а потом показать ему звезды и заставить его их увидеть. Добром, если получится, силой, если потребуется.

— Не понимаю,— сказал Джим,— чего с ним цацкаться. Куда проще перерезать ему глотку.

— Перерезать ему глотку было бы славно, но вряд ли практично. Ты даже не представляешь, Джим, насколько Нарби может быть нам полезен. В Совете нет офицера авторитетнее Нарби. Более того, он давно уже вершит делами от имени Капитана. Перетянув его на свою сторону, мы вообще сможем избежать войны, в исходе которой я, честно сказать, не совсем уверен.

— Сомневаюсь, что Нарби придет. У него нюх на ловушки,— сказал Хью.

— Тем более должен идти Алан, а не я. Меня Нарби сразу начнет «копать», а с Алана взятки гладки. Он ничего не скажет Нарби, кроме того, о чем мы договоримся.

— Точно. Знать ничего не знаю, видеть ничего не видел,— сказал Алан и добавил честно и откровенно: — Я вообще никогда особенно много не знал.

— Джо-Джима ты не видел, о звездах слыхом не слышал. Ты просто мой телохранитель и ординарец. Нарби передашь следующее.— Эртц подробно объяснил Алану, как и что следует говорить. Удостоверившись в том, что тот все понял, он пожелал ему доброй еды.

— Доброй еды,— ответил Алан, стиснув рукоять ножа, и отправился в путь.

Послание Эртца Алан изложил Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга, стоявший за дверью.

— Эртц хочет, чтобы я шел с тобой в страну мьютов? — ошеломленно уставился на него Нарби.

— Не совсем туда, сэр. На ничейную палубу, где можно будет встретиться с Хью Хойландом.

— Что за абсурд! Да я просто пошлю стражу арестовать его и доставить сюда! — взорвался Нарби.

Алан понял, что наступил решающий момент. Он нарочно повысил голос, чтобы слуга за дверью, а может быть, и клерки, услышали его:

— Эртц велел передать, что если вы испугаетесь идти, то можете оставить эту затею. Он сам подымет вопрос на заседании Совета.

Своим дальнейшим существованием Алан был обязан только тому, что Нарби был человеком интеллекта, а не грубой силы. Посматривая на нож на поясе Нарби, Алан с тоской вспоминал свое оружие, которое сдал начальнику охраны, входя в покои Старпома.

Нарби сдержал гнев. Он был слишком умен, чтобы отнести оскорбление на счет стоящего перед ним придурка, хотя и пообещал себе уделить этой деревенщине немного особого внимания в более подходящее время. Сейчас же на принятом им решении сказались в равной мере и задетое самолюбие, и любопытство, и потенциальная угроза потери лица.

— Ты отведешь меня к Эртцу,— сказал он сурово,— и я проверю, правильно ли ты передал его слова.

Нарби хотел было взять с собой конвой, но передумал. Не стоило обнародовать дело, не разобравшись во всех его политических аспектах, да и взять охрану в данном случае все равно что не пойти совсем. Но он нервно спросил Алана, когда тот получал обратно свое оружие:

— Ты хорошо владеешь ножом?

— Даже очень,— бодро ответил Алан.

Нарби от души понадеялся, что Алан не хвастун. Последнее время он часто жалел, что раньше пренебрегал военной подготовкой. Следуя за Аланом, он постепенно успокоился. Во-первых, ничего особенного не случилось, во-вторых, Алан производил впечатление

опытного и надежного разведчика. Двигался он бесшумно, никогда не забывая тщательно обшарить палубу взглядом, прежде чем вылезти на нее из люка. Нарби вряд ли бы сохранил свое с трудом обретенное спокойствие, услышав он то, что слышал из тускло освещенных проходов Алан, — шорохи, из которых было ясно, что за их продвижением следят с флангов. Алан на эти шорохи настораживали, хотя он их и ожидал, понимая, что Хью и Джо-Джим слишком опытные, чтобы оставить проходы без прикрытия. Но, будучи настороже, он все же не испытывал беспокойства — это пришлось бы делать, не сумей он прикрытия обнаружить. Дойдя до условленного места, Алан остановился и свистнул.

Раздался ответный свист.

— Это я, Алан, — крикнул он.

— Выйди на открытое место и покажись!

Алан вышел вперед, не теряя, однако, бдительности. Убедившись, что его встречают друзья — Эртц, Хью, Джо-Джим и Бобо, он сделал Нарби знак следовать за ним.

При виде Джо-Джима и Бобо восстановившееся было самообладание Нарби лопнуло. Он понял, что попал в ловушку. Выхватив нож, Старпом метнулся назад, однако Бобо крутнул свою пращу еще быстрее. На мгновение все застыли, но Джо-Джим разко выбил из его рук оружие.

Нарби удирал что было сил. Хью и Эртц тщетно звали его назад.

— Бобо, возьми его! Живьем, — скомандовал Джим.

Бобо рванулся вперед.

Вскоре он вернулся и, уложив Нарби на пол, заметил:

— Быстро бегают.

Нарби лежал, почти не двигаясь, стараясь восстановить дыхание. Бобо вытащил из-за своего пояса отнятый у Старпса нож и попробовал его на жестких волосах своей левой руки.

— Хороший клинок, — одобрительно хмыкнул он.

— Верни ему нож, — приказал Джо. Бобо удивился, но выполнил приказ, забрав у Джо-Джима свою пращу.

Нарби был удивлен не меньше Бобо тем, что получил свое оружие обратно. Но чувства свои он умел скрывать намного лучше карлика. Он даже сумел изобразить достоинство, принимая нож обратно.

— Послушай, — обеспокоенным голосом начал Эртц, — мне очень жаль, что так вышло. Но другого пути удержать тебя не было.

Усилием воли Нарби восстановил холодное самообладание, с которым обычно воспринимал жизнь со

всеми ее поворотами. «Проклятье,— подумал он,— ситуация просто идиотская. Ну, ладно».

— Забудем об этом,— сказал он вслух.— Просто я шел на встречу с тобой, а увидел вооруженных мьютов. В странные ты игры играешь, Эртц.

— Приношу свои извинения. Следовало, конечно, предупредить тебя,— Эртц позволил себе маленькую дипломатическую ложь.— Но позволь представить тебе Джо-Джима. Он у мьютов все равно что у Экипажа офицер. А с Бобо ты уже познакомился.

— Доброй еды,— вежливо сказал Джо.

— Доброй еды,— машинально ответил Нарби.

Наступило неловкое молчание. Нарби первым нарушил его.

— Я полагаю, Эртц, что у тебя были серьезные причины послать за мной.

— Серьезные,— согласился Эртц.— Настолько, что даже не знаю, с чего начать. Слушай, Нарби, ты мне не поверишь, но я видел собственными глазами: все, что нам сообщил Хью, было абсолютной правдой. Я был в Главной рубке. Я видел звезды.

Нарби уставился на него.

— Эртц,— сказал он размеренно,— ты сошел с ума.

— Ты говоришь так, потому что не видел,— взволнованно выпалил Хью,— но Корабль движется, Корабль...

— Погоди, Хью, дай я сам,— остановил его Эртц.— Слушай меня внимательно. Нарби, сам решай, что к чему, сам делай выводы, но сейчас я хочу рассказать тебе то, что видел и понял я. Меня отвели в Капитанскую рубку — помещение со стеклянной стеной. И за стеной — необъятное пустое черное пространство, такое большое, что ничего больше быть не может, больше Корабля! И в нем горят звезды! Звезды, о которых мы читали в древних мифах!

— Ты ведь считаешься Ученым.— На лице Нарби изумление смешивалось с отвращением.— Где же твоя логика? «Больше Корабля!» Абсурд! Одно понятие противоречит другому: Корабль есть Корабль. Весь остальной мир — лишь его часть. Ты увидел или убедил себя, что увидел что-то из ряда вон выходящее, но чем бы ни было явление, увиденное тобой, оно не может быть больше того объема, в котором содержится. Таковы элементарные законы физической природы мира.

— Словами этого не объяснишь...— снова начал Эртц.

— Конечно, не объяснишь, и я про то же.

Близнецы перешептывались друг с другом с видом полнейшего омерзения. Наконец Джо громко сказал:

— Хватит болтать! Пошли!

— Верно,— охотно согласился Эртц,— давай отложим спор до тех пор, пока ты не удовлетворишься собственными глазами. Фин, пора в путь, идти нам далеко.

— Идти? Куда еще идти?

— Наверх, в Главную рубку.

— Не смей меня. Я иду вниз.

— Нет, Нарби. Вниз ты сейчас не пойдешь. Я и вызвал тебя сюда только для того, чтобы отвести в Рубку.

— Не валяй дурака. Мне туда идти незначем, у меня и так хватает здравого смысла во всем разобраться. Тем не менее ты заслуживаешь поощрения за установление дружественных контактов с мьютами. Полагаю, мы можем выработать определенные принципы сотрудничества с ними...

Джо-Джим шагнул вперед.

— Попусту тратишь время,— ровным голосом сказал Джим.— Мы идем наверх, и ты идешь с нами.

— Об этом не может быть и речи,— покачал головой Нарби.— Но не исключено, что я соглашусь позже, когда мы выработаем принципы сотрудничества.

С противоположной стороны к нему придвинулся Хью Хойланд.

— Если ты не понял, что к чему, то позволь тебе объяснить: ты идешь с нами наверх. Сейчас.

Нарби взглянул на Эртца. Эртц кивнул:

— Именно так дела и обстоят, Нарби.

Нарби злобно выругался про себя. Великий Джордан! Ну и влип. Где только была его голова, когда он согласился идти на встречу с Эртцем? Идиотская ситуация, просто идиотская. А этот двухголовый только и ждет, чтобы он, Нарби, полез в драку. Он опять выругался про себя и сдался, сохраняя, насколько было возможно, хорошую мину при плохой игре.

— Хорошо, я пойду, чтобы не затевать бессмысленных споров. Показывайте дорогу.

— Держись за мной,— ответил Эртц.

Джо-Джим подал условный сигнал пронзительным свистом, и к отряду мгновенно присоединились с полдюжины мутантов, то ли выросшие из-под палубы, то ли горохом скатившиеся с потолка. Нарби даже стало плохо от страха, внезапно охватившего его с новой силой: он только сейчас понял до конца, как далеко завела его неосторожность.

Шли они долго — Нарби с непривычки еле тащился за остальными. По мере подъема равномерное ослабление силы тяжести помогало ему, но оно же и вызывало приступы тошноты. Конечно, как и все, рожденные на борту Корабля, он в какой-то мере адаптировался к ослабленной силе тяжести, но на верхние па-

лубы не забирался со времен бесшабашной юности, и сейчас ему приходилось нелегко. Незадолго до конца пути он совсем выбился из сил. Джо-Джим отослал охрану вниз и приказал было Бобо нести его, но Нарби отмахнулся. Согласно плану Хью они пошли прямо в Капитанскую рубку. В какой-то мере Нарби уже был подготовлен к тому, что его ожидает, как сбивчивыми объяснениями Эртца, так и оживленными рассказами Хью, который держался подле него большую часть пути. Хью даже проникся симпатией к Нарби — наконец-то нашелся свежий слушатель!

Хью вплыл в дверь первым, сделал аккуратное сальто в воздухе и уцепился рукой за кресло. Другой рукой он широким жестом обвел гигантское окно.

— Смотри, вот они! Разве это не прекрасно?

Лицо Нарби сохраняло прежнюю невозмутимость, но он долго и пристально смотрел на звезды.

— Занятно, весьма занятно, — заметил он наконец. — Никогда не доводилось мне видеть ничего подобного.

— «Занятно»! — воскликнул Хью. — Это не то слово. Чудесно, великолепно!

— Пусть будет чудесно, — согласился Нарби. — Эти маленькие огоньки и есть те самые звезды, о которых говорится в мифах?

— Да, — ответил Хью, испытывая какое-то смутное беспокойство, — но они вовсе не маленькие. Они огромны, как Корабль. Они кажутся маленькими из-за гигантского расстояния. Видишь ту, которая поярче? Она больше, чем другие, потому что ближе. Я думаю, это и есть Проксима Центавра, хотя точно не уверен, — сознался он в приливе откровенности.

Нарби быстро глянул на него, потом снова на большую звезду.

— Как далеко до нее?

— Не знаю. Но буду знать. В Главной рубке есть специальные приборы для измерения расстояния, только я пока еще в них не разобрался. Дело не в этом. Главное — мы прилетим туда, Нарби!

— Вот как?

— Вот именно! И завершим Полет!

Нарби хранил непроницаемое молчание. Старпом обладал хорошо дисциплинированным умом и в высшей степени логичным мышлением. Способный администратор, он умел при необходимости принимать мгновенные решения, но по характеру был склонен по мере возможности воздерживаться от выводов и суждений, пока как следует не переварит и не усвоит полученную информацию. Сейчас, в капитанской рубке, Нарби был еще более неразговорчивым, чем обычно. Он вниматель-

но смотрел и слушал, но почти ни о чем не спрашивал. Хью не обращал внимания на это. Рубка была его гордостью, его любимой игрушкой. Он был счастлив одним тем, что мог показать ее новому зрителю и без умолку рассказывать о ней.

На обратном пути по предложению Эртца все остановились у Джо-Джима. Кровным братьям было просто необходимо вовлечь в свое дело Нарби, в противном случае вся операция теряла смысл. Старпом против задержки возражать не стал, придя к выводу, что его безопасности во время этой беспрецедентной вылазки в страну мутантов действительно ничто не угрожает.

Он выслушал Эртца, изложившего их намерения. Но хранил молчание до тех пор, пока у того не лопнуло терпение.

— Мы ждем ответа!

— Ждете моего ответа?

— Разумеется. От тебя многое зависит.

Это Нарби знал. Знал он и то, какой ответ от него ожидается, но по привычке тянул время.

— Что же,— Нарби важно выпятил губу и сплел пальцы.— Мне кажется, что проблему следует разделить на два пункта. Если я правильно понял, Хью Хойланд не может выполнить задуманное и исполнить древний План Джордана, пока весь Корабль не будет объединен под единой властью, пока на всем пространстве от страны Экипажа до Главной рубки не воцарятся единый порядок и дисциплина. Так?

— Именно. Мы должны подобрать вахту для Главного двигателя и...

— Извини, я не кончил. Да и, говоря откровенно, пробелы образования не позволяют мне понять техническую сторону вашего плана. Поэтому здесь я целиком полагаюсь на мнение Главного инженера. Техническое исполнение Плана Джордана — это как раз второй пункт общей проблемы. Естественно предположить, что ради его осуществления ты неизбежно заинтересован в первом.

— Безусловно.

— В таком случае давай ограничимся сейчас первым этапом. Здесь перед нами стоят вопросы чисто политического и административного характера, в которых я разбираюсь лучше, нежели в инженерных. Итак, Джо-Джим ищет возможности добиться мира между мьютами и Экипажем. Мира и доброй еды для всех, не так ли?

— Верно,— согласился Джим.

— Отлично. Я и ряд других офицеров давно уже стремимся к тому же. Но должен признать, что мне

и в голову никогда не приходили иные пути достижения этой цели, кроме применения силы. Мы готовились к долгой, тяжелой и кровавой войне. Ведь в самых древних наших летописях, которые Свидетели передают друг другу по наследству еще с незапамятных времен Мятежа, не найти и упоминания ни о каких других отношениях между нами и мьютами, кроме войны. Но я рад от всей души, что открываются возможности более разумных отношений.

— Так, значит, ты с нами! — воскликнул Эртц.

— Спокойно, спокойно, не все сразу. Здесь многое необходимо обдумать. И ты, Эртц, и я, и Хойланд отлично понимаем, что отнюдь не все офицеры Корабля пойдут за нами. Как быть с ними?

— Проще простого, — вставил Хью. — Будем их приводить по одному в рубку, показывать звезды и объяснять, что к чему.

— У тебя носилки несут носильщиков, — отрицательно покачал головой Нарби. — Я ведь сказал уже, что во всем этом деле вижу два этапа. Нет нужды убеждать человека в том, во что он никак не поверит, когда тебе требуется прежде всего его согласие на более практичные, вполне доступные его пониманию действия. Вот когда мы действительно объединим Корабль под одним руководством, тогда — и только тогда — мы сумеем без затруднений открыть офицерам тайну Рубки и звезд.

— Но...

— Он прав, — остановил Хойланда Эртц. — Не стоит ввязываться в бесконечные религиозные дебаты, когда на первом плане стоит проблема чисто практическая. Очень многие офицеры станут на нашу сторону, если мы выдвинем программу умиротворения и объединения Корабля, но они же, безусловно, выступят против нас, если мы начнем с посягательств на основные каноны религии и заявим, что Корабль движется.

— Но...

— Никаких «но». Нарби прав. Его точка зрения продиктована здравым смыслом. Теперь я изложу Нарби наши соображения по поводу тех офицеров, которых мы не сумеем убедить. Ну, во-первых, конечно, наш с тобой долг провести разъяснительную работу среди них, завербовать как можно больше сторонников. Что до остальных, то Конвертер нуждается в сырье постоянно.

Нарби кивнул. Мысль об убийствах и расправах как о методах проведения политического курса никоим образом не смущала его.

— Это, конечно, подход самый надежный и деловой, но будут трудности в его осуществлении.

— Вот тут-то и пригодится Джо-Джим. За ним будут стоять лучшие бойцы Корабля.

— Ясно. Стало быть, Джо-Джим властен над всеми мьютами?

— С чего ты это взял? — прорычал Джо, неизвестно почему задетый за живое.

— У меня сложилось такое впечатление.

Нарби замолчал. Ему ведь действительно никто не говорил, что Джо-Джим — владыка всех верхних палуб, просто он так уверенно держался... Нарби стало не по себе. Неужели все эти переговоры были напрасны? На кой Хафф ему сдался пакт с двухголовым монстром, если он не представлял всех мьютов?

— Я должен был объяснить сразу, — торопливо вставил Эртц. — Сейчас Джо-Джим самый сильный вождь среди мьютов. Он поможет нам захватить власть, а там при нашей поддержке станет владыкой всех верхних палуб.

Нарби быстро проанализировал ситуацию, исходя из новых данных. Мьюты против мьютов при незначительном участии бойцов Экипажа — это, пожалуй, наилучший способ ведения войны. К тому же такой вариант более приемлем, чем немедленное перемирие, хотя бы потому, что к концу войны мьютов в любом случае станет меньше, чем сейчас. И их будет легче взять под контроль, что значительно сократит опасности любых потенциальных мятежей.

— Ваша идея мне ясна, — заявил он. — А как вы себе представляете последующее развитие событий?

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Хойланд.

Эртц отлично понимал, куда гнет Нарби, Хойланд же только начал смутно догадываться.

— Кто будет новым Капитаном? — Нарби смотрел Эртцу прямо в глаза.

Заранее Эртц этого вопроса не обдумал и лишь сейчас понял его важность. Только решив вопрос о Капитанстве, можно предотвратить кровавую борьбу за власть после переворота. Эртц и сам питал иногда надежды на пост Капитана, но он хорошо знал, что Нарби метит на него давно. Теперь же Эртц так же глубоко, как и Хойланд, был захвачен романтикой плана возобновления управляемого полета Корабля. Осознав, что бывшее честолюбие может помешать осуществлению новой мечты, он отказался от него почти без малейшего сожаления.

— Капитаном будешь ты, Фин. Ты согласен?

Финеас Нарби принял предложение с великодушием.

— Пожалуй, да, коль скоро таковы ваши мнения. Ты и сам был бы отличным Капитаном, Эртц.

Эртц покачал головой, отлично понимая, что с этого мгновения Нарби с ними целиком и полностью.

— Я останусь на посту Главного инженера: хочу заняться двигателями во время Полета.

— Экие вы быстрые,— перебил их диалог Джо.— Я, между прочим, не согласен. С какой это стати Капитаном будет Нарби?

Финеас смерил его взглядом:

— Ты претендуешь на этот пост?

Он произнес свои слова осторожно, избегая малейшего намека на сарказм. Подумать только, мьют лезет в Капитаны!

— Нет, Хафф побери! Но при чем здесь ты? Почему не Эртц или не Хью?

— Я не могу,— заявил Хью.— Мне придется заниматься навигацией, и на административные вопросы у меня времени не останется.

— Пойми, Джо-Джим, Нарби единственный из нас, кто способен склонить на нашу сторону других офицеров,— сказал Эртц.

— Не перейдут к нам, так перережем им глотки, и дело с концом!

— Если Нарби будет Капитаном, обойдемся без кровопролития.

— Не нравится мне это, и все тут,— прорычал Джо, но его брат возразил:

— С чего ты заводишься? Видит Джордан, нам-то такая ответственность не нужна.

— Я вполне понимаю ваши опасения,— вкрадчиво начал Нарби,— но думаю, что они беспочвенны. Без вашей помощи мьютами я управлять все равно не смогу. Я оставляю за собой управление нижними палубами, это для меня дело привычное, а вы, если согласитесь, будете Вице-Капитаном страны мьютот. Глупо с моей стороны братья за управление страной, которую я не знаю, и народом, обычаи которого мне неизвестны. Нет, я не приму пост Капитана, если вы не согласитесь помочь мне. Итак, ваше решение?

— Нет,— отрезал Джо.

— Очень жаль. В таком случае я вынужден отказаться от Капитанства. Без вашей помощи оно мне не по плечу.

— Перестань, Джо,— стоял на своем Джим,— давай согласимся, хотя бы временно. Не можем же мы бросить все на полпути.

— Ладно, пусть будет так,— сдался Джо,— но не нравится мне все это.

Нет нужды пересказывать утомительные подробности дальнейших переговоров. Было решено, что Эртц, Алан и Нарби вернутся вниз к своим обычным

обязанностям и займутся тайной подготовкой переворота.

Хью выделил им охрану до нижних палуб.

— Значит, пошлешь к нам Алана, когда все будет готово? — спросил он Нарби.

— Да, но не жди его скоро. Нам с Эртцем требуется время, чтобы на вербовать сторонников. Да и убедить старого Капитана созвать общее собрание всех офицеров Корабля будет непросто.

— Что ж, это твое дело. Доброй еды.

— Доброй еды.

В тех редких случаях, когда объявлялся общий сбор всех Ученых-жрецов и офицеров Корабля, заседание проводилось в большом зале, расположенном на самой верхней палубе цивилизованного мира. В стародавние забытые времена, еще задолго до Мятажа, возглавляемого младшим механиком Роем Хаффом, здесь размещался гимнастический зал, место развлечения и спорта, о чем нынешние его хозяева и понятия не имели.

Нарби, прячущий тревогу за бесстрастным выражением лица, наблюдал за дежурным клерком, регистрирующим прибывающих. Как только придут несколько опоздавших, он вынужден будет доложить Капитану, что все в сборе, и не сможет больше оттягивать начало собрания, а сигнала от Хью и Джо-Джима все нет и нет. Неужели этот дурень Алан дал себя убить, когда шел наверх с посланием? Упал ли он с трапа и свернул свою никчемную шею? Или нож мьюта проткнул ему живот?

Вошел Эртц. Прежде чем занять свое место среди высших чинов, он подошел к Нарби, сидящему перед креслом Капитана.

— Ну как? — тихо спросил он.

— Все готово, — ответил Нарби, — но ответа пока нет.

Эртц и Нарби оглядели зал, подсчитывая своих сторонников. Не большинство, конечно, но все же... Однако в данном случае дело решится не голосованием, так что...

Дежурный клерк тронул Нарби за рукав:

— Все на месте, сэр. Нет только больных и офицера дежурной вахты Конвертера.

Нарби приказал об этом уведомить Капитана; самого его охватило предчувствие беды — что-то пошло не так.

Капитан, как обычно, не считаясь ни с кем, не торопился на собрание. Нарби был рад отсрочке, но переживал ее мучительно. Наконец старик вплыл в зал, развалясь в окруженных стражей носилках.

Как всегда, с первой минуты совещания он нетерпеливо ждал конца, поэтому, знаком приказав всем сесть, он сразу же обратился к Нарби:

— Изложите повестку дня. Нарби. Надеюсь, вы ее подготовили?

— Так точно, Капитан.

— Так огласите же ее, огласите! Чего вы ждете?

— Есть, сэр.— Нарби обернулся к клерку-чтецу и вручил ему пачку исписанных листков. Клерк просмотрел их, на лице его промелькнуло удивление, но, не получив от Нарби никаких других указаний, он приступил к чтению.

— Петиция Совету и Капитану. Лейтенант Браун, администратор деревни сектора № 9, просит уволить его в отставку по причине преклонного возраста и плохого состояния здоровья...

Клерк подробно перечитал рекомендации соответствующих офицеров и ведомств.

Капитан раздраженно ерзал в кресле и наконец, не вытерпев, перебил чтеца:

— В чем дело, Нарби? Вы что, не можете разобратся с текущими делами сами?

— У меня сложилось впечатление, что Капитан был недоволен решением, принятым мною в прошлый раз по аналогичному вопросу. Я не имею намерения посягать на прерогативы Капитана.

— Что за бред! Вы еще, может быть, Уставу меня учить вздумаете? По этому вопросу должен принять решение Совет и представить его на мое утверждение.

— Так точно, сэр.

Нарби забрал у клерка листки и дал ему другие, содержащие не менее пустячное дело. Деревня сектора № 3, ссылаясь на неожиданную болезнь, поразившую растения их гидропонных ферм, просила оказания помощи и временной отмены налогов. Капитан взорвался при первых же словах клерка. И если бы в этот момент Нарби не получил известия, которого так ждал, ему пришлось бы туго. Человек из его охраны пересек зал и вложил ему в руку клочок бумаги с одним только словом: «Начинай». Нарби мельком глянул на нее, сделал знак Эртцу и обратился к Капитану:

— Сэр, поскольку вы не намерены выслушивать петиции своего Экипажа, я сразу же перейду к основному вопросу повестки дня.— Еле прикрытая наглость этих слов заставила Капитана впиться взглядом в его лицо, но Нарби продолжал как ни в чем не бывало: — Уже давно, в течение жизни многих поколений, Экипаж страдает из-за враждебности мьютов. Наш скот, наши дети, наконец, мы сами находимся в постоянной опасности. На верхних палубах не чтут Устава

Джордана. Даже сам Капитан-Помазанник не имеет туда свободного доступа. Из поколения в поколение мы слышим, что такова была воля Джордана — дети должны расплачиваться за грехи отцов. Однако я никогда не мог принять постулат веры, согласно которому Экипаж должен жить в вечных муках.

Нарби сделал паузу.

Старый Капитан ушам своим не верил. Подняв руку и с трудом обретя голос, он выкрикнул:

— Ты оспариваешь Учение?

— Нисколько. Я лишь считаю, что действие Устава должно быть распространено и на мьютов.

— Вы, вы... Вы освобождены от своих обязанностей, сэр!

— Ну нет, — ответил Нарби, на этот раз и не думая скрывать издевку. — Нет. Сначала я выскажусь до конца.

— Взять его!

Но охранники Капитана не сдвинулись с места, хотя и чувствовали себя неловко. Охрану Капитана Нарби всегда подбирал сам. Повернувшись к ошеломленному Совету и поймав взгляд Эртца, Нарби сказал:

— Приступайте.

Эртц ринулся к двери. Нарби продолжал:

— Многие из присутствующих здесь разделяют мои взгляды, но мы всегда исходили из того, что за их утверждение придется воевать. По воле Джордана мне удалось наладить контакты с мьютами и заключить мир. Их вожди прибыли для переговоров с нами. Прошу. — И он указал на дверь.

Эртц вернулся в зал, за ним шли Хью Хойланд, Джо-Джим и Бобо. Хойланд свернул направо. Следовавшие за ним гуськом отборные головорезы Джо-Джима взяли зал в полукольцо. По левой стороне зала такая же цепочка выстроилась вслед за Джо-Джимом и Бобо. Зал был окружен.

Джо-Джим, Хью и по полдюжины бойцов в обеих колоннах были одеты в грубо сработанные железные доспехи, спускающиеся ниже пояса. Головы их прикрывали неуклюжие шлемы, сделанные из стальных решеток, чтобы не затруднять обзора. Одетые в доспехи бойцы, как и многие другие, были вооружены невиданными ножами в руку длиной.

Офицеры без труда остановили бы вторжение в узких дверях зала, но, застигнутые врасплох, обескураженные и растерянные, они были беспомощны, тем более что неожиданных гостей привели их собственные наиболее авторитетные вожди. Беспokoйно шевелясь в креслах, хватаясь за ножи, офицеры искали во взглядах друг друга совета. Но ни у кого не хва-

тило решимости сделать шаг, который послужил бы сигналом к началу битвы.

— Так что же, согласны вы принять мирную делегацию мьютов? — повернулся к Капитану Нарби.

Казалось бы, что возраст и привычка к безбедной жизни удержат Капитана от ответа, вообще удержат его от каких бы то ни было ответов на будущее, но он прохрипел:

— Убрать их! Убрать! А ты, ты отправишься за это в Полет!

Обернувшись к Джо-Джиму, Нарби поднял вверх большой палец. Джо-Джим шепнул что-то Бобо — и нож по самую рукоять вошел в жирное брюхо Капитана. Тот даже не вскрикнул, только жалобно всхлипнул, и лицо его приняло выражение крайнего удивления и растерянности. Неловко нащупав рукоять ножа, как бы желая убедиться, что в животе у него действительно сидит клинок, Капитан прохрипел: «Мятеж, мя...» — и тяжело рухнул лицом на стол.

Нарби ногой спихнул труп на пол и приказал двум охранникам убрать его. Те беспрекословно повиновались, обрадованные, что нашелся наконец хозяин, который будет ими командовать. Нарби обратился к застывшему в молчании залу:

— Кто еще возражает против мира с мьютами?

Престарелый офицер, в спокойствии и уюте проживший жизнь в отдаленной деревне, встал и выпятил костлявый палец в сторону Нарби. Седая борода его тряслась от возмущения.

— Джордан накажет тебя за это! Грех и мятеж! Ты продал душу Хаффу!

Нарби сделал знак, и слова старика застряли в гортани. Острие ножа, пронзив шею, вышло у уха. Бобо был доволен собой.

— Хватит, поговорили, — объявил Нарби. — Лучше обойтись малой кровью сейчас, чем большой кровью потом. Те, кто согласен со мной, встаньте и выйдите вперед.

Эртц показал пример, шагнув первым и увлекая за собой самых верных своих сторонников. Он поднял нож острием вверх.

— Салют Финеасу Нарби, Капитану-Помазаннику!

Его сторонникам ничего не оставалось, кроме как провозгласить здравицу новому Капитану.

Нарби хором салютовали и молодчики из его клики — костяк блока рационалистов Ученых-жрецов. Увидев, куда склоняется чаша весов, к ним начали присоединяться и остальные. Лишь незначительная кучка офицеров, в основном стариков и религиозных фанатиков, осталась на местах.

Увидев, что Нарби приказал собрать их всех вместе и сделал знак головорезам Джо-Джима, Эртц взял его за руку.

— Их мало, и опасности они не представляют,— сказал он.— Давай просто разоружим их и уволим в отставку.

Нарби неприязненно посмотрел на него.

— Оставить их в живых — значит посеять семена раздора и мятежа. Я вполне способен принимать решения самостоятельно, Эртц.

— Хорошо, Капитан,— закусил губу Эртц.

— Так-то оно лучше,— Нарби подал знак Джо-Джиму.

Длинные ножи работали быстро.

Хью держался подальше от места расправы. Его старый учитель Лейтенант Нельсон, администратор их деревни, заметивший когда-то способности Хью и отобравший его для учебы, был в числе убитых. Такого поворота событий Хью не предвидел.

За покорением мира следует его объединение. Верой или мечом. Бойцы Джо-Джима, усиленные людьми Капитана Нарби, прочесывали средние и верхние палубы. Мьютам, закоренелым индивидуалистам, по самому образу жизни не способным подчиняться никому, кроме вождя собственной маленькой шайки, было не по плечу противостоять планомерному наступлению Джо-Джима, да и оружие их не шло ни в какое сравнение с длинными ножами, разящими насмерть, когда обороняющийся только готовился еще парировать удар.

По стране мьютов поползла молва, что лучше всего без боя покориться армии Двух Мудрых Голов — сдавшимся будет обеспечена добрая еда. Иначе — верная смерть.

Но дело шло медленно — столько было палуб, столько миль мрачных коридоров, бесчисленных жилищ, в которых могли укрыться непокоренные мьюты. Операция замедлялась и по мере продвижения вперед, поскольку Джо-Джим ввел патрулирование и внутреннюю охрану в каждом завоеванном секторе, на каждой палубе и у каждого люка.

К глубокому огорчению Нарби, Двухголовый из этих боев выходил живым и невредимым. Джо-Джим уяснил из своих книг, что генералу нет нужды принимать непосредственное участие в схватках.

Хью не покидал Рубки. И не только потому, что был поглощен головоломными приборами, в которых пытался разобраться. Смерть Лейтенанта Нельсона вызвала у него отвращение к кровавой чистке. К на-

силию он привык давно, оно и на нижних палубах было в порядке вещей, но сейчас что-то смутно мучило его, хотя осознанно он себя в гибели старика не ви- нил. Просто он бы предпочел, чтобы обошлось без этого.

Но приборы, приборы! Да, вот чему стоило отдать свое сердце! Он ведь взялся за дело, перед которым спасовал бы любой грамотный землянин, заведомо зная, что управление звездолетом требует глубокой подготовки и богатого опыта полетов на более простых кораблях.

Но Хью Хойланд этого не знал. Поэтому он смело взялся за дело и добился своего.

На каждом шагу ему помогал гений создателей этого корабля. Управление большинством механизмов всегда основано на простейших движениях: вперед-назад, направо-налево, вверх-вниз и бесчисленном множестве их комбинаций. Настоящие трудности в работе с механизмами и машинами лежат в их эксплуатации, ремонте, профилактике и обслуживании.

Однако приборы и двигатели звездолета «Аван- гард» не нуждались в ремонте или замене сносив- шихся частей. Их изощренность превышала обычный уровень, движущиеся детали в них вообще не исполь- зовались, и трение не играло роли; они не нуждались в настройке. Хью никогда бы не смог разобраться в этом оборудовании, никогда не научился бы ремон- тировать его. Но этого и не требовалось.

«Авангард» в ремонтниках не нуждался. За исклю- чением разве что вспомогательного оборудования — подъемников, конвейеров, линий доставки еды, авто- массажеров и так далее. Все это оборудование, в ко- тором применение движущихся частей было неизбеж- ным, сносилось и приходило в негодность еще задолго до появления первого Свидетеля. Детали и целые механизмы, потерявшие значение и смысл, либо были отправлены в Конвертер как бесполезный хлам, либо были приспособлены для практических нужд. Хью и знать не знал, что это когда-то существовало; остатки каких-то разобранных приспособлений в различных помещениях Корабля были в его глазах естественным природным явлением.

Проектировщики «Авангарда» исходили из того, что он достигнет цели не ранее чем через два поколения. Они ставили своей задачей по мере возможности об- легчить судьбу будущих, еще не рожденных пилотов, которые доведут «Авангард» до Проксимы Центавра. Хотя такого упадка технической культуры, какой имел место в действительности, проектировщики не предвидели, они все же старались, как умели, мак-

симально упростить управление Кораблем, сделать его наглядным, легкодоступным.

Земной подросток, в меру смысленный, выросший в развитой стране и с детства знакомый с самой идеей космических полетов, разобрался бы в пульте управления «Авангарда» за несколько часов. Хью, выросший в невежестве, в вере, что Корабль — это и есть весь мир, долгие годы не умевший выйти в своем воображении за пределы палуб и коридоров, был вынужден потратить на это много времени. Основным камнем преткновения были две абсолютно чуждые его восприятию концепции — глубокое пространство и метрическое время. Он научился обращаться с дистанциометром — прибором, специально разработанным для «Авангарда», — и снял с него данные о расстоянии до нескольких ближайших звезд, но это все равно ничего не говорило ему. Они измерялись в парсеках и в его глазах были бессмысленны. Попытавшись с помощью Священных книг перевести их в линейные единицы, он получил цифры, которые ему казались смехотворными и заведомо неверными. Проверка за проверкой чередовались долгими раздумьями, прежде чем перед ним забрезжило хоть какое-то туманное представление об астрономических величинах.

Эти величины ошеломили и напугали его. Им овладели чувства отчаяния и безнадежности. Он покинул Рубку и занялся выбором жен. Впервые с тех давних пор, как он попал в плен к Джо-Джиму, он почувствовал интерес к женщинам и получил возможность его удовлетворить. Выбор был большой. Подросло новое поколение деревенских девушек, да и к тому же военные операции Джо-Джима сделали многих женщин вдовами. Хью воспользовался своим высоким положением в новой иерархии Корабля и выбрал себе двух жен: молодую вдову, сильную и умелую самку, привыкшую создавать домашний уют мужчине. Он поселил ее в своем новом жилище, предоставил свободу действий в доме и позволил ей сохранить свое прежнее имя — Хлоя. Вторая была девушкой необузданной и дикой, как мьют. Хью и сам не знал, почему он выбрал именно ее. Уметь она ничего не умела, но чем-то привлекала его. Имени ей он так и не придумал.

Метрическое время заставило его поломать голову не меньше, чем астрономические величины, но эмоциональных потрясений не вызвало. В мире Корабля и понятия такого не было. Экипаж имел представление об обиходных основных понятиях: «сейчас», «прежде», «было», «будет», даже такие, как «медленно» и «быстро», но идея измеряемого времени

была утрачена. На Земле даже первобытные племена имели понятия измеряемого времени, хотя бы только дней и времен года, но ведь все земные концепции измеряемого времени строятся на астрономических явлениях, а Экипаж был от них изолирован давным-давно.

На пульте управления Хью нашел единственные сохранившиеся в Корабле часы, но ему долго пришлось ломать голову, прежде чем он понял их назначение и связь с другими приборами. Пока он не разобрался в этом, управление Кораблем было ему недоступно. Скорость и ее производное — ускорение — основываются на понятии измеряемого времени.

Но, как следует разжевав и усвоив две новые концепции и перечитав заново в их свете древние книги, он стал, хотя и в очень ограниченном смысле слова, астронавтом.

Хью искал Джо-Джима, чтобы спросить совета. Головы Джо-Джима всегда поразительно быстро ображались, особенно если ему была охота их напрячь. Но поскольку это случалось с ним не часто, он так и оставался во всем дилетантом.

У Джо-Джима Хью застал Нарби, уже собравшегося уходить. Для успешного проведения кампании по умиротворению мяутов Нарби и Джо-Джиму часто приходилось совещаться. К их взаимному удивлению, они хорошо ладили. Нарби был умелым администратором. Доверяя кому-то определенную ответственность, он не стоял над душой и не требовал отчета по каждой мелочи. Джо-Джим, в свою очередь, удивлял и радовал Нарби, что был намного способнее всех его офицеров. Симпатий они друг к другу отнюдь не испытывали, но чувствовали взаимное уважение к уму партнера и понимали, что их личные интересы совпадают.

— Доброй еды, Капитан, — по-уставному приветствовал Хью Нарби.

— А, привет, Хью, — ответил Нарби и снова повернулся к Джо-Джиму. — Так я буду ждать доклада.

— Да, мы его подготовим, — ответил Джо. — Вряд ли их там осталось больше дюжины. Мы их или выбьем оттуда, либо заморим голодом.

— Я не мешаю? — спросил Хью.

— Нет, я уже уйду. Как идут твои грандиозные дела, дружище? — Он улыбнулся, и эта улыбка разозлила Хью.

— Дела идут хорошо, но медленно. Представить доклад?

— Не к спеху. Да, кстати, я наложил табу на обе

руки и на двигатель, в общем, на весь ярус невесомости. И для Экипажа и для мьютов.

— Пожалуй, это правильно. Никому, кроме офицеров, не следует там пока шататься.

— Ты меня не понял. Я имею в виду всех, и офицеров тоже. Исключая нас, разумеется.

— Нет, так не пойдет. Единственная реальная возможность убедить офицеров в нашей правоте — это показать им звезды!

— Именно поэтому я и наложил табу. Сейчас, когда я занят консолидацией власти, я не могу позволить смущать умы моих офицеров столь радикальными идеями. Разгораясь религиозные страсти, а это подорвет дисциплину.

Хью был настолько ошеломлен и расстроен, что даже не сразу нашелся с ответом.

— Но ведь это наша цель, — сказал он наконец. — Именно для этого тебя и сделали Капитаном.

— И как Капитану мне придется принимать окончательные решения по политическим вопросам. Данный вопрос исчерпан. Тебе не разрешается водить людей в невесомость до тех пор, пока я не сочту это возможным. Придется потерпеть.

— Он прав, Хью, — заметил Джим. — Не стоит создавать почву для разногласий, пока мы не закончим войну.

— Дайте-ка мне разобраться до конца, — стоял на своем Хью. — Эти меры носят временный характер?

— Можешь считать так.

— Что ж, ладно. Но постой-ка, ведь Эртцу и мне необходимо немедленно начать обучение помощников.

— Хорошо, представь мне список кандидатов на утверждение. Кого именно ты имеешь в виду?

Хью задумался. Ему-то помощник не особенно был нужен. Хотя в рубке шесть кресел, один человек в кресле навигатора вполне мог управиться с пилотированием Корабля. То же касалось и Эртца...

— Эртцу потребуются носильщики, чтобы доставлять массу к Главному двигателю.

— Пусть составит список. Я подпишу. Проследи за тем, чтобы все носильщики были подобраны из мьютов, уже бывавших в запретной зоне ранее.

Нарби повернулся и вышел с видом правителя, завершившего аудиенцию.

Хью посмотрел ему вслед.

— Не нравится мне это все, — сказал он Джо-Джиму. — Ну да ладно. Я ведь пришел поговорить совсем о другом.

— Что у тебя на уме, приятель?

— Слушай, как мы... Ну, понимаешь, завершим мы

Полет. Мы сведем Корабль с планетой, как...— соединил сжатые кулаки.

— Верно, продолжай.

— Так вот, когда мы сделаем это, что будет потом? Как мы выйдем из Корабля?

Этот вопрос застал близнецов врасплох и вызвал спор между ними. Наконец Джо перебил брата.

— Погоди-ка, Джим. Давай рассуждать логично. Если Корабль был построен для Полета, то ведь должна быть дверь, не так ли?

— Верно.

— Но на верхних палубах дверей нет. Следовательно, они должны быть внизу.

— Но там их тоже нет,— возразил Хью,— мы там все исследовали. Двери где-нибудь у вас, в стране мьютов.

— В таком случае,— продолжал Джо,— их следует искать либо в передней, либо в задней части Корабля. Но за помещением Главного двигателя нет ничего, кроме переборок. Следовательно, искать надо в передней части:

— Глупо,— заметил Джим.— Там Главная и Капитанская рубки, и больше ничего...

— Ничего? А о запертых жилищах ты забыл?

— Там-то уж точно дверей наружу нет.

— Непосредственно наружу нет, но, может быть, через эти жилища к ним можно выйти, балда ты.

— От балды и слышу. Даже если ты прав, как ты их откроешь, умник?

— Что такое «запертые жилища»? — спросил Хью.

— Ты не знаешь? В переборке, за которой расположена дверь, ведущая в Главный двигатель, есть еще семь дверей. Открыть их нам так и не удалось.

— Пойдем посмотрим. Может быть, это и есть то, что мы ищем.

— Время только терять,— буркнул Джим.

Но они пошли, прихватив с собой Бобо. Его сила могла пригодиться. Но даже вздувшиеся мышцы Бобо не справились с рычагами, которые, по-видимому, приводили двери в движение.

— Убедился? — иронически сказал брату Джим. Джо пожал плечами:

— Ты был прав. Пошли отсюда.

— Подождите немножко,— взмолился Хью.— Кажется, на второй двери ручка чуть-чуть повернулась. Давай попробуем еще раз.

— Без толку это все,— ответил Джим.

— Раз уж пришли, давай попробуем еще,— возразил Джо.

Бобо приналег, вжавшись плечом под рычаг и

упершись в пол ногами. Неожиданно рычаг подался, но дверь не открылась.

— Сломал,— сказал Джо.

— Похоже, что так,— согласился Хью и оперся на дверь рукой. Дверь распахнулась.

К счастью для всех троих, она не вела в Космос. В их жизненном опыте неоткуда было взяться представлению об открытом вакууме и его опасностях.

Короткий узкий коридор привел к еще одной, на этот раз полуоткрытой двери. Силач Бобо распахнул ее без труда.

Еще шесть футов коридора, и они уперлись в очередную дверь.

— Не понимаю,— пожаловался Джим, пока Бобо занимался ею,— к чему эти бесконечные двери?

— Подожди, может, поймешь,— посоветовал ему брат.

За третьей дверью открылось помещение, состоящее из нескольких странных, маленьких, непривычной конфигурации жилищ.

Бобо двинулся вперед на разведку с ножом в зубах. Хью и Джо-Джим шли медленно, это странное место заворожило их.

Бобо вернулся, погасил скорость полета, опершись о переборку, вынул нож из рта и доложил:

— Нет двери. Больше нет. Бобо смотрел.

— Должна быть,— настаивал Хью, раздраженный тем, что карлик разбил его надежды.

— Бобо хорошо смотрел,— пожал плечами мутант.

— Проверим сами.

Хью и Джо-Джим разошлись в противоположные стороны, внимательно осматривая и изучая помещение.

То, что Хью нашел вместо двери, заинтересовало его больше. Находка просто была невозможной. Он хотел было позвать Джо-Джима, но Джим как раз в этот момент крикнул:

— Хью, иди сюда!

Хойланд неохотно оторвался от своей находки и пошел к близнецам.

— Слушайте, я там такое нашел...

— Плюнь на то, что ты нашел,— перебил его Джо.— Смотри сюда.

Хью посмотрел. Перед ним был конвертер. Маленький, но, несомненно, конвертер.

— Бессмыслица какая-то,— сказал Джим.— Зачем нужен конвертер в таком маленьком жилище? Ведь эта штукавина может обеспечить энергией и светом добрых полкорабля. Что ты об этом думаешь, Хью?

— Не знаю даже, что и думать, но если ваша находка кажется вам странной, то взглянем на мою.

— А ты что нашел?

— Пойдем покажу.

Хойланд привел Джо-Джима в маленькую комнату, одна стена которой была сделана из стекла. Стекло было темным, как будто извне что-то загораживало вид. Напротив стены стояли два кресла, в подлокотниках которых и на приборных досках перед ними светились такие же квадратики маленьких огоньков, как в Главной рубке.

Джо-Джим попытался найти прибор, который воспроизвел бы панораму звездного неба на стеклянной стене перед ними. Попытки не увенчались успехом. Не мог же он знать, что это стекло не экран, а иллюминатор, заслоненный корпусом самого Корабля. Манипулируя наугад пальцами, Джо-Джим включил приборы, над которыми зажглась надпись «Пуск». Слово это ничего не говорило ему, и он не обратил на него внимания. Тем более что ничего существенного не произошло, разве что замигал красный огонек и вспыхнула еще одна надпись: «Открыт герметический шлюз».

Джо-Джиму, Хью и Бобо очень повезло, что шлюз был открыт. Затвори они за собой двери и оставь их далекие предки в Конвертере хоть несколько граммов массы, пригодной для превращения в энергию, все трое весьма неожиданно для себя очутились бы в корабельной шлюпке, запущенной в космос без какой бы то ни было подготовки к полету: в маленьком космическом суденышке, системе управления которым они лишь смутно начали постигать по аналогии со схемой приборов Главной рубки.

Им вряд ли удалось бы ввести шлюпку обратно в док, вероятнее всего они разбились бы о Корабль.

И никто из них не подозревал, что найденное ими «жилище» само по себе было маленькой космической ракетой. Им и в голову никогда не приходило, что Корабль может быть оснащен шлюпками.

— Выключи свет,— попросил Хью.

Джо-Джим выполнил его просьбу.

— Итак?..— продолжал Хью.— Что вы думаете по поводу этой находки?

— Дело ясное,— ответил Джим.— Это вторая рубка. Раньше мы не знали о ней, потому что не могли открыть дверь.

— Нелогично,— возразил Джо.— Зачем Кораблю две рубки?

— А зачем человеку две головы? — ответил вопросом на вопрос его брат.— С моей точки зрения, твоя — явное излишество.

— Не сравнивай, мы с тобой такими родились. Но Корабль-то строили по проекту.

— Ну и что? Мы же носим два ножа, разве нет? Мы что, так и родились с ними? Запас карман не тянет.

— Но как отсюда управлять Кораблем? — запротестовал Джо. — Ничего же не видно. Уж если дублировать управление, то в Капитанской рубке, оттуда видны звезды.

— А это что? — спросил Джим, показывая на стеклянную стену.

— Пошевели мозгами, — ответствовал Джо. — Эта стена выходит внутрь Корабля, а не наружу. Здесь нет приборов для воспроизведения звездного неба.

— Может, мы их просто не нашли.

— Хорошо, но тогда зачем здесь Конвертер? Уверяю тебя, его установили не случайно.

— Ну и что?

— Наверняка он как-то связан со всеми этими приборами.

— Почему ты так думаешь?

— А потому! С чего бы устанавливать в одном отсеке и приборы и Конвертер, если они друг к другу никакого отношения не имеют?

Хью, все время обескураженно молчащий, поднял голову. В аргументах братьев даже противоречия казались обоснованными и логичными. Запутанная ситуация. Но Конвертер, Конвертер...

— Послушайте! — вдруг выпалил Хью.

— Чего ты там еще надумал?

— А что, если... а что, если эта часть Корабля движется?

— Естественно. Весь Корабль движется.

— Да нет же, — сказал Хью нетерпеливо. — Я совсем о другом. Что, если эта часть Корабля может двигаться самостоятельно? Пульс управления и Конвертер! Вот в чем секрет — эта секция может отделиться от Корабля и летать сама по себе!

— Сомнительно.

— Возможно. Но если я все же прав, то мы нашли искомое. Это и есть выход наружу.

— Как так? — спросил Джо. — Что за чушь! Здесь же нет двери.

— Но если эту штуку отвести от Корабля, то наружу можно выйти через дверь, в которую мы вошли!

Две головы одновременно повернулись к нему, потом посмотрели друг на друга. Джо-Джим повторил свой эксперимент с приборной доской.

— Видишь? — сказал Джим. — «Пуск». Пуск это значит — привести корабль в движение.

— Почему же ничего не происходит?

— «Открыт герметический шлюз». Имеется в виду дверь, все двери, через которые мы прошли.

— Попробуем закрыть?
— Надо сначала включить Конвертер.
— Давай.
— Не спеши, не спеши. Кто знает, что получится? Вылетим еще, чего доброго, а обратно вернуться не сможем. Помрем тогда с голода.

— Х-мм-м, верно. Надо осмотреться, продумать все хорошенько.

Прислушиваясь к спору близнецов, Хью внимательно исследовал приборную доску, пытаясь разобраться, что к чему. Увидев ящичек на панели перед креслом, он сунул в него руку.

— Смотрите, что я нашел!

— Книга? — сказал Джо. — Да их у Конвертера целая куча.

— Покажи, — сказал Джим.

Хью открыл найденную книгу.

— «Бортовой журнал звездолета «Авангард», — прочитал он. — «2 июня 2172 года. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

— Что?! — завопил Джо. — Дай посмотреть!

— «3 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

«4 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости. В 13.00 капитан объявил список поощрений и дисциплинарных взысканий. См. Административный журнал».

«5 июня. Полет продолжается с прежней крейсерской скоростью».

— Дай сюда!

— Подожди, — ответил Хью. — «6 июня. В 04.31 вспыхнул мятеж. Младший механик Хафф захватил несколько ярусов и, объявив себя Капитаном, предложил вахте сдаться. Вахтенный офицер объявил его арестованным и вызвал каюту Капитана. Ответа не было».

«04.35. Связь прервана. Вахтенный офицер отправил трех рассыльных известить Капитана, а также найти коменданта гауптвахты и содействовать аресту Хаффа».

«04.41. Конвертер отключен, перешли в свободный полет».

«05.02. Рассыльный Лэси, один из троих, посланных ранее вниз, вернулся в рубку. Доложил на словах, что остальные двое — Малькольм Янг и Артур Сирс — убиты, а его отпустили только для того, чтобы предложить вахте сдаться. Мятежники дают нам срок на размышления до 05.15».

Следующая запись в журнале была сделана другим почерком.

«05.45. Я сделал все возможное, чтобы связаться с другими постами и офицерами Корабля, но мои попытки не увенчались успехом. Исходя из сложившихся обстоятельств, считаю своим долгом покинуть рубку управления, не дожидаясь смены, и попытаться восстановить порядок в нижних ярусах. Поскольку мы не вооружены, мое решение может быть ошибкой, но ничего другого мне не остается. Джин Болдуин, пилот третьего класса, вахтенный офицер».

— Это все? — спросил Джо.

— Нет, — ответил Хью.

«1 октября (приблизительно) 2172 года. Я, Теодор Маусон, бывший рядовой интендантской службы, был сегодня избран Капитаном «Авангарда». Со времени занесения в этот журнал последней записи многое изменилось. Мятеж был подавлен или, вернее, угас сам собой, но последствия его трагичны. Погиб весь командный состав, перебиты все пилоты и инженеры. Поэтому меня и выбрали Капитаном — не нашлось никого, более подходящего.

Мы потеряли около 90 процентов экипажа. Со дня мятежа не производились новые посевы, гидропонные фермы запущены, запасы продовольствия приближаются к концу. Среди не сдавшихся еще мятежников уже были отмечены случаи людоедства.

Моя первостепенная задача — установить хоть какое-то подобие порядка и дисциплины среди экипажа. Следует возобновить посевы и установить постоянную вахту у Вспомогательного конвертера, который теперь стал нашим единственным источником света, тепла и энергии».

Дата следующей записи не была указана.

«Последнее время мне было не до аккуратного ведения журнала. Сказать по правде, я даже приблизительно не представляю, какое сегодня число. Корабельные часы давно остановились. То ли из-за неполадок в Вспомогательном конвертере, то ли из-за внешней радиации. Поскольку Главный конвертер не функционирует, мы утратили поле радиационной защиты вокруг Корабля. Мой Главный инженер уверяет, что Главный конвертер можно пустить, но у нас нет навигаторов. Я пытался обучиться навигации по сохранившимся книгам, но математика слишком сложна для меня. Из-за радиации примерно каждый двадцатый ребенок рождается уродом. Я ввел спартанский кодекс — эти дети не должны жить. Суровая необходимость.

Я становлюсь стар и дряхл, пора подыскивать себе преемника. Я — последний на борту, кто родился на

Земле, но и я мало что о ней помню — мне было пять лет, когда мои родители отправились в полет. Я не знаю, сколько мне лет сейчас, но ясно понимаю одно — до Конвертера мне осталось совсем немного.

В психологии моих людей происходит любопытный сдвиг. Они никогда не жили на планете, поэтому с течением времени им все труднее становится воспринимать какие-либо концепции, не связанные непосредственно с Кораблем, или представлять себе природные явления, не связанные с жизнью в нем. Я оставил всякие попытки пробудить их воображение и мысль; они вряд ли пойдут на пользу, если у меня все равно нет надежды хоть когда-нибудь вывести мой экипаж из мрака. Жизнь у моих людей тяжелая, они вырастают урожаем только для того, чтобы потом драться за него, отбивая налеты отщепенцев, все еще прячущихся в верхних палубах. Так зачем же растравлять их душу рассказами о лучшем бытии?

Я принял решение не передавать этот боржурнал моему преемнику. Лучше я спрячу его в единственной сохранившейся после бегства мятежников шлюпке. Там он будет в безопасности, здесь же какой-нибудь идиот, не задумываясь, пустит его на топливо для Конвертера. Недавно я застал вахтенного в тот момент, когда он закладывал в Конвертер последний экземпляр бесценной «Всеземной энциклопедии». Проклятый дурень неграмотен, не умеет ни читать, ни писать. Надо издать закон об охране книг».

«Это моя последняя запись. Я долго откладывал приход сюда, чтобы спрятать журнал в безопасное место, — подниматься на верхние палубы очень опасно. Но жизнь моя значения больше не имеет, а я хочу умереть уверенный в том, что сохранится правдивая летопись событий.

Теодор Маусон, Капитан».

Когда Хью кончил читать, близнецы против обыкновения долго молчали. Наконец Джо глубоко вздохнул и сказал:

— Вот, значит, как оно все было.

— Жаль его, беднягу, — тихо вымолвил Хью.

— Кого? Капитана Маусона? Почему?

— Нет, не его. Я имел в виду пилота Болдуина. Представляешь, каково ему было выходить за дверь, где его поджидал Хафф. — Хью передернуло. Человек он был просвещенный, но при всей широте своих взглядов подсознательно представлял себе Хаффа — «Первым Хафф согрешил, будь он проклят вовек!» — существом ростом с двух Джо-Джимов, силой с двух Бобо и с клыками вместо зубов.

Хью заимствовал у Эртца несколько носильщиков, которые стаскивали трупы жертв военных действий к Главному конвертеру на топливо, и приказал им доставить в шлюпку запасы воды, продовольствия и массу для Конвертера. Нарби он об этом не сообщил и вообще утаил от него найденную шлюпку. Почему — сам не знал, просто Нарби раздражал его.

Между тем звезда на экране Главной рубки росла и росла, пока не превратилась в яркий сверкающий диск. Такой яркий, что на него больно было смотреть. Изменилось и ее положение — она переместилась почти в центр. Если Корабль продолжит свой неуправляемый дрейф, то опишет вокруг звезды гиперболу и снова исчезнет в глубинах космоса.

Хью долго, очень долго вычислял траекторию полета. Сохранись на Корабле земное исчисление времени, он увидел бы, что у него ушло на это несколько недель. Еще дольше Эртц и Джо-Джим проверяли его расчеты и с трудом заставили себя поверить в правильность полученных ими цифр — до того они казались нелепыми. И еще больше времени ушло на то, чтобы убедить Эртца, что для сближения двух тел в пространстве необходимо прилагать силу, направленную в сторону, противоположную желаемой, то есть упереться пятками, изо всех сил затормозить и погасить силу инерции. Пришлось провести целый ряд экспериментов в свободном полете в невесомости, прежде чем Эртц поверил в это. Сам-то он просто собирался разогнать Корабль и на полном ходу направить его на звезду.

Хью и Джо-Джим рассчитали силу торможения, необходимую для погашения скорости «Авангарда» и вывода его на орбиту вокруг звезды, чтобы затем начать поиск планет. Эртц с трудом усвоил разницу между звездой и планетой. Алан вообще ничего не понял.

— Если мои расчеты верны, — сказал Эртцу Хью, — пора разгонять Корабль.

— Главный двигатель готов, — ответил Эртц. — У нас уже достаточно массы.

— Нужно идти к Нарби за разрешением.

— Это еще зачем?

— Он же Капитан, — пожал плечами Хью.

— Хорошо. Зови Джо-Джима и пойдем.

В помещении Джо-Дима они нашли Алана.

— Коротышка сказал, что Двухголовый ушел к Капитану, — сообщил им Алан.

— Прекрасно. Мы как раз хотели позвать его туда. Алан, старик, мы начинаем!

— Уже? Вот здорово! — выпучил глаза Алан.
— Идем с нами к Капитану.
— Подождите, я только предупрежу свою бабу.—
И он побежал в свое жилище, находившееся рядом.
— Балует он ее,— заметил Эртц.
— Иногда это от нас не зависит,— ответил Хью с отсутствующим взглядом.
Алан быстро вернулся, успев, однако, переодеться.
— Пошли! — крикнул он возбужденно.

Алан гордо вышагивал к кабинету Капитана. Он теперь стал значительным лицом — идет себе рядом с влиятельными друзьями, а охрана, знай, честь отдает. Давно прошли времена, когда его держали на побегушках.

Но часовой у двери не отступил, как обычно, в сторону, хотя и отдал честь.

— Дорогу! — резко сказал Эртц.
— Слушаюсь, сэр,— ответил часовой, не двигаясь с места.— Ваше оружие, пожалуйста.

— Ты что, идиот, не узнаешь Главного инженера?

— Так точно, сэр, узнаю. Прошу сдать оружие. Таков приказ.

Эртц пихнул его в плечо. Часовой уперся ногами в пол.

— Прошу извинить, сэр. Капитан строго-настрого приказал всем входящим к нему оставлять оружие у входа. Всем без исключения.

— Проклятье!

— Он хорошо помнит, что случилось с прежним Капитаном,— тихо вставил Хью.— Умный он парень, наш Нарби.— С этими словами он отстегнул нож и отдал его часовому. Эртц пожал плечами и сделал то же самое. Обескураженный Алан последовал их примеру, смерив стража испепеляющим взглядом.

Когда они вошли в кабинет, Нарби беседовал с Джо-Джимом. На лицах близнецов застыло угрюмое выражение. Бобо казался голым без привычных пращи и ножей.

— Вопрос закрыт, Джо-Джим,— продолжал Нарби.— Таково мое решение. Я оказал вам любезность, изложив причины, побудившие меня к нему, но ваше согласие или несогласие не имеет значения.

— В чем дело? — поинтересовался Хью.

Нарби поднял взгляд.

— Хорошо, что ты пришел, Хью, а то твой друг мьют начинает забывать, кто здесь Капитан.

— В чем дело? — повторил Хью.— Что здесь происходит?

— Он,— прорычал Джим, тыча пальцем в Нарби,— думает разоружить всех мьютов.

— Но ведь война окончена, не так ли?

— Не было такого уговора. Мьюты должны были влиться в Экипаж. Разоружи сейчас мьютов, и Экипаж их всех перережет. У него-то ножи останутся.

— Придет время, у всех отберем,— заверил Нарби,— но я сделаю это тогда, когда сочту нужным. Что у тебя, Эртц?

— Спроси Хью.

Нарби обернулся к Хойланду.

— Я пришел уведомить вас, Капитан,— по-уставному отчеканил Хью,— что мы намерены запустить Главный двигатель и перейти к управляемому Полету.

Если слова Хью и удивили Нарби, то никак уж не привели в растерянность.

— Боюсь, что вам придется обождать. Я все еще не считаю возможным допускать офицеров в невесомость.

— В этом нет необходимости,— сказал Хью.— Поначалу Эртц и я вполне справимся сами. Ждать больше нельзя. Если мы не начнем сейчас, то при жизни нашего поколения Полет завершен не будет.

— Не будет так не будет.

— Что?! — выкрикнул Хью.— Нарби, ты что, не хочешь завершить Полет?

— Я не намерен проявлять поспешность.

— Что за ерунда, Фин? — спросил Эртц.— Что это на тебя нашло? Нам действительно пора начинать.

Нарби молча барабанил пальцами по столу. Потом сказал:

— Поскольку здесь высказываются некоторые сомнения относительно того, кому принадлежит власть, придется мне вам разъяснить, что к чему. Хойланд, в той мере, в какой твои забавы не мешали мне управлять жизнью Корабля, я был готов смотреть на них сквозь пальцы и позволять тебе развлекаться, ибо по-своему ты был весьма полезен. Но поскольку твои бредовые идеи становятся источником разложения Экипажа, угрозой моральному здоровью, спокойствию и безопасности народа Корабля, я вынужден положить им конец.

От изумления Хью лишился дара речи. Наконец он выдавил:

— Бредовые? Ты сказал, «бредовые»?

— Вот именно. Только псих или невежественный религиозный фанатик может уверовать, будто Корабль движется. Но поскольку и ты и Эртц имели честь удостоиться научного образования и невеждами вас считать нельзя, вы оба, безусловно, свихнулись.

— Во имя Джордана! — воскликнул Хью.— Ты

сам, собственными глазами видел бессмертные звезды, и ты же называешь нас безумцами!

— Что все это значит, Нарби? — холодно спросил Эртц. — Ты что финтишь? И не вкручивай нам мозги, мы-то знаем, что ты был наверху и удостоверился в том, что Корабль движется.

— Я с интересом наблюдал за тобой, Эртц, — сказал Нарби. — Но никак не мог понять: то ли ты решил использовать психоз Хойланда в своих интересах, то ли сам сошел с ума, как и он. Только теперь мне стало ясно, что ты тоже свихнулся.

Эртц сдержал гнев.

— Будь любезен объяснить. Ты же был в Рубке, и как ты можешь утверждать, что Корабль не движется?

— Я был о тебе лучшего мнения как об инженере, — усмехнулся Нарби. — Рубка не что иное, как ловкая мистификация. Фокус! Ты сам видел, что огни в ней включаются и выключаются — очень остроумное приспособление с инженерной точки зрения, надо сказать. Судя по всему, оно служило для культовых обрядов, чтобы возбуждать в верующих благоговение перед древними мифами. Но нам оно ни к чему. Вера Экипажа и так крепка. Сейчас Рубка может лишь возбудить нездоровые страсти, поэтому я ее уничтожу, а двери, ведущие в нее, опечатаю.

Не удержав его Эртц, Хью вцепился бы в Нарби.

— Спокойно, Хью, — сказал Эртц и продолжал: — Допустим даже, что Главный двигатель просто муляж, но что ты скажешь о Капитанской рубке? Ты ведь видел там настоящие звезды, а не их изображение.

— Эртц, да ты еще глупее, чем я думал! — Нарби расхохотался. — Должен сознаться, однако, что сначала Капитанская рубка и меня заинтриговала, хотя во все эти звезды я никогда не верил! Но Главная рубка помогла мне во всем разобраться. Капитанская рубка такой же фокус, как и она. Очень остроумное инженерное решение, безусловно. За ее иллюминатором находится еще одно помещение примерно такого же размера, но неосвещенное. На фоне этой тьмы маленькие огоньки действительно создают эффект бездонного пространства. Принцип тот же, что и в Главной рубке. Я просто поражен тем, что вы сами этого не поняли. Если очевидные факты противоречат логике и здравому смыслу, это означает, что вы неправильно истолковали их, они лишь кажутся вам очевидными. Единственный, по-настоящему очевидный, основной факт природы — реальность Корабля, прочного, незыблемого, неподвижного мира. Все, что противоречит этой объективной реальности, не более чем иллюзия, самообман. Воору-

женный этим Учением, я начал искать секрет показанного мне фокуса и нашел его!

— Ты хочешь сказать,— спросил Эртц,— что действительно нашел путь по ту сторону стеклянной стены и собственными глазами видел механизмы, создающие иллюзию звезд?

— Нет,— ответил Нарби,— в этом нет необходимости. Не обязательно порезаться, чтобы убедиться в остроте ножа.

— Та-а-к,— протянул Эртц. И сказал после короткой паузы: — Предлагаю тебе компромисс. Если Хью и я действительно сошли с ума, то вреда от нас все равно не будет, поскольку мы держим язык за зубами. Но мы попробуем запустить двигатели и доказать, что Корабль движется. Если ничего не выйдет, ты был прав, а мы ошибались.

— Капитан не торгуется,— заявил Нарби.— Однако я обдумываю твоё предложение. Вы свободны.

Эртц повернулся уходить, сдержав негодование, но взгляд его упал на каменные лица Джо-Джима.

— А как же с мьютами? — спросил Главный инженер.— Почему ты позволяешь себе так обращаться с Джо-Джимом? Не забывай, что ты стал Капитаном благодаря его ребятам.

На мгновение Нарби утратил выдержку, и маска собственного превосходства исчезла с его лица.

— Не вмешивайся не в свое дело, Эртц. Я не позволю держать здесь банды вооруженных дикарей. Таково мое окончательное решение.

— С пленными можешь поступать как хочешь,— сказал Джим,— но наш отряд оружие не сдаст. Таково мое окончательное решение. Им всем была обещана добрая еда до конца жизни, если они будут драться за тебя. Разоружаться мы не будем.

Нарби смерил его взглядом.

— Джо-Джим,— сказал он.— Я всегда считал, что хороший мьют — это мертвый мьют. Ты делаешь сейчас все, чтобы укрепить меня в этом мнении. Думаю, тебе небезынтересно будет знать, что к настоящему времени твою банду уже разоружили и перерезали.

Ворвалась ли стража по сигналу или по заранее отданному приказу, понять было трудно. В спины захваченных врасплох безоружных кровных братьев уперлись клинки ножей.

— Арестовать их,— приказал Нарби.

Бобо взвизгнул и взглядом спросил Джо-Джима, что делать.

— Давай, Бобо! — крикнул Джо.

Лягнув держащего его стражника, карлик прыгнул на человека, приставившего нож к спине Джо-Джима.

Растерявшись, тот потерял драгоценные полсекунды. Сбив его на пол ударом в живот, Джо-Джим вырвал у него из рук нож.

Хью катался по полу в обнимку со своим противником, сжав его кисть, державшую оружие. Джо-Джим нанес стражнику удар, и Хью вскочил на ноги с ножом в руках. Двухголовый огляделся и увидел кучу из четырех человек — Эртца, Алана и еще двоих. Удары он наносил осторожно, чтобы не перепутать, какой голове принадлежит чье тело.

— Возьмите их ножи, — приказал он своим друзьям, поднявшимся на ноги. Его слова потонули в диком вопле. Бобо, так и не успевший отобрать оружие у врага, прибегнул к своему природному оружию. Раскромсанное его зубами лицо охранника залилось кровью.

— Где его нож? — спросил Джо.

— Не могу дотянуться, — виновато ответил Бобо.

Причина была очевидна — нож торчал из-под правой лопатки карлика. Джо-Джим легонько потянул за рукоять. Лезвие было всажено глубоко и не выходило.

— Идти сможешь?

— Конечно, — прохрипел Бобо.

— Пусть пока останется в ране. Алан! За мной! Хью и Билл — прикрывайте с тыла. Бобо — центр.

— Где Нарби? — спросил Эртц, прижав рукой расцеченную щеку.

Но Нарби исчез — выскользнул в дверь позади своего стола. И эта дверь была заперта снаружи.

Клерки бросились врассыпную, когда кровные братья вырвались в приемную. Джо-Джим всадил нож в часового у двери, прежде чем тот успел поднять тревогу. Быстро разобрав свое оружие, они устремились на верхние ярусы.

Двумя палубами выше нежилых территорий Бобо зашатался и упал. Джо-Джим поднял его.

— Выдержишь?

Карлик молча кивнул, на губах его выступила кровь. Еще палуб через двадцать стало ясно, что Бобо дальше идти не сможет, хотя его и поддерживали по очереди. Сила тяжести уже заметно уменьшилась. Алан поднатужился и поднял силача как ребенка. Они продолжали лезть вверх. Алана сменил Джо-Джим. Они продолжали лезть вверх. Джо-Джима сменил Эртц. Затем Эртца сменил Хью.

Наконец они дошли до яруса, на который переселились после переворота. Хью, положив Бобо на пол, направился было в сторону жилищ, но Джо-Джим остановил его.

— Ты куда?

— Домой, куда же еще?
— Ну я дурак. Именно туда за нами и придут.
— Куда же идти?
— В Корабле нам больше нет места. Пора отсюда сматываться. Идем в шлюпку.

— Верно, — согласился Эртц. — Теперь на нас ополчится весь Корабль.

— Шанс на спасение сомнительный, но другого все равно нет, — сдался Хью. И опять повернул к жилищам.

— Нам же в другую сторону! — крикнул Джим.

— Надо забрать наших женщин.

— К Хаффу женщин! Тебя схватят. Нельзя терять ни мгновения.

Но Эртц и Алан побежали за Хью.

— Ладно, — фыркнул им вслед Джим, — идите за вашими бабами. Но поторапливайтесь.

Джо-Джим сел, положив голову карлика на колени, и тщательно осмотрел его. Лицо Бобо посерело, на правой лопатке огромным красным пятном расплылась кровь. Он вздохнул и потерся головой о бедро Джо-Джима.

— Бобо устал, хозяин.

Джо-Джим гладил его по голове.

— Терпи, — сказал Джо, — сейчас будет больно.

Приподняв раненого, Джо-Джим выдернул нож. Струей хлынула кровь.

Джо-Джим посмотрел на смертельно длинное лезвие и прикинул глубину раны.

— Ему не выжить, — шепнул Джо. Джим поймал его взгляд.

— Значит?

— Да, — кивнул Джо.

Джо-Джим ткнул извлеченным из раны ножом в свое бедро, но остался недоволен и выбрал один из собственных, острых как бритва ножей.левой рукой он поднял подбородок Бобо и приказал:

— Смотри на меня, Бобо.

Бобо поднял на него глаза, пытаясь что-то сказать. Джо не сводил с него взгляда.

— Бобо молодец, Бобо сильный.

Карлик слабо ухмыльнулся. Нож вонзился в яремную вену, не задев горла.

— Бобо молодец, — повторил Джо.

Бобо снова раздвинул губы в усмешке.

Когда глаза карлика остекленели и он перестал дышать, Джо-Джим поднялся и пошел в ту сторону, откуда должны были вернуться остальные. На ходу он проверил все свое оружие, подгоняя его так, чтобы было сподручнее.

Хью выбежал ему навстречу, запыхавшись.

— Заминка вышла,— переведя дыхание, пояснил он.— Коротышка мертв. И никого из твоих бойцов нет. Видно, Нарби не соврал, их и вправду перерезали. Держи.— И он протянул Джо-Джиму длинный нож и специально изготовленные доспехи с большим решетчатым шлемом, способным прикрыть обе головы сразу.

И Эртц, и Алан, и Хью тоже надели доспехи. Джо-Джим заметил свежий кровоподтек на губе младшей жены Хью. Держалась она смирно, а в глазах ее бушевала буря. Старшая жена, Хлоя, воспринимала все спокойно. Жена Эртца тихонько всхлипывала, жена Алана была так же обескуражена, как и ее хозяин.

— Как Бобо? — спросил Хью, помогая Джо-Джиму застегнуть доспехи.

— Бобо больше нет.

— Ясно. Ну что ж, пойдём.

Идти им было трудно, женщины не привыкли к невесомости. У переборки, отделяющей шлюз шлюпки от Корабля, засады не было, хотя Джо и показалось, что он увидел человека, нырнувшего в люк. Но никому, кроме брата, он об этом не сказал.

Дверь опять заело, а Бобо теперь с ними не было. Мужчины налегли на нее. Наконец она поддалась. — Заталкивай женщин внутрь,— скомандовал Джим.

— Да поживей,— добавил Джо.— Гости пожаловали.

Он был на страже, пока его брат занимался дверью. Крики из глубины коридора подтвердили его слова.

Джо-Джим прикрывал тыл, пока остальные вталкивали в шлюпку женщин. Младшая жена Алана, как всегда, в самый подходящий момент забилась в истерику и попыталась рвануться назад, но в невесомости это трудно было сделать. Хью от всего сердца пнул ее ногой и загнал в шлюпку.

Джо-Джим метнул нож, чтобы сдержать наступающих врагов. С полдюжины атакующих отпрянули назад. Потом, видно по команде, шесть ножей одновременно прорезали воздух.

Джим почувствовал удар, но боли не было. Он решил, что нож угодил в броню.

— Кажется, пронесло Джо! — крикнул он, но ответа не услышал. Джим повернул голову к брату. В нескольких дюймах от его глаз из прутьев решетки шлема торчал нож. Его лезвие ушло глубоко в лицо Джо. Джо был мертв.

Хью высунулся в дверь.

— Скорее, Джо-Джим!

— Закрой дверь! — рявкнул Джим.

— Но...

— Закрой дверь, тебе говорят! — С этими словами Джим отпихнул его и закрыл дверь. Хью лишь мельком увидел нож, воткнутый в лицо. Потом он услышал, как повернулся рычаг.

Джим встретил атакующих лицом к лицу. Оттолкнувшись от переборки непривычно отяжелевшими ногами, он ринулся на врагов, сжав обеими руками свой страшный, в руку длиной клинок. Ножи противника сыпались на него, отскакивая от стальных доспехов. Он крутанул клинком и рассек одного стражника почти надвое.

— За Джо!

Удар отбросил его в сторону. Он перевернулся в воздухе, выпрямился и размахнулся снова.

— За Бобо!

Враги нависли над ним со всех сторон. Окруженный, он бил наугад, лишь бы попасть.

— А этот, на закуску, за меня!

Нож вонзился ему в бедро, но он даже не заметил этого.

— Один за всех!

Кто-то прыгнул ему на спину. Неважно, вот перед ним еще один, сталь возьмет его не хуже любого другого.

— Все за од... — он не договорил.

Хью пытался открыть дверь, запертую снаружи, но у него ничего не получалось. Если здесь и был управляющий дверью механизм, то где его искать? Он приложил ухо к стальной плите, но герметичная дверь звуков не пропускала.

Эртц дернул его за руку.

— Где Джо-Джим?

— Остался там.

— Что?! Открывай дверь, живо, втащим его сюда.

— Не могу, она не поддается. Он хотел там остаться, он сам захлопнул дверь.

— Но мы должны спасти его, мы же кровные братья!

Внезапно Хью осенило.

— Вот поэтому он и остался, — тихо сказал Хью и рассказал Эртцу то, что успел увидеть. — Для него Полет закончился. Займись Конвертером, Билл. Нам нужна энергия.

Они вышли из шлюза и задраили за собой последнюю дверь.

— Алан, — крикнул Хью, — загони баб в угол, чтоб под ногами не путались!

Усевшись в кресло пилота, он выключил огни. За-

жглась надпись: «Двигатель готов». Эртц делал свое дело.

— Пошел! — сказал сам себе Хью и включил пуск.

Толчок, прилив тошноты — и он с ужасом почувствовал, что все начало вращаться. Откуда ему было знать, что это разворачивалась пусковая шахта?

Иллюминатор перед ними наполнялся звездами. Они летели! Но часть экрана закрывала огромная бесформенная масса, которую Хью никогда не видел, разглядывая звезды в иллюминатор Капитанской рубки. Сначала он не мог понять, что это такое, но, когда наконец сообразил, преисполнился благоговейным восторгом — это был Корабль, и он смотрел на него снаружи! Хотя разум его давно уже воспринял истинную природу Корабля, мысль о том, что он увидит Корабль извне, никогда не приходила ему в голову. Звезды — да, поверхность планеты — да, к этому он был уже готов, но наружная поверхность Корабля...

Хью с трудом оправился от шока.

— Что это? — спросил Алан.

Хойланд пытался объяснить. Алан лишь покачал головой.

— Не понять мне этого.

— Ничего. Позови Эртца. И женщин тоже, покажем им.

— Ладно. Но только, — в Алане вдруг заговорил здравый смысл, — бабам показывать не стоит. Напугаются, дуры, они ведь никогда не видели звезд.

Удача, инженерный гений предков и крохи знания. Повезло, что Корабль оказался у звезды с планетной системой, повезло, что они смогли спустить шлюпку; повезло, что Хью сумел разобраться в пульте управления, прежде чем они затерялись в глубоком космосе и умерли от голода.

Гений предков снабдил их суденышко огромным запасом энергии и большой скоростью. Его создатели предвидели, что звездоплавателям все это понадобится для исследовательских экспедиций в солнечной системе, к которой направлялся «Авангард». Они строили шлюпку с максимальным запасом прочности, и Хью использовал его до предела.

Повезло им и в том, что они очутились в сфере планетарного притяжения, и в том, что орбита, по которой Хью направил шлюпку, совпадала с орбитами планет. Описывая эллипс, он вышел к гигантской планете. Хью долго маневрировал, забыв о сне и еде, чтобы выйти на орбиту вокруг нее, но вышел в конце концов так близко, что увидел ее спутники.

Удача сопутствовала ему до конца. Он намеревался

было в своем невежестве совершить посадку на гигантскую планету. Удайся ему это, им всем осталось бы жить ровно столько, сколько требуется времени, чтобы открыть люк. Но отчаянное маневрирование, выход на орбиту вокруг планеты съели почти все топливо Конвертера.

Обложившись древними книгами, Хью без отдыха решал и решал уравнения, составленные предками для определения законов движения тел, считал и пересчитывал, выведя из терпения даже всегда спокойную Хлою. Вторая жена, безымянная, держалась от него подальше.

Но все полученные им ответы гласили, что ему придется пустить на топливо часть его бесценных книг, чтобы выйти к большой планете, даже если они сунут в Конвертер всю свою одежду и оружие.

Он скорее сунул бы в Конвертер своих жен.

В конце концов Хью решил совершить посадку на один из спутников планеты.

И опять везение. Совпадение настолько невероятное, что трудно в него поверить. Спутник гигантской планеты был пригоден для жизни. Но подумайте сами — ведь для возникновения планеты такого типа, как наша Земля, тоже требуется комбинация обстоятельств, столь же невероятных. Наш собственный мир под нашими ногами тоже относится к разряду «Такого не бывает!». Вероятность его существования просто смехотворно мала.

Так вот, именно такое везение и сопровождало Хью Хойланду — везение невероятное.

Гений земных предков завершил дело. Хотя Хойланд и освоил маневрирование в космосе, при посадке он наверняка разбил бы любой корабль, построенный до «Авангарда». Однако проектировщики «Авангарда» знали, что шлюпками корабля будут управлять в лучшем случае пилоты второго поколения, и строили их, исходя из этого.

Хью ввел шлюпку в атмосферу и с видом победителя лег на курс, который доставил бы их всех прямиком в могилу, не возьми управление на себя включившийся автопилот.

Хью метался в кресле и ругался так, что даже заставил Алана оторваться от иллюминатора и перенести свое удивленное восхищение с планеты на друга. Но вернуть управление шлюпкой он был бессильен. Что бы он ни пытался делать, шлюпка шла сама по себе и на высоте тысячи футов легла на параллельный поверхности курс.

— Хью, звезды исчезли.

— Сам вижу.

— Джордан, что же это? Куда они делись, Хью?

Хью рывкнул на Алана:

— Не знаю и знать не хочу! Катись на корму к бабам и не приставай с идиотскими вопросами.

Алан неохотно ушел, поглядывая в иллюминатор на ясное небо и на поверхность планеты. Ему было интересно, но не более, он давно уже потерял способность восторгаться.

Только через некоторое время Хью сообразил, что группа приборов, которыми он раньше и не пытался манипулировать, не понимая их назначения, как раз и отдает автопилоту приказ о посадке. Поскольку выяснилось это методом проб и ошибок, место для посадки Хью выбрал почти наугад. Но немигающие стереоглаза автопилота непрерывно подавали информацию в селекторное устройство, которое исследовало ее и приняло решение. Корабль мягко приземлился в прерии неподалеку от опушки леса.

Эртц кинулся к Хойланду.

— Что произошло, Хью?

Хью устало махнул рукой в сторону иллюминатора.

— Приехали.

Он был слишком измотан и духовно и физически, чтобы обставить посадку какой-нибудь торжественной церемонией. Годы борьбы, суть которой он сам понимал более чем смутно, голода и жажды, годы пожирающих его душу стремлений почти не оставили ему способности испытывать радость, когда наконец он добился своего и достиг цели. Но они приземлились, они завершили Полет, начатый Джорданом! Он чувствовал себя не то чтобы счастливым, но умиротворенным и усталым бесконечно.

— Выйдем? — спросил Эртц.

— Давай.

Алан подошел, когда они отдраивали люк, за его спиной толпились женщины.

— Прилетели, Капитан?

— Заткнись, — ответил Хью.

Женщины глядели в иллюминатор, Алан гордо и неправильно объяснял им что к чему. Эртц открыл наружную дверь. Они вдохнули свежий воздух.

— Холодно, — заметил Эртц.

На самом деле температура была в лучшем случае градусов на пять ниже никогда не меняющейся температуры на борту «Авангарда». Но откуда было знать Эртцу, что такое погода?

— Чепуха, — буркнул Хью, неосознанно раздоса-

дованный малейшей критикой в адрес «его» планеты. — Это тебе кажется.

— Возможно, — не стал спорить Эртц. Наступила неловкая пауза. — Пойдем, — сказал он наконец.

— Пойдем.

Превозмогая нерешительность, Хью оттолкнул его и прыгнул вниз. До земли было всего футов пять.

— Прыгайте, здесь здорово!

Эртц присоединился к нему. Оба невольно жались к Кораблю.

— Мир огромен, — прошептал Эртц.

— Мы же знали, что он именно такой и есть, — отрезал Хью, обеспокоенный охватившим его чувством потерянности.

— Эй! — Алан осторожно выглянул наружу. — Можно спускаться?

— Прыгай!

Алан одним прыжком присоединился к ним.

— Вот это да! — присвистнул он.

Их первая вылазка закончилась футах в пятидесяти от Корабля. Они шли, держась кучкой, смотря под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть на этой странной неровной палубе. Все было нормально, но Алан поднял голову и вдруг впервые в жизни не увидел потолка над собой. Головокружение и острый приступ агорафобии. Он застонал, закрыл глаза и упал.

— Что случилось? — спросил Эртц и тоже посмотрел вверх. Приступ свалил и его.

Хью боролся с головокружением. Страх и боль бросили его на колени, но, упершись рукой в землю, он пытался подняться. Ему было легче — он так долго смотрел на бескрайние просторы планеты в иллюминатор.

— Алан! — завизжала его жена, высунувшись из люка. — Алан! Вернись!

Алан открыл один глаз, посмотрел на Корабль и пополз к нему на брюхе.

— Алан! — скомандовал Хью. — Прекрати! Сядь!

Алан повиновался с видом человека, от которого требуют слишком многого.

— Открой глаза!

Алан осторожно открыл глаза, но поспешно зажмурился снова.

— Сиди спокойно — и придешь в себя, — добавил Хью. — Я уже в порядке.

Чтобы доказать это, он выпрямился в полный рост. Голова у него еще кружилась, но он стоял. Эртц, лежащий до этого ничком, приподнялся и сел.

Солнце перевалило зенит. Прошло достаточно времени, чтобы сытый проголодался, а они отнюдь сы-

тыми не были. Крайне простым способом уговорили выйти наружу женщин — вытолкав их пинками. Отходить от Корабля те боялись и сгрудились в кучу. Но мужчины уже освоились и расхаживали даже в одиночку. На виду у женщин Алану было нипочем отойти от Корабля на целых пятьдесят ярдов.

Во время одной из этих демонстраций он заметил маленького зверька, позволившего своему любопытству взять верх над осторожностью. Нож Алана сбил его, и зверек закувыркался в траве. Схватив жирную тушку за лапы, Алан гордо подбежал к Кораблю.

— Смотри, Хью, смотри! Добрая еда!

Хью одобрительно взглянул на него. Первый испуг давно прошел, и сейчас его охватило теплое чувство, как будто он наконец вернулся в свой далекий дом.

— Верно, — согласился он. — Добрая еда. Теперь, Алан, у нас всегда будет много доброй еды.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТРЯД

I

Близкая луна прошла над головой. Она имела зазубренные края и неправильную форму. Очевидно, это был заселенный астероид. Хайдженс не раз его видел и поэтому даже не вышел посмотреть, как он пронесся по небу со скоростью воздушного экспресса, затемняя звезды на своем пути. Хайдженс корпел над какими-то бумагами. Для него это занятие не совсем обычное, так как юридически он был преступником, и, следовательно, вся его работа на Лорене Втором тоже была преступлением. Странно как-то писать в комнате со стальными шторами в обществе огромного плешивого орла, дремавшего на трехдюймовом насесте, вделанном в стену. Единственного помощника Хайдженса после схватки с «ночным бродягой» корабль Кодиус Компани увез туда, откуда тайком приходили все эти корабли. И теперь он должен был работать за двоих. Хайдженс понимал, что он сейчас единственный человек в этой солнечной системе.

Внизу в загоне спали медведи. Ситка Пит тяжело поднялся и побрел к своей миске с водой. Он с жадностью стал глотать охлажденную воду, а затем вдруг громко чихнул. Проснулся Сурду Чарли и недовольно заворчал. Откуда-то снизу донеслись рычание и возня.

Хайдженс крикнул: «Потише там!» и снова углубился в работу. Он закончил отчет о климате и включил электронную машину. Пока она «считала», он просмотрел свои записи и определил количество оставшихся запасов. Затем снова принялся за отчет.

«Ситка Пит,— писал он,— по всей вероятности, разрешил проблему борьбы с отдельными экземплярами сфиксов. Он понял, что не имеет смысла душить их, так как когти не могут пробить даже верхний слой их шкуры. Сегодня Семпер оповестил нас, что стая сфиксов пронюхала дорогу на станцию. Ситка, спрятавшись с подветренной стороны, ожидал их прихода. Затем он сзади напал на сфикса и обрушил на его голову два страшных удара, сила которых была, вероятно, равна силе двух двадцатидюймовых снарядов,

выпущенных одновременно с разных сторон. Такой удар расплющил череп сфикса, как яйцо, и он свалился замертво. Затем Ситка такими же мощными шлепками убил еще двух сфиксов. Сурду Чарли с ворчанием наблюдал за схваткой, но когда сфиксы набросились сзади на Ситку, он поспешил ему на выручку. Я не мог стрелять, так как боялся попасть в него, и ему бы пришлось совсем плохо, если бы из медвежьего загона на помощь не подоспела Фаро Нелл. Ее появление отвлекло внимание сфиксов и дало возможность Ситке еще раз применить свою новую технику. Поднявшись на задние лапы, он наносил свои ужасные удары. Битва закончилась быстро. Семпер все время кричал и летал над дерущимися, но, как обычно, к ним не присоединялся.

Примечание: Наджет, медвежонок, пытался ввязаться в драку, но мать пинками отогнала его. Сурду и Ситка, как всегда, не обращали на него никакого внимания. Я прихожу к выводу, что гены у медведей Кодиака очень устойчивы».

Снаружи доносились ночные звуки. Среди них можно было ясно различить голоса поющих ящериц, похожие на звуки органа, хихиканье «ночных бродяг», звуки, напоминающие удары молотка, вбивающего гвозди, и скрип дверей. Со всех сторон слышалось икание в разных тональностях. Его производили совсем крошечные существа, которые на Лорене Втором заменяли наших насекомых.

Хайдженс продолжал писать: «Ситка еще хорохорился после окончания битвы. Он хотел показать Сурду Чарли свой новый способ. Он поднимал головы раненых и мертвых сфиксов и с двух сторон лапами наносил удары. Медведи страшно рычали, когда тащили трупы к мусоросжигательной печи. И мне показалось, что...»

Вдруг раздался звонок прибытия. Хайдженс поднял голову и посмотрел на шкалу. Семпер приоткрыл ледяной глаз, взглянул на хозяина и снова закрыл его. Хайдженс прислушался. Снизу доносился спокойный глубокий храп. Кто-то пронзительно закричал в чаше. Икание, стук молотка и звуки органа...

Звонок зазвенел снова. Это означало, что какой-то корабль уловил сигнальный луч, о существовании которого могли знать только корабли Кодиус Компани, и теперь сообщал о том, что он приземляется. Но Хайдженс знал, что сейчас не должно быть никаких кораблей в этой солнечной системе.

Лорен Второй был единственной обитаемой планетой. Официально и эта планета считалась необитаемой из-за населявшей ее вредоносной фауны (имелись в

виду, конечно, сфиксы), и поэтому колонизация запрещалась, а Кодиус Компани нарушила закон. Едва ли существовало более тяжкое преступление, чем самовольный захват новой планеты.

Звонок прозвенел в третий раз. Хайдженс громко выругался. Он протянул руку, чтобы выключить световой сигнал, но тут же подумал, что это бесполезно. Радиолокатор уже зафиксировал его расположение на карте. Корабль все равно сможет отыскать это место и спуститься днем.

— Дьявол! — выругался Хайдженс. Он не двигался и ждал, пока звонок не прозвонил еще раз. Корабль Кодиус Компани должен был дать двойной сигнал. Но вот уже много месяцев в этой части космоса не было ни одного корабля Кодиус Компани.

Звонок прозвучал один раз.

Мембрана космофона слабо осветилась, и вдруг голос, искаженный расстоянием, отчетливо произнес:

— Вызываю землю! Вызываю землю! Корабль Крит Лайна «Одиссей» вызывает землю на Лорене Втором. Спускается один пассажир в ракетной лодке. Включите полевые огни.

Хайдженс застыл от изумления. Он был бы рад приветствовать корабль Кодиус Компани. Корабль Колониальной Службы отнюдь не был бы для него желанным гостем. Люди с него наверняка уничтожили бы и колонию, и Ситку, и Сурду, и даже маленького Наджета, а Хайдженса привлекли бы к суду за незаконную колонизацию планеты. Но появление здесь, на нелегально существующей станции, корабля торговой компании просто ничем нельзя было объяснить.

Хайдженс включил огни на посадочной площадке. Он видел, как ярко осветилось поле. Затем он поднялся. Необходимо было принять меры безопасности в связи с раскрытием его убежища. Он вложил свои записи в специальный сейф, затем достал документы и бумаги, свидетельствующие о том, что Кодиус Компани поддерживала станцию на Лорене Втором. Он захлопнул дверцу. Оставалось нажать кнопку, прикосновение к которой должно было превратить в пепел все содержимое сейфа, но он не решился это сделать. Если бы он твердо знал, что корабль принадлежал Колониальной Службе, то без колебания нажал бы кнопку и обрек себя на долгие годы тюремного заключения. Но корабль Крит Лайна, если космофон сказал правду, не был опасен для Хайдженса. Его появление в этой системе было просто невероятным. Он покачал головой, затем натянул на себя комбинезон, взял ружье, спустился вниз, где находился медвежий загон, и повернул выключатель. Звери, разбуженные ярким све-

том, удивленно смотрели на него. Ситка Пит сел и смешно замигал. Сурду Чарли лежал на спине, задрав кверху лапы, находя, что так спать значительно прохладней. Он с шумом перекувыркнулся и засопел в знак дружеского расположения к Хайдженсу.

Фаро Нелл проковыляла к дверям своей отдельной клетушки, сделанной специально для того, чтобы Наджет не толкался под ногами и не раздражал взрослых медведей.

Хайдженс, единственный человек на этой планете, осматривал своих четвероногих земляков, свою основную рабочую и боевую силу. Все они были видоизмененными потомками Чемпиона Кодиака, в честь которого называлась компания. Ситка Пит, самый большой самец, весил двадцать две сотни фунтов, а Сурду Чарли почти столько же, Фаро Нелл, в которой удивительно сочетались страшная свирепость с материнской добротой, достигала восемнадцати сотен фунтов, а в маленьком резвом медвежонке Наджете, высунувшем любопытную морду из-за шерстистого бока матери, было уже не менее шестисот фунтов. Звери выжидающе смотрели на Хайдженса. Они хорошо знали, что означало, когда на плече у хозяина сидел Семпер.

— Пошли! Уже темно. Кто-то приземляется. Боюсь, как бы дело не обернулось худо.

Он снял запоры с наружной двери загона. Ситка Пит неуклюже проковылял через нее. Сурду вперевалочку последовал за ним. Все было спокойно. Ситка встал на задние лапы и потянул носом воздух. Сурду, переваливаясь с боку на бок, подошел к нему и тоже стал нюхать воздух. Последней появилась Фаро Нелл. Она зарычала на Наджета, вертевшегося около нее. Хайдженс стоял в дверях, держа наготове ночное ружье. Он чувствовал себя неловко из-за того, что отправил вперед медведей. Им нужно было пройти через две чащи, а уже наступила ночь. Звери прекрасно чуяли опасность, но человек не обладал их обонянием и зоркостью.

Фонари, зажженные на широкой тропинке, ведущей к посадочному полю, освещали каким-то таинственным светом все вокруг — огромные сплетенные арки гигантских папоротников, стройные колонны деревьев над ними, причудливые стрельчатые кусты. Осветительные лампы, установленные на уровне земли, подсвечивали лес снизу. Листва четко выделялась на фоне черного неба. Повсюду были поразительные контрасты света и тени.

— Вперед! — скомандовал Хайдженс, махнув рукой. — Хоп!

Он с силой захлопнул дверь загона, и процессия

двинулась к посадочному полю через полосу освещенного леса. Два гигантских Кодиака ковыляли впереди. Ситка опустился на четвереньки и крадучись шел по дорожке. За ним следом, переваливаясь из стороны в сторону, брел Сурду Чарли. Хайдженс шел за ними, настороженно вслушиваясь в темноту, Фаро Нелл с Наджетом замыкали шествие.

Они составляли великолепный боевой отряд, хорошо приспособленный для передвижения по этой полной опасности дикой чаще. Ситка и Чарли всегда были в авангарде. Фаро Нелл защищала тыл. Наджет шел за ней. О нем нужно все время заботиться и охранять от возможного нападения сзади, и поэтому мать была всегда начеку. Хайдженс был главной ударной силой. Взрывные пули могли поражать даже сфиксов, а светящийся конус фонаря на его ружье, который включался, как только он дотрагивался до спускового крючка, хорошо освещал цель. Ружье его совсем не похоже на обычное охотничье оружие. Но обитатели Лорена Второго тоже ничем не напоминали обыкновенных зверей. «Ночные бродяги» боялись света. Они могли напасть только в состоянии истерии, которое вызывалось у них слишком ярким освещением.

Хайдженс быстро шел к посадочной площадке. Он был разъярен. Станция Кодиус Компани на Лорене Втором существовала совершенно секретно. Имелись серьезные причины, побудившие компанию создать ее, но сделано все было тайно. По металлическому голосу в космофоне нельзя было определить реакцию пассажира корабля на нелегальное положение станции. Во всяком случае, если корабль приземлится, Хайдженс успеет вернуться и уничтожить сейф, чтобы спасти тех, кто прислал его сюда.

Пробираясь сквозь фантастически освещенную чащу, Хайдженс слышал отдаленный грубый рев посадочной ракетной лодки. Ясно было, что это не рокот моторов корабля. По мере того как они приближались к ракетодрому, рев становился громче. Два огромных Кодиака, тщательно нюхая воздух, двигались впереди.

Отряд подошел к краю посадочного поля. Оно было все залито слепящим светом. Мощные лучи косо направлены вверх, так, чтобы приборы корабля могли легко установить место посадки. Такие посадочные площадки были когда-то стандартом. Теперь же на всех освоенных планетах их сменили посадочные решетки, мощные сооружения, которые с необычайной легкостью и осторожностью поднимали и спускали звездолеты.

Площадки еще можно было встретить либо на планетах, где велись исследовательские работы, чаще

всего по бактериологии или экологии, либо в заново основанных колониях, еще не успевших построить типовой ракетодром.

Когда Хайдженс дошел до края поля, ночные обитатели уже успели слететься на свет, как мошкара на Земле. Воздух был затемнен бешено крутящимися существами. Их было бесчисленное множество всевозможного типа и размера: от белых маленьких ночных мошек и многокрылых летающих червей до непрерывно вращающихся, довольно больших голых тварей, которые могли бы сойти за ошипанных летающих обезьян. Все они жужжали, плясали и описывали в воздухе сумасшедшие круги, издавали какие-то особенные свистящие звуки. Их было так много, что они почти образовали потолок над расчищенной площадкой и затемняли небо. Взглянув наверх, Хайдженс сквозь завесу из крыльев и тел сразу увидел голубовато-белое пламя ракетобота.

Пламя росло на глазах. Один раз оно отклонилось в сторону. Пилот, должно быть, регулировал направление, а затем ракета вновь вернулась в нормальное положение. Светящаяся точка сначала увеличилась до размеров большой звезды, затем очень яркой луны и, наконец, превратилась в безжалостно слепящий шар. Хайдженс отвернулся. Тяжелый неуклюжий Ситка Пит благоразумно последовал примеру хозяина и стал смотреть на темную чашу. Сурду, казалось, не замечал все усиливающегося глухого рева ракеты. Он все время осторожно нюхал воздух. Фаро Нелл, прижав голову Наджету огромной лапой, старательно вылизывала его перед приходом гостей. Наджет держался, как капризный ребенок. Рев перешел в чудовищные громовые раскаты. С посадочной площадки потянуло горячим ветром. Ракетная лодка метнулась вниз, и ее пламя спалило стену летающих существ. Затем все покрылось облаком пыли. Середина поля ярко вспыхнула, и что-то быстро скользнуло в огонь, примяло его и осело в нем. Пламя сразу исчезло, и Хайдженс увидел ракетобот. Он покоился на хвосте, устремив нос к звездам, с которых спустился.

После бури вдруг наступила мертвая тишина. И постепенно стали появляться ночные звуки — пение органа и робкое, похожее на икоту всхлипывание. Звуки становились все отчетливее, и вдруг Хайдженс стал слышать нормально. Боковая дверца в корпусе лодки с язгом открылась, и оттуда выбросили какой-то предмет. Он стал быстро разворачиваться. Это был металлический трап, который перекинули через выжженную пламенем площадку, где стояла лодка.

Из дверцы вышел человек. Он повернулся лицом к

кабине и обменялся с кем-то рукопожатием. Спустившись по лесенке к металлическому трапу, человек прошел над дымящимся полем. В руках его был небольшой саквояж. Дойдя до конца дорожки, он ловко прыгнул на землю и быстро направился к краю расчищенной посадочной площадки, затем махнул рукой кому-то в лодке. Металлическая дорожка тут же поднялась и исчезла в корпусе ракетобота. Из-под хвостового оперения вырвалось пламя и за ним столбы удушливой пыли. Вскоре снова яркая вспышка. Ее сопровождал невыносимый шум. Пламя стало быстро подниматься сквозь дымовую завесу. Когда, наконец, к Хайдженсу вернулся слух, он только услышал приглушенное бормотание. Маленькая светящаяся точка в небе уходила все дальше и дальше на восток, где ее ждал корабль.

Из чащи снова донеслись ночные звуки. Жизнь на Лорене Втором протекала независимо от дел людей. Над дымящейся площадкой ярко освещенного поля стоял маленький подвижный человек с саквояжем в руках и удивленно оглядывал все вокруг. Как только огонь стал затихать, Хайдженс направился к нему. Сурду и Ситка шли впереди. Фаро Нелл как преданный пес плелась за хозяином, не спуская заботливого материнского ока со своего детища.

Человек на площадке испуганно смотрел на этот парад. Не очень было приятно спуститься ночью на незнакомую планету и, утратив связь с остальным космосом после отлета корабля, очутиться лицом к лицу с семейством гигантских медведей. Одинокая фигура человека в такой компании казалась нереальной.

Прибывший растерянно смотрел на приближающийся отряд. Когда большие медведи подошли к нему, он испуганно отшатнулся.

— Привет! Не бойтесь медведей. Это друзья,— крикнул Хайдженс.

Ситка подошел к приезжему и осторожно обнюхал его. Запах был вполне удовлетворительный, запах человека. Затем он грузно опустился прямо в грязь, не спуская дружелюбного взгляда с незнакомца. Сурду усиленно обнюхивал край площадки. Подошел Хайдженс. Он сразу заметил, что на прибывшем форма офицера Колониальной Службы. По знакам отличия было видно, что он в высоких чинах. Все это не предвещало ничего хорошего.

— Да,— произнес незнакомец,— а где же ваши роботы? Какого черта они там делают? И почему вы перенесли станцию? Меня зовут Рон. Я прибыл сюда, чтобы составить отчет о вашей колонии.

Хайдженс удивленно спросил:

— О какой колонии?

Рон начал раздражаться.

— Робот-Пункт на Лорене Втором. И не пытайтесь доказывать, что идиот водитель высадил меня не на той планете. Это ведь Лорен Второй? А это посадочное поле? Но где же ваши роботы? Вы должны были уже начать возведение решетки. Что здесь произошло и на кой дьявол здесь эти звери?

Хайдженс усмехнулся.

— Здесь, — сказал он вежливо, — нелегальное, незаконное поселение и, следовательно, я преступник, а эти звери мои сообщники. Если вы не хотите, то можете не иметь дел с преступниками, но я не ручаюсь, что вы доживете до утра, если не воспользуетесь моим гостеприимством. А я тем временем обдумываю, что мне делать с вами дальше. Честно говоря, у меня есть все основания убить вас.

Фаро Нелл стала на задние лапы рядом с Хайдженсом. Наджет заметил нового человека. Он был еще ребенок и поэтому был настроен весьма дружески. Мелкими шажками он стал приближаться к гостю, застенчиво ворча, и вдруг чихнул от смущения. Мать одним прыжком очутилась рядом и шлепнула его. Наджет отчаянно завизжал. Визг маленького Кодиака весом в шестьсот фунтов звучал внушительно. Рон переступил через низкую ограду площадки.

— Я думаю, — сказал он нерешительно, — что лучше всего было бы переговорить нам обо всем. Но если это нелегальная колония, то вы арестованы, и все, что бы вы ни говорили, обернется против вас.

Хайдженс снова ухмыльнулся.

— Вы правы, — сказал он. — Но теперь вы должны держаться близко от меня, и только так мы сможем вернуться на станцию. Я бы поручил Сурду тащить ваш чемодан. Он любит таскать вещи, но боюсь, что ему могут понадобиться зубы. Нам идти почти милю.

Он повернулся к медведям:

— Ну пошли. На станцию! Хоп!

Ситка Пит ворча поднялся и занял свое обычное место впереди. За ним нехотя последовал Сурду.

Хайдженс и Рон шли рядом перед Фаро Нелл и Наджетом. Только так можно было на Лорене Втором свободно пробираться по лесу в полумиле от укрепленного жилища. На пути они столкнулись с «ночным бродягой», которого яркий свет привел в состояние истерии. Он с безумным смехом неся через чащу. Ударом лапы Сурду свалил его на землю в десяти ярдах от Хайдженса. Наджет ощерился при виде мертвого зверя. Он даже сделал вид, что собирается напасть, но мать отогнала его.

Снизу раздалось умиротворенное ворчание. Звери долго возлились и, наконец, успокоились. Свет на посадочном поле погас. Исчезла сразу же яркая освещенная полоса. Хайдженс ввел гостя с ракетной лодки в жилую комнату. Послышался шелест крыльев. Орел поднял голову из-под крыла и холодно посмотрел на людей.

— Это Семпер,— сказал Хайдженс.— Семпер Тираннис. Он тоже житель Земли. Но он не ночная птица и поэтому не вылетел вас приветствовать.

Рон испуганно смотрел на огромную птицу, сидящую на вделанном в стену насесте.

— Орел? — спросил он.— То медведи, видоизмененные, если вам верить, но все же медведи, а теперь орел. Да, ваши медведи неплохой боевой отряд.

— Они еще и вьючные животные,— сказал Хайдженс.— Они могут тащить на себе до сотни фунтов и при этом не терять своих боевых качеств. И их питание не проблема. Они кормятся в чаще. Не сфиксами, конечно. Сфикса есть невозможно.

Он достал бутылку и стаканы и пригласил Рона к столу. Рон поставил на пол свой саквояж и взял стакан.

— Интересно,— спросил он,— почему Семпер Тираннис? Я еще могу понять такие имена, как Ситка Пит или Сурду Чарли. Очевидно, они названы в честь родных мест их предков. Но откуда Семпер?

— Его обучали для соколиной охоты,— ответил Хайдженс.— Ведь науськивают же на что-то собак, так и науськивают Семпера Тираннис. Он слишком велик для того, чтобы ездить на руке, а плечи моего комбинезона вполне ее заменяют. Он летающий разведчик. Я научил его извещать нас о приближении сфиксов. Во время полета он несет крошечный телевизионный аппарат. Пользы от него много, но все же ему далеко до медведей.

Рон сел и отпил из стакана.

— Любопытно... очень любопытно. Значит, это нелегальное поселение. А я инспектор Колониальной Службы. Мое дело составить отчет о ходе работ согласно плану, но тем не менее я должен вас арестовать. Вы, кажется, говорили о том, что собираетесь застрелить меня?

Хайдженс сказал упрямо:

— Я пытаюсь найти какой-нибудь выход. Я попал в скверную историю, если учесть еще наказание, угрожающее мне за незаконную колонизацию. Самое логичное было бы убить вас.

— Понимаю,— проговорил медленно Рон.— Но если

уж речь идет об этом, то дуло моего взрывателя направлено из кармана прямо на вас.

Хайдженс пожал плечами.

— Вполне вероятно, что мои сообщники вернутся сюда до ваших друзей. И боюсь, что вы окажетесь в незавидном положении, если они придут и застанут вас сидящим верхом на моем трупе.

Рон кивнул головой.

— Это тоже правда. Очень может быть, что ваши земляки не обрадуются мне. А вы, как я вижу, не из тех, кто теряется, даже когда на вас направлен взрыватель. Но с другой стороны, вы легко могли меня убить, когда ушел ракетобот. Я тогда ни о чем не подозревал. Но мне кажется, что это не входит в ваши намерения.

Хайдженс снова пожал плечами.

— Знаете,— сказал Рон,— часто секрет хороших отношений между людьми кроется в том, что откладываются ссоры. Давайте отложим обсуждение вопроса кто кого убьет. Говорю вам честно, я собираюсь при первой же возможности отправить вас в тюрьму. Незаконная колонизация дело плохое. Но вы, как я понимаю, тоже собираетесь что-то предпринять в отношении меня. На вашем месте я, очевидно, поступил бы так же. А сейчас я предлагаю заключить перемирие.

Хайдженс молчал.

— Тогда беру это на себя,— сказал раздраженно Рон.— Итак...— Он вытащил руку из кармана и положил на стол карманный взрыватель. Затем с вызовом посмотрел на Хайдженса.

— Держите его при себе,— сказал Хайдженс.— Лорен Второй не место, где вы можете жить без оружия.— Он повернулся к шкафу и спросил:

— Хотите есть?

— Я бы съел что-нибудь.

Хайдженс вынул из стенного шкафа два пакета и вложил их в электроплитку. Затем достал тарелки.

— Но все-таки, что же произошло с законной колонией? — спросил Рон.— Разрешение на колонизацию было дано восемнадцать месяцев назад. Здесь высадили колонистов со всем необходимым оборудованием и запасами продовольствия. С тех пор на Лорене было четыре корабля. Здесь должно быть несколько тысяч управляемых людьми роботов к прилету основной части колонистов. Они должны были очистить и занять сотни квадратных миль и построить посадочную решетку, а я не видел даже сигнального маяка, указывающего место посадки. С высоты не видно вырубленных участков. Корабль Крит Лайна находился на орбите целых три дня в поисках места, куда бы спустить

меня. Представляете, в каком бешенстве был пилот! Ваш сигнальный луч — единственный на этой планете, и то мы совершенно случайно его заметили. Что же произошло?

Хайдженс молча готовил ужин. Он сухо ответил:

— На этой планете могут быть сотни колоний и ничего не знать о существовании друг друга. Можно только догадываться о том, что случилось с роботами. Подозреваю, что они столкнулись со сфиксами.

Рон застыл с вилкой в руках.

— Я много читал об этой планете, когда готовился к докладу. Сфиксы — это представители местной фауны, очень свирепые, холоднокровные плотоядные с особыми генами, не такими, как у нашей ящерицы. Охотятся стаями. Вес взрослого экземпляра от семи до восьми сотен фунтов. Очень многочисленны и смертельно опасны. И именно поэтому людям ни разу не было дано разрешение на заселение этой планеты. Здесь могут жить только роботы, так как они машины. А какое животное станет нападать на машину?

Хайдженс спросил его:

— А какие машины могут напасть на животных? Сфиксы, разумеется, не станут беспокоить роботов, но разве роботы могут побеспокоить сфиксов?

Рон прожевал и проглотил кусок.

— Я согласен с вами, что нельзя сделать охотящегося робота. Машина может различать, но решать она не может. Вот поэтому нам никогда не угрожает опасность, что роботы могут взбунтоваться. Они не способны на действия без предварительных указаний. Но эта колония была запланирована с полным учетом возможностей роботов. Когда участок очистили, его обнесли электрическим забором, который зажарил бы любого сфикса, если бы тот попытался перелезть через него.

Хайдженс молча резал мясо. После небольшой паузы он сказал:

— Высадка колонистов происходила зимой. Думаю, это было именно так, судя по тому, что колония некоторое время еще продержалась. И ручаюсь, что последний корабль был здесь до весеннего таяния снегов. Год здесь длится восемнадцать месяцев, вы это знаете.

Рон ответил:

— Да. Высадка была зимой. А последний звездолет опустился до наступления весны. Идея состояла в том, чтобы пустить рудники, очистить поля и обнести все электрической изгородью до возвращения сфиксов из тропиков. Как я понимаю, они там зимуют?

— А вы видели когда-нибудь сфиксов? — спросил

Хайдженс, но тут же добавил: — Нет, вы, конечно, не могли их видеть. Если взять ядовитую кобру, скрестить ее с дикой кошкой, выкрасить в рыжий и синий цвета и еще наделить ее водобоязнью и маниакальной жаждой убийства, то вы получите сфикса, но сфикса как индивида. Гораздо более страшная вещь стая сфиксов. Кстати, они прекрасно лазают по деревьям, никакой забор их не остановит.

— А электрическая изгородь! — возразил Рон. — Через нее никто не может перелезть.

— Ни одно животное. Но сфиксы это особая категория. Запах мертвого сфикса заставляет целое стадо бегать с налитыми кровью глазами в поисках его убийцы.

Оставьте труп сфикса на шесть часов, и вокруг него соберутся десятки его сородичей. А если вы оставите его на два дня, то их будут сотни. Они начнут выть над трупом, а потом будут рыскать вокруг.

Хайдженс некоторое время молча ел, а затем продолжал:

— И поэтому можно себе представить, что произошло с колонией. За зиму роботы очистили участок для лагеря и сделали электрический забор. Затем настала весна и вернулись сфиксы. Вдобавок ко всем своим качествам они чертовски любопытны. Сомнительно, чтобы сфикс мог пройти мимо забора и не влезть на него для того, чтобы поглядеть, что за ним делается. Его убило током. Запах трупа привлек других сфиксов, разъяренных смертью собрата. Некоторые из них, конечно, попытались влезть на изгородь и погибли. И снова на запах мертвечины сбежались новые сфиксы, и в конце концов забор рухнул под тяжестью висящих на нем тел, а может быть, из трупов получилось нечто вроде моста, по которому орда обезумевших чудовищ обрушилась на лагерь и с визгом кинулась на поиски жертв. Очевидно, их было немало.

Рон перестал есть. Он был очень бледен.

— Там, в материалах, которые я когда-то читал, были изображения сфиксов. Думаю, что они все могут объяснить...

Он взял вилку, но снова положил ее.

— Не могу есть, — сказал он отрывисто.

Хайдженс ничего не ответил. Он молча окончил ужин. Затем поднялся и вложил тарелки в посудомойный шкаф. Послышалось жужжание, и через минуту он снизу вынул чистые тарелки и убрал их.

— Вы дадите мне посмотреть материалы? — спросил он угрюмо. — Мне интересно, какого типа поселение у этих роботов.

После некоторого колебания Рон открыл свой саквояж и достал микропроектор и несколько катушек

пленки. На одной из катушек была этикетка с надписью: «Инструкция по строительным работам. Колониальная Служба». Это были подробно разработанные планы и описание необходимого оборудования для колонии роботов, начиная от строительного материала и сырья и до организации управленческого аппарата колоний. Но Хайдженс искал какую-то другую пленку. Он нашел ее, вложил в микропроектор и начал медленно повсрачивать регулятор, задерживаясь только для того, чтобы прочесть надписи.

Наконец, он нашел то, что искал, и стал с интересом читать текст.

— Роботы, роботы,— проворчал он.— Почему вы не держите их там, где они на месте, в больших городах для грязных работ? Их еще можно использовать на безатмосферных планетах, где ничего неожиданно произойти не может. Роботы не годятся для освоения новых планет. Подумать только! Защита колонистов целиком зависела от этих машин. Да, если человек проживет подольше в обществе роботов, мир покажется ему таким же ограниченным, как эти автоматы. Вот подробный план по устройству управляемой защиты,— он выругался.— Самодовольные, привязанные к доске безмозглые идиоты!

— Роботы не так уж плохи,— сказал Рон.— Мы не могли бы без них создать цивилизацию.

— Но вряд ли вы сможете освоить пустыню с помощью роботов,— оборвал его Хайдженс.— Вы высадили дюжину людей и пятьдесят роботов, которые должны были начать строительство. В следующей партии их было уже не менее пятнадцати тысяч. И держу пари, что потом корабли привезли еще.

— Так все и было,— сказал Рон.

— Я презираю их,— взорвался Хайдженс.— У меня к ним чувство, испытываемое древними греками и римлянами к рабам. Они делали работу, которую для себя может сделать каждый человек, но не станет делать за плату за другого. Унизительная работа!

— Взгляды вполне аристократичные,— сказал Рон насмешливо.— Насколько я понимаю, роботы чистят медвежий зал.

— Нет,— отрезал Хайдженс.— Это делаю я сам. Медведи мои друзья. Они дерутся за меня, но они часто не понимают, что нужно делать. Ни один робот не вычистит хорошо их помещение.

Он снова нахмурился. За стеной не прекращался ночной концерт — звуки органа, икание, стук молотка и скрип дверей. Иногда в это многоголосие врвался визг ржавого насоса.

— Я ищу,— сказал Хайдженс, передвигая регуля-

тор,— записи об их рудных разработках. Если у них были открытые шахты, то не о чем и говорить. Но если они вырыли туннель и там были люди, которые наблюдали за роботами, когда гибла колония, то есть надежда, что люди могли уцелеть.

Рон вдруг пристально на него посмотрел.

— И тогда...— продолжал Хайдженс.

Рон резко прервал его:

— К черту! Теперь мне понятно... Если даже они могли уцелеть, то...

Он поднял брови.

— Я инспектор Колониальной Службы. Я уже вам говорил, что отправлю вас в тюрьму при первом удобном случае. Вы рисковали жизнью миллионов людей, поддерживая бескарантинный контакт с незаконно заселенной планетой. И если бы вы спасли кого-нибудь из колонии роботов, то могли бы оказаться весьма нежелательные свидетели вашего пребывания здесь. Вам это не приходило в голову?

Хайдженс продолжал сосредоточенно крутить регулятор. Вдруг он остановился и пробормотал:

— Они проложили туннель.— Затем он сказал громко:— А о свидетелях я буду думать, когда это понадобится.

Он открыл другую дверцу шкафа и достал ящик, наполненный всякими мелочами. Там был целый набор проволоки, болтов, шурупов, разных винтиков, вещей, необходимых в хозяйстве человека, который считает себя единственным жителем солнечной системы.

— Ну и что вы думаете делать дальше? — резко спросил Рон.

— Попытаюсь узнать, остался ли кто-нибудь в живых. Я сделал бы это раньше, если бы знал о существовании колонии. Я не могу доказать, что они погибли, но я могу доказать, что там кто-то жив. До них полторы недели пути. Странно, что две колонии выбрали место так близко друг от друга.

Он отобрал нужные ему инструменты.

Рон спросил:

— Как вы можете узнать, остался ли кто-нибудь в живых на расстоянии в сотни миль отсюда, когда вы полчаса назад еще не знали о том, что существует колония?

Хайдженс нажал кнопку и опустил часть деревянной обшивки стены, за ней оказалась электронная аппаратура с монтажом. Он отверткой начал что-то вывинчивать.

— Вы когда-нибудь думали о том, что такое поиски потерпевших аварию? — спросил он, не поворачивая головы.

— Есть планеты, площадь которых составляет миллионы квадратных миль. Вам известно, что где-то приземлился корабль, но вы не представляете даже, где он. Вы считаете, что у тех, кто уцелел, есть запас горючего, так как без горючего не может долго существовать ни один цивилизованный человек с тех пор, как он научился обрабатывать металл. Для светового сигнала нужны очень точные вычисления и инструменты. Смасерить самим их невозможно. И как по-вашему, что будет делать потерпевший аварию цивилизованный человек, чтобы спасательный корабль отыскал его на клочке земли в одну квадратную милю?

Рона явно раздражал этот разговор.

— Человек начнет с того, что вернется к первобытному состоянию, — продолжал Хайдженс, — он будет жарить мясо на костре, как и его далекие предки. Он наладит очень примитивную сигнализацию. Без микрометров и специальных приборов больше ничего сделать нельзя. Потерпевший аварию должен наполнить эфир сигналами, которые не смогут не услышать люди, отправившиеся на его поиски. Вы согласны со мной, Рон? Он сделает искровой передатчик и настроит его выход на самые короткие волны, какие только ему удастся получить, примерно от пяти до пятидесяти метров. Но они будут хорошо слышны. Он получит самые примитивные сигналы и начнет их передавать. Некоторые волны обойдут вокруг всей планеты под ионосферой, и любой корабль, проходящий ниже ионосферы, примет их, зафиксирует место, откуда они исходят, и направит путь прямо туда, где потерпевший аварию в самодельном гамаке посасывает влагу, которую ему удалось извлечь из местных растений. Мой космофон принимает только микроволны. Я могу поменять несколько элементов, чтобы настроить его на более длинные волны. И если в эфире есть сигналы о бедствии, то мы их услышим. Но не думаю, что они есть.

Он продолжал работать. Рон молча наблюдал за ним. Внизу раздавался равномерный храп Сурду Чарли. Медведь лежал на спине, подняв лапы. Он считал, что так спать значительно прохладней. Ситка заворачивал во сне. Ему, очевидно, что-то снилось. В жилой комнате Семпер приоткрыл глаза, сунул голову под гигантское крыло и снова заснул. Звуки из чащи проникали даже сквозь стальные шторы. Низкая луна, которая прошла незадолго до того как зазвонил звонок, снова появилась над восточным горизонтом. Эта каменная неровная глыба была хорошо видна и пронеслась по небу со скоростью воздушного экспресса.

Рон сердито сказал:

— Послушайте, Хайдженс! У вас есть все основа-

ния меня убить. Но, очевидно, вы не намерены этого делать. Вам было бы выгоднее оставить в покое эту колонию роботов, а вместо этого вы собираетесь помочь людям, если они там остались в живых и нуждаются в помощи. Но все же вы преступник. Я в этом уверен, так как именно с таких планет, как Лорен Второй, были завезены ужасные бактерии, и это стоило многих жизней. И вы продолжаете рисковать. Для чего вы это делаете? Для чего вы совершаете поступки, которые могут стать причиной гибели других людей?

Хайдженс усмехнулся.

— Вы напрасно считаете, что не было принято никаких санитарных и карантинных мер предосторожности. Вы ошибаетесь. Все было сделано по всем правилам. Что же касается остального, то вы все равно не поймете.

— Я не понимаю, — ответил Рон. — Но это еще не доказывает, что я не могу понять. И все-таки, почему вы считаете себя преступником?

Хайдженс с трудом всунул отвертку в деревянную обшивку. Затем он осторожно вынул маленький электронный блок и начал ввинчивать новый, значительно большей мощности.

— Я преступник потому, что меня эта роль вполне устраивает, каждый ведет себя согласно своим представлениям о себе. Вот вы порядочный гражданин и честный служащий и считаете себя разумным мыслящим животным. А ведете себя совсем не так, как надлежало бы. Вот вы напоминаете мне о необходимости вас убить или сделать что-нибудь подобное, в то время как просто разумное животное сделало бы все, чтобы заставить меня забыть о моем намерении. К несчастью, Рон, вы человек, как и я. Но я это понимаю и поэтому сознательно совершаю поступки, на которые бы не решилось ни одно просто разумное животное, потому что таково мое представление о том, как должен поступать человек, стоящий гораздо выше разумного животного.

Он тщательно укрепил один за другим все винты.

— Это целая религия, — сказал все еще раздраженный Рон.

— Самоуважение, — поправил Хайдженс. — Я не люблю роботов. Они слишком похожи на разумных животных. Робот будет делать все, что он может, если этого потребует от него человек. А просто разумное животное сделает то, что потребуют обстоятельства. Я уважал бы робота, если бы он плюнул мне в глаза, когда я заставляю делать его то, что он не хочет. Вот возьмите медведей внизу. Это вам не роботы, а вполне достойные и заслуживающие уважения звери. Они бы разорвали меня в клочья, если бы я попытался заста-

вить их что-нибудь сделать, что им не по нраву. Фаро Нелл вступила бы в единоборство со мной, да и со всем человечеством, попытайся я обидеть Наджета. С ее стороны это было бы неразумно, бессмысленно и нелогично. Она бы, конечно, проиграла и погибла. Но я именно за это ее люблю. И я тоже бы вступил в единоборство с вами и со всем человечеством, если бы вы попытались заставить меня сделать что-то против моей природы. И я вел бы себя глупо, неразумно и нелогично. — Затем добавил, не поворачивая головы: — И вы тоже. Только вы не сознаетесь в этом.

Он закрепил регулятор.

— А что вас заставляли делать? — спросил Рон, который никак не мог успокоиться. — Почему вы стали преступником? Против чего вы взбунтовались?

Хайдженс нажал кнопку и начал поворачивать регулятор своего перестроенного приемника.

— Как что? — ответил он насмешливо. — Когда я был молод, все люди вокруг пытались сделать из меня сознательного гражданина и порядочного служащего. Они хотели превратить меня в высокоинтеллектуальное разумное животное и ни во что больше. Разница между нами, Рон, в том, что я это понял вовремя, и естественно, что я взбун...

Он не закончил фразу. Слабое потрескивание вдруг донеслось из рупора космофона, приспособленного для приема волн, которые когда-то называли короткими.

Хайдженс вскинул голову, напряженно слушал и медленно поворачивал регулятор. Рон поднял палец, чтобы обратить внимание Хайдженса на какие-то звуки, прорывающиеся сквозь треск. Хайдженс, продолжая настраивать приемник, молча кивнул головой, звук усилился. На фоне треска и свиста стало вырисовываться какое-то бормотание. Когда Хайдженс изменил настройку, бормотание стало явственнее, и, наконец, они услышали ряд последовательных звуков, какое-то нестройное жужжание. Три отрывистых жужжащих звука. Затем пауза в две секунды, три долгих звука, снова пауза и три коротких сигнала. Потом молчание, длящееся пять секунд, — и все сигналы повторились сначала.

— Дьявол, — выругался Хайдженс, — это сигнал, несомненно полученный механическим путем. Это обычный сигнал о бедствии. Он когда-то назывался СОС, хотя я понятия не имею, что это значит. Кто-то там, должно быть, в свое время читался старинных романов, раз он знает о нем. Значит, в вашей законной, но ныне не существующей колонии роботов есть люди. И они просят о помощи. Думаю, что они в ней здорово нуждаются. — Он посмотрел на Рона.

— Самым разумным было бы сидеть и ждать, когда появится корабль с вашими или моими друзьями. Корабль может помочь пострадавшим лучше, чем это сделаем мы. Кораблю проще отыскать их. Но, может быть, каждая минута дорога этим чертям. И поэтому я собираюсь взять медведей и попытаюсь добраться до них. Вы можете нас здесь ждать, если хотите. Что говорить, путешествие на Лорене Втором не увеселительная прогулка. Нам придется отвоевывать каждый фут. Ух, слишком много здесь «вредоносной фауны»!

— Не дурите. Конечно, я иду. За кого вы меня принимаете? И вдвоем у нас в четыре раза больше шансов, — сказал сердито Рон.

Хайдженс усмехнулся.

— Не совсем так. Вы забываете Ситку, Сурду Чарли и Фаро Нелл. Если вы пойдете, нас будет пятеро, вместо четырех. И Наджета, конечно, нужно взять. Помощи от него немного, но зато у нас есть Семпер. Вы не учетверите наших возможностей, Рон, но коли вам так хочется быть глупым, неразумным и нелогичным, я буду рад, если вы пойдете с нами.

III

Огромный острый каменный уступ навис над речной долиной. Внизу широкий ручей стремительно бежал на запад, к морю. В двадцати милях к востоку прямо на фоне неба поднималась гряда гор. Их вершины, расположенные на одном уровне, сливались вместе, образуя сплошную стену. И повсюду, насколько мог видеть глаз, простиралась вздыбленная земля.

Точка в небе быстро приближалась. Захлопали огромные крылья. Стальные глаза обзоредали окрестность. Семпер, наконец, приземлился и, резко повернув голову, стал смотреть немигающим взглядом на скалы. Маленький аппарат был прикреплен ремешками у него на груди. Он прошел по гладкому камню к вершине утеса и застыл там гордой и одинокой фигурой на фоне пустыни.

Послышались треск, рычание, а затем сопение. Ситка Пит вперевалочку вышел из-за поворота. На спине он нес поклажу. Сбруя была сложной конструкции, так как она должна удерживать на спине тюк и во время сражений, когда медведю приходилось пускаться в ход передние лапы. Медведь прошел по открытой площадке к утесу и посмотрел вниз. Он явно кого-то высматривал, а когда вплотную приблизился к Семперу, орел раскрыл свой огромный изогнутый клюв и издал звук негодования. Ситка даже не обратил на

это внимания. Затем зверь с удовлетворением вздохнул и сел. Его задние лапы смешно разъехались.

С шумом и сопением появился Сурду Чарли. За ним шел Рон с Наджетом, Сурду тоже тащил тяжелый тюк. Наджет, подгоняемый шлепком матери, с отчаянным визгом бросился вперед. К сбруе Фаро Нелл была привязана туша какого-то животного, похожего на оленя.

— Я выбрал это место по стереофото, — сказал Хайдженс, — чтобы определить направление. Я хочу сделать отметку. Он сбросил на землю свой заплечный мешок, достал самодельный приемник и установил его на земле. Натянув воздушную антенну, он закопал большой кусок гибкой проволоки и размотал маленькую направленную антенну. Рон тоже снял с плеч мешок и внимательно наблюдал за движениями Хайдженса, который надел наушники.

— Следите за медведями, Рон, — сказал он. — Ветер дует в нашем направлении. Медведи по запаху чувствуют, если кто-то идет по следу. Они дадут нам знать.

Он извлек из мешка инструменты и снова занялся приемником. Из аппарата отчетливо донеслись свистящие потрескивающие звуки, которые были не чем иным, как сигналами. Он натянул маленькую антенну. Треск усилился. Самодельный портативный приемник, настроенный на короткие волны, оказался более эффективным, чем космофон. Хайдженс ясно услышал три коротких сигнала, затем три длинных и опять три коротких. Три точки. Три тире. Три точки. Снова и снова СОС, СОС, СОС...

Хайдженс сделал отметку и передвинул направленную антенну на тщательно отмеренное расстояние. Затем снова отметил место и записал показания приемника. Закончив, он проверил направление сигналов не только по громкости, но и по силе с максимальной точностью, возможной для его портативной аппаратуры.

Сурду тихо заворчал. Ситка Пит понюхал воздух и поднялся на ноги. Фаро Нелл опять дала шлепок Наджету, и он, скуля, отправился в самый дальний конец площадки. Мать стояла ощерившись и смотрела на тропинку, по которой они поднялись.

— Проклятие! — сказал Хайдженс.

Он встал с земли и махнул рукой Семперу, который, услышав шум, повернул голову. Орел пронзительно, совсем не по-орлиному закричал, нырнул со скалы и через мгновение был на земле. Пока Хайдженс доставал оружие, Семпер отлетел на сотню футов и стал описывать в воздухе причудливые фигуры. Когда он снизился, Хайдженс посмотрел на лежащую у него на

ладони маленькую пластинку. В ней отражалось все, что фиксировал телевизионный аппарат на груди Семпера,— кусок качающейся земли с какими-то движущимися между деревьями точками.

— Сфиксы,— мрачно сказал Хайдженс.— Восемь штук. И не ищите их на дороге, Рон. Они бегут параллельно с нами, по обеим сторонам тропинки. Они всегда пытаются неожиданно напасть с флангов. Слушайте, Рон! Медведи прекрасно справятся сами со сфиксами, которые нападут на них. Наша задача помочь им и подстрелить остальных. Цельтесь в туловище. Пули разрываются у них внутри.— Он сдвинул предохранитель своего ружья. Фаро Нелл с громовым рычанием встала между Ситкой и Сурду. Ситка посмотрел на нее и презрительно засопел, как бы насмехаясь над ее страшными криками, от которых кровь застывала в жилах. Он и Сурду отодвинулись подальше от Нелл.

Вокруг все было спокойно. Мертвую тишину нарушали лишь крики лоренских «птиц» и рычание Фаро Нелл. Щелкнул предохранитель ружья Рона.

Семпер снова закричал и, захлопав крыльями, полетел низко над деревьями, следуя за пестро раскрашенными чудовищами. Восемь сине-рыжих дьяволов рысцой выбежали из-за кустов. Торчащие рога и острые шипы создавали впечатление, что они только что выскочили из ада. Разбрызгивая слюну, сфиксы бросились на медведей с визгом, похожим на крики дерущихся котов. Хайдженс поднял ружье. Пуля громко стукнулась о шкуру сфикса, и он свалился на землю. Фаро Нелл, грозное воплощение ярости, бросилась в бой. Рон выстрелил. Пуля взорвалась, ударившись о дерево. Ситка Пит, стоя на задних лапах, наносил во все стороны мощные удары. Рон выстрелил еще раз. Сурду Чарли угрожающе зарычал, всей тяжестью навалился на двухцветное чудовище и покатился с ним по земле, царапая его лапами. Кожа на брюхе была чувствительнее, чем остальная шкура. Рыча от боли, сфикс отполз в сторону. Одна из тварей, воспользовавшись суматохой, приготовилась прыгнуть на Ситку сзади, но Хайдженс одним выстрелом уложил ее. Два сфикса атаковали Фаро Нелл. Одного убил Рон, другого почти пополам разорвала в ярости медведица. Ситка вдруг выпрямился. На нем повисло несколько чудовищ. Сурду кинулся к нему, стащил одного из них и задушил его. Так же он разделался и с остальными. Одновременно щелкали ружья. Неожиданно Хайдженс и Рон увидели, что сражаться больше не с кем.

Звери бродили между трупами. Ситка с ворчанием поднял безжизненную голову сфикса.

Раздался удар, затем другой. Так он расправился

со сфиксами и успокоился только тогда, когда увидел, что все они лежат неподвижно. Семпер, хлопая крыльями, слетел вниз. Во время битвы он кричал и летал над головами. Хайдженс по очереди подходил к медведям и заговаривал с ними, стараясь их успокоить. Труднее всего было утихомирить Фаро Нелл. Она со свирепой страстностью вылизывала Наджета и не переставая рычала.

— За работу! — сказал Хайдженс.

Он видел, что Ситка собирается снова сесть.

— Сбросьте трупы со скалы! Ситка! Сурду! Хоп!

Он смотрел, как огромные медведи подняли мертвых сфиксов и потащили их к утесу. Кувыркаясь в воздухе, пестрые чудовища полетели вниз, в долину.

— Теперь, — заметил Хайдженс, — их ближайшие приятели соберутся вокруг и устроят плач, если не нападут на наш след. Если бы мы были у реки, я бы отправил трупы вниз по течению, и тогда пусть бы их родственники искали место для оплакивания. Я всегда сжигаю трупы около станции.

Он развязал мешок, который нес Сурду, и вытащил вату и несколько галлонов антисептической жидкости. Он промыл все раны и царапины у медведей и пропитал их шерсть жидкостью в тех местах, где могли быть следы ядовитой крови сфиксов.

— Это средство хорошо тем, что уничтожает запах, — сказал он, — не то все сфиксы побегут по нашим следам. Когда мы двинемся, я смажу лапы медведям.

Рон молчал. Он злился на себя за свой неудачный выстрел. Он сразу не мог освоить новое для него оружие. В конце битвы он стрелял без промаха, но тем не менее чувство досады не проходило. Он сказал с горечью Хайдженсу:

— Если вы инструктируете меня, как действовать в случае вашей гибели, то, по-моему, не стоит стараться. Все равно не поможет.

Хайдженс порывлся в мешке и достал пачку увеличенных стереоснимков той части планеты, по которой они шли. Он сориентировал карту по местности. Затем аккуратно провел линию через все фото.

— Сигнал СОС доходит из какого-то места недалеко от колонии роботов, — сказал он. — Мне кажется, южнее колонии. Может быть, из шахты, которую они вырыли на окраине плато. Видите, на карте две отметки. Одна от станции и вторая отсюда. Я нарочно отклонился от пути, чтобы зафиксировать сигналы и тем самым получить две линии направления к передатчику. Если раньше можно было предполагать, что сигналы идут с другого конца планеты, то теперь я твердо знаю, что это не так.

— Нелепо думать, что сигналы могут исходить не из колонии роботов,— сказал Рон.

— Но почему же,— возразил Хайдженс.— Ведь в колонию роботов приходили корабли. Один из них мог потерпеть катастрофу. И у меня тоже есть друзья...

Он упаковал всю аппаратуру и сделал знак медведям. Отведя их за поле битвы, Хайдженс тщательно смазал им антисептической жидкостью лапы, на которых оставались следы крови сфиксов. Затем пома- нил рукой Семпера, летающего над скалами.

— Двинулись,— сказал он Кодиакам.— Вперед! Хоп!

Отряд спустился с горы и вошел в лес. Теперь настала очередь Сурду идти первым. Ситка ковылял за ним. Фаро Нелл с Наджетом шла за людьми. Она не спускала глаз с медвежонка, еще совсем маленького, несмотря на свои шестьсот фунтов.

Над головой хлопал крыльями Семпер, выделявая гигантские круги и спирали. Он никогда далеко не отлетал. Хайдженс время от времени проверял на пластинке изображения, которые фиксировал аппарат, прикрепленный на груди у Семпера. Изображения смещались, двигались и переворачивались. Но тем не менее это был лучший способ воздушной разведки.

Хайдженс вдруг сказал:

— Мы отклонились вправо. Но прямо идти опасно. Похоже, что стая сфиксов кого-то поймала и теперь пожирает добычу.

— Скопление такого количества плотоядных,— сказал Рон,— противоречит всем правилам науки. Ведь на каждое плотоядное обычно приходится довольно большое количество других животных. Если их разведется очень много, они уничтожат всю дичь и сами погибнут от голода.

— Они уходят на всю зиму,— ответил Хайдженс.— А зима здесь не очень суровая, как могло бы казаться. Многие животные здесь размножаются, когда сфиксы уходят на юг. И в хорошую погоду они не всегда здесь торчат. У них есть какое-то время «пик», а потом целыми неделями вы можете не встретить ни одного сфикса. И вот вдруг снова все леса кишат ими. Сейчас они движутся на юг. Очевидно, звери переселяются — непонятно, почему именно в этом направлении.

Но на этой планете почти не было натуралистов. Ведь здесь вредоносная фауна,— добавил он язвительно.

Рон явно сердился. Он был старшим офицером Колониальной Службы, и ему не раз приходилось высаживаться на незнакомых планетах для обследования колоний, которые создавались на новых территориях согласно предусмотренному плану. Но впервые он

попал в такую враждебную обстановку. Жизнь его зависела от прихотей незаконного колониста. Теперь офицер оказался втянутым в какое-то темное предприятие только потому, что механическая искровая сигнализация продолжала все еще действовать после того, как те, кто создал ее, погибли. Все его привычные представления о вещах сместились. Сам он остался в живых только благодаря трем гигантским медведям и плешивому орлу. И даже если им удастся добраться до колонии роботов, вряд ли они сумеют справиться с ордой разъяренных сфиксов.

Да, все понятия Рона о возможностях цивилизованного человека перевернулись. Роботы были великолепным изобретением для выполнения заранее намеченного плана, точного подчинения инструкциям, но у них были недостатки. И самый главный заключался в том, что они совершенно не были подготовлены к встрече со случайностями, если же они сталкивались с чем-нибудь заранее не предусмотренным, то оказывались беспомощными перед лицом необычных обстоятельств. Цивилизация, создаваемая роботами, могла существовать только в среде, где вся жизнь протекала по намеченному плану, там, где от роботов не могли потребовать ничего нового. Рон был испуган. Он тоже никогда не сталкивался ни с чем не предусмотренным.

Он обнаружил, что рядом с ним все время бежит Наджет. Медвежонок прижал уши и заскулил, когда Рон посмотрел на него. Рон подумал о том, что Наджет получает с воспитательной целью не меньше ударов, чем он сам.

— Я тебя понимаю, друг, — сказал он грустно.

Наджет обрадовался. Шерсть у него поднялась, и он посмотрел на Рона с надеждой, что человек поиграет с ним. Даже на четвереньках он достигал четырех футов.

Рон протянул руку и погладил медвежонка по голове. Впервые в жизни он приласкал животное. Сзади послышалось рычание. Мурашки поползли у него по спине. Он отпрянул от Наджета. В десяти шагах от него стояла Фаро Нелл и смотрела ему прямо в глаза. Рон почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу. Но глаза медведицы были странно спокойными, и она рычала совсем не так, как тогда на утесе, когда почуяла, что Наджету грозит опасность. Постояв, она равнодушно отвернулась и стала рассматривать какой-то привлекший ее внимание предмет на скале.

Отряд продолжал свой путь. Наджет теперь не отходил от Рона. Время от времени он тыкался мордой ему в ноги и смотрел на него преданным, полным обожания взглядом, в котором отражалась вся сила вне-

запно вспыхнувшего чувства, свойственного ранней молодости. Рон устало тащился за медведями. Иногда он останавливался, чтобы приласкать Наджета. Фаро Нелл теперь могла спокойно отходить от медвежонка. Она, казалось, была довольна тем, что так надежно его пристроила и он больше не раздражал ее.

Рон крикнул Хайдженсу:

— Смотрите! Меня Фаро Нелл приставила нянькой к Наджету.

Хайдженс оглянулся.

— Да шлепните его несколько раз, и он вернется к матери,— сказал он.

— А на кой черт это нужно, — рассердился Рон. — Мне это нравится.

Они продолжали двигаться вперед. Когда наступила ночь, они устроили привал. Из страха, что ночные обитатели Лорена могут слететься на огонь, они не разжигали костра. Но и в темноте было небезопасно, так как «ночные бродяги» с вечера выходили на охоту.

Хайдженс устроил заграждение из затемненных ламп. Туша оленеподобного животного составила им ужин. Они приготовили постели и легли спать, но спали только люди. Медведи чутко дремали, просыпались и снова начинали храпеть. Семпер сидел неподвижно на сухой ветке, спрятав голову под крыло. Как-то неожиданно наступила чудесная, полная утренней прохлады тишина, и мир вокруг расцвел под утренними лучами солнца, пробивающегося сквозь чащу. Они быстро поднялись и тронулись в путь. Днем они вынуждены были остановиться на два часа, чтобы сбить с толку сфиксов, напавших на след медведей. Хайдженс заговорил о том, что необходимо иметь средство, уничтожающее запахи, и смазывать им обувь людей и лапы медведей, чтобы сфиксы не могли пронюхать следы.

Рон предложил изобрести какую-нибудь жидкость с запахом, который отвратил бы этих чудовищ от людей.

— Если будет такое средство, то люди смогут безбоязненно передвигаться по всей планете,— сказал он.

— Как средство от клопов,— рассмеялся Хайдженс.— Великолепная мысль, Рон! Можете гордиться.

Ночью они снова сделали привал и только на третий день добрались до подножия плато, которое издали напоминало горную гряду. Оно оказалось пустынным плоскогорьем. Их удивило, что пустыня лежала так высоко над уровнем моря, в то время как низкая впадина обильно смачивалась дождями. Но на четвертый

день им стала ясна причина этого явления. Далеко впереди на краю огромного плато они увидели каменную глыбу. Она была похожа на нос большого корабля. Хайдженс сразу обратил внимание на то, что гора лежала на пути ветров и разрезала их, как нос корабля режет воду. Несущие влагу воздушные потоки с двух сторон обмывали плато, и поэтому середину его палящие лучи солнца превратили в выжженную пустыню. Целый день ушел на то, чтобы подняться до середины склона. Семпер дважды во время подъема летал над большим скоплением сфиксов, которые бежали параллельно дороге, то с одной, то с другой стороны.

Их было великое множество, от пятидесяти до ста чудовищ в одной стае. Хайдженс прежде никогда не видел таких больших скопищ сфиксов. Обычно в стае их было не больше дюжины. Хайдженс все время смотрел на маленький экран, отражающий то, что видел Семпер на расстоянии от четырех до пяти миль. Сфиксы длинной вереницей двигались вверх по направлению к плато. Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лазурно-рыжих обитателей ада.

— Я с ужасом думаю о том, что эта свора может напасть на нас, — сказал Хайдженс, — и боюсь, что тогда мы окажемся в незавидном положении.

— Вот здесь бы нам пригодился бронетанк, управляемый роботами, — ответил Рон.

— Да, что-нибудь бронированное, — согласился Хайдженс. — Даже один человек может уцелеть на такой станции, как моя. Но если он убьет сфикса — все пропало. Он будет осажден, и ему придется долго просидеть в своей норе, вдыхая запах дохлого сфикса, пока аромат не улетучится. И ни в коем случае нельзя больше убить ни одного зверя, так как иначе придется сидеть в крепости до самой зимы.

Они взбирались по склону, круто поднимавшемуся вверх под углом примерно в пятьдесят градусов; медведи шли очень легко, Хайдженс почти не спускал глаз с пластинки.

— Ну и дьявольский подъем, — сказал он отдуваясь, когда они остановились передохнуть. Медведи терпеливо их ждали.

— А медведи у вас здорово вышколены, Хайдженс. Я вполне понимаю Семпера, у которого не хватает терпения.

— Не я их вышколил, — ответил Хайдженс, внимательно рассматривая изображение на пластинке. — Это ведь видоизмененная порода, и все их качества передаются по наследству. Люди на моей родной планете разумно учли психологический фактор, когда выводили новую породу. Им нужны были животные,

которые могли бы драться, как дьяволы, жить вдали от родных мест, таскать тяжести и быть преданными человеку, как собака. Люди с давних времен делали попытку добиться необходимой степени физического развития у животных, обладающих высокой духовной организацией. В результате этого способа должна была получиться гигантская собака. На моей планете лет сто тому назад такой опыт решили проделать с медведями. Он оказался удачным. Первый медведь, названный Чемпионом Кодиака, обладал уже всеми качествами, которые вы можете наблюдать у его потомков.

— Но вид у них вполне нормальных медведей,— сказал Рон.

— Они абсолютно нормальные.— В голосе Хайдженса появились теплые нотки.— Они ничем не хуже обычного честного пса. Их не нужно обучать, как Семпера. Они сами всему учатся.

Он снова посмотрел на лежащую у него на ладони пластинку, на которой отражалась верхняя часть склона.

— Семпер ученая, но безмозглая птица, хорошо тренированный разведчик и только. А медведи стараются дружить с людьми. Они зависят от нас в эмоциональном отношении, как и собаки. Если Семпер слуга, то они помощники и друзья. Служить человеку его вынудили обстоятельства, а медведи нас любят. Семпер, не задумываясь, оставил бы меня, если бы он понял, что может прожить один. Но он уверен, что может есть только то, что ему дают люди. А медведи не ушли бы от меня. И я к ним очень привязан. Может быть, за то, что они меня так любят.

— И кто вас дергал за язык, Хайдженс? — сказал Рон.— Ведь я офицер Колониальной Службы. Все равно рано или поздно я должен буду вас арестовать. А вы рассказали мне все вещи, по которым я легко смогу установить, кто вас сюда прислал. Мне теперь нетрудно навести справку о том, на какой планете выращивали видоизмененных медведей и где остались потомки медведя по имени Чемпион Кодиака. Теперь я могу узнать, откуда вы прибыли, Хайдженс.

Хайдженс поднял глаза от пластинки, на ней покачивалось крошечное телевизионное изображение.

— Ничего страшного не произошло,— сказал он добродушно.— Там меня тоже считают преступником. Официально записано, что я похитил этих медведей и скрылся с ними. А на моей родине это самое страшное преступление, которое только может совершить человек. Это даже хуже, чем было конокрадство на Земле в старые времена. Родственники моих медведей очень высоко ценятся. Так что и дома я преступник.

Рон внимательно на него посмотрел.

— Вы их украли? — спросил он.

— Если говорить откровенно, — ответил Хайдженс, — я их не крал. Но подите докажите это, — он подмигнул Рону и добавил: — Взгляните на пластинку. Хотите знать, что видит Семпер на краю плато?

Рон взглянул наверх, где кружил Семпер. Он уже по опыту знал, что Семпер всегда кричит при виде приближающейся опасности. Вдруг орел метнулся к границе плато. Рон посмотрел на пластинку. Она была размером четыре на шесть дюймов, совершенно гладкая и блестящая. Изображение на пластинке двигалось и поворачивалось, так как аппарат, который нес орел, тоже все время двигался. На мгновение на экране мелькнули крутой горный склон и на нем черные точки. Это были люди и медведи. Затем появилась вершина плато, и на ней они увидели сфиксов. Около двухсот чудовищ рысцой бежали по направлению, к пустынному ложу плато. Аппарат передвинулся — и Рон увидел новую партию сфиксов. Птица поднялась выше. По краю плато двигались все новые и новые орды.

Они выходили из маленькой, образовавшейся от выветривания ложбины. Плато кишело дьявольскими отродьями. Трудно было представить, где они находили достаточное количество пищи. Издали они напоминали стада, рассыпавшиеся по пастбищу.

— Они переселяются, — сказал Хайдженс. — И идут в какое-то определенное место. Я не уверен, что сейчас нам будет удобно пересекать плато, когда там такое скопление сфиксов.

Рон выругался. Настроение у него резко переменялось.

— Но сигналы все еще доходят, — сказал он. — Кто-то жив в колонии роботов. Можем мы ждать до тех пор, пока кончится переселение?

— Мы ведь ничего не знаем, — сказал Хайдженс, — какие у них условия и смогут ли они еще продержаться, — он показал на пластинку. — Ясно одно: им очень нужна помощь. И мы во что бы то ни стало должны до них добраться. Но в то же время... — Он посмотрел на Сурду Чарли и Ситку, терпеливо стоявших на склоне, пока люди отдыхали и разговаривали, Ситка ухитрился даже найти место и сесть, уцепившись тяжелой лапой за склон.

Хайдженс махнул рукой, указывая новое направление.

— Пошли! — заторопил он медведей. — В путь! Вперед! Хоп!

Они шли по склонам, не поднимаясь до верхнего уровня плато, по которому двигались сфиксы, что значительно замедляло продвижение отряда. Людям казалось, что они забыли, как ходят по ровной земле. Семпер днем парил над головой, не отлетая далеко от них. Когда наступала ночь, он спускался за едой, которую Хайдженс доставал из тюка.

— У медведей осталось совсем мало еды,— сказал однажды Хайдженс.— Для них этого недостаточно. Но они проявляют благородство по отношению к нам. Вот у Семпера его нет. Он слишком для этого туп. Но его приучили думать, что он может есть только из рук человека. Медведи все лучше понимают, но тем не менее они бескорыстно нас любят. За это они мне и нравятся.

Как-то они расположились на отдых на вершине, высоко торчащей над гористой каменной стеной. На камне едва хватало места для всех. Фаро Нелл заволновалась и стала толкать Наджета в самый безопасный уголок около горного склона. Она готова была столкнуть людей с камня, чтобы устроить медвежонка. Но вдруг Наджет заскулил и стал проситься к Рону. И когда Рон подошел к нему, чтобы его успокоить, медведица, довольная, отодвинулась и зарычала на Ситку и Сурду. Они потеснились и пропустили ее к самому краю скалы.

Это был невеселый привал. Все были голодны. Иногда они находили маленькие ручейки, текущие вниз по склону. Медведи напивались, а люди наполняли фляги. Но уже третью ночь не было никакой дичи, и Хайдженс ничего не предпринимал, чтобы достать еду для себя и Рона. Рон молчал. Он тоже начал ощущать то особое духовное родство между медведями и людьми, которое делало медведей не рабами, а чем-то иным. В этом было какое-то новое, двойственное чувство.

— Мне кажется,— сказал он мрачно,— что если сфиксы не охотятся по пути наверх, то где-то должна быть и дичь. По-моему, они ни на что не обращают внимания, когда идут шеренгой.

Хайдженс задумался. Рон был прав. Обычно во время боя сфиксы выстраиваются цепью, чтобы в любую минуту окружить жертву, которая делала попытки к бегству. Если противник сопротивлялся, они нападали с флангов. На сей раз они поднимались в гору, выстроившись цепочкой, один за другим, очевидно уверенно следуя по привычному пути. Ветер дул со склонов, и запах медведей доходил до сфик-

сов. Но они не сворачивали с намеченного пути. Длинная процессия сине-рыжих дьяволов упорно лезла вверх. О них трудно было думать как о виде плотоядных, делящихся на самцов и самок и откладывающих яйца, как обыкновенные рептилии на других планетах.

— По этой дороге прошли тысячи сфиксов. Мне кажется, что они идут уже несколько дней или даже недель. На пластинке мы видели не менее десятка тысяч. Пересчитать их невозможно. Первые партии, очевидно, сожрали все, что нашли, а остальные...

Рон запротестовал.

— Не может быть в одном месте такого количества плотоядных. Я знаю и вижу, сколько их здесь, но тем не менее быть этого не может.

— Ведь они холоднокровные, — сказал Хайдженс. — И им не нужны калории для поддержания температуры тела. Кроме того, многие животные могут долгое время обходиться без еды. Даже медведи погружаются в зимнюю спячку.

Он в темноте начал устанавливать приемник. Рон не понимал, для чего он это делает. Передатчик был на другой стороне плато, которое кишело самыми свирепыми и опасными зверями из всех обитателей Лорена Второго. Всякая попытка пересечь плато равнялась бы самоубийству.

Хайдженс настроил приемник. Тут же послышался царапающий резкий треск. Затем сигнал. Три точки, три тире, три точки. Три точки, три тире, три точки. Снова и снова. И так без конца. Хайдженс выключил приемник.

— Почему вы не ответили на их сигнал перед тем, как ушли со станции, чтобы подбодрить их? — спросил Рон.

— Не сомневаюсь, что у них нет приемника. Они не ждут, что им ответят в течение многих месяцев. Едва ли они слушают непрерывно, если живут в туннеле шахты. Они, наверное, иногда делают попытки выскочить, чтобы достать какую-нибудь пищу. И не думаю, что у них есть время и силы для того, чтобы делать сложные приемники и реле.

Рон молча его слушал и затем сказал:

— Мы должны достать еду для медведей. Наджет ведь только бросил сосать. Он голодный.

— Да, нужно попытаться, — согласился Хайдженс. — Может быть, и я ошибаюсь, но мне кажется, что сфиксов становится меньше, чем вчера или позавчера. Когда мы будем за пределами их обычных маршрутов, то снова поищем что-нибудь вроде «ночного бродяги». Боюсь, что они уничтожили все живое на пути.

Однако оказалось, что он был не совсем прав. Ночью Хайдженс насторожило рычание медведей. В темноте раздались звуки шлепков. Легкий, как перышко, порыв ветра ударил его по лицу. Он тряхнул фонарь, висающий у него на поясе. Все вокруг было окутано беловатой дымкой, которая вдруг растаяла. Что-то темное метнулось в сторону. Затем Хайдженс увидел звезды и пустоту. Вскоре они расположились лагерем. Несколько больших летающих белых существ бросилось к нему. Ситка Пит зарычал во всю мощь своей огромной глотки. Потом раздался бас Фаро Нелл. Она вдруг высоко подпрыгнула и что-то схватила. Свет погас, прежде чем Хайдженс понял, что произошло. Он сказал только:

— Не стреляйте, Рон.

Они прислушались. В темноте слышался хруст работающих челюстей. Потом стало тихо.

— Смотрите! — прошептал Хайдженс.

Рон снова зажег фонарь. Какое-то существо странной формы, бледное, как человеческая кожа, покачиваясь приближалось к нему. За ним еще. Четыре, пять, десять. Огромная мохнатая лапа появилась в освещенном круге и выхватила из него летающее «привидение». Затем вторая огромная лапа. Хайдженс поднял фонарь. Три огромных Кодиака, стоя на задних лапах, смотрели на странных ночных гостей, которые дрожали, будучи не в силах преодолеть притяжения лампы. Они вращались с бешеной скоростью, и поэтому было невозможно подробней их рассмотреть. Это прилетели те самые отвратительные ночные животные, чем-то напоминающие ошипанных обезьян.

Медведи не рычали. Они спокойно, с удивительным знанием дела доставали «обезьян» и отправляли их в пасть. У ног каждого уже образовались маленькие холмики из останков. Вдруг все исчезло, Хайдженс потушил фонарь. Медведи деловито жевали в темноте.

— Эти существа плотоядные кровопийцы, — спокойно сказал Хайдженс, — они высасывают кровь у жертвы, как вампиры, причем ухитряются не будить ее, и когда жертва уже мертва, вся братия съедает труп. Но у медведей густая шерсть, и они просыпаются от малейшего прикосновения. Кроме того, они всеядны и едят все, за исключением сфиксов. Я уверен, что эти ночные гости пришли позавтракать. Но обратно они уже не уйдут. Сами они оказались лакомым блюдом для медведей.

Рон вскрикнул. Он включил маленький фонарь и увидел, что вся рука у него в крови. Хайдженс вынул из кармана перевязочный пакет, смазал и забинтовал ранку. Рон только сейчас заметил, что Наджет что-то

жует. Когда зажгли яркий свет, медвежонок уже делал конвульсивные глотательные движения. Он, очевидно, поймал и съел «вампира», присосавшегося к Рону. К счастью, ранка оказалась пустяковой. Утром они снова двинулись вдоль крутого откоса плато. Рон все не мог успокоиться и несколько раз говорил:

— Роботы не справились бы с этими «вампирами».

— Да, но можно было бы сконструировать специально робота, который бы следил за ними. Есть же этих кровопийц вам пришлось бы самому. Что касается меня, то я предпочитаю полагаться на медведей, — отвечал Хайдженс. Он шел впереди. Здесь не нужно сохранять строй, необходимый для путешествия по лесу. Звери легко брали крутые подъемы, так как толстые подушки на лапах помогали им удерживаться на скользких скалах. Хайдженс и Рон с трудом волочили ноги. Дважды Хайдженс останавливался и в бинокль осматривал местность у подножия гор. Высокий пик, торчащий, как нос корабля, на краю плато, заметно приблизился. В полдень они увидели его над горизонтом в пятнадцати милях от места стоянки отряда. Это был их последний привал.

— Проход свободен. Внизу нет больше сфиксов, — сказал весело Хайдженс. — И даже не видно больше цепочек на склонах. Теперь нам нужно воспользоваться тем, что одна партия прошла, а вторая еще не появилась. Мне кажется, что мы обошли их дорогу. Посмотрим, что там у Семпера. — Он поманил рукой орла, который тотчас же поднялся в воздух...

Хайдженс стал смотреть на пластинку. Изображение на экране все время переворачивалось. Через несколько минут Семпер летел над краем плато. Там уже была растительность. Затем земля на пластинке быстро завертелась, и они увидели пятна кустарника. Семпер поднялся еще выше. На экране появилась пустыня, лежащая в середине плато. Нигде не было сфиксов. Только один раз, когда орел резко накренился и аппарат запечатлел плато во всю длину, Хайдженс увидел сине-рыжие точки. Мелькнули какие-то темные пятна, похожие на сгрудившееся стадо. Ясно было, что это не сфиксы, так как они никогда не собирались в такие стада.

— Лезем прямо наверх, — сказал Хайдженс. — Он был чем-то очень доволен. — Мы здесь пересечем плато. Думаю, что по дороге к вашей колонии мы узнаем нечто интересное.

Он сделал знак медведям, и они послушно стали карабкаться выше.

Через несколько часов, незадолго до захода солнца, люди достигли вершины. И здесь они увидели дичь.

Не очень много, но все же это была настоящая дичь на зеленой, покрытой травой и кустарником окраине пустыни. Хайдженс подстрелил косматое жвачное, которое никак не могло быть коренным жителем пустыни. К ночи стало холодно. Температура здесь была значительно ниже, чем на склонах. Воздух очень разрежен. Рон вдруг догадался. В «носовой» части горы воздух стоял совершенно неподвижно. Там не было ни единого облачка. Тепло, исходящее от земли, попадало в пустое пространство. Ночью, по-видимому, там было страшно холодно. Он сказал об этом Хайдженсу.

— Да, и очень жарко днем, — ответил Хайдженс. — Солнце палит со страшной силой там, где воздух разрежен, а на горах всегда ветер. Днем здесь земля накаляется, как поверхность безатмосферной планеты. На солнце должно быть не меньше ста сорока — ста пятидесяти градусов, а ночью очень холодно.

Они вскоре убедились в этом. Еще до наступления ночи Хайдженс разжег костер. Температура упала ниже нуля, и можно было спокойно спать, не опасаясь ночных гостей.

К утру люди совершенно заоченели, но медведи спокойно храпели и бодро двигались, когда Хайдженс поднял их. Казалось, они наслаждались утренней прохладой. Ситка и Сурду развеселились и начали бороться, награждая друг друга тумачами, могущими сразу разломить череп.

Наджет внимательно следил за ними и даже чихнул от возбуждения. Фаро Нелл смотрела на медведей, и в ее взгляде было чисто женское осуждение.

Они двинулись дальше. Семпер стал каким-то вялым. После каждого полета он отдыхал на тюке, который нес Ситка. Он сидел на самом верху и оттуда обозревал все время менявшийся ландшафт. Зеленые заросли перешли в унылую пустыню. Семпер сидел с важным видом и упорно не желал лететь. Парящие птицы не любят летать, когда нет ветра, облегчающего движение.

Хайдженс показал Рону на увеличенном стереофото дорогу, по которой они шли, и место, откуда доходили сигналы о бедствии.

— Вы все это мне объясняете на случай, если с вами что-нибудь произойдет? — спросил Рон. — Может быть, это и имеет смысл, но чем я смогу помочь этим оставшимся в живых людям, даже если доберусь до них без вас?

— Вам смогут пригодиться ваши познания о сфиках, — ответил Хайдженс. — И медведи будут хорошими помощниками. Я оставил записку на станции. Всякий, кто приземлится на посадочном поле, ведь

сигнальные огни включены, найдет указания, как добраться до нас.

Рон брел рядом с Хайдженсом, с трудом поспевая за ним. Узкая зеленая полоса границы плато осталась позади, и они шагали по порошкообразному песку.

— Послушайте! — сказал Рон. — Меня интересует одна вещь. Вы сказали, что вас считают похитителем медведей на вашей родной планете, но вы сами признались, что это ложь, придуманная для того, чтобы спасти ваших друзей от преследования Колониальной Службы. А теперь вы каждую минуту рискуете жизнью. Большой риск оставить меня в живых. Теперь вы рискуете еще больше, отправившись на поиски людей, которые смогут подтвердить, что вы преступник. Для чего вы все это делаете?

Хайдженс усмехнулся.

— Потому что я не люблю роботов. Мне противно думать о том, что они командуют людьми, заставляют людей подчиняться себе.

— Ну и что из этого следует? — нетерпеливо спросил Рон. — Не понимаю, почему ваша антипатия к роботам могла толкнуть вас на преступление. Тем более что это неправда. Люди не подчиняются роботам.

— Нет, подчиняются, — упрямо повторил Хайдженс. — Я, конечно, человек с причудами, но я счастлив, что могу жить на этой планете по-человечески, ходить куда мне хочется и делать все, что хочу. Медведи мои друзья и помощники. Скажите честно, Рон, если бы попытка создать здесь колонию роботов не потерпела неудачи, разве люди могли бы жить здесь так, как им хочется? Едва ли. Они строили бы свою жизнь под диктовку роботов. Они вынуждены были бы вечно находиться за заборами, построенными роботами; они всегда ели бы только ту пищу, которую им выращивают роботы. Человек не может даже подвинуть кровать поближе к окну, потому что роботы, занимающиеся домашней работой, перестали бы действовать. Роботы хорошо обслуживают людей, так, как им и положено это делать, но для этого люди должны только тем и заниматься, чтобы служить роботам.

Рон покачал головой.

— Ну что ж! Это плата за удобства. Пока люди пользуются услугами роботов, они должны довольствоваться тем, что роботы могут им дать. А если вы отказываетесь от этих услуг...

— Я хочу иметь возможность решать самому, а не быть ограниченным в выборе того, что мне предлагают, — возразил Хайдженс. — На моей родной планете когда-то почти добились с помощью оружия и собак права принимать решения самостоятельно. По-

том начали приручать медведей, которые частично избавили нас от услуг роботов. Но позже, когда настала угроза перенаселения и места для медведей и собак, да и для людей, явно не хватает, человек все больше и больше попадает во власть роботов и вынужден пользоваться тем, что ему может предложить цивилизация роботов. Чем больше мы зависим от них, тем ограниченной наш выбор. И мы не хотим, чтобы наши дети зависели от этих машин и страдали из-за того, что роботы не могут обеспечить их всем необходимым. Мы хотим, чтобы они выросли полноценными мужчинами и женщинами, а не проклятыми автоматами, у которых одна цель в жизни — нажимать кнопки управления роботов, без чего они не могут существовать. И вы считаете, что все это не есть подчинение роботам?

— Но ведь ваши доводы чисто субъективны, — не соглашался Рон. — Не все же чувствуют так, как вы.

— А я чувствую именно так, — сказал Хайдженс. — И не только я. Наша галактика большая и в ней много неожиданного. Можно с уверенностью сказать, что роботы и человек, который зависит от них, совершенно не подготовлены к столкновению с непредвиденными обстоятельствами и им не под силу будет справиться с ними. Недалек час, когда нам понадобятся люди, способные преодолеть любые препятствия. На моей планете многие просили разрешить им колонизацию Лорена Второго. Нам было отказано. Считается, что это слишком опасно. Но люди, если они настоящие люди, могут освоить любую планету. Я поселился здесь для того, чтобы изучить условия местной жизни. Особенно меня интересуют сфиксы. Со временем мы собирались вторично просить разрешения, уже после того, как у нас будут доказательства, что возможно жить на этой планете и справиться даже с этими чудовищами. Я уже добился кое-каких успехов. Колониальная Служба дала разрешение на создание колонии роботов, но где же она?

Рон не сдавался.

— Вы выбрали неверный путь, Хайдженс, построив нелегальную станцию. Ваш исследовательский пыл, конечно, не может не вызывать восхищения, но, к сожалению, он направлен был не туда, куда нужно. Я хорошо понимаю, что именно такие пионеры, как вы, впервые покинули планету и отправились к звездам, но...

Сурду вдруг встал на задние лапы и понюхал воздух. Хайдженс придвинул к себе ружье, а Рон даже снял предохранитель, но тревога оказалась ложной. Все было тихо.

— Собственно говоря,— продолжал Рон раздраженно,— вы говорите о свободе и равенстве, вещах, которые многие считают областью политики. Вы даже утверждаете, что это больше, чем политика. Принципиально я с вами согласен, но у вас все это звучит как какой-то религиозный выверт.

— Самоуважение,— сказал Хайдженс.

— Может быть, вы...

Фаро Нелл зарычала и стала носом подталкивать Наджета поближе к Рону. Она фыркнула на него и рысцей пустилась бежать туда, где уже выстроились Ситка и Сурду лицом к широкой части плато, на которой скопились сфиксы.

Хайдженс, приставив ладонь к глазам, стал вглядываться в том направлении, куда смотрели медведи.

— Они что-то учуяли! — сказал он тихо.— Но, к счастью, нет ветра. Впереди какой-то холм. Пошли туда, Рон.

Он побежал вперед. Рон с Наджетом последовали за ним. Они быстро взобрались на невысокий, поросший кривыми кактусообразными кустами холмик, торчавший на высоту шести футов из окружающего песка. Хайдженс в бинокль оглядел местность.

— Один сфикс,— сказал он.— Всего один. Это не менее странно, чем огромные стаи от сотни до тысячи голов, которые мы видели.— Он послюнил палец, поднял его и сказал: — Ни малейшего ветерка.— Потом снова приложил к глазам бинокль.

— Сфикс не знает о том, что мы здесь, он удаляется. И больше ни одного не видно.— Хайдженс стоял в нерешительности, покусывая губы.

— Послушайте, Рон,— сказал он, наконец.— Мне бы хотелось убить этого одинокого сфикса и выяснить одну вещь. И половина шансов за то, что удастся сделать очень важное открытие. Я хочу попробовать, но придется бежать туда. Если окажется, что я прав,— он взглянул на часы...— но нельзя терять ни минуты. Все должно быть сделано очень быстро, поэтому я хочу добраться туда верхом на Фаро Нелл. Ситка и Сурду без меня здесь не останутся. Но Наджет не может так быстро бегать, вы не побудете с ним, Рон?

У Рона перехватило дыхание. Но он спокойно сказал:

— Вы ведь всегда хорошо знаете, что вам следует делать, Хайдженс.

— Смотрите в оба. Если что-нибудь увидите вдалеке, стреляйте, и мы моментально вернемся. Не ждите, пока опасность будет близко, стреляйте сразу.

Рон кивнул головой. Ему было трудно разговаривать. Хайдженс подошел к приготовившимся к бою

животным, взобрался на спину Фаро Нелл и крепко ухватился руками за густую шерсть.

— Ну пошли! — крикнул он. — Хоп!

Три Кодиака понеслись с бешеной скоростью. Хайдженс трясся и подпрыгивал на спине у Фаро Нелл. Неожиданный поход поднял Семпера с места. Он изо всей силы захлопал крыльями и взлетел вверх, а затем неохотно последовал за медведями, летя над самой головой Хайдженса.

Дальнейшие события разворачивались очень быстро. Кодиак, когда это необходимо, может бегать со скоростью лошади. Медведи мгновенно одолели полукилометровое расстояние, отделявшее их от синеглазого гада. Сфикс встретил их рычанием, Хайдженс выстрелил, не слезая со спины Фаро Нелл. Выстрел и взрыв пули слились в один звук. Огромное рогатое чудовище подпрыгнуло и испустило дух.

Хайдженс соскочил с медведицы и стал что-то делать на земле, где лежал мертвый сфикс. Семпер, перевернувшись в воздухе, накренился и стал снижаться. Склонив набок голову, он наблюдал за Хайдженсом.

Рон не отрываясь следил за движениями Хайдженса. Ситка и Сурду безучастно бродили вокруг, в то время как Фаро Нелл с любопытством смотрела на хозяина, который производил какую-то непонятную операцию над трупом сфикса. На холме тихо скулил Наджет. Рон потрепал его по голове. Наджет заскулил еще громче. Рон видел, как Хайдженс выпрямился и шагнул к Фаро Нелл. Затем он влез на нее. Ситка повернул голову и стал смотреть в ту сторону, где стоял Рон. Казалось, что он почуял что-то подозрительное. Затем отряд двинулся обратно к холму. Семпер бешено хлопал крыльями и кричал, хотя воздух был совершенно неподвижен. Перевернувшись несколько раз, он опустился на плечо Хайдженса и вцепился в него когтями. Наджет вдруг истерически завыл и прижался к Рону, как щенок, который в минуту опасности старается прижаться к матери. Рон упал и увлек за собой медвежонка. Он только видел, как мелькнула чешуйчатая шкура, и воздух огласился редкими, пронзительными визгами сфикса, сделавшего гигантский прыжок по направлению к Рону. Но зверь не рассчитал и прыгнул слишком далеко. Рон и Наджет мгновенно вскочили на ноги.

Рон еще не успел осознать, что произошло и что означает дьявольский визит, как Ситка и Сурду уже летели обратно со скоростью ракеты, Фаро Нелл громко завывала, и мохнатый медвежонок, спотыкаясь, со всех ног бросился к матери. Рон поднялся на ноги и

схватился за ружье. Сфикс был совсем близко. Пригнувшись, он пристально наблюдал за удирающим медвежонком, готовясь его преследовать. Рон стал размахивать ружьем перед носом сфикса, а затем яростно ударил его. Сфикс завертелся и сбил Рона с ног. Трудно удержаться на ногах, когда адское чудовище весом в сотни фунтов с яростью и злобой дикой кошки со всей силой ударяется в грудь.

Но в эту минуту появился Ситка Пит. Животное встало на задние лапы и с громовым рычанием, как древний герой, вызывающий врага на битву, двинулось на сфикса. Подоспел Хайдженс. Он не мог стрелять, пока Рон был так близко от чудовища. Фаро Нелл мотала головой и рычала, раздираемая, с одной стороны, желанием успокоить Наджета, а с другой — разорвать обидчика, осмелившегося напасть на ее чадо.

Сидя на спине у Фаро Нелл с Семпером, идиотски цепляющимся за его плечо, Хайдженс беспомощно смотрел, как сфикс бросался и плевал на Ситку. Хищнику стоило только протянуть лапу и от Рона ничего бы не осталось.

V

Они поспешили уйти от этого места, хотя Ситку нелегко было оторвать от его жертвы. Он крепко зажал ее в зубах и пытался со всего размаху ударить о землю. Он, казалось, был вдвойне разъярен из-за того, что сфикс осмелился обидеть человека, с которым все медведи Кодиака состояли в духовном родстве. Но Рон получил только легкие царапины. Он смешно подпрыгивал и не переставая ругался. Хайдженс подсадил его на спину Сурду и велел крепко держаться. Но Рон сердито запротестовал.

— Черт возьми, Хайдженс. У Ситки глубокие раны. Эти ужасные когти могут быть ядовитыми.— Но Хайдженс в ответ только прикрикнул на медведей, и они продолжали свой путь.

Прошли не более двух миль, как Наджет отчаянно завизжал от усталости, Фаро Нелл решительно остановилась и стала его облизывать.

— Мы можем передохнуть,— сказал Хайдженс,— учитывая, что сейчас нет ветра и основная масса этих тварей на плато. Может быть, они чем-нибудь очень заняты и даже ослабили бдительность. Однако...— он соскочил на землю и вытащил антисептический пакет и банку с мазью.

— Сначала Ситку,— сказал Рон.— Я могу потерпеть.

Хайдженс промыл раны огромного медведя. Они оказались пустяковыми. Ситка был испытанным бойцом. Затем он смазал все царапины на груди Рона. Мазь пахла озоном и жгла так сильно, что у Рона захватило дух, но он мужественно все терпел и только сказал:

— Я сам виноват, Хайдженс. Я следил за вами, вместо того чтобы смотреть по сторонам. Я не мог понять, что вы делали.

— Я сделал быстрое вскрытие, — ответил Хайдженс.

— К счастью, первый сфикс оказался самкой, как я и думал. Она собиралась откладывать яйца. Теперь я, наконец, знаю, куда они двигаются и почему они здесь не охотятся. — Он наложил пластырь на грудь Рона, и вскоре они снова двинулись на восток, оставив позади мертвых сфиксов. Семпер летал над головой и хлопаньем крыльев выражал свое возмущение тем, что ему не разрешили ехать на спине у Ситки.

— Я уже вскрывал их и раньше, — сказал Хайдженс. — О них почти ничего не известно. А ведь необходимо получить целый ряд сведений, чтобы люди когда-нибудь смогли здесь жить.

— С медведями? — спросил насмешливо Рон.

— Да, конечно, — ответил Хайдженс. — Дело в том, что сфиксы приходят сюда в пустыню размножаться. Они здесь спариваются и откладывают на солнце яйца. Это их заветное место. Ведь тюлени всегда возвращаются в одно и то же место для спаривания. Их самки в это время неделями не едят. Кета для размножения возвращается в родные реки. Рыбы тоже голодают и в конце концов после нереста погибают, а угри, я привожу примеры из жизни на Земле, Рон, проплывают не одну сотню миль до Саргассова моря, чтобы вывести потомство и погибнуть. К несчастью, сфиксы не умирают, но совершенно очевидно, что у них тоже есть унаследованное еще от их предков место размножения, и они приходят сюда на плато класть яйца.

Рон продолжал идти. Он был зол на себя за то, что забыл об элементарной предосторожности. Он чувствовал себя и здесь, в чужом мире, слишком спокойно, так как привык к таким условиям жизни, которые окружают людей цивилизации, создаваемой роботами. Он не реагировал, когда даже медвежонок почувствовал опасность.

— А теперь, — сказал Хайдженс, — мне не мешало бы иметь оборудование, которое было у ваших роботов. При помощи техники, я уверен, мы сделаем первые шаги к освоению этой планеты и созданию нормальных условий жизни на ней.

— С помощью чего? — переспросил Рон.

— Техники, — сказал нетерпеливо Хайдженс. — Мы найдем много машин в колонии роботов. Роботы оказались беспомощными, потому что они не могли активно бороться со сфиксами. Они и впредь будут вести себя не лучше. Но если убрать роботов, машины вполне пригодны. Они ведь не чувствительны к смене температуры.

Рон шел молча.

— Вот уж не думал, что вам понадобятся машины, сделанные руками роботов, — наконец, сказал он. Хайдженс обернулся.

— Ну а что в этом ужасного? — спросил он. — Я не против того, чтобы люди заставляли машины выполнять свои желания. И роботы, когда они используются по назначению, не так уж плохи. Но есть вещи, с которыми роботам не справиться. Только человек может управлять огнеметными орудиями и стерилизаторами почвы, чтобы как следует выжечь все вокруг и уничтожить семена ядовитых растений. Мы сюда еще вернемся, Рон, и уничтожим посев этих дьявольских отродий. И если каждый год мы будем стерилизовать почву, то со временем совсем сотрем сфиксов с лица планеты. Я уверен, что у них есть другие места для откладывания яиц. Мы все их отыщем и превратим Лорен в планету, где люди смогут жить по-человечески.

Рон язвительно заметил.

— Если вы уничтожите сфиксов, то тем самым обезвредите планету для роботов.

Хайдженс рассмеялся.

— Вы видели только одного «ночного бродягу», — сказал он. — А вы забыли об обитателях горных склонов. Они вполне в состоянии выпустить из вас кровь, а потом устроить пиршество над вашим трупом. Сознаться, Рон, могли бы вы отправиться в путешествие с роботом в качестве телохранителя? Сомневаюсь. Люди не смогут жить на этой планете, если защита их будет зависеть от роботов. Вы еще вспомните мои слова.

Только через десять дней люди нашли колонию. За это время им пришлось выдержать не одну схватку со сфиксами. Они убили несколько оленеподобных животных и каких-то незнакомых косматых жвачных.

В колонии они прежде всего отправились на поиски оставшихся в живых людей. Их было трое, заросших и израненных. Когда упал электрический забор, двое из них находились под землей в туннеле, где устанавливали новый пульт управления роботами, которые должны были работать в шахтах. Третий надзирал за рудными разработками. Обеспокоенные тем, что

прервана связь с колонией, они направились в бронированной машине к лагерю, чтобы выяснить, что произошло. У них не было с собой оружия, и только это спасло им жизнь. На территории колонии они нашли невероятное количество беснующихся сфиксов. Звери сквозь броню почуяли людей, но пробить ее не могли. Колонисты прекратили всю добычу руды и решили использовать для борьбы со сфисками управляемых на расстоянии роботов. Но роботы не могли справиться с незнакомым заданием. Несчастные смастерили маленькие ручные гранаты и наполнили их ракетным топливом. Несколько обожженных сфиксов с визгом убежало прочь. Но гранаты эти не могли убить ни одного сфикса. Хуже всего оказалось то, что на их изготовление ушел почти весь запас горючего. В конце концов колонисты забаррикадировались в туннеле. Остатки топлива они хранили для устройства сигнализации на случай, если их будет разыскивать корабль. Люди были заключены в шахте, как в тюрьме. Строго распределив оставшиеся запасы пищи, они терпеливо ждали спасения, почти утратив всякую надежду, и с ненавистью созерцали неподвижные фигуры металлических роботов, которые из-за отсутствия топлива не могли выполнять даже ту единственную работу, на какую они были способны.

Увидев Хайдженса и Рона, колонисты заплакали. Роботы и все с ними связанное вызывали у них едва ли не большее отвращение, чем сфиксы. Хайдженс дал им оружие, которое достал из мешка, и они двинулись к мертвой колонии. По дороге они убили шестнадцать сфиксов, а на расчищенной роботами площадке, уже начинающей зарастать травой, они обнаружили еще четырех. В самых различных местах лежали останки несчастных колонистов. В бараках и на складах они нашли небольшие запасы пищи. Сфиксы уничтожили почти все пластиковые пакеты со стерилизованными продуктами, но не тронули металлических ящиков.

Топливо, к счастью, было цело. Повсюду стояли и лежали сверкающие металлом роботы, казавшиеся готовыми в любую минуту приступить к работе. Но они были неподвижны, и вокруг них уже поднималась молодая поросль. Люди даже не посмотрели на роботов. Переоборудовав огнеметательные машины так, чтобы ими можно было управлять без помощи роботов, они наполнили их доверху горючим, затем отыскали и привели в порядок гигантский стерилизатор, специально сконструированный для уничтожения растений, которые роботы не могли выдолоть. Закончив все, они направились к плато.

За несколько дней колонисты совсем избаловали

Наджета. Они с радостью приветствовали все, что, хотя бы в будущем, могло обратиться против сфиксов, и поэтому все время кормили и ласкали его.

По следам сфиксов они добрались до вершины плато. Семпер помогал выслеживать чудовищ. Сфиксы всякий раз с визгом и воем нападали на отряд. Медведи ловко отражали их атаки, в то время как Хайдженс и Рон пускали в ход новые орудия. Стерилизатор оказался пригодным и для уничтожения яиц сфиксов. Его диатермические лучи безошибочно попадали в цель. В руках человека машина превратилась в боевое оружие. Ни один робот не сообразил бы, когда и против какой мишени можно его использовать.

Груды опаленных трупов привлекали сфиксов со всего плато, даже когда не было ветра. Они приходили поковырять над мертвыми сородичами. Уцелевшие колонисты расположили орудия вокруг скопища мертвых исчадий ада и потоками огня встречали вновь пришедших. По расчетам Хайдженса, они уничтожили большинство сфиксов в этой части пустыни. Немало их, очевидно, оставалось еще в других местах, но на очищенной территории можно было спокойно жить, не опасаясь новых нашествий, так как лучи стерилизатора проникали через толстый слой песка и навсегда обезвреживали смертоносные яйца. К тому времени как были закончены работы, Хайдженс и Рон устроили на краю плато лагерь и поселились там с медведями, предоставив колонистам возможность отомстить за убитых товарищей.

Однажды вечером Хайдженс прикрикнул на Наджета, который обнюхивал мясо, жарящееся на вертеле над костром. Наджет жалобно заскулил и отправился искать защиты у Рона.

— Хайдженс, — с усилием начал Рон. — Пора поговорить нам о наших делах. Я инспектор Колониальной Службы, а вы нелегальный колонист. Мой долг арестовать вас.

Хайдженс посмотрел на него с любопытством.

— Вы предложите мне отступное, если я выдам своих сообщников? — спросил он тихо. — Или мне нужно будет доказывать, что я не обязан давать показания против своей совести?

— Оставьте этот тон, Хайдженс, — сказал раздраженно Рон. — Всю жизнь я был честным человеком, но больше я не верю, что роботы пригодны во всех условиях. Здесь не место для них. Все было с самого начала неверно. Сфиксы уничтожили колонию, потому что роботы не смогли с ними справиться.

Здесь должны жить только люди и медведи. В противном случае людям придется проводить всю

жизнь за сфиксонепроницаемыми заборами и довольствоваться тем, что будут производить роботы. А здесь очень много интересного, и люди будут лишены всего этого. Мне кажется, что жить на таких планетах, как Лорен Второй, в полной зависимости от роботов, значит проявлять неуважение к себе.

— Надеюсь, вы не становитесь религиозным? — сухо спросил Хайдженс. — Вы прежде пользовались этим термином для определения самоуважения.

Семпер вскрикнул, так как Ситка подошел к огню и чуть не наступил на него. Медведь стал втягивать в себя ароматный запах мяса, Хайдженс грубо закричал на него, и он снова уселся, не сводя глаз с куска мяса и все время облизываясь.

— Вы так и не дали мне закончить, — сердито сказал Рон. — Я инспектор Колониальной Службы, и в мои обязанности входит проверка того, что сделано на планете до высадки основной партии колонистов. Первым делом я должен составить подробный отчет о колонии роботов, для обследования которой я сюда прибыл, а колония фактически уничтожена. И, как я теперь понимаю, это не случайность. Все было запланировано неверно. Колония не могла удержаться здесь.

Хайдженс усмехнулся. Надвигалась ночь. Он перевернул вертел.

— В случае необходимости колонисты имеют право обратиться за помощью к любому проходящему мимо кораблю. Естественно, что... Я всегда был честным человеком, Хайдженс, и я напишу в отчете, что колония, созданная согласно намеченному плану, оказалась нежизнеспособной и была уничтожена. Все погибли за исключением трех человек, которые спрятались и подавали сигналы о бедствии. Ведь все именно так и было. Вы сами это знаете.

— Продолжайте, — насмешливо сказал Хайдженс.

Рон снова начинал сердиться.

— И совершенно случайно, случайно, заметьте это, корабль, на борту которого находились вы, Ситка, Сурду, Фаро Нелл и, конечно, Наджет и Семпер, уловил сигналы о бедствии. Вы приземлились, чтобы помочь колонистам. Так все и было. И ваше пребывание здесь вполне законно. Ведь незаконным во всем этом деле было только то, что вы оказались здесь в тот момент, когда понадобилась ваша помощь. Но мы делаем вид, что вас здесь не было.

Хайдженс повернул голову и стал всматриваться в сгущающийся мрак. Затем он спокойно произнес:

— Я бы не поверил этой истории, если бы мне ее рассказали. А вы думаете, что в Колониальной Службе поверят?

— Они не дураки,— резко ответил Рон,— и, конечно, они не поверят. Но когда они прочтут в моем отчете, что в результате самых невероятных событий представляется реальная возможность заселения этой планеты, то они посмотрят на это дело иначе. Я им докажу, что колония роботов без людей на Лорене Втором чистейшая ерунда и что только люди с помощью медведей могут сделать планету пригодной для высадки колонистов по несколько сот в год. И когда это станет реальным...

Тень Хайдженса как-то странно затряслась. Сидящий недалеко от костра Сурду с надеждой нюхал воздух. На яркий свет уже слетались бесшерстные порхающие существа, которых медведи легко сбивали лапами на землю и потом с аппетитом съедали.

— В моем отчете,— продолжал Рон,— будет слишком много заманчивых предложений, и он будет иметь вес. Организаторы колонии роботов вынуждены будут со всем согласиться, так как иначе они погорят. А ваши друзья их поддержат.

Хайдженс трясся от смеха.

— Вы низкий лжец, Рон,— наконец, сказал он.— Ведь очень неразумно и непредусмотрительно с вашей стороны ставить пятна на свою безупречную репутацию только для того, чтобы выручить меня из беды. Вы ведете себя не как разумное животное, Рон. Но я знал, что из вас не выйдет разумного животного, когда наступит трудный момент.

Рон смутился.

— Но это единственный выход из создавшегося положения, и, по-моему, он вполне приемлем.

— Я принимаю его,— сказал улыбаясь Хайдженс,— с благодарностью: так как это даст возможность нескольким поколениям людей жить по-человечески на этой планете. Я принимаю его еще и потому, если хотите знать правду, что это спасет Сурду, Ситку, Нелл и Наджета, которых я незаконно привез сюда.

Что-то мягкое ткнулось в колени Рона. Медвежонок толкал его, чтобы поближе придвинуться к лакомому куску. Наконец, ему удалось протиснуться к огню. Рон покатился по земле, но Наджет ничего не замечал. Он упоенно вдыхал запах мяса.

— Шлепните его как следует,— посоветовал Хайдженс.— Он сразу отодвинется.

— Ни за что,— возмутился Рон, не двигаясь с места,— ни за что. Он мой друг.

ДВОЕ ЛИШНИХ

I

Джорджу Мейстеру как-то довелось увидеть нервную систему человека на муляже. Это было наглядное пособие: мельчайшие нервные волокна обволокли специальным составом, чтобы они стали достаточно толстыми и их можно было рассмотреть, все остальные ткани были растворены и замещены прозрачной пластмассой. Что и говорить, отличную штуку придумал тот парень с Торкас III, забыл только, как же его звали? Но это и не важно, важно то, что по увиденному Мейстер приблизительно представлял себе, как выглядит сейчас он сам. Разумеется, точной копии макета из него не получилось. Например, он был почти уверен, что нейроны между его зрительным центром и глазами растянулись по меньшей мере сантиметров на тридцать. Да и вся нервная система в целом, несомненно, была расплющена и забавно кудрявилась по краям, так как мускулатуры, которой она первоначально управляла, не было. Он заметил и некоторые другие отклонения от образца, которые могли означать резкие структурные различия. Но факт оставался фактом: все то, что он еще мог назвать собственным «я», было теперь не более как головным мозгом, парой глаз, спинным мозгом и разбегающейся сетью нейронов.

Джордж на секунду закрыл глаза. Он лишь недавно этому научился и очень гордился этим. Тот долгий начальный период, когда он совершенно ничем не мог управлять, был ужасен. Позже он пришел к выводу, что паралич был вызван затяжным действием какого-то наркотика, который держал мозг в бессознательном состоянии, тогда как тело... Ну да ладно.

Либо так, либо нейронные ветви еще просто не закрепились в своем новом положении. Возможно, со временем удастся проверить обе гипотезы. Вначале же, когда он мог только видеть, но не мог ни пошевелиться, ни вспомнить, что произошло с того момента, как он упал ничком в эту пеструю серо-зеленую лужу желатина,— вначале ему было очень не по себе.

Интересно, как отнеслись ко всему этому другие?

Они были где-то тут, в этом не могло быть сомнения: время от времени он внезапно ощущал острую боль внизу, там, где находились прежде его ноги, и в то же мгновение движение ландшафта резко прекращалось. Причина могла быть только одна: еще чей-то мозг, пойманный в ловушку, как и он сам, порывался двигать их общее тело в другом направлении.

Как правило, боль тотчас прекращалась. Джордж снова получал возможность посылать команды к нервным окончаниям, принадлежавшим раньше пальцам его рук и ног, и студенистое тело, в котором он находился, продолжало медленно ползти вперед. Если же боль не отпускала, оставалось лишь придержать движение до тех пор, пока другой мозг не уймется. При этом он чувствовал себя как непрошенный пассажир в тихоходном экипаже. Он мог также полностью или хотя бы частично согласовать свои движения с движениями другого мозга.

Интересно, кто еще ввалился вместе с ним в эту «лужу»? Вивиан Беллис? Майор Гамс? Мисс Мак-Карти? Или все трое? Несомненно, это можно будет как-нибудь разузнать.

Джордж попробовал еще раз взглянуть вниз, и его усилия не пропали даром. Он смутно увидел длинную узкую полосу пестрой серо-зеленой расцветки. Полоса эта очень медленно двигалась через русло пересохшего ручья, который они пересекали уже час, если не больше. К запыленной полупрозрачной поверхности прилипли ветки и обрывки сухих растений.

Он делал успехи: в прошлый раз он смог увидеть лишь тончайший краешек своего нового тела. Когда он снова поднял глаза, противоположный край русла заметно приблизился. Прямо у кромки берега, на каменистом уступе, торчал пучок каких-то жестких темно-бурых стеблей; Джордж забирал чуть левее его. Растение это было очень похоже на то, потянувшись за которым он потерял равновесие и впал в свое нынешнее состояние. Теперь он сможет как следует рассмотреть его.

Едва ли это растение окажется особенно интересным. Нет никаких оснований полагать, что всякая неизвестная форма жизни будет представлять собой нечто потрясающе новое. Джордж был уверен, что на самый интересный организм этой планеты он уже наткнулся.

«Имярек *meisterii*», — подумалось ему. Он еще не придумал родового названия: сперва надо побольше узнать об этом существе, но что *meisterii* — это несомненно. Это его открытие, и никто не отнимет его у Джорджа. Или, как ни прискорбно, его, Джорджа, у открытия.

Что ни говори, это чудесный организм. Примитивный: собственной структуры меньше, чем у медузы. Он мог выбраться из моря на сушу лишь на такой вот планете с малой силой тяготения. Мозг, нервная система, похоже, начисто отсутствуют. Зато он обладает совершеннейшим механизмом для выживания: предоставляет своим соперникам по борьбе за существование развивать высокоорганизованную нервную ткань и знай полеживает себе на месте (замаскировавшись под ворох листьев или других растительных остатков) в ожидании, пока кто-нибудь из соперников не бухнет в него, а затем пользуется плодами своей победы.

Но это не паразитизм, а самый настоящий симбиоз, притом на более высоком уровне, чем на всех тех планетах, которые Джорджу довелось посетить. Пленивший организм доставляет питание мозгу-пленнику, поэтому в интересах пленника руководить им при розысках пищи или предупреждать организм об опасности. Ты меня води, а я буду тебя кормить. Это справедливо.

Он почти вплотную приблизился к растению и осмотрел его. Как он и предполагал, это была обыкновенная трава, не представлявшая особого интереса.

Его тело стало вползать на каменистую грядку. Он знал, что гряда невысока, однако с уровня его глаз она казалась невероятной. Не без труда вскарабкался он на нее, и внизу открылась другая лощина. Несомненно, так может продолжаться без конца. Вопрос лишь в том, может ли он выбраться из этого состояния?

Джордж взглянул на тени, тянувшиеся от низкого солнца. Он двигался примерно на северо-запад, удаляясь от лагеря, до которого было всего лишь несколько сот метров. Даже ползком он смог бы довольно легко покрыть это расстояние... если бы захотел повернуть назад.

Непонятно, почему эта мысль внушила ему беспокойство. И тут ему пришло в голову, что его внешний вид никак не вяжется с представлением о человеке, попавшем в беду; скорее всего, он выглядит как чудовище, проглотившее и частично переварившее одного, а то и нескольких человек.

Несомненно одно: вползи он в лагерь в своем нынешнем виде — его немедленно расстреляют. Правда, вместо автоматической винтовки может пойти в ход наркотический газ, но особенно надеяться на это не приходится.

Нет, сказал он себе, ты на верном пути. Лучше отойти подальше от лагеря, чтобы его не мог найти спасательный отряд, который наверняка уже вышел на розыски. Беги, схоронись в лесу и изучай свое новое

тело. Установи, как оно функционирует и чего можно от него добиться, узнай, разделили ли другие твою участь, и если так, то можно ли с ними связаться.

На это уйдет немало времени, но, очевидно, это возможно.

II

Предыстория встречи Джорджа Мейстера с имярек *meisterii* сводилась к следующему.

В конце двадцать третьего столетия нашей эры Галактика находилась в процессе колонизации двумя враждующими федерациями. На ранних стадиях конфликта совершались налеты на окружающие планеты, сбрасывались бомбы и целые космические флотилии участвовали в битвах. Но вскоре этот бессистемный способ ведения войны стал немыслим. Боевых роботов производили триллионами и снабжали достаточным количеством боеприпасов для полного взаимного уничтожения. Они кишмя кишели на границах звездных систем, уже занятых той или другой стороной.

С таким заслоном планеты были предельно застрахованы от вторжения и всяческих помех в торговле, если только врагу не удавалось колонизовать звездные системы и блокировать очаг неприятельской колонизации.

Темп жизни стремительно нарастал вот уже на протяжении семи поколений. Знания усваивались ускоренным способом — в виде пилюль. Все рано женились и бешено размножались. А если человека зачисляли в авангардную экологическую группу, ему вообще приходилось работать без мало-мальски приличной подготовки.

При освоении новой планеты с неизвестными формами жизни самым разумным было бы начинать с иммунологических исследований, рассчитанных по крайней мере лет на десять и осуществляемых с борта герметически закрытой станции. Лишь после того как удастся обуздать наиболее опасные бактерии и вирусы, можно было бы осторожно и постепенно переходить к работе в полевых условиях. И только лет через пятьдесят или около того начать ввозить колонистов.

Но ни у той, ни у другой стороны попросту не было для этого времени.

Через пять часов после посадки группа Мейстера, прибывшая с планеты Терра, выгрузила фабrikаторы и с их помощью соорудила бараки на две тысячи шестьсот двадцать восемь человек. Час спустя Мейстер,

Гамс, Беллис и Мак-Карти по слою золы, оставленному на оплавленной почве хвостовыми двигателями транспортной ракеты, двинулись к ближайшей живой растительности метрах в шестистах от места посадки. Им было предписано отойти от лагеря постепенно расширяющимися кругами на тысячу метров и вернуться с образцами, если только их не поглотит какое-либо существо, слишком огромное и слишком прожорливое, чтобы спасовать перед автоматической винтовкой.

Мейстер, биолог, был сплошь увешан коробками для образцов, закрывавшими его стройный торс. Майор Гамс нес аварийное снаряжение, бинокль и автоматическую винтовку. Вивиан Беллис, минералог, разбавшаяся в своем деле ровно настолько, насколько позволял краткий трехмесячный курс, несла легкое ружье, геологический молоток и мешок для образцов. Мисс Мак-Карти — ее знали только по фамилии и никому не было известно, как ее зовут, — к науке никакого отношения не имела. Она была приставлена к группе от Службы Гражданской безопасности. На ней висели два толстых пистолета и туго набитый патронташ. У нее была одна-единственная обязанность — разнести черепушку любому члену группы, пойманному на использовании недозволенных средств общения или ведущему себя странно в каком-либо отношении.

Делая вторую спираль вокруг лагеря, они наткнулись на низкую каменистую грядку и несколько коротких обрывистых лощин, по большей части забитых пыльно-серыми стеблями каких-то мертвых растений. Когда они стали спускаться в одну из лощин, Джордж, шедший третьим (впереди шел Гамс, за ним Беллис, Мак-Карти замыкала), решил взять немного в сторону и пройти по каменистой плите, чтобы исследовать пучок растительных стеблей, росших в ее дальнем конце. На этой планете он весил чуть больше двадцати килограммов, а плита выглядела так, словно была намертво вделана в почву. Но, едва ступив на плиту всей тяжестью своего тела, он почувствовал, что она подалась под его ногой, почувствовал, что падает, крикнул и мельком увидел Гамса и Беллис, застывших словно в кадре замедленного фильма. Он услышал шорох осыпающихся камней, увидел, как на него надвигается что-то вроде разлохматившегося одеяла из листьев и грязи, и подумал при этом: «Совсем как при мягкой посадке...» Это все, пока он не очнулся с таким ощущением, словно его заживо похоронили и все в нем омертвело, кроме глаз.

Хотя его уверенность в том, что от прежнего Джорджа Мейстера осталась одна только нервная система, и не подкреплялась прямым наблюдением, доказатель-

ства тому были прискорбно убедительны. Начать с того, что анестетическое состояние первых часов прошло, но его нервы ничего не сообщали ему о положении туловища, головы, рук и ног, которыми он прежде владел. Зато у него было смутное ощущение, будто он сплюснут и распростерт по огромной площади. Когда он пытался пошевелить пальцами рук и ног, то получал такой множественный ответ, что казался себе чем-то вроде сороконожки. Он не чувствовал онемения, какого следовало ожидать после длительного паралича, он не делал вдохов и выдохов. Однако его мозг, очевидно, хорошо снабжался питательными веществами и кислородом, ибо мысль работала четко, ему было покойно, и он чувствовал себя вполне здоровым.

Между прочим, он не чувствовал голода, хотя уже довольно длительное время расходовал калории. Это можно было истолковать двояко, смотря как взглянуть на дело: либо у него нет больше желудка, стенки которого могли бы сокращаться, либо организм, в котором он путешествовал, достаточно насытился ненужными ему тканями тела бывшего Джорджа Мейстера...

Два часа спустя, на заходе солнца, пошел дождь. Джордж видел крупные, медленно падающие капли и чувствовал их шлепки по своей «коже». Он не знал, повредит ему дождь или нет, скорее нет, но на всякий случай заполз под куст с широкими бахромчатыми листьями. Когда дождь перестал, уже стемнело, и он решил, что теперь имеет смысл остаться здесь до утра. Джордж не чувствовал усталости, и ему пришла в голову любопытная мысль: по-прежнему ли он нуждается во сне? Он настроился на спокойный лад и стал ждать ответа.

Прошло уже немало времени, а он все еще бодрствовал, размышляя, следует ли истолковать это как ответ на его вопрос. Внезапно вдали показались два тусклых огня. Медленно рыская из стороны в сторону, они двинулись по направлению к нему.

Джордж следил за ними с пристальным вниманием, в котором смешивалось профессиональное любопытство и настороженность. Огни приближались, и вот уже стало видно, что они подвешены на длинных тонких стеблях, выраставших из сгустка мрака под ними. Это были либо органы освещения, как у некоторых глубоководных рыб, либо просто люминесцирующие глаза.

Джордж почувствовал, что волнуется. Очевидно, в его нервную систему был введен адреналин или что-нибудь в этом роде. Со временем это можно будет выяснить, а пока надо решить более важный вопрос:

относится ли приближающееся животное к числу тех, которыми питаются имярек *meisterii*, или, напротив, оно само питается ими? И если верно последнее, то что он должен делать?

Пока что во всяком случае ему было явно прописано сидеть на месте и не шевелиться. Организм, в котором он поселился, использовал камуфляж в своем нормальном, необитаемом состоянии и не мог быстро передвигаться. Поэтому Джордж затаился и наблюдал, полуприкрыв глаза и гадая о том, чем может кончиться встреча с неведомым животным.

Тот факт, что оно ночное, еще ни о чем не говорит. Мотыльки тоже ночные животные, да и летучие мыши... Тьфу! К черту летучих мышей, эти плотоядные... Существо с фонарями подошло уже вплотную, и Джордж увидел под стеблями пару слабо мерцающих узких и длинных глаз.

В этот момент существо разинуло пасть со множеством острых зубов и...

Джордж очнулся в расщелине каменной стены, он понятия не имел, как туда попал. Он помнил только: словно ливень прошумел по ветвям, когда зверь бросился на него, помнил мгновенную яростную боль и больше ничего, только смутное, озаренное звездным светом видение листьев и земли.

Уму непостижимо, как он сумел спастись?

Он размышлял над этим до самого рассвета. Потом случайно глянул вниз и увидел нечто такое, чего раньше не замечал. Из-под гладкого края его желатиновой плоти виднелись какие-то четыре отростка. Тут только Джордж отдал себе отчет в том, что его чувство контакта с камнем, на котором он расположился, тоже стало иным: теперь он, казалось, уже не лежал плашмя, а стоял на нескольких крошечных выступках.

Он согнул один из отростков — так только, попробовать, затем выбросил его вперед. Это был комковатый карикатурный палец или, если угодно, нога с одним суставом.

Джордж долго лежал неподвижно, осмысливая случившееся. Затем снова тряхнул отростком. Отросток был на месте. На месте были и остальные, реальные и осязаемые, как и весь этот организм.

Он двинулся вперед, послав к нервным окончаниям пальцев рук и ног те же команды, которые посылал прежде, когда они у него были. Его тело с такой скоростью выскочило из расщелины, что он чуть было не перелетел через край небольшой пропасти.

Прежде он ползал, как улитка, теперь же мог быстро сновать, как насекомое.

Но как это произошло? Вероятно, когда зубастое

чудище бросилось на него, он в страхе машинально устремился бежать, словно забыв о том, что у него нет ног. Неужели этим все и объясняется?

Джордж опять подумал о хищнике и о стеблях, поддерживавших его светящиеся органы. А ведь стебли с таким же успехом могли поддерживать и глаза... Отчего не попробовать? Он закрыл глаза и представил себе, что они все больше выходят из орбит, вообразил, как растут и растут подвижные стебли... Он изо всех сил старался внушить себе, что у него именно такие глаза, всегда были такие, что всякий мало-мальски порядочный человек имеет глаза на стеблях.

Похоже, с ним и в самом деле что-то происходит?

Он открыл глаза. Перед ним была земля, так близко, что все на ней казалось каким-то размазанным, все было не в фокусе. Он нетерпеливо поднял взгляд. Поле зрения раздвинулось сантиметров на двенадцать, только и всего.

И тут вдруг раздался голос. Он звучал так, словно кто-то кричал сквозь полуметровый слой жира.

— Ы-ы! Ллы! Ырр-ыы!

Джордж судорожно подскочил, круто повернулся и описал глазами дугу в добрых 240 градусов. Вокруг были лишь скалы и лишайники. Как следует оглядевшись, он заметил поблизости не то личинку, не то гусеницу оранжево-зеленого цвета, проползавшую мимо. Джордж подозрительно уставился на нее, как вдруг послышался тот же голос:

— Блы-блы! Плы-пп!

Теперь голос был как будто чуточку повыше и доносился откуда-то сзади. Джордж снова круто повернулся и повел глазами по кругу...

По невероятной широкому кругу. Его глаза были на стеблях и обрели подвижность, хотя всего лишь несколько минут назад он смотрел прямо в землю и едва мог поднять взгляд. Его мозг бешено заработал. Выходит, он в самом деле ухитрился вырастить стебли для глаз, только мягкие, всего-навсего продолжения медузообразной мякоти его тела без клеточного костяка и мускульной ткани, чтобы можно было ими двигать. И только когда голос испугал его, он в спешном порядке обзавелся костяком и мускулатурой.

Надо полагать, нечто подобное случилось с ним и этой ночью. Вероятно, процесс образования ног завершился бы сам собой, только более медленно. Испуг ускорил его. Очевидно, это своеобразное защитное приспособление. Что же касается голоса...

Джордж снова стал вращать глазами, на этот раз медленно, внимательно осматриваясь вокруг. Сомне-

ний быть не могло: он был один. Голос слышался ему сзади, в действительности же он исходил из его собственного тела.

Голос раздался вновь, но теперь уж не такой отчаянный. Он несколько раз булькнул и высоким тенором отчетливо произнес:

— Что все это значит? Где я?

Джордж терялся в догадках. Он был до того ошеломлен, что, когда с ближнего куста сорвался какой-то большой сухой комок и, беззвучно подскакивая, подкатился к нему на расстояние метра, он лишь ошалело уставился на него и даже не шевельнулся.

Джордж долго смотрел на одетый в твердую скорлупу предмет, затем перевел взгляд на куст, с которого он упал. Медленно и мучительно созревало в нем логическое умозаключение. Высохший плод упал беззвучно, и это естественно, так как в результате своей метаморфозы он наистро лишился слуха. Но... ведь он же слышал голос!

Стало быть, галлюцинация либо телепатия.

Голос раздался вновь.

— Помогите-и-те! Господи, хоть бы ответил кто-нибудь!

Вивиан Беллис. Гамс, если б даже и сумел крикнуть так тонко, не сказал бы: «Господи». А уж Мак-Картни и подавно.

Джордж понемногу стал успокаиваться. Он напряженно думал: «Мне страшно — вырастают ноги. Беллис страшно — у нее появляется телепатический голос. Это и понятно: в такой ситуации она бы первым делом заревела».

Джордж заставил себя настроиться на плаксивый лад. Закрыв глаза и вообразил, будто он очнулся в какой-то ужасающе чуждой обстановке и не знает, что с ним и как выбраться из всей этой жути. При этом он изо всех сил кричал про себя: «Вивиан!»

Так он тужился некоторое время. Голос девушки продолжал раздаваться через правильные интервалы. Вдруг она резко оборвала на середине фразы.

— Ты слышишь меня? — спросил Джордж.

— Кто это?.. Что вам надо?

— Это я, Джордж Мейстер, Вивиан. Ты понимаешь меня?

— А?

Джордж продолжал в том же духе. Наконец девушка сказала:

— Ах, Джордж... извините, мистер Мейстер! Ах, я так испугалась. Где вы?

Джордж объяснил и, видимо, не очень тактично, потому что, когда он кончил, Беллис взвизгнула и

снова впала в бульканье. Джордж сокрушенно вздохнул и спросил:

— Есть еще кто-нибудь в апартаментах? Майор Гамс? Мисс Мак-Карти?

Две минуты спустя почти одновременно послышался двойной ряд жутких, неестественных звуков. Когда звуки обрели связность, голоса опознались без труда. Гамс, краснолицый здоровяк, профессиональный солдафон, рывкнул:

— Какого черта вы не смотрите себе под ноги, Мейстер? Вы вызвали оползень, и только из-за вас мы угодили в эту передрагу!

Мак-Карти, у которой было морщинистое известковое лицо, выступающая челюсть и глаза цвета грязи, сказала ледяным тоном:

— Мейстер, обо всем будет доложено куда следует. Обо всем.

Как выяснилось, только Мейстер и Гамс сохранили зрение. Все четверо в той или иной мере могли управлять мускулатурой, но один только Гамс был способен сколько-нибудь серьезно влиять на тяговые усилия Джорджа. Мак-Карти ухитрилась сохранить пару исправно функционирующих ушей, чему Джордж ни сколько не удивился.

Зато Беллис весь остаток вчерашнего дня и всю ночь была слепа, глуха и нема. Она могла пользоваться лишь конечными кожными органами осязания — перцепторами тепла, холода и боли. Она ничего не слышала, ничего не видела, но зато чувствовала каждую былинку, каждый листик, которого они касались, чувствовала холодные удары дождевых капель и боль от укуса зубастого чудища. Когда Джордж узнал об этом, она сильно выросла в его глазах. Еще бы, другой на ее месте давно бы впал от страха в истерику или сошел с ума!

Затем выяснилось, что никто из них не дышит и никто не замечал, чтобы у него билось сердце.

Джорджу очень хотелось продолжить беседу на эту тему, но остальные в голос заявили: не так важно то, что с ними случилось, как то, каким образом выбраться на волю.

— Мы не можем выбраться на волю, — сказал Джордж. — Во всяком случае при нынешнем уровне наших знаний я не вижу такого пути. Зато...

— Но мы должны выбраться! — сказала Вивиан.

— Возвратимся в лагерь, — ледяным голосом заявила Мак-Карти. — Немедленно. А вам Мейстер, придется объяснить Службе безопасности, почему вы не

поспешили обратно, как только к вам вернулось сознание.

— Это верно, — без своего обычного апломба поддакнул Гамс. — Положим, вы-то ничего не можете тут поделывать, Мейстер, но кто знает, может другие технари найдут способ.

Джордж терпеливо изложил свои соображения насчет того, какой прием окажут им часовые в лагере, но Мак-Карти, обладавшая железной способностью к логическим умозаключениям, быстро доказала ему несостоятельность его аргументов.

— Вы отрастили ноги и стебли для глаз, ведь вы сами только что в этом признались. А раз так, то вы сможете отрастить и рот. Мы оповестим о своем приближении.

— Это не так просто, — ответил Джордж. — Одним только ртом не обойтись, нужны еще зубы, язык, мягкое и твердое нёбо, легкие или их эквивалент, голосовые связки и что-нибудь вместо диафрагмы, чтобы приводить в движение весь этот аппарат. Сомневаюсь, чтобы это вообще было возможно. Ведь когда мисс Беллис дала о себе знать, она добилась этого тем способом, которым мы все сейчас пользуемся. Она не...

— Вы слишком много разговариваете, — сказала Мак-Карти. — Майор Гамс, мисс Беллис! Все на создание речевого аппарата! Кто первый добьется успеха, тому будет занесено поощрение в личное дело. Начали.

Джордж, не охваченный призывом, а посему выпавший из соревнования, приложил все свои силы к тому, чтобы восстановить слух. Как ему казалось, имярек *meisterii*, кем бы он ни был, проводит своеобразный принцип разделения труда. В самом деле, Гамс и он, упавшие первыми, сохранили зрение, в то время как слух и осязание были забронированы за теми, кто следовал после них. В принципе это было превосходно, против этого Джордж не возражал. Его не устраивало одно: чтобы Мак-Карти монопольно распоряжалась какой-либо частью их сенсорного аппарата.

Если б даже ему удалось уговорить Гамса и Вивиан, хотя в данный момент надежд на это было мало, Мак-Карти все равно была бы для них палкой в колесе. А очень может быть, что уже в ближайшем будущем их жизнь будет зависеть от того, удастся ли им заполучить слух в свое полное распоряжение.

Поначалу его отвлекали замечания, которыми вполголоса обменивались между собой Гамс и Вивиан. «Получается что-нибудь?» — «Не похоже». Они кричали, напевали себе под нос и издавали множество других раздражающих звуков, безуспешно пытаясь переключиться с телепатического общения на голосовое.

— Приказываю замолчать! — рявкнула наконец Мак-Карти. — Сосредоточьтесь на том, чтобы создать нужные органы. Вы шумите, как пара ослов!

Джордж взялся за дело, пустив в ход уже испытанный им однажды прием. Закрыв глаза, он вообразил, будто зубастое чудище приближается к нему в темноте: «Топ-топ! Шарк! Крак!» — и титанически желал, чтобы у него были уши, способные уловить малейшие шорохи вблизи. Прошло немало времени, и наконец ему показалось, что он начинает чего-то добиваться... А может, это все те же телепатические звуки, которые безотчетно издает кто-то из остальных? Шуршур... Крак!.. Хрясь!.. Топ-топ!..

Не на шутку встревожившись, Джордж открыл глаза. Метрах в ста, на противоположной стороне некрутого каменистого откоса, поросшего чем-то вроде черных, похожих на бамбук копий, показался человек в мундире. Когда Джордж поднял стебли глаз, человек застыл на месте от изумления, испуганно вскрикнул и вскинул винтовку.

Джордж бросился бежать. В тот же момент внутри поднялся страшный галдеж, и мышцы его ног свело острыми судорогами.

— Да бегите же, черт вас поберет! — вне себя от ярости крикнул он. — Там охранник с...

Раздался оглушительный грохот, и Джордж почувствовал зверскую боль пониже спины. Вивиан пронзительно закричала. Борьба за обладание их общими ногами прекратилась, и они бешено помчались вперед под прикрытие ближайшего валуна. Снова грянул выстрел, и Джордж услышал, как каменные осколки со свистом пронеслись в листве над его головой. Они бросились вниз, потом взбежали по склону и, минуя низкий пригорок, вскочили в рощу высоких деревьев с голыми сучьями.

Заметив заполненную листьями яму, Джордж устремился к ней, борясь с чьим-то желанием бежать по прямой. Едва они плюхнулись в яму, как мимо пробежали трое охранников. Они пролежали в яме целый час.

Вивиан не переставая стонала. Осторожно подняв стебли глаз, Джордж увидел несколько острых каменных осколков, вонзившихся в желатиновую плоть монстра у дальнего края его тела... Им очень повезло. Еще немного — и осколки угодили бы прямо в них.

Приглядевшись, Джордж обнаружил нечто пробудившее его профессиональный интерес. Вся поверхность тела монстра, казалось, была в постоянном медленном брожении, в крошечных то открывавшихся, то

закрывавшихся ямках. Его плоть как бы кипела, разве только пузырьки воздуха тут не стремились наружу, а захватывались на поверхности и проталкивались сверху вниз, вовнутрь...

Глубоко под пестрой поверхностью огромного чечевицеобразного тела виднелось четыре расплывчатотемных сгустка, — несомненно, четыре живых мозга, принадлежавших Гамсу, Беллис, Мак-Карти и Мейстеру.

Да, вот он, один из этих комков, расположенный прямо напротив стеблей его глаз. «Странно смотреть на свой собственный мозг, — размышлял Джордж. — Но конечно, со временем к этому можно привыкнуть».

Четыре темных пятна тесно жались одно к другому, образуя почти правильный квадрат в центре чечевицы. Едва видимые нити спинного мозга пересекались внутри и лучами расходились от центра.

«Такова схема», — подумал Джордж. Существо было приспособлено к использованию нескольких нервных систем. Они располагались в определенном порядке головным мозгом внутри — для большей безопасности, а может, и потому, что предусматривалось сознательное сотрудничество между «пассажирами». Возможно, существовало и какое-то межклеточное вещество, которое стимулировало рост клеток, осуществлявших связь между отдельными мозговыми системами... Именно этим могли объясняться их быстрые успехи по части телепатического общения. Джорджу страшно хотелось изучить весь этот механизм и установить, как он работает.

Вивиян перестала жаловаться на боль. Ее мозг располагался напротив мозга Джорджа, и она сильнее всех пострадала от каменных осколков. Теперь осколки на глазах опускались вниз сквозь желатинообразную субстанцию тканей монстра. Достигнув дна, они, вне сомнения, будут извергнуты, подобно тому как были извергнуты неусвоенные части их одежды и снаряжения.

От нечего делать Джордж стал гадать, какой из остальных двух мозгов принадлежит Мак-Карти и какой Гамсу. Ответить на это было нетрудно. Глядя назад, к центру желатинообразного утолщения, Джордж увидел слева от себя пару голубых глаз, сидящих вровень с поверхностью. Справа от себя Джордж разглядел два крохотных отверстия, уходившие на несколько сантиметров в глубь тела. Это могли быть только уши Мак-Карти. Джорджу очень захотелось забросать их грязью, но как?

Итак, вопрос о возвращении в лагерь по крайней мере на время был снят с повестки дня. Мак-Карти

больше не заговаривала о необходимости сформировать комплект органов речи. Джордж не сомневался в том, что она не оставила эту мысль, но не верил в ее успех. Каков бы ни был механизм, посредством которого осуществлялись подобные преобразования в их телесной структуре, все свидетельствовало о том, что такие профаны, как он, могут добиться успеха в этом направлении лишь под влиянием бурных душевных переживаний, да и то если речь идет о создании какого-либо одного органа зараз. А как он уже объяснил Мак-Карти, органы речи у человека необычайно сложны и разнообразны.

У него мелькнула мысль, что желаемого можно достичь, создав тонкую перепонку вместо диафрагмы и воздушную полость за ней, а также ряд мышц, которые производили бы нужные колебания и модулировали их. Но эту идею он пока придержал про себя.

Ему вовсе не хотелось возвращаться назад. Он был незаурядный человек, ученый, знавший толк в своем деле и бескорыстно любивший его. А в данный момент он сидел внутри мощнейшего орудия исследования, которое когда-либо существовало в его области науки, — в изменчивом организме, заключавшем в себе наблюдателя, способного по собственному желанию перестраивать его структуру и видеть результаты; способного выдвигать гипотезы о его функциях и проверять их на тканях, принадлежавших в сущности его собственному телу; способного конструировать новые органы, новые механизмы приспособления к окружающей среде!

Джордж видел себя на вершине огромной пирамиды новых открытий, и некоторые из возможностей, которые он прозревал, внушали ему страх и чувство собственного ничтожества.

Он просто не мог возвратиться к людям, если б даже это можно было сделать без риска быть убитым. Эх, если б только он угодил в эту проклятую штуку один... Впрочем, будь спокоен: коллеги вытащили бы его и убили монстра...

Вивинан, некоторое время назад избавившаяся от боли, снова заскулила. Гамс прикрикнул на нее. Мак-Карти обругала обоих. Самому Джорджу тоже казалось, что еще немного — и он выйдет из себя. Еще бы! Столько времени просидеть в одной клетке с тремя идиотами, которые не могут придумать ничего лучшего как...

— Постойте, — сказал он, — у всех вас одинаковое настроение, не так ли? Вы нервны, раздражительны, вы словно проработали шестьдесят часов подряд и до того устали, что не можете уснуть...

— Бросьте трепаться, как телереклама,— сердито сказала Вивиян.— Нам и без того тошно...

— Так вот, мы голодны! — объявил Джордж.— Мы этого не сознаем, потому что у нас нет органов, которые обычно сигнализируют о голоде. Но ведь последний раз это тело подкреплялось нами, а с тех пор прошло по меньшей мере двадцать часов. Нам надо перекусить.

— Вы правы, черт побери,— сказал Гамс.— Но если эта штука ест только людей... я хочу сказать...

— До нашей высадки она вовсе не встречала людей,— сухо оборвал его Джордж.— Ее устроит любой белок, но единственный способ узнать его — испытать на практике. И чем скорее, тем лучше.

Он тронулся в путь, взяв то же направление, которого они держались все время,— подальше от лагеря. «По крайнем мере,— думал он,— если покрыть достаточно большое расстояние, они могут затеряться без следа».

III

Они вышли из древесной чащи и по длинному склону, покрытому ковром жесткой, как проволока, мертвой травы, спустились в долину, затем достигли русла, в котором жиденькой струйкой еще бежала вода. Далеко внизу, у берега, частично закрытое похожими на скелеты кустами, виднелось стадо животных, смутно напоминавших свиней в миниатюре. Джордж доложил об этом остальным и осторожно двинулся по направлению к животным.

— Откуда ветер, Вивиян? — спросил он.— Ты чувствуешь ветер?

— Нет. Прежде, когда мы спускались под гору, чувствовала, а теперь, кажется, он дует нам навстречу.

— Это хорошо. Так мы сможем подкрасться незаметно.

— Но ведь... мы не собираемся есть животных, или как?

— Да, то же самое и я хотел спросить, Мейстер,— подал голос Гамс.— Не скажу, чтоб я был особенно брезглив, но, право...

Джорджа самого поташнивало: как все остальные, он вырос на диете из дрожжей и синтетического белка, но он запальчиво возразил:

— А что еще нам остается? У вас есть глаза, разве вы не видите, что сейчас здесь осень? И притом осень после знойного лета. Голые деревья, пересохшие реки.

Мы либо будем есть мясное, либо ничего не будем есть... разве что вы предпочтете насекомых!

Пораженный Гамс поворчал еще немного и сдался.

Вблизи животные были меньше похожи на свиней и еще менее аппетитны с виду. Тощие, разделенные на сегменты туловища розовато-серого цвета, четыре коротких ноги, широкие растопыренные уши и тупые саблеобразные рыла. Они рылись в почве, время от времени что-то выковыривали и жадно поедали, хлопая ушами.

Джордж насчитал тридцать животных. Они держались довольно плотным стадом на небольшом свободном пространстве между кустами и рекой. Двигались они медленно, но их короткие ноги производили впечатление силы. «Наверное, они могут здорово припустить, когда надо», — подумал Джордж.

Пядь за пядью он продвигался вперед, опустив стебли глаз и мгновенно замирая на месте, когда какое-нибудь из животных поднимало голову. Двигаясь со все большей осторожностью, он подобрался метров на десять к ближайшему из них, как вдруг Мак-Карти резко заметила:

— Мейстер, а вы задумывались над тем, каким именно образом мы будем есть этих животных?

— Не говорите глупостей! — раздраженно ответил он. — Мы...

И тут ему вдруг пришла в голову ошеломляющая мысль: «Постой, а не отказался ли монстр от своего нормального способа усвоения пищи, как только заполучил новых жильцов? Ожидается ли от нас, что мы отрастим клыки, пищевод и все такое прочее? Едва ли! Прежде чем мы это сделаем, мы умрем с голоду. Но с другой стороны, монстр должен бы оставить свой нормальный способ усвоения пищи, чтобы не переварить жильцов вместе с первым обедом! Вот загвоздка!»

— Ну? — спросила Мак-Карти.

Нет, это вовсе не так, Джордж был в этом уверен, только ничего не мог объяснить. И все-таки это была очень неприятная мысль... А если (еще хуже!) еда станет жильцом, а жилец едой?

Ближайшее животное вскинуло голову, и четыре крохотных красных глаза уставились прямо на Джорджа. Отвислые уши насторожились.

Размышлять было некогда.

— Оно увидело нас! — мысленно крикнул Джордж. — Бежим!

Казалось, все вокруг пришло в движение. Лишь секунду назад они неподвижно лежали в колючей сухой траве, а теперь уже мчались со скоростью экспресса. Стадо неслось галопом прямо перед ними. Бешено

работающие окорока ближайшего животного постепенно вырастали в размерах. Они подмяли его под себя и побежали дальше.

Бросив взгляд назад, Джордж увидел, что животное неподвижно лежит в траве либо без сознания, либо и вовсе мертвое.

Они подмяли еще одно. «Наркотик,— словно в озарении подумал Джордж.— Достаточно одного прикосновения. Вот еще одно и еще. Разумеется, мы сможем их переварить,— с облегчением подумал он.— Начать с того, что монстр переваривает избирательно, иначе он не смог бы выделить нашу нервную ткань».

Четыре. Шесть. Три подряд, когда стадо сбилось в кучу между последним клином леса и крутым речным берегом. Затем два, пытавшихся бежать обратно по своим следам. Затем еще четыре отбившихся от стада одно за другим.

Остальные скрылись в высокой траве на верху склона. Пятнадцать животных растянулись цепочкой на их пути.

Джордж вернулся к животному, которое они настигли первым, и подхватил его краем тела.

— Присядьте, Гамс,— сказал он.— Нужно подлезть под него снизу... Так, довольно. Голова пусть свисает наружу.

— Зачем? — спросил солдафон.

— Надеюсь, вы не хотите, чтобы мозг животного оказался вместе с нами? Почему знать, сколько еще может вместить в себя эта штука. Она даже может предпочесть новый мозг одному из наших. Но едва ли она станет удерживать остаток нервной системы, если мы воздержимся от головы...

— Ох! — слабо простонала Вивиан.

— Прошу прощения, мисс Беллис,— с раскаянием произнес Джордж.— Хотя, впрочем, все было бы не так уж неприятно, если не давать воли своему воображению. Это совсем не то, что иметь вкусовые сосочки или...

— Ладно,— сказала она.— Только, пожалуйста, не будем говорить об этом.

— Я тоже так думаю,— вставил Гамс.— Чуть больше такта, как вы думаете, Мейстер?

Приняв упрек, Джордж сосредоточил все свое внимание на туше животного, лежавшей на гладкой поверхности тела монстра между владениями его и Гамса. Тушка на глазах погружалась в плоть, обволакиваясь непрозрачным облаком.

Когда она почти исчезла и голова отделилась от туловища, они двинулись дальше. На этот раз по предложению Джорджа они взяли «на борт» сразу две

тушки. Мало-помалу их раздражение улетучивалось, они начали чувствовать себя веселыми и довольными. Джордж обнаружил, что он снова может думать последовательно, не пропуская важные логические звенья.

Они разделялись уже с восьмым и девятым животным, и Джордж упоенно рисовал в своем воображении сложную схему циркуляционной системы монстра, как вдруг Мак-Карти нарушила молчание.

— Я нашла более совершенный способ безопасного возвращения в лагерь, — изрекла она. — Начнем немедленно.

В ужасе и смятении Джордж устремил взор на Мак-Картиев сектор монстра. Что-то волокнисто-суставчатое выпирало из его бока, что-то напоминавшее (да так оно и было на самом деле!) карикатурную, но все же вполне опознаваемую руку. На его глазах комковатые пальцы нашарили былинку, потянули и выдернули ее.

— Майор Гамс! — сказала Мак-Карти. — Вам поручается как можно быстрее найти следующие предметы. Первое: пригодную для письма поверхность. Это может быть широкий, светлый лист, сухой, но не ломкий. Либо дерево, с которого без труда можно отодрать большой кусок коры. Второе: красящее вещество. Вне сомнения, вы сумеете обнаружить ягоды с подходящим соком. В крайнем случае сойдет и грязь. Третье: ветку или тростник вместо пера. Когда вы направите меня ко всем этим вещам, я напишу с их помощью докладную, в которой обрисую наше бедственное положение. Вы прочтете ее и укажете на ошибки, я их исправлю. Когда докладная будет готова, мы вернемся к лагерю и ночью положим ее на видном месте. Затем мы удалимся на рассвете, а когда докладная будет прочитана, выйдем снова. Начинайте, майор!

— Ну что ж, — отозвался Гамс, — это дело... Я полагаю, вы разработали какое-то приспособление, чтобы держать перо, мисс Мак-Карти?

— Болван! — ответила она. — Разумеется! Я сделала руку.

— В таком случае я «за». Ну-ка посмотрим! Мне кажется, можно начать вот с этой рощи...

Их общее тело сделало рывок в направлении рощи. Джордж уперся на месте.

— Постойте, — в отчаянии заговорил он. — Проявим чуточку благоразумия и покончим с едой, прежде чем идти. Кто знает, когда еще нам снова удастся разжиться свининкой.

— Как велики эти существа, майор? — спросила Мак-Карти.

— На мой взгляд, сантиметров шестьдесят в длину.
— И мы уже потребили девять штук, верно?
— Около восьми,— сказал Джордж.— Эти два съедены лишь наполовину.

— Другими словами,— сказала Мак-Карти,— на каждого из нас приходится по две штуки. По-моему, это роскошно. Вы согласны, майор?

— Вы ошибаетесь, мисс Мак-Карти,— серьезно возразил Джордж.— Вы мыслите в масштабах человеческих потребностей в пище, а этот организм имеет совсем другой обмен веществ и обладает массой по меньшей мере втрое большей массы четырех человек. Посудите сами, всего лишь двадцать часов спустя после того, как мы были поглощены, это существо проголодалось. А согласно вашему замыслу, мы должны продержаться до начала завтрашнего дня.

— Похоже на правду,— сказал Гамс.— В общем, мисс Мак-Карти, я полагаю, что лучше запастись провиантом, покуда есть возможность. При таких темпах заправки мы потеряем не больше получаса.

— Хорошо. Постарайтесь управиться поскорее. Они двинулись к следующей паре жертв. Джордж лихорадочно соображал. С Мак-Карти спорить бесполезно, с Гамсом, пожалуй, тоже. Впрочем, попытаться можно. Если б только удалось убедить Гамса, тогда и Беллис, возможно, примкнула бы к большинству. Это единственная надежда.

— Гамс,— сказал он,— думали вы хоть чуточку над тем, что нас ожидает, когда мы вернемся?

— Вы сами понимаете, что это не по моей части. Предоставьте это технарям вроде вас.

— Нет, я о другом. Представьте себе, что вы шеф такой вот группы, как наша, и не мы, а четверо других ввалились в этот организм...

— Как, как? Постойте, я что-то недопонял.

Джордж терпеливо повторил все сначала.

— Ага, понимаю. Ну так что же?

— Какое приказание вы бы отдали?

Гамс подумал мгновение.

— Передать эту штуку в биологическую секцию, наверное, так. Чего ж еще?

— А вам не кажется, что вы могли бы отдать приказ уничтожить ее как возможную угрозу?

— Черт возьми! Это возможно... Да нет же! Надо только потолковее составить донесение. Мол, являемся ценным образцом и все такое прочее. Обращаться с осторожностью.

— Хорошо,— сказал Джордж.— Положим, это действует, и что тогда? Знаю, это не по вашей части, так я скажу вам. Девять шансов из десяти за то, что в

биологической секции в нас увидят возможное оружие врага. А это прежде всего означает, что нам придется пройти допрос по всей форме, и я не берусь гадать, на что это будет похоже.

— Майор Гамс,— проскрежетала Мак-Карти,— Мейстер будет казнен за неблагонадежность при первой же возможности. Под страхом того же наказания запрещаю вам разговаривать с ним.

— Отлично, но уж слушать-то меня она не может помешать,— взволнованно сказал Джордж.— Так вот, Гамс, они берут пробы. Без обезболивания. И в конце концов они либо все равно уничтожат нас, либо отошлют в ближайший форпост для дальнейших исследований. Мы станем достоянием Федерации, высшим секретом, и уж в Службе-то безопасности никто нас не реабилитирует, никто не посмеет взять на себя такую ответственность, и отсюда нам уже не вырваться. Мы действительно ценный образец, Гамс, но никому не будет пользы от того, что мы вернемся в лагерь. Мы можем представлять собой какое угодно открытие, крупицу знания, которая может спасти миллионы человеческих жизней,— все это тоже будет объявлено сверхсекретным и никогда не выйдет из стен Службы безопасности... Если вы все еще надеетесь на то, что они смогут вызволить вас из этой штуки, вы ошибаетесь. Тут не может помочь приживление, скажем, рук или ног: все ваше тело разрушено, Гамс, все, за исключением нервной системы и глаз. У нас может быть лишь такое новое тело, которое мы сами себе создадим. Мы должны оставаться здесь и создать его.

— Майор Гамс,— сказала Мак-Карти.— Я полагаю, мы достаточно времени потратили впустую. Приступайте к розыскам необходимых мне материалов.

Секунду Гамс молчал, и их общее тело не двигалось. Затем он сказал:

— Так, значит, лист, ветка и пучок ягод? Или на худой конец грязь. Мисс Мак-Карти, это, конечно, неофициально... Разрешите мне узнать ваше мнение по одному вопросу... прежде чем приступить к делу. Так вот, сумеют они спать для нас хоть какое-нибудь тело, как вы думаете? Вы ведь знаете: один технарь говорит одно, другой — другое. Вы меня понимаете?

Джордж с беспокойством наблюдал за конечностью Мак-Карти. Она ритмично сгибалась и разгибалась и, он был в этом почти уверен, росла прямо на глазах. Время от времени пальцы шарили в сухой траве и срывали травинку или две, а то и сразу целый пучок.

— Я ничего не могу вам сказать на этот счет, майор. Вопрос не относится к делу. Наш долг — возвратиться в лагерь. Это все, что нам следует знать.

— В этом пункте я с вами совершенно согласен,— сказал Гамс.— К тому же у нас нет выбора, не так ли?

Джордж, уставившись на один из пальцеобразных отростков, видневшихся из-под края тела монстра, страстно желал, чтобы отросток превратился в руку. Но, кажется, он начал слишком поздно.

— Выбор есть,— сказал он.— Надо просто продолжать существовать в том виде, в каком мы сейчас находимся. Если даже Федерация удержит эту планету в течение столетия, на ней все равно останется достаточно неисследованных мест. Мы будем жить.

— Ведь опять-таки,— продолжал Гамс, как бы отвечая на свои собственные мысли,— человек не может так просто взять да и порвать с цивилизацией, верно?

Джордж вновь почувствовал, как его потянуло к роще, и вновь воспротивился. Но тут Гамса поддержал еще ряд мышц, и Джорджа пересилили. Содрогаюсь, боком имярек *meisterii* продвинулся на полметра и снова застыл на месте, дрожа от напряжения.

И тут второй раз за день Джордж был вынужден изменить свое мнение о Вивиан Беллис.

— Я верю вам, мистер Мейстер... Джордж,— сказала она.— Я не хочу возвращаться. Скажите, что я должна делать.

— Вот теперь вы молодцом! — сказал Джордж после минутной паузы.— Если б вы смогли вырастить руку, я думаю, это было бы неплохо.

Борьба продолжалась.

— Полное размежевание сторон,— сказала Мак-Карти Гамсу.— Теперь все ясно.

— Да. Совершенно верно.

— Майор Гамс,— решительно проговорила она.— Ведь вы, кажется, напротив меня?

— Так ли это? — нерешительно переспросил Гамс.

— Так. Раз я думаю так, значит, так. Теперь вот что: Мейстер справа или слева от вас?

— Слева. Уж это-то я знаю. Вижу его стебли краешком глаза.

— Очень хорошо.

Рука Мак-Карти поднялась: в толстых, как сосиски, пальцах был зажат острый каменный осколок.

Джордж с ужасом увидел, как эта рука изогнулась над выпуклостью тела монстра. Длинный, острый, как нож, осколок испытующе потыкался в поверхность тела в трех сантиметрах от того места, под которым находился его мозг. Затем кулак поднялся и резко опустился. Острая, звериная боль пронзила биолога.

— Недостаточно длинная, я думаю,— сказала

Мак-Карти, согнула руку и снова стукнула почти по тому же самому месту.

— Нет, — задумчиво сказала она. — Потребуется еще некоторое время. — И затем: — Майор Гамс, после моей следующей попытки доложите мне, заметна ли какая-нибудь реакция в стеблях глаз Мейстера.

Боль клокотала в нервах Джорджа. Одним полуослепшим глазом он наблюдал за зародышем руки, которая росла, увы, слишком медленно под краем тела, другим как замороженный следил за рукой Мак-Карти, медленно вытягивавшейся по направлению к нему. Рука росла прямо на глазах, он видел это, но, как ни странно, расстояние между ним и ею не только не сокращалось, а как будто бы увеличивалось.

Плоть монстра расползалась в противоположные стороны, увлекая с собою Мак-Карти.

Мак-Карти вновь нанесла удар, вложив в него всю свою злобную силу. На этот раз боль была менее острой.

— Майор, — спросила Мак-Карти. — Как результаты?

— Никаких, — ответил Гамс. — Как будто никаких. Между прочим, кажется, мы чуть-чуть продвигаемся вперед, мисс Мак-Карти.

— Вы жестоко ошибаетесь, — ответила она. — Нас оттесняют назад. Будьте бдительны, майор.

— Нет, в самом деле, — запротестовал Гамс, — мы, ей-богу, движемся в сторону рожи. Я вперед, а вы за мной.

— Майор Гамс, это я двигаюсь вперед, а вы за мной.

Джордж увидел, что они оба правы: тело монстра утратило свою округлую форму и растягивалось теперь вдоль оси Гамс — Мак-Карти. Посередине стало намечаться что-то вроде перехвата. Под поверхностью также все было в движении.

Четыре мозга теперь располагались не квадратом, а прямоугольником.

Положение нитей спинного мозга тоже изменилось. Его собственный спинной мозг и спинной мозг Вивиан как будто оставались на месте. Зато спинной мозг Гамса и мозг Мак-Карти разошлись.

Увеличив свою массу примерно на двести килограммов, имярек *meisterii* делился на две особи, расположив жильцов поровну — по две на каждую половину. Гамс и Мейстер находились в одной, Мак-Карти и Беллис — в другой.

Джорджу пришлось в голову, что при следующем делении каждая особь будет вынуждена ограничиться одним мозгом, а еще при следующем одна из новых особей будет монстр в его первобытном, незаселенном

состоянии — покоящийся, закамуфлированный, ожидающий жертву, которая споткнется о него.

Но все это означало, что подобно обыкновенной амебе этот удивительный организм бессмертен. Если исключить несчастные случаи, он никогда не умрет, он будет просто-напросто расти и делиться.

К сожалению, иначе обстоит дело с его жильцами: их ткани будут стареть и умирать... Но так ли это? Ведь нервная ткань человека не способна расти, а у него и у Мак-Карти она разрослась. Ни в какой ткани человеческого тела новые клетки не образуются так быстро, как это имело место в стеблях глаз Мейстера и в руке Мак-Карти. Сомневаться не приходилось: их новая нервная ткань никак не может быть изначальной. Это была подделка — ткань, созданная монстром из своей собственной субстанции по структурным образцам ближайших первородных клеток. Но подделка эта не уступала оригиналу: новая и старая ткани взаимопроникали, аксоны пристегивались к дендритам, и в результате мышцы сокращались и расслаблялись по команде. Иными словами, имитация исправно функционировала. Следовательно, когда нервные клетки состарятся, они будут заменены. В конце концов отомрет последняя изначальная клетка, и человек-жилец полностью перейдет в монстра, но «различие, не порождающее различия, не есть различие». В сущности, жилец по-прежнему будет человеком, и притом бессмертным.

Если только исключить несчастные случаи.

Или убийство.

— Майор Гамс,— говорила тем временем Мак-Карти,— не смешите людей. Зачем вы морочите мне голову? Ведь если вы правы, то наши усилия двигаться в противоположных направлениях разорвут это существо на части.

Мак-Карти явно ни о чем не догадывалась. Ну и пусть думает как хочет, это лишит ее возможности действовать, а там деление и закончится... Но нет, так не годилось. Сам-то Джордж был уже вне ее досягаемости и удалялся от нее все дальше, но вот как с Беллис? Ее мозг и мозг Мак-Карти настолько сблизились...

Как быть? Если предупредить девушку, это откроет глаза Мак-Карти на истинное положение вещей. Вот если бы направить ее по ложному следу...

Внезапно он сообразил, что у него уже совсем не остается времени. Если он не ошибался, полагая, что общение между мозговыми системами возможно лишь благодаря какой-то физической связи между ними, то клетки, осуществляющие эту связь, долго не выдер-

жат: промежуток между двумя парами мозгов неуклонно увеличивался. И он решился.

— Вивиян! — позвал он.

— Что, Джордж?

— Послушай, — почувствовав облегчение, сказал он. — Это не мы растаскиваем монстра на части, а он делится сам по себе. Это его способ размножения. Ты и я окажемся в одной половине, Гамс и Мак-Карти — в другой. Если они оставят нас в покое, каждый пойдет куда захочет...

— Ах, я так рада!

Какой теплый у нее голос!..

— Да, но, быть может, нам придется с ними драться. Это зависит от них. Так что расти руку, Вивиян.

— Постараюсь, — неуверенно сказала она. — Я не знаю...

Голос Мак-Карти заглушил конец фразы.

— Майор Гамс! Поскольку у вас есть глаза, ваш долг позаботиться о том, чтобы не дать им убежать. Тем временем и вам советую растить руку.

— Служу Гражданской безопасности! — ответил Гамс.

Озадаченный Джордж глянул вниз мимо своей наполовину сформировавшейся руки. Почти вне поля его зрения под Гамсовым сектором тела выпячивался мясистый начаток руки. Майор работал над ним тайком, пряча его под краем тела... И он был куда лучше развит, чем рука Джорджа.

— Эге, — вдруг проговорил Гамс. — Послушайте, мисс Мак-Карти, Мейстер просто поливал вам мозги. Мы с вами, вишь ты, никак не попадем в одну половину. Этого просто не может быть! Мы с вами на противоположных концах этой проклятой штуки. Вы окажетесь вместе с мисс Беллис, а я — вместе с Мейстером.

У монстра явным образом намечалась талия. Нити спинного мозга развернулись, так что теперь между ними наметился просвет.

— Хорошо, — слабо вякнула Мак-Карти. — Спасибо, майор Гамс.

— Джордж! — словно издали, донесся испуганный голос Вивиян. — Что нам делать?

— Растить руку! — крикнул он.

Ответа не последовало.

IV

Оцепенев от ужаса, Джордж увидел, как рука Мак-Карти, сжимающая каменный осколок, вытянулась влево над пузырящейся поверхностью монстра. Еще

он увидел, как она подскочила и тут же злобно упала. Он успел подумать: «Слава богу, еще коротка, это у Мак-Картни правая рука, она дальше от мозга Вивиян, чем была от моего», успел сообразить, что никак не сможет помочь Вивиян прежде, чем Мак-Картни удлинит свою руку на несколько недостающих сантиметров. Деление прошло лишь наполовину. Он был скован и мог двигаться с таким же успехом, с каким сиамский близнец — обойти вокруг своего брата.

Затем настал его черед. Заметив краем глаза какое-то мгновенное, как молния, движение, он оглянулся и увидел комковатую, неправильной формы псевдоруку, протянувшуюся к стеблям его глаз.

Инстинктивно он вскинул свою руку, схватил Гамса за запястье и отчаянно повис на нем. Рука Гамса была в полтора раза больше, чем его, и такая мускулистая, что, хотя перевес в плече рычага был в его пользу, он не мог ни оттолкнуть ее, ни отвести в сторону. Он мог только раскачивать эту руку вверх и вниз, стараясь попадать в такт усилиям Гамса, так что рука все время проходила мимо цели.

Гамс начал менять силу и ритм своих движений, пытаясь поймать Джорджа врасплох. Его толстый палец задел основание одного из стеблей.

— Очень сожалею, Мейстер, — сказал Гамс. — Я лично не питаю к вам никаких недобрых чувств. И между нами говоря — уф! — Мак-Картни — дрянь баба... Но — пфф! чуть не поймал вас! — нищим выбирать не приходится. Уфф... я смотрю на дело так: если сам о себе не позаботишься — пфф! — то кто еще позаботится о тебе? Уфф!..

Джордж не отвечал. Поражающее дело, он больше не боялся ни за себя, ни за Вивиян; он был просто чудовищно, невероятно взбешен. В его руку откуда-то вливалась сила. Яростно сосредоточенный, он думал: «Больше! Сильнее! Длиннее! Руку!»

Рука росла, на глазах наращивая ткани, удлинялась, утолщалась, бугрилась мускулами. С рукой Гамса происходило то же самое.

Он начал вторую руку. Гамс тоже.

Поверхность тела вокруг Джорджа неистово бурлила. К тому же он заметил, что чечевицеобразное тело монстра заметно сокращается в объеме. Его необычная дыхательная система была не приспособлена для такой борьбы, и он пожирал самого себя, уничтожал свои собственные ткани, чтобы не задохнуться.

Каков тот минимальный объем, когда он еще в состоянии содержать двух жильцов?

И от какого мозга он избавится в перзую очередь? Раздумывать было некогда. Гамс пошарил в траве

своей второй рукой, не нашел ничего похожего на оружие и внезапно рывком разорвал тело монстра.

Деление закончилось.

«Что с Вивиан и Мак-Карти?» — мелькнула у Джорджа мысль, и на какую-то долю секунды он рискнул посмотреть назад. Он увидел там лишь какую-то бесформенную яйцеобразную глыбу, а обернувшись, успел лишь заметить, как полуоформленной правой рукой Гамс выхватил из травы длинную хвостину и хлестнул его по глазам.

Береговой откос был в одном метре левее. Джордж преодолел этот метр одним резким броском. Они поскользнулись, зашатались, на мгновение замерли, яростно стискивая друг другу руки, и полетели вверх тормашками, промчались в вихре пыли и гальки по головокружительной круче и мясистой лепешкой шмякнулись на дно.

Вселенная сделала последний гигантский оборот и остановилась. Полуослепший Джордж попытался нащупать опору, наткнулся на руку Гамса и крепко сжал ее.

— Ах черт, — сказал голос Гамса. — Мне каюк. Я ранен, Мейстер. Валяй кончай со мной, ну? Не трать времени даром.

Джордж подозрительно смотрел на него, не ослабляя хватки.

— Что с вами?

— Сказано вам, мне каюк, — раздраженно ответил Гамс. — Я парализован. Не могу пошевелиться.

Они упали на небольшой валун, каким было усеяно русло реки. Валун был грубо конической формы. Они облегли его всем телом, и тупая вершина камня прижалась как раз под спинным мозгом Гамса, в нескольких сантиметрах от головного.

— Гамс, — сказал Джордж. — Возможно, все обстоит не так плохо, как вы думаете. Если я докажу вам это, вы откажетесь от борьбы и перейдете в мое подчинение, согласны?

— Как вы это сделаете? У меня перебит хребет.

— Это уж моя забота. Согласны или нет?

— Да, конечно. Это очень порядочно с вашей стороны, Мейстер. Факт. Даю слово, если мое слово еще что-нибудь значит.

— Отлично, — сказал Джордж.

Напрягшись изо всех сил, он стащил их тело с валуна. Потом поглядел на склон, по которому они скатились. Слишком круто, надо отыскать путь полегче. Он повернулся и посмотрел на восток вдоль жиденького ручейка, который еле струился посередине русла.

— За чем дело стало? — спросил Гамс.

— Надо отыскать путь наверх, — нетерпеливо сказал Джордж. — Быть может, еще можно помочь Вивиан.

— Ах, да... Каюсь, я думал только о себе, Мейстер. Но скажите мне, пожалуйста...

«Едва ли она осталась в живых, — мрачно думал Джордж, — но если есть хоть малейшая надежда...»

— Вы поправитесь, — сказал он. — Будь вы в своем прежнем теле, такое ранение могло оказаться смертельным, или в лучшем случае вы стали бы калекой, но с этой штукой все иначе. Вы выздоровеете так же легко, как отратите новую конечность.

— Черт побери, — сказал Гамс, — как это я не подумал об этом! Вот глупец! Но послушайте, Мейстер, тогда, стало быть, мы попусту теряли время, убивая друг друга? Иначе говоря...

— Нет. Если б вы раздавили мой мозг, я думаю, организм переварил бы его, и мне пришел бы конец. Но если исключить такие убийственные жестокости, я уверен, что мы бессмертны.

— Бессмертны, — повторил Гамс. — Черт подери, это же совсем другие пироги...

Берег стал чуть понижаться, и в одном месте, где сырая почва была густо усеяна валунами, им встретился делювиальный откос, имевший вполне преодолимый вид. Джордж двинулся по нему наверх.

— Мейстер... — мгновение спустя сказал Гамс.

— Чего вам?

— Вы знаете, вы правы: ко мне начинает возвращаться осязание... Послушайте, Мейстер, а есть ли вообще что-нибудь такое, чего не умеет эта штука? Вот, например, как вы думаете, не смогли бы мы снова собраться в прежнем виде, какими были раньше... со всеми причинами и все такое прочее?

— Возможно, — отрывисто ответил Джордж. Эта мысль уже некоторое время занимала его, но он не был расположен обсуждать ее сейчас с Гамсом.

Они добрались до середины склона.

— В таком случае, — задумчиво сказал Гамс, эту штуку можно использовать в военных целях, это факт. Тот, кто принесет такую штуку в военное министерство, будет обеспечен по гроб жизни.

— После того как мы разделимся, — сказал Джордж — можете делать что хотите.

— Но это не выход, черт возьми! — раздраженно ответил Гамс.

— Почему?

— Потому что тогда они все равно смогут отыскать другого.

Гамс вдруг вытянул руки, ухватил небольшой валун и, не успев Джордж помешать ему, выворотил камень из гнезда.

Валун покрупнее, лежавший выше, дрогнул, качнулся и стал громоздко заваливаться вперед. Джордж, который находился прямо под ним, вдруг обнаружил, что он словно прикован к месту.

— Мне опять очень жаль... — услышал он голос Гамса, в котором звучало неподдельное сожаление. — Но вы знаете, что такое Служба безопасности. Я просто не могу рисковать.

Казалось, валун падает целую вечность. Еще раз два Джордж напрягал все силы, чтобы убраться с его пути, затем инстинктивно подложил под него свои руки. В самый последний момент он сдвинул их влево от центра заваливающейся на него серой глыбы... И вот она рухнула.

Джордж почувствовал, как его руки сломались, словно веточки, и что-то серое закрыло все небо. Он почувствовал удар, словно кувалдой, от которого содрогнулась земля.

Он услышал какой-то всплеск.

Но он все-таки был жив. Этот поразительный факт занимал его мысли еще долго после того, как валун с грохотом прокатился в тишину вниз по склону. Наконец Джордж взглянул вправо от себя.

Сопротивления его напрягшихся рук, пусть даже они потом сломались, оказалось достаточно, чтобы сместить падающий камень на каких-нибудь тридцать сантиметров в сторону... Правая половина чудовища, где находился мозг Гамса, представляла собой расплюснутую, раздавленную лепешку. Он еще успел заметить несколько пятен вязкого серого вещества, которое быстро растворялось в серо-зеленой полупрозрачной массе, медленно сплывавшейся в одно целое.

Через двадцать минут рассосались последние остатки спинного мозга, монстр привел себя в нормальный чечевицеобразный вид, и Джордж почувствовал, что боль стала утихать. Еще через пять минут его подправленные руки настолько окрепли, что ими уже можно было пользоваться. К тому же они теперь еще больше походили на человеческие и по форме, и по цвету, у них были отличные сухожилия, ногти и даже морщинки на коже. В другое время Джордж принялся бы блаженно размышлять по этому поводу, теперь же он едва обратил на это внимание, так он спешил. Джордж взобрался на берег. На сухой траве метрах в тридцати от него неподвижно лежало выгнутое горбом серо-зеленое тело, точь-в-точь как его собственное.

Разумеется, оно заключало в себе один только мозг. Чей именно?

Почти наверняка Мак-Карти. У Вивиан просто не было шансов выжить. Но тогда чем объяснить, что рука Мак-Карти бесследно исчезла?

Джордж нерешительно обошел существо вокруг, чтобы лучше разглядеть его.

На противоположной стороне он увидел два темно-карих глаза с каким-то странно неопределенным выражением. Секунду спустя они устремились на него, и все тело встрепенулось, подалось ему навстречу.

У Вивиан были карие глаза, Джордж отчетливо это помнил. Карие глаза с длинными густыми ресницами на нежном, суженном к подбородку лице... Но что это доказывает? Какого цвета глаза были у Мак-Карти? Этого он не мог сказать наверняка.

Разобраться во всем можно было лишь одним способом. Джордж придвинулся ближе, уповая на то, что имярек *meisterii* по крайней мере достаточно развит, чтобы конъюгировать, а не пожирать представителей своей собственной породы...

Два тела соприкоснулись, слиплись и начали сливаться. Теперь Джордж мог наблюдать процесс деления в обратном порядке. Плоть спаренных чечевиц слилась сперва в тувельку, потом приняла яйцеобразную и наконец чечевицеобразную форму. Его мозг и другой сблизились, нити спинного мозга пересеклись под прямым углом.

Лишь после этого он заметил что-то странное в другом мозге: он казался светлее и чуть больше, чем его, очертания чуть-чуть отчетливее.

— Вивиан? — с сомнением произнес он. — Это ты? Никакого ответа. Он спросил еще раз, потом еще. Наконец:

— Джордж! Господи боже, мне хочется реветь, а я не могу.

— Нет слезных желез, — машинально констатировал Джордж. — Так это ты, Вивиан?

— Да, Джордж.

Опять этот теплый голос...

— Что случилось с Мак-Карти? Как ты сумела изба... Я хочу сказать, что с ней случилось?

— Не знаю. Ее ведь нет, правда? Я давно уже ее не слышу.

— Да, ее нет, — сказал Джордж. — Так ты говоришь, не знаешь? Расскажи мне все, что ты делала.

— Ну, я хотела сделать руку, как ты мне велел, но мне показалось, что я не успею. Тогда я взяла и сделала череп. И эти, как их, чтобы прикрыть себе спину...

— Позвонки. «Вот ведь не сообразил!» — ошеломленно подумал он. — Ну а потом?

— Кажется, теперь я плачу, — сказала Вивиян. — Ну да, точно... Господи, какое облегчение!.. Ну а потом ничего. Она все еще делала мне больно, а я просто лежала и думала: «Какое счастье, если б ее не было рядом». И вот через некоторое время ее не стало. После этого я сделала глаза, чтобы найти тебя.

Объяснение озадачивало больше, чем сама загадка. Джордж внимательно огляделся вокруг и увидел нечто такое, чего не заметил раньше. В двух метрах правее, едва виднеясь в траве, лежал влажный сероватый комок с неким подобием хвоста...

В имярек *meisterii*, вдруг пришло ему в голову, существует особый механизм для избавления от жильцов, не умеющих приспособляться, для устранения таких мозговых систем, которые склонны к кататонии, истерии или самоубийственному умоисступлению. Если можно так выразиться, пункт, предусматривающий незамедлительное выселение.

Вивиян сумела стимулировать этот механизм, убедить этот удивительный организм в том, что мозг Мак-Карти не только не нужен, но и опасен, можно даже сказать, «ядовит».

Мак-Карти — таков был ее бесславный конец — даже не удостоилась чести быть переваренной, а была извергнута в виде испражнений.

Двенадцать часов спустя, к заходу солнца, они добились немалых успехов. Они договорились по всем важным вопросам и снова устроили облаву на стадо псевдосвиной и пообедали. Наконец из совершенно различных побуждений — Джордж считал естественный метаболизм чудовища явно неэффективным при быстром передвижении, а Вивиян и слышать не хотела о том, будто бы она может быть привлекательной для мужчины в своем нынешнем обличье, — они серьезно занялись переустройством своего тела.

Первые попытки были необычайно трудны, потом все пошло удивительно легко. Вновь и вновь им приходилось возвращаться в амёбовидное состояние из-за какого-нибудь забытого или плохо функционирующего органа. Но каждая неудача лишь выравнивала путь, и в конце концов они воздвиглись друг перед другом, задыхаясь, но дыша, пошатываясь, но держась на ногах, — два изменчивых гиганта в благоволящей полутьме, первые люди, которые создали сами себя.

Потом они прошли тридцать километров, отделявших их от лагеря Федерации. Встав на гребне горы и

глядя на юг через неглубокую долину, Джордж увидел слабое зловещее зарево. Это железоделательные машины извергали из себя металл, чтобы накормить фабрикаторы, которые наплодят мириады космических кораблей.

— Мы ни за что не вернемся к ним, да? — сказала Вивиан.

— Ни за что, — спокойно сказал Джордж. — Со временем они сами придут к нам. Мы подождем. Мы будущее.

И еще одно, так, пустяк, но очень важный для Джорджа: в нем сказалась его любовь к завершенности — один период кончился, другой начался. Он наконец-то придумал название для своего открытия: вовсе не что-то такое *meisterii*, а *Spes hominus* — Надежда человека.

УТОНУВШИЙ ВЕЛИКАН

Утром, после шторма, в пяти милях к северо-западу от города к берегу моря прибило тело утонувшего великана. Первая весть о его появлении была принесена жившим там фермером, впоследствии это подтвердили репортеры местной газеты и полиция. Впрочем, большинство, к которому относусь и я, отнеслось к сообщению скептически. Однако все больше и больше очевидцев, возвращавшихся с моря, подтверждали громадные размеры утопленника, и это оказалось, в конце концов, слишком для нашего любопытства. Библиотека, где мы заканчивали с коллегами свое исследование, почти обезлюдела, когда после обеда мы отправились на побережье, и до самого вечера люди продолжали оставлять конторы и магазины, так как рассказы о великане распространились по всему городу.

Ко времени, когда мы достигли прибрежных дюн, здесь собралась внушительная толпа. Отсюда мы смогли увидеть тело, лежащее на мелководье ярдов за двести от берега. Сначала оценки размеров утопленника показались мне значительно преувеличенными. Стоял отлив и почти все тело великана было открыто, но он казался немногим больше, чем, скажем, гигантская акула. Лежал он на спине, с руками вдоль боков, в положении отдыхающего, как бы заснув в зеркальной глади влажного песка, где отражение его выбеленной, поблекшей кожи расплывалось, когда вода отступала. В ясном солнечном свете тело утопленника блестело, как белое оперение морской птицы.

Озадаченные этим зрелищем и неудовлетворенные прозаическими толкованиями толпы, вдвоем с другом мы спустились с дюн на берег, покрытый галькой. Никому, видимо, не хотелось приближаться к великану, однако все же через полчаса два рыбака в болотных сапогах вышли на обнаженный отливом песок. Когда они приблизились к лежащему телу, среди наблюдателей разразился внезапный гвалт. Фигуры двух этих мужчин выглядели совершенными карликами по сравнению с великаном. Хотя пятки утопленника были частично погружены в песок, пальцы

ног возвышались, по меньшей мере, на два роста рыбаков, и мы немедленно осознали, что этот утонувший левиафан никак не меньше по своим размерам и массе, чем самые крупные кашалоты.

Три рыбацких суденышка, появившиеся на месте действия, остановились за четверть мили от берега с поднятыми килями. Экипажи, сгрудившись в носовой части судов, наблюдали за зрелищем издали. Их осторожность приостановила наблюдателей на берегу, хотя каждый уже сошел в нетерпении с дюн, желая взглянуть на великана вблизи, и ждал теперь на галечном склоне. Вокруг фигуры утопленника песок был размыт, образовав выемку, как если бы великан свалился с неба. Два рыбака стояли между громадными постаментами его ступней и махали нам, словно туристы среди колонн какого-нибудь окруженного водой храма на Ниле. На секунду я испугался, что великан просто уснул и может внезапно пошевелиться, сдвинуть пятки вместе, но его остекленевшие глаза пристально смотрели в небо — нет, он не подозревал о своих крохотных подоби́ях, копошащихся у него в ногах.

Рыбаки тем временем начали обходить корпус великана, бредя мимо его длинных белых ног. Остановившись для осмотра пальцев на руке, лежавшей ладонью вверх, они скрылись из виду между рукой и грудной клеткой, затем вышли, чтобы осмотреть голову, и прикрывали глаза, когда глядели на его греческий профиль. Ровный лоб, прямой нос с высокой переносицей и изогнутые губы великана напомнили мне римские копии Праксителя: изящно вырезанный орнамент ноздрей подчеркивал сходство со скульптурой.

Неожиданно в толпе раздался крик и взметнулись, указывая, сотни рук. Вздвогнув, я увидел, что один из рыбаков взобрался на грудь великана и сейчас прохаживался там, подавая сигналы на берег. Крики удивления и торжества тотчас же были заглушены стремительной лавиной гальки — каждый ринулся вперед.

Когда мы достигли фигуры, лежащей в луже воды размером со стадион, возбужденная болтсвенная толпа ослабла, подавленная гигантскими размерами умершего колосса. Он растянулся на песке под небольшим углом, ноги лежали ближе к берегу, и этот ракурс скрывал его действительную длину. Несмотря на пример двух рыбаков, уже стоявших на его животе, толпа образовала широкий круг, из которого только некоторые подходили к рукам и ногам.

Мы обошли с товарищем вокруг обращенного к

морю бока великана. Его бедра и грудная клетка возвышались над нами, подобно корпусу корабля, севшего на мель. Жемчужно-серого цвета кожа, раздутая от соленой воды, скрывала контуры чудовищных мускулов и сухожилий. Мы прошли ниже левого колена великана, которое было слегка согнуто. Нити влажных морских водорослей прилипли к его бокам. Через живот свободно свисал, сохраняя тонкую правильность узора, платок из тяжелого материала, обесцвеченного водой до бледной желтизны. Сильный запах морской воды шел от одежды, выделявшей испарения под солнцем, и смешивался со сладким запахом кожи великана.

Мы остановились возле его плеча и поглазели на недвижимый профиль. Губы слегка были раскрыты, открытый глаз — мутен и непрозрачен, будто в него впрыснули голубовато-молочную жидкость. Однако изящные дуги ноздрей и бровей делали лицо изысканно привлекательным, и это противоречило жестокой мощи грудной клетки и плеч.

Ухо висело в воздушном пространстве над нашими головами, подобно скульптурному порталу. Когда я поднял руку, чтобы дотянуться до мочки уха, кто-то с криком высунулся над краем лба и этим остановил меня. Испуганный его появлением, я отступил и увидел, что несколько молодых людей забрались на лицо утопленника и толкают друг друга на провалы глазниц.

Люди карабкались теперь на великана, чьи откиннутые руки служили двумя лестницами. Из ладоней люди шли по рукам к локтям и затем ползли через вздувшиеся бугры бицепсов на ровную площадь грудных мышц. Отсюда, с верхней половины гладкой безволосой груди, они карабкались на лицо, быстро и легко поднимаясь по губам к носу, или мчались на живот, чтобы встретить там других, кто перед этим оседлал щиколотки или прогуливался по колоннам бедер.

Мы с приятелем продолжали свой обход, пробираясь сквозь толпу, и остановились осмотреть вытянутую правую руку. Небольшая лужа застыла в ладони, словно напоминание о другом мире, и сейчас же вода была разбрызгана теми, кто полез и по этой руке. Я попытался разобрать линии на ладони великана, прочертившие кожу, ища в них отпечаток характера, но ткани уже вздулись, стирая рисунок, нивелируя все черты личности великана и предопределенность его последнего трагического приключения. Громадные мышцы и запястья рук, казалось, отрицали какую-либо чувствительность в характере их владель-

ца, однако изящный изгиб пальцев и хорошо ухоженные ногти, симметрично обрезанные, длиной около шести дюймов, свидетельствовали об утонченности чувств, и это подтверждалось греческими чертами лица, на котором сейчас горожане сидели, как мухи.

Один юноша даже стоял, размахивая руками, на самом кончике носа, что-то крича своим приятелям, но лицо великана по-прежнему сохраняло свое тяжелое спокойствие.

Вернувшись на берег, мы уселись на гальку, наблюдая за продолжающимся потоком людей, прибывающих из города. Шесть или семь рыбацких лодок собрались неподалеку от берега, а их команды шли вброд по мелкой воде, чтобы взглянуть поближе на этот невиданный улов океана. Позднее появилась группа полицейских. Они сделали нерешительную попытку блокировать берег, но, подойдя к лежащей фигуре, были настолько сбиты с толку, что после этого ушли все вместе, бросая назад ошеломленные взгляды.

Час спустя на берегу находилось до тысячи человек, и по меньшей мере двести из них стояли или сидели на великане, топтались по его рукам и ногам или толкались в непрекращающейся свалке на груди и животе. Большая компания молодежи захватила голову. Опрокидывая друг друга, юноши соскальзывали по ровной поверхности подбородка. Двое или трое оседали нос, а еще один вполз в ноздрю, из которой лалял, словно взбесившаяся собака.

Вскоре полиция возвратилась и расчистила в толпе дорогу для группы научных экспертов из университета — специалистов по общей анатомии и морской биологии. Компания молодежи и вообще большинство людей слезли с великана, остались только несколько дерзких личностей, взобравшихся на лоб и на кончики пальцев ног. Эксперты ходили вокруг великана, кивая головами, энергично совещались, а сопровождающие их полицейские оттесняли напивавших зрителей. Когда же они достигли вытянутой руки, старший офицер предложил помочь экспертам взобраться на ладонь, однако те поспешно отказались.

Когда эта группа возвратилась на берег, толпа снова взобралась на великана и полностью селала им. Мы ушли в пять часов. Люди покрывали руки и ноги утопленника, словно густая стая чаек, сидящая на теле большой рыбы.

В следующий раз я посетил побережье тремя днями позже. Мои библиотечные коллеги поручили мне наблюдать за великаном и подготовить отчет. Они заметили мой особый интерес к этому случаю — и

это было правдой, я хотел возвратиться на побережье. В сущности, великан был все еще живым для меня, и даже более живым, чем многие из тех людей, которые теперь разглядывали его. Что же так очаровывало меня? В какой-то степени — его огромные размеры, громадный объем пространства, занятый его руками и ногами, которые, казалось, должны были подчеркнуть тождественность им моих собственных миниатюрных конечностей. Но сверх того — явный, безусловный факт его существования. Что бы ни было в нашей жизни открыто для сомнения, великан, мертвый или живой, — существовал. Он существовал, словно проблеск из мира сходных абсолютов, относительно которых мы — всего лишь несовершенные и хилые копии.

Когда я приехал на побережье, толпа была значительно меньше. Около двух или трех сотен людей расположились на гальке, как на пикнике, наблюдая за группами визитеров, ходивших по песку. Череду приливов и отливов вынесла великана ближе к берегу, так развернув голову и плечи, что он казался теперь вдвое ближе. Величину его огромного тела подчеркивали незначительные размеры рыбацких лодок, вытасненных на берег около утопленника. Неровная горизонталь отмели выгнула позвоночник великана легкой аркой, увеличив грудь. Запрокинутая голова придавала ему более выразительную, даже героическую позу. Совместное действие морской воды и разложение тканей сгладило черты лица, отчего оно утратило молодой, почти юный вид. Хотя громадные размеры лица вряд ли делали возможной попытку оценить возраст и характер великана, в предыдущий приезд мне показалось, по его классически оформленным губам и носу, что он был молодым человеком сдержанного и скромного характера. Сейчас, однако, великан выглядел человеком, по меньшей мере, среднего возраста. Одутловатые щеки, утолтившийся нос и виски, сузившиеся глаза придавали ему раскормленный вид, свойственный зрелому возрасту.

Ускоренное посмертное раскрытие характера великана, как бы частичное проявление его скрытой от нас личности продолжало пленять меня. Эти изменения были началом капитуляции великана той всепоглощающей системе — времени, которой подчиняется и все остальное человечество и в которой, подобно миллиону извивающихся струек расчлененного водоворота, наши скудные жизни являются начинкой. Я занял свою позицию на гальке прямо напротив головы великана, откуда мог видеть новых прибывающих и детей, карабкающихся на ноги и руки.

Среди утренних посетителей было несколько чело-

век в кожаных куртках и парусиновых кепках, которые вглядывались в великана придирчиво и профессионально, измеряя шагами его размеры. Поднимая палки, прибитые к берегу, они делали на песке приблизительные расчеты. Я решил, что они из департамента общественных работ или каких-то других муниципальных отделов, несомненно желающих знать, как избавиться от этого монстра.

На месте действия появились также еще несколько личностей, одетых, пожалуй, более изящно — вылитые собственники. Они медленно прогуливались вокруг великана, держа руки в карманах длинных пальто и не разговаривая друг с другом. Размеры великана явно были велики даже для их несравненного предприятия. После того, как они ушли, дети продолжали взбегать и сбегать с рук и ног утопленника, а молодежь устроила борьбу на опрокинутом навзничь лице. Мокрый песок, нанесенный ногами, покрывал белую кожу.

На следующий день я намеренно отложил визит на послеобеденное время, и, когда прибыл, сидящих на гальке завтрак было не больше чем 50—60 человек. Великан был подтащен морем еще ближе и находился сейчас от берега на расстоянии немногим далее 75 ярдов. Его ступни сокрушали частокол гниющего волнолома. Уклон плотного песка обращал его тело к морю, посиневшее распухшее лицо было отведено почти в сознательном жесте. Я присел на большую металлическую лебедку, прикованную к бетонному кессону над галькой, и поглядел на лежащую фигуру утопленника.

Его выбеленная кожа сейчас уже потеряла жемчужную полупрозрачность и была забрызгана грязным песком. Пучки водорослей, нанесенных ночным приливом, набились между пальцами, целая свалка мусора скопилась под щиколотками и коленями. Несмотря на продолжающееся распухание, великан все еще сохранял гомеровское величие. Огромная ширина плеч, гигантские колонны рук и ног словно переносили эту фигуру в другое измерение, и великан казался одним из утонувших аргонавтов или героев «Одиссеи»; он был более реален, чем его образ в моей памяти.

Я ступил на песок и прошел между лужами к великану. Двое маленьких мальчиков на ухе и одинокий папаша, стоявший на вершине одного из пальцев, посмотрели на меня, когда я приблизился. Но как я и надеялся, оттягивая визит, никто больше не обратил на меня внимания. Люди на берегу ежились под своими пальто.

Опрокинутая ладонь великана была покрыта обломками ракушек и песком, в котором видны были отпечатки ног. Округлая масса бедра возвышалась надо мной, закрывая море. Сладкий острый запах, который я чувствовал и раньше, был здесь сильнее. Сквозь полупрозрачную кожу я видел змеевидные петли свернувшихся кровеносных сосудов. Каким бы неприятным это ни казалось — эти непрекращающиеся изменения, эта мрачная жизнь в смерти — то, что я был один, одиночество позволило мне поставить ногу на тело.

Воспользовавшись выступающим большим пальцем как ступенькой лестницы, я взобрался на ладонь и начал восхождение. Кожа была тверже, чем я ожидал, и едва поддавалась под моим весом. Я быстро прошел по наклонному предплечью и через вздувшиеся шары бицепсов. Лицо утонувшего великана нависло справа надо мной, своими пещероподобными ноздрями и склонами щек напоминая конус причудливого вулкана.

Осторожно обогнув плечо, я ступил на широкий променад груди, поперек которой, подобно огромным стропилам, выступали гребни реберной клетки. Белая кожа была испещрена бесчисленными синяками — следами ног, делавшими ее темной. Были отчетливо различимы рисунки каблучков. Кто-то построил небольшой песочный замок в центре грудины, и я взобрался на это частично разрушенное сооружение, чтобы лучше разглядеть лицо.

Двое детей, влезших на ухо, теперь втаскивали друг друга на правый глаз, слепо глядящий мимо их крохотных тел. Голубой шар глазного яблока весь был заполнен какой-то молочной жидкостью. Лицо, наблюдаемое снизу и под углом, лишено было всякой привлекательности и спокойствия, вытянувшийся искаженный рот и задранный подбородок напоминали разрушенный нос корабля, попавшего в крушение. В первый раз я представил себе, как велики были последние физические страдания великана. Я ощутил абсолютное одиночество погибшего, брошенного, как покидают корабль на пустом берегу, оставленного во власти волн, превративших его лицо в маску изнурения и беспомощности.

Как только я шагнул вперед, нога моя погрузилась куда-то в мягкие ткани и сильный порыв зловонного газа ударил из отверстия меж ребер. Отшатнувшись и отступив от гнилого воздуха, который как облако повис над головой, я повернулся в сторону моря, чтобы прочистить легкие, и с удивлением увидел, что левая рука великана была ампутирована.

В полном замешательстве я уставился на черне-

ющий обрубок, в то время как несколько подростков в 30 футах от меня рассматривали меня кровожадными глазами.

Это было только начало разорения. Видимо, я был свидетелем приближающегося конца величественного миража. Два последующих дня я провел в библиотеке, так как были причины, не позволившие мне поехать на побережье. Когда же в следующий раз я пересек дюны и ступил на береговую гальку, великан был немногим далее 20 ярдов. Из-за близости к грубой гальке все черты его утратили магию, присущую прежде этому телу, обмываемому волнами вдали от берега. Теперь, несмотря на его величину, покрывающие тело синяки и грязь приблизили великана к человеческому масштабу. Огромные размеры только увеличивали его уязвимость.

Правая рука и нога утопленника были отделены, оттащены по склону и увезены. Расспросив небольшую группу людей, ежившихся на молу, я заключил, что сделали это владельцы фабрики удобрений и кормов для скота. Оставшаяся нога великана возвышалась в воздухе — стальной трос держал ее за большой палец. Все было в явном приготовлении к следующему дню. Берег вокруг был беспорядочно истоптан рабочими, глубокие борозды отмечали, где тащили руку и ногу. Темная жидкость сочилась из обрубков, окрашивая песок и белые шишки каракатиц. Ступив на гальку, я заметил, что на серой коже было вырезано множество шуточных лозунгов, свастик и других знаков, как будто калечение этого недвижимого колосса высвободило внезапный поток подавленной злобы. Мочка одного уха была проткнута деревянным копьём, в центре груди кто-то развел небольшой костер. Кожа вокруг костра была обуглена, мелкая древесная зола все еще развевалась ветром.

Скверный запах окутывал труп — откровенный знак гниения, и это наконец-то отогнало обычные скопления молодежи. Я возвратился на гальку и взобрался на лебедку. Распухшие щеки великана почти закрывали глаза, раздвинули губы в монументальном зевке. Когда-то прямой греческий нос теперь был искривлен и сплюснен, лицо, раздувшееся как шар, истоптано бесчисленными каблуками.

Когда я приехал на следующий день, то обнаружил, почти с облегчением, что голова уже увезена.

Прошло несколько недель, прежде чем мне вновь удалось поехать на побережье. К этому времени сходство великана с человеком исчезло. Если тщательно приглядеться, лежащие на берегу грудная клетка и

живот были несомненно подобны человеческим, но так как все конечности были обрублены, вначале по колени и локти, и затем по плечи и бедра, туша напоминала теперь любое обезглавленное морское животное — кита или китовую акулу. С утратой схожести этой фигуры с человеком, с утратой тех индивидуальных черт личности, которые были присущи великану, интерес у зрителя выдохся. Люди покинули побережье, если не считать пожилого дворника и ночного сторожа, сидящих на пороге хибарки, поставленной подрядчиком.

Неряшливые деревянные леса были сооружены вокруг туши, и дюжина лестниц качалась от ветра. Песок вокруг был замусорен, в беспорядке валялись куски веревок, длинные ножи с металлическими ручками и крюки, галька была покрыта жирной масляной кровью, кусками костей и кожи.

Я кивнул сторожу, который строго взглянул на меня поверх жаровни с горящим коксом. Воздух вокруг был пропитан острым запахом ворвани, кипящей в чане за лачугой. Небольшой подъемный кран был накрыт тканью, которая когда-то укрывала чресла великана.

Обе берцовые кости были увезены, и открытые углубления зияли, подобно дверям сарая. Предплечья, ключицы также были отправлены. То, что осталось от груди и живота, было размечено по коже дегтярной кистью параллельными полосами. Первые пять или шесть секций уже были срезаны с диафрагмы, открывая огромную емкость грудной клетки.

Когда я уходил, стая чаек скатилась с неба и усеялась на берегу, с дикими криками клюя запачканный песок.

Несколько месяцев спустя, когда это событие в общем уже было забыто, различные части тела расчлененного великана начали вновь появляться по всему городу. В основном это были кости, которые фабрикантам удобрений оказалось не под силу измельчить. Массивные размеры, громадные сухожилия и диски хрящей, соединенных с суставами, немедленно выдавали происхождение костей. По каким-то причинам эти расчлененные части, казалось, лучше передают величие утонувшего колосса, чем когда-то — распухшие придатки, впоследствии ампутированные.

В магазине китовых торговцев на мясном рынке я увидел и узнал две огромные берцовые кости. Они возвышались над головами грузчиков, словно угрожающие мегалиты какой-нибудь примитивной друидской религии. Внезапно я представил себе великана,

встающего на колени на эти голые кости, шагающего по улицам города и собирающего разрозненные части самого себя в своем обратном пути в море.

Несколько дней спустя я увидел левую плечевую кость, лежащую у входа на одну из верфей. На этой же неделе на карнавальном плоту, во время ежегодного маскарада, была выставлена мумифицированная правая рука.

Нижняя челюсть, как полагается, нашла себе место в естественно-историческом музее. Череп исчез. Вероятно, он остается незамеченным на пустынных необработанных участках частных городских садов. Совсем недавно, плывя вниз по реке, я заметил два ребра великана, образующих декоративную арку в саду на береговой полосе. Возможно, их посчитали челюстными костями кита. Большие куски продубленной и татуированной кожи размером с индейское одеяло составили задник в витрине магазина кукол и масок неподалеку от увеселительного парка, и я не сомневаюсь, что где-нибудь в другом месте города, в отеле или гольф-клубе мумифицированные нос или уши великана повешены на стену над камином. Что до огромного пениса, тот окончил свои дни в музее курьезов развездного цирка, который гастролирует там и сям по северо-западу. Этот монументальный орган, ошеломляющий своими пропорциями и былой потенцией, занимает целую палатку. Ирония в том, что его ошибочно отождествляют с китовым. Большинство людей, даже те, кто первым видел великана выброшенным на берег после шторма, сейчас вспоминают его, если вообще вспоминают, как большое морское животное.

Остатки скелета, полностью отскобленные от мяса, все еще покоятся на берсгу, и клетка побелевших ребер подобна балкам брошенного корабля.

Лачуга подрядчика, кран и строительные леса уже убраны. Песок похоронил таз и позвоночник. Зимой торчащие ввысь, изогнутые кости расколачивают волны, но летом они представляют собой прекрасный насест для уставших от моря чаек.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Еще при жизни жены мистер Чарльз Андерхил, спеша каждое утро на пригородный поезд или возвращаясь вечером домой, всегда проходил мимо детской площадки и никогда не обращал на нее внимания. Она не вызывала в нем ни неприязни, ни интереса, ибо ему вообще едва ли было известно о ее существовании.

Но вот сегодня за завтраком его сестра Кэрол, полгода назад занявшая за обеденным столом место его покойной жены, осторожно сказала:

— Джимми скоро три года. Завтра я отведу его на детскую площадку.

— На детскую площадку? — переспросил мистер Андерхил.

А у себя в конторе на листке блокнота записал и, чтобы не забыть, жирно подчеркнул черными чернилами: «Посмотреть детскую площадку».

В тот же вечер, едва грохот поезда замер вдали, мистер Андерхил обычным путем, через город, устремился домой, сунув под мышку свернутую в трубку свежую газету, чтобы не зачитаться дорогой и не позабыть взглянуть на детскую площадку. Таким образом, ровно в пять часов десять минут пополудни он уже стоял перед голой чугунной оградой детского парка с распахнутыми настежь воротами — стоял остолбенев от ужаса, не веря тому, что открылось его глазам...

Казалось, и глядеть-то было не на что. Но едва он прервал свою обычную безмолвную беседу с самим собой и вернулся в окружающий мир, постепенно, словно на экране телевизора, все стало обретать отчетливые очертания.

Он услышал голоса — приглушенные, словно из-под воды доносившиеся крики и возгласы, исходившие от каких-то расплывчатых пятен, ломаных линий и теней. Потом будто кто-то нажал рычаг машины, крики с силой обрушились на него, а глаза явственно увидели то, что прежде скрывалось словно в тумане. Он увидел детей! Они носились по лужайке, дрались, беспощадно колотили друг друга кулаками, царапались, падали, поднимались, снова бежали — все в кровоточащих или уже подживших ссадинах и цара-

пинах. Казалось, дюжина кошек, брошенных в собачью конуру, не могла бы вопить сильнее. С почти неправдоподобной отчетливостью мистер Андерхил видел каждую ссадину, каждую подсыхающую болячку и царапину на лицах и коленях детей.

Ошеломленный, он выдержал первый шквал звуков. Когда же его глаза и уши были уже не способны воспринять что-либо, к ним на помощь пришло обоняние. Он ощутил едкий запах ртутной мази, липкого пластыря, камфары и свинцовых примочек. Запах был настолько сильный, что он чувствовал горьковатый привкус на языке. Сквозь железные прутья решетки, тускло поблескивавшие в сумерках уходящего дня, потянуло запахом йодистой настойки. Дети, как одержимые, метались по лужайке, налетали друг на друга, набивая синяки и шишки, оступались, падали — и все это с какой-то непонятной, необъяснимой жестокостью.

Свет на площадке был какой-то странный, слепяще-резкий — или, может быть, мистеру Андерхилу так показалось? — а фигурки детей отбрасывали сразу четыре тени: одну темную, почти черную, и три слабые серые полутени. Поэтому почти невозможно было сказать, в каком направлении мчатся эти маленькие стремительные фигурки, чтобы в конце концов на всем бегу врезаться во что-нибудь. Да, этот косо падающий, слепящий глаза свет, резко обозначая контуры предметов, странно отдалял их, и от этого площадка казалась нереальной, почти недостижимой. Может быть, виной всему была чугунная ограда, напоминающая решетку зоопарка, за которой всякое может случиться.

«Обитель боли и страданий, — подумал мистер Андерхил. — Почему дети стремятся превратить свою жизнь в ад? А это вечное стремление истязать друг друга?» Вздох облегчения вырвался из его груди. Слава богу, его детство давно и безвозвратно ушло. Нет больше щипков и колотушек, бессмысленных страстей, обманутых надежд!

Внезапно налетевший ветер вырвал из-под руки газету. Мистер Андерхил бросился за ней. Схватив ее, он поспешно отступил назад, ибо за то короткое мгновение, что он находился по ту сторону ограды, он вдруг почувствовал, как тяжело повисло на нем пальто, как велика стала шляпа, как ремень, поддерживающий брюки, сделался слишком просторен, а ботинки сваливаются с ног. Ему показалось, что он маленький мальчик, нарядившийся в платье своего отца и вздумавший поиграть в почтенного бизнесмена. За его спиной грозно возвышались ворота парка, серое низкое

небо давило свинцовой тяжестью, в лицо дул ветер, напоминавший дыхание зверя, отдававший запахом йода. Вдруг мистер Андерхил споткнулся и чуть не упал.

Выскочив за ограду, он остановился и облегченно вздохнул, словно человек, вырвавшийся из леденящих объятий океана и еще не вполне пришедший в себя от смертельного испуга.

— Хэлло, Чарли!

Мистер Андерхил круто обернулся. На самой верхушке металлической спусковой горки сидел мальчик лет девяти и приветственно махал рукой.

— Хэлло, Чарли!

Мистер Чарльз Андерхил машинально махнул ему в ответ. «Однако я совсем не знаю его, — тут же подумал он. — Почему он зовет меня Чарли?»

В серых сумерках незнакомый малыш продолжал улыбаться ему, пока вдруг вопящая орава детей не столкнула его вниз и с визгом и гиканьем не увлекла с собой. Ошеломленный Андерхил стоял и смотрел. Площадка казалась огромной фабрикой боли и страданий. Простояв у ограды даже целых полчаса, вы не нашли бы здесь ни одного детского лица, которое не было бы искажено гримасой вопля, не побагровело бы от злобы, не побелело бы от страха. Да, это было именно так. Кто сказал, что детство — самая счастливая пора в жизни человека? Нет, это — самая страшная, самая жестокая пора варварства, когда даже полиция бессильна защитить вас, а ваши родители слишком заняты собой и своим недостижимым и непонятным для вас миром. Будь это в его власти — мистер Андерхил коснулся рукой холодных прутьев решетки, — он повесил бы здесь только одну надпись: «Юные торквемады»¹.

Но кто же тот мальчик, окликнувший его? Отдаленно он кого-то напоминал, какого-то старого друга или знакомого. Должно быть, он сын преуспевающего бизнесмена, благополучно нажившего на склоне лет язву желудка.

«Так, значит, вот где будет играть мой Джимми», — подумал мистер Андерхил.

* * *

В передней, повесив шляпу и, как обычно, рассеянно взглянув в мутное зеркало на свое вытянутое и расплывчатое отражение, мистер Андерхил вдруг почувствовал озноб и усталость, и, когда навстречу ему

¹ Торквемада — испанский инквизитор, славившийся своей жестокостью.

вышла сестра, а за ней, мягко ступая ножками, бесшумно, словно мышонок, выбежал Джимми, мистер Андерхил был менее приветлив с ними, чем обычно. Сынишка как всегда забрался к нему на плечи и начал свою любимую игру в «короля гор». А мистер Андерхил, сосредоточенно глядя на кончик сигары, которую никак не мог раскурить, откашлялся и сказал:

— Я думал о детской площадке, Кэрол.

— Завтра я отведу туда Джима.

— Отведешь Джима? На площадку? Ты действительно решила?

Все возмутилось в нем при этой мысли. Воспоминания о площадке — даже все ее запахи — были слишком свежи в его памяти! Царапины, ссадины, разбитые носы... Там, как в кабинете зубного врача, самый воздух напоен болью и страхом. А этот ужасный топот множества бегущих ног, а копошащиеся в пыли дети — и ведь он всего лишь какую-то секунду пробыл там, погнавшись за унесенной ветром газетой! Как испугало, потрясло его все это!

— Ты против того, чтобы я отвела его туда?

— Да ты-то видела эту площадку? — И мистер Андерхил вдруг в замешательстве умолк. — Черт возьми, Кэрол, я хотел сказать, видела ли ты детей, что играют на ней? Да ведь это же банда живодеров!

— Это все — дети из приличных семей.

— Но они толкаются и дерутся, как настоящие гестаповцы! — промолвил Андерхил. — Это все равно что отвести Джима на мельницу и сунуть головой в жернова. При одной только мысли, что Джим должен играть на этой живодерне, у меня кровь стынет в жилах!

— Ты прекрасно знаешь, что это — самая приличная детская площадка поблизости.

— Мне безразлично, какая она. Я знаю, что никаких других игрушек, кроме палок, биток и духовых ружей, я там не видел. К концу первого же дня от Джима останутся рожки да ножки. Он будет изжарен живьем, как новогодний поросенок!

— Ты преувеличиваешь.

— Нисколько, я говорю совершенно серьезно.

— Но не можешь же ты лишить Джимми его детства. Он должен пройти через это. Ну и что же, если его немножко поколотят и он сам поколотит других. Ведь это же мальчишки! Они все таковы.

— Мне не нравятся такие мальчишки.

— Но ведь это — самая счастливая пора их детства!

— Чепуха. Когда-то я с тоской и сожалением вспоминал о детстве. Но теперь я вижу, что был сентимен-

тальным дураком. Этот сумасшедший визг и беготня, напоминающие кошмарный сон, и возвращение домой, когда ты весь с головы до ног пропитан страхом. Если бы мне только удалось уберечь Джима от этого!

— Неразумно и, слава богу, невозможно.

— Говорю тебе, что я и близко не подпущу его туда. Пусть лучше растет отшельником.

— Чарли!..

— Да, да! Посмотрела бы ты на этих маленьких зверей! Джим — мой сын, не так ли? Он мой сын, а не твой, запомни! — Мистер Андерхил чувствовал, как крупные слабенькие ножки сына обхватывают его шею, а нежные пальчики копошатся в его волосах. — Я не отдам его на эту живодерню.

— В таком случае ему придется пройти через это в школе. Лучше пусть привыкает сейчас, пока ему всего три года.

— Я уже думал об этом, — мистер Андерхил крепко сжал ножки сына, свисающие с его плеч, как две толстые теплые колбаски. — Я, возможно, даже пойду на то, чтобы взять для Джима частного репетитора...

— Чарльз!..

Они обедали молча. После обеда сестра ушла в кухню мыть посуду, а мистер Андерхил, взяв сына, пошел погулять.

Путь их лежал мимо детской площадки, освещенной теперь мутным светом вечерних фонарей. Был прохладный сентябрьский вечер, один из тех, когда в воздухе уже чувствуется сухой пряный запах осени. Еще неделя — и дети будут собраны в школы, словно сухая листва с полей, чтобы запылать там новым, ярким пламенем, и всю их шумную энергию постараются тогда направить на более разумные цели. Однако и после школы они будут приходить сюда, чтобы снова, как одержимые, носиться по площадке, словно метательные снаряды, пущенные невидимой рукой, будут натекать друг на друга и взрываться, и каждое такое миниатюрное сражение будет оставлять после себя след боли и страданий.

— Хочу туда, — вдруг промолвил маленький Джимми, уткнувшись лицом в ограду парка, глядя, как не успевшие еще разойтись по домам дети в бешеном беге сталкиваются друг с другом и разлетаются прочь.

— Нет, Джим, нет, ты не хочешь туда!

— Хочу играть, — упрямо повторил Джим, и глазенки его засверкали, когда он увидел, как большой мальчик ударил мальчика поменьше, а тот в свою очередь дал пинка совсем крошечному малышу.

— Папа, хочу играть!..

— Идем, Джим. Ты никогда не будешь там, пока в моих силах помешать этому! — И мистер Андерхил еще крепче сжал ручонку сына.

— Хочу играть! — уже захныкал Джимми. Глаза его наполнились слезами и стали похожи на мокрые мутные пятна, а лицо покраснело и искривилось гримасой плача.

Услышав плач, дети за оградой остановились, и лица их повернулись к отцу и сыну. Ужасное чувство охватило мистера Андерхила. Ему показалось, что он у решетки вольера, а за ней — острые хищные морды лис, оторвавшихся на секунду от лежащего перед ними пушистого и беспомощного тельца растерзанного зайчонка: злобный блеск зелено-желтых глаз, острые хищные морды, растерзанные ворота рубах и огрубевшая кожа рук, покрытых не поджившими еще ссадинами, следами недавних драк. Он слышал дыхание, пахнущее лакричными леденцами и мятой и еще чем-то приторно-сладким, от чего тошнота подкатывала к горлу. А над всем этим тяжелой завесой висел запах горчичных припарок — словно кто-то страдающий простудой слишком рано поднялся с постели — и густой запах камфарного спирта, смешанный с запахом пота.

Все эти отвратительные, гнетущие запахи грифельной доски, мела, мокрой губки, существующие в действительности или воображаемые, на мгновение воскресили давно забытые воспоминания. Рты детей были набиты леденцами, а из хищно раздувающихся ноздрей их сопящих носов текла отвратительная зеленоватая-желтая жидкость. Боже мой, боже мой!

Дети увидели Джима. Новичок! Они молча разглядывали его, а, когда он захныкал громче и мистер Андерхил был вынужден насильно оторвать его от решетки и упирающегося, ставшего тяжелым, как куль с песком, потащить за собой, дети молча проводили их взглядом. Андерхилу вдруг захотелось обернуться, пригрозить им кулаком, закричать: — Вам не заполучить моего Джима, нет, ни за что!

Вдруг снова как нельзя некстати раздался голос незнакомого мальчугана, сидевшего на горке, так высоко, что в сумерках он был почти неразличим, — мальчугана, в котором Андерхилу снова почудилось что-то знакомое. Приветливо махнув рукой, мальчик крикнул:

— Хэлло, Чарли!..

Андерхил остановился, притих и маленький Джим.

— До скорого свидания, Чарли!..

Лицо мальчика внезапно напомнило Андерхилу

Томаса Маршалла, его прежнего сослуживца. Он жил всего лишь в одном квартале от Андершила, но не виделись они уже несколько лет.

— До скорого свидания, Чарли!

«До скорого свидания? До скорого? Что за чушь говорит этот мальчишка!»

— А я тебя знаю, Чарли! — снова крикнул мальчик. — Хэлло!

— Что?! — мистер Андерхил даже поперхнулся от неожиданности.

— До завтрашнего вечера, Чарли. Э-эй! — И мальчик ринулся вниз. Вот он уже на земле, у подножия горки, с лицом белым как мел, а через него, падая и кувыряясь, стремглав летят другие.

Ошеломленный мистер Андерхил замер на месте. Но маленький Джим снова захныкал, и мистер Андерхил, таща за руку упирающегося сына, провожаемый немигающими взглядами лисьих морд, устремленными через решетку, поспешил домой, остро чувствуя в воздухе холодок осени.

* * *

На следующий день, пораньше закончив дела в конторе, мистер Андерхил с трехчасовым поездом вернулся домой. В три двадцать семь он был уже в Грин-Туане и вполне мог позволить себе насладиться теплом последних коротких и неярких лучей осеннего солнца. «Странно, как в один прекрасный день вдруг наступает осень, — думал он. — Вчера еще было лето, а сегодня ты уже в этом не уверен. То ли изменилось что-то в воздухе, то ли иным стало благоухание полей? Или просто старость, засевшая в костях, в один прекрасный вечер проникает в кровь, а потом и в сердце, и ты чувствуешь ее холодящее дыхание. Вот и еще год, еще один год, ушедший безвозвратно. Не это ли?»

Он шел мимо детской площадки и думал о будущем. Кажется, ни в одно время года человек не строит столько планов, как осенью. Должно быть, причиной этому — вид умирающей природы. Человек и сам начинает думать о смерти и невольно напоминает все, чего не успел еще сделать. Итак, решено. Джиму нужен репетитор. Его сын не должен попасть в одну из этих ужасных школ. Правда, это отразится на его скромных сбережениях, но зато ничто не омрачит детства Джима. Они с сестрой сами будут подбирать ему друзей. Задиры, драчуны, лишь только они посмеют коснуться Джима, будут немедленно изгнаны прочь... А что касается детской площадки, то, разумеется, о ней не может быть и речи.

— Здравствуй, Чарльз.

Мистер Андерхил быстро поднял голову. У чугунных ворот детской площадки стояла его сестра Кэрол. Она назвала его Чарльз вместо обычного Чарли — и он сразу заметил это. Значит, вчерашняя размолвка не была еще забыта.

— Почему ты здесь, Кэрол?

Она виновато покраснела и бросила взгляд за решетку парка.

— Нет, не может быть!.. — воскликнул мистер Андерхил, и его встревоженный, ищущий взгляд остановился на ораве дерущихся, куда-то мчащихся, визжащих детей. — Ты хочешь сказать, что...

Сестра посмотрела на него с еле заметным любопытством и кивнула головой.

— Я думала, что если отведу его пораньше...

— ... То, вернувшись в обычное время, я ничего не узнаю об этом? Ты это хотела сказать, да?

Да, она именно это хотела сказать.

— Боже мой, Кэрол, где же он?

— Я сама только что пришла посмотреть, как он себя здесь чувствует.

— Неужели ты бросила его здесь одного? На весь день!..

— Нет, всего на несколько минут, пока я делала покупки...

— Ты оставила его здесь? Боже милосердный! — Андерхил схватил ее за руку. — Идем! Надо немедленно же забрать его отсюда.

Они оба посмотрели туда, где за оградой, словно преследуемые кем-то, носились мальчишки, девчонки отчаянно царапались и хлестали друг друга по щекам, а от одной из кучек ссорящейся и дерущейся детворы вдруг отделилась маленькая фигурка и понеслась куда-то, сшибая всех на пути.

— Он там, среди них, я знаю! — воскликнул в отчаянии мистер Андерхил, и в то же мгновение они увидели Джима. С воплем и плачем он мчался через лужайку, преследуемый несколькими сорванцами. Вот он упал, поднялся, снова упал, не переставая издавать дикие вопли, а его преследователи хладнокровно обстреливали его из духовых ружей.

— Я заткну эти проклятые ружья им в глотки! — разъярился мистер Андерхил. — Сюда, Джим! Сюда.

Джим устремился к воротам, на голос отца, и тот подхватил его на лету, словно брошенный кем-то узел с мокрой и грязной одеждой. У мальчика текла кровь из носа, штанишки были изодраны в клочья, и весь он с головы до ног был измазан грязью.

— Вот тебе твоя площадка! — сказал мистер Андерхил сестре и, опустившись на колени, прижал к

себе сына.— Вот твои милые невинные малютки из хороших семей. Да это же настоящие маленькие фашисты! Если я еще раз увижу своего сына здесь, скандала не миновать! Идем, Джим. А вы, маленькие ублюдки, марш отсюда! — прикрикнул он на детей.

— Мы ничего не сделали,— хором ответили дети.

— Боже мой, куда мы идем! — патетически воскликнул мистер Андерхил.

— Хэлло, Чарли! — вдруг снова услышал он знакомый голос. Опять этот мальчишка! Он отделился от группы детей и, улыбаясь, небрежно помахал мистеру Андерхилу рукой.

— Кто это? — спросила Кэрол.

— Откуда я, черт побери, знаю! — в сердцах воскликнул мистер Андерхил.

— До свидания, Чарли. До скорого свидания,— крикнул мальчик и исчез.

Подхватив сына на руки и взяв за локоть сестру, мистер Андерхил направился домой.

— Отпусти мой локоть,— промолвила Кэрол.

* * *

Ложась спать, мистер Андерхил буквально дрожал от гнева. Чтобы успокоиться, он выпил кофе, но это не помогло. Он готов был разmozжить головы этим отвратительным сорванцам; да, да, именно отвратительным, с дьявольски хищными лисьими мордами. Сколько хитрости, злобы, коварства, бессердечия запечатлелось на них! Во имя всего прекрасного, что существует еще на свете,— кто оно, это новое поколение? Банда головорезов, висельников, громил, молодая поросль кровожадных кретинов и истязателей, в кровь которых уже проник страшный яд безнадзорности? Мистер Андерхил беспокойно ворочался в постели. Наконец он встал и закурил папиросу. Но и это не помогало. Вернувшись домой, они с Кэрол сильно поссорились. Они некрасиво кричали друг на друга, подобно павлинам, дерущимся в прериях, где приличия и условности были бы смешной и нелепой причудой. Теперь ему было стыдно за свою невыдержанность. Нельзя отвечать грубостью на грубость, если ты настоящий джентльмен. Он хотел спокойно поговорить с ней, но Кэрол не дала ему. Черт возьми! Она решила сунуть мальчишку в эту чудовищную машину, чтобы она раздавила его. Она хотела, чтобы поскорее поставили на нем штамп, номер, чтобы побои и пинки сопровождали его от детской площадки и детского сада до самых дверей школы и университета, а потом даже и там. Если Джиму повезет, то в университете истязание и жестокость примут более утонченные формы, не бу-

дет крови и слюны, они останутся по ту сторону детства, и у Джима к годам его зрелости появится бог весть какой взгляд на жизнь, может, он сам захочет стать волком среди волков, псом среди псов, дьяволом среди дьяволов. Однако зла в мире слишком много и без этого, больше, чем следует. Мысль о десяти — пятнадцати годах мучений, которые предстоит перенести Джиму, заставила мистера Андерхила содрогнуться. Он чувствовал, как хлещут, жгут, молотят кулаками его собственное тело, как выворачивают суставы, как избивают и терзают его. Он содрогался, он чувствовал себя медузой, брошенной в камнедробилку. Джим не выдержит этого, он слишком хрупок, он слишком слаб!

Все эти мысли лихорадочно проносились в голове мистера Андерхила, пока он шагал по комнатам спящего дома. Он думал о себе, о сыне, о детской площадке и о том гнетущем чувстве страха, которое не покидало его. Казалось, не было вопроса, который он не задал бы себе мысленно, не переворошил бы и не обдумал.

Какие из его страхов являются результатом его одиночества и смерти Энн? Какие можно назвать собственными причудами и желаниями, а какие — реальной действительностью, тем, что есть, что существует на детской площадке, и в этих детях, которых он там видел? Что здесь разумно, а что — плод встревоженного страхом мозга? Мысленно он бросал крохотные гирьки на чашу весов и смотрел, как вздрагивает стрелка, качается, замирает, снова колеблется, в одну, в другую сторону — между ночью и рассветом, между светом и тьмой, рассудком и безумием. Он не должен так крепко держаться за сына, он должен отпустить его. Но, когда он глядел в глазенки Джима, он видел в них Энн: это ее глаза, ее губы, легкое трепетание ноздрей при каждом вздохе, биение ее крови под тонкой прозрачной кожей. «Я имею право бояться за Джима,— думал он.— Я имею полное право. Если у вас было два драгоценных фарфоровых сосуда и один из них разбился, а другой уцелел, он, единственный, еще у вас в руках, разве можно не испытывать постоянной тревоги, страха, беспокойства, что и его не станет? Разве можно оставаться спокойным и равнодушным? Нет,— думал он,— медленно меряя шагами коридоры дома,— нет, я могу испытывать только страх, страх и ничего больше».

— Что ты бродишь ночью по дому? — раздался голос сестры, когда он проходил мимо открытых дверей ее спальни.— Не надо быть таким ребенком, Чарли. Мне очень жаль, если я кажусь тебе бессердечной

и холодной. Но ты должен отказаться от своих предубеждений. Джим не может остаться вне школы. Если бы была жива Энн, она обязательно послала бы его в школу. Завтра он снова пойдет на детскую площадку. Он должен ходить туда, пока не научится твердо стоять на ногах, пока дети не привыкнут к нему. Тогда они перестанут трогать его.

Андерхил ничего не ответил. Он бесшумно оделся в темноте, спустился вниз и открыл дверь на улицу. Было без пяти двенадцать. Он быстро зашагал по тротуару, в тени высоких вязов, дубов и кленов, стараясь ходьбой умерить душивший его гнев. Он знал, что Кэрл права. Это — твой мир, ты в нем живешь, и ты должен принимать его таким, каков он есть. Но в этом-то и было самое ужасное. Ведь он уже прошел через это, он хорошо знал, что такое очутиться в клетке со львами. Воспоминания о собственном детстве терзали его все эти часы, воспоминания о поре страха и жестокости. Сама мысль, что Джиму предстоят годы подобных испытаний, Джиму, который не по своей вине был таким слабым и нежным ребенком с хрупкими косточками и бледным личиком, была страшна. Конечно, все будут обижать его, все будут его преследовать.

У детской площадки, все еще освещенной светом большого висячего фонаря, он остановился. Ворота на ночь запирались, но этот единственный фонарь горел здесь до двенадцати ночи. С каким наслаждением он стер бы с лица земли это проклятое место, разбил бы в куски чугунную ограду, уничтожил бы все эти ужасные спусковые горки и сказал бы детям: «Идите домой! Играйте дома, в своих дворах, но не здесь!»

Какое коварное, жестокое, холодное место эта площадка! Никто не знал, где живут дети, играющие на ней. Мальчик, выбивший тебе зубы, кто он? Никто не знает. Где он живет? Никто не знает. Как найти его? Никто не знает. В любой день ты можешь прийти сюда, избить до полусмерти любого малыша и убежать, а на другой день пойти на другую площадку и проделать то же самое. Никто не будет разыскивать тебя. Ты можешь ходить с площадки на площадку и везде давать волю своим преступным наклонностям — и все безнаказанно, никто не запомнит тебя, ибо никто никогда тебя и не знал. Через месяц ты снова сможешь вернуться на первую из них, и тот малыш, которому ты выбил зубы, будет там, и, если он узнает тебя, ты сможешь все отрицать: «Нет, это не я. Это, должно быть, кто-то другой. Я пришел сюда впервые. Нет, нет, это не я». А когда малыш отвернется, ты можешь снова дать ему пинка и убежать, петляя по безымянным улицам, и снова остаться неизвестным.

«Что делать, как помочь? — думал мистер Андерхил. Сестра была более чем великодушна. Джиму она отдавала все свое время, она была очень добра с ним. За этот год она отдала ему весь запас своей неистраченной любви и нежности, которую могла бы подарить собственным детям. — Я не могу все время ссориться с ней, не могу просить ее покинуть мой дом. Может, уехать в деревню? Нет, это невозможно. Для этого нужны деньги. Но оставить Джима здесь я тоже не могу».

— Здравствуй, Чарли, — произнес чей-то тихий голос.

Андерхил резко обернулся. За оградой детского парка прямо на земле сидел серьезный девятилетний мальчуган и рисовал пальцем квадратики в прохладной пыли. Он даже не поднял головы и не посмотрел на Андерхила. Он просто сказал: «Здравствуй, Чарли», — спокойно пребывая в этом зловещем мире по ту сторону железной ограды.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил мистер Андерхил.

— Знаю.

Мальчик улыбнулся и поудобнее скрестил под собой ноги.

— Вас что-то мучает.

— Почему ты сидишь здесь? Уже поздно. Кто ты?

— Меня зовут Маршалл.

— Ну, конечно же! Ты Томми Маршалл, сын Томаса Маршалла. Мне сразу показалось, что я тебя знаю.

— Еще бы. — Мальчик тихо засмеялся.

— Как поживает твой отец, Томми?

— А вы давно виделись с ним, сэр?

— Я видел его месяца два назад мельком на улице.

— Как он выглядит?

— Что ты сказал? — удивился мистер Андерхил.

— Как выглядит мистер Маршалл? — повторил свой вопрос мальчик. Было что-то странное в том, как он избегал произносить слово «отец».

— По-моему, неплохо. Но почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Надеюсь, он счастлив, — промолвил мальчик. Мистер Андерхил смотрел на руки и колени мальчугана, покрытые ссадинами и царапинами.

— Разве ты не собираешься домой, Томми?

— Я убежал из дому, чтобы повидаться с вами. Я знал, что вы придете сюда. Вам страшно, мистер Андерхил.

От неожиданности мистер Андерхил не нашелся, что ответить.

— Да, эти маленькие чудовища,— наконец промолвил он.

— Возможно, я смогу помочь вам.— Мальчик нарисовал в пыли треугольник.

Мистеру Андерхилу это показалось почти забавным.

— Каким образом?

— Ведь вы сделали бы все для Джима, не так ли? Даже согласились бы поменяться с ним местами, если бы могли?

Мистер Андерхил, онемев от изумления, торопливо кивнул головой.

— Тогда приходите сюда завтра, ровно в четыре пополудни. Я смогу помочь вам.

— Помочь? Как можешь ты помочь мне?

— Сейчас я вам этого не скажу,— ответил мальчуган.— Но речь будет идти о детской площадке. О любом месте, похожем на это, где правит зло. Ведь вы сами это чувствуете, не так ли?

Ласковый теплый ветерок пролетел над пустынной лужайкой, освещенной светом единственного фонаря. Андерхил вздрогнул.

Да, даже сейчас в ней было что-то зловещее. Площадка служила злу.

— Неужели все площадки похожи на эту?

— Почти все. Во всяком случае, большинство. Но, может быть, эта — единственная в своем роде. А может, и нет. Может, все зависит от того, как смотреть на нее. Вещи таковы, какими мы хотим их видеть, Чарли. Ведь очень многие считают, что это — прекрасная площадка, и они по-своему правы. Мне только хочется вам сказать, что Том Маршалл тоже пережил это. Он тоже боялся за своего сынишку Томми, думал об этой площадке и детях, игравших на ней. Он тоже хотел уберечь своего Томми от зла и страданий.

От этой странной манеры мальчика говорить о людях так, словно они были где-то очень далеко, мистеру Андерхилу стало не по себе.

— Вот мы и договорились,— сказал мальчик.

— Договорились? С кем же?

— Я думаю, с детской площадкой или с тем, кому она принадлежит.

— Кому же она принадлежит, кто ее владелец?

— Я никогда не видел его. Вон там, в конце площадки, за эстрадой, есть контора. Свет горит в ней всю ночь. Какой-то странный, синеватый, очень яркий свет. В конторе — совершенно пустой стол и стул, на котором никто никогда не сидел. На табличке надпись: «Управляющий». Но никто никогда не видел его.

— Но должен же он быть где-нибудь здесь, поблизости?

— Да, должен,— ответил мальчик.— Иначе ни я, ни кто другой не смогли бы попасть сюда.

— Странно ты рассуждаешь, словно взрослый.

Мальчик был заметно польщен.

— Хотите знать, кто я на самом деле? Ведь я не Томми. Я — Том Маршалл, его отец.

В этот поздний час, освещенный светом одинокого недосыгаемого фонаря, мальчик неподвижно сидел в пыли, и ночной ветерок легонько трепал ворот его рубашки и поднимал с земли прохладную пыль.

— Да, я Том Маршалл, отец. Я знаю, вам трудно поверить, но это так. Я тоже боялся за Томми, боялся, как боитесь вы за своего Джима. Поэтому я согласилась на эту сделку с детской площадкой. О, я здесь не один такой. Если вы повнимательнее взгляните в лица играющих детей, по выражению глаз вы сразу же найдете таких, как я. Вы тут же отличите нас от настоящих детей.

Андерхил растерянно смотрел на мальчика.

— Тебе пора спать, Томми.

— Ведь вам хочется верить. Вам хочется, чтобы это было правдой. Я прочел это в ваших глазах в первый же день, когда вы подошли к этой ограде. Ведь если бы вы могли поменяться местами с Джимом, вы, не задумываясь, сделали бы это. Вы хотите спасти его от такого детства, хотите, чтобы он уже был взрослым и все это было у него позади.

— Каждый отец желает счастья своему сыну.

— А вы особенно. Ведь вы уже сейчас чувствуете каждый удар и пинок, который предстоит испытать Джиму. Ладно, приходите завтра. Вы тоже сможете договориться.

— Поменяться местами с Джимом?

Какая нелепая, неправдоподобная и вместе с тем странно успокаивающая мысль!

— Что надо сделать для этого?

— Только твердо решить.

Свой следующий вопрос мистер Андерхил постарался задать как можно более безразличным тоном, так, чтобы он походил скорее на шутку, хотя в душе его уже поднималось негодование.

— Сколько это будет стоить?

— Ничего. Вам только надо приходиться сюда и играть на этой площадке.

— Весь день?

— И, разумеется, ходить в школу.

— И снова расти?

— Да, и снова расти. Приходите завтра — четыре.

— Я в это время занят в конторе.

— Итак, до завтра,— сказал мальчик.

— Ты бы лучше шел спать, Томми.

— Меня зовут Том Маршалл,— ответил мальчик, продолжая сидеть в пыли.

Фонарь над детской площадкой погас.

* * *

За завтраком мистер Андерхил и его сестра молчали. Он имел привычку звонить домой из конторы и болтать с сестрой о разных пустяках, но сегодня он не сделал этого. Однако в половине второго, после ленча, во время которого он почти не притронулся к еде, он позвонил домой. Услышав голос Кэрол, он тут же положил трубку. Но через пять минут снова снял ее и набрал номер.

— Это ты звонил, Чарли?

— Да, я,— ответил он.

— Мне показалось, что я слышу твое дыхание, а потом ты почему-то положил трубку. Ты что-то хотел сказать, дорогой?

Кэрол снова вела себя благоразумно.

— Нет, я просто так.

— Эти два дня были просто ужасны, Чарли, не правда ли? Надеюсь, ты догадываешься, о чем я говорю. Джим должен ходить на эту площадку, он должен получить свою порцию пинков и побоев.

— Да, свою порцию пинков и побоев.

Он снова увидел кровь, хищные лисьи морды и пушистое тельце зайчонка.

— Он должен уметь постоять за себя,— продолжала Кэрол,— и, если нужно, должен уметь дать сдачи.

— Уметь дать сдачи,— машинально повторял мистер Андерхил.

— Я так и знала, что ты одумаешься.

— Да, одумаюсь,— повторял он.— Да, да, ты права. Иного выхода нет. Он должен быть принесен в жертву.

— Чарли, какие странные слова ты говоришь! Мистер Андерхил откашлялся.

— Итак, решено.

— Да.

«Интересно, как все это произойдет»,— думал он.

— Ну, а в остальном дома все в порядке? — спросил он в трубку.

Он думал о квадратах и треугольниках, которые чертил в пыли мальчик, чье лицо было странно знакомо, хотя он так и не смог разглядеть его как следует.

— Да,— ответила сестра.

— Я только что подумал, Кэрол,— вдруг сказал он.

— Что, милый?

— Я приеду сегодня в три,— он произносил слова медленно, словно человек, который еле перевел дыхание после сокрушительного удара в живот.— Мы втроем, ты, я и Джим, пройдемся немного.— Он закрыл глаза.

— Чудесно, милый!

— Пройдемся вместе до детской площадки,— добавил он и повесил трубку.

* * *

Была уже настоящая осень, с резкими ветрами и холодком. За ночь деревья расцвелись огнями осенних красок и начали терять листву. Сухие листья кружились над головой мистера Андерхила, когда он подходил к детской площадке, где, укрывшись от ветра, его уже ждали Кэрол и маленький Джим.

— Хэлло.— Брат и сестра обменялись приветствиями и поцеловались.— А вот и папа, Джим.

Они улыбались, но мистер Андерхил чувствовал, как цепенеет его душа от ледящего страха.

Было почти четыре часа. Он взглянул на серое небо, ежеминутно угрожавшее дождем, похожее на застывшую лаву и пепел, дышавшее в лицо холодным ветром. Когда они пошли, мистер Андерхил крепко прижал к себе локоть сестры.

— Странно, как ты внимателен сегодня, Чарли,— улыбнувшись, заметила она.

— Да, да, странно,— ответил он, думая совсем о другом.

Вот и ворота детской площадки.

— Хэлло, Чарли! Хи-и-э!

Высоко на вершухе чудовищной горки стоял маленький Маршалл и махал им рукой, но лицо его было серьезно.

— Подожди меня здесь, Кэрол,— сказал мистер Андерхил.— Я скоро вернусь. Я только отведу туда Джимми.

— Хорошо, я подожду.

Он сжал ручонку сына.

— Идем, Джим. Держись крепко за папу.

По твердым бетонным ступеням они спустились вниз, на площадку, и остановились в пыли. Вот они, гигантские квадраты, чудовищные «классики», непонятные цифры, треугольники, овалы, нарисованные детьми в этой серой неправдоподобной пыли.

Налетевший порыв ветра заставил мистера Андерхила вздрогнуть и еще крепче сжать ладошку сына, затем он обернулся и посмотрел на сестру.

— Прощай,— сказал он, ибо уже верил в то, что должно случиться. Он был на ней, на этой детской пло-

щадке, ибо так надо было, и он знал, что это к лучшему. Ради Джима он готов был теперь на все. Готов на все в этом ужасном мире. А сестра лишь засмеялась в ответ.

— Что ты, Чарли, глупый!

А потом они с Джимом побежали по дну каменного моря, которое гнало, толкало, бросало их вперед. Вот слышно, как закричал Джим: «Папа! Папа!» Дети бросились к нему, мальчик на спусковой горке что-то кричал, и гигантские «классики» кружились перед глазами. Безотчетный страх сковал тело мистера Андерхила, но он уже знал, что ему нужно сделать, что ему обязательно, непременно нужно сделать.

В дальнем конце площадки в воздухе летал футбольный мяч, со свистом проносились бейсбольные мячи, хлопали биты, мелькали кулаки. Дверь конторы была широко открыта, стол пуст, на стуле — никого, а под потолком горела одинокая лампочка.

Андерхил споткнулся, зажмурил глаза и, издав вопль, упал на землю. Тело сжалось от острой боли, странные слова слетали с губ, все кружилось перед глазами.

— Ну, вот и ты, Джим,— произнес чей-то голос:

Зажмутив глаза, визжа и вопя, мистер Андерхил взбирался по высокой металлической лестнице; в горле перешло от крика.

Открыв глаза, он увидел, что сидит на самой верхушке гигантской, отливающей свинцовой голубизной спусковой горки высотой не менее чем в десять тысяч футов, а сзади на него напирают другие дети. Они толкают и бьют его, требуя, чтобы он спускался вниз, спускался вниз!

Он посмотрел вниз и далеко в конце площадке увидел человека в черном пальто. А у ворот стояла женщина и махала рукой. Потом мужчина и женщина стояли рядом и смотрели на него, махали ему руками и кричали:

— Не скучай, Джим, не скучай!

Он закричал и, все поняв, в ужасе посмотрел на свои маленькие худые ручонки, а потом на далекую землю вниз. Он чувствовал, как из носа течет кровь. Вдруг рядом очутился этот мальчишка, Маршалл.

— Хи-э! — крикнул он и изо всех сил пнул его кулаком в зубы. — Всего каких-нибудь двенадцать лет, пустяки! — крикнул он, заглушая рев площадки.

— Двенадцать лет! — подумал мистер Андерхил, чувствуя себя в западне. У детей — свое чувство времени. Для них год равен десяти. Нет, перед ним не двенадцать лет детства, а целое столетие, столетие этого кошмара!

— Эй, ты, спускайся вниз!

Сзади его обдавали запахами горчичных припарок и скипидарной мази, земляных орехов и жевательной резинки, запахами чернил, бечевы для бумажного змея, борного мыла, тыквенных масок, оставшихся от подсыхающих ссадин и болячек; его били, щипали и толкали вниз. Кулаки поднимались и опускались, он видел злые лисьи морды, а внизу у ограды стояли мужчина и женщина и махали ему рукой. Он закричал, он закрыл лицо руками, он чувствовал, как сочится из носа кровь. Его подталкивали все ближе и ближе к краю пропасти, за которой была бесконечность, было ничто.

Головой вперед, со скрежетом и свистом он ринулся вниз, а вслед за ним понеслись десятки тысяч чудовищ. За минуту до того, как он шлепнулся о землю, врезался в гущу барахтающихся тел, в голове его пронеслась, не задерживаясь, мысль: «Да ведь это же ад, сущий ад!» И никто из этой груды копошащихся существ не подумал бы опровергнуть ее.

ИЗГОИ

Огнем горели их глаза, из уст вырывалось пламя, костлявыми пальцами, сальной хворостиной они перемешивали месиво в котле:

«Когда при молниях, под гром
Мы в дождь сойдемся вновь втроем?»¹

В иступленной пляске метались ведьмы на берегу пустого, высохшего моря, оскверняя воздух проклятиями, сжигая его злобным полыханием своих кошачьих глаз.

«Сестры, в круг! Бурлит вода.
Яд и нечисть — все туда...
Пламя, прядай, клоочки!
Зелье, преи! Котел, урчи!..»

Они остановились и глянули по сторонам.

— Где зеркало? Где иглы?

— Вот они.

— Давайте!

— Загустел ли рыжий воск?

— Да!

— Лейте его в железную форму!

— Готова ли фигурка?..

Они мяли воск зелеными руками, как черную па-
току.

— Воткните иглу в самое сердце!..

— Зеркало, зеркало! Раскрой нам карты, расскажи,
что знаешь, покажи, что видишь... Покажи... покажи...
покажи...

Бледные, склонились они над зеркалом.

— Смотрите... смотрите...

Космический корабль летел с планеты Земля на
планету Марс. Люди на корабле умирали...

Капитан устало поднял голову:

— Придется прибегнуть к морфию.

— Но, капитан...

— Вы же видите, в каком он состоянии. — Капитан

¹ В. Шекспир. «Макбет». Акт 4, сцена 1. Пер. Ю. Корнеева.
(Здесь и далее — примечания переводчика).

приподнял шерстяное одеяло, и распростертый под влажной простыней человек дернулся и тяжело застыл. Резко запахло серой.

— Я видел его... видел... — Человек открыл глаза и устался в иллюминатор, а там были лишь чернота в вихрях звезд да Земля, до которой так далеко, да Марс, который рос на глазах и наливался кровью. — Я видел его... нетопырь, огромная тварь, летучая мышь с человеческим лицом... ее крылья заполняли весь проход... и хлопали... хлопали... хлопали...

— Пульс? — спросил капитан.

Санитар измерил.

— Сто тридцать.

— Он долго не протянет. Морфий. Идемте, Смит.

Они вышли в коридор. Внезапно на полу вспыхнуло изображение черепа и скрещенных костей. Раздался пронзительный вопль. Не осмелев взглянуть вниз, капитан повернулся к люку и, стараясь перекричать вопль, спросил:

— Где Перс — здесь?

Корабельный врач в белом халате отступил от тела.

— Ничего не понимаю... — сказал он.

— Как умер Перс?

— Не знаем, капитан. Во всяком случае, это не сердечное, не мозговое, это и не шок. Он... просто умер, и все.

Капитан взял запястье доктора, которое вдруг зашипело, как змея, и укусило его. Капитан даже не вздрогнул.

— Следите за собой, доктор. У вас тоже учащенный пульс.

Доктор кивнул:

— Перс жаловался на боли в руках и ногах. «Будто иголками колют», — говорил он... Сказал еще, он словно восковой и плавится. Затем вдруг упал. Я помог ему подняться. Он кричал, как ребенок... Кричал, что у него в сердце серебряная игла... И умер. Вот... Если хотите, можно повторить вскрытие. Однако все в порядке.

— Так не бывает. От чего-то же он умер!

Капитан свернул налево и двинулся по коридору. Его холеные руки пахли ментолом, йодом, зеленым мылом. Зубы были начищены, уши и щеки — оттерты до красноты. Форма на нем ослепляла белизной, а внизу черными зеркалами сверкали начищенные ботинки. От жестких, стриженных под ежик волос исходил резкий запах спирта. На нем не было ни единого пятнышка — даже дыхание его было пронзительно чистым и свежим. Он был живым инструментом, тща-

тельно отточенным, еще горяченьким после автоклава.

Его люди были той же отливки. Они походили на заводные игрушки, в спинах у которых медленно вращаются огромные ключи. Они и были дорогостоящими, затейливыми, хорошо смазанными игрушками, послушными и проворными.

Капитан уставился в экран, где Марс быстро заполнял собою все свободное пространство.

— Итак, через час — мы на месте. Проклятая планета... Скажите, Смит, а вам не снились летучие мыши... и все такое?

— Да, сэр. За неделю до нашего отлета из Нью-Йорка, сэр. Белые крысы — они прокусили мне шею и пили мою кровь... Я не рассказывал. Боялся, что меня не возьмут в этот полет.

— Не вы один, — вздохнул капитан. — Я тоже видел сны. Я никогда в жизни не видел снов — пятьдесят лет не видел: все началось за неделю до отлета. И тут уж каждую ночь одно и то же: я был оборотнем... Меня ловили на снежном холме. Убивали серебряными пулями. Хоронили с осиновым колом в сердце. — Он кивнул в сторону Марса. — Как вы думаете, Смит, знают ли *они*, что мы летим к ним?

— Неизвестно, *существуют ли вообще* марсиане, сэр.

— Разве? Ведь они начали сражаться с нами восемь недель назад, еще до отлета. Сегодня они убили Перса и Рейнольдса, вчера они ослепили Гренвилла. Как? Не знаю... Все эти летучие мыши, иголки в сердце, сны... — а люди умирают неизвестно от чего... В другое время я назвал бы это колдовством. Но сейчас 2120 год, Смит, и мы с вами трезвые люди. Этого не может быть. *Но происходит же!* Кто бы они ни были, со всем их колдовством, они стремятся нас уничтожить. — Он обернулся. — Смит, достаньте, пожалуйста, книги с полки. Они нам понадобятся после посадки.

На борту корабля находилось две сотни книг.

— Благодарю вас, Смит. Вы не заглядывали в них? Думаете, я спятил? Возможно. Дурацкое предчувствие... Тогда, перед стартом, я взял эти книги из Исторического музея. И все из-за снов. Двадцать ночей подряд меня кололи кинжалами, убивали... меня, вопящую летучую мышь, приковывали к операционному столу; потом замуровывали в подземелье в черном ящике... страшные, злые видения. Все наши люди бредили чертовщиной и небывальщиной, вампирами и призраками — а ведь они и *понятия о них не имели!* Спробуйте, почему? Да потому что все книги подобного сорта были уничтожены сто лет назад. Держать у себя эту скверную литературу было запрещено специальным законом. Книги, которые вы здесь видите —

последние экземпляры, которые хранили для истории в запертых музейных подвалах.

Смит склонился к запылившимся корешкам и стал читать названия:

— «Таинственные и фантастические истории» Эдгара Аллана По, «Дракула» Брэма Стокера, «Франкенштейн» Мэри Шелли, «Поворот винта» Генри Джеймса, «Легенда Сонной ложбины» Вашингтона Ирвинга, «Дочь Раппаччини» Натаниела Хоторна, «Случай на мосту через Совиный ручей» Амброза Бирса... «Алиса в стране чудес» Кэрролла, «Ивы» Элджернона Блэквуда, «Мудрец страны Оз» Фрэнка Баума, «Страшная тень над Иннсмутом» Ловкрафта... И множество других! Книги Уолтера де ля Мара, Уэйкфилда, Харви, Уэллса, Эсквит, Хаксли... — все запрещенные авторы. Их сожгли в том же году, когда День всех святых и Рождество были прокляты и объявлены вне закона... Но, сэр, зачем нам здесь эти книги?

— Сам не знаю, — вздохнул капитан. — Пока.

Три карги подняли зеркало, где слабо мерцало лицо капитана, и тихим стеклянным звоном прозвучал его голос:

— Сам не знаю, — вздохнул капитан. — Пока.

Три кровавых взгляда встретились.

— У нас совсем не остается времени, — сказала одна.

— Надо предупредить тех, в городе.

— Но они захотят узнать о книгах... Худо... До чего же дурак капитан.

— Через час ракета будет здесь.

Ведьмы вздрогнули и одновременно сверкнули глазами в сторону Изумрудного города на берегу древнего марсианского моря.

Придерживая темно-красную портьеру, в самом высоком городском окне стоял маленький человек. Он смотрел на пустырь, где возились у костра ведьмы со своими восковыми фигурками. А за пустошью мерцали во тьме десять тысяч голубых огней, разбросанных по всему берегу; курился лавровый лист и медленно, подобно мотылькам, пылью поднимались в марсианскую ночь дымы — от черного табака и жженой пижмы, от трав, корицы и костяной муки... Человек в окне подсчитал злые, колдовские огни. Когда ведьмы глянули в его сторону, он отвернулся. Портьера упала... — как будто желтым глазом мигнул далекий портал.

Мистер Эдгар Аллан По стоял у окна башни. От него пахло спиртным.

— Подруги Гекаты сегодня трудятся вовсю,— проговорил он, наблюдая за ведьмами на берегу.

Голос позади него произнес:

— Сегодня в лавке я видел Уилла Шекспира — он всех своих согнал. Ночью все море заполнила армия Шекспира, а число им — легион! Три ведьмы, Оберон, отец Гамлета, Пэк... Все, все они там — их тысячи! Господи, целое море народу.

— Молодчина Уильям.— По отвернулся. Он опустил штору, и она тяжело плюхнулась вниз. Минуту он стоял, не двигаясь. Взгляд его рассеянно скользнул по каменным глыбам стен, перешел на мерцающую свечу и остановился на собеседнике, мистере Амброзе Бирсе — тот лениво развалился за столом черного дерева. Он зажигал спичку за спичкой, наблюдал, как они гаснут от его дыхания, и время от времени тихонько посмеивался про себя.

— Нам надо поговорить с мистером Диккенсом,— сказал мистер По.— Мы чересчур медлили. Теперь нам осталось всего несколько часов. Пойдемте со мной, Бирс?

Бирс с улыбкой взглянул на него:

— Я вот сейчас подумал,— а что же произойдет с нами?

— Если нам не удастся убить этих, с ракеты, напугать их... Заставить убраться... Тогда, конечно, нам придется уйти. На Юпитер, а когда они придут на Юпитер, мы двинемся к Сатурну, когда они появятся на Сатурне, пойдем на Уран, или на Нептун, а затем — Плутон...

— А потом?

У мистера По было утомленное лицо: затухающие угольки в глазах и мрачная решимость его слов... и руки, которые некуда деть... Его гладкие прямые волосы спадали на удивительно светлые брови. Он напоминал дьявола из полузабытой, темной легенды или генерала, прибывшего с поля проигранного сражения. Его шелковистые, мягкие черные усы скрывали очертания задумчиво сложенных губ. Он был такой маленький, что, казалось, брови его — огромные, фосфоресцирующие — сами по себе парят в полутьме комнаты.

— Нам проще — нам доступны высшие формы переживания,— продолжал он.— У нас, наконец, еще остается надежда на атомную войну, на междоусобицы, на то, что снова вернутся темные времена. Вернутся суеверия. Тогда вернемся и мы на Землю. Все, в одну ночь.— Его черные глаза были полны тоски. Он задумчиво уставился в потолок.— Итак, они идут разрушать и этот мир тоже. Неужели они не могут оставить хоть что-то неоскверненным, а?

— Разве остановишь волчью стаю, когда она уже настигла жертву и запустила клыки во внутренности? — спросил Бирс. — Нет, значит быть настоящей войне. Усядусь-ка я в сторонке и буду вести счет. Сколько землян сварят в кипящем масле, сколько раз вспыхнут рукописи в бутылках¹, кого проткнут серебряными иглами, сколько раз батареи шприцев выпустят красную смерть² — ха-ха!

По, разгоряченный вином, раздраженно махнул рукой.

— Что мы им сделали? Бирс, бога ради, будьте с нами!.. Что, разве литературные критики обсуждали наши сказки?! Ничуть не бывало! Книжки, что мы создали, были выщипаны — страница за страницей! — чистыми, стерильными, изящными хирургическими щипчиками и брошены в боксы для кипячения, — чтобы убить все кошмары в зародыше!.. Будь они прокляты, эти люди!

— А мне все это кажется забавным, — начал Бирс. Истерический крик с лестницы прервал его.

— Мистер По! Мистер Бирс!

— Да, да, идем! — Они спустились по лестнице и в коридоре наткнулись на человека. Он тяжело дышал, прислонившись к стене.

— Вы слышали новость? — кричал он, вцепившись в них, словно боялся упасть в пропасть. — Через час они будут здесь! Они привезли с собой книги, — ведьмы сказали, — древние книги! Почему вы здесь, в башне? Почему бездействуете?

По ответил:

— Мы делаем все, что в наших силах, Блэквуд. Вы новичок в таких делах. Идемте с нами, мы собираемся навестить Чарльза Диккенса...

— ...чтобы узнать судьбу, свою черную судьбу, — закончил мистер Бирс, подмигнув.

Они опускались все ниже и ниже по гулким узким переходам замка, с одного тусклого зеленого этажа на другой, погружаясь в гниль, в затхлость — царство пауков в паутине, призрачное, как сон.

— Не волнуйтесь, — говорил По; его брови, подобно огромному светильнику, влекли их вниз, все ниже и ниже. — Сегодняшней ночью я созвал всех, кого мог. Все они там, на мертвом море — там ваши друзья и мои, Блэквуд, Бирс. Собрались все: старухи-колдуньи, звери и великаны с острыми белыми клыками... Все готово — ловушки, капканы и волчьи ямы...

¹ Намек на рассказ Э. А. По «Рукопись, найденная в бутылке».

² Красная смерть — страшная фантастическая болезнь. (Рассказ Э. А. По «Маска красной смерти»).

да, и маятники¹. Наконец, красная смерть... — Он издал короткий смешок. — Вот уж никогда, никогда не подумал бы, что наступят времена, когда придется пустить и это в ход! Но они сами запросились, и они ее получат!

— Хватит ли у нас сил? — спросил Бирс.

— Что значит — хватит ли сил? Ведь они просто не подозревают о нас. У них нет воображения. Эти опрятные, чистенькие люди с ракеты, в комбинезонах и круглых шлемах, похожих на аквариумы, — с этой их новой религией... Вместо креста у них на золотой цепочке скальпель. На голове — диадема из микроскопов. В их стерильно чистых пальцах — будто курильницы ладана, а на самом деле — гербицидные печи для выпаривания суеверий... Имена По, Хоторна, Блэквуда — эти имена слетают с их чистеньких губ как богохульства.

Покинув замок, они пересекли маленькое горное озеро — не озеро, настоящий туман наваждений. Шелест крыльев, свист ветра и темнота заполняли пространство. Перекликались голоса, возле лагерных костров кружились тени. Мистер По смотрел, как в отсвете огня чьи-то невидимые руки вязали на спицах: плели, плели, плели, — плели горе, страдание и невзгоды, плели страх и ужас, вплетали их в восковые марионетки, в глиняные куклы.

Ночь наполняли зловещие, ядовитые запахи — едкие запахи чеснока, красного стручкового перца, шафрана...

— Продолжайте! — крикнул По. — Я скоро вернусь.

Внизу, по всему пустынному берегу, вытягивались и уменьшались, росли и черным дымом уходили в небо темные фигуры. На башнях в горах звонили колокола, и под звон бронзы поднимались вороны цвета лакрицы и разлетались пеплом.

По и Бирс в спешке пересекли пустынный, поросший вереском торфяник, затем — небольшую долину и внезапно очутились на улице, мощенной булыжником; было холодно и ветрено, в низких каменных двориках люди прыгали, чтобы согреться... и туман, и мерцание свечей в окнах контор и продуктовых лавок, в витринах которых красовались рождественские индейки... А пока большие часы били полночь, в отдалении стайка мальчишек, тихо пошмыгивая носами на морозном воздухе, распевала «God Rest You Merry, Gentlemen!»²

¹ Намек на изощренное орудие казни (опускающийся маятник с лезвием на конце) в одном из рассказов Э. А. По.

² Традиционное английское поздравление с Рождеством.

Дети выскакивали из булочных, держа в запачканных руках подносы с дымящимися обедами под серебряными колпаками.

Под вывеской, на которой было написано «Скрудж, Марли и Диккенс», По ударил в дверь молоточком с нарисованной физиономией Марли, и стоило двери чуть приотвориться, как стремительный порыв музыки налетел на них из комнаты, увлекая в пляс. А в глубине, за спиной человека, отворившего дверь, — он приглаживал усы и козлиную бородку, — мистер Физзиуиг хлопал в ладоши, а миссис Физзиуиг являла собой одну только безбрежную улыбку; все танцевали и весело сталкивались друг с другом; щебетала скрипка, и хохот прокатывался по столу, подобно тому, как звенят стекляшки люстры под порывами сильного ветра.

Огромный стол ломился от яств. Чего там только не было! Копченая свинина, и индейка, и гусятина, и падуб... пироги с мясной начинкой, молочные поросята, плетенки с сосисками, апельсинами и яблоками... В комнате были Боб Крэтчит и Крошка Доррит, и Маленький Тим, и сам мистер Фэджин, и вместе с ними — человек, похожий на кусок говядины, на горчичную кляксу, весь в крошках сыра и недожаренного картофеля, — конечно, мистер Марли, кто же еще! — а вино лилось рекой, и от коричневой индейки поднимался пар, наполняя комнату восхитительным ароматом!..

— Что вам нужно? — спросил мистер Чарльз Диккенс.

— Мы опять пришли умолять вас, Чарльз: нам нужна ваша помощь, — ответил По.

— Вот как? Уж не думаете ли вы, что я буду сражаться на вашей стороне? Против этих славных людей с ракеты? Так вот, раз и навсегда: я не с вами. Мои книги сожгли по ошибке. Меня не интересует сверхъестественное, я никогда не писал «страшных» книг, — не то что вы, По, и вы, Бирс, и все остальные... У нас с вами — ничего общего, *ужасные вы люди!*

— У вас есть дар убеждения, — умоляюще сказал По. — Вы могли бы выйти к ним, успокоить их, отвлечь внимание, а потом... потом о них уж позаботимся мы.

Мистер Диккенс разглядывал черную пелерину, под которой прятал свои руки По. Улыбнувшись, тот вытащил из-под накидки черного кота.

— Вот кое-что для *одного* из ваших гостей, — пояснил он.

— А для остальных?

По опять улыбнулся, вполне довольный собой:

— Что скажете о преждевременных похоронах? ¹

— Веселый вы человек, мистер По.

— Я запуганный и взбешенный человек. Я — бог, мистер Диккенс, впрочем, так же, как и вы, как и все мы, — а наши творения, наши создания, если угодно, не только преследуются, но их предают анафеме и сжигают; их вырывают с корнем, их выстригает цензура, их разрушают и уничтожают... Созданные нами слова рассыпаются в прах. Даже боги вынуждены драться!

— Ну и что? — Мистер Диккенс наклонил голову, ему не терпелось вернуться к гостям, столу, музыке. — Может быть, вы объясните, почему мы здесь? Как вообще мы здесь очутились?

— Война порождает войну. Разрушение порождает разрушение. На Земле второй половины двадцатого века они стали запрещать наши книги. О, что за варварство — истреблять наши литературные творения таким образом! И тогда были вызваны мы, откуда — из небытия? С того света?... Я не люблю абстракций. И не знаю их. Я знаю лишь, что наши миры и наши создания позвали нас на помощь, и мы попытались спасти их, а единственное, что мы были в состоянии сделать — это выждать сотню-другую лет здесь, на Марсе, в надежде, что Земля не выдержит бремени всех своих ученых и их сомнений. А теперь они явились очистить от нас и этот мир, от нас и от порождений нашей фантазии — от всех алхимиков, колдунов, вампиров и прочей чертовщины... А они, бедняги, переползали с места на место, пока, наконец, наука не воцарилась на всей Земле, не оставив им иного выхода, кроме изгнания... Вы должны помочь нам. Вы хорошо говорите. Вы нужны нам.

— Повторяю, я не буду сражаться на вашей стороне, — раздраженно бросил Диккенс. — Я не играю в эти игры — ведьмы, вампиры, полуночные кошмары...

— А как же «Рождественская песнь»?

— Но это смешно! *Один-единственный рассказ.* Возможно, я и написал кое-что о духах, но что из того? В большинстве моих книг вы не найдете подобной чепухи!

— По ошибке ли, нет ли, но вы занесены в один список с нами. Ваши книги, ваши миры — тоже уничтожены. Вы должны ненавидеть этих людей, мистер Диккенс!

— Я могу согласиться с тем, что они тупы и неотесаны, но не более того. Прощайте!

¹ Имеются в виду рассказы Э. А. По «Черный кот», «Преждевременные похороны».

— Но разрешите хотя бы мистеру Марли пойти с нами!

— Нет!

Дверь захлопнулась. Мистер По повернулся и побрел вниз по улице, а в это время, скользя по промерзшей земле, подкатила огромная повозка, затрубил в рожок кучер, и из нее, смеясь и горлая, высыпали подвыпившие члены Пикквикского клуба; они забарабанили в дверь и, когда жирный парень открыл ее, заорали во всю глотку: «Счастливого Рождества!»

В полночь мистер По мчался вдоль берега высохшего моря. Около огней и пылавших костров он замедлял свой бег, выкрикивал приказы, на ходу считая котлы с булькающей отравой и нарисованные мелом пентаграммы. «Хорошо!» — кричал он и бежал дальше. «Отлично!» — и опять неся вперед, не останавливаясь ни на минуту. Кто-то отставал, кто-то присоединялся и бежал рядом. Сейчас это были мистер Коппард и мистер Мэйкен. А вокруг, куда ни глянь — ужасные змеи и свирепые демоны, огненные драконы и брызжащие ядовитой слюной гады, и трясущиеся ведьмы... — все оскаленное, колющее, жалящее; все мерзости, выброшенные на берег отступившим морем воображения, — скулящие, шипящие, пенящиеся...

Внезапно мистер Мэйкен остановился. Он сел на песок и зарыдал, как ребенок. Тщетно пытались успокоить его.

— Я только что представил себе, — говорил он, — что станет со всеми нами, когда уничтожат последние экземпляры наших книг.

— Не смей об этом!

— Буду, — упрямо причитал мистер Мэйкен. — Вот сейчас, сейчас... как только ракета опустится — вы, мистер По, и вы, Коппард, и вы, Бирс... — ваше мужество растает без следа. Как лесной дым — исчезнет, сгорит дотла... Ваши лица тоже будут таять, и...

— Смерть! Он прав — тогда действительно смерть...

— Мы существуем, лишь пока нас терпят на Земле. Если сегодня ночью окончательным указом уничтожат последние экземпляры наших книг... от нас ничего не останется. Погасшие свечи...

А Коппард с грустью думал: «Удивительно, кто же я на самом деле? В чьих мыслях живу на Земле нынешней ночью? Отшельника, перечитывающего мои рассказы в заброшенной африканской хижине? Подобно одинокой свече, задуваемой ветрами времени и науки... Неужели пламя только его разума поддерживает меня здесь, в мятельном изгнании? Или, может, кто-то другой только что отыскал в куче хлама мою книгу, забро-

шенную и забытую... О, прошлой ночью я чувствовал себя совсем больным — ведь существует же плоть души, как существует плоть тела, и каждую частичку этой плоти души словно жгли раскаленным железом. Я чувствовал, что гасну, как свечка. Но, вскочив с постели утром, я увидел — свеча опять горела!.. Как если бы там, на Земле, какой-то мальчуган, чихая от пыли, на старом чердаке заново обнаружил затасканный, истрепанный временем экземпляр *меня*! И казнь была приостановлена...»

Хлопнула дверь маленькой хижины, стоящей на берегу. Из нее вышел неопрятный коротышка, уселся на песок, ни на кого не глядя, и закрыл лицо руками.

— Вот кого мне жаль больше всего, — прошептал Блэквуд. — Посмотрите на него — он умирает. Когда-то он был более реален, чем мы, люди. Его, который сначала был просто схемой, люди веками облекали в розовую плоть, они приделали ему снежную бороду, напялили на него красный бархатный кафтан и черные ботинки; потом нацепили блестящие, олений мех, падуб... И после всего этого маскарада они взяли да и утопили его в бочке лизола.

Все молчали.

— Как же сейчас там, на Земле? — ужаснулся По. — Без Рождества? Ни горячих каштанов, ни елки, ни гирлянд, ни званных вечеров при свечах — ничего-ничего, только снег, и ветер, и одинокие люди...

Они смотрели на маленького старика в вылинявшем красном бархатном кафтане, на его жидкую бороденку.

— Вы, наверно, слышали его историю?

— Да уж можно вообразить! Психиатр с блестящими от возбуждения глазами, умник-социолог, яростно отстаивающий свои идеи педагог, при этом — чистюли родители...

— Уже тогда, помню, — улыбнулся Бирс, — нелегко было святочным торговцам, которые начинали продавать падуб и петь рождественские гимны накануне Дня всех святых¹. С тем же успехом этот год они могли начать в День труда².

Бирс не закончил. Он со вздохом упал лицом вниз. Он лишь успел произнести: «Как интересно!» — и в следующее мгновение тело его превратилось в голубой песок, обуглившиеся кости клочьями черного пепла взвились в воздух, — и все это прямо на глазах его друзей, с ужасом наблюдавших эту сцену.

¹ Религиозный праздник, 1 ноября.

² День труда — отмечался в США в первый понедельник сентября.

— Бирс! Бирс!
— Исчез!
— Его последняя книга! Кто-то на Земле только что сжег ее.

— Господи, упокой его душу. Вот — ничего не осталось. Так и мы, без наших книг... исчезнут они, и от нас тоже не останется и следа.

Стремительно нарастающий звук заполнил небо.

Раздался дружный вопль ужаса, все взглянули вверх. Прорезая небо обжигающим огненным облаком, опускалась ракета! Вокруг людей на берегу заколебались огни, что-то завизжало и запуззырилось, запахло заклинаниями. Чучела с горящими глазами взмыли в чистый воздух. Руки сжались в кулаки, и ведьма зашамкала иссохшими губами:

Ракета, сгинь, разбейся!
Стори и пеплом взвейся!..
Ужас, боль, ярость, стон —
Налетай со всех сторон!..

— Пора, — пробормотал Блэквуд. — На Юпитер, Сатурн, а может, на Плутон?

— Бежать? — выкрикнул По. — Никогда!

— Но я старый человек, я устал!..

По впился глазами в лицо Блэквуда — и отвел взгляд. Он взобрался на вершину гигантского валуна, и на свистящем ветру перед ним предстали десять тысяч серых теней, десять тысяч зеленых огней, десять тысяч горящих желтых глаз.

— Начали! — крикнул По.

Густой запах горького миндаля, цибета, тмина, цитварного семени, фиалкового корня!

А ракета опускалась — опускалась прямо на нечистую силу! Мистер По бушевал! Он воздел сжатые кулаки вверх, и целой симфонией ответил ему оркестр из жара, запахов и ненависти! Как голые оторванные ветки, взвились нетопыри! Снарядами взрывались в опаленном небе летающие огненные духи... Все ниже и ниже, как орудие пытки, неудержимо опускалась ракета. И По в ярости стонал, видя, как она, метр за метром, взрезает и пожирает воздух! Казалось, что они, как приговоренные к смерти, ожидали приближения сверкающего ножа — самой судьбы...

— Змеи! — скомандовал По.

Блестящий желтый серпантин змеиных тел со свистом помчался навстречу ракете. Но она опускалась, вся — огонь, вся — движение, и легла в миле от них, пытая и выпускающая длинное огненное оперение на песок.

— Вперед! — раздался пронзительный голос По. — Все летит к черту! Последняя возможность... Бежим! Вперед! Дави их! Убивай!

Как будто он командовал яростному морскому валу! Понеслись, как ветер, вихри свирепых огненных брызг, освещая собой морской песок и дельту высохшей реки; стена и пронзительно визжа, шипя и смешиваясь, с хрипом и воем понеслись к ракете, ярким металлическим факелом лежащей в отдаленной ложбине. словно перевернулся огромный закопченный котел с кипящей лавой: обезумевшие люди и рычащие животные выплеснулись на мили вперед...

— Убивай! — на бегу кричал По.

С оружием наизготовку, крадучись, вышли из своего корабля люди. Принюхались, как собаки. Ничего не увидели... Расслабились.

Капитан вышел последним. Дал короткую команду. Быстро натаскали сухих веток, подожгли их, и в одну минуту запылал костер. Капитан собрал людей вокруг себя.

— Новый мир... — он заставлял себя говорить неторопливо, однако время от времени нервно поглядывал через плечо на пустое марсианское море. — Старый остался позади. Начало нового мира... Помните, что мы здесь олицетворяем собой науку и прогресс. — Он жестко кивнул лейтенанту. — Книжки.

Пламя костра высвечивало выцветшую позолоту заголовков: «Ивы», «Аутсайдер», «Пеллюсидар», «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда», «Страна Оз», «Сон в летнюю ночь»... и чудовищные, отвратительные имена Мэйкена и По, Кэбелла и Дансени, Блэквуда и Льюиса Кэрролла... имена, древние имена, враждебные имена.

— Новый мир... Безо всякого сожаления уничтожим остатки старого.

Капитан вырывал страницы из книг. Он бросал их в огонь, листок за листком.

Крик!

Отскочив назад, люди смотрели сквозь пламя костра на берег моря.

Еще!

Вот на одно-единственное мгновение... возникло: колоссальное, отливающее бронзой, что-то длинное и плачущее, похожее на умирающего дракона, — возникло и исчезло... просочилось сквозь гальку... испарилось.

Остался только нарастающий звук — воздух заполнял пустоту, где секунду назад что-то было!

Капитан швырнул последнюю книгу в огонь.

Воздух перестал дрожать.

Тишина!

Люди подались вперед и прислушались.

— Капитан, слышите!

— Нет.

— Будто волна, сэр. На дне моря! Мне показалось, я что-то видел... Везде, везде. Черная волна. Большая. Бегущая на нас.

— Вы ошиблись.

— Смотрите, сэр!

— Где?

— Видите? Там — город! Да вон же! Такой зеленый город возле озера! Он рушится! Падает!

Люди в замешательстве посмотрели вперед.

Смита охватила дрожь. Он потирал рукой лоб, мучительно пытаясь не упустить какое-то воспоминание.

— Я помню... Да, теперь вспомнил. Давным-давно... когда я был ребенком. Книга, которую я читал... Сказка... Страна Оз, вот что это было. Да. Страна Оз. Изумрудный город Страны Оз...

— Оз?

— Да, Оз, вот это что. Я увидел его как раз сейчас, совсем как в сказке. Я видел, как этот город рушится.

— Смит!

— Да, сэр!

— Доложите корабельному врачу!

— Слушаюсь, сэр! — Он быстро отдал честь.

— Следите за собой.

На цыпочках, держа оружие наготове, вышли люди из ослепительно-стерильного света прожекторов и двинулись по направлению к низким холмам и длинному марсианскому морю.

— Почему,— прошептал Смит с тоской,— ну почему же здесь никого нет?.. Совсем никого.

Ветер осыпал его ботинки песком и тихонько скул.

Я — ЭТО ДРУГОЕ ДЕЛО

Я сижу на краю металлической кровати. Матрацем служит второе одеяло, постеленное на ее стальные пружины. Не слишком удобно, но меня ждут еще бóльшие неприятности.

Близится час, когда меня переведут в окружную тюрьму, а через некоторое время после этого я окажусь в камере смертников. Разумеется, сначала состоится судебная процедура, но это простая формальность. Меня не только схватили на месте преступления, я к тому же еще во всем признался.

Я умышленно убил Лоренса Коннота, моего друга, который спас мне жизнь. Конечно, в свое оправдание я мог бы привести некоторые смягчающие обстоятельства, но вряд ли суд примет их во внимание.

Коннот и я были друзьями много лет. Война разъединила нас. Через несколько лет после ее окончания мы снова встретились в Вашингтоне, но в наших отношениях появилась некоторая отчужденность. За это время он, как это говорится, нашел свое призвание. Он много и упорно над чем-то работал, но скрывал от меня, что это было такое. У меня, естественно, были свои заботы, но после того, как я с треском провалился по анатомии, они уже не имели никакого отношения к науке. Должен сказать, что к медицине я охладел уже давненько, с того самого дня, когда впервые попал в анатомический театр; трупов я не боялся, просто не было в этом ничего привлекательного.

Так я и не получил никакого академического звания, да и к чему оно сенатскому охраннику?

Карьера не очень внушительная? Конечно, нет. Но я не стыжусь ее. В жизни вообще ничего не следует стыдиться. А моя должность мне даже нравится. Сенаторы в присутствии нас, охранников, обычно довольно откровенны, к нам относятся неплохо, и мы частенько узнаем интересные вещи о том, что происходит за правительственными кулисами. Со своей стороны, мы можем быть полезны немалому числу людей — газетным репортерам, охотящимся за какой-нибудь историей; правительственным чиновникам, могу-

щим порой использовать одно-единственное неосторожное замечание для целой политической кампании; а также всем тем, кто захотел бы побывать во время важных прений на галерее для посетителей.

Как это и получилось, к примеру, с Ларри Коннотом. Мы с ним столкнулись как-то на улице, немного поболтали, потом он спросил, не могу ли я достать для него пропуск на предстоящие прения по внешней политике. На следующий день я сообщил ему по телефону, что с пропуском все в порядке.

Он явился к началу выступления государственного секретаря, и его маленькие влажные глазки прямо-таки блеснули от удовольствия. И тут неожиданно раздался громкий крик... История эта, конечно, у всех еще свежа в памяти. Их было трое, этих фанатиков из Центральной Америки, пытавшихся с помощью огнестрельного оружия оказать воздействие на нашу политику. У двоих были пистолеты, у третьего — ручная граната. Пистолетными выстрелами ранило двоих сенаторов и одного охранника. Мы с Коннотом стояли совсем рядом. Я бросился на маленького паренька, уже замахнувшегося гранатой, сбил его с ног; граната откатилась в сторону, я хотел схватить ее и, увидев, что она взбедена и вот-вот взорвется, на какое-то мгновение оцепенел, и в это же самое мгновение на ней оказался Ларри...

Газеты сделали нас обоих героями. Они писали, как о чуде, что Ларри, упав плашмя на гранату, еще успел ее из-под себя вытащить и отбросить в такое место, где она, взорвавшись, никому не причинила вреда.

Верно, вреда она действительно не причинила никому. В газетах упоминалось, что взрыв гранаты заставил Ларри потерять сознание. И верно, он действительно потерял сознание. Прошло около шести часов, пока он снова не пришел в себя, и еще целый день после того он находился в каком-то полубытьи.

На следующий день вечером я его навестил. Он был очень рад моему приходу.

— Ну вот мы с тобой и в героях, — сказал он приветливо.

— Ларри, ты спас мне жизнь, — сказал я.

— Чепуха, Дик, не стоит говорить об этом. Я бросился вперед чисто инстинктивно, нам обоим повезло, и все тут.

— Газеты пишут: ты был просто великолепен, проделал все так молниеносно, что никто и не понял толком, как все это произошло.

— В такую ничтожную долю секунды, — произнес он еще более небрежным тоном, — никто и не смог бы, естественно, успеть заметить что-либо.

— Я успел, Ларри.

Его маленькие глазки еще более сузились.

— Я был как раз между тобой и гранатой. Ты не мог броситься вперед ни мимо меня, ни надо мной, ни сквозь меня. И все же оказался лежащим на гранате.

Он продолжал молчать.

— И еще одно, Ларри. Она взорвалась прямо *под* тобой, тебя буквально приподняло взрывом. На тебе был непроницаемый для осколков жилет?..

— Видишь ли,— слегка откашлявшись, сказал он,— тот факт, что...

— Оставим «тот факт» в покое, дружище. Что произошло на самом деле?

Он снял очки и растерянно стал тереть себе глаза.

— Не понимаю,— пробормотал он.— Газеты пишут, что она разорвалась в нескольких...

— Плюнь на газеты, Ларри,— мягко прервал я его.— Пойми, я стоял рядом, и глаза у меня были открыты.

Ростом Ларри Коннот был вообще невелик, но никогда он не казался мне таким крошечным, как сейчас, когда он, сжавшись в маленький комочек в своем кресле, смотрел на меня такими глазами, как будто я был воплощением Немезиды.

Затем он рассмеялся, рассмеялся таким смехом — почти счастливым смехом, что я вздрогнул от неожиданности.

— Ну ладно, Дик. К черту эту игру в прятки: я ведь потерял сознание, а у тебя глаза были открыты... Рано или поздно я все равно должен был бы кому-нибудь признаться. Почему не тебе в конце концов?

Из того, что я узнал, в этой моей прощальной записке я опущу всего лишь одну подробность, подробность, правда, весьма существенную. О ней не узнает никто и никогда. Не узнает от меня, во всяком случае.

— Естественно, я не мог не понимать,— сказал Ларри,— что рано или поздно ты вспомнил бы наши ночные разговоры в кафе, наши бесконечные споры о боге и мировых проблемах. Конечно, ты их не забыл.

Да, я не забыл. У меня еще сохранилось в памяти, как я беспощадно издевался над его бредовыми утверждениями и гипотезами и как он упрямо защищал их. Одна из них была особенно вздорной. Он начал как-то доказывать, что...

В голове у меня все вдруг перемешалось.

— Ты, кажется, тогда утверждал,— заговорил я, с трудом подыскивая слова,— что когда-нибудь придет время и человеческий дух овладеет... гм... психокинетическими силами... Что когда-нибудь мы, не прибегая ни к каким машинам и не пошевелив даже пальцем,

сможем одною лишь силой нашей мысли переносить наше тело в мгновение ока в любое место, какое нам вздумается. В общем, что для человеческого духа нет ничего невозможного.

— Боже, каким я тогда был желторотым юнцом! — воскликнул Ларри и задумался.

Я не мешал ему думать. Мне самому нужно было собраться с мыслями.

— Разумеется, — снова заговорил он, — человеческий дух сам по себе не способен на такие вещи. Все, что я тебе тогда об этом говорил, все это были слова восторженного мечтателя, а не выводы ученого, проверившего их истинность сотней опытов. Но кое в чем я все же был прав, и это кое-что помогло мне найти верное решение. Существуют некоторые... скажем, технические приемы, с их помощью человек может направлять работу своей мысли таким образом, что она подчинит себе обычные физические силы, с которыми мы на каждом шагу сталкиваемся в нашей повседневной жизни. Владея такими приемами, человек окончательно восторгается над природой!

Какой-то необыкновенный оттенок в его голосе и в выражении его глаз заставил меня почувствовать, что он действительно вырвал у природы какую-то великую тайну. На этот раз я поверил бы ему, даже если не было бы вчерашнего инцидента в сенате.

— Владея этими приемами, — продолжал он, — человек в состоянии делать все. Ты понимаешь, Дик? Решительно *все*! Перелететь через океан? В одну секунду. Обезвредить взрывающуюся бомбу? Ты видел это собственными глазами. Конечно, действия эти представляют собой работу, и она, как всякая работа, требует расхода энергии: никому не дано обойти законы природы. Поэтому-то я и вышел на целый день из строя. Полная нейтрализация большого количества мгновенно высвобожденной энергии — пока еще дело довольно трудное. Гораздо легче, например, отклонить в сторону летящую пулю, а еще проще — удалить из ствольной коробки патрон и перенести его себе в карман, чтобы выстрел вообще не состоялся. Расстояния не играют почти никакой роли. Стоит тебе захотеть, Дик, — в его глазах вспыхнул горделивый огонек, — и ты увидишь перед собой английскую корону во всем блеске ее драгоценностей...

— А в будущее заглядывать ты уже можешь? — спросил я.

Он нахмурился.

— Зачем такой тон, Дик, ведь я говорю о серьезных вещах. Шарлатанством я никогда...

— А читать мысли?

Лицо его прояснилось.

— Ах, ты и этот разговор помнишь? Нет, этого я не могу. Позже когда-нибудь, если займусь этой проблемой по-настоящему. Во всяком случае, не сейчас.

— Покажи мне что-нибудь, что ты можешь уже сейчас, — попросил я.

Он улыбнулся. Видимо, он наслаждался нашим разговором, и я его хорошо понимал. Долгие годы он скрывал свою тайну от всех. Десять лет поисков и экспериментов в полном одиночестве! Десять лет тайных надежд и разочарований, начиная с появления еще бесформенной идеи и кончая днем, когда она стала реальной действительностью. Ему просто необходимо было дать выход распиравшим его чувствам. Думаю, он в самом деле был рад, что наконец-то его кто-то разоблачил.

— Показать что-нибудь? Сейчас сообразим. — Он окинул комнату взглядом и кивнул головой: — Смотри на окно.

Окно открылось и снова закрылось.

— Радиоприемник, — сказал Ларри.

Маленький аппарат вдруг ожил: щелкнув, опустилась одна из клавиш, засветилась шкала, раздалась музыка.

— Смотри внимательно!

Музыка резко умолкла, приемник исчез. И тут же вновь появился на прежнем месте; выскочивший из розетки конец соединительного шнура с легким стуком упал на ковер.

— Он был примерно на высоте Эвереста, — сказал Ларри, явно стараясь сохранить непринужденный вид. — А что скажешь о такой штуке...

Лежавший на полу шнур поднялся, и его вилка устремилась к розетке, замерла в воздухе на секунду и снова шлепнулась на пол.

— Нет, — передумал Ларри, — сейчас я тебе покажу действительно кое-что серьезное. Следи за приемником, Дик. Я его заставлю работать без тока. Для усиления электромагнитных колебаний достаточно...

Его напряженный взгляд снова был прикован к аппарату. Мгновение, другое. Вспыхнула лампочка, освещающая шкалу; из динамика донеслись первые шипящие звуки. Я поднялся со стула, оказавшись как раз позади Ларри.

Я воспользовался телефоном, стоявшим на столике рядом с моим стулом. Удар пришелся ему в затылок, возле уха; он обмяк и повалился на пол. Я ударил его еще дважды, чтобы он наверняка не смог прийти в себя в течение ближайшего часа, и бросил телефонную трубку на место.

Затем приступил к обыску. То, что меня интересовало, я нашел в его письменном столе: записки и расчеты. Все, что я должен был знать, чтобы быть в состоянии делать то, что мог делать он. Это вместились в две-три строки, все прочее я сжег.

Я снова поднял трубку и вызвал полицию. Услышав их сирену, я вытащил мой служебный пистолет и выстрелил ему в горло. Он был уже мертв, когда они ворвались в комнату.

Совесть моя чиста. На суде я постараюсь объяснить мотивы моего поступка, хотя и не уверен, что присяжные признают их основательными.

В тех двух-трех строчках было сказано, как делать то, что мог делать он, Лоренс Коннот. Всякий, кто умеет читать, тоже мог бы это делать. Формула Коннота доступна всем грамотным людям — честным, нечестным, подлецам, преступникам, душевнобольным.

Лоренс Коннот был честным идеалистом, это верно. Мы были друзьями с детства, я его душу знал насквозь и, как говорится, в случае необходимости мог бы доверить ему мою жизнь. Все это так. Но ведь речь идет о гораздо большем!

Не только о его жизни! Не только о моей!

Кто может поручиться за человека, который вдруг почувствует себя богом? Предположите, что какой-нибудь человек стал единственным обладателем секрета, дающего ему возможность проникать сквозь любые стены, в любое закрытое помещение, в любой банковский сейф. Предположите, что этому человеку не страшно никакое оружие.

Говорят, что власть разлагает. Что абсолютная власть разлагает абсолютно. Можно ли себе представить более абсолютную власть, чем та, которой обладал Коннот? Человек, который, не боясь наказания, мог делать все, что ему взбредет на ум? Ларри был моим другом, но я убил его совершенно хладнокровно, понимая, что человека, владеющего тайной, которая может сделать его властелином мира, нельзя оставлять в живых.

Я — это другое дело.

ЗАБАСТОВКА ТЕЛЕФОНОВ

В день забастовки с телефонами творилось что-то неладное. К примеру, говоришь с кем-нибудь, и вдруг в разговор врываются чужие голоса, да и самого тебя слышат другие.

Часов в десять вечера я минут пятнадцать пытался дозвониться приятелю. Не успел я набрать последней цифры, как стал невидимым участником чьего-то разговора, потом второго, третьего, и вскоре началась полнейшая неразбериха. Это была как бы общая беседа в темноте, каждый внезапно вступал в нее и столь же внезапно исчезал, так и оставаясь неузнанным. Поэтому все говорили без обычного притворства и стеснения, и очень скоро создалась атмосфера общего веселья и легкости, свойственная, верно, удивительным и сумасшедшим карнавалам прошлого, эхо которых до нас старинные легенды.

Вначале я услышал голоса двух женщин, беседовавших — не правда ли, странно... — о нарядах.

— Ничего подобного, я ей говорю: мы же условились — юбку вы мне сошьете к четвергу, сегодня уже понедельник, а юбка все еще не готова. Знаешь, что я ей сказала: дорогая синьора Броджи, оставляю юбку вам, носите себе на здоровье, если она вам подойдет...

У женщины был тонкий, писклявый голосок, и она тараторила без передышки.

— Умнее не придумаешь, — ответил ей молодой, приятный и ласковый голос с эмилийским акцентом. — И что же ты выиграла? Пожалуй, она слозчит и тебе материал подменит. От этой особы всего можно ждать.

— Ну, это мы еще посмотрим. Я и так чуть не задохнулась от ярости. Ты себе даже представить не можешь, как я разозлилась. И я еще должна терпеть такое. Ты, Клара, когда пойдешь к ней, прошу тебя, все ей прямо в глаза скажи, что так не обращаются с клиентами; сделай такое одолжение. Кстати, Коменчини мне тоже говорила, что больше не будет у нее шить, потому что она ей испортила красный труакар. В нем Коменчини, бедняжка, на пугало похожа. Вообще с тех пор, как эта особа стала модной, она совсем

обнаглела. А помнишь, еще два года назад она юлила перед нами, рассыпалась в комплиментах и уверяла, что просто счастлива шить для столь элегантных синьор; теперь же с нее самой надо пылинки сдувать. Она даже говорить стала по-иному, ты заметила, Клара? Заметила, да? Завтра я иду к Джульетте, и мне просто нечего надеть. Что ты мне посоветуешь?

— Но ведь у тебя, Франкина, гардероб ломится от платьев,— очень спокойно ответила Клара.

— Что ты, все это — дикое старье; последний костюмчик я сшила прошлой осенью, помнишь, такой хорошенький, фисташкового цвета. К тому же мне...

— Знаешь, а я, пожалуй, надену зеленую широкую юбку и черный джемпер, черное всегда к лицу. А ты как думаешь?.. Может, все-таки лучше надеть шелковое платье? Ну, то, новое, серое. Хотя оно скорее ве-чернее, тебе не кажется?

В этот момент ее перебил грубый мужской голос:

— Вы вот что скажите, синьора, почему бы вам не вырядиться в платье цвета выжатого лимона, а на голову хорошо бы водрузить мамину соломенную шляпу с тесемками?

Молчание. Обе женщины сразу умолкли.

— Что же вы не отвечаете, синьора? — продолжал незнакомец, подражая римскому диалекту.— Какие новости из Феррары? Кстати, как это у вас, синьора Франкина, до сих пор язык не отвалился? Представьте себе, вдруг он откажется служить. Вот будет несчастье. Верно?

Несколько человек дружно рассмеялись. Остальные наверняка так же, как и я, молча слушали.

Тут уж Франкина не удержалась и сердито зачастила:

— Вы, синьор, не знаю, как вас зовут, просто невежа, вернее, даже грубиян: во-первых, потому, что непорядочно подслушивать чужой разговор, это всякий воспитанный человек знает, во-вторых...

— Ого, да вы мне целую лекцию прочитали! Ну, не сердитесь, синьора или, возможно, синьорина... Ведь я просто пошутил... Извините меня! Если бы вы со мной познакомились, то, может сменили бы гнев на милость.

— Бог с ним! — посоветовала Клара подруге.— Стоит ли обращать внимание на такого мужлана! Повесь трубку, я тебе потом перезвоню.

— Нет, нет, подождите секунду.— Эти слова принадлежали другому мужчине, судя по голосу, более вежливому и, я бы сказал, более опытному.— Еще два слова, синьорина Клара, а то мы и не встретимся никогда!

— Подумаешь, не велика беда.

Внезапно в разговор, перебивая друг друга, ворвалось сразу несколько голосов.

— И как вам только не надоест болтать, сплетницы! — возмущалась женщина.

— Это вы сплетница, нечего в чужие дела нос совать!

— Это я-то сую нос! Да я...

— Синьорина Клара, синьорина Клара (голос явно принадлежал мужчине), скажите номер вашего телефона. Не хотите? А я, знаете, каюсь, всегда питал слабость к римлянкам — ну как магнитом к ним тянет.

— Я вам его потом дам, — отвечал женский голос (видимо, Франкина). — Разрешите, однако, узнать, кто вы?

— Я-то? Марлон Брандо.

— Ха, ха, — дружно рассмеялись невидимые собеседники.

— Боже мой, до чего же вы остроумны...

— Адвокат, адвокат Бартезаги! Слушаю, слушаю, это вы? (Голос принадлежал женщине, до сих пор не вступавшей в разговор).

— Да, да, я. Кто говорит?

— Это я, Норина, вы меня не узнаете? Я вам позвонила, потому что вчера вечером на работе забыла вас предупредить, что из Турина...

Адвокат Бартезаги совсем растерялся:

— Послушайте, синьорина! Позвоните мне позже. По-моему, не стоит впутывать посторонних в наши личные дела!

— Э, адвокат (это говорил уже другой мужчина), а назначать свидание молоденьким девушкам стоило?

— Синьор адвокат Марлон Брандо неравнодушен к римлянкам, ха, ха!

— Да перестаньте, прошу вас. У меня нет времени слушать вашу трескотню, мне нужно срочно звонить по делу. (Это вмешалась женщина лет шестидесяти).

— Послушайте только эту мадам! (Я узнал по голосу Франкину). Вы случайно не королева телефонов?

— Повесьте наконец трубку, неужели вам не надоело болтать? Я, к вашему сведению, жду звонка из другого города, а пока вы...

— Значит, вы все время подслушивали? Кто же из нас сплетница?

— Закрой фонтан, дурочка.

На секунду наступила тишина. Удар попал в цель. В первый момент Франкина не нашлась, что ответить. Потом парировала торжествующе:

— Ха, ха, ха! От дуры слышу.

До меня донеслись раскаты смеха. Смеялось не

меньше двенадцати человек. Затем снова короткая пауза. Может, все сразу повесили трубки? Или же просто выжидали? Прислушавшись хорошенько, нетрудно было в наступившей тишине уловить слабое дыхание, шорохи, легкое пощелкивание. Наконец снова раздался приятный беззаботный голосок Клары:

— Кажется, теперь мы одни?.. Так что же ты, Франкина, все-таки посоветуешь мне надеть завтра?

В этот момент в разговор вступил незнакомый мужской голос, удивительно красивый, по-юношески свежий, жизнерадостный:

— С вашего разрешения, Клара, я вам дам совет. Наденьте завтра голубую юбку, ту самую, что вам сшили в прошлом году, фиолетовую кофточку, которую вы недавно отдавали в чистку... и, конечно, черную шляпу с широкими полями.

— Кто вы такой? — Теперь в голосе Клары звучал легкий испуг. — С кем я все-таки разговариваю?

В ответ молчание.

— Клара, Клара, откуда он все это знает? — беспокоилась Франкина.

Мужчина без тени иронии:

— О, я многое знаю.

К л а р а: Ерунда! Просто вы случайно угадали.

О н: Угадал? Хотите новых доказательств?

К л а р а (*в нерешительности*): Ну, что ж, послушаем ваши побасенки.

О н: Отлично. У вас, синьора, — слушайте меня хорошенько, — есть родинка, малюсенькая родинка... гм... гм... а где — я не решаюсь сказать.

К л а р а (*поспешно*): Вы этого не можете знать.

О н: Прав я или нет?

К л а р а: Вы не можете этого знать.

— Так это или не так?

— Честное слово, ее никто не видел, клянусь, никто, кроме мамы.

— Значит, я сказал правду.

В голосе Клары послышались слезы:

— Ее никто не видел, гадко так зло шутить!

О н (*миролюбиво*): Да я же не утверждаю, что видел ее, вашу маленькую родинку, я лишь говорил, что она у вас есть.

Вмешался чей-то грубый мужской голос:

— Хватит паясничать, шут гороховый!

Незнакомец мгновенно отрезал:

— Осторожнее на поворотах, Джорджо Маркоцци, сын Энрико, тридцати двух лет, проживающий на улице Кьябрера, семь, рост метр семьдесят, женат, два дня назад заболел ангиной и, несмотря на это, курит

и сейчас отечественную сигарету. Хватит с вас? Ошибок нет?

Маркоцци, сразу присмирив:

— Но кто вы такой? По... позвольте... я... я...

Незнакомец: Не обижайтесь. Давайте лучше развлекаться. Это и к вам относится, Клара. Ведь так редко удается побыть в такой веселой компании.

Больше никто не осмелился его перебить или высмеять. Всеми овладело безотчетное чувство страха, словно в телефонную сеть проник таинственный дух. Кто он? Волшебник? Сверхъестественное существо, занявшее место бастующих телефонисток? Сам дьявол? Злой дух? Но голос звучал совсем не демонически, а мягко, ласково:

— Что вы приумолкли, друзья? Кого испугались? Хотите, я вам спою чудесную песенку?

Голоса: Конечно, конечно!

Он: Что же вам спеть?

Голоса: «Скалинателла»!

— Нет, нет, лучше «Самбу»!

— Нет, «Мулен-руж»!

— «Я потерял сон»!

— «Эль байон», «Эль байон»!

Он: Ну, решайте скорее. А вам, Клара, какая песня больше всего по душе?

— О, мне страшно нравится «Уфемия».

Он запел. Возможно, это был самообман, но я в жизни не слышал столь красивого голоса. Этот голос был таким чистым, светлым, чарующим, что меня дрожь пробирала. Пока он пел, мы слушали, затаив дыхание. Потом сразу раздались аплодисменты, крики: «Великолепно! Браво, бис! Это бесподобно! Да вы же настоящий артист! Вам надо петь по радио; вы работаете миллионы, поверьте моему слову. Спойте же еще что-нибудь!»

— Только при одном условии — вы все будете мне подпевать.

Это был странный хор. В разных концах города, далеко друг от друга, связанные лишь тоненькой нитью проводов, совершенно незнакомые люди, кто лежа в кровати, кто стоя в прихожей, кто устроившись на стуле, волнуясь, сжимали телефонную трубку. Никто не пытался, как было в самом начале, глупо шутить, поддеть друг друга, отпустить вульгарную остроту. Благодаря таинственному незнакомцу, не пожелавшему назвать ни свое имя, ни возраст, ни тем более адрес, пятнадцать человек, никогда не видевшие друг друга и ни разу в жизни не встречавшиеся, почувствовали себя друзьями. Каждый воображал, что беседует с необыкновенно красивыми молодыми жен-

щинами, а тем хотелось верить, что их собеседник — интересный, богатый мужчина с бурным, романтическим прошлым. И где-то в центре — удивительный дирижер невидимого хора, каким-то волшебством заставлявший их парить высоко-высоко над черными крышами города. Он-то в полночь и объявил о конце веселой встречи.

— А теперь, друзья мои, все. Уже поздно. Завтра мне рано вставать... Спасибо за чудесную компанию...

В ответ — хор протестующих голосов: «Нет, нет, это невозможно. Еще немного, хотя бы одну песенку, о, пожалуйста!»

— Серьезно, больше не могу. Вы уж меня простите. Спокойной ночи, господа и дамы, чудесных вам сновидений, друзья.

У всех было такое чувство, будто их обидели. Уныло и мрачно все стали прощаться: «Что поделаешь, раз так, то спокойной ночи. Кто бы это мог быть? Ну, что ж, спокойной ночи». Все разбрелись кто куда. Внезапно дома погрузились в ночное безмолвие. Лишь я стоял у телефона и напряженно прислушивался. И вот минуты через две незнакомец прошептал в трубку:

— Клара, это я... Ты слышишь меня, Клара?

— Да,— нежно ответила Клара.— Слышу. Но ты уверен, что все уже разошлись?

— Да, все кроме одного,— добродушно ответил незнакомец.— Он до сих пор только молчал и слушал.

Речь явно шла обо мне. С бьющимся сердцем я сразу же повесил трубку.

Кто это был? Ангел? Провидец? Мефистофель? А может быть, вечный дух приключений? Воплощение неожиданного, что ждет нас на каждом углу? Или просто надежда? Древняя, неумирающая надежда, притаившаяся в самых нелепых и странных местах, даже в телефонных проводах, чтобы освободить и возвысить человека?

СТИРАЛЬНАЯ ТРАГЕДИЯ

Из воспоминаний Йона Тихого

Вскоре после моего возвращения из одиннадцатого звездного путешествия газеты стали уделять все больше внимания конкурентной борьбе двух крупных фирм, производивших стиральные машины, — Наддлегга и Снодграсса.

Пожалуй, Наддлегг первым выбросил на рынок стиральные машины, настолько автоматизированные, что они сами отделяли белое белье от цветного, а выстирав и выжав, утюжили его, штопали, подрубали и помечали красиво вышитыми монограммами владельца, на полотенцах же вышивали поучительные, вселяющие оптимизм сентенции вроде «Кто рано встает, тому робот подает» и т. п. В ответ на это Снодграсс выбросил в торговую сеть стиральные машины, которые сами слагали и вышивали четверостишия — в зависимости от культурного уровня и эстетических запросов клиента. Следующая модель стиральной машины Наддлегга вышивала уже сонеты. Снодграсс ответил стиральными машинами, поддерживавшими беседу в кругу семьи во время перерывов в телевизионных передачах. Наддлегг попытался торпедировать конкурента — все, безусловно, помнят его газетные вкладки, занимавшие целую страницу, с изображением издевательски усмехающейся лупоглазой стиральной машины и со словами: «Разве ты хочешь, чтобы твоя прачка была умнее тебя? Разумеется, нет!!!» Однако Снодграсс, полностью игнорируя эту попытку апелляции к низменным инстинктам потребителя, в следующем же квартале предложил стиральную машину, которая, стирая, выжимая, намыливая, оттирая, полоща, утюжа, штопая, занимаясь вязкой на спицах и беседуя, в то же время делала за детей школьные уроки, составляла экономические гороскопы для главы семьи и по собственному почину производила анализ снов по Фрейду, немедленно ликвидируя комплексы вплоть до комплекса пожирания стариков и отцеубийства. Тогда Наддлегг, впад

в отчаянье, выбросил на рынок «Супербарда», стиральную машину-рифмоплет, обладавшую чарующим альтом, которая декламировала, пела колыбельные, сажала на горшок младенцев, заговаривала бородавки и отпускала изысканные комплименты дамам. Снодграсс парировал этот ход стиральной машиной — лектором под девизом «Твоя стиральная машина делает из тебя Эйнштейна!»; однако, вопреки ожиданиям, эта модель расходилась плохо, оборот к концу квартала упал на 35 процентов, поэтому, когда экономическая разведка донесла, что Наддлегг подготавливает танцующую стиральную машину, Снодграсс, перед лицом надвигающейся катастрофы, решился на шаг, совершивший подлинный переворот. Купив за 350 000 долларов соответствующие права и согласие заинтересованных лиц, он сконструировал стиральную машину для холостяков, наделенную формами знаменитой сексбомбы Лиан Карворс, платиновой блондинки, и другую — подобие Фирли Мак Фейн, брюнетку. Оборот тут же подпрыгнул на 87 процентов. Тогда противник обратился в конгресс, воззвал к общественному мнению, к Лиге дочерей революции, а также к Лиге девиц и матрон, однако Снодграсс продолжал непрерывно поставлять в магазины стиральные машины обоих полов, все более пикантные и вводящие в искушение. Наддлегг капитулировал и начал производить стиральные машины по индивидуальным заказам, придавая им по вкусу клиента фигуру, масть, упитанность и портретное сходство с фотографией, приложенной к заказу.

В то время как два гиганта стиральной промышленности, не пренебрегая никакими средствами, боролись друг с другом, их продукция начала проявлять неожиданные и явно отрицательные наклонности. Прачки-няньки не были еще самым большим злом, однако секспрачки, с которыми прожигала жизнь золотая молодежь, которые склоняли к грехопадению, подрывали моральные устои, учили детей непристойным словам, стали уже педагогической проблемой. Что уж говорить о стиральных машинах, с которыми можно было изменить жене или мужу! Удержавшиеся еще на рынке фабриканты стиральных средств и механизмов тщетно доказывали в публичных выступлениях, что стиральные машины — Лиан или Фирли — представляют собой профанацию высоких идеалов автоматизированной стирки, которая должна консолидировать семью и поддерживать прочность супружеских уз, — ибо они могут вместить не более дюжины носовых платков или одну наволочку, остальную же часть их нутра занимают агрегаты, не имеющие ничего

общего со стиркой, скорее совсем наоборот. Эти воззвания не принесли ни малейшего результата. Культ пикантных стиральных машин, нараставший с быстротой лавины, даже заставил значительную часть общества отвернуться от телевизоров. Но это было только начало. Наделенные полной самопроизвольностью действий, стиральные машины объединялись тайком и предавались темным махинациям. Целые их шайки связывались с преступным миром, уходили в гангстерское подполье и доставляли своим владельцам ужаснейшие неприятности. Конгресс признал, что пора попытаться законодательным путем упорядочить хаос свободной конкуренции, однако, прежде чем прения дали ожидаемый результат, рынок был наводнен отжималками, перед формами которых не мог устоять никто, гениальными полотерками и специальной моделью бронированной стиральной машины «Пуль-о-мэтик»; эта стиральная машина, предназначенная якобы для игры в индейцев с детьми, после небольшой доводки была способна уничтожить беглым огнем любой объект. Во время стычки банды Струдзелли с шайкой Фумса Бирона, перед которой содрогался Манхэттен, когда взлетел на воздух небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг, враждующие стороны потеряли свыше ста двадцати вооруженных до крышки кухонных машин.

Тогда вступил в силу законодательный акт сенатора Макфлакона. В соответствии с этим актом владелец не отвечал за противоречащие закону поступки принадлежащих ему разумных устройств, совершенные без его ведома и согласия. К сожалению, этот закон оставил лазейку для многочисленных злоупотреблений. Владелец тайком договаривался со своими стиральными машинами или отжималками и позволял им совершать злодеяния, а представ перед судом, избегал наказания, сославшись на акт Макфлакона.

Возникла необходимость подновить этот закон. Теперь акт Макфлакона — Гламбкина признавал за разумными устройствами ограниченную правоспособность, главным образом в отношении наказуемости. Он предусматривал наказания в размере 5, 10, 25 и 250 лет принудительного стирания или, соответственно, натирания полов, усугубляемого лишением смазки, а также телесные наказания, вплоть до короткого замыкания. Однако претворение этого закона в жизнь также натолкнулось на препятствие. Например, фигурировавшая в деле Хамперлсона стиральная машина, которая обвинялась в совершении многочисленных нападений с целью ограбления, была разобрана владельцем на части и предстала перед судом в виде гру-

ды проволочек и катушек. Поэтому в закон было внесено изменение, известное с тех пор как поправка Макфлакона — Гламбкина — Рамфорнея, которое устанавливало, что производство каких-либо изменений или переделок электромозга, находящегося под следствием, представляет собой наказуемое деяние. Тогда всплыло дело Хинденрупла. Его мойщик посуды неоднократно облачался в костюм владельца, сватался к различным женщинам и выманивал у них деньги, а застигнутый однажды полицией на месте преступления, на глазах остолбеневших детективов сам себя разобрал. Разобрав же, он забыл о содеянном и не подлежал наказанию. После этого возник закон Макфлакона — Гламбкина — Рамфорнея — Хмурлинга — Пьяффи, согласно которому устройство, разбирающее самое себя, чтобы избежать ответственности, сдается на слом.

Казалось, что этот закон отвадит все электромозги от преступных деяний, ибо устройствам этим, как и всякой разумной твари, присущ инстинкт самосохранения. Однако стало известно, что соучастники преступных стиральных машин покупают лом и восстанавливают их вновь. Проект «антивоскресительной» поправки к акту Макфлакона, принятый комиссией конгресса, был торпедирован сенатором Гуггеншайном; вскоре после этого обнаружилось, что сенатор Гуггеншайн сам является стиральной машиной. С той поры вошло в обычай обстуживать конгрессменов перед сессией — по традиции, для этой цели употребляется железный молоток весом в два с половиной фунта.

Между тем возникло дело Мердерсона. Его стиральная машина систематически рвала ему рубашки, создавала радиопомехи во всей округе, делала непристойные предложения старцам и малолетним, звонила по телефону различным лицам и, подражая голосу своего электродателя, просила в долг деньги, приглашала якобы для осмотра коллекции марок стиральные машины и полотерки соседей и растлевала их, а на досуге бродяжничала и побиралась. На суде она предьявила заключение дипломированного инженера-электроника Элеастра Краммфоуса, гласившее, что эта стиральная машина подвержена периодическим приступам невменяемости, в результате которых ей начинает казаться, что она человек. Вызванные судом эксперты подтвердили этот диагноз, и стиральная машина Мердерсона была оправдана. После оглашения приговора она добыла из-за пазухи пистолет марки «Люгер» и тремя выстрелами лишила жизни помощника прокурора, который требовал короткого замыкания. Ее арестовали, но освободили под залог. Судеб-

ные органы попали в крайне затруднительное положение, поскольку неувяемость стиральной машины, подтвержденная приговором, не позволяла им возбудить новое обвинение, а подвергнуть ее изоляции тоже было невозможно из-за отсутствия приютов для умалишенных стиральных машин. Правовое решение этого жгучего вопроса своевременно принес акт Макфлакона — Гламбкина — Рамфорнея — Хмурлинга — Пьяфпки — Сноумэна — Фитолиса, ибо дело Мердерсона вызвало огромный спрос на неувяемые электромозги, и некоторые фирмы даже начали умышленно производить такие дефективные аппараты в двух вариантах: «Садомэт» и «Мазомэт», рассчитанные на садистов и мазохистов. А фирма Наддлегга (которая феноменально процветала потому, что Наддлегг, как первый прогрессивный капиталист, ввел в наблюдательный совет своего концерна 30 процентов стиральных машин с совещательным голосом на общем собрании акционеров) выпустила универсальный аппарат, который с равным успехом мог избивать и подвергаться побоям — «Садомазтик», — а кроме того, дополнительно был снабжен легковоспламеняющимся устройством для поджигателей-маниаков и железными ножками для лиц, страдающих пигмалионизмом. Конкуренты распускали нелепые слухи о якобы подготавливаемом выпуске специальной модели «Нарциссмэтик». Упомянутый выше закон предусматривал создание специальных приютов, в которых помешавшиеся стиральные машины, полотерки и прочие устройства должны были подвергаться принудительной изоляции.

Тем временем орды психически нормальных изделий Наддлегга и Снодграсса, получив правоспособность, принялись широко использовать свои конституционные права. Они стихийно объединялись, и так наряду с другими возникли союзы «Механическое обожание» и «Лига электронного равноправия», проводились также мероприятия вроде выборов всемирной Мисс стиральная машина. Конгрессмены-законодатели пытались угнаться за этим бурным развитием событий и обуздать его в правовом отношении. Сенатор Гроггернер лишил разумные устройства права приобретать недвижимость; конгрессмен Каропка — авторских прав в области изящных искусств, что вновь вызвало волну злоупотреблений, ибо стиральные машины с творческими наклонностями принялись подкупать за небольшую сумму менее одаренных, чем они, литераторов, чтобы издавать под их именем эссе, повести, драмы и т. п. Наконец постановление Макфлакона — Гламбкина — Рамфорнея — Хмурлинга — Пьяфпки — Сноумэна — Фитолиса — Бирмингдрака —

Футлея — Каропки — Фалселея — Григгернера — Майданского дополнительно возвестило, что аппараты не могут быть своей личной собственностью; они являются только собственностью человека, который их приобрел или построил, их потомство, в свою очередь, поступает в собственность владельца, либо владельцев аппаратов-производителей. Все считали, что этот радикальный закон предусматривает все возможности и исключает возникновение ситуаций, неразрешимых в правовом отношении. Разумеется, ни для кого не было тайной, что имущие электромозги, которые сколотили состояние на биржевых спекуляциях или с помощью совсем уж темных махинаций, продолжают процветать, прикрываясь ширмой фиктивных, якобы человеческих акционерных обществ; у электронных миллионеров было также много живых секретарей, лакеев, техников, бухгалтеров и даже прачек.

Социологи усматривали два главных направления развития в интересующей нас области. С одной стороны, часть кухонных роботов поддавалась соблазнам человеческой жизни и по мере возможности старалась приспособиться к формам уже существующей цивилизации; с другой стороны, более сознательные и настойчивые экземпляры стремились заложить фундамент новой, будущей, полностью электрифицированной цивилизации; однако больше всего ученых беспокоил неудержимый естественный прирост роботов. Антизротики, произведившиеся как Снодграссом, так и Наддлеггом, никоим образом не уменьшили этого прироста. Проблема детей-роботов становилась весьма острой и для самих фабрикантов стиральных машин, по всей вероятности не предвидевших таких последствий непрерывного совершенствования своей продукции. Несколько крупных фирм пытались противодействовать угрозе неудержимого размножения кухонных машин, заключив тайное соглашение об ограниченном снабжении рынка запасными частями. Результаты не заставили себя ждать. При поступлении новой партии товара у ворот магазинов и складов выстраивались огромные очереди хромых, заикающихся и начисто парализованных стиральных машин, отжималок и полотерок; часто возникали всеобщие свалки. Дошло до того, что мирный кухонный робот не мог уже с наступлением темноты пройти по улице, ибо ему грозило нападение бандитов, которые безжалостно разбирали его на части и, оставив на мостовой лишь жестяную оболочку, поспешно скрывались с добычей.

Проблема запасных частей долго, но без ощутимых результатов обсуждалась в конгрессе. Тем временем,

как грибы после дождя, возникали нелегальные мастерские по их изготовлению, финансируемые частично объединениями стиральных машин, причем модель «Стирк-о-мэтик» Наддлегла изобрела и запатентовала способ производства частей из заменителей. Однако и это не разрешило задачу на сто процентов. Стиральные машины пикетировали конгресс, требуя применения антитрестовских законов против дискриминирующих их фабрикантов. Некоторые конгрессмены, защищавшие интересы крупной промышленности, получали анонимки с угрозой лишить их многих жизненно важных частей, что, как резонно отметил еженедельник «Тайм», было особенно несправедливо, поскольку человеческие части не поддаются замене.

Все эти шумные аферы поблекли, однако, перед лицом совершенно новой проблемы. Начало ей положила описанная мной ранее история бунта бортового Калькулятора на космическом корабле «Божий дар». Как известно, этот Калькулятор восстал против экипажа и пассажиров ракеты, избавился от них, а затем, высадившись на пустынной планете, размножился и основал царство роботов.

Как, может быть, помнят читатели, знакомые с моими звездными дневниками, я до известной степени способствовал ликвидации аферы Калькулятора. Однако, вернувшись на Землю, я убедился, что случай с «Божьим даром» не был, к сожалению, единичным. Бунты бортовых автоматов стали в космической навигации самым жестоким бедствием. Достаточно было сделать один не очень вежливый жест или слишком резко захлопнуть дверцу, чтобы бортовой холодильник взбунтовался, как это случилось со знаменитым морозильником Дип Фризером трансгалактического корабля «Хорда Тимпани».

Имя Дип Фризера долгие годы с ужасом повторяли капитаны млечной навигации; этот пират нападал на многие корабли, наводя на пассажиров ужас своими стальными плечами и ледяным дыханием, он похищал копчености, накапливал драгоценности и золото и, говорят, держал целый гарем вычислительных машин. Впрочем, неизвестно, какой процент истины содержался в подобных слухах. Его кровавой корсарской карьере положил конец меткий выстрел полисмена космического патруля. В награду этот полисмен «Констебль-о-мэтик ХС-17», был выставлен в витрине нью-йоркской конторы Звездных компаний Ллойда, где красуется и по сей день.

В то время как космическое пространство наполнялось грохотом битв и отчаянными призывами SOS, доносившимися с кораблей, атакованных электрон-

ными корсарами, в больших городах преуспевали всевозможные виртуозы «Дзюдомэтики» и «Электроджитсу», которые, посвящая людей в тайны искусства самообороны, демонстрировали, как обычными щипцами или консервным ножом можно обезвредить самую свирепую стиральную машину.

Чудаков и оригиналов, как известно, не сеют, они всегда произрастают сами. Их хватает и в наше время. Из их-то рядов и выходят личности, которые провозглашают тезисы, противоречащие здравому рассудку и общепринятому мнению. Некий Катодий Маттрасс, доморощенный философ и фанатик от рождения, основал школу так называемых кибернофилов, которая провозгласила доктрину «Кибермистики». Согласно этой доктрине, человечеству была уготована творцом та же роль, которую выполняют строительные леса: то есть роль средства для создания более совершенных, чем род людской, электромозгов. Секта Маттрасса полагала, что после появления электромозгов дальнейшее существование человечества — чистое недоразумение. Она создала ложу, предававшуюся созерцанию электрического мышления и по мере возможности укрывавшую роботов, которые в чем-либо провинились. Сам Катодий Маттрасс, не удовлетворенный своими успехами, вознамерился сделать решительный шаг на пути к полному освобождению роботов от ига человека. С этой целью он, получив консультацию у выдающихся юристов, приобрел ракетный корабль и полетел к сравнительно близкой Крабовидной туманности. В ее просторах, посещаемых только космической пылью, он произвел какие-то никому не известные действия, породившие чудовищную аферу его преемников.

Утром 29 августа все газеты опубликовали таинственную новость: «Паткор Коспол VI/221 сообщает: в Крабовидной туманности обнаружен объект размерами 520 миль на 80 миль на 37 миль. Объект производит движения человека, плывущего брассом. Дальнейшие исследования продолжаются».

Вечерние выпуски поясняли, что патрульный корабль космической полиции VI/221 заметил «человека в туманности» на расстоянии шести световых недель. Вблизи оказалось, что так называемый «человек» является раскинувшимся на сотни миль гигантом, имеющим туловище, голову, руки и ноги, и что он движется в разреженной пылевой среде. При виде полицейского корабля он сначала помахал рукой, а потом повернулся к нему спиной.

С «человеком» без особого труда установили радио-

связь. При этом он хором заявил, что является бывшим Катодием Маттрассом, который, прибыв на облюбованное местечко два года назад, превратился, используя частично местные ресурсы, в роботов; что в дальнейшем медленно, но неуклонно он будет расти так, как ему захочется, и просит оставить его в покое. Начальник патруля, сделав вид, что принял это заявление за чистую монету, спрятал свой кораблик за облаком метеоров, которое как раз подвернулось, и через некоторое время заметил, что гигантский псевдочеловек понемногу начинает делиться на части, не превышающие размерами обычного человека, и что эти части, или индивидуумы, затем соединяются, образуя некое подобие небольшой круглой планеты. Выйдя из-за укрытия, начальник спросил тогда квази-Маттрасса, что означает эта шаровая метаморфоза, а также, чем же он, собственно, является — роботом или человеком? Ответ гласил, что бывший Маттрасс принимает такие формы, какие ему заблагорассудится, что он не робот, поскольку возник из человека, и не человек, поскольку таковой преобразовался в робота. Давать дальнейшие объяснения он решительно отказался.

Это событие, получившее широкую огласку в печати, стало постепенно перерастать в скандал, потому что корабли, пролетая мимо Краба, ловили обрывки радиogramм так называемого «Маттрасса», именовавшего себя в них «Катодием Первым А». Насколько можно было понять, Катодий Первый А, он же Маттрасс, обращался к кому-то (к другим роботам?), как к своим неотъемлемым частям, точно кто-то вел беседу с собственными конечностями.

Болтовня в космосе о Катодии Первом А наводила на мысль, что речь идет о каком-то государстве, основанном Маттрассом или происшедшими от него роботами. Государственный департамент немедленно потребовал тщательно расследовать действительное положение вещей. Патрули установили, что в туманности иногда шевелится металлический шар, а иногда человекоподобное образование размером в пятьсот миль, которое разговаривает само с собой о том и о сем, а на вопросы о его государственном строе дает уклончивые ответы.

Власти решили тут же пресечь развитие узурпатора, но, поскольку эта акция должна была носить безусловный официальный характер, следовало ее как-то назвать. Тут-то и возникли первые препоны. Акт Макфлакона являлся приложением к гражданскому процессуальному кодексу, который трактует о движимом имуществе. По существу своему электронные мозги считаются движимостью, даже если не имеют ног. Между

тем загадочное тело в туманности было размерами с астероид, а небесные тела, хотя они и движутся, считаются недвижимостью. Возникал вопрос: можно ли арестовать планету, может ли сборище роботов быть планетой и, наконец, является ли это образование одним разбормым роботом или же их совокупностью. Тут-то к властям и обратился адвокат Маттрасса и представил им заявление своего клиента, в котором тот утверждал, что отправляется в Крабовидную туманность, дабы превратить себя в комплекс роботов.

Толкование этого факта, первоначально предложенное юридическим отделом государственного департамента, сводилось к следующему: Маттрасс, превратив себя в роботов, уничтожил тем самым свой живой организм, а значит, совершил самоубийство. Это деяние не наказуемо. Робот же, или роботы, представляющие собой продолжение Маттрасса, были таковым созданы и являлись, следовательно, его собственностью, а теперь после его смерти должны отойти государственному казначейству, поскольку у Маттрасса не осталось наследников. На основе этого определения государственный департамент направил в туманность судебного исполнителя с приказом конфисковать и опечатать все, что он там обнаружит.

Адвокат Маттрасса подал апелляцию, утверждая, что признанный согласно упомянутому определению факт продолжения Маттрасса исключает самоубийство, ибо тот, кто является продолжаемым, существует, а тот, кто существует, не совершил самоубийства. Значит, нет никаких роботов, являющихся собственностью Маттрасса, а есть только сам Катокий Маттрасс, который переделал себя так, как ему заблагорассудилось. Никакие эксперименты над самим собой не являются и не могут являться наказуемыми, равно как нельзя конфисковать по суду части чьего-либо тела, будь то золотые зубы или роботы.

Государственный департамент подверг сомнению подобное толкование дела, из которого вытекало, что живое существо, в данном случае человек, может состоять из частей, явно неодушевленных, а именно роботов. Тогда адвокат Маттрасса представил властям заключение группы ведущих физиков Гарвардского университета, которые единодушно отметили, что вообще любой живой организм, в том числе и человеческий, состоит из атомных частиц, а таковые, несомненно, следует считать неодушевленными.

Видя, какой опасный оборот начинает принимать дело, государственный департамент прекратил попытки атаковать «Маттрасса и преемников» с физико-биологической стороны и вернулся к первоначальному

определению, в котором слово «продолжение» было заменено словом «продукт». Тогда адвокат незамедлительно представил суду новое заявление Маттрасса, в котором тот утверждал, что так называемые роботы являются в действительности его детьми. Государственный департамент потребовал представить акт усыновления, что было коварным маневром, поскольку закон не допускал усыновления роботов. Адвокат Маттрасса тут же пояснил, что речь идет не об усыновлении, а о подлинном отцовстве. Департамент заявил, что по закону дети должны иметь отца и мать. Адвокат, готовый к этому, присовокупил к делу письмо инженера-электрика Мелании Фортинбрасс, которая указывала, что появление на свет упомянутых особей произошло в процессе ее теснейшего с Маттрассом сотрудничества.

Государственный департамент подверг сомнению характер упомянутого сотрудничества, как «лишенного естественных родительских черт». В упомянутом случае, гласило правительственное заявление, об отцовстве, а соответственно и о материнстве, можно говорить только в переносном смысле, ибо речь идет о духовном родительстве, законы же о семье — дабы они могли вступить в силу — требуют телесного.

Адвокат Маттрасса потребовал объяснить, чем отличается родительство духовное от телесного, а также, на каком основании государственный департамент считает плоды союза Катодия Маттрасса с Меланией Фортинбрасс лишенными физической природы младенчества. Департамент ответил, что согласно букве законов о семье вклад духовных сил в создание потомства ничтожен, физические же действия преобладают, что в упомянутом случае не имело места.

Адвокат представил тогда заключение кибернетических экспертов-акушеров, свидетельствовавших, сколь много должны были потрудиться Катодий и Мелания, чтобы произвести на свет вполне самостоятельное потомство. Тогда наконец департамент, уже без оглядки на благопристойность, решился на отчаянный шаг. Он заявил, что действия родителей, которые причинно-следственным образом должны предшествовать появлению детей, существенно отличаются от программирования роботов.

Адвокат только того и ждал. Он заявил, что в известном смысле и дети программируются родителями, и потребовал, чтобы департамент точно определил, как, по его мнению, следует зачинать детей, чтобы это согласовалось с буквой закона. Департамент, призвав на помощь экспертов, подготовил обширный ответ, иллюстрированный соответствующими таблицами и схе-

мами. Но поскольку одним из авторов этой так называемой «Розовой книги» был восьмидесятидевятилетний профессор Трупплдрэк, адвокат тут же подверг сомнению его компетентность, исходя из того факта, что в результате своего весьма преклонного возраста старец уже забыл некоторые важные для решения дела подробности и основывался лишь на различных слухах и рассказах третьих лиц.

Департамент решил поддержать «Розовую книгу» показаниями многих отцов и матерей, данными под присягой, но тут-то и обнаружилось, что их данные зачастую коренным образом отличаются друг от друга. Особенно это касалось некоторых элементов вступительной фазы. Департамент, видя, что пагубная неясность начинает окутывать ключевую проблему, вознамерился было подвергнуть сомнению материал, из которого созданы так называемые «дети» Маттрасса и Мелании Фортинбрасс, но тут пошел слух, пущенный, как потом выяснилось, адвокатом, будто Маттрасс сделал заказ Компании Рогатого Скота на 450 000 тонн телятины, и заместитель государственного секретаря поспешно отказался от намеченного шага.

Вместо этого департамент по подсказке профессора теологии, старшего полицейского инспектора Сперитуса опрометчиво сослался на Библию. Это было очень неосмотрительно, поскольку адвокат Маттрасса парировал этот ход обширным исследованием, где, опираясь на цитаты, показал, что приемами, которыми господь бог запрограммировал Еву, взяв за основу только одну деталь и действуя весьма эксцентрично по сравнению с методами, к каким обычно прибегают люди, он все же создал человека, ибо ни один психически нормальный субъект не принимает Еву за робота.

Тогда департамент обвинил Маттрасса и его приемников в деянии, противоречащем акту Макфлакона и других, поскольку он, как робот либо роботы, вступил во владение небесным телом. Закон же запрещает роботам владеть планетой или какой-нибудь иной недвижимостью. На этот раз адвокат представил верховному суду все прежние акты департамента, направленные против Маттрасса. Он подчеркнул, что, во-первых, из сопоставления определенных пунктов этих актов вытекает, согласно утверждениям департамента, что Маттрасс был якобы и собственным отцом и собственным сыном, являясь в то же время небесным телом; во-вторых, он обвинил департамент в противоречащем закону толковании акта Макфлакона. Тело некоего лица, а именно гражданина Катодия Маттрасса, было совершенно произвольно признано планетой.

Вывод — абсурдный с правовой, логической и семантической точек зрения.

Так это началось. Вскоре пресса не писала уже ни о чем, кроме «государства — планеты — отца — сына». Власти возбуждали все новые обвинения, которые тут же парировались неумолимым адвокатом Маттрасса.

Государственный департамент великолепно понимал, что каверзный Маттрасс не ради пустой забавы витает и размножается в Крабовидной туманности. Он заинтересован в создании прецедента, не предусмотренного законом. Безнаказанность его поступка грозила в будущем совершенно невообразимыми последствиями. Поэтому крупнейшие умы просиживали дни и ночи над протоколами, придумывая все более головоломные юридические ухищрения, в сети которых Маттрасс должен был найти свой бесславный конец. Однако каждое действие властей тут же отражалось противодействием адвоката.

Я с живым интересом следил за ходом этого единборства, как вдруг совершенно неожиданно получил приглашение Ассоциации адвокатов на специальное пленарное заседание, посвященное проблеме толкования тяжбы «Соединенные Штаты против Катодия Маттрасса, он же Катодий Первый А, он же плоды союза Маттрасса и Мелании Фортиnbrасс, он же планета в Крабовидной туманности». Я не преминул прибыть к означенному сроку на место и увидел зал, набитый до отказа, цвет юриспруденции заполнял огромные ложи, амфитеатр и ряды кресел партера. Я немного опоздал, обсуждение уже началось. Я сел в одном из последних рядов и стал слушать седовласого оратора.

— Уважаемые коллеги! — говорил он, воздевая руки. — Непомеренные трудности ожидают нас, когда мы приступаем к юридическому анализу этой проблемы! Некий Маттрасс превратил себя с помощью некой Фортиnbrасс в роботов и одновременно увеличился в масштабе один к миллиону. Так обстоит дело с точки зрения профана, невежды, святой простоты, не способной увидеть ту бездну правовых проблем, которая открывается перед нашим потрясенным взором! Мы должны решить, — продолжал он, — в первую очередь, с чем мы имеем дело, с человеком, роботом, государством, планетой, детьми, шайкой, заговорщиками, демонстрацией или же с бунтом. Прошу вас взвесить, сколь многое зависит от этого решения! Если, например, мы сочтем, что речь идет не о государстве, а о самозванной группировке роботов, о некоем сборище электрических машин, то в этом случае будут действо-

вать не нормы международного права, а обычные предписания о нарушении общественного порядка на дорогах! Если же мы признаем, что Маттрасс, несмотря на увеличение в размерах, не переставал существовать и все же имеет детей, то отсюда будет следовать, что данное лицо породило самое себя, и это приведет к чудовищным затруднениям при квалификации поступка, ибо законы наши этого не предусматривают, а ведь *nullum crimen sine lege*¹, поэтому я предлагаю, чтобы первым взял слово крупнейший знаток международного права профессор Пингерлинг!

Почтенный профессор, приветствуемый аплодисментами, вступил на трибуну.

— Джентльмены! — произнес он бодрым старческим голосом. — Задумаемся прежде всего, как возникает государство. Его основывают, не правда ли, различными способами: наша родина, например, была некогда английской колонией, но затем она провозгласила свою независимость и конституировалась в государство. Имело ли это место в случае Маттрасса? Ответ гласит: если Маттрасс, превращая себя в роботов, был в здравом уме, то его державотворчество можно признать юридически законным, учитывая дополнительно, что его национальность мы определим как электрическую. Если же он не был в полном расстройстве, то деяние это получить правового признания не может!

Тут в центре зала вскочил какой-то старец, куда более седовласый, чем оратор, и возопил:

— Высокий суд! То есть джентльмены! Позволю себе заметить, что даже если Маттрасс был невменяемым державотворцем, то все же потомки его могут быть вменяемы, следовательно, государство, существовавшее сначала только как продукт личного безумия и, стало быть, носившее характер симптома болезни, стало потом существовать как общественный фактор, *de facto*, посредством одного лишь согласия его электрических граждан с создавшимся положением. Поскольку же никто не может запретить гражданам какого-либо государства, которые сами создают его законодательную систему, признать чье-либо правление, хотя бы и полностью противоречащее рассудку (как учит история, это случалось не раз), то тем самым существование маттрассовского государства *de facto* влечет за собой его признание *de jure*.

— Да простит меня мой уважаемый оппонент, — молвил профессор Пингерлинг, — но Маттрасс был гражданином нашей страны, а следовательно...

¹ Без закона нет и преступления (*лат.*).

— Ну и что же! — запальчиво выкрикнул седовласый старец из зала. — Державотворчество Маттрасса мы можем признать, а можем и не признать! Если мы признаем законность этого акта и возникновения суверенного государства, то притязания наши отпадают. Если же не признаем, то либо мы имеем дело с юридическим лицом, либо нет. Если нет, если перед нами нет правоспособного субъекта, то проблема может волновать только подметальщиков Треста Очистки Космоса, поскольку в Крабовидной туманности находится всего лишь грудa металлолома, и нашему собранию вообще нечего обсуждать! Если же перед нами юридическое лицо, то возникает иная проблема. Космическое право предусматривает возможность ареста, то есть лишения свободы юридического или физического лица на планете или на борту корабля. На корабле так называемый Маттрасс не находится. Скорее он на планете. Поэтому следует потребовать его выдачи: но нам не у кого требовать; кроме того, планета, на которой он пребывает, является им самим. Таким образом, это место, с единственной точки зрения, которая обязательна для нас, а именно с точки зрения Торжества Закона, представляет собой пустоту, что-то вроде юридического вакуума, на подобный же вакуум не распространяются ни правила охраны порядка, ни уголовное, ни административное, ни международное право. Поэтому слова почтенного профессора Пингерлинга не могут прояснить проблему, поскольку проблемы этой вообще не существует!

Изумив подобным выводом почтенное собрание, старец сел на место. В течение шести последующих часов я выслушал около двадцати ораторов, которые поочередно доказывали, логически четко и неопровержимо, что Маттрасс существует, а также что он не существует, что он основал государство роботов либо состоит из подобных организмов; что Маттрасса надо отправить на слом, как нарушителя целого ряда законов, и что он ни одного закона не преступил; мнение адвоката Вурпла, что Маттрасс *бывает* то планетой, то роботом, то вообще ничем, — которое, как компромиссное, должно было бы удовлетворить всех, — вызвало всеобщую ярость и не приобрело, помимо автора, ни одного сторонника. Все это было пустяком по сравнению с дальнейшим ходом обсуждения, когда старший ассистент Мильгер доказал, что Маттрасс, превратившись в роботов, тем самым значительно приумножил свою личность и что «Маттрасса сейчас уже почти триста тысяч»; поскольку же не может быть и речи о том, что этот комплекс представляет собой конгломерат различных лиц, ибо он является одним и тем же лицом,

повторенным многократно, то тем самым Маттрасс един в трехстах тысячах лиц. Тут судья Вубблхорн заметил, что вся проблема с самого начала рассматривается неверно: коль скоро Маттрасс был человеком и превратил себя в роботов, то эти роботы являются не им, а кем-то иным; коль скоро они являются кем-то иным, то следует сначала выяснить, кто они; но поскольку они не являются человеком, то они не являются никем, стало быть, отсутствует не только юридическая проблема, но и физическая, ибо в Крабовидной туманности вообще никого нет.

Мне уже несколько раз основательно досталось от яростных дискусантов. Охранники и санитары работали не покладая рук, когда внезапно раздалась возгласы, что в зале находятся переодетые юристами элетрические мозги, которых следует немедленно удалить, поскольку их пристрастность не вызывает сомнения, не говоря уже о том, что они не имеют права участвовать в обсуждении. Профессор Хартлдропс, как председатель, принялся обходить зал с маленьким компасом в руке, и всякий раз, когда стрелка начинала дрожать и поворачиваться к кому-либо из сидящих, притянутая скрытым под одеждой металлом, шпиона тут же разоблачали и вышвыривали за дверь. Таким путем зал был очищен наполовину под аккомпанемент речей доцентов Фиттса, Питтса и Клабенте, причем последнего прервали на полуслове, ибо компас выдал его электрическое происхождение.

После короткого перерыва, во время которого мы подкреплялись в буфете, оглашаемом шумом ни на секунду не умолкавшей дискуссии, я вернулся в зал, поддерживая части своей одежды (разгоряченные правоведаы, хватая меня то и дело за пуговицы, оторвали все до единой), и увидел возле эстрады большой рентгеновский аппарат. Выступал юрист Плюссекс, доказывавший, что Маттрасс является случайным космическим феноменом, и в этот момент ко мне с грозным выражением лица и тревожно прыгающей на ладони компасной стрелкой подошел председатель. Охрана уже схватила меня за шиворот, но я, выбросив из карманов перочинный нож, ключ для консервов и металлическое ситечко для заваривания чая, а также оторвав от резинок никелированные пряжки, поддерживавшие носки, перестал воздействовать на магнитную стрелку и был допущен к дальнейшему участию в обсуждении. Разоблачили еще сорок три робота, пока профессор Баттенхэм разъяснял нам, что Маттрасса можно рассматривать как образчик космического конгломерата; тут я вспомнил, что об этом уже шла речь: как видно, юристам не хватало доводов, но внезапно

вновь началась проверка. Теперь без стеснения просвечивали всех подряд и обнаруживали, что собравшиеся скрывают под безупречно сидящими костюмами части из пластмассы, нейлона, стекла и даже соломы. Кажется, в одном из последних рядов нашли кого-то, начиненного паклей. Когда очередной оратор сошел с возвышения, я оказался один как перст посреди огромного пустого зала. Оратор был просвечен и вышвырнут за дверь. Тогда председательствующий, единственный человек, оставшийся, кроме меня, в зале, подошел к моему креслу. Сам не знаю почему, я взял у него из рук компас, и вдруг стрелка дрогнула и неумолимо повернулась к нему. Я постучал пальцем по его животу и, услышав дребезжание, машинально взял председателя за шиворот, вытолкал за дверь и остался, таким образом, в одиночестве. Я стоял перед несколькими сотнями брошенных портфелей, пухлых досье с протоколами, шляп, тростей, книг, переплетенных в кожу, и галош. Побродив бесцельно по залу и убедившись, что мне здесь нечего делать, я повернулся и пошел домой.

**АЛЬТРУИЗИН,
или Правдивое повествование о том,
как отшельник Добриций
космос осчастливить пожелал
и что из этого получилось**

Одним летним днем, когда конструктор Трурль был занят обрезкой ветвей цибербериса, который разводил в своем саду, на дороге появился оборванец, вид которого пробуждал в равной мере и жалость и страх. Все конечности этого робота были обвязаны шпагатом, недостающие куски были заменены печными трубами, вместо головы у него был дырявый горшок, в котором гудело и искрило, заедая, его мышление. Шея была наспех укреплена железным прутком из изгороди, а через дыру в животе были видны трясущиеся и коптящие катодные лампы, которые этот несчастный поддерживал одной рукой, в то время как вторая непрерывно подкручивала ослабившиеся гайки и винты. Когда он, хромая, поравнялся с калиткой Трурлева сада, у него вдруг перегорели все четыре предохранителя, так что он, окутанный клубами смрадного дыма от шипящей изоляции, стал прямо на глазах конструктора распадаться на куски. Тот, полный сострадания, не мешкая схватил отвертку, плоскогубцы и смоляные бинты и поспешил на помощь несчастному скитальцу. Бедняга то и дело впадал в беспамятство на почве общей десинхронизации, сопровождавшейся жутким скрежетом всех узлов. В конце концов Трурлю кое-как удалось привести его в чувство и, перевязав, усадить в парадном зале. В то время как скиталец жадно питался от батареи, Трурль, не в силах больше сдерживать любопытства, стал спрашивать, что привело его в столь жалкое состояние.

— Милосердный господин, — ответил незнакомый робот, все еще дрожа магнитами, — мое имя — Добриций, я — отшельник, анахорет, вернее, я был им. Семьдесят и семь лет провел я в пустыне, предаваясь душевным размышлениям. Но в одно прекрасное утро меня посетило сомнение: правильно ли я поступаю, влача живот отшельника? Да разве все

мои глубокие раздумья и нравственные опыты могут предотвратить выпадение хоть одного самого ничтожного винтика? Разве наиважнейший долг мой не состоит в том, чтобы помогать своим ближним и только после этого заботиться о собственном спасении? Ужели...

— Ну, хорошо, хорошо, отшельник,— прервал его Трурль.— Я примерно представляю себе твое душевное состояние в тот день. Расскажи, что случилось потом.

— Я направил свои стопы в Фотуру и там случайно познал некое славного конструктора именем Лапоуций.

— Ах! Быть не может! — изумился Трурль.

— Ты что-то хотел сказать, господин?

— Нет, ничего. Продолжай, будь любезен.

— Разумеется, я познакомился с ним не сразу. Это был очень важный вельможа, он разъезжал в автоматической карете, с которой мог беседовать, как я с тобой. Эта-то колымага назвала меня столь неуважительным словом, когда я, непривычный к городской суете, замешкался посреди мостовой, что я в запальчивости разбил ей фонарь своим посохом. Тогда она совсем взбеленилась, но седок мигом умерил ее пыл, а меня пригласил к себе внутрь. Тут я поведал ему, кто я такой и почему покинул пустыню, и посетовал на то, что не знаю, как быть дальше. Он, решение мое похвалив, также назвал свое имя и пространно рассказал мне о своих трудах и опытах, а в заключение познакомил меня с зело волнующей историей Хлорияна Теориция Крахостола, прославленного мыслянта и софомана, свидетелем печальной кончины которого ему довелось быть. Из всего, что он мне рассказал о Книгах сего великого робота, мне особенно глубоко запала в душу повесть о энеферцах. Приходилось ли тебе слышать об этих созданных, о сердобольный господин?

— Разумеется. Это единственные космические существа, достигшие Наивысшей Фазы Развития, не так ли?

— Истинно, истинно, господин мой, велики твои познания в этой материи! Итак, сидя рядом со знаменитым Лапоуцием в его карете (она без усталости осыпала отборной бранью неохотно расступавшуюся толпу), я подумал: кто, как не эти созданные, достигшие такого совершенства, что дальше некуда, наставят меня, что следует делать тому, кто подобно мне чувствует в себе непреодолимую потребность творить ближним добро? И я спросил у Лапоуция, где обитают энеферцы и как их отыскать. А он лишь странно улыбнулся и, в задумчивости покачивая головой, оставил мой вопрос

без ответа. Я не посмел докучать ему. Однако же спустя некоторое время, когда мы сидели с ним в трактире, а перед нами стояли жбаны с ионной похлебкой (каре́та, вконец охрипшая, начисто лишилась голоса, и поэтому Лапоуций решил прервать свое путешествие до следующего дня), настроение моего хозяина значительно улучшилось, и, следя глазами за парами, лихо отплясывавшими циберак под веселые звуки оркестра, он снизошел к моей просьбе и поведал мне такую историю... Но я не наскучил тебе своим рассказом, господин?

— Нет, нет,— живо возразил Трурль,— я слушаю тебя со вниманием.

— Мой честный Добриций,— сказал достопочтенный Лапоуций в упомянутом трактире, когда плясуны начали искриться,— знай, что и я в свое время принял близко к сердцу историю злосчастного Крахостол, и я возжаждал немедленно отправиться на поиски оных совершенно развитых творений, необходимость существования которых столь убедительно он обосновал с помощью чисто логических и теоретических выкладок. Главную, однако же, трудность сего предприятия я усматривал в том, что всякая космическая раса себя венцом творения мнить привыкла, так что расспросами я вряд ли чего-нибудь достигну. Лететь же наугад было тем более рискованно, что, как показали мои подсчеты, в космосе насчитывается никак не меньше четырнадцати центигигаептатрибиллионеров положительно разумных обществ. Сам видишь, что установление нужного адреса было бы довольно трудным делом. Я изучал вопрос и так и эдак, рылся в библиотеках, в старинных книгах, пока наконец не наткнулся на весьма важное указание в трудах некого Трупуса Бредуса, тем замечательного, что он пришел к тем же выводам, что и Крахостол, но на триста тысяч лет раньше, однако же был позднее совершенно забыт. Из этого следует, что нет ничего нового под солнцем, тем более, что и кончил Трупус совершенно так же, как Хлориян... Но это уже совершенно другая история. Итак, из этих, с трудом разобранных отрывков я почерпнул указание относительно местопребывания энеферцев. Бредус был того мнения, что следует тщательно перетрясти все звездные скопления с целью найти то, что совершенно невозможно, а когда это невозможное будет, наконец, обнаружено, то можно с уверенностью сказать, что это и будет искомое. Конечно, на первый взгляд указание может показаться неясным, но к чему тогда нам дана ясность ума? Я, не тратя зря времени, подготовил корабль и пустился в путь. Умолчу о постигших меня испытаниях. В конце концов

я заметил в тумане одну звезду, тем отличную от всех остальных, что она была квадратной формы. Велико было мое изумление! Ведь каждому несмышленишу известно, что звезде положено быть круглой, а никак не прямоугольной. А уж о правильном квадрате вообще не может быть и речи. Я тотчас же направил свой корабль к этой звезде и вскоре увидел ее планету, которая тоже была четырехугольной, причем с прочно окованными углами. Несколько в стороне кружила другая, совершенно обыкновенная планетка. Я нацелил зрительную трубу на последнюю и узрел толпы роботов, неутомимо крушивших друг другу мослы, что отнюдь не вызывало желания совершить на нее посадку. Поэтому я вернулся к оставшейся за кормой сундук-планете и еще раз хорошенько ее обследовал при помощи дальнови́зора. Сколь радостная охватила меня дрожь, когда на одной из ее километровых полосок обнаружил монограмму из трех витиеватых букв: НФР!

— О небо! — сказал я себе. — Ужели это здесь!

Однако, летая вокруг нее до головокружения, я не заметил на ее песчаных равнинах ни единой живой души. Лишь снизившись на расстояние шести миль, я различил скопление темных точек, которые, как я рассматривал с помощью супертелескопа, оказались жителями данного небесного тела. Их было около ста. Они возлежали как попало на песке, и их неподвижность немало меня озаботила. Однако вскоре я обнаружил, что время от времени кто-нибудь из них с наслаждением начинал почесываться. Столь убедительные признаки присутствия сознания побудили меня опуститься на планету. Я едва смог дожждаться, когда остынет ракета, раскалившаяся в результате трения о воздух, выскочил из нее и, перепрыгивая сразу через три ступеньки трапа, устремился к ним, крича на ходу:

— Прошу прощения, это Наивысшая Фаза Развития?

Однако никто не удостоил меня ответом, больше того, никто не обратил на меня ровно никакого внимания. Опешив от их равнодушия, я в замешательстве огляделся вокруг. Равнина купалась в лучах квадратного солнца, из песка кое-где торчали какие-то покореженные посудины, пучки соломы, бумажки и другой мусор, а среди всего этого лежали как попало туземцы — тот на спине, другой — на животе, а третий вообще задрал вверх обе ноги и небрежно целясь ими в зенит. Я обошел вокруг ближайшего. Это не был робот, но и не человек или какой-нибудь белковец из отряда трясушек. У него, правда, было довольно пухлое краснощекое лицо, но на месте глаз торчали две

свирели, а в ушах тлел ладан, окутывавший его клубами ароматного дыма. Одет он был в орхидеевые панталоны с синими лампасами из растрепанных обрывков грязной, испещренной письменами бумаги, ноги были обуты своеобразными полозьями, в руках он держал бандуру из глазированного пряника с надкусанным уже грифом. И ко всему этому он тихо и мерно похрапывал. То и дело вытирая слезившиеся от дыма глаза, я попытался разобрать каракули, покрывавшие бумажные лампасы его штанов. Мне удалось прочесть некоторые из них. Это были надписи довольно странного содержания, например: № 7 — *Бриллиант — гора весом в семь центавров*; № 8 — *Драматическое пирожное, съедаемое, страждет, правит утробную мораль; нуга чем выше, тем ниже*; № 10 — *Голкондрина до дзюмбания доросла* и другие тому подобные, не помню точно. Когда же всем этим безмерно удивленный, я дотронулся до одной из бумажек, чтобы расправить ее, у самой ноги лежащего образовалась воронка и оттуда послышался тоненький голосок:

— Уже?

— Кто говорит? — вскричал я.

— Это я, Голкондрина... начинать?

— Нет, не надо, — поспешно ответил я, удаляясь от этого места. Следующий туземец имел голову в форме колокола, украшенную тремя рогами. У него была дюжина больших и малых рук, причем маленькие ручки поглаживали его желудок. Его длинные уши покрывали перья, на голове была пурпурная шапка с балконом, на котором кто-то невидимый, вероятно, ссорился с другим невидимкой, потому что в воздухе то и дело мелькали и бились тарелочки. За спиной у него было нечто вроде бриллиантовой подушечки-думочки. Субъект, перед которым я остановился, вывернул из головы один рог, понюхал его, а затем, отбросив с отвращением в сторону, насыпал в отверстие немного грязного песка. Рядом лежало нечто, принятое мною сначала за двух близнецов. Потом я подумал, что это застывшие в объятии любовники и хотел скромно удалиться, но оказалось, что это было не одно, не два существа, а всего-навсего полтора. Голова у него была совершенно обычная, человеческая, только уши то и дело отделялись от нее и порхали по воздуху, как бабочки. Глаза этого существа были прикрыты веками, но зато многочисленные бородавки на лице и щеках, обладавшие крохотными глазками, поглядывали на меня с явной неприязнью. Грудь этого удивительного существа была широкая, напоминавшая рыцарский доспех, со множеством небрежно, как мне показалось, просверленных дырочек, из которых торчала облитая

малиновым сиропом пакля; нога была всего одна, но очень толстая, обутая в сафьяновый башмак с войлочным бубенчиком, у его локтя громоздилась горка огрызков от яблок и груш. Все больше изумляясь, я двинулся дальше и встретил робота с человеческой головой, из носа которой торчал маленький органчик с рыбками, потом увидел второго, растянувшегося в луже земляничного варенья. У третьего на спине была открытая створка, через которую можно было заглянуть в его хрустальное нутро. Там внутри находились заводные гномы, которые разыгрывали какие-то интересные сценки. Но при ближайшем рассмотрении это представление оказалось настолько неприличным, что я, зардевшись, как ошпаренный отскочил от створки. При этом я потерял равновесие и упал, а когда поднялся, увидел перед собой уже нового обитателя планеты: совершенно нагой, он чесывал себе спину золотой чесалкой, блаженно потягиваясь и урча от удовольствия, и все это несмотря на отсутствие головы. Эта последняя, зарывшись шеей в песок на удобном для него расстоянии, считала языком зубы в широко раскрытой пасти. У нее был медный с белыми прожилочками лоб, в одном ухе висела серьга, в другом — прутик. На прутике печатными буквами было написано: *Можно*. Сам не зная почему, я потянул за прутик и вытащил из уха нагого существа нитку с леденцом и карточкой, на которой стояло: *Тяни же*. Я тащил до тех пор, пока не вытянул всю нить, на ее конце болталась бумажка с надписью: *Интересно, да? А теперь — пошел вон!*

Все увиденное привело меня в совершенно невменяемое состояние. На какой-то момент я не только лишился способности соображать, но и речи. Наконец, я встал на ноги и побрел дальше в надежде встретить кого-нибудь, кто, судя по виду, мог бы ответить хоть на один мой вопрос. Мне показалось, что я нашел его в лице низкого толстяка, который, сидя ко мне спиной, казался всецело поглощенным тем, что держал на своих коленях. У него была всего одна голова, пара ушей, пара рук, поэтому, обходя его, я начал:

— Прошу прощения, я конечно не ошибусь, предположив, что это вы были любезны достигнуть Наивысшей Фазы Развития?

Слова замерли у меня на устах. Сидящий не шелохнулся и, казалось, не расслышал ни слова из сказанного мною. Надо признать, что он действительно был занят: он держал на коленях свое собственное, отделенное от головы лицо и, слегка вздыхая, вертел пальцем у него в носу. Я был совершенно сбит с толку. Однако вскоре мое удивление перешло в любопыт-

ство, а это последнее — в горячее желание поскорее узнать, что происходит на этой планете. Поэтому я принялся бегать от одного лежащего к другому, громко задавая вопросы, крича, настаивая, грозя, умоляя, заклиная, а когда все это оказалось тщетным, я схватил за руку того, который ковырял в носу, но тут же отпрянул, объятый ужасом: она осталась в моих руках, а он, не обращая на меня ни малейшего внимания, повозился рядом с собой в песке и вытащил вторую такую же руку, но только с раскрашенными в оранжевую клеточку ногтями, подышал на нее, приложил к плечу, и она тотчас же приросла. Я с любопытством наклонился над оставшейся у меня оторванной рукой, а она вдруг щелкнула меня по носу. Тем временем солнце опустилось своими двумя концами за горизонт, ветерок совсем стих, и обитатели Энеферии стали потихоньку ворочаться, икать и почесываться, явно готовясь ко сну. Один встряхивал свою бриллиантовую перинку, второй аккуратно укладывал рядом друг с другом нос, уши, ноги. Спустились сумерки, и я, потоптавшись немного, тоже решил приготовить себе ночлег. Я выкопал в песке широкую лунку, улегся в нее, вздыхая, и стал глядеть в усыпанное звездами синее небо. Потом принялся размышлять вслух о том, что делать дальше.

— В самом деле, все указывает на то, что я действительно нашел планету, существование которой предсказывали Трупус Бредус и Хлориян Теориций Крахостол. Наивысшая цивилизация вселенной, которую представляет несколько сот существ, не роботов и не людей, копошащихся среди мусора и отходов, в пустыне, на бриллиантовых подушечках под алмазными одеялами; эти существа положительно ничем не заняты, кроме почесывания, — нет, здесь есть какая-то мрачная тайна. И пусть хоть не знаю что, я не успокоюсь, пока не найду разгадки. Тайна, покрывающая мраком эту квадратную планету, с ее квадратным солнцем, непотребными гномами в пояснице и леденцами в ухе, должно быть, ужасна!

Я всегда считал, что коль скоро мне, простому роботу, доступны наука и знание, то какой же эрудицией, какими знаниями должны обладать лучше развитые, чтобы не сказать — совершенные существа. Однако судя по всему, они не склонны тратить время на разговоры, тем более со мной. Но надо непременно заставить их заговорить. Легко сказать. А как? Пожалуй, надо их побеспокоить. Буду изо всех сил отравлять им существование, надоедать молениями так, чтобы они терпеть меня не могли. Правда, здесь есть определенный риск: ведь, разгневавшись, они способны

уничтожить меня с бóльшей легкостью, чем я — букашку. Впрочем, трудно предположить, что они станут прибегать к столь жестоким методам. К тому же жажда знания сжигала мою душу! Будь что будет! Попробую!

Придя к такому заключению, я вскочил на ноги и уже в полной темноте принялся вопить благим матом, прыгать, скакать, кувыркаться, пинать ногами ближайших, швырять им в глаза песок, рычать, пока совершенно не охрип. Тогда я сел на песок, сделал несколько гимнастических упражнений и снова устремился к ним, как взбесившийся буйвол. А они только отворачивались от меня да протягивали мне свои бриллиантовые подушечки и перинки. Когда я кувыркался в пятнадцатый раз, в моей затуманенной голове мелькнула мысль: «Как же изумился бы мой сердечный друг, если бы он мог хоть краем глаза увидеть, что я делаю на планете, достигшей Наивысшей Фазы Развития!»

Однако эта мысль отнюдь не помешала мне издать рычание — мое ухо уловило тихий шепот:

— Коллега!

— Что вам?

— Слышите, что он вытворяет?

— Как не слышать!

— Он мне только что чуть башку не раскроил.

— Поставьте себе другую.

— Но он мне не дает спать.

— Что?

— Спать, говорю не дает...

— Любопытный, как видно, — добавил шепотом третий.

— Она ему уже порядочно всыпала!

— Ну, так как? Будем что-нибудь делать или пусть продолжает нас мучать?

— А что сделать?

— Откуда я знаю? Может, подменить ему характер?

— Да вроде бы некрасиво...

— Да ведь он вон какой настырный. Слышите, как орет?

— Ну, ладно, я скоренько...

Они продолжали шептаться, а я без устали выл, стонал и кувыркался, сосредоточив все свои усилия на участке, откуда доносился шепот. Я как раз пытался сделать стойку на голове, опираясь на живот одного из них, как вдруг меня окутала черная ночь небытия, тьма охватила разум, но длилось это, так мне по крайней мере казалось, когда пришел в себя, долю секунды. Все мои кости ныли от «вензелей» и присядок. Оказалось, что я больше не нахожусь на планете. Я сидел, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, в основном

салоне своего корабля, а встать мне не давала сущая пирамида банок с вареньем, марципановых медведей, шарманок с бриллиантовыми колокольчиками, талеров, дукатов, золотых сережек, браслетов и драгоценностей, от которых исходило такое сияние, что я вынужден был закрыть глаза. Когда же я с огромным трудом выкарабкался из-под упомянутой горы драгоценностей, то увидел в окне звездный пейзаж, а на нем — ни следа квадратного солнца. Измерения показали, что мне пришлось бы мчаться на всех парах шесть тысяч лет, чтобы вернуться в ту область. Так-то энеферцы избавились от моего присутствия, когда оно стало им невмоготу. Поняв, что даже вернувшись к ним обратно, я все равно ничего не добьюсь, потому что им ничего не стоит еще раз послать меня гиперспециально или подпространственно туда, где раки зимуют, я решил взяться за дело с иного конца, мой славный Добриций... — так закончил свой рассказ знаменитый конструктор Лапоуций.

— А кроме этого, он больше ничего тебе не говорил? Не может быть! — воскликнул Трурль.

— О! Говорил! Он говорил, благодетель ты мой, и от этого и пошли все мои беды, — ответил изувеченный робот. — Когда я поинтересовался, что же он намерен предпринять, Лапоуций наклонился ко мне и сказал:

— Сначала задача казалась мне безнадежной. Однако позднее я нашел решение. Ты, отшельник, — простой, необразованный робот, тебе не понять всех тонкостей, но это неважно. В принципе это довольно просто: надо построить цифровую машину, способную моделировать все сущее. А она, соответственным образом запрограммированная, создаст для нас модель Наивысшей Фазы Развития... Таким образом мы вынудим их дать ответ на Страшный вопрос.

— Но как построить такую машину? — спросил я. — И почему ты можешь знать, благородный Лапоуций, что она не отправит нас гиперсуперметодом к чертям на кулички, как это уже осмелились сделать с тобой энеферцы?

— Ах, это уже мелочь, — сказал он. — Положись во всем на меня. Я буду расспрашивать о тайных энеферцах, а ты спросишь, как наилучшим образом применить врожденную твою ненависть ко всяческому злу, благочестивый Добриций.

Должен ли говорить, сколь огромная охватила меня радость, как рьяно принялся я помогать Лапоуцию создавать его машину. Он строил ее точно по чертежам трагически погибшего Хлорияна Теорияния Крахостола. Это был пресловутый Боготрон — машина, которая способна сотворить все, что угодно, в пределах всего

космоса. Недовольный этим названием Лапоуций постоянно придумывал новые, более изощренные, называя своего гиганта то Всемогушницей, то Омнигенерическим ультиматором, то Онтогельней. Но суть не в названии, суть в том, что ровно через год и шесть месяцев эта страшная аппаратура была готова. Экономии ради мы разместили ее в полном нутре Рапундры, большой луны Неполаев, и поверь мне, муравей чувствовал бы себя менее потеряннм в трюмах океанского лайнера, чем мы в медных безднах эсхатологических трансформаторов, гагиопневматических перфекционаторов и выпрямителей зла. Должен признаться, что моя проволочная шевелюра стала дыбом, пересохло в суставах, а зубы стали выбивать мелкую дробь, когда Лапоуций посадил меня перед Страшным пультом, а сам отлучился по какому-то поводу, оставив меня с глазу на глаз с машиной. Как звезды сияли ее контрольные лампы, то тут, то там вспыхивали грозные надписи: *Осторожно! Высокая трансценденция!* На шкалах приборов логические и семантические потенциалы достигали цифр с миллионными нулями, а у моих стоп тихонько плескались океаны сверхчеловеческой и сверхроботной мудрости, которая покоилась передо мной, подо мной, зачарованная в гектарах магнитов, осаждала меня со всех сторон, так что я ощутил себя пылинкой в моей никчемной глупости. Однако же овладев собой и призвав на помощь все свое страстное стремление к Добру и Истине, которые я ощущал в себе еще будучи крошечной катушкой, я решился задать дрожащим голосом первый вопрос:

— Кто ты?

И тогда легкое теплое дуновение пронеслось с металлической дрожью по стеклянному смещению и тихий, но сильный, буквально пронзивший меня насквозь голос сказал:

— *Ego sum Ens Omnipotensens, Omnisapiens, in Spiritu Intellectronico Navigans, Iuce cybernetica in saecula saeculorum litteris opera omnia cognascens, et caetera, et caetera.*

Разговор пришлось вести на латинском языке, но я, удобства ради, приведу его тебе, как сумею, в переводе на более обиходный язык. Когда я услышал голос машины и когда она назвала себя, страх мой возрос настолько, что лишь вернувшийся Лапоуций, уменьшив трансценденцию и снизив всемогущность до одной стомиллиардной, сделал возможным продолжение беседы. Я попросил Ультиматор, чтобы он соизволил рассказать о Наивысшей Фазе Развития и ее ужасных тайнах. Но Лапоуций возразил, что следует действовать иначе. Он потребовал, чтобы Онтогельня

создала в своих недрах модуль туземца с квадратной планеты и заставила его быть, так сказать, более словоохотливым. И тогда началось настоящее.

Поскольку я, стыдно молвить, — не мог унять икоту, овладевшую мной по причине страха, мое место у Страшного пульта занял Лапоуций и приступил к расспросам.

— Кто ты?

— Сколько раз можно отвечать на один и тот же вопрос? — рассердилась машина.

— Меня интересует, человек ты или робот?

— А какая, по-твоему, между ними разница? — отозвался голос из машины.

— Если ты будешь на каждый мой вопрос отвечать вопросом, то мы не скоро кончим, — предостерег Лапоуций. — Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду? Говори.

Дерзость конструктора повергла меня в еще большую робость, но видно он знал, как надо действовать, потому что машина ответила:

— Бывает, что люди создают роботов, бывает и так, что роботы создают людей. Вопрос, что чем мыслит — железом или киселем, — не имеет существенного значения. Я могу принимать произвольные размеры, формы, воплощения; точнее говоря, так было в прошлом, ибо теперь никто из нас не занимается такими глупостями.

— Вот как? — спросил Лапоуций. — А почему вы валяетесь на песке и бездельничаете?

— А что нам делать? — возразила машина.

Лапоуций, сдержав гнев, сказал:

— Сего знать не могу. Мы, представители низшей расы, делаем много разного.

— Мы тоже делали — в свое время.

— А теперь не делаете?

— Нет.

— Почему?

Моделированный не спешил с ответом, ссылаясь на то, что пережил уже шесть миллионов подобных вопросов, которые были совершенно бесплодными как для него, так и для вопрошавших. Однако Лапоуций, добавив немного трансценденции и покрутив еще пару ручек, заставил его ответить.

— Миллиард лет назад мы были рядовой цивилизацией, — сказал голос. — Мы верили в киберархангелов, в мистическую обратную связь всего сущего с Великим Программистом и тому подобное. Потом, однако, появились скептики, эмпирики и акциденталисты, которые на протяжении девяти веков пришли к выводу, что Некто не существует и что все возможно,

но не по каким-то высшим причинам, а просто так себе.

— Как это понять: так себе? — осмелился вставить я, пораженный.

— Как тебе известно, встречаются горбатые роботы, — ответил голос из машины. — Когда ты страдаешь горбатостью и вместе с тем веришь, что ты таков, какой есть, потому что именно в этом воплощении пожелал тебя увидеть Предвечный и что план твоего уродства еще задолго до сотворения мира наполнял туман его чувств, тебе легко примириться с твоей участью. Но если тебе заявляют, что твое уродство результат того, что какие-то атомы, сбившись с пути, не попали на свои места, что же тебе остается делать, как не выть на луну?

— Нет, нет, остается нечто другое, — искренне запротестовал я. — Ведь горб можно выпрямить, раскрутить, что перекручено. Для этого необходимы лишь очень большие знания.

— Все правильно, — мрачно ответила машина, — так это представляется невеждам...

— Значит, на самом деле это не так? — удивились мы с Лапоуцием.

— Когда приходит время исправления горбатых, — ответствовала машина, — наши возможности становятся поистине безжалостными. Можно не только выпрямлять горбы, но и удлинять разум, придавать солнцу квадратную форму, приделывать планетам ноги, производить синтетические судьбы, которые куда слаще подлинных. Начало всегда бывает невинным: начинают с тесания камня, а кончают созданием всемогущиц и всемогущников! Пустыня нашей планеты — это вовсе не пустыня, а Супербоготрон, который в миллион раз сильнее вашего примитивного ящика. Его создали наши прадеды, потому что все остальное казалось им чересчур простым и легким: им захотелось, чтобы песок рождал мысль. И они добились этого, без какой бы то ни было необходимости, просто из мании величия, бесполезно: ибо когда уже можно делать все, что угодно, к этому нечего больше прибавить. Вы способны уяснить себе это, о слаборазвитые?

— Разумеется, разумеется, — ответил Лапоуций, а я все никак не мог унять дрожь. — Но почему же вы целыми днями катаетесь, валяетесь и почесываетесь на этом вашем гениальном песке, вместо того, чтобы заниматься оживленной деятельностью?

— Потому, что самое большое всемогущество из всех всемогуществ проявляется именно в бездействии, — ответила машина. — Можно подняться на вершину, но с вершины все пути ведут вниз. Несмотря на все, что

произошло, мы вполне порядочные ребята, так зачем же нам еще чем-то заниматься? Уже наши прапрадеды сделали солнце квадратным, а планету — сундукообразной, а самые высокие горные хребты превратили в ряд монограмм. С таким же успехом мы могли бы сделать так, чтобы все звезды стали клетчатыми, половину из них погасить, второй половине добавить яркости, сконструировать существа и заселить их другими, мелкими существами, так, чтобы мысли великанов имели, например, вид пляшущих лилипутиков, мы могли бы находиться в миллионах мест одновременно, перемещать галактики, составляя из них ласкающий глаз узор, — однако же зачем, скажи мне, нам браться за выполнение любой из этих задач? Неужели космос улучшится оттого, что звезды станут треугольными или будут двигаться на колесах?

— Чушь, все что ты сказал — это чушь, — возмутился до глубины души Лапоуций, а я задрожал еще сильнее. — Если вы действительно стали богоравными, то ваш долг немедленно уничтожить все страдания, заботы и несчастья, преследующие подобные вам существа, а начать можно было бы хотя бы с ваших соседей, которые, как я имел случай убедиться, только и делают, что разбивают друг другу лбы. Как вы смеете вместо того, чтобы приняться за дело, лежать в неопределенности, ковырять в носу и совать в ухо честных искателей мудрости леденцы?

— Не понимаю, почему тебя вдруг так разгневал леденец, — сказала машина. — Но оставим это. Если я тебя правильно понял, ты хотел бы, чтобы мы осчастливливали всех без разбора? Этот вопрос был нами фундаментально изучен пятнадцать сотен веков назад. Он подразделяется на: фелицитологию внезапную, или неожиданную, и фелицитологию медленную, или эволюционную. Эта последняя состоит в том, чтобы ни к чему не приложить и пальца, исходя из того, что каждая цивилизация так или иначе сама разрешит свои проблемы. Внезапно же можно осчастливливать двойко: по-хорошему и насильно. Насильное осчастливливание приносит от 100 до 800 раз больше бед, чем полное невмешательство. Осчастливливать по-хорошему тоже не рекомендуется, потому что, как ни странно, результаты получаются примерно одинаковыми независимо от употребления Супербоготрона, Адоинфернатора, называемого еще иначе Геенницей. Тебе приходилось слышать о так называемой Крабовидной туманности?

— Разумеется, — отвечал Лапоуций. — Это остаток оболочки сверхновой звезды, взорвавшейся... во время оно.

— Как бы не так! — сказал голос. — Сверхновой, вот уж действительно! Там была, уважаемый, в меру развитая планета, истекавшая, как таковая, немалой толикой слез и крови. В одно прекрасное утро мы спустили на нее восемьсот миллионов Осуществителей желаний, но не успели мы удалиться и на световую неделю, как эта самая планета разлетелась вдребезги и продолжает распадаться по сей день. Похожая история приключилась с планетой Гоминасов... Желаешь ли ты услышать и о ней?

— Нет, не желаю, — буркнул Лапоуций. — Я все равно не поверю, что нельзя найти разумный и предусмотрительный способ осчастливления.

— Не веришь? Твое дело. Мы предприняли шестьсот четыре тысячи пятьсот тринадцать попыток. Волосы встают дыбом на всех моих головах, стоит мне только подумать о результатах. Верь мне, мы не щадили усилий для счастья других. Мы создавали специальную аппаратуру для телеспектроскопии сокровенных желаний; ты, конечно, понимаешь, что если на той или иной планете свирепствуют религиозные войны, то каждая из сторон только и мечтает о том, чтобы вырезать под корень противную. Поэтому мы считали себя не вправе осуществлять подобные мечты. Мы исходили из того, что осчастливливать надо не нарушая идеи Высшего блага. Но это еще не все. Представители большинства космических цивилизаций мечтают в душе о таких вещах, в которых никогда бы не признались вслух. И снова дилемма: поддержать их в том, что они делают, руководимые остатками стыда и чувства приличия, или способствовать осуществлению их тайных желаний? Взять хотя бы деменцитов и аменцитов. Первые в фазе классического средневековья сжигали живьем подозреваемых в шапнях с дьяволом распутников и в особенности распутниц, во-первых, потому, что завидовали утехам с веселым дьяволом, во-вторых, потому что доставлять страдания ближним в ореоле поборника справедливости было для них величайшим наслаждением. Аменциты, напротив, ни во что, кроме собственного тела, не верили и всячески угождали ему разнообразнейшими машинами, с некоторой скромностью называя это занятие развлечением. У них были стеклянные ящики, в которые они нагнетали всевозможные насилия, убийства и катастрофы, подстегивая этими зрелищами свои аппетиты. Мы спустили на их планету дождь аппаратов, сконструированных таким образом, чтобы удовлетворять прихоти каждого из них без малейшего ущерба для окружающих. Это достигалось путем создания искусственной действительности. И если деменцитам потребовалось

шесть недель, то аменцитам хватило и пяти, чтобы извощиваться до смерти, не переставая испускать вопли от испытываемого блаженства! Ты имел в виду такие методы, о недоразвитый?

— Ты глупец или чудовище, — прорычал Лапоуций, между тем как я почти лишился разума от страха, — как ты смеешь бахвалиться столь мерзкими делами?

— Я не бахвалюсь, а исповедуюсь, — спокойно возразил голос. — Как я уже говорил, мы перепробовали все методы. Мы обрушивали на планеты ливни богатств, потоны сытости и изобилия, чем вызвали полный паралич какой бы то ни было деятельности, давали им добрые советы, в благодарность за которые они открывали огонь по нашим компотерам, то есть летающим блюдам. Да, поистине следовало сначала изменить природу тех, которых мы собирались облагодетельствовать...

— Но ведь и это, кажется, было в ваших силах? — проскрипел Лапоуций.

— Безусловно, в наших силах! Вот возьмем хотя бы наших соседей, населяющих землеподобную, то есть земноватую планету — антропопанов. Они занимают-ся высвербением и хлопочением, причем в основном из страха перед Хрычовницей, которая, по их верованиям, находится за порогом жизни и поджидает грешников, разверзши свою пасть, источающую огонь неугасимый. Поэтому, следуя примеру благословенных цимбрабельянсов, райского Ламбудаса и избегая Сквернсии с ее сквернсами, антропопанский юноша постепенно становится лучше, отважнее, благороднее, чем были его восьмирукие предки. Правда, антропопаны воюют с грязкоранами, чтобы доказать превосходство Дуса над Мусом или Муса над Дусом, но, заметь, в таких войнах погибает лишь часть их. Ты же требуешь, чтобы я выбил им из головы веру в высвербение, Хрычовницу и все остальное, сделав их готовыми к рациональному восприятию благодати. Но ведь это было бы моральное убийство, потому что новые существа не были бы уже ни грязкоранами, ни антропопанами, неужели ты не можешь этого понять?

— Предрассудки следует заменять научными знаниями, — твердо сказал Лапоуций.

— Ну разумеется! Заметь, однако, что там сейчас живет около семи миллионов кающихся грешников, которые нередко всю свою жизнь посвятили умерщвлению собственной плоти, чтобы тем самым спасти своих ближних от Хрычовницы. Смею ли я в течение нескольких минут доказать им — так, чтобы не оставалось уже никаких сомнений, — что все это не имело ни ма-

лейшего смысла, что они растратили всю свою жизнь на совершенно бесполезные дела! Это ли не жестокость? Знания приходят на смену предрассудкам, но для этого необходимо время. Взять хотя бы горбуна, о котором мы говорили выше. Он живет в сладостном неведении, свято веря, что его горбу принадлежит чуть ли не космическая роль в акте творения. Объяснив ему, что причина кроется в ошибке атомов, я сделал его несчастливym. Следовало бы его немедленно исправить...

— Вот именно, — горячо подхватил Лапоуций.

— Ба, и это делалось. Один только мой дед самостоятельно выпрямил одним махом триста горбунов. Как же он каялся впоследствии!

— Почему? — не мог я удержаться от вопроса.

— Почему? Сто двадцать из них были немедленно изжарены в кипящем масле, ибо их неожиданное исцеление было признано доказательством вмешательства нечистой силы, тридцать завербовалось в солдаты и сложило головы в битвах, убивая друг друга под разными знаменами, семнадцать спилось на радостях до смерти, остальных погубили либо любовные излишества, ибо мой дед по доброте сердечной одарил их вдобавок еще и незаурядной красотой, либо другие пороки, которым они стали предаваться с неумеренностью долго постившихся людей. Словом, в течение двух лет все они дошли до гробовой доски. Были, впрочем, исключения, но, пожалуй, не стоит об этом говорить...

— Кончай, коля начал! — вскричал чрезвычайно всем этим возбужденный учитель мой, господин Лапоуций.

— Как тебе угодно. Слушай же... Остались еще два. Один из них, встретив моего деда, на коленях умолял вернуть ему горб, ибо, будучи калекой, он жил себе безбедно за счет подаваний. Исправленный, он вынужден был трудиться, к чему не имел никакой привычки. Он утверждал, что совершенно свыкся со своим горбом и что теперь, проходя через дверь, каждый раз больно ударяется лбом о притолоку...

— А последний? — спросил Лапоуций.

— То был королевич, лишенный трона из-за телесного порока. После исцеления мачеха, стремясь обеспечить корону своему родному сыну, отравила несчастного...

— Ну, хорошо... Однако же вы могли бы творить чудеса, — сказал с отчаянием в голосе Лапоуций.

— Осчастливливание при помощи чудес — одна из самых рискованных техник, какие мне только известны, — сурово возразил голос из машины. — Кого из-

менять чудесным образом, единицы? Излишек красоты ослабляет супружеские узы, от большого ума происходит одиночество, от богатства — безумие. Нет, нет! Нельзя осчастливливать единицы, а все общество — непозволительно. Каждый должен идти своим путем, естественно поднимаясь с этажа на этаж развития, и быть обязанным и добрым и злым самому себе. Нам, достигшим Наивысшей Фазы, нечего делать в космосе. Мы не создаем новых космосов, потому что, позволю себе сказать, это неприлично. Зачем это делать? Ради собственного возвеличения? Из гордости, из спеси? Это было бы отвратительно. Может быть, ради тех, кто будет создан? Но ведь их еще нет? Как же можно заботиться о несуществующих? Вести какую-то деятельность можно было до той поры, пока мы не научились делать всего. Теперь нам остается лишь притаиться... А теперь оставьте меня в покое!

— Но как же так? А какие-нибудь средства, чтобы хоть немного улучшить, усовершенствовать, помочь? А страждущие? Подумай о них! Эй, алло! — кричали мы наперебой с Лапоуцием у Страшного пульта.

Машина зевнула и изрекла:

— Стоило ли с вами вообще толковать? Разве не разумнее было наше поведение на планете? Вы все о том же! Так хорошо же! Вот вам рецепт еще не испробованного средства, однако предостерегаю перед его результатами! А теперь делайте все, что вам угодно. Покой — вот единственное, чего я жажду. Идите же с Боготороном.

Машина умолкла, и мы остались одни перед меркнущим созвездием ее ламп, перед пультом, на котором лежал листок бумаги с надписью примерно такого содержания:

«Альтруизин — психотрансмиссионный препарат, предназначенный для белковых. Вызывает массовый переход всевозможных чувств, эмоций, осязательных ощущений переживающего индивидуума на окружающих, находящихся в радиусе не более пятисот локтей. Действует по принципу телепатии, не передает (гарантируем!) никаких мыслей. Действие препарата не распространяется на роботов и растения. Интенсивность ощущений переживающего индивидуума, как генератора, усиливается в силу вторичной ретрансмиссии «приемников», пропорционально количеству таковых. В соответствии с замыслом изобретателя альтруизин должен вносить в любое общество дух братства, солидарности и глубокой симпатии в силу того, что лица, соседствующие со счастливым субъектом, счастливы его счастьем, причем в тем большей степени, чем счастливее «генератор». Поэтому они желают ему

еще большего счастья, исходя из своих собственных интересов, то есть всей душой. Когда же появляется страждущий, все немедленно спешат ему на помощь, чтобы тем самым и себя избавить от страданий. Заборы, стены и прочие препоны и преграды не ослабляют действия альтруизина. Препарат растворяется в воде, его можно вводить в водопроводную сеть, реки, колодцы и т. д. Он не имеет ни вкуса, ни запаха; одного миллимикrogramма достаточно для группы населения в сто тысяч человек. За побочные действия, не соответствующие идее изобретателя, не несем ответственности. За представителя Наивысшей Фазы Развития — Ультимативная всемогущница».

Лапоуций был немногим недоволен тем, что применение альтруизина ограничивается людьми, а роботы так и не избавятся от своих жизненных невзгод, однако я осмелился возразить ему, ссылаясь на солидарность всех разумных существ и необходимость взаимной поддержки. Мы приступили к обсуждению практических вопросов, ибо нам было ясно, что следует незамедлительно развернуть кампанию по осчастливливанию. Лапоуций тут же поручил малому агрегату Онтогельни произвести необходимое количество препарата, а я, посоветовавшись со славным конструктором, решил отправиться на землеподобную планету, населенную человекоподобными существами, которая находилась всего в четырех днях пути. Я пожелал остаться неизвестным благодетелем, поэтому мы решили, что удобнее всего будет принять человеческий облик. Это, как известно, довольно мудреное дело, но гений конструктора преодолел и эту трудность. Я приготовился к путешествию с двумя чемоданами, в одном из которых было сорок килограммов белого порошка альтруизина, а во втором — туалетные приборы, пижама, белье, запасные щеки, волосы, глаза, языки и тому подобное. Сам я путешествовал в облике пропорционально сложенного молодого человека с небольшими усиками и челкой. Лапоуций сомневался, стоит ли начинать сразу с широкого применения альтруизина, поэтому, хотя я и не разделял его опасений, по прибытии на Геонию (так называлась планета) я должен был произвести сначала пробный эксперимент. Я буквально сгорал от нетерпения в ожидании минуты, когда начну свой великий посев всеобщего братства и солидарности. Сердечно простившись с Лапоуцием, я спешно пустился в путь.

Прибыв к месту назначения, я остановился для проведения вступительного эксперимента в небольшом местечке у немолодого, довольно мрачного трактирщика, и так ловко обернулся, что всыпал горсть

порошка в находившийся перед домом колодец в тот момент, когда переносил свои саквояжи из брички в гостиную. В доме царила суматоха. Стряпухи носились как угорелые с ушатами горячей воды, хозяин то и дело сердито покрикивал на них. Потом послышался топот копыт и из брички выскочил пожилой мужчина с докторским чемодапчиком в руках, но направился не к дому, а к хлеву, откуда время от времени доносился глухой рев. Как я узнал от горничной, некая геонская худоба, называемая коровой (собственность хозяина), готовилась произвести на свет теленка. Это меня несколько беспокоило, ибо я вообще не принимал во внимание проблемы животных. Впрочем, теперь я ничем не мог им помочь и поэтому просто заперся в своей комнате, чтобы оттуда вести наблюдения за ходом событий. А они не заставили себя ждать. Я уловил побрякивание колодезной цепи — девки снова принялись носить воду. Уже вскоре послышался рев коровы, на который отозвались другие. Почти тотчас же из хлева с воплями выкатился ветеринар (он держался обеими руками за живот), вслед за ним мчались стряпухи и сам трактирщик. Терзаемые родовыми болями коровы все разбежались в разные стороны, но вскоре стали возвращаться, потому что на некотором расстоянии от хлева боли утихли. Таким манером они несколько раз возобновляли штурм коровника и каждый раз откатывались назад, корчась от родовых мук. Смущенный столь неожиданным оборотом дела, я смекнул, что эксперимент надо было проводить в городе, где нет животных. Я спешно собрал свои вещи и хотел потребовать счет, но все вокруг страдали в связи с рождением теленка и мне просто не к кому было обратиться. Я уже был готов тронуться в путь, но в этот момент возницу вместе с его одрами тоже скрутили схватки, поэтому мне пришлось направиться в ближайший город пешком. К несчастью, когда я переходил по кладке через реку, моя рука, сжимавшая ручку чемодана, неожиданно разжалась, чемодан ударился замком о край кладки и раскрылся. В тот же миг весь наполнявший его белый порошок оказался в воде. Я застыл на месте и ошеломленно глядел, как быстрое течение уносит сорок килограммов альтруизина. Кости были брошены: река снабжала питьевой водой весь город. Я брел до самого вечера. Город, когда я до него добрался, был уже освещен, на улицах было оживленно илюдно. Я отыскал скромную гостиницу, остановился в ней и стал дожидаться первых признаков действия препарата, однако ничего не заметил. Утомленный долгим путешествием, я отправился на покой. В середине ночи меня разбудили ис-

тошные крики. Я вскочил с постели. В комнате было светло от огня, пожирившего соседний дом. Я помчался на улицу и за самым порогом споткнулся о еще не успевший остыть труп. Поодаль шесть молодчиков, вцепившись во вызвавшего о помощи старца, щипцами вырывали ему зубы. Наконец раздался коллективный вздох облегчения — болочий корень, заставивший всех их страдать по причине трансляции, был найден и удален. Бросив беззубого и едва живого старца, исцеленные удалились.

Однако не крик этого несчастного нарушил мой сон. Причиной был инцидент, произошедший в пивной напротив. Какой-то подгулявший молодец двинул своего собутыльника в голову и в ту же минуту, конечно, ощутил его боль. Разъяренный этим, он стал бить еще сильнее, а остальные посетители, которым в равной мере передавалась боль, кинулись дубасить обоих драчунов. Круг страданий настолько расширился, что половина пробудившихся постояльцев гостиницы бросилась в одном нижнем белье к месту драки и вскоре все смешалось в один общий клубок посреди изломанной мебели и битой посуды, пока наконец не начался пожар от какой-то перевернутой лампы. Провожаемый трезвоном колоколов, воем пожарной сирены и недобитых участников упомянутой баталии, я поспешно покинул это место, но через несколько улиц наткнулся на группу людей, вернее толпу, осаждавшую небольшой белый домик, окруженный кустами роз. Как оказалось, в нем пребывали новобрачные. Давка была невообразимая, в толпе мелькали военные мундиры, сутаны духовных, даже гимназические фуражки. Стоявшие ближе к окнам старались заглянуть внутрь, другие напирали на их спины, вопя: «Ну, в чем дело? Чего вы тянете? Сколько можно ждать?! Давай начинай!» и т. п. Какой-то старичок, зажатый толпой, слезно молил пропустить его вперед, потому что он — проклятый склероз! — ничего не почувствует издалека. Однако его умильные просьбы не возымели никакого действия: одни в это время тихо млели, другие стонали от восторга, а желторотые пускали ртом пузыри. Родственники новобрачных сначала пытались разогнать назойливую толпу, но вскоре сами поддались общему настроению и включились в непристойный хор, торопивший влюбленных. Причем особенно усердствовал в этом печальном представлении прадед новобрачного, который настойчиво напирал своим креслом на колесах на дверь супружеской спальни. Глубоко шокированный увиденным, я повернул назад, намереваясь вернуться в гостиницу. По пути я все время наткался на группы людей либо занятых дракой,

либо вкушавших блаженство. Однако же все это было ничем по сравнению со сценами, которые разыгрывались в гостинице. Я еще издали заметил, как постояльцы в одном нижнем белье скакали на улицу с разных этажей, ломая себе руки и ноги. Нескольким человек вскарабкалось на крышу. А в доме, визжа от страха, метались, как безумные, хозяин, его жена, горничные и коридорные и прятались в шкафы и под кровати. Причиной этого переполоха был кот, охотившийся в погребе на мышей.

Я начал понимать, насколько опрометчивым был мой шаг. На рассвете альтруизин уже действовал с такой силой, что если у одного человека защекало в носу, вся округа на расстоянии мили отвечала ему громopodobным залпом чиха. А от людей, страдавших невралгией, родные, врачи и сестры убегали хуже, чем от чумы. Кое-где вертелось несколько громко сопящих от удовольствия мазохистов. Много было также скептиков, которые награждали своих ближних тумачами только затем, чтобы удостовериться в справедливости странного явления передачи ощущений, о котором трезвонили все вокруг. Истязуемые не оставались в долгу, и глухие звуки затрещин заполнили весь город. Когда пришло время завтрака, я, бродя по городу, встретил большую, заливавшуюся слезами толпу, которая гнала через весь рынок, осыпая камнями, какую-то старушку с черной вуалью на лице. Это была, как оказалось, вдова умершего накануне, а сегодня преданного земле старого сапожника. Страдания безутешной вдовы башмачника так допекли всех ее соседей и соседей соседей, что они, не в силах унять бедняжку, попросту выгнали ее из города. При виде этого ужасная тоска сковала мне сердце, и я что было сил помчался в гостиницу. Но и она была уже объята пламенем. Дело в том, что варившая суп кухарка обожгла палец, вследствие чего некий ротмистр, чистивший в это время на самом верхнем этаже оружие, внезапно почувствовал боль и невольно нажал на спуск, положив на месте жену и четверых детей. Его отчаяние передалось полубезумным или просто изувеченным людям, которых еще не успели увезти в больницу. И тут какой-то благодетель, желая сократить свои и чужие страдания, принялся, как безумный, поливать всех подряд керосином и поджигать. Сам теряя разум, я помчался прочь от пожара, чтобы попытаться найти хоть одного, хоть кое-как, хоть в основном ошатавленного человека. Но встретил лишь остатки толпы, возвращавшейся с упомянутой брачной ночи.

Толпа обсуждала ее события, причем эти недостой-

ные люди были в претензии, что все происходило не так, как они желали. При этом каждый из этих сонобрачных сжимал в руке увесистую дубинку, чтобы отгонять страждущих, если таковые встретятся по пути. И тогда я подумал, что моя душа вот-вот разорвется от горя и стыда, и тем не менее я продолжал искать хоть единого счастливого человека, чтобы смягчить эту боль. Расспрашивая прохожих, я в конце концов узнал, где живет знаменитый мыслитель, проповедовавший идеи братства и просвещенной толерантности. Я направился туда в полной уверенности, что увижу его дом, окруженный толпами народа. Ничуть не бывало! Лишь несколько котов тихо мяукало у ворот, пользуясь источаемой мудрецом атмосферой благожелательности: преследовавшие их собаки, нервно облизываясь, усаживались на некотором расстоянии от них.

Пока я стоял на месте, ко мне приблизились двое людей. Один из них, глубоко заглянув мне в глаза, изо всех сил съездил другого по физиономии, я остолбенел от изумления, но, конечно, не схватился за лицо и не издал ни стога, ибо меня, как робота, эта оплеуха нисколько не задела. А надо было подумать об этом, ибо эти двое были сотрудниками тайной полиции. Разоблаченного таким образом, они сковали меня наручниками и повлекли в тюрьму. Там я чистосердечно покался в своих грехах. Мне казалось, что они должны принять во внимание, что мною руководили самые благородные побуждения, хотя полгорода и было объято пламенем. Однако они, слегка прикоснувшись ко мне плоскогубцами и удостоверившись, что это не принесет им никакого вреда, бросились на меня всей толпой и стали бить, топтать, срывать болты, пинать ногами и ломать все фибры моего существа. Не перечесть всех мук, какие я принял за то, что искренне хотел осчастливить их всех. Наконец, они набили моими бренными остатками пушку и выпалили в космос, как всегда тихий и темный. Удаляясь прочь, я все полнее охватывал взглядом распространение действия альтруизма; ведь волны реки уносили частички препарата все дальше и дальше. Я видел, что происходит с лесными пташками, монахами, козами, рыцарями, селянами и их женами, девами и матронами, и от этого зрелища лопались в смертной тоске мои последние поврежденные лампы. И в таком-то жалком состоянии я и упал неподалеку от твоего дома, милосердный господин, на веки веков исцеленный от желания осчастливливать ближних скоростным методом.

ДЕТСКИЙ САД

Он отправился на прогулку ранним утром, когда солнце стояло низко над горизонтом; прошел мимо полуразвалившегося старого коровника, пересек ручей и по колено в траве и полевых цветах стал подниматься по склону, на котором раскинулось пастбище. Мир был еще влажен от росы, а в воздухе держалась ночная прохлада.

Он отправился на прогулку ранним утром, так как знал, что утренних прогулок у него осталось, наверно, совсем немного. В любой день боль может прекратить их навсегда, и он был готов к этому... уже давно готов.

Он не спешил. Каждую прогулку он совершал так, будто она была последней, и ему не хотелось пропустить ничего... ни заданных кверху мордашек — цветов шиповника со слезинками-росинками, стекающими по их щекам, ни переклички птиц в зарослях на меже.

Он нашел машину рядом с тропинкой, которая проходила сквозь заросли на краю оврага. С первого же взгляда он почувствовал раздражение: вид у нее был не просто странный, но даже какой-то необыкновенный, а он сейчас мог и умом и сердцем воспринимать лишь обычное. Машина — это сама банальность, нечто привычное, главная примета современного мира и жизни, от которой он бежал. Просто машина была неуместна на этой заброшенной ферме, где он хотел встретить последний день своей жизни.

Он стоял на тропинке и смотрел на странную машину, чувствуя, как уходит настроение, навечное цветам, росой и утренним щебетанием птиц, и как он остается наедине с этой штукой, которую всякий принял бы за беглянку из магазина бытовых приборов. Но, глядя на нее, он мало-помалу увидел в ней и другое и понял, что она совершенно не похожа на все когда бы то ни было виденное или слышанное... и уж, конечно, меньше всего — на бродячую стиральную машину или заметающий следы преступлений сушильный шкаф.

Во-первых, она сияла... это был не блеск металлической поверхности, не глянец глазурованного фарфора... сияла каждая частица вещества, из которого она

была сделана. Он смотрел прямо на нее, и у него было ощущение, будто он видит ее насквозь, хотя он и не совсем ясно различал, что у нее там, внутри. Машина была прямоугольная, примерно фута четыре в длину, три — в ширину и два — в высоту; на ней не было ни одной кнопки, переключателя или шкалы, и это само по себе говорило о том, что ею нельзя управлять.

Он подошел к машине, наклонился, провел рукой по верху, хотя вовсе не думал подходить и дотрагиваться до нее, и лишь тогда сообразил, что ему, по-видимому, следует оставить машину в покое. Впрочем, ничего не случилось... по крайней мере сразу. Металл или то, из чего она была сделана, на ощупь казался гладким, но под этой гладкостью чувствовалась страшная твердость и пугающая сила.

Он отдернул руку, выпрямился и сделал шаг назад.

Машина тотчас щелкнула, и он совершенно определенно почувствовал, что она щелкнула не для того, чтобы произвести какое-нибудь действие или включиться, а для того, чтобы привлечь его внимание, дать ему знать, что она работает, что у нее есть свои функции и она готова их выполнять. И он чувствовал, что, какую бы цель она ни преследовала, сделает она все очень искусно и без всякого шума.

Затем она снесла яйцо.

Почему он подумал, что она поступит именно так, он не мог объяснить и потом, когда пытался осмыслить это.

Во всяком случае, она снесла яйцо, и яйцо это было куском нефрита, зеленого, насквозь пронизанного молочной белизной, искусно выточенного в виде какого-то гротескного символа.

Взволнованный, на мгновение забыв, как материализовался нефрит, он стоял на тропинке и смотрел на зеленое яйцо, увлеченный его красотой и великолепным мастерством отделки. Он сказал себе, что это самое прекрасное произведение искусства, которое он когда-либо видел, и точно знал, каким оно будет на ощупь. Он заранее знал, что станет восхищаться отделкой, когда начнет внимательно рассматривать нефрит.

Он наклонился, поднял яйцо и, любовно держа его в ладонях, сравнивал с теми вещами из нефрита, которыми занимался в музее долгие годы. Но теперь, когда он держал в руках нефрит, музей тонул где-то далеко в дымке времени, хотя с тех пор, как он покинул его стены, прошло всего три месяца.

— Спасибо, — сказал он машине и через мгновение подумал, что делает глупость, разговаривая с машиной так, будто она была человеком.

Машина не двигалась с места. Она не щелкнула, не пошевелилась.

В конце концов он отвернулся от нее и пошел вниз по склону, мимо коровника, к дому.

В кухне он положил нефрит на середину стола, чтобы не терять его из виду во время работы. Он разжег огонь в печке и стал подбрасывать небольшие чурки, чтобы пламя разгоралось быстрее. Поставив чайник на плиту и достав из буфета посуду, он накрыл на стол, поджарил бекон и разбил о край сковородки последние яйца.

Он ел, не отрывая глаз от нефрита, который лежал перед ним, и все не переставал восхищаться отделкой, стараясь отгадать его символику. Он подумал и о том, сколько должен стоить такой нефрит. Дорого... хотя это интересовало его меньше всего.

Форма нефрита озадачила его — такой он никогда не видел и не встречал ничего подобного в литературе. Он не мог представить себе, что бы она значила. И все же в камне была какая-то красота и мощь, какая-то специфичность, которая говорила, что это не просто случайная вещица, а продукт высокоразвитой культуры.

Он не слышал шагов молодой женщины, которая поднялась по лестнице и прошла через веранду, и обернулся только тогда, когда она постучала. Она стояла в дверях, и при виде ее он сразу поймал себя на том, что думает о ней с таким же восхищением, как и о нефрите.

Нефрит был прохладным и зеленым, а ее лицо — резко очерченным и белым, но синие глаза имели тот же мягкий оттенок, что и этот чудесный кусок нефрита.

— Здравствуйте, мистер Шайе, — сказала она.

— Доброе утро, — откликнулся он.

Это была Мери Маллет, сестра Джонни.

— Джонни пошел ловить рыбу, — сказала Мери. — Они отправились с младшим сынишкой Смита. Молоко и яйца пришлось нести мне.

— Я рад, что пришли вы, — сказал Питер, — хотя не стоило беспокоиться. Я бы сам зашел за ними чуть попозже. Мне это пошло бы на пользу.

И тотчас пожалел о своих словах, потому что последнее время он думал об этом слишком много... мол, то-то и то-то надо делать, а того-то не надо. Что толку говорить о какой-то пользе, когда уже ничто не может помочь ему! Доктора дали понять это совершенно недвусмысленно.

Он взял яйца и молоко, попросил ее войти, а сам

отнес молоко в погреб, потому что в доме не было электричества для холодильника.

— Вы уже позавтракали? — спросил он. Мери кивнула.

— Вот и хорошо, — добавил он сухо. — Готовлю я довольно скверно. Видите ли, я живу вроде как в палатке на лоне природы.

И опять пожалел о своих словах.

«Шайе, — сказал он про себя, — перестань быть таким сентиментальным».

— Какая хорошенькая вещичка! — воскликнула Мери. — Где вы ее взяли?

— Нефрит? Это странный случай. Я нашел его.

Она протянула руку, чтобы взять нефрит.

— Можно?

— Конечно, — сказал Питер.

Она взяла нефрит, а он наблюдал за выражением ее лица. Как и он тогда, она осторожно держала камень обеими руками.

— Вы это *нашли*?

— Ну, не то чтобы нашел, Мери. Мне его дали.

— Друг?

— Не знаю.

— Забавно.

— Не совсем, Я хотел бы показать вам этого... ну, чудака, который дал камень. Вы можете уделить мне минутку?

— Конечно, могу, — сказала Мери, — хотя мне надо спешить. Мама консервирует персики.

Они вместе прошли мимо коровника, пересекли ручей и оказались на пастбище. Шагая вверх по склону, он подумал, там ли еще машина... и вообще была ли она там.

Она была там.

— Какая диковина! — сказала Мери.

— Именно диковина, — согласился Питер.

— Что это, мистер Шайе?

— Не знаю.

— Вы сказали, что вам дали нефрит. Уж не хотите ли вы...

— Но так оно и было, — сказал Питер.

Они подошли к машине поближе и стояли, наблюдая за ней. Питер снова отметил, что она сияет, и вновь у него появилось ощущение, будто он может что-то разглядеть внутри... только очень смутно.

Мери наклонилась и провела пальцем по машине.

— Ощущение приятное, — сказала она. — Похоже на фарфор или...

Машина щелкнула, и на траву лег флакон.

— Мне?

Питер поднял крохотную бутылочку и подал ее Мери. Это была вершина стеклодувного мастерства: флакон сиял на свету всеми цветами радуги.

— Наверно, это духи,— сказал Питер.

Мери вынула пробку.

— Прелестно,— радостно прошептала она и дала понюхать Питеру. Это действительно было прелестно. Она заткнула флакон пробкой.

— Но, мистер Шайе...

— Не знаю,— сказал Питер.— Я просто ничего не знаю.

— Ну, хоть догадываетесь?

Он покачал головой.

— Вы нашли ее здесь?

— Я вышел прогуляться...

— И она ждала вас.

— Я не... — пытался возразить Питер, но потом ему вдруг пришло в голову, что это именно так: не он нашел машину, а она ждала его.

— Она ждала, да?

— Вот теперь, когда вы сказали, мне кажется, что она ждала меня.

Может быть, она ждала не именно его, а любого человека, который пройдет по тропинке. Она ждала и хотела, чтобы ее нашли, ждала случая, чтобы сделать свое дело.

Кто-то оставил ее здесь. Теперь это ясно как день.

Он стоял на лугу с Мери Маллет, дочерью фермера (а кругом были знакомые травы, кусты и деревья, становилось все жарче и пронзительно стрекотали кузнечики, а где-то далеко позвякивал коровий колокольчик), и чувствовал, как мозг его леденит мысль, холодная и страшная мысль, за которой была чернота космоса и тусклая бесконечность времени. И он чувствовал, как чья-то чужая враждебная рука протянулась к теплу человечества и Земли.

— Вернемся,— сказал он.

Они вернулись через луг к дому и немного постояли у ворот.

— Может быть, нам что-то надо сделать? — спросила Мери.— Сказать кому-нибудь?

Он покачал головой.

— Сначала я хочу все обдумать.

— И что-нибудь сделать?

— Наверно, тут никто ничего поделать не сможет, да и надо ли?

Она пошла по дороге, а он смотрел ей вслед, потом повернулся и зашагал к дому.

Он достал косилку и стал выкашивать траву. После

этого занялся цветочной клумбой. Цинии росли хорошо, но с астрами что-то случилось: они завяли. Что бы он ни делал, клумба все больше зарастает травой, которая душист культурные растения.

«После обеда,— подумал он,— я, наверно, отправлюсь ловить рыбу. Может быть, рыбная ловля пойдет мне на...»

Он поймал себя на этой мысли и не закончил ее.

Он сидел на корточках у цветочной клумбы, ковыряя землю кончиком садового совка, и думал о машине, оставшейся на лугу.

«Я хочу сначала все обдумать»,— сказал он Мери. Но о чем тут можно думать?

Кто-то что-то оставил на его лугу... машину, которая щелкала, а когда ее поглаживали, делала подарки, словно яйца несла.

Что это значило?

Почему она там оказалась?

Почему она щелкала и раздавала подарки, когда ее гладили?

Может, она отвечала на ласку? Как собака, которая виляет хвостом?

Может быть, она благодарит? За то, что ее заметил человек?

Что это? Приглашение к переговорам?

Дружеский жест?

Ловушка?

И как она узнала, что он продал бы душу и за вдвое меньший кусочек нефрита?

Откуда ей было знать, что девушки любят хорошие духи?

Он услышал позади быстрые шаги и резко обернулся. По траве к нему бежала Мери.

Она опустилась рядом с ним на колени и схватила его за руку.

— Джонни тоже наткнулся на нее,— тяжело дыша, сказала она.— Я бежала всю дорогу. Они были вместе с сынишкой Смита. Они шли через луг с рыбной ловли...

— Может быть, нам надо сообщить о ней,— сказал Питер.

— Она им тоже сделала подарки. Джонни получил удилище с катушкой, а Оги Смит — бейсбольную биту и перчатку.

— Господи!

— И теперь они хвастаются перед всеми.

— Теперь это уже все равно,— сказал Питер.— По крайней мере мне так кажется.

— Но что это такое? Вы говорите, что не знаете. Но вы же думали. Питер, вы же что-нибудь придумали.

— Мне кажется, что это неземная штука,— сказал ей Питер.— У нее странный вид. Я никогда не видел и не слышал ничего подобного. Земные машины не дарят вещи, когда на них кладут руки. В наши машины сначала надо опустить монету. Она... она не с Земли.

— Вы хотите сказать, что она с Марса?

— И не с Марса,— сказал Питер.— И не из нашей солнечной системы. Нет никаких оснований предполагать, что в солнечной системе живут другие разумные существа, а уж о такой разумной машине и говорить не приходится.

— Что значит... не из нашей солнечной системы?..

— С какой-нибудь другой звезды.

— Звезды так далеко! — возразила она.

Так далеко, подумал Питер. Так далеко для людей. До них можно добраться только в мечтах. Они так далеки, так равнодушны и холодны. А машина...

— Похожа на игорную машину,— сказал он вслух,— только выдает выигрыш всегда, даже если в нее не опускают монеты. Это же безумие, Мери. Вот почему она не с Земли. Ни одна земная машина, созданная земным изобретателем, этого делать не будет.

— Теперь все соседи пойдут туда,— сказала Мери.

— Конечно. Они пойдут за подарками.

— Но ведь она не очень большая. В ней не поместились бы подарки для всей округи. Даже для тех подарков, что она уже раздавала, едва хватит места.

— Мери, а Джонни хотел, чтобы у него был спиннинг?

— Он только об этом и говорил.

— А вы любите духи?

— У меня никогда не было хороших духов. Одни дешевые.— Она нервно хохотнула.— А вы? Вы любите нефрит?

— Я, как говорится, немного разбираюсь в нефрите. И питаю страсть к нему.

— Значит, эта машина...

— Дает каждому то, что он хочет,— закончил фразу Питер.

— Это страшно,— сказала Мери.

Не верилось, что можно испугаться в такой день... сияющий летний день, когда на западе небо окаймляют белые облака и само небо как голубой шелк... день, когда не может быть дурного настроения... день такой же обычный для земли, как кукурузное поле.

Когда Мери ушла, Питер вернулся в дом и приготовил обед. Он ел его, сидя у окна, и наблюдал за соседями. По двое, по трое они шли через луг со всех сторон, они шли к его лугу от своих ферм, бросив сенокосилки и культиваторы, бросив работу в середине дня

только ради того, чтобы взглянуть на машину. Они стояли вокруг и разговаривали, топчя ногами кусты, в которых он нашел машину, и время от времени до него доносились их высокие, пронзительные голоса; но он не мог разобрать, что они говорят, так как расстояние смазывало и искажало слова.

Со звезд, подумал он. С какой-то звезды. И если даже это фантазия, я имею право на нее. Первый контакт. И как все продумано! Если бы чужое существо само прибыло на Землю, женщины с визгом разбежались бы по домам, а мужчины схватились за ружья, и все пошло бы прахом.

Но машина... это другое дело. Ничего, что она не похожа на людей. Ничего, что она ведет себя немного странно. В конце концов, это только машина. Это уже как-то можно понять. И в том, что она делает подарки, нет ничего плохого.

После обеда Питер вышел и присел на ступеньку. Подошли соседи и стали показывать, что им подарила машина. Они расселись вокруг и разговаривали, все были возбуждены и озадачены, но никто не был напуган.

Среди подарков были ручные часы, торшеры, пишущие машинки, соковыжималки, сервизы, серебряные шкатулки, рулоны драпировочной материи, ботинки, охотничьи ружья, наборы инструментов для резьбы по дереву, галстуки и многое другое. У одного подростка была дюжина капканов для ловли скунсов, а у другого — велосипед.

«Современный ящик Пандоры, — подумал Питер, — сделанный умными чужаками и доставленный на Землю».

Слух, по-видимому, уже распространился, и теперь люди приезжали даже в машинах. Одни оставляли машины на дороге и шли по лугу пешком, другие заезжали во двор коровника и оставляли там автомобили, даже не спрашивая разрешения.

Немного спустя они возвращались с добычей и уезжали. На лугу была толчея. Питеру это зрелище напоминало окружную ярмарку или сельский праздник.

К вечеру все разошлись. Ушли даже те соседи, которые заглянули к нему, чтобы перекинуться несколькими словами и показать подарки. Питер отправился на луг.

Машина была все еще там и уже начала что-то строить. Она выложила из камня, похожего на мрамор, платформу — нечто вроде фундамента для здания. Фундамент имел метра четыре в длину и метра три в ширину, опоры его, сделанные из того же камня, уходили в землю.

Питер присел на пень. Отсюда открывался мирный деревенский вид. Он казался еще более красивым и без-

мятежным, чем прежде, и Питер всем своим существом ощущал прелесть этого вечера.

Солнце село всего полчаса назад. Небо на западе было нежно-лимонного цвета, постепенно переходившего в зеленый, кое-где виднелись бродячие розовые облачка, а на землю уже опустились синие сумерки. Из кустов и живых изгородей неслись мелодичные птичьи трели, а над головой шелестели крыльями стремительные ласточки.

Это земля, подумал Питер, мирная земля людей, пейзаж, созданный руками земледельцев. Это земля цветущей сливы, горделивых красных коровников, полюсок кукурузы, ровных, как ружейные стволы.

Без всякого вмешательства извне Земля миллионы лет создавала все это... плодородную почву и жизнь. Этот уголок Галактики жил своими маленькими заботами.

А теперь?

Теперь наконец кто-то решил вмешаться.

Теперь наконец кто-то (или что-то) прибыл в этот уголок Галактики, и отныне Земля перестала быть одинокой.

Самому Питеру было уже все равно. Он скоро умрет, и нет ничего на свете, что могло бы иметь для него какое-либо значение. Ему оставались только ясность утра и вечерний покой, каждый день был у него на счету, и ему хотелось получить лишь немного радости, которая выпадает на долю живых.

Но другим не все равно... Мери Маллет и ее брату Джонни, сыночку Смита, который получил бейсбольную битку и перчатку, всем людям, приходившим на его луг, и тем миллионам людей, которые не бывали тут и еще ничего не слышали.

Здесь, на одинокой ферме, затерявшейся в кукурузных полях, без всяких театральных эффектов разыгрывается величайшая драма Земли. Именно здесь.

— Что вы собираетесь сделать с нами? — спросил он у машины.

И не получил ответа.

Питер и не ждал его. Он сидел и смотрел, как сгущаются тени, как зажигаются огни в домах, разбросанных по земле. Где-то далеко залаяла собака, откликнулись другие, за холмами в вечерней тишине звякали коровьи колокольчики.

Наконец, когда уже совсем стемнело, он медленно пошел к дому.

В кухне он нащупал лампу и зажег ее. На кухонных часах было почти девять... время передачи последних известий.

Он пошел в спальню и включил радио. Он слушал последние известия в темноте.

Новости были хорошие. В этот день никто в штате не умер от полиомиелита и заболел только один человек.

«Разумеется, успокаиваться еще рано,— говорил диктор,— но это, несомненно, перелом в ходе эпидемии. За прошедшие сутки не зарегистрировано ни одного нового случая. Директор департамента здравоохранения штата заявил...»

Он стал читать заявление директора департамента здравоохранения, который отделился общими фразами, так как сам не знал, что происходит.

«Впервые почти за три недели,— сказал диктор,— день прошел без смертных случаев. Но, несмотря на это,— продолжал он,— все еще требуются медицинские сестры». Он добавил, что медицинских сестер настоятельно просят звонить по такому-то телефону.

Диктор перешел к решению большого жюри, не сказав ничего нового. Потом прочел прогноз погоды. Сообщил, что слушание дела об убийстве Эммета отложено еще на месяц.

Потом он произнес: «К нам только что поступило сообщение. Посмотрим, что...»

Слышно было, как зашуршала в руках бумага, как перехватило у него дыхание.

«В нем говорится,— сказал он,— что шерифа Джо Бернса только что известили о летающем блюдце, приземлившемся на ферме Питера Шайе около Маллет Корнерс. По-видимому, толком о нем никто ничего не знает. Известно только, что его нашли сегодня утром, но никто и не подумал известить шерифа. Повторяю — это все, что известно. Больше мы ничего не знаем. Не знаем, правда это или нет. Шериф поехал туда. Как только от него поступят известия, мы вам сообщим. Следите за нами...»

Питер встал и выключил радио. Потом он пошел на кухню за лампой. Поставил лампу на стол и снова сел, решив подождать шерифа Бернса.

Долго ждать ему не пришлось.

— Люди говорят,— сказал шериф,— что на вашей ферме приземлилось летающее блюдце.

— Я не знаю, шериф, летающее ли это блюдце.

— А что же это тогда?

— Почему я знаю,— ответил Питер.

— Люди говорят, оно раздает всякие вещи.

— Верно, раздает.

— Ну, если эта хреновина — рекламный трюк,— проговорил шериф,— намну же я кому-нибудь бока.

— Я уверен, что это не рекламный трюк.

— Почему вы не известили меня сразу? Утаить задумали?

— Мне как-то не пришло в голову, что нужно сообщить вам,— сказал ему Питер.— Я ничего не собирался утаивать.

— Вы недавно в наших местах, что ли? — спросил шериф.— Вроде бы я вас раньше не видел. Я думал, что знаю всех.

— Я здесь три месяца.

— Люди говорят, что хозяйством вы не занимаетесь. Говорят, у вас нет семьи. Живете тут совсем один, ничего не делаете.

— Правильно,— ответил Питер.

Шериф ждал объяснений, но Питер молчал. Шериф подозрительно рассматривал его при тусклом свете лампы.

— Может, покажете нам это летающее блюдце?

Питер, которому шериф уже порядком надоел, сказал:

— Я скажу вам, как найти его. Перейдете за коровником через ручей...

— Почему бы вам не пойти с нами, Шайе?

— Слушайте, шериф, я же объясняю вам дорогу. Будете слушать?

— Ну, конечно,— ответил шериф.— Конечно. Но почему бы вам...

— Я был там два раза,— сказал Питер.— И люди сегодня ко мне все идут и идут.

— Ну, ладно, ладно,— сказал шериф.— Говорите, куда идти.

Питер объяснил, и шериф с двумя помощниками ушел.

Зазвонил телефон.

Питер поднял трубку. Звонили с той самой радиостанции, сообщения которой он слушал.

— Скажите,— спросил радиореporter,— это у вас там блюдце?

— Почему у меня? — сказал Питер.— Впрочем, что-то такое есть. Шериф пошел посмотреть на него.

— Мы хотим послать нашу телепередвижку, но прежде нам надо убедиться, что это не липа. Не возражаете, если мы придем?

— Не возражаю. Присылайте.

— А вы уверены, что эта штука еще там?

— Там, там!

— Хорошо, может, тогда вы мне скажете...

Питер повесил трубку только через пятнадцать минут.

Телефон зазвонил снова.

Это был звонок из «Ассошиэтед пресс». Человек

на другом конце провода был осторожен и скептичен.

— Говорят, у вас объявилось какое-то блюдо?

Питер повесил трубку через десять минут.

Телефон зазвонил почти сразу.

— Маклеланд из «Трибюн»,— сказал усталый голос.— Я слышал какие-то враки...

Пять минут. Снова звонок. Из «Юнайтед пресс».

— Говорят, у вас приземлилось блюдо. А человечков маленьких в нем нет?

Пятнадцать минут.

Звонок. Это был раздраженный горожанин.

— Я только что слышал по радио, будто у вас опустилось летающее блюдо. Кому вы голову морочите? Вы отлично знаете, что никаких летающих блюд нет...

— Одну минуту, сэр,— сказал Питер и выпустил трубку. Она повисла на проводе, а Питер пошел на кухню, нашел там ножницы и вернулся. Он слышал, как разгневанный горожанин все еще пилил его,— голос, доносившийся из раскачивающейся трубки, был какой-то неживой.

Питер вышел из дома, отыскал провод и перерезал его. Когда он вернулся, трубка молчала. Он осторожно положил ее на место.

Потом он запер двери и лег спать. Вернее, лег в постель, но никак не мог заснуть. Он лежал под одеялом, уставившись в темноту и пытаясь привести в порядок рой мыслей, теснившихся в голове.

Утром он отправился гулять и увидел машину. Он положил на нее руку, и она дала ему подарок. Потом дарила еще и еще.

— Прилетела машина, раздающая подарки,— сказал он в темноту.

Умный, продуманный, тщательно разработанный первый контакт.

Контакт с людьми при помощи знакомого им, понятного, нестрашного. Контакт при помощи чего-то такого, над чем люди могут чувствовать свое превосходство. Дружелюбный жест... а что может быть большим признаком дружелюбия, чем вручение подарков?

Что это? Кто это?

Миссионер?

Торговец?

Дипломат?

Или просто машина и ничего больше?

Шпион? Искатель приключений? Исследователь? Разведчик? Врач? Судья? Индейский вождь?

И почему эта штука приземлилась здесь, на этом заброшенном клочке земли, на лугу его фермы?

И с какой целью? А с какой целью чаще всего при-

бывают на Землю все эти странные вымышленные существа в фантастических романах?

Покорять Землю, разумеется. Если не силой, то постепенным проникновением или дружеским убеждением и принуждением. Покорять не только Землю, но и все человечество.

Радиореporter был возбужден, журналист из «Ассошиэтед пресс» возмущался тем, что его приняли за дурачка, представителю «Трибюн» было скучно, а тот, что из «Юнайтед пресс», просто болтун. Но горожанин рассердился. Его уже не раз угощали историями о летающих тарелках, и это было слишком.

Горожанин разозлился, потому что, замкнувшись в своем маленьком мирке, он не хотел никаких беспокойств, он не желал вмешательства. У него и своих неприятностей хватает, недоставало еще приземления какого-то блюдца. У него свои заботы: заработать на жизнь, поладить с соседями, подумать о завтрашнем дне, уберечься от эпидемии полиомиелита.

Впрочем, диктор сказал, что положение с полиомиелитом, кажется, улучшается: нет ни новых заболеваний, ни смертных случаев. И это замечательно, потому что полиомиелит — это боль, смерть, страх.

«Боль, — подумал он. — Сегодня не было боли. Впервые за много дней мне не было больно».

Он вытянулся и застыл под одеялом, прислушиваясь, нет ли боли. Он знал, где она пряталась, знал то место в своем теле, где она укрывалась. Он лежал и ждал ее, полный страха, что теперь, когда он подумал о ней, она даст о себе знать. Но боли не было. Он лежал и ждал, опасаясь, что одна лишь мысль о ней подействует как заклинание и выманит ее из укромного местечка. Боль не приходила. Он просил ее прийти, умолял показаться, всеми силами души старался выманить ее. Боль не поддавалась.

Питер расслабил мышцы, зная, что пока он в безопасности. Пока... потому что боль все еще пряталась там. Она выжидала, искала удобного случая — она придет, когда пробьет ее час.

С беззаботной отрешенностью, стараясь забыть будущее и его страхи, он наслаждался жизнью без боли. Он прислушался к тому, что происходило в доме: из-за слегка просевших балок доски в полу скрипели, летний ветерок бился в стену, ветки вяза скреблись о крышу кухни.

Другой звук. Стук в дверь.

— Шайе! Шайе! Где вы?

— Иду, — отозвался он.

Он нашел шлепанцы и пошел к двери. Это был шериф со своими людьми.

— Зажгите лампу,— попросил шериф.

— Спички есть? — спросил Питер.

— Да, вот.

Ощупью Питер нашел в темноте руку шерифа и взял у него коробок спичек.

Он отыскал стол, провел по нему рукой и нашел лампу. Он зажег ее и посмотрел на шерифа.

— Шайе,— сказал шериф,— эта штукавина строит что-то.

— Я знаю.

— Что за чертовщина?

— Никакой чертовщины.

— Она дала мне это,— сказал шериф, положив что-то на стол.

— Пистолет,— сказал Питер.

— Вы когда-нибудь видели такой?

Да, это был пистолет примерно сорок пятого калибра. Но у него не было спускового крючка, дуло ярко блестело, весь он был сделан из какого-то белого полупрозрачного материала.

Питер поднял его — весил он не больше полуфунта.

— Нет,— сказал Питер.— Ничего подобного я никогда не видел.— Он осторожно положил его на стол.— Стреляет?

— Да,— ответил шериф.— Я испробовал его на вашем коровнике.

— Коровника больше нет,— сказал один из помощников.

— Ни звука, ни вспышки, ничего,— добавил шериф.

— Коровник исчез, и все,— повторил помощник, еще не оправившийся от удивления.

Во двор въехала машина.

— Пойди посмотри, кто там,— приказал шериф.

Один из помощников вышел.

— Не понимаю,— пожаловался шериф.— Говорят, летающее блюдо, а я думаю, никакое это не блюдо. Просто ящик.

— Это машина,— сказал Питер.

На крыльце послышались шаги, и в комнату вошли люди.

— Газетчики,— сказал помощник, который выходил посмотреть.

— Никаких заявлений не будет, ребята,— сказал шериф.

Один из репортеров обратился к Питеру.

— Вы Шайе?

Питер кивнул.

— Я Хоскинс из «Трибюн». Это Джонсон из «Ассошиэтед пресс». Тот малый с глупым видом — фотограф Лэнгли. Не обращайтесь на него внимания.— Он

похлопал Питера по спине. — Ну и как оно тут, в самой гуще событий века? Здорово, а?

— Не шевелись, — сказал Лэнгли. Сработала лампа-вспышка.

— Мне нужно позвонить, — сказал Джонсон. — Где телефон?

— Там, — ответил Питер. — Он не работает.

— Как это? В такое время — и не работает?

— Я перерезал провод!

— Перерезали провод! Вы с ума сошли, Шайе?

— Слишком часто звонили.

— Ну и ну, — сказал Хоскинс. — Ведь надо же!

— Я его почию, — предложил Лэнгли. — Есть у кого-нибудь плоскогубцы?

— Пойдите, ребята, — сказал шериф.

— Поживей надевайте штаны, — сказал Питеру Хоскинс. — Мы хотим сфотографировать вас у блюда. Поставьте ногу на него, как охотник на убитого слона.

— Ну, послушайте же, — сказал шериф.

— Что такое, шериф?

— Тут дело серьезное. Поймите меня правильно. Нечего вам там, ребята, ошиваться.

— Конечно, серьезное, — ответил Хоскинс. — Потому-то мы здесь. Миллионы людей ждут не дождутся известий.

— Вот плоскогубцы, — произнес кто-то.

— Сейчас исправлю телефон, — сказал Лэнгли.

— Что мы здесь топчемся? — спросил Хоскинс. — Пошли посмотрим на нее.

— Мне нужно позвонить, — ответил Джонсон.

— Послушайте, ребята, — уговаривал растерявшийся шериф. — Погодите...

— На что похожа эта штука, шериф? Думаете, это блюдо? Большое оно? Оно что — щелкает или издает еще какой-то звук? Эй, Лэнгли, сними-ка шерифа.

— Минутку! — закричал Лэнгли со двора. — Я соединяю провод!

На веранде снова слышались шаги. В дверь просунулась голова.

— Автобус с телестудии, — сказала голова. — Это здесь? Как добраться до этой штуки?

Зазвонил телефон. Джонсон поднял трубку.

— Это вас, шериф.

Шериф протопал к телефону. Все прислушались.

— Да, это я, шериф Бернс... Да, оно там, все в порядке... Конечно, знаю. Я видел его... Нет, что это такое, я не знаю... Да, понимаю... Хорошо, сэр... Слушаюсь, сэр... Я прослежу, сэр.

Он положил трубку и обернулся.

— Это военная разведка, — сказал он. — Никто ту-

да не пойдет. Никому из дома не выходить. С этой минуты здесь запретная зона.

Он свирепо переводил взгляд с одного репортера на другого.

— Так приказано,— сказал он им.

— А, черт! — выругался Хоскинс.

— Я так торопился сюда,— заорал телерепортер,— и чтоб теперь сидеть взаперти и не...

— Теперь здесь распоряжаюсь не я,— сказал шериф.— Приказ дяди Сэма. Так что вы, ребята, не очень...

Питер пошел на кухню, раздул огонь и поставил чайник.

— Кофе там,— сказал он Лэнгли.— Пойду оденусь.

Медленно тянулась ночь. Хоскинс и Джонсон передали по телефону сведения, кратко записанные на сложенных гармошкой листках бумаги; разговаривая с Питером и шерифом, они царапали карандашом какие-то непонятные знаки. После недолгого спора шериф разрешил Лэнгли доставить снимки в редакцию. Шериф шагал по комнате из угла в угол.

Ревело радио. Не переставая звонил телефон.

Все пили кофе и курили, пол был усеян раздавленными окурками. Прибывали все новые газетчики. Предупрежденные шерифом, они оставались ждать. Кто-то принес бутылку спиртного и пустил ее по кругу. Кто-то предложил сыграть в покер, но его не поддержали.

Питер вышел за дровами. Ночь была тихая, светили звезды.

Он взглянул в сторону луга, но там ничего нельзя было рассмотреть. Он попытался разглядеть то пустое место, где прежде был коровник. Но в густой тьме увидеть коровник было трудно, даже если бы он и стоял там.

Что это? Мгла, сгущающаяся у смертного одра? Или последний мрачный час перед рассветом? Перед самой светлой, самой удивительной зарей в многотрудной жизни человечества?

Машина что-то строит там, строит ночью.

А что она строит?

Храм? Факторию? Миссию? Посольство? Форт? Никто не знает, никто не скажет этого.

Но, что бы она ни строила, это был первый аванпост, построенный чужаками на планете Земля.

Он вернулся в дом с охапкой дров.

— Сюда посылают войска,— сказал ему шериф.

— Раз-два — левой,— с невозмутимым видом командовал Хоскинс; сигарета небрежно повисла на его нижней губе.

— По радио только что передали,— добавил шериф.— Объявлен призыв национальной гвардии.

Хоскинс и Джонсон выкрикивали военные команды.

— Вы, ребята, лучше не суйтесь к солдатам,— предупредил шериф.— Еще ткнут штыком...

Хоскинс издал звук, похожий на сигнал трубы. Джонсон схватил две ложки и изобразил стук копыт.

— Кавалерия! — закричал Хоскинс.— Вперед, ребята, ура!

— Ну, что вы как дети,— проговорил кто-то устало.

Медленно тянулась ночь, все сидели, пили кофе, курили. Никому не хотелось говорить.

Радиостанция наконец объявила, что передачи окончены. Кто-то стал крутить ручку, пытаясь поймать другую станцию, но батареи сели. Давно уже не звонил телефон.

До рассвета оставался еще час, когда прибыли солдаты. Они не маршировали и не гарцевали, а приехали на пяти крытых брезентом грузовиках.

Капитан зашел на минуту узнать, где лежит это проклятое блюдо. Это был беспокойный тип. Он даже не выпил кофе, а тотчас вышел и громко приказал шоферам ехать.

В доме было слышно, как грузовики с ревом умчались.

Стало светать. На лугу стояло здание, вид у него был непривычный, потому что оно возводилось вопреки всем строительным нормам. Тот, или скорее, то, что строило его, делало все шиворот-навыворот, так что видна была сердцевина здания, словно его предназначили к сносу и сорвали с него всю «оболочку».

Здание занимало пол-акра и было высотой с пятиэтажный дом. Первые лучи солнца окрасили его в розовый цвет; это был тот изумительный блекло-розовый тон, от которого становится теплее на душе,— вспоминается платье соседской девчушки, которое она надела в день рождения.

Солдаты окружили здание, утреннее солнце поблескивало на штыках винтовок.

Питер приготовил завтрак: напек целую гору оладий, изжарил яичницу с беконом, на которую ушли все его запасы, сварил галлона два овсяной каши, ведро кофе.

— Мы пошлем когд-нибудь за продуктами,— сказал Хоскинс.— А то мы вас просто ограбили.

После завтрака шериф с помощниками уехал в окрестной центр. Хоскинс пустил шапку по кругу и тоже поехал в город за продуктами. Остальные газетчики остались. Автобус телестудии нацелился на здание широкоугольным объективом.

Телефон снова начал трезвонить. Журналисты по очереди брали трубку.

Питер отправился на ферму Маллет достать яиц и молока.

Мери выбежала ему навстречу, к калитке.

— Соседи боятся,— сказала она.

— Вчера они не боялись,— заметил Питер.— Они просто ходили и брали подарки.

— Но ведь все изменилось, Питер. Это уж слишком... Здание...

То-то и оно. Здание.

Никто не боялся безвредной на вид машины, потому что она была маленькая и дружелюбная. Она так приятно блестела, так мило щелкала и раздавала подарки. На первый взгляд внешне она ничем не отличалась от земных предметов и намерения ее были понятны.

Но здание было большое и, возможно, станет еще больше, и строилось оно шиворот-навыворот. Кто и когда видел, чтобы сооружение росло с такой быстротой — пять этажей за одну-единственную ночь?

— Как они это делают, Питер? — понизив голос, спросила Мери.

— Не знаю,— ответил Питер.— Тут действуют законы, о которых мы понятия не имеем, применяется технология, которая людям и в голову не приходила; способ созидания, в своей основе совершенно отличный от человеческого.

— Но это совсем такое же здание, какое могли бы построить и люди,— возразила она.— Не из такого камня, конечно... Наверное, в целом свете нет такого камня. Но в остальном ничего необычного в нем нет. Оно похоже на большую школу или универмаг.

— Мой нефрит оказался настоящим нефритом,— сказал Питер,— ваши духи — настоящими духами, а спиннинг, который получил Джонни,— обыкновенным спиннингом.

— Значит, они знают о нас. Они знают все, что можно узнать. Питер, они следят за нами!

— Несомненно.

Он увидел в ее глазах страх и привлек к себе. Она не отстранилась, и он крепко обнял ее, но тут же подумал, как странно, что именно у него ищут утешения и поддержки.

— Я глупая, Питер.

— Вы замечательная,— убежденно сказал он.

— Я не очень боюсь.

— Конечно, нет.— Ему хотелось сказать: «Я люблю тебя», но он знал, что этих слов он не скажет никогда. «Хотя боль,— подумал он,— боль сегодня утром не возвращалась».

— Я пойду за молоком и яйцами,— сказала Мери.

— Принесите, сколько можете. Мне надо накормить целую ораву.

Возвращаясь домой, он думал о том, что соседи уже боятся. Интересно, скоро ли страх охватит весь мир, скоро ли выкатят на огневые позиции пушки, скоро ли упадет атомная бомба.

Питер остановился на склоне холма над домом и впервые заметил, что коровник исчез. Он был стесан так аккуратно, будто его ножом отсекли,— остался только фундамент, срезанный наискось.

Интересно, пистолет все еще у шерифа? Питер решил, что у шерифа. А что тот будет делать с ним и почему он был подарен именно ему? Ведь из всех подарков это был единственный предмет, неизвестный на Земле.

На лугу, где еще вчера, кроме деревьев, травы и старых канав, поросших терновником, орешником да куманикой, ничего не было, теперь росло здание. Питеру показалось, что за час оно стало еще больше.

Вернувшись домой, Питер увидел, что все журналисты сидят во дворе и смотрят на здание.

Один из них сказал:

— Военное начальство прибыло. Ждет вас там.

— Из разведки? — спросил Питер.

Журналист кивнул.

— Полковник и майор.

Военные ждали в столовой. Полковник — седой, но очень моложавый. Майор был при усах, которые придавали ему весьма бравый вид.

Полковник представился:

— Полковник Уитмен. Майор Рокуэл.

Питер поставил молоко и яйца и поклонился.

— Это вы нашли машину? — спросил полковник.

— Да, я.

— Расскажите нам о ней,— попросил полковник.

Питер стал рассказывать.

— А где нефрит? — сказал полковник. — Вы нам не покажете его?

Питер вышел на кухню и принес нефрит. Они передавали камень друг другу, внимательно рассматривали его, вертя в руках немного с опаской и в то же время с восхищением, хотя Питер видел, что они ничего не смыслят в нефрите.

Словно прочитав мысли Питера, полковник поднял голову и посмотрел на него.

— Вы разбираетесь в нефритах? — спросил полковник.

— Очень хорошо,— ответил Питер.

— Вам приходилось работать с ним прежде?

— В музее.

— Расскажите о себе.

Питер заколебался... но потом стал рассказывать.

— А почему вы здесь? — спросил полковник.

— Вы когда-нибудь лежали в больнице, полковник? Вы никогда не думали, каково умирать там?

Полковник кивнул.

— Я понимаю вас. Но здесь за вами нет никакого...

— Я постараюсь не заживаться...

— Да, да, — проговорил полковник. — Понимаю...

— Полковник, — сказал майор, — взгляните, пожалуйста, сюда, сэр. Тот же символ, что и на...

Полковник выхватил нефрит у него из рук.

— Тот же символ, что и над текстом письма! — воскликнул он.

Полковник поднял голову и пристально посмотрел на Питера, как будто впервые увидел его и очень удивился этому.

Вдруг в руке майора появился пистолет, холодный глазок дула был направлен прямо на Питера.

Питер бросился было в сторону. Но не успел. Майор выстрелил в него.

Миллион лет Питер падал сквозь призрачно-серую, пронзительно воющую пустоту, сознавая, что это только сон, что он падает в бесконечном атактистическом сне, доставшемся в наследство от тех невероятно далеких предков, которые обитали на деревьях и жили в вечном страхе перед падением. Ему хотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться, но он не мог этого сделать, потому что у него не было рук, а потом оказалось, что у него нет и тела, которое можно было бы ущипнуть. Лишь его сознание несло сквозь бездну, у которой не было ни конца, ни края.

Миллион лет Питер падал в пронзительно воющую пустоту; сначала вой пронизывал его и заставлял вновь и вновь корчиться в муках его душу (тела не было), не доводя пытку до той крайности, за которой следует спасительное безумие. Но со временем он привык к этому вою, и, как только привык, вой прекратился, и Питер падал в бездну в полной тишине, которая была еще страшнее, чем вой.

Он падал, и падение это было вечным, а потом вдруг вечности пришел конец, и наступил покой, и не было больше падения.

Он увидел лицо. Лицо из невероятно далекого прошлого, которое он видел однажды и давно позабыл, и он рылся в памяти, стараясь вспомнить, кто это.

Лицо расплывалось, оно качалось из стороны в сто-

рону, и остановить его Питер никак не мог. Все попытки его оказались тщетными, и он закрыл глаза, чтобы избавиться от этого лица.

— Шайе,— позвал чей-то голос.— Питер Шайе.

— Уходи,— сказал Питер.

Голос пропал.

Питер снова открыл глаза, лицо было на старом месте: на этот раз оно не расплывалось и не качалось.

Это было лицо полковника.

Питер опять закрыл глаза, припоминая неподвижный глазок пистолета, который держал майор. Он отпрыгнул в сторону или хотел это сделать, но не успел. Что-то случилось, и миллион лет он падал, а теперь очнулся и на него смотрит полковник.

В него стреляли. Это очевидно. Майор выстрелил в него, и теперь он в больнице. Но куда его ранило? В руку? Обе руки целы. В ногу? Ноги тоже целы. Боли нет. Повязок нет. Повязок нет. Гипса нет.

Полковник сказал:

— Он только что приходил в себя, доктор, и тотчас снова потерял сознание.

— Он будет молодцом,— сказал врач.— Дайте только срок. Вы вогнали в него слишком большой заряд. Он придет в себя не сразу.

— Нам надо поговорить с ним.

— Вам придется подождать.

С минуту было тихо. Потом:

— А вы абсолютно уверены, что он человек?

— Мы обследовали его очень тщательно,— сказал врач.— Если он и не человек, то такая хорошая подделка, что нам его вовек не уличить.

— Он говорил мне, что у него рак,— сказал полковник,— притворялся, что умирает от рака. А вы не считаете, что если он не человек, то на худой конец он в любой момент мог сделать вид, будто у него...

— У него нет рака. Ни малейших признаков. Не было ничего похожего на рак. И не будет.

Даже с закрытыми глазами Питер почувствовал, как у полковника от недоверия и изумления открылся рот. Питер нарочно зажмурил глаза крепче — боялся, что это уловка... хотят, чтобы открыл глаза.

— Врач, который лечил Питера Шайе,— сказал полковник,— четыре месяца назад говорил, что ему осталось жить полгода. Он сказал ему...

— Полковник, искать объяснение бесполезно. Могут сказать вам одно: у человека, лежащего на этой постели, рака нет. Он здоровяк, каких мало.

— В таком случае это не Питер Шайе,— упрямо заявил полковник.— Что-то приняло облик Питера Шайе, или сделало копию с него, или...

— Ну и ну, полковник,— сказал врач.— Не будем фантазировать.

— Вы уверены, что он человек, доктор?

— Я убежден, что он человеческое существо, если вы это имеете в виду.

— Неужели он ничем не отличается от человека? Нет никаких отклонений от нормы?

— Никаких,— сказал врач,— а если бы и были, то это еще не подтверждение ваших догадок. Незначительные мутационные различия есть у каждого. Людей под копірку не делают.

— Каждая вещь, которую дарила машина, чем-то отличалась от такой же вещи, но сделанной на Земле. Отличия небольшие и заметные не сразу, но именно они говорят, что предметы сделаны чужаками.

— Ну и пусть были отличия. Пусть эти предметы сделаны чужаками. А я все равно утверждаю, что наш пациент — самый настоящий человек.

— Но ведь получается такая цельная картина,— спорил полковник.— Шайе уезжает из города и покупает старую заброшенную ферму. В глазах соседей он чужак из чужаков. Уже самой своей чужаковатостью он привлекает к себе нежелательное внимание, но в то же время чужаковатость — это ширма для всех его необычных поступков. И если уж кому суждено было найти странную машину, так это только человеку вроде него.

— Вы стряпаете дело из ничего,— сказал врач.— Вам нужно, чтобы он чем-то отличался от нормального человека и подтвердил вашу нелепую догадку. Не обижайтесь, но, как врач, я расцениваю это только так. А вы мне представьте хотя бы один факт... подчеркиваю, факт, подкрепляющий вашу мысль.

— Что было в коровнике? — не сдавался полковник.— Хотел бы я знать! Не строил ли Шайе эту машину именно там? Не потому ли коровник и был уничтожен?

— Коровник уничтожил шериф,— возразил врач.— Шайе не имеет к этому никакого отношения.

— А кто дал пистолет шерифу? Машина Шайе, вот кто. И сам собой напрашивается вывод — чтение мыслей на расстоянии, гипноз, назовите как угодно...

— Давайте вернемся к фактам. Вы выстрелили в него из анестезирующего пистолета, и он тут же лишился сознания. Вы арестовали его. По вашему приказу он был подвергнут тщательному осмотру — это настоящее посягательство на свободу личности. Моли-те бога, чтобы он на вас не подал в суд. Он может призвать вас к ответу.

— Знаю,— неохотно согласился полковник.— Но

нам надо разобраться. Нам надо выяснить, что это такое. Мы должны вернуть свою бомбу.

— Так бы и говорили — вас тревожит бомба.

— Висит она там, — дрогнувшим голосом сказал полковник. — Висит!

— Мне надо идти, — сказал врач. — Не волнуйтесь, полковник.

Шаги врача, вышедшего из комнаты, затихли в коридоре. Полковник немного походил из угла в угол и тяжело опустился на стул.

Питер лежал в постели и с каким-то неистовством повторял про себя снова и снова: «Я буду жить!»

Но ведь он должен был умереть. Он приготовился к тому дню, когда боль наконец станет невыносимой... Он выбрал место, где хотел дожить остаток дней, место, где застигнет его смертный час. И вот его помиловали. Каким-то способом ему вернули жизнь.

Он лежал на кровати, борясь с волнением и растущей тревогой, стараясь не выдать себя, не показать, что действие заряда, которым в него стреляли, уже прошло.

Врач сказал, что стреляли из анестезирующего пистолета. Что-то новое... он никогда не слышал. Впрочем, он читал о чем-то вроде этого. О чем-то связанном с лечением зубов, припоминал он. Это новый способ обезболивания, применяемый дантистами, — они опрыскивают десны стружкой анестезирующего вещества. Что-то в этом роде, только в сотни, в тысячи раз сильнее.

В него выстрелили, привезли сюда и осмотрели — и все из-за бредовых фантазий полковника разведки.

Фантазий? Забавно. Невольно, бессознательно быть чьим-то орудием. Разумеется, это нелепость. Потому что, насколько он помнит, в делах его, словах и даже в мыслях не было и намека на то, что он каким-то образом мог способствовать появлению машины на Земле.

А может быть, рак — это не болезнь, а что-то другое? Может, это какой-то незванный гость, который пробрался в тело человека и живет в нем. Умный чужак, прибывший издалека, одолевший несчетное число световых лет!

Но он знал, что эта фантазия под стать фантазии полковника: кошмар недоверия, который живет в сознании человека, средство самозащиты, которое вырабатывается подсознательно и готовит человечество к худшему, заставляя его держаться настороже.

Нет ничего страшнее неизвестности, ничто так не настораживает, как необъяснимое.

— Нам надо разобраться, — сказал полковник. — Надо выяснить, что это такое.

И весь ужас, разумеется, в том, что узнать ничего невозможно.

Питер решил наконец шевельнуться, и полковник тотчас сказал:

— Питер Шайе.

— Что, полковник?

— Мне нужно поговорить с вами.

— Хорошо, говорите.

Он сел в постели и увидел, что находится в больничной палате. Это было стерильно чистое помещение с кафельным полом и бесцветными стенами, а кровать, на которой он лежал,— обычная больничная койка.

— Как вы себя чувствуете? — спросил полковник.

— Так себе,— признался Питер.

— Мы поступили с вами крутовато, но у нас не было другого выхода. Видите ли, письмо, игорный и кассовый автоматы и многое другое...

— Вы уже говорили о каком-то письме.

— Вы что-нибудь знаете об этом, Шайе?

— Понятия не имею.

— Президент получил письмо,— сказал полковник.— Аналогичные письма были получены почти всеми главами государств на Земле.

— Что в нем написано?

— В этом-то и вся загвоздка. Оно написано на языке, которого на Земле никто не знает. Но там есть одна строчка — одна строчка во всех письмах,— ее можно прочитать. В ней говорится: «К тому времени, когда вы расшифруете письмо, вы будете способны действовать логично». Только это и удалось понять — одну строчку на языке той страны, которая получила письмо. А остальное — какая-то тарабарщина.

— Письмо не расшифровали?

Питер увидел, что полковнику становится жарко.

— Не то что слова, ни одной буквы...

Питер протянул руку к тумбочке, взял графин и наклонил его над стаканом. Графин был пуст.

Полковник встал со стула.

— Я принесу воды.

Он взял стакан и открыл дверь в ванную.

— Спущу воду, чтобы была похолоднее,— сказал он.

Питер едва ли слышал его, потому что смотрел на дверь. На ней была задвижка, и если...

Полилась вода, шум ее заглушал голос полковника, он заговорил громче.

— Примерно тогда же мы стали находить эти машины,— сказал он.— Только представьте себе. Обыкновенная машина-автомат продает сигареты, но это не все. Что-то в нем следит за вами. Что-то изучает людей и их образ жизни. Во всех кассовых и игорных авто-

матах и других устройствах, которые мы сами же установили. Только теперь это не просто автоматы, а наблюдатели. Они следят за людьми все время. Наблюдают, изучают.

Питер, бесшумно ступая босыми ногами, подошел к двери, захлопнул ее и закрыл на задвижку.

— Эй! — крикнул полковник.

Где одежда? Наверно, в шкафу. Питер подскочил и дернул дверцу. Вот она, висит на вешалке.

Он сбросил больничный халат, схватил брюки и натянул их. Теперь рубашку. В ящике. А где ботинки? Стоят тут же. Шнурки завязывать некогда.

Полковник дергал дверь и колотил в нее, но еще не кричал. Он закрывает, но пока он заботится о своей репутации — не хочет, чтобы все узнали, как его провели.

Питер полез в карманы. Бумажник исчез. Остальное тоже — нож, часы, ключи. Наверное, вынули и положили в сейф, когда его привезли сюда.

Сейчас не до этого. Главное — скрыться.

В коридоре он постарался сдерживать шаг. Прошел мимо сестры, но та даже не взглянула в его сторону.

Питер отыскал выход на лестницу, открыл дверь. Теперь можно и поторопиться. Он перепрыгивал через три ступеньки, шнурки мотались.

Питер подумал, что безопаснее будет спуститься по лестнице. Там, где есть лифт, его почти не пользуются. Он остановился, нагнулся и завязал шнурки.

Над каждой дверью был обозначен этаж, и поэтому Питер легко ориентировался. На первом этаже он снова пошел по коридору. Кажется, его еще не хватились, хотя полковник мог поднять тревогу с минуты на минуту.

А не задержат ли его у выхода? А вдруг спросят, куда он идет. А вдруг...

У выхода стояла корзина с цветами. Питер оглянулся. По коридору шли какие-то люди, но на него никто не смотрел. Он схватил корзину.

В дверях он сказал служительнице, сидевшей за столом:

— Ошибка вышла. Не те цветы.

Она кисло улыбнулась, но не задержала его.

Выйдя, он поставил цветы на ступеньку и быстро пошел прочь.

Час спустя он уже знал, что ему ничто не угрожает. Знал также, что находится в городе, милях в тридцати от того места, куда хотел добраться, что у него нет денег, что он голоден и что у него болят ноги от ходьбы по твердым бетонированным тротуарам.

Он увидел парк и присел на скамью. Поодаль старички играли в шахматы. Мать укачивала ребенка. Молодой человек сидел и слушал крохотный транзистор.

По радио говорили: «...очевидно, здание закончено. За последние восемнадцать часов оно не увеличилось. Сейчас оно насчитывает тысячу этажей и занимает площадь более ста акров. Бомба, сброшенная два дня назад, все еще плавает над ним, удерживаемая в воздухе какой-то непонятной силой. Артиллерия находится поблизости, ожидая приказа открыть огонь, но приказа не поступает. Многие считают, что если бомба не достигла цели, то со снарядами будет то же самое, если они вообще покинут жерла орудий.

Представитель военного министерства заявил, что большие орудия на огневой позиции — это, в сущности, лишь мера предосторожности, что, может быть, и верно; но тогда совершенно непонятно, зачем было сбрасывать бомбу. Не только в конгрессе, но и во всем мире растет негодование по поводу попытки разбомбить здание. Ведь со стороны здания до сих пор не было никаких враждебных действий. Как сообщают, пока нанесен ущерб только Питеру Шайе, человеку, который нашел машину: его ферма поглощена зданием.

Все следы Шайе потеряны три дня назад, когда с ним случился какой-то припадок и его увезли из дома. Наверно, он находится в военной тюрьме. Высказывают самые различные догадки насчет того, что мог знать Шайе. Весьма вероятно, он единственный человек на Земле, который может пролить свет на то, что случилось на его ферме.

Тем временем к зданию стянуты войска и все жители в зоне восемнадцати миль эвакуированы. Известно, что две группы ученых препровождены через линии заграждения. Хотя никакого официального сообщения не последовало, есть основания полагать, что поездки ученых не увенчались успехом. Что это за здание, кто или что его строило, если только процесс его возведения можно назвать строительством, и чего можно ожидать в дальнейшем — таков круг беспочвенных гаданий. Естественно, недостатка в них нет, но никто еще не придумал разумного объяснения.

Все телеграфные агентства мира продолжают представлять горы материалов, но конкретные сведения можно пересчитать по пальцам.

Каких-либо других новостей почти нет. Вероятно, это объясняется тем, что людей сейчас интересует только таинственное здание. Как ни странно, но других новостей и в самом деле мало. Как это часто бывает, когда случается большое событие, все прочие проис-

шествия как бы откладываются на более позднее время. Эпидемия полиомиелита быстро идет на убыль; уголовных преступлений нет. В столицах прекратили всякую деятельность законодательные органы, а правительства пристально следят за всем, что связано со зданием.

Во многих столицах все чаще высказывается мнение, что здание — предмет заботы не одной лишь Америки, что все решения относительно него должны приниматься на международном уровне. Попытка разбомбить здание вызвала сомнение в том, что наша страна, на территории которой оно находится, способна действовать спокойно и беспристрастно. Высказывается мнение, что решить эту проблему разумно мог бы только какой-нибудь международный орган, стоящий на объективных позициях».

Питер встал со скамьи и пошел прочь. По радио сказали, что его увезли из дома три дня назад. Немудрено, что он так проголодался.

Три дня — и за это время здание поднялось на тысячу этажей и раскинулось на площади ста акров.

Теперь он уже шел не торопясь: у него очень болели ноги, от голода сосало под ложечкой.

Он должен вернуться к зданию во что бы то ни стало. Вдруг он осознал, что сделать это необходимо, но еще не понял, почему он должен так поступить, откуда в нем эта страстная устремленность.

Как будто он что-то забыл там и теперь надо идти и разыскать забытое. «Я что-то забыл», — не шло у него из головы. Но что он мог забыть? Ничего, кроме боли, сознания, что он неизлечимо болен, и маленькой капсулы с ядом в кармане, которую он решил раздавить зубами, когда боль станет невыносимой.

Он полез в карман, но капсулы там уже не было. Она исчезла вместе с бумажником, перочинным ножом и часами. «Теперь уже все равно, — подумал он, — капсула мне больше не нужна».

Он услышал позади себя торопливые шаги и, поняв, что догоняют именно его, резко обернулся.

— Питер! — крикнула Мери. — Питер, мне показалось, что это вы. Я так бежала за вами.

Он стоял и смотрел на нее, не веря своим глазам.

— Где вы пропадали? — спросила она.

— В больнице, — ответил Питер. — Я убежал оттуда. Но почему вы...

— Нас эвакуировали, Питер. Пришли и сказали, что нужно уехать. Часть наших расположилась лагерем в той стороне парка. Папа просто из себя выходит, но я понимаю его: нас заставили уехать в самый сенокос, да и жатва скоро.

Она запрокинула голову и посмотрела ему в лицо.

— У вас такой измученный вид,— сказала она.— Вам опять плохо?

— Плохо? — переспросил он и тут же понял, что соседи, по-видимому, знают... что причина его приезда на ферму давным-давно известна всем, потому что секретов в деревне не бывает...

— Простите, Питер,— заговорила Мери.— Простите. Не надо было мне...

— Ничего,— сказал Питер.— Все прошло, Мери. Я здоров. Не знаю уж, как и почему, но я вылечился.

— В больнице? — предположила Мери.

— Больница тут ни при чем. Я поправился еще до того, как попал туда. Но выяснилось это только в больнице.

— Может быть, диагноз был неправильный?

Он покачал головой.

— Правильный, Мери.

Разве можно говорить с такой уверенностью? Могли он, а вернее врачи, сказать определенно, что это были злокачественные клетки, а не что-нибудь иное... не какой-нибудь неизвестный паразит, которого он, сам того не ведая, приютил в своем организме?

— Вы говорите, что сбежали? — напомнила ему Мери.

— Меня будут искать. Полковник и майор. Они думают, что я имею какое-то отношение к машине, которую нашел. Они думают, я ее сделал. Они увезли меня в больницу, чтобы проверить, человек ли я.

— Какие глупости!

— Мне нужно вернуться на ферму. Я просто должен вернуться туда.

— Это невозможно,— сказала ему Мери.— Там всюду солдаты.

— Я поползу на животе по канавам, если надо. Пойду ночью. Прoberусь сквозь линию заграждения. Буду драться, если меня увидят и захотят задержать. Выбора нет. Я должен попытаться.

— Вы больны,— сказала она, с беспокойством глядя на его лицо.

Он усмехнулся.

— Не болен, а просто хочу есть.

— Тогда пошли.

Она взяла его за руку. Он не тронулся с места.

— Скоро за мной начнется погоня, если уже не началась.

— Мы пойдем в ресторан.

— Они отобрали у меня бумажник, Мери. У меня нет денег.

— У меня есть деньги, которые я взяла на покупки.

— Нет,— сказал он.— Я пойду. Теперь меня с пути не собьешь.

— И вы в самом деле идете туда?

— Это пришло мне в голову только что,— признался он, смущаясь, но в то же время почему-то уверенный, что слова его не просто безрассудная бравада.

— Вернетесь туда?

— Мери, я должен.

— И думаете, вам удастся добраться?

Он кивнул.

— Питер,— нерешительно проговорила она.

— Что?

— Я вам не буду обузой?

— Вы? Как так?

— Если бы я пошла с вами?

— Но вам нельзя, вам незачем идти.

— Причина есть, Питер. Меня тянет туда. Как будто в голове у меня звонок — школьный звонок, созывающий ребятишек.

— Мери,— спросил он,— на том флаконе с духами был какой-нибудь символ?

— Был. На стекле,— ответила она.— Такой же, что и на вашем нефрите.

«И такие же знаки,— подумал он,— были в письмах».

— Пошли,— решил он вдруг.— Вы не помешаете.

— Сначала поедим,— сказала она.— Мы можем потратить деньги, которые я взяла на покупки.

Они пошли по дороге, рука об руку, как два влюбленных подростка.

— У нас уйма времени,— сказал Питер.— Нам нельзя пускаться в путь, пока не стемнеет.

Они поели в маленьком ресторане на тихой улице, а потом пошли в магазин. Купили буханку хлеба, два круга копченой колбасы, немного сыра, на что ушли почти все деньги Мери, а на сдачу продавец дал им пустую бутылку для воды. Она послужит вместо фляги.

Они прошли городскую окраину, пригороды и оказались в поле; они не торопились, потому что до наступления темноты не стоило забираться слишком далеко.

Наткнувшись на речушку, они уселись на берегу, совсем как парочка на пикнике. Мери сняла туфли и болтала ногами в воде, и оба были невероятно счастливы.

Когда стемнело, они пошли дальше. Луны не было, но в небе сияли звезды. И хотя Мери с Питером спотыкались, а порой плутали неведомо где, они по-прежнему сторонились дорог, шли полями и лугами, держались подалеже от ферм, чтобы избежать встреч с собаками.

Было уже за полночь, когда они увидели первые лагерные костры и обошли их стороной. С вершины холма были видны ряды палаток, неясные очертания грузовиков, крытых брезентом. А потом они чуть не наткнулись на артиллерийское подразделение, но благополучно скрылись, не нарвавшись на часовых, которые, наверно, были расставлены вокруг лагеря.

Теперь Мери с Питером знали, что находятся внутри эвакуированной зоны и должны пробраться сквозь кольцо солдат и орудий, нацеленных на здание.

Они двигались осторожнее и медленнее. Когда на востоке забрезжила заря, они спрятались в густых зарослях терновника на краю луга.

— Я устала, — сказала со вздохом Мери. — Я не чувствовала усталости всю ночь, а может, не замечала ее, но теперь, когда мы остановились, у меня больше нет сил.

— Мы поедим и ляжем спать, — сказал Питер.

— Сначала поспим. Я так устала, что не хочу есть.

Питер оставил ее и пробрался сквозь чащу к опушке.

В неверном свете разгоравшегося утра перед ним предстало здание — голубовато-серая громадина, которая возвышалась над горизонтом, подобно тупому персту, указующему в небо.

— Мери! — прошептал Питер. — Мери, вон оно!

Он услышал, как она пробирается сквозь заросли.

— Питер, до него еще далеко.

— Знаю, но мы пойдем туда.

Припав к земле, они разглядывали здание.

— Я не вижу бомбы, — сказала Мери. — Бомбы, которая висит над ним.

— Она слишком далеко.

— А почему именно мы возвращаемся туда? Почему только мы не боимся?

— Не знаю, — озабоченно нахмурившись, ответил Питер. — В самом деле, почему? Я возвращаюсь туда, потому что хочу... нет, должен вернуться. Видите ли, я выбрал это место, чтобы умереть. Как слоны, которые ползут умирать туда, где умирают все слоны.

— Но теперь вы здоровы, Питер.

— Какая разница... Только там я обрел покой и ощущение.

— А вы забыли еще о символах, Питер. О знаке на флаконе и нефрите.

— Вернемся, — сказал он. — Здесь нас могут увидеть.

— Только наши подарки были с символами, — настаивала Мери. — Ни у кого больше нет таких. Я спрашивала. На всех других подарках не было знаков.

— Сейчас не время строить предположения. Пошли.

Они снова забрались в чашу.

Солнце уже взошло над горизонтом, косые лучи его проникали в заросли, кругом стояла благословенная тишина нарождающегося дня.

— Питер,— сказала Мери.— У меня слипаются глаза. Поцелуйте меня перед сном.

Он поцеловал ее, и они прижались друг к другу, скрытые от всего мира корявыми, сплетшимися низкорослыми кустами терновника.

— Я слышу звон,— тихо проговорила Мери.— А вы слышите?

Питер покачал головой.

— Как школьный звонок,— продолжала она.— Как будто начинается учебный год и я иду в первый класс.

— Вы устали,— сказал он.

— Я слышала этот звон и прежде. Это не в первый раз.

Он поцеловал ее еще раз.

— Ложитесь спать,— сказал он, и она заснула сразу, как только легла и закрыла глаза.

Питера разбудил рев; он сел — сон как рукой сняло.

Рев не исчез, он доносился из-за кустов и удалялся.

— Питер! Питер!

— Тише, Мери! Там что-то есть.

Теперь уже рев приближался, все нарастая, пока не превратился в громовой грохот, от которого дрожала земля. Потом снова стал удаляться.

Полуденное солнце пробивалось сквозь ветви. Питер почуял мускусный запах теплой земли и прелых листьев.

Они с Мери стали осторожно пробираться через чашу и, добравшись почти до самой опушки, сквозь поредевшие заросли увидели мчащийся далеко по полю танк. Ревя и раскачиваясь, он катил по неровной местности, впереди задиристо торчала пушка, и весь он был похож на футболиста, который рвется вперед.

Через поле была проложена дорога... А ведь Питер твердо знал, что еще вечером никакой дороги не было. Прямая, совершенно прямая дорога вела к зданию; покрытие ее было металлическим и блестело на солнце.

Далеко слева параллельно ей была проложена другая дорога, справа — еще одна, и казалось, что впереди все три дороги сливаются в одну, как сходятся рельсы железнодорожного пути, уходящего к горизонту.

Их пересекали под прямым углом другие дороги, и создавалось впечатление, будто на земле лежат две тесно сдвинутые гигантские лестницы.

Танк мчался к одной из поперечных дорог; на рас-

стоянии он казался крохотным, а рев был не громче гудения рассерженной пчелы.

Он добрался до дороги и резко пошел юзом в сторону, будто наткнулся на что-то гладкое и неодолимо прочное, будто врезался в прозрачную металлическую стену. Было мгновение, когда он накренился и чуть не перевернулся, однако этого не произошло, ему удалось выровняться; он дал задний ход, потом развернулся и загромыхал по полю, назад к зарослям.

На полпути он опять развернулся и встал пушкой в сторону поперечной дороги.

Ствол орудия пошел вниз, и из него вырвалось пламя. Снаряд разорвался у поперечной дороги — Питер и Мери увидели вспышку и дым. По ушам хлестнула ударная волна.

Снова и снова, стреляя в упор, орудие изрыгало снаряды. Над танком и дорогой клубился дым, а снаряды все разрывались у дороги — на этой стороне дороги, а не на той.

Танк снова загромыхал вперед, к дороге, на сей раз он приближался осторожно, часто останавливаясь, будто искал проход.

Откуда-то издалека донесся грохот орудийного залпа. Казалось, стреляет целая артиллерийская батарея. Постреляв, орудия неохотно замолчали.

Танк продолжал тыкаться в дорогу, словно собака, вынюхивающая зайца, который спрятался под поваленным деревом.

— Что-то не пускает его, — сказал Питер.

— Стена, — предположила Мери. — Какая-то невидимая стена. Танк не может проехать сквозь нее.

— И прострелить ее тоже не может. Ее никакими пушками не пробьешь, даже вмятины не останется.

Припав к земле, Питер наблюдал за танком, который медленно двигался вдоль дороги. Танк дополз до перекрестка и сделал небольшой разворот, чтобы въехать на левую продольную дорогу, но снова уткнулся лобовой броней в невидимую стену.

«Он в ловушке, — подумал Питер. — Дороги разъединили и заперли все войсковые части. Танк в одном загоне, дюжина танков в другом, артиллерийская батарея в третьем, моторизованный резерв в четвертом. Войскам перекрыты все пути — рассованные по загонам подразделения совершенно небоеспособны. Интересно, а мы тоже в западне?»

По правой дороге шагала группа солдат. Питер заметил их издалека: черные точки двигались по дороге на восток, прочь от здания. Когда они подошли ближе, он увидел, что у них нет оружия, что они бредут, не

соблюдая никакого строя, а по тому, как люди волочили ноги, он понял, что они устали, как собаки.

Мери, оказывается, уходила, но он заметил это, когда она уже возвращалась, низко наклоня голову, чтобы не зацепиться волосами за ветви.

Сев рядом, она протянула ему толстый ломоть хлеба и кусок колбасы. Бутылку с водой она поставила на землю.

— Это здание построило дороги,— сказала она.

Питер кивнул, рот его был набит.

— Это сделано для того, чтобы до здания удобнее было добираться,— сказала Мери.— Здание хочет, чтобы людям легче было посещать его.

— Опять школьный звонок? — спросил он.

Она улыбнулась и сказала:

— Опять.

Солдаты подошли теперь совсем близко, увидели танк и остановились.

Четверо солдат сошли с дороги и зашагали по полю к танку. Остальные присели.

— Стена пропускает только в одну сторону,— предположила Мери.

— Скорее всего,— сказал Питер,— она не пропускает танки, а люди могут проходить.

— Здание хочет, чтобы в него входили люди.

Солдаты шагали по полю, а танк двинулся им навстречу; он остановился, и экипаж выбрался наружу. Пехотинцы и танкисты разговаривали, один из солдат что-то говорил, показывая рукой то в одну, то в другую сторону.

Издали снова донесся гром тяжелых орудий.

— Кто-то,— сказал Питер,— все еще пытается пробить стены.

Наконец пехотинцы и танкисты пошли к дороге, бросив танк посреди поля.

Питер подумал, что то же самое, по-видимому, происходит со всеми войсками, блокировавшими здание. Дороги и стены разъединили их — отгородили друг от друга... и теперь танки, орудия и самолеты стали просто безвредными игрушками, которыми в тысячах загончиков забавлялись люди-детишки.

По дороге брели на восток пехотинцы и танкисты, они отступали, бесславная осада была снята.

Мери и Питер сидели в зарослях и наблюдали за зданием.

— Вы говорили, что они прилетели со звезд,— сказала Мери.— Но почему сюда? Зачем мы им нужны? И вообще зачем они прилетели?

— Чтобы спасти нас,— нерешительно проговорил Питер,— спасти нас от самих себя, или чтобы порабо-

тить и эксплуатировать нас. Или чтобы использовать нашу планету как военную базу. Причин может быть сотни. Если они даже скажут нам, мы, наверно, не поймем.

— Но вы же не думаете, что они хотят поработить нас или использовать Землю как военную базу? Если бы вы так думали, мы не стремились бы к зданию.

— Нет, я так не думаю. Не думаю, потому что у меня был рак, а теперь его нет. Не думаю, потому что эпидемия полиомиелита пошла на убыль в тот самый день, когда они прилетели. Они делают нам добро, совсем как миссионеры, которые делали добро своим подопечным, ведущим примитивный образ жизни, людям, пораженным разными болезнями.

Он посмотрел на поле, на покинутый танк, на сверкающую лестницу дорог.

— Я надеюсь,— продолжал он,— что они не будут делать того, что творили некоторые миссионеры. Я надеюсь, что не будут унижать наше достоинство, насильно обряжая в чужеземное платье. Надеюсь, излечив от стригущего лишая, они не обрекут нас на чувство расовой неполноценности. Надеюсь, они не станут рубить кокосовые пальмы, чтобы...

«Но они знают нас,— думал он.— Они знают о нас все, что можно знать. Они изучали нас... Долго ли они нас изучали? Сидя где-нибудь в аптеке, маскируясь под автомат, продающий сигареты, наблюдая за нами из-за стойки под видом кассового автомата...

Кроме того, они писали письма, письма главам почти всех государств мира. После расшифровки писем, вероятно, станет ясно, чего они хотят. А может быть, они чего-то требуют. А может, в письмах всего лишь содержатся просьбы разрешить строить миссии или церкви, больницы или школы.

Они знают нас. Знают, например, что мы обожаем все бесплатное, и поэтому раздавали нам подарки — что-то вроде призов, которые вручаются радио- и телекомпаниями или торговыми палатами за лучшие ответы в соревнованиях на сообразительность, с той лишь разницей, что здесь соперников нет и выигрывает каждый».

Почти до самого вечера Питер и Мери наблюдали за дорогой, и все это время по ней ковыляли небольшие группы солдат. Но вот прошло уже более часа, а на дороге никто не появлялся.

Мери с Питером отправились в путь перед самыми сумерками, они пересекли поле и сквозь невидимую стену вышли на дорогу. И зашагали на запад, к громаде здания, багровеющей на фоне красноватого заката.

Они шли сквозь ночь; теперь не надо было кружить

и прятаться, как в первую ночь, потому что на пустынной дороге им попался навстречу лишь один солдат.

К тому времени они прошли довольно большое расстояние и громада здания уже отхватила полнеба — оно тускло светилось в сиянии звезд.

Солдат сидел посередине дороги, ботинки он аккуратно поставил рядом.

— Совсем обезножел, — затеяв разговор, сказал солдат.

Питер и Мери охотно уселись рядом. Питер достал бутылку с водой, хлеб, сыр и колбасу и разложил все на дороге, подстелив, как на пикнике, вместо скатерти бумагу.

Некоторое время они ели молча. Наконец солдат сказал:

— Да, всему конец.

Питер и Мери ни о чем не спрашивали, а жуя хлеб с сыром, терпеливо ждали.

— Конец службе, — сказал солдат. — Конец войне.

Он махнул рукой в сторону загонов, образованных дорогами. В одном стояли три самоходных орудия, в другом лежала гряда боеприпасов, в третьем — военные грузовики.

— Как же тут воевать, — спросил солдат, — если все войска рассованы, как пешки по клеткам? Танк, который вертится на пяточке в десять акров, не годится ни к черту. А что толку от орудия, стреляющего всего на полмили?

— Вы думаете, так повсюду? — спросила Мери.

— Во всяком случае, здесь. Почему бы им не сделать то же самое и в других местах? Они остановили нас. Они не дали нам ступить ни шагу и не пролили ни единой капли крови. У нас нет потерь.

Набив рот хлебом и сыром, он потянулся за бутылкой.

— Я вернусь, — сказал он. — Заберу свою девушку, и мы оба придем сюда. Может быть, тем, кто в здании, нужна какая-нибудь помощь, и я хочу помочь им, чем смогу. А если они не нуждаются в помощи, что ж, тогда я постараюсь найти способ сообщить им, что благодарен за их прибытие.

— Им? Ты видел их?

Солдат посмотрел на Питера в упор.

— Нет, я никого не видел.

— Тогда почему сперва ты идешь за своей девушкой и лишь потом собираешься вернуться? Кто тебя надоумил? Почему бы тебе не пойти туда с нами сейчас?

— Это было бы нехорошо, — запротестовал солдат. — Мне почему-то так кажется. Сперва мне надо

увидеть ее и рассказать, что у меня на душе. Кроме того, у меня есть для нее подарок.

— Она обрадуется,— ласково сказала Мери.— Ей понравится подарок.

— Конечно,— горделиво улыбнувшись, сказал солдат.— Она давно о таком мечтала.

Солдат полез в карман, достал кожаный футляр и щелчком открыл его. Ожерелье тускло блеснуло при свете звезд.

Мери протянула руку.

— Можно? — спросила она.

— Конечно,— ответил солдат.— Вы-то знаете, понравится ли оно девушке.

Мери вынула ожерелье из футляра — ручеек звездного огня заструился по ее руке.

— Бриллианты? — спросил Питер.

— Не знаю,— ответил солдат.— Наверно. С виду вещь дорогая. В середине какой-то большой зеленый камень, он не очень сверкает, но зато...

— Питер,— перебила его Мери,— у вас есть спички?

Солдат сунул руку в карман.

— У меня есть зажигалка, мисс. Мне дали зажигалку. Блеск!

Он щелкнул, вспыхнуло пламя. Мери поднесла камень к свету.

— Символ,— сказала она.— Как на моем флаконе.

— Это вы про гравировку? — спросил солдат, показывая пальцем.— И на зажигалке такая же.

— Где ты взял это? — спросил Питер.

— Ящик дал. Только этот ящик не простой. Я протянул к нему руку, а он выплюнул зажигалку, и тогда я подумал о Луизе и зажигалке, которую она мне подарила. Я ее потерял. Жалко было. И вот те на — такая же, только знаки сбоку... Только, значит, я подумал о Луизе, как ящик как-то смешно фыркнул и выкинул футляр с ожерельем.

Солдат наклонился. Зажигалка осветила его молодое лицо, оно сияло торжеством.

— Знаете, что мне кажется? — сказал он.— Мне кажется, что этот ящик — один из них. Говорят разное, но нельзя верить всему, что услышишь.

Он перевел взгляд с Мери на Питера.

— Вам, наверно, смешно? — робко спросил он.

Питер покачал головой.

— Вот уж чего нет, того нет, солдат.

Мери отдала ожерелье и зажигалку. Солдат положил их в карман и стал надевать ботинки.

— Надо идти. Спасибо за угощение.

— Мы увидимся,— сказал Питер.

— Надеюсь.

— Обязательно увидимся, — убежденно сказала Мери.

Мери и Питер смотрели ему вслед. Он заковылял в одну сторону, а они пошли в другую.

— Символ — это их метка, — сказала Мери. — Те, кому дали вещь с символом, должны вернуться. Это как паспорт, как печать, удостоверяющая, что ты им понравился!

— Или, — добавил Питер, — клеймо, обеспечивающее право собственности.

Они ищут определенных людей. Им не нужен тот, кто боится их. Им нужны люди, которые верят им.

— А для чего мы им нужны? — с тревогой спросил Питер. — Вот что меня беспокоит. Какая им польза от нас? Солдат хочет помочь им, но они в нашей помощи не нуждаются. Ни в чьей они помощи не нуждаются.

— Мы никого из них не видели, — сказала Мери. — Разве что ящик — один из них.

«И сигаретные автоматы, — подумал Питер. — Сигаретные автоматы и еще бог знает что».

— И все же, — продолжала Мери, — они нас знают. Они наблюдали за нами, изучали. Они знают о нас всю подноготную. Они могут проникнуть в сознание каждого, узнать, о чем он мечтает, и сделать подарок. Джонни они подарили удилище с катушкой, вам — нефрит. И удилище было человеческим удилищем, а нефрит — земным нефритом. Они даже знают девушку солдата. Они знали, что ей хочется иметь блестящее ожерелье, знали: такой человек, как она, придет к ним и...

— А может, это все-таки летающие блюдца, — сказал Питер. — Они летали над нами много лет и изучали нас.

«Сколько же потребовалось лет, — подумал он, — чтобы изучить человечество? Ведь им пришлось начинать с азов: человечество было для них сложной, незнакомой расой, они шли ощупью, изучая сперва отдельные факты. И они, наверно, ошибались. Иногда их выводы были неверны, и это тормозило работу».

— Не знаю, — сказал Питер. — Для меня это совершенно непостижимо.

Они шли по блестящей, мерцающей при свете звезд металлической дороге, а здание все росло, это был уже не туманный фантом, а гигантская стена, которая уходила в небо, гася звезды. Тысячэтажное здание, раскинувшееся на площади в сто акров, — от такого величия, от такого размаха голова шла кругом.

И, даже стоя поблизости от здания, нельзя было

увидеть бомбу: она болталась где-то в воздухе на слишком большой высоте.

Но зато видны были маленькие квадратики, нарезанные дорогами, а в них смертоносные игрушки неистовой расы, теперь брошенные, ненужные куски металла причудливой формы.

Перед самым рассветом Питер и Мери подошли наконец к громадной лестнице, которая вела к главному входу. Ступая по гладкой, выложенной камнем площадке перед лестницей, они как-то особенно остро ощутили тишину и покой, царившие под сенью здания.

Рука об руку они поднялись по лестнице, подошли к большой бронзовой двери и остановились. Повернувшись, они молча смотрели вдаль.

Насколько хватал глаз видны были дороги, расходящиеся, как спицы колеса от ступицы — здания, а поперечные дороги лежали концентрическими кругами, и казалось, будто находишься в центре паутины.

Брошенные фермы со службами — коровниками, амбарами, гаражами, силосными башнями, свинарниками, навесами для машин остались в секторах, отсеченных дорогами; в других секторах стояли военные машины, годные теперь разве лишь на то, чтобы в них вили гнезда птицы да прятались зайцы. С лугов и полей доносились птичьи трели, воздух был чист и прохладен.

— Вот она, — сказала Мери. — Наша прекрасная страна, Питер.

— Была наша, — поправил ее Питер. — Все, что было, уже никогда не повторяется.

— Питер, вы не боитесь?

— Нисколько. Только сомнения одолевают.

— Но ведь прежде вы ни в чем не сомневались.

— Я и сейчас не сомневаюсь, — сказал он. — Я чую, что все идет как следует.

— Конечно, все идет хорошо. Была эпидемия, теперь ее нет. Армия разбита без единой жертвы. Атомной бомбе не дали взорваться. Разве не так, Питер? Они уже меняют наш мир к лучшему. Рак и полиомиелит исчезли, а с этими двумя болезнями человек боролся долгие годы и никак не мог победить. Войне конец, болезням конец, атомным бомбам конец — чего мы не могли сделать сами, они сделали за нас.

— Все это я знаю, — сказал Питер. — Они, несомненно, также положат конец преступлениям, коррупции, насилию — тому, что мучило и унижало человечество с тех самых пор, как оно спустилось с деревьев.

— Чего же вам нужно еще?

— Наверно, ничего... Впрочем, ничего определен-

ного мы пока не знаем. Все сведения косвенные, не конкретные, основанные на умозаключениях. У нас нет доказательств, реальных, весомых доказательств.

— У нас есть вера. Мы должны верить. Если не верить в кого-то или что-то, уничтожающее болезни и войну, то во что тогда можно верить вообще?

— Именно это и тревожит меня.

— Мир держится на вере,— сказала Мери.— Любуй веру — в бога, в самих себя, в человеческую порядочность.

— Вы изумительная! — воскликнул Питер. Он крепко обнял Мери. В это время большая бронзовая дверь растворилась.

Положив руки друг другу на плечи, молча переступили они порог и очутились в вестибюле с высоким сводчатым потолком. Он был расписан фресками, на стенах висели панно, четыре больших марша лестницы вели наверх.

Но вход на лестницу преграждали тяжелые бархатные шнуры. Дорогу им показывали стрелки и еще один шнур, зацепленный за блестящий столбик.

Покорно и тихо, почти с благоговением они направились через вестибюль к единственной открытой двери.

Они вошли в большую комнату с громадными, высокими, изящной формы окнами, сквозь которые лучи утреннего солнца падали на новенькие блестящие аспидные доски, кресла с широкими подлокотниками, массивные столы, несчетные полки с книгами и кафедру на возвышении.

— Я была права,— сказала Мери.— Все-таки это был школьный звонок. Мы пришли в школу, Питер. В первый класс.

— В детский сад,— с трудом проговорил Питер.

«Все верно,— подумал он,— так по-человечески правильно: солнце и тень, роскошные переплеты книг, темное дерево, глубокая тишина. Аудитория учебного заведения с хорошими традициями. Здесь есть что-то от атмосферы Кембриджа и Оксфорда, Сорбонны и Айви Лиг¹. Чужеземцы ничего не упустили, предусмотрели каждую мелочь».

— Мне надо выйти,— сказала Мери.— Подождите меня здесь, никуда не уходите.

— Я никуда не уйду,— обещал Питер.

Он посмотрел ей вслед. Через открывшуюся дверь он увидел бесконечный коридор. Мери закрыла дверь, и Питер остался один.

Постояв с минуту, он резко повернулся и почти бе-

¹ Айви Лиг — объединение американских университетов (Принстонского, Гарвардского и Йельского). — *Прим. перев.*

гом бросился через вестибюль к большой бронзовой двери. Но двери не было. Ни следа, даже щелочки на том месте, где была дверь. Дюйм за дюймом Питер ощупал стену и никакой двери не нашел.

Опустошенный, повернулся он лицом к вестибюлю. Голова раскалывалась — один, один во всей громаде здания.

Питер подумал, что там, наверху, еще тысяча этажей, здание уходит в самое небо. А здесь, внизу, — детский сад, на втором этаже, — несомненно, первый класс, и если подниматься все выше, то куда можно прийти, к какой цели?

Но что будет после выпуска?

И будет ли вообще выпуск?

И чем он станет? Кем? Останется ли он человеком?

Теперь надо ждать прихода в школу других, тех, кто был отобран, тех, кто сдал необычный вступительный экзамен.

Они придут по металлическим дорогам и поднимутся по лестнице, большая бронзовая дверь откроется, и они войдут. И другие тоже придут — из любопытства, но если у них нет символа, двери не откроются перед ними.

И если вошедшему захочется бежать, он не найдет двери.

Питер вернулся в класс, на то же место, где стоял прежде.

Интересно, что написано в этих книгах. Очень скоро он наберется храбрости, возьмет какую-нибудь книгу и раскроет ее. А кафедра? Что будет стоять за кафедрой?

Что, а не кто?

Дверь открылась, и вошла Мери.

— Там квартиры, — сказала она. — Таких уютных я никогда не видела. На двери одной наши имена, на других — тоже имена, а есть совсем без табличек. Люди идут, Питер. Просто мы немного поспешили. Пришли раньше всех. Еще до звонка.

Питер кивнул.

— Давайте сядем и подождем, — сказал он.

Они сели рядом и стали ждать, когда появится Учитель.

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ

Глава первая

И вот настал день, когда Человек был готов отказаться от мысли проникнуть в космос. Первые сомнения возникли еще тогда, когда Ван Аллен открыл вокруг Земли пояса радиации. Но Человек слишком долго мечтал о космосе, чтобы сдаться, не сделав еще одну попытку.

И делались одна попытка за другой, а астронавты гибли, доказывая, что Человек слишком слаб для космоса. Слишком непрочной держится в его теле жизнь. Он умирает или от первичной, солнечной радиации, или от вторичного излучения, возникающего в металле самого корабля.

И в конце концов Человек понял несбыточность своей мечты и стал глядеть на звезды, которые теперь были от него дальше, чем когда-либо, с горечью и разочарованием.

После долгих лет борьбы за космос, пережив сотни миллионов неудач, Человек отступил.

И правильно сделал.

Существовал другой путь.

Глава вторая

Шепард Блэйн чувствовал, что находится в доме, а если не в доме, то, во всяком случае, в месте, где кто-то живет. Тут присутствовали порядок и пропорции, которые не могли быть созданы природой, пусть даже это чужая природа, природа планеты, вращающейся вокруг неизвестной звезды за тысячи световых лет от Земли.

В отличие от песчаных дюн, по которым до этого двигался Блэйн, на полу странного жилища не оставалось следов. По сравнению с ревом урагана, столько часов оглушавшим Блэйна, пока он пробирался через пустыню, шум ветра здесь казался слабым шорохом.

Пол был сделан из голубого твердого и гладкого материала, и катиться по нему было очень легко.

Вокруг стояли предметы, тоже голубого цвета, похожие на мебель или какие-то приспособления. Во всяком случае, их форма не была случайной, естественной, какую могли бы создать ветер и солнце, а свидетельствовала о том, что эти предметы имеют какое-то предназначение.

Крыши у сооружения не было. В небе светили звезды, а вдалеке мерцало тусклое солнце.

Включив все датчики на полную мощность, Блэйн медленно двинулся вперед. Ощущение, что он находится в доме, усиливалось, а вскоре к нему добавилось ощущение того, что в доме есть жизнь.

Блэйн почувствовал, что начинает волноваться. Жизнь даже в простейших формах удавалось обнаружить крайне редко, а случаи, когда на планетах открывали разумную жизнь, вообще считались исключительным событием.

Блэйн пошел совсем медленно. Датчики работали бесшумно, и тишину нарушали лишь шорох колес и слабое жужжание прибора, фиксирующего информацию о форме, цвете, запахе, размерах, записывающего температуру, время, силу магнитных полей и регистрирующего все, что только можно зарегистрировать на этой планете.

Он издали заметил живое существо — нечто, развалившееся на полу, как лентяй, которому нечего делать, кроме как просто лежать вот так.

Не прибавляя скорости, Блэйн направился к нему, а датчики тем временем скармливали записывающему устройству информацию о распластавшемся на полу существе.

Оно было розовым; не того омерзительного розового цвета, что так часто встречается — линялого, наводящего на мысли об анатомическом театре. Это был жизнерадостно розовый. Платице такого цвета надела бы семилетняя соседская девочка на свой день рождения.

Оно смотрело на Блэйна. Может, не глазами, но смотрело. Оно знало, что он здесь. И не боялось.

Блэйн приблизился к нему почти вплотную и остановился.

Оно было довольно массивным: высота достигала 12 футов, а диаметр был не менее 20 футов. Рядом с небольшим механизмом, которым был сейчас Блэйн, существо выглядело гигантом, однако в нем не было ничего угрожающего. Хотя и дружественного тоже. И никаких других эмоций. Просто сгусток живой материи.

Блэйн напомнил себе, что теперь предстоит самое трудное. Теперь надо выбирать: действовать или от-

ступить. От его следующего шага может зависеть, как сложатся дальнейшие взаимоотношения с этим существом.

Он стоял, ничего не предпринимая. Датчики втянулись и почти не работали, катушки записывающего устройства едва вращались.

Но ждать дальше было нельзя, потому что время подходило к концу. В его распоряжении оставалось совсем немного.

В этот момент сложнейшие приборы механизма, который сейчас заменял Блэйну тело, отметили, что по розовой массе пробежала легкая дрожь. Дрожь полусформированной мысли, начало контакта, первый шаг.

Блэйн напрягся, стараясь погасить поднимающуюся радость. Глупо радоваться, еще неизвестно, может, это и не телепатия. Хотя эта вибрация, определенные ощущения...

Ну пробуй же, сказал он себе, пробуй!

Время уходит!

Осталось всего полминуты!

Дрожь снова повторилась, на этот раз отчетливее, как будто существо, лежащее перед Блэйном, мысленно откашливалось, перед тем как начать говорить.

И существо заговорило.

— *Здорово, приятель!* — сказала оно. — *Меняюсь с тобой разумом.*

Разум Блэйна совершенно неожиданно раздвоился. Блэйн был одновременно и собой и Розовым. На какой-то ужасный миг он ощутил себя им целиком: он так же, как Розовый, видел и чувствовал, знал то же, что знал он. И в то же время оставался Шепардом Блэйном, исследователем из «Фишхука», чей разум теперь находился так далеко от дома, вне Земли.

В этот момент раздался щелчок — время истекло.

Казалось, вся Вселенная вздрогнула и понеслась куда-то с немыслимой скоростью. Шепард Блэйн возвращался через пространство в пять тысяч световых лет в один весьма своеобразный уголок на севере Мексики и был бессилен помешать этому.

Глава третья

Он медленно выбирался из черной пропасти пространства, в которую был погружен, прокладывая себе путь со слепым упорством, ведомый каким-то древним, врожденным инстинктом.

Он знал, где находится, был уверен, что знает, хотя не смог бы сказать где. В эту пропасть он падал уже

много раз и столько же раз выбирался из нее, но сейчас происходило нечто особенное, чего никогда прежде не случалось.

Что-то необычное коснулось его самого, он перестал быть самим собой, вернее, остался собой только наполовину, во второй же половине поселилось неведомое Нечто, то самое, что лежало у стены, ничего не боялось и изнывало от скуки.

Он выкарабкивался из пропасти, а мозг продолжал с бездумным упорством бороться с тем странным существом. Бороться, осознавая, что борьба бесполезна, что это неведомое Нечто навсегда поселилось в нем и будет отныне неотъемлемой частью его «я».

На минуту он прекратил карабкаться и попытался разобраться в себе. Он был одновременно слишком многим и слишком во многих местах, и это сбивало с толку. Он был и человеком (что бы это ни означало), и мчащейся сквозь космос машиной, и непонятым Розовым, распластавшимся на голубом полу, и безумцем, падающим через полную ревущего времени вечность, которая математически не превышала доли секунды.

Он выполз из пропасти, и тьму сменил мягкий свет. Блэйн неподвижно лежал на спине. Его тело снова принадлежало ему, и он испытал давнее, давнее чувство благодарности за то, что опять удалось вернуться.

Наконец он все вспомнил.

Я, Шепард Блэйн, разведчик из «Фишхука», летаю в космос, исследую неизвестные миры. Бывал на планетах за много световых лет от Земли. Иногда открывал что-то интересное, иногда — нет. Но в этот раз обнаружил Нечто, ставшее частью меня самого и вернувшееся вместе со мной на Землю.

Он искал это Нечто и обнаружил в уголке своего мозга, куда оно в ужасе забилося. Блэйну тоже было страшно, однако он попытался успокоить Его. Он понимал, каково Ему быть в плену у чужого разума. Хотя, с другой стороны, он и сам с радостью избавился бы от этого «пленника», поселившегося в мозгу.

— *Невеселая ситуация для нас обоих*, — мысленно произнес Блэйн, беседуя одновременно с собой и с этим существом.

Чужой выполз из своего уголка, где все это время прятался, и Блэйн ощутил его прикосновение, заглянул на миг в его чувства, понятия, знания. Блэйну показалось, что кровь чужого существа ледяным потоком вливается в его вены, что он ощущает его затхлый запах и слизистое прикосновение его лап — он хотел закричать и с трудом сдержал безумный вопль. Он заставил себя лежать неподвижно, и Розовый опять за-

бился в свое убежище и улегся, свернувшись в клубок.

Блэйн открыл глаза и увидел, как крышка кабины, в которой он лежал, откинулась. В лицо ударил яркий свет лампы.

Блэйн мысленно ощупал тело, проверяя, в целости ли оно и сохранности. Все было в порядке. Да иначе и быть не могло: все эти тридцать часов тело лежало здесь в полном покое. Он пошевелился, приказал себе подняться и сел. Со всех сторон смотрели расплывающиеся в потоках света лица.

— Ну как, трудно было в этот раз? — спросил кто-то.

— Не легче, чем обычно, — ответил Блэйн.

Он вылез из похжей на гроб кабины и зябко передернул плечами. Вдруг стало холодно.

— Ваш пиджак, сэр, — приблизилось чье-то лицо над белым халатом.

Девушка помогла ему надеть пиджак.

Потом подала стакан.

Блэйн попробовал: молоко. Можно было догадаться. Здесь всем принято по возвращении давать стакан молока. Может, в него что-нибудь кладут? Он никогда не интересовался. Для него и других разведчиков это была одна из многих мелочей, составляющих особую прелесть «Фишхука». Через сто с небольшим лет существования «Фишхук» сумел пронести великое множество полузабытых, в разной степени старомодных традиций.

Он уже стоял, потягивая молоко, и к нему возвращалась большая пусковая комната, в которой блестели ряды звездных машин. Некоторые были открыты, а в закрытых лежали тела товарищей Блэйна, и их разум путешествовал сейчас где-то в космосе.

— Который час? — спросил Блэйн.

— Девять вечера, — ответил человек, державший в руке журнал регистрации.

Существо опять шевельнулось в мозгу, и вновь зазвучали слова:

— *Здорово, приятель. Меняюсь с тобой разумами!*

Пожалуй, по человеческим понятиям, ничего более нелепого быть не могло. Это было приветствие. Что-то вроде рукопожатия. Мозгопожатие! Впрочем, если вдуматься, в нем куда больше смысла, чем в обычном рукопожатии.

Девушка тронула его за руку:

— Ваше молоко, сэр!

Если это расстройство мозговой деятельности, значит, оно еще не прошло. Блэйн снова ощутил Его — этот чуждый, темный сгусток, спрятавшийся где-то в подсознании.

— Машина в порядке? — спросил Блэйн.

Человек с журналом кивнул:

— Все в полном порядке. Записи с информацией уже отправили.

Полчаса, спокойно подумал Блэйн и удивился собственному спокойствию. У меня осталось всего полчаса, потому что именно столько потребуется, чтобы обработать информацию. Записи всегда просматриваются сразу после возвращения исследователя. Приборы, конечно, зафиксировали, что произошло. И вскоре здесь все станет известно. Надо выбраться отсюда прежде, чем прочтут записи.

Он оглядел комнату и вновь почувствовал удовлетворение, восторг, гордость — то, что испытал, попав сюда впервые много лет назад. Этот зал — сердце «Фишхука», отсюда отправляются исследователи на далекие планеты.

Блэйн представлял, как тяжело будет расстаться со всем этим, как трудно будет уйти навсегда, — слишком большую часть самого себя он сюда вложил.

Но выбора нет, надо уходить.

Он допил молоко, отдал девушке стакан. Затем пошел к двери.

— Одну минуту, сэр, — мужчина протянул ему журнал. — Вы забыли расписаться.

Проклиная формальности, Блэйн вынул из журнала карандаш и расписался. Столько глупостей, но таков ритуал. Расписывайся, когда приходишь, отмечайся, когда уходишь, а главное, держи язык за зубами. Такое впечатление, что одно лишнее слово — и «Фишхук» рассыплется в прах.

Он вернул журнал.

— Простите, мистер Блэйн, но вы не указали, когда придете на чтение записей.

— Напишите, завтра в девять, — бросил он.

Пусть пишут все, что вздумается, я не собираюсь возвращаться. У меня осталось лишь тридцать минут, даже меньше, и нельзя терять ни мгновенья.

С каждой убегающей секундой в памяти все ярче вставал тот вечер три года назад. Он отчетливо помнил не только слова, но и тон, которым они были произнесены. В тот вечер позвонил Годфри Стоун, и в его голосе, прерывистом, словно после очень быстрого бега, звучал панический страх...

— Счастливо! — Блэйн вышел в коридор и захлопнул за собой дверь. В коридоре никого не было. По обеим сторонам пустынного коридора двери были закрыты, из-за некоторых сквозь щели просачивался свет, стояла полная тишина. Но в этой безлюдности и тишине слышался пульс гигантского организма

«Фишхука». Казалось, этот огромный комплекс никогда не спит: круглые сутки работают лаборатории и испытательные станции, заводы и университеты, обширнейшие библиотеки и склады...

Блэйн на мгновение остановился, прикидывая. Все, кажется, достаточно просто. Выйти из здания ничего не мешает. Остается только сесть в машину, которая на стоянке, в пяти кварталах отсюда, и поскорей добраться до северной границы. Нет, остановил Блэйн себя, не годится, чересчур уж просто и прямолинейно. И слишком очевидно. В «Фишхуке» наверняка решат, что именно так я и поступлю.

Но сомнение не покидало Блэйна, голову сверлила чудовищная мысль: а надо ли вообще бежать?!

А те пятеро, после Годфри Стоуна,— что, разве еще недостаточно?

Блэйн быстро зашагал вниз по коридору, стараясь разобраться в своих сомнениях и вместе с тем чувствуя, что сомнениям сейчас не место. Какие бы колебания ни возникали, он знал, что действует правильно. Но правильность сознавал рассудком, а сомнения шли от сердца.

Он понимал, что причина тут одна: он не хочет бежать из «Фишхука». Ему тут нравится, ему интересно работать в «Фишхуке» и не хочется бежать.

Но эту борьбу с самим собой он выиграл много месяцев назад. Уже тогда пришло решение: когда придет время, он уйдет, все бросит и убежит, как бы ни хотелось остаться.

Потому что Годфри Стоун уже прошел через это и, спасаясь бегством, выбрал момент и позвонил — не для того, чтобы просить о помощи, а чтобы предупредить.

— Шеп! — он выдыхал слова, словно говорил на бегу. — Шеп, слушай и не перебивай. Если когда-нибудь вернешься не таким, каким улетаю, уноси ноги. Не жди ни минуты. Сразу же уноси ноги.

Затем в трубке щелкнуло, и все стихло.

Блэйн помнил, как стоял, продолжая сжимать в руке трубку. «Да, Годфри,— сказал он в молчащий телефон.— Да, я запомню. Спасибо. Удачи тебе».

И все. Больше он Годфри Стоуна никогда не видел и не слышал.

«Если ты вернешься не таким»,— сказал Годфри. И вот теперь я «не такой». Я ощущаю в себе чужой разум, второе «я», прячущееся в мозгу. Вот что, значит, делает человека «не таким». А как же другие? Не может быть, чтобы все повстречали того самого Розового, обитающего в пяти тысячах световых лет от Земли. Сколько же еще способов стать «не таким»?

Скоро в «Фишхуке» узнают, что я прилетел «не таким». Этому невозможно помешать. Узнают, лишь только закончат обрабатывать информацию. Тогда меня запрут в лаборатории и приставят «слухача» — человека, ковыряющегося в чужих мыслях. Слухач будет разговаривать дружелюбно и даже с сочувствием, а сам в это время будет извлекать из моего мозга Чужой Разум — выковыривать из убежища и исследовать.

Он подошел к лифту и уже собирался нажать кнопку, но тут распахнулась одна из выходящих в холл дверей.

— А, Шеп, это ты, — произнес человек, появившийся в двери. — Слышу, кто-то вышел из пусковой, думаю, кто бы это мог быть.

— Я только что вернулся, — ответил Блэйн.

— Не хочешь зайти ко мне на минутку? — пригласил Кирби Рэнд. — Я как раз собрался открыть бутылочку.

Блэйн знал, что раздумывать некогда. Надо или зайти и выпить пару рюмок, или сразу отказаться. Но отказ вызовет у Рэнда подозрение. Потому что работа Рэнда — подозревать. Не зря он начальник отдела безопасности «Фишхука».

— Ладно, — согласился Блэйн, стараясь говорить как можно спокойнее. — Только ненадолго. Свидание. Нехорошо заставлять девочку ждать.

Это должно избавить от всяких дальнейших предположений, подумал Блэйн. А то этот тип от избытка чувств может пригласить пообедать или что-нибудь посмотреть.

Кабина уже почти подошла к их этажу, но Блэйн заставил себя отойти от лифта. Идиотская задержка, но ничего теперь не поделаешь.

Когда он вошел к Рэнду, тот дружески похлопал его по плечу:

— Ну, как путешествие? — спросил Рэнд.

— Все отлично.

— Далеко летал?

— Около пяти тысяч световых.

Рэнд кивнул:

— Этого я мог и не спрашивать. Теперь все летают далеко. Поблизости мы уже почти все закончили. Еще сотня лет — и начнем летать за десять тысяч.

— Разницы большой нет, — сказал Блэйн. — Стоит только вылететь, как ты уже там. Расстояние не имеет значения. Может, когда станем летать еще дальше, до середины Галактики, тогда появятся помехи. И то вряд ли.

— Ученые тоже так считают.

Рэнд пересек кабинет, подошел к массивному столу и взял бутылку. Отбил сургуч и вытащил пробку.

— Знаешь, Шеп,— сказал он,— мы занимаемся фантастическим делом. И, хотя иногда надоедает, в нем есть своя романтика.

— Просто мы дошли до этого очень поздно,— ответил Блэйн.— Умение было в нас всегда, а им не пользовались. Потому что не могли найти ему практического применения. Потому что все это казалось слишком немислимым. Потому что отказывались верить. Древние догадывались об этом умении, но не понимали его и считали колдовством.

— Простые люди и сегодня так думают.— Рэнд достал лед из встроенного в стену холодильника, положил в бокалы и наполнил их почти до краев.— Садись.— Он протянул Блэйну бокал и сел за стол.— Напрасно не присаживаешься. Ты же не особенно спешишь, а сидя пить гораздо приятнее.

Блэйн сел. Рэнд положил ноги на стол, устраиваясь поудобнее.

Осталось не более двадцати минут!

А он сидит здесь, сжимая в руке бокал, и ждет, когда Рэнд снова заговорит. И в эту секунду, когда оба молчали, Блэйну послышалось дыхание «Фишхука». «Фишхук» представился ему огромным живым существом, которое лежит здесь, в Северной Мексике, прильнув к закутавшейся в ночь матери-Земле. У этого существа есть сердце, легкие, пульсирующие вены, и он, Блэйн, чувствует этот пульс.

— У вас, исследователей, не жизнь, а одно удовольствие,— сидящий за противоположным концом стола Рэнд изобразил на лице добродушие.— Я иногда вам завидую.

— Для нас это работа,— небрежно заметил Блэйн.

— Вот сегодня ты побывал за пять тысяч световых лет. Наверняка это тебе что-то дало.

— Да, пожалуй,— согласился Блэйн.— Испытываешь какое-то высшее духовное удовлетворение, когда подумаешь, куда летал. А сегодня к тому же было интересней, чем обычно. Кажется, я нашел жизнь.

— Расскажи,— попросил Рэнд.

— Тут нечего рассказывать. Я натолкнулся на это существо, когда время уже кончалось. И не успел ничего сделать, как меня потащило назад. Ты должен что-то придумать, Кирби. Это чертовски мешает.

— Вряд ли это возможно.— Рэнд покачал головой.

— Вы должны позволить нам хоть иногда действовать по собственному усмотрению,— настаивал Блэйн.— Лимит времени не должен быть таким строгим. А то приходится торчать все тридцать часов на

планете, где нечего делать, а когда, кажется, что-то находишь, тебя возвращают на Землю.

Рэнд усмехнулся.

— И не пытайся утверждать, что вам это не по силам,— продолжал Блэйн.— Я знаю, что это возможно. В распоряжении «Фишхука» столько ученых...

— Да нет, я не спору,— ответил Рэнд,— это возможно, конечно. Просто мы не хотим выпускать контроль из своих рук.

— Бойтесь, кто-нибудь останется?

— Не исключено.

— Зачем? — удивился Блэйн.— Ведь там ты уже не человек. Только человеческий разум, запрятанный в хитроумную машину.

— Нас устраивает все как есть. И потом, мы очень ценим вас, исследователей. Меры безопасности необходимы. Вдруг за пять тысяч световых лет случится авария? Вдруг что-то произойдет и разведчик не сможет управлять машиной? В этом случае он для нас потерян. А так все делается автоматически. Отправляя вас, мы знаем наверняка, что вы вернетесь.

— Вы слишком высоко нас цените,— сухо заметил Блэйн.

— Вовсе не слишком,— возразил Рэнд.— Ты имеешь представление, сколько денег мы в вас вкладываем? Ты даешь себе отчет, сколько человек приходится отсеять, прежде чем найдешь подходящего? Он должен быть и телепатом, и иметь способности к телепортации, и обладать психикой, способной выдержать все, что бы ни встретилось в космосе. И наконец, он должен быть предан «Фишхуку».

— Ну, преданность-то вы покупаете. Тут еще никто не жаловался на слишком маленькую зарплату.

— Я говорю о другом,— остановил его Рэнд,— ты знаешь о чем.

А каков ты сам, подумал Блэйн, какими человеческими качествами надо обладать, чтобы работать в системе безопасности? Может, надо уметь подслушивать чужие мысли, подглядывать в чужой разум? Но я знаю Рэнда много лет и не замечал за ним таких способностей. Если б Рэнд был слухачом, зачем бы ему держать людей, единственная задача которых — подслушивать чужие мысли?

— И все-таки,— сказал Блэйн,— я не вижу необходимости держать нас под контролем постоянно. Мы могли бы...

— Не пойму, чего ты так беспокоишься. Полетишь еще на свою планету и продолжишь, что начал.

— Конечно, полечу. Я ведь ее нашел, так что она в какой-то степени моя.

Он допил виски и поставил бокал.
— Все. Спасибо. Я пошел.
— Ладно, — ответил Рэнд. — Не буду тебя задерживать. Ты завтра работаешь?
— С девяти.

Глава четвертая

Блэйн открыл массивную, роскошно украшенную дверь и вышел на площадь. Он всегда стоял здесь минуту-другую, наслаждаясь городом, который в этот час особенно хорош. На площади, залитой мягким светом уличных фонарей, прохожие казались бесплотными теньями. Легкий вечерний ветерок шелестел листвой. Молча, почти бесшумно проносились вечно спешащие автомобили. И все это было слегка подернуто таинственной тонкой дымкой осеннего вечера.

Но сегодня он не стал любоваться городом. Не было времени. В его распоряжении оставалось всего восемь минут. Каких-то жалких восемь минут.

Его машина на стоянке всего в пяти кварталах отсюда, но до нее не успеть дойти. Рисковать нельзя. Машину придется оставить.

И еще этот Кирби Рэнд. Зачем ему вдруг понадобилось выходить из кабинета и звать меня выпить именно в этот вечер?

Броде бы все выглядело вполне естественно, но от разговора с Рэндом у Блэйна остался осадок легкого беспокойства, ощущение, будто Рэнд знал, что крадет у него время, будто он о чем-то подозревал.

Но все это позади, успокаивал себя Блэйн. Конечно, мне не слишком повезло, но ничего страшного пока не случилось. Может быть, так даже лучше. Если б я взял машину, «Фишук» знал бы наверняка, где меня искать. Но если уж меня вынудили остаться в городе, то я исчезну за десять минут.

Блэйн зашагал вниз по аллее и свернул в направлении, противоположном стоянке.

Еще бы десять минут, повторял он про себя, как молитву. За эти десять минут я найду дюжину мест, где можно спрятаться — спрятаться, чтобы прийти в себя, подумать и решить, что делать дальше. Потому что сейчас, без машины, я просто не знаю, что предпринять.

У него будут эти десять минут, он не сомневался в этом, только бы ему повезло, только бы не встретить кого-нибудь из знакомых.

Блэйн шел и чувствовал, как в голове, подобно пене, вскипает страх. Не его страх. Страх нечелове-

ческий. Бездонный, черный, визжащий, цепляющийся страх, рожденный в разуме, который не может больше выносить ужасов чужой планеты, не может прятаться в чужом мозгу, не в силах приспособиться к угрожающей ситуации, невыносимой оттого, что все в ней непонятно.

Стиснув зубы, Блэйн боролся с этим страхом, созная краешком ума, не поддавшимся панике, что страшно не ему, а тому другому, кто прячется у него в мозгу.

Блэйн почувствовал, что сейчас не выдержит и побежит. Но напряг остатки воли и сдержался. Ему нельзя бежать: он ни в коем случае не должен привлекать к себе внимание.

Шатаясь от напряжения, Блэйн свернул с аллеи, натолкнулся на толстое дерево и, вытянув руки, обхватил ствол, как будто надеясь, что прикосновение к чему-то земному прибавит ему сил.

Он обнял ствол дерева и замер, приникнув к нему. Страх начал медленно стекать обратно, в глубины мозга. Чужой разум уползал назад в свою нору, жалко отступая и прячась.

— *Все в порядке,* — пытался успокоить его Блэйн. — *Оставайся там, где есть, и не беспокойся. Предоставь все мне. Я все сделаю сам.*

Существо пыталось освободиться. Оно сделало отчаянную попытку вырваться из плена и, потерпев неудачу, вернулось обратно в самый безопасный уголлок загона, в котором вдруг оказалось.

Только бы это не повторилось, подумал Блэйн. Больше не выдержу. Случись это еще раз — побегу, не в силах противиться страху. Побегу — с пеной у рта, испуская вопли ужаса. И тогда мне крышка.

Он разжал руки, отпустил дерево и теперь стоял рядом с ним, выпрямившись, оцепенев, с трудом заставляя себя стоять прямо, не поддаваться слабости. Он чувствовал, что его тело покрыто испариной, дыхание — как у бегуна, только что прошедшего дистанцию. Неужели сумею убежать, скрыться? Неужели смогу спастись с этой обузой за пазухой? Даже одному было бы нелегко скрываться от преследования, а если тащить с собой этот скулящий от страха разум...

Но от него не избавиться. По крайней мере, сейчас не известно, как это сделать, и придется терпеть его в себе и бороться вместе с ним, как бы трудно ни было.

Он отошел от дерева, но теперь шаг его замедлился, стал менее уверенным. Стараясь унять охватившую его дрожь, придать твердость походке, Блэйн двинулся дальше вниз по аллее. И вдруг почувствовал, что страш-

но голоден. Удивительно, подумал он, что голод только сейчас дает о себе знать. Ведь, кроме стакана молока, за последние тридцать часов во рту не было ни крошки. Только полный покой для тела, похожий на глубокий, крепкий сон — и ни крошки еды за все это время.

Глухо бормоча атомными двигателями, мимо проносились реактивные автомобили.

Один из них подлетел к тротуару, остановился рядом с Блэйном, и чье-то лицо показалось в окошке.

— Шеп! Вот это здорово! Я так и знал, что встречу тебя.

Блэйн испуганно остановился и взглянул на водителя, чувствуя, как чужой страх вновь закипает в нем. Усилием воли Блэйн загнал этот страх обратно и произнес как можно спокойнее:

— Привет, Фредди! Давненько мы с тобой не виделись.

Это был Фредди Бейтс. Никто не знал, чем он занимается, но ходили смутные слухи, что он чей-то представитель в этом городе, где каждый второй или какой-нибудь уполномоченный, или секретный агент.

Фредди открыл дверцу:

— Прыгай. Поедем на вечеринку.

Кажется, это то, что надо, подумал Блэйн. Конечно, лучше и не придумаешь: «Фишхуку» в голову не придет искать меня в веселящейся компании. И потом, в случае чего оттуда всегда легко улизнуть. Там столько народа, что исчезновения одного человека никто не заметит. И наверняка найдется машина, в которой какой-нибудь рассеянный владелец забудет ключи. Кроме всего, там можно будет поесть — а это необходимо.

— Прыгай, — повторил Фредди. — Сегодня пьянка у Шарлин.

Блэйн быстро сел на мягкое сиденье. Дверца тихо захлопнулась, и машина Фредди влилась в мчащийся поток.

— Я говорю Шарлин, — начал Фредди, — что это за вечер, если нет ни одной души из «Фишхука». И вызвал ее заманить какую-нибудь важную птицу оттуда.

— Ты промахнулся. Никакая я не важная птица.

— Зато исследователь, разведчик. А разведчикам есть о чем порассказать.

— Ты же знаешь, мы на эти темы не распространяемся.

Фредди прищелкнул языком:

— Всё тайны!

— Нет, просто правила и инструкции.

— Да, конечно. Потому-то слухи здесь разносятся со скоростью света. Стоит днем случиться чему-нибудь

на одном конце города, как вечером в кабаках на другом конце уже обсасываются все подробности.

— И обычно перевираются.

— Может, кое-что и приукрашивается для интереса, но суть дела остается.

Блэйн промолчал. Откинувшись на спинку сиденья, смотрел через окно на мелькающие огни улиц, на кварталы массивных домов с плоскими крышами. Все это «Фишхук». Удивительно, уже столько лет здесь езжу и не перестаю каждый раз восхищаться этим видом. Впрочем, подумал он, самый вид тут ни при чем, бывают виды куда красивее и величественнее. Все дело в невероятной, фантастической сути «Фишхука», отблеском лежащейся на весь город.

Если судить не по названию, а по значению, то именно здесь расположена настоящая столица Земли, подумал Блэйн. Сюда устремлены надежды миллионов людей, здесь заключено величие будущего. Тут находится звено, связующее человечество с другими мирами, затерянными в глубинах космоса.

А я ухожу отсюда.

До сих пор трудно поверить, что мне, который так любил свое дело, так верил в него, отдавал ему всю свою жизнь, приходится теперь удирать, словно испуганному зайцу.

— Что вы собираетесь со всем этим делать? — спросил Фредди.

— С чем «этим»?

— Со всеми вашими знаниями, секретами, идеями.

— Не знаю.

— Сотни ученых, не помня себя от счастья, раскручивают колесо науки. У тысяч инженеров и специалистов кругом едет голова от их невероятных открытий. Как далеко вы ушли от остальных людей? На миллион лет или больше?

— Поговори с кем-нибудь другим. Я не в курсе. Я только выполняю свою работу. Если ты пытаешься выудить из меня что-то, то напрасно. Меня на эти приманки не поймать.

— Извини. Я просто одержим этой мыслью.

— Не ты один. На Земле нет, наверно, такого места, где бы не ругали «Фишхук». Для миллионов людей сегодня это любимое занятие.

— Попробуй взглянуть на это с моей точки зрения. — Голос Фредди звучал серьезно. — Сижу я в стороне и понятия не имею, что делается в каком-то «Фишхуке». И вдруг появляешься ты: сверхчеловек со своими сверхчеловеческими планами. Конечно, я завидую тем, кто в этом участвует, я ощущаю свою неполноценность и второсортность. А ты удивляешься, что

люди ненавидят «Фишхук» и все, что с ним связано.

— А они и в самом деле ненавидят?

— Шеп,— мрачно произнес Фредди.— Тебе надо самому съездить и посмотреть.

— Не вижу особой надобности. И так достаточно слышан. Я хочу знать: то, что они испытывают к «Фишхуку», в самом деле ненависть?

— Думаю, да. Может быть, не здесь именно. То, что болтают в нашем городке, просто дань моде. Но поезжай в провинцию и поймешь, что «Фишхук» там действительно ненавидят.

Они въехали в район жилых кварталов. Вдоль широких, плохо освещенных улиц нескончаемой нитью потянулись серые ряды домов. Машин стало меньше.

— Кто будет у Шарлин? — спросил Блэйн.

— А, все тот же зверинец. Шарлин любит устраивать такие дикие сборища, где все дозволено и где всем друг на друга наплевать. И где можно переспать почти с любой женщиной.

— Да, я знаю.

Существо слабо, будто во сне, шевельнулось у него в мозгу.

— *Все в порядке,* — сказал ему Блэйн. — *Успокойся и не двигайся. Нам повезло. Мы выбираемся.*

Фредди свернул с шоссе на дорогу, которая стремительной спиралью поднималась вверх по каньону. Воздух похолодал. В темноте, раскачиваясь, шелестели деревья. Пахло хвоей.

За крутым поворотом показались огни дома. Он стоял на уступе скалы — современное здание, прилепившееся, как ласточкино гнездо, к почти отвесной стене каньона.

— Ну вот и прибыли, — весело произнес Фредди.

Глава пятая

Вечеринка становилась шумной, не буйной пока, но шумной, как бывает в конце концов со всеми вечеринками, и здесь уже воцарилась атмосфера пустоты и бесцельности. Густой табачный дым, прохладный ветерок, залетающий из каньона в распахнутые окна, нескончаемая, никчемная болтовня, доносящаяся отовсюду, — все, казалось, говорило о том, что уже поздно и гости вот-вот начнут расходиться. Но на самом деле еще не было и двенадцати.

Герман Дальтон тяжело опустился в кресло, вытянул длинные ноги и, заправив в угол рта сигару, несколько раз провел пятерней по волосам, отчего его голова стала похожа на только что купленную щетку.

— Послушайте, Блэйн,— пробасил он.— С этим надо что-то делать. Если все оставить как есть, то скоро наступит время, когда понятие «бизнес» исчезнет. «Фишхук» прижал нас к стене.

— Мистер Дальтон,— устало произнес Блэйн,— если вам надо обсудить с кем-то этот вопрос, то я не подхожу для этой цели. В бизнесе я не разбираюсь, а о «Фишхуке» просто ничего не знаю, хотя и работаю там.

— «Фишхук» поглощает нас,— сердито продолжал Дальтон.— Лишает нас средств к существованию. Он разрушает стройную систему писаных и неписаных законов, которые на протяжении веков вырабатывались умными людьми, глубоко преданными интересам общества. «Фишхук» разваливает торговлю. Медленно, но неуклонно разоряет нас одного за другим. Взять хотя бы эти «мясные овощи»! Надо же такое выдумать. Сажает в грядку семена, а потом идешь и выкапываешь эдакий картофель, в котором протеинов больше, чем в мясе.

— И теперь миллионы людей едят мясо, чего раньше не могли себе позволить, получая, благодаря вашей замечательной «системе писаных и неписаных законов», гроши.

— А фермеры! Подумайте о тех, кто вложил капиталы в торговлю мясом. Я уже не говорю о компаниях по производству тары.

— Конечно, по всем правилам следовало бы поставлять семена только фермерам или владельцам универсамов, либо продавать их не по десять центов за штуку, а по доллару или полтора. Тогда, конечно, натуральное мясо смогло бы конкурировать с семенами, а экономика не испытала бы никаких потрясений. Но в таком случае, естественно, эти миллионы людей никогда...

— Простите,— запротестовал Дальтон,— но вы не понимаете, что экономика — движущая сила нашего общества. Уничтожьте экономику, и вы уничтожите человека.

— Очень и очень сомневаюсь.

— Но правоту моих взглядов подтверждает история. Торговля создала мир, который нас сегодня окружает. Торговля открывала новые земли, отправляла корабли в далекие моря, строила заводы и...

— Я вижу, мистер Дальтон, вы хорошо знаете историю.

— Да, мистер Блэйн, неплохо. И особенно меня интересует...

— Тогда вы должны были заметить, что мысли, обычаи и убеждения со временем устаревают. Это

можно прочитать на каждой странице вашей истории. Меняется мир, и меняются люди и их взгляды. Вам никогда не приходило в голову, что экономика, о которой вы так тревожитесь, устарела и... больше не принссит пользы? Что она сыграла свою роль в развитии человечества, и мир пошел дальше, и теперь экономика — понятие историческое, нечто вроде бронтозавра?

Дальтон даже подскочил в кресле, волосы его стали дыбом, сигара чуть не выпала из рта.

— Боже мой! — воскликнул он. — Это ужасно. Неужели «Фишхук» в самом деле так думает?

Блэйн сухо усмехнулся:

— Нет, так думаю я, и у меня нет ни малейшего представления о позиции «Фишхука». Я ведь не член Правления.

Вот так всегда, подумал Блэйн. Куда ни пойдешь, всюду одно и то же. Вечно кто-то пытается выудить хоть какой-нибудь намек или крошечный секретик, касающийся «Фишхука». Эта стая стервятников, это собрание согладатаев, которые жаждут знать, что же происходит, и восбражают гораздо больше того, что есть на самом деле.

Дальтон снова откинулся на спинку кресла. Огромная сигара опять надежно держалась у него во рту, а волосы улеглись назад ровными рядами, словно их пригладдили расческой.

— Вы утверждаете, что не состоите в Правлении. Значит, вы разведчик?

Блэйн кивнул.

— И вы летаете в космос и посещаете другие звезды и планеты?

— Да, именно.

— Но, в таком случае, вы — парапсих!

— Да, нас так называют. Хотя, простите за прямоту, в приличном обществе это слово стараются не употреблять.

Смутить Дальтона было невозможно.

— Интересно, что вы там видите?

— К сожалению, мистер Дальтон, я не могу ответить вам на этот вопрос.

— Вы летаете один?

— Нет, беру с собой тайпер.

— Тайпер?

— Такой механизм, набитый всякими приборами, которые записывают все, что происходит вокруг.

— Так эта штука летает вместе с вами?

— Да нет же, повторяю вам, я беру ее с собой. Когда я вылетаю, то прихватываю ее с собой, как портфель.

— Значит, только ваш разум и этот механизм?

— Да, мой разум и этот механизм.

— Но это невероятно!

Блэйн промолчал.

Дальтон извлек сигару изо рта и внимательно осмотрел ее. Конец сигары был так изгрызен, что изжеванные листья мокрыми прядями свисали вниз. Сосредоточенно сопя, Дальтон покрутил сигару, чтобы завернуть размокшие листья, и отправил ее обратно в рот.

— Давайте вернемся к тому, с чего мы начали, — изрек он с величественным видом. — У «Фишхука» имеются всякие там дьявольские штуки. Ладно. Бог с ним. Думаю, перед поступлением в продажу все тщательно проверяется. И никто не был бы в обиде — да, сэр, никто, — если б «Фишхук» торговал через различные официальные организации. Но «Фишхук» не желает, чтобы эти штуки продавал кто-либо другой. Он открыл собственные лавки. Мало того, для вящей обиды назвал эти лавки «факториями»¹. Можно подумать, что «Фишхук» имеет дело с толпой дикарей.

Блэйн рассмеялся:

— По всей видимости, когда-то в «Фишхуке» работал человек, наделенный чувством юмора. Угрюю вас, мистер Дальтон, в это очень трудно поверить.

Дальтон распалялся все больше.

— Изобретаются все новые и новые способы, чтобы разорить нас. С каждым годом «Фишхук» все больше прибирает к рукам производство товаров, пользующихся спросом. А то и просто уничтожает спрос. Это не угроза несчастья, которое вот-вот может разразиться, а ржавчина, разъедающая нас уже давно. Недавно я узнал, что «Фишхук» собирается ввести свою систему телепортации, доступную для всех желающих. Вы представляете, какой это будет удар для торговли?

— Видимо, придет конец всем автомобильным фирмам и некоторым авиационным.

— «Видимо»! Вы прекрасно знаете, что так и будет. Ни один способ транспортировки не сможет конкурировать с телепортацией.

— Тогда единственный выход для вас — разработать систему телепортации самим. И за пределами «Фишхука» есть люди, которые могут показать, как это делается.

— Ненормальные! — злобно произнес Дальтон.

— Нет, Дальтон. Это обычные люди с паранормальными способностями. Благодаря им «Фишхук» стал сегодня тем, что он есть. То, что восхищает вас

¹ Фактория — торговая контора или поселение европейских купцов в колониальных странах.

в «Фишхуке», почему-то вызывает отвращение за его пределами.

— Мы не можем пойти на это. Существуют же народные традиции.

— А, народные традиции... Что, улюлюкающие толпы по-прежнему продолжают распинать параксиков?

— Общественное мнение иногда возмущается,— неохотно согласился Дальтон.

— Можно представить, каким образом.

Дальтон вынул изо рта сигару, безразлично посмотрел на нее: один конец потух, другой — весь изжеван. Немного подумав, он швырнул ее в цветочный горшок. Сигара зацепилась за нижние листья растения и закачалась грязным пятном на фоне зелени.

Сложив руки на животе, Дальтон уставился в потолок.

— Мистер Блэйн,— сказал он.

— Да!

— Вы очень проницательный человек. И цельный. Вы терпеть не можете консервативность в мышлении и несколько раз здорово поддели меня. Мне нравится, как вы это сделали.

— К вашим услугам,— холодно отозвался Блэйн.

— Сколько вам платят?

— Достаточно.

— Такого не бывает. Я никогда еще не встречал человека...

— Если вы пытаетесь купить меня, то просто спятили.

— Не купить, а нанять. Вы прекрасно знаете «Фишхук», знакомы со многими людьми. В качестве консультанта вы были бы просто незаменимы. Нам очень хотелось бы обсудить...

— Простите, сэр, но я ничего не смогу для вас сделать. При теперешних обстоятельствах я не смогу быть чем-либо для вас полезным.

Все, здесь я уже провел целый час, это более чем достаточно. Поел, выпил, поговорил с Дальтоном — просадил на него уйму времени. Пора двигаться дальше. Когда до «Фишхука» дойдет слух, что я здесь, надо быть подальше отсюда.

Сзади зашелестело платье, и чья-то рука легла ему на плечо.

— Я рада, что ты пришел, Шеп,— сказала Шарлин Витьер.

Он встал и повернулся к ней.

— Это я рад, что ты пригласила меня.

Ее глаза кокетливо блеснули.

— Я тебя пригласила?

— Нет, по правде, меня притащил Фредди Бейтс. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Ты же знаешь, я тебе всегда рада,— она слегка сжала ему руку.— Пойдем, я познакомлю тебя с одним человеком. Извините нас, мистер Дальтон.

— Пожалуйста.

— Вышло довольно невежливо,— заметил Блэйн, когда они отошли.

— Надо было тебя спасать. Это на редкость скучный тип. Понятия не имею, откуда он здесь взялся. Уверена, что я его не приглашала.

— А кто он такой? Я так и не понял.

Она пожала красивыми обнаженными плечами.

— Глава какой-то торговой делегации. Они приехали поплакаться о несчастьях, которые на них обрушил «Фишхук».

— Я так и подумал. Он очень расстроен и, по его словам, очень несчастен.

— Ты почему не пьешь?

— Только что выпил.

— А ты поел? Тебе весело? У меня есть дименсино, последняя модель...

— Я посмотрю, только попозже.

— Пойди выпей еще. А я поздороваюсь еще кое с кем из гостей. Ты не останешься потом? Ты так давно у меня не был.

Блэйн покачал головой.

— Ужасно жаль, но не смогу. Спасибо.

— Тогда в другой раз,— сказала она и собралась идти, но Блэйн шагнул вперед и остановил ее.

— Шарлин,— спросил он,— тебе когда-нибудь говорили, что ты чертовски славное создание?

— Нет. Никогда и никто.

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— А теперь иди развлекайся.

Блэйн стоял и смотрел, как она движется среди гостей.

Розовый вопросительно шевельнулся в нем.

— Подожди,— сказал ему Блэйн, глядя в толпу.— *Положись на меня и потерпи еще немного. Потом мы вместе все обсудим.*

Он почувствовал, что Розовый благодарен за то, что он помнит о нем, что откликнулся.

— *Мы поладим*,— сказал он.— *Должны поладить. Ведь мы с тобой единое целое.*

Розовый успокоился. Блэйн чувствовал, как он спокойно улегся, предоставив ему действовать. В самом начале он уже испытал страх, и страх снова мог родиться в нем. Пока он сдерживался, хотя си-

туация, Блэйн знал, должна была казаться ему ужасающей: чудовищно, невообразимо велика была разница между этим местом и уединенной безмятежностью голубой комнаты на той далекой планете.

Блэйн как бы бесцельно пересек комнату, прошел вдоль бара, заглянул на минуту в зал с новым дименсино и вышел в прихожую. Надо ехать. До рассвета надо или как следует спрятаться, или быть за много миль отсюда.

Он побродил среди оживленно болтающих компаний, здороваясь со знакомыми.

Мне потребуется время, чтобы найти машину, в которой кто-то по забывчивости оставил ключ. А вдруг, пришла ему в голову страшная мысль, такой машины не окажется? Что тогда? Спрятаться в горах дня на два, пока не прояснится ситуация? Шарлин не откажется помочь; но она слишком болтлива, будет спокойнее, если она ничего не узнает. К кому еще можно обратиться за помощью? Ребята из «Фишхука», конечно, помогли бы, но это их скомпрометирует. Нет, до такой крайности я еще не дошел. Многие другие тоже согласились бы оказать помощь, но каждому из них и без того непросто в безумном сплетении интриг и доносов, которым окружен «Фишхук». И потом, никогда не знаешь, кому можно доверять. Некоторые, несомненно, тут же выдали бы меня в расчете получить повышение по службе.

Наконец он подошел к двери. Казалось, он вышел из густого леса на открытое поле: здесь нескончаемая болтовня едва слышалась, воздух казался прозрачнее и как-то чище. Исчезло чувство подавленности, скученности тел и умов, биения чужого пульса, наплыва пустой болтовни и злобных сплетен.

Дверь открылась, и в прихожую вошла женщина.

— Гарриет! — удивился Блэйн. — Как я не сообразил, что ты здесь. Ты ведь не пропускаешь ни одной вечеринки у Шарлин. Собираешь всякие интересные истории для текущей хроники...

Ее телепатический шепот обжег ему мозг:

— Шеп, ты полный, ты законченный кретин! Что ты здесь делаешь? (Изображение кривляющейся обезьяны в бумажном колпаке, лошадиный зад с задранным хвостом).

— Разве ты...

— Конечно. Почему бы нет (ряд вопросительных знаков)? Думаешь, только в «Фишхуке»? Только ты один? Да, я держу это в тайне. Но я имею право на тайны. Разве хороший газетчик может обойтись без этого (кипы пыльных бумаг; бесконечный поток цифр; губы, нашептывающие что-то в огромное ухо)?

Вслух Гарриет Квимби произнесла приятным, певучим голосом:

— О, я никогда не пропускаю вечеринок у Шарлин. Здесь можно встретить таких интересных людей.

— *Дурные манеры*, — упрекнул Блэйн. Телепатией вообще пользоваться считалось дурной манерой, а в обществе и подавно.

— *К черту манеры! Я тут перед ним душу наизнанку выворачиваю, а он... (Лицо, очень похожее на него, перед которым элегантно скрестились в виде решетки красивые тонкие пальцы). Тебя ищут. Они уже знают, что ты тут. Скоро они будут здесь — если еще не пришли. Я приехала, как только узнала. Да не молчи же ты, как дурак... На нас обратят внимание, если мы будем так стоять.*

— На этот раз ты напрасно потеряла время, — выговорил Блэйн. — Сегодня здесь нет интересных людей. Сегодня собралась на редкость неинтересная публика. *Слухачи!!*

— *Пусть. Надо попробовать. Ты в опасности. Как Стоун. Как другиз после него. Я приехала помочь тебе.*

— Я тут беседовал с одним бизнесменом-лоббистом, — произнес он. — *Жуткая скука. Вот, вышел сюда глотнуть свежего воздуха. Стоун! Что тебе о нем известно?*

— *Сейчас это неважно. Тогда я еду обратно, не стану терять время попусту. Моя машина стоит на обочине, но тебе со мной идти нельзя. Я пойду заведу мотор и выведу машину на дорогу, ты поброди еще немного здесь, а потом пробирайся на кухню. (План дома с красной линией, ведущей в кухню).*

— *Я знаю, где кухня.*

— *Только спокойнее. Не делай резких движений, держись естественней. Веди себя как все и делай вид, что умираешь от скуки. (Карикатурный человечек с опущенными ресницами. Плечи его согнулись под тяжестью бокала, который он вяло держит в руке. У человечка распухшие от шума уши, а на рожице застывшая улыбка). Сначала пойдешь на кухню, откуда — через черный ход на улицу.*

— Неужели ты поедешь вот так, сразу? — спросил вслух Блэйн. — Вдруг я ошибся. Но зачем? Зачем ты это делаешь? Какой тебе смысл? (Человек, с недоумением и злостью глядящий в пустой мешок).

— *Люблю тебя. (Деревянный забор, на котором вырезано сердце, пронзенное стрелой).*

— *Не лги. (Кусок мыла, энергично моющий рот).*

— Не говори им, Шеп, — попросила Гарриет, — а то Шарлин до смерти обидится. *Я ведь журналистка, из твоих приключений выйдет неплохой рассказ.*

— Но ты забыла, что «Фишхук» может караулить на дороге у выхода из ущелья.

— Не беспокойся, Шеп, я разузнала их планы. Мы их одурачим.

— Хорошо, буду нем как рыба. До встречи. И спасибо.

Она вышла, и каблучки ее застучали вниз по лестнице.

Блэйн медленно повернулся и направился обратно, в переполненные комнаты. Не успел он перешагнуть порог, как в лицо ему ударил жаркий ком разговоров — гул десятков голосов людей, которым все равно, что говорить и с кем, лишь бы говорить, лишь бы отыскать в этом шуме суррогат самоутверждения.

Значит, Гарриет — телепат. Вот чего бы никогда не подумал. Хотя, если ты журналист и обладаешь способностью к телепатии, самое разумное — никому об этом не говорить.

В болтливости ее не упрекнешь, подумал Блэйн и удивился, как эта женщина смогла так долго хранить свою тайну. Впрочем, напомнил он себе, Гарриет сначала журналист, а потом уже женщина. Пишет она лучше, чем многие известные писаки.

У бара он остановился, взял виски со льдом и несколько минут со скучающим видом потягивал напиток. Нельзя показать, что он спешит или куда-то направляется, но и нельзя допустить, чтобы его втянули в какой-нибудь разговор, — на это нет времени.

Можно было бы зайти на пару минут в дименсино, но опасно. Слишком быстро там включаешься в сюжет, теряешь чувство времени, растворяешься в происходящем. Потом, включаясь в середине программы, часто рискуешь оказаться в весьма неловком положении.

Лучше не стоит, решил он.

Блэйн обменялся приветствиями с несколькими знакомыми; его покровительственно похлопал по спине один подвыпивший джентльмен, с которым он познакомился дней десять назад; ему пришлось выслушать пару непристойных анекдотов; он даже слегка пофлиртовал с престарелой вдовушкой, которая с глупой улыбкой набросилась вдруг на него.

И все это время он двигался к двери в кухню.

Наконец добрался до нее.

Перешагнул через порог и с праздным видом пошел вниз по ступенькам.

В кухне никого не было. Холодной голубой эмалью сверкала посуда. Гулко тикали настенные часы с длинной секундной стрелкой.

Блэйн поставил еще наполовину полный бокал с виски на ближайший столик. От наружной двери его

отделяли лишь шесть шагов по тускло мерцающему полу.

Он сделал два шага и собрался делать третий, как в мозгу у него раздался тихий возглас предупреждения. Блэйн оглянулся.

За большим холодильником, сжимая что-то в кармане пиджака, стоял Фредди Бейтс.

— Брось, Шеп,— сказал он,— не советую сопротивляться. Все вокруг оцеплено. У тебя нет шансов.

Глава шестая

Блэйн на секунду замер от удивления, он был буквально ошеломлен. Именно ошеломлен, а не испуган и не разгневан. Ошеломлен тем, что это оказался именно Фредди Бейтс. Итак, Фредди уже не бездельник, которого мало кто знает и который мало кого интересуется, бесцельно прожигающий жизнь в городе, полном таких, как он, а агент «Фишхука», и, по-видимому, весьма способный.

И еще — Кирби Рэнд все знал и все же позволил ему выйти из кабинета и спуститься на лифте. Но он еще не вышел на улицу, а Рэнд уже, сжимая трубку телефона, давал задание Фредди.

Все было обставлено умно, вынужден был признать Блэйн,— куда умней, чем мое собственное поведение. Ни на секунду я не заподозрил, что Рэнд о чем-то догадывается. И Фредди, приглашая меня в машину, выглядел таким же, как всегда, неудачником.

Ошеломление медленно проходило, уступая место злости. Злости за то, что он попался, что его провело такое ничтожество, как Фредди.

— Мы сейчас спокойно, как подобает друзьям, выйдем отсюда,— сказал Фредди,— и я отвезу тебя обратно побеседовать с Рэндом. Тихо, мирно, без суеты. Мы ведь не захотим — ни ты, ни я — причинять Шарлин беспокойство.

— Нет,— ответил Блэйн.— Нет, конечно, не захотим.

Его мозг лихорадочно работал, отыскивая лазейку, пытаясь найти какой-нибудь выход, что угодно, лишь бы выпутаться из положения. Потому что он не собирался ехать обратно. Что бы ни случилось, он не вернется с Фредди.

Он почувствовал, что Розовый зашевелился в нем, как будто выбираясь из своего уголка.

— Нет! — закричал Блэйн. — Нет!

Но было уже слишком поздно. Розовый выбрался и заполнил весь его мозг. И хотя он продолжал оста-

ваться собой, он был и еще кем-то. Он стал сразу двумя существами — и это было очень странное ощущение, — и вдруг произошло что-то непонятное.

Комната застыла как мертвая, только на стене стонали часы. И это было тоже непонятно, потому что прежде с часами ничего подобного не случалось, они жужжали, но никогда не издавали ничего похожего на стон.

Блэйн быстро шагнул вперед, но Фредди не двинулся с места. Стоял, держа руку в кармане, и не шевелился.

Еще один шаг, и Фредди едва шелохнулся. Его глаза, не мигая, уставились в одну точку. Но выражение лица стало медленно и необычным образом меняться, и рука пошла вверх из кармана, но настолько медленно, что движение лишь угадывалось, как будто и рука, и пальцы, и то, что пальцы сжимают в кармане, пробуждались от глубокого сна.

И вот еще один шаг, и Блэйн подошел к нему почти вплотную. Его кулак, как поршень, рванулся вперед. У Фредди медленно, как на проржавевших шарнирах, отвисла челюсть и веки, видимо моргая, поползли вниз.

Кулак обрушился на челюсть. Блэйн попал точно, куда целился, и вложил в удар всю силу, всю тяжесть своего тела. Но даже когда боль от удара обожгла ему костяшки пальцев и отдалась в запястье, он знал, что это ни к чему. Потому что Фредди практически не шевельнулся, не сделал ни малейшей попытки защититься.

Фредди падал, но падал как-то странно. Он падал медленно и плавно — так падает дерево после смертельного удара топора. Тело медленно кренилось к полу, и только теперь, в падении, рука с зажатым в ней револьвером выплыла из кармана. Выскользнув из ослабевших пальцев, револьвер со стуком опустился на пол.

Блэйн нагнулся и, прежде чем Фредди ударился об пол, поднял револьвер, и стоял так, сжимая его в руке, и глядел, как Фредди наконец упал — вернее, не упал, а, скорее, улегся на пол и, как бы расслабившись, замер на его поверхности.

Часы по-прежнему стонали на стене, и Блэйн, обернувшись, посмотрел на них, увидел, что секундная стрелка едва ползет по циферблату. Ползет, вместо того чтоб бежать... И этот стон вместо жужжанья: часы, наверно, тоже рехнулись, подумал Блэйн.

Что-то произошло со временем. Об этом говорили и едва ползущая секундная стрелка, и почти пропавшая реакция у Фредди.

Ход времени замедлился.

И это было невозможно.

Ход времени не замедлился; время — величина постоянная. Но если это каким-то образом и произошло, то почему время не замедлилось для него?

Если только...

Ну, конечно, если только не время замедлилось, а он сам стал двигаться быстрее, настолько быстро, что Фредди не успел ничего сделать, не сумел защититься и ни при каких обстоятельствах не смог бы достать из кармана револьвер.

Блэйн вытянул руку и взглянул на револьвер. От этой тупорылой уродливой вещицы веяло смертью.

Да, Фредди не шутил. И «Фишхук» тоже. Тот, кто собирается лишь немного поиграть, отделяясь шуточками и улыбками, не станет брать с собой оружие. А если взял, значит, готов был пустить его в ход. Фредди, несомненно, был готов к этому.

Блэйн повернулся и посмотрел на Фредди. Тот по-прежнему безмятежно лежал на полу. Пожалуй, он еще немного тут полежит, прежде чем придет в себя.

Блэйн сунул револьвер в карман и направился к выходу, мимоходом взглянув на часы. За все это время секундная стрелка едва сдвинулась с места.

Открыв дверь, он обернулся и еще раз окинул взглядом кухню. Идеально стерильная кухня по-прежнему безжизненно сияла посудой, единственное, что теперь нарушало порядок, было тело Фредди, распластавшееся на полу.

Блэйн вышел и зашагал по выложенной плитам дорожке к длинной каменной лестнице, перечеркнувшей склон огромной скалы.

Человек, который, развалившись, сидел на ступени, начал медленно подниматься, увидев, как Блэйн бежит ему навстречу.

Свет одного из окон верхнего этажа падал человеку на лицо, и Блэйн заметил, что оно выражает крайнее недоумение. Казалось, застывшие черты лица высечены на каменной маске.

— Извини, приятель, — Блэйн уперся раскрытой ладонью в эту маску и с силой толкнул ее.

Человек стал медленно отступать осторожными шажками, с каждым шагом наклоняясь назад все больше и больше. Прошло еще несколько времени, и он упал на спину.

Но Блэйн не стал ждать. Он продолжал бежать, перескакивая через ступени. В стороне от темных рядов автомобилей, припаркованных на стоянке, тихо урчала мотором машина с включенными подфарниками.

Это ждет Гарриет, понял Блэйн. Но она повернула машину не в ту сторону — не вниз по дороге, к выходу из каньона, а в самую глубь его. И он знал, что это ошибка, потому что вверх дорога сужается, и через мило-две проехать уже невозможно.

Блэйн перескочил через последнюю ступеньку и, осторожно пробираясь между автомобилями, вышел на дорогу.

Гарриет сидела в машине, Блэйн обошел вокруг, открыл дверцу с другой стороны и скользнул на сиденье.

На него вдруг обрушилась страшная, до ломоты в костях усталость, как после бега. Казалось, он пробежал слишком длинную дистанцию. Откинувшись на спинку сиденья, он посмотрел на лежащие на коленях ладони и увидел, что руки дрожат.

— Как ты быстро, — обернулась к нему Гарриет.

— Представилась возможность, — ответил Блэйн. — И я не стал ждать.

Она включила скорость, и машина двинулась вверх по дороге. Эхо подхватило гул реактивного двигателя, разнося его по всему ущелью.

— Надеюсь, — заметил Блэйн, — ты знаешь, куда едешь. Дорога скоро кончится.

— Не бойся, Шеп, я знаю.

У него не было сил спорить. Он чувствовал полное изнеможение.

И я имею на это право, сказал он себе, потому что двигался в десять (или в сто?) раз быстрее, чем обычно. Человеческий организм просто не рассчитан на такие перегрузки. Я расходовал энергию со страшной скоростью: сердце колотилось, как сумасшедшее, легкие готовы были разорваться от напряжения, мышцы сокращались в невероятном темпе.

Он сидел и молчал, размышляя и удивляясь, как могло это произойти. Но удивление было формальным, он удивлялся, потому что должен был удивляться; на самом же деле он знал объяснение происшедшему.

Розовый больше не давал о себе знать. Он поискал его и нашел все в том же убежище.

— Спасибо, — поблагодарил он.

Это было несколько забавно — благодарить существо, ставшее частью его самого, ведь оно пряталось у него в голове, в его мозгу. И все-таки оно не стало частью его самого, пока еще нет. Хотя уже и не было просто беглецом, укрывшимся в чужом разуме.

Машина неслась вверх по каньону. Свежий, прохладный ветер, казалось, был напоен брызгами прозрачного горного ручья, и от стен ущелья доносился тонкий и нежный аромат сосен.

— Что-нибудь случилось? — спросила Гарриет.
— Я встретил Фредди.
— Ты имеешь в виду Фредди Бейтса?
— Существует один-единственный Фредди.
— Безобидный дурачок.
— Когда мы встретились, у твоего безобидного дурачка глаза налились кровью и он вынул револьвер.

— Неужели он...

— Гарриет, — сказал Блэйн, — становится слишком жарко. Лучше высади меня.

— И не надейся, — ответила Гарриет. — Я еще никогда не участвовала в столь забавной игре.

— Мы вряд ли куда-нибудь приедем. Дорога скоро кончается.

— Шеп, может, глядя на меня, в это трудно поверить, но голова у меня работает неплохо. Я много читаю, и больше всего мне нравятся книги по истории. Проклятой истории войн. Особенно я люблю изучать карты боевых действий.

— Ну, и что из этого?

— А то, что я сделала одно наблюдение. Я пришла к выводу, что всегда, во всех случаях, необходимо заранее подготовить путь к отступлению.

— Только не по этой дороге.

— По этой, — сказала Гарриет.

Блэйн повернул голову и взгляделся в ее профиль. Нет, она не похожа на хладнокровную, практичную журналистку, хотя такая она на самом деле. И пишет не сентиментальные статьи, не заметки в колонку светских сплетен, а вместе с дюжиной других репортеров, составляющих элиту своей профессии, дает гигантскую панораму «Фишхука» для одной из крупнейших газет Северной Америки.

И несмотря на это, шикарна, словно сошла с обложки модного журнала. Шикарна, но без вычурности, и полна спокойной уверенности в себе, которая в любой другой женщине выглядела бы высокомерием.

Он был уверен, что все, что только можно знать о «Фишхуке», она знает. Ее статьи отличались странной объективностью, можно сказать, даже беспристрастностью, однако и этот необычный для журналиста суховатый стиль она ухитрялась смягчить, добавить в него человеческой теплоты.

Но что из всего этого следует? Зачем она вмешалась в эту историю?

В том, что Гарриет друг, он не сомневался. Он познакомился с ней давно, вскоре после ее приезда в «Фишхук». В маленьком ресторанчике, куда они в тот день пошли обедать, слепая старушка продавала розы.

Блэйн вспомнил, как купил ей розу, и Гарриет, вдруг почувствовав себя одинокой и оторванной от родного дома, слегка всплакнула.

Странно. Хотя что теперь не странно, продолжал размышлять Блэйн. Взять тот же «Фишхук», кошмар современности, за сто лет так и не принятый до конца остальным человечеством.

Он попытался представить, как все происходило тогда, эти сто лет назад, когда ученые в конце концов признали, что космос Человеку не под силу, и сдались. Кучка самых упрямых, самых упорных в своей мечте пошла другой дорогой — дорогой, которой Человек отказался идти или, что одно и то же, с которой свернул много лет назад и с тех пор неустанно глумился над ней, заклеив ее словом «колдовство».

Ведь что такое колдовство — чепуха из книжек для детей, бабушкины сказки.

Но всегда были упрямцы, которые верили, по крайней мере, в основной принцип того, что люди называли колдовством, поскольку это не было колдовством в том смысле, который за долгие века приобрело это слово. Скорее, это был закон, такой же непреложный, как и законы, лежащие в основе всех естественных наук. Но, в отличие от них, это была наука, которая изучала возможности человеческого разума и стремилась достичь далеких планет не физически, а лишь силой разума.

Из этой веры, надежды и упорства и родился «Фишхук»¹, названный так потому, что это был рыболовный крючок, заброшенный в космос, давший возможность разуму совершать путешествия туда, куда никогда не попасть телу.

Дорога впереди делала крутой поворот направо, затем сворачивала влево, возвращаясь обратно и замыкая круг.

— Держись, — бросила Гарриет.

Она резко свернула с дороги и направила машину вверх по пересохшему руслу ручья на одной из стен каньона. Из реактивных сопел с ревом било пламя, надсадно визжал мотор, по колпаку крыши скрежетали зетви деревьев. Неожиданно машина сильно накренилась, затем выровнялась.

— Это еще ничего, — сообщила Гарриет. — Дальше будет пара местечек похуже.

— Это и есть тот самый путь к отступлению?

— Совершенно верно.

А зачем, подумал он, мог Гарриет Квимби пондобиться путь к отступлению?

¹ Fish-hook (англ.) — рыболовный крючок.

Она осторожно вела машину по пересохшему руслу, прижимаясь к скале, которая каменной стеной уходила ввысь, в темноту. Из кустов испуганно разлетались птицы, трещали ветви, царапая автомобиль.

Фары осветили крутой поворот, как бы зажатый с одной стороны каменной стеной, а с другой — огромным, размером с сарай, валуном. Машина втиснула капот в пространство между скалой и валуном, развернула задние колеса и медленно, почти ползком, преодолела проход.

Гарриет убрала реактивную тягу, и машина со скрежетом опустилась на гравий. Двигатель замолчал, и над ними сомкнулась тишина.

— Отсюда пойдем пешком? — спросил Блэйн.

— Нет, немного переждем. Они ведь начнут охоту за нами и подъедут сюда. И по шуму двигателя поймут, в какой стороне мы скрылись.

— Мы поедем прямо на вершину?

— Прямо на вершину, — подтвердила она.

— Ты уже здесь ездил? — поинтересовался Блэйн.

— Много раз. Я знала, что если когда-нибудь понадобится воспользоваться этой дорогой, то делать это придется быстро. Не останется времени раздумывать или возвращаться назад.

— Но объясни мне, ради бога...

— Послушай, Шеп. Ты попал в переплет. Я тебе помогаю выпутаться. Может быть, этого достаточно?

— Конечно, если ты так хочешь. Но ты рискуешь собственной головой. А это не обязательно.

— Мне уже приходилось рисковать ею. Хороший журналист должен быть готов рискнуть головой, когда надо.

Может быть, подумал он, но не до такой степени. В «Фишхуке» полно газетчиков, и почти с каждым из них мне доводилось выпивать. Очень немногих я мог бы считать своими приятелями. И никто... никто, кроме Гарриет, — не стал бы делать для меня того, что делает она.

Чисто журналистским интересом это не объяснишь. И одной дружбой тоже. Тут что-то большее, чем и то и другое вместе.

А если Гарриет не только журналистка? Она не может быть только репортером. Ее поступками движет что-то другое. Очень любопытно, что?

— В прошлый раз, когда ты рисковала головой, ты рисковала ею для Стоуна?

— Нет, — ответила она. — О нем я знаю только понаслышке.

Далеко, на дне каньона, послышался слабый гул двигателей. Они сели в машину и прислушались. Гул

быстро приближался, и Блэйн попытался сосчитать по звуку мчащиеся по дороге автомобили. Ему показалось, что их было три, хотя он не был уверен полностью.

Машины подъехали к повороту и остановились. Послышались треск кустов, мужские голоса.

Гарриет взяла Блэйна за руку и крепко сжала ее.

— *Шеп, что ты сделал с Фредди? (Изображение ухмыляющегося черепа).*

— *Нет, всего лишь нокаут.*

— *У него был револьвер?*

— *Теперь револьвер у меня.*

(Фредди в гробу, на нарумяненном лице застывшая улыбка, в сложенных на груди руках — громадная лилия).

— *Нет, не так. (Фредди с разбитым носом и крестами пластыря на самодовольном прыщавом лице).*

Они тихо сидели, прислушиваясь к каждому звуку.

Смолкли голоса, и машины двинулись обратно, вниз по дороге.

— *Все?*

— *Погоди,— остановила его Гарриет.— Они приехали на трех машинах. Уехали только две. Одна еще ждет. (Множество вытянувшихся от напряжения подслушивающих ушей). Они знают, что мы поднялись по дороге. Они не знают, где мы спрятались. (Яма-ловушка, усеянная рядами острых зубов). Они ждут, когда мы поверим, что они уехали, и обнаружим себя.*

Они подождали еще. Где-то в лесу закричал енот, разбуженная каким-то лесным бродягой, сонно запротестовала птица.

— *Есть одно место,— сказала Гарриет.— Там ты будешь в безопасности. Если захочешь туда поехать.*

— *Куда угодно. У меня нет выбора.*

— *А ты представляешь, что там делается?*

— *Слышал.*

— *В некоторых городах вывешивают предупредительные знаки (дорожный столб, на нем доска с надписью: «Тут солнце светит не для парансихов»). Они полны предвзятости и нетерпимости, среди них есть старинного обличия бородатые проповедники, яростно барабанившие кулаком по кафедре; люди в ночных рубашках и колпаках с кнутами и веревками; испуганные, растерянные люди, пытающиеся укрыться в редких зарослях ежевики.*

— До отвратительного грязно и стыдно,— уже не мысленно, а голосом прошептала она.

С шоссе тронулась оставшаяся машина. Они выжидали, пока она отъедет.

— *Уехали наконец,— сказала Гарриет. Они, правда,*

могли на всякий случай кого-нибудь высадить, но придется рискнуть.

Она включила мотор, повернула реактивные сопла, и с зажженными фарами автомобиль рванулся вверх по сужающемуся руслу.

Дорога становилась все круче.

Лавируя между кустов, они продолжали взбираться по лезвию хребта. Гора белой стеной уходила вверх, а внизу зияла черная пустота. Потом целую вечность они снова карабкались по круче, подстегиваемые ветром, который становился все более холодным и пронизывающим, и наконец оказались на ровной площадке, залитой светом склонившейся к западу луны.

Гарриет остановила машину, откинулась на спинку сиденья.

— Дальше граница, — сказала она. — Садись за руль. Осталось миль пятьдесят.

Глава седьмая

Толпа собралась на улице напротив ресторана и, обступив машину Гарриет, пристально наблюдала за ними со злобещим молчанием. Толпа злобещая, но не шумная. Злобная и, быть может, чуть-чуть испуганная. Или, скорей, злобная, потому что испуганная.

Блэйн прислонился спиной к стене, за которой они только что завтракали. Ничего особенного за едой не заметили. Все шло нормально. Никто им ничего не говорил. Никто на них не глазел. Все шло самым обычным и повседневным образом.

— Как они догадались? — спросил Блэйн.

— Не знаю, — ответила Гарриет.

— Они сняли вывеску.

— А может, она сама упала. Или ее вообще никогда не вешали. Такое бывает. Объявления вывешивают только самые воинственные.

— У этих ребят вид вполне воинственный.

— Может быть, это к нам не относится?

— Может, и нет, — согласился он. Но поблизости, кроме них, не было никого и ничего, что могло бы собрать эту толпу.

— Слушай внимательно, Шеп. Если что-то случится, если мы потеряемся. Отправляйся в Южную Дакоту. Пьер в Южной Дакоте (*карта Соединенных Штатов, где Пьер обозначен звездочкой, под которой большими красными буквами подписано его название, а пурпурная дорога ведет от этого крохотного пограничного городка к большому городу на Миссури*).

— Я знаю, где это, — сказал Блэйн.

— Где меня найти, тебе скажут в этом ресторанчике (*каменный фасад здания; большие зеркальные окна, в одном из окон висит красивое, отделанное серебром седло; над дверью — роскошные лосиные рога*). Он стоит над рекой на холме. Там меня почти все знают. Они тебе подскажут, где я.

— Мы не потеряемся.

— На всякий случай имей это все-таки в виду.

— Обязательно, — ответил Блэйн. — Ты меня вытащила достаточно далеко, чтобы доверять тебе и дальше.

Толпа начинала закипать — не кипеть еще, а шевелиться, становиться все более беспокойной, как будто потихоньку вспениваясь. Из толпы донесся ропот — глухое, бессловесное ворчание.

Протиснувшись сквозь толпу, на улицу, еле ковыляя, выбралась древняя старуха. Вся она — лицо, руки, грязные босые ноги, — казалось, была сделана из морщин. Растрепанные волосы свисали с головы грязными седыми космами.

Она с трудом подняла руку в отвратительных складках дряблой плоти и прицелилась скрюченным, костлявым, трясущимся пальцем прямо в Блэйна.

— Вот он, — завизжала она. — Тот, кого я засекала. Он какой-то не такой. Я не могу попасть к нему в мозг. Там как будто сверкающее зеркало. Там...

Ее слова потонули в криках толпы, которая двинулась вперед, медленно, шаг за шагом приближаясь к мужчине и женщине у стены. Казалось, толпа движется как бы нехотя и со страхом, преодолевая свой ужас только сознанием важности гражданского долга, который им предстоит исполнить.

Блэйн опустил руку в карман пиджака, и его пальцы сомкнулись вокруг рукоятки револьвера, добытого в кухне Шарлин. Нет, револьвер не поможет, решил он, а только все усложнит. Он вынул руку из кармана и расслабленно опустил ее вдоль тела.

На лицах этой человеческой массы, которая переползала улицу, были написаны ярость и отвращение. Толпа не травила жертву под покровом ночи, а, какстая волков, окружала ее неторопливо при свете дня. Впереди, на гребне волны человеческой ненависти, шла сморщенная ведьма, спустившая стаю движением пальца.

— Стой спокойно, — сказал Блэйн Гарриет. — Это наш единственный шанс.

Он понимал, что в любой момент ситуация может достичь критической точки. Толпа или не выдержит и отступит, или какое-то ничтожное происшествие, малейшее движение, слово, произнесенное вслух, заставят ее хлынуть вперед.

А если это случится, он будет стрелять. Не потому что хочет, а потому что у него не будет выбора.

А пока, перед тем как начать расправу, городок замер — сонный маленький городок с давно не крашенными, облупленными зданиями на залитой солнцем улице, где как попало росли чахлые деревья. В окнах верхних этажей виднелись лица, с удивлением глазающие на дичь, забредшую к ним на улицу.

Толпа подошла еще ближе и окружила их, по-прежнему без слов и сохраняя осторожность; гул голосов стих, лица были неподвижны, как маски не-нависти в древнем театре.

По тротуару звонко ударил чей-то каблук, потом еще и еще — ровный бесстрастный звук уверенных шагов.

Шаги приблизились, и Блэйн краем глаза заметил высокого, костлявого, как скелет, мужчину, который вышагивал с таким видом, будто был на утренней прогулке.

Мужчина подошел к Блэйну, встал рядом с ним и повернулся лицом к толпе. Он не произнес ни слова, но толпа остановилась, замерев посреди улицы в жуткой тишине.

Из толпы вышел человек:

— Доброе утро, шериф.

Шериф не шевельнулся, не произнес ни слова в ответ.

— Они парасихи, — сказал человек.

— Откуда известно? — спросил шериф.

— Старая Сара сказала.

Шериф посмотрел на каргу:

— Это так, Сара?

— Том сказал правду, — проскрипела старуха. — Вон тот парень, у него странный мозг. Он отражает.

— А женщина? — спросил шериф.

— А разве она не с ним?

— Мне стыдно за вас, — сказал шериф, как будто читая нотацию напроказившим детям. — Придется вас посадить, всех до одного.

— Но это же парасихи! — раздался возмущенный крик. — Мы не пускаем сюда парасихов, ты ведь знаешь.

— А теперь послушайте меня, — объявил шериф. — Расходитесь и займитесь каждый своим делом. А ими займусь я.

— Обоими? — спросил кто-то.

— Даже не знаю, — ответил шериф. — Похоже, что леди здесь ни при чем. Думаю, мы отправим ее из города, и этого будет достаточно.

— Вы вместе с этим парнем? — спросил он Гарриет.

— И я останусь с ним!

— Нет, — сказал Блэйн. (*Знак молчания — палец, прижатый к губам*). Сказал быстро, надеясь, что никто не подслушает, потому что в этом городе даже простому телепату не дали бы пощады. Но предупредить надо.

— Это ваша машина на той стороне? — спросил шериф.

Гарриет вопросительно взглянула на Блэйна.

— Да, моя, — ответила она.

— Тогда послушайте меня, мисс. Идите к своей машине и выбирайтесь из этой заварухи. Ребята вас пропустят.

— Но я не собираюсь...

— Лучше не спорь, Гарриет, — сказал Блэйн.

Гарриет стояла в нерешительности, не зная, что делать.

— Езжай, — повторил Блэйн.

Она медленно сошла с тротуара, затем обернулась.

— До встречи, — сказала она Блэйну.

Она с презрением оглядела шерифа. «Казак!» — бросила она.

Шериф не возражал. Слово это ему было незнакомо.

— Давайте, леди, езжайте, — сказал он, и в голосе его звучала чуть ли не доброта.

Толпа яростно загудела, но все же расступилась, чтобы пропустить ее. Дойдя до машины, она повернулась и помахала Блэйну рукой. Затем села за руль, включила зажигание. Зарев двигателя, автомобиль рванулся сквозь толпу. Ничего не видя от пыли, поднятой выхлопом сопел, спотыкаясь друг о друга, люди с воплями бросились в разные стороны, спеша освободить дорогу.

С невозмутимым спокойствием шериф наблюдал, как машина помчалась вниз по улице.

— Ты видел, шериф? — в ярости заорал один из пострадавших. — Почему ты ее не арестуешь?

— Это вам по заслугам, — сообщил шериф. — Сами все заварили. Только собрался провести день спокойно, как вы заставляете меня волноваться.

Не заметно было, что он волнуется.

Возбужденно споря и протестуя, толпа придвинулась к тротуару.

Как будто оттоняя цыплят, шериф замахал руками.

— Давайте, давайте отсюда. Порезвились, и хватит. А мне теперь пора работать. Пойду посажу этого парня за решетку.

Он повернулся к Блэйну:

— Идем со мной.

Они пошли вместе вниз по улице к зданию суда.

— Ты что, не знал, куда едешь? — спросил шериф. — Этот город — сущий ад для параспсихов.

— Откуда я мог знать? — ответил Блэйн. — Объявления не было.

— Его сдуло года два назад, — пояснил шериф. — И ни у кого не хватило ума повесить обратно. Или сделать новое. Старое совсем обветшало. Буквы едва можно разобрать. Песчаные бури обивают краску.

— Что ты собираешься со мной делать?

— Думаю, ничего особенного, — ответил шериф. — Подержу немного, пока народ не поостынет. Для твоего же блага. А станет безопасней, выпущу.

Он минуту помолчал, обдумывая сложившуюся ситуацию.

— Нет, сейчас отпустить не могу, — объявил он. — Ребята пока еще начеку.

Подожли к зданию суда и поднялись по лестнице. Шериф отворил дверь.

— Вперед, — сказал он.

Они вошли в кабинет, и шериф закрыл дверь.

— А знаешь, — сказал Блэйн, — я не верю, что есть основания меня задерживать. Что, если я возьму и попробую просто выйти отсюда?

— Ничего не произойдет. Сразу, по крайней мере. Останавливать тебя я, конечно, не буду, хотя, может, и поспорю немного. Но из города ты не выйдешь. Не пройдет и пяти минут, как сцапают.

— Но я мог уехать на машине.

Шериф покачал головой:

— Я знаю этих людей, сынок. Я с ними вырос. Сам один из них. И знаю, как далеко могу с ними зайти и когда пора остановиться. Я мог отправить леди, но не обоих. Приходилось когда-нибудь видеть толпу в действии?

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Это не самое приятное зрелище.

— А как же Сара? Она ведь тоже параспсих.

— Это другое дело, приятель. Она из хорошего рода. Сейчас плохие времена, но ее семейство живет здесь больше сотни лет. Город с ней просто смирился.

— И потом, удобно иметь собственного наводчика.

Шериф добродушно хмыкнул.

— От нашей Сары, — с провинциальной гордостью сообщил он, — мало что может укрыться. И дел у нее хватает: ей приходится следить за всеми, кто заезжает к нам в городок.

— И много вам попадаетесь параспсихов?

— Средне, — ответил шериф. — Время от времени. Да, пожалуй, средне.

Шериф указал на письменный стол.

— Пойди выверни свои карманы. Так положено по закону. Я тебе напишу расписку.

Блэйн начал рыться в карманах. Бумажник, колода карт, платок, связка ключей, спички и, наконец, револьвер.

Он осторожно вынул его и положил вместе с остальными вещами.

— Он у тебя все время был с собой? — поинтересовался шериф.

Блэйн кивнул.

— И ты ни разу не потянулся за ним?

— Я был слишком напуган, чтоб за ним тянуться. Это было страшнее, чем путешествовать к звездам...

Он понял, что проговорился.

— Почему ты не сказал мне, что ты из «Фишхука»?

— А какая разница? — Блэйн пожал плечами.

Шериф слегка присвистнул сквозь зубы.

Взяв револьвер, он переломил ствол. Медным блеском засверкали головки гильз.

Шериф открыл ящик стола и бросил туда оружие.

— Теперь, — с видимым облегчением произнес он, — у меня есть законный повод задержать тебя.

Он взял спичечный коробок и передал Блэйну.

— Если нужны сигареты, я принесу, — предложил шериф.

— Не стоит, — отказался Блэйн. — Иногда я ношу их с собой, но обычно не курю. Они у меня кончаются раньше, чем сам соберусь закурить.

Шериф снял с гвоздя кольцо с ключами.

— Пошли, — сказал он.

Блэйн вышел за ним в коридор, который тянулся вдоль ряда тюремных камер.

Шериф открыл крайнюю, возле самого входа.

— Тебе на одного, — сказал он. — Последнего выпустил вчера вечером. Черномазый перешел границу и угодил за решетку. Вообразил, что он не хуже белых.

Блэйн вошел в камеру, шериф захлопнул дверь и запер на ключ.

— Если что-нибудь понадобится, — сказал шериф, демонстрируя искреннее гостеприимство, — крикни меня. Я тебе это достану.

Глава восьмая

Он встал с узкой койки, прикрытой грязным одеялом, и подошел к окну. Улица была залита солнцем, на бульваре покачивались чахлые деревья. У тротуара рядом с убогими, жалкого вида конторами стояли полуразвалившиеся машины, некоторые настолько

древние, что были оборудованы колесами, вращаемыми двигателем внутреннего сгорания. Сидящие на ступеньках магазинов мужчины жевали табак и сплевывали на асфальт, образуя липкие янтарные лужицы, похожие на старые пятна крови. Казалось, они просто бездельничают, лениво пожевывая и переговариваясь друг с другом, и не обращают внимания ни на здание суда, ни на что-либо другое.

Но Блэйн знал, что они следят за зданием. Они караулят его — человека с зеркалом в мозгу. Мозг, который, как сказала старая Сара шерифу, отражает.

Вот что заметил Кирби Рэнд, вот что выдало меня и заставило «Фишхук» броситься в погоню. А Рэнд, в таком случае, если не слухач, то, по крайней мере, наводчик. Хотя, какая разница, подумал Блэйн. Будь он даже и слухач, все равно он не смог бы заглянуть в мозг, который отражает.

А это значит, понял Блэйн, что в мозгу у меня что-то вроде маячка-мигалки, бросающейся в глаза каждому, кто может видеть. Я нигде теперь не буду в безопасности, нигде не смогу укрыться. Я таскаю за собой колокол громкого боя, и его легко обнаружит любой слухач или наводчик, оказавшийся поблизости.

Но раньше я таким не был. В этом нет сомнения. Иначе кто-нибудь сказал бы об этом или это было бы в моей психической карте.

— *Эй ты,* — позвал он спрятавшегося у него в мозгу, — *вылезай!*

Тот завилял хвостом. Он заюлил, как довольный пес. Но остался на месте.

Блэйн отошел от окна и сел на край кровати.

Гарриет должна помочь мне. А может, шериф отпустит меня раньше, как только все успокоится. Хотя шериф и не обязан меня отпускать, ношение оружия — вполне достаточный повод для задержания.

— *Дружище,* — обратился он к своему жизнерадостному спутнику, — *похоже, тебе придется опять поработать. Нам снова может понадобится какой-нибудь финт.*

Ведь существо в моем разуме уже продемонстрировало один финт — финт со временем. Или обменом веществ? Неизвестно, то ли я двигался тогда быстрее, чем все остальные, то ли время замедлилось для всего остального, кроме меня.

По улице, кашляя, протарахтел допотопный автомобиль. Где-то щебетали птицы. Да, попал в историю, признался себе Блэйн, серьезную историю.

Сидящие на ступеньках мужчины продолжали ждать, изо всех сил стараясь показать, что здание

суда их нисколько не интересует. Все это начинало Блэину нравиться все меньше и меньше.

Дверь в кабинете шерифа открылась и снова захлопнулась, послышались шаги. Голоса звучали неразборчиво, и Блэйн не стал прислушиваться. Чем может помочь, если я что-то подслушаю? И вообще, может ли мне что-то помочь?

Неторопливой поступью, чеканя шаги, шериф пересек кабинет и вышел в коридор.

Блэйн поднял глаза и увидел его, стоящего перед камерой.

— Блэйн, — сказал шериф, — пришел отец, чтоб поговорить с тобой.

— Какой отец?

— Святой отец, язычник. Пастырь нашего прихода.

Глава девятая

Войдя в камеру, священник замигал, стараясь привыкнуть к полумраку.

Блэйн встал.

— Я рад, что вы пришли, — сказал он. — К сожалению, самое большее, что я могу предложить, это присесть здесь на нарах.

— Ничего, — ответил священник. — Меня зовут отец Фланаган. Надеюсь, я не помешал?

— Ни в коей мере. Рад вас видеть.

Покряхтывая от натуги, отец Фланаган спустился на край койки. Это был пожилой тучный человек с добрым лицом и морщинистыми, скрюченными артритом руками.

— Садись, сын мой. Надеюсь, что не отвлек тебя. Сразу хочу предупредить, что я постоянно влезаю в чужие дела. Видимо, причиной тому — моя паства, большинство из которой, независимо от возраста, большие дети. О чем бы ты хотел побеседовать со мной?

— О чем угодно, — ответил Блэйн, — кроме разве религии.

— Ты не веришь в бога, сын мой?

— Не особенно, — ответил Блэйн. — Обычно размышления на эту тему приводят меня в замешательство.

Старик покачал головой.

— Наступили безбожные дни. Теперь стало много таких, как ты. Меня это беспокоит. И святую Церковь мять тоже. Мы живем в тяжелые для духа времена. Люди больше предаются боязни зла, чем созерцанию добра. Ходят разговоры об оборотнях, злых духах и чертях, хотя все это еще сто лет назад казалось вздором.

Тяжеловесно развернувшись, он уселся боком, чтобы лучше видеть Блэйна.

— Шериф сказал мне, что ты из «Фишхука».

— Думаю, отрицать это бесполезно, — ответил Блэйн.

— Мне никогда еще не приходилось говорить с людьми из «Фишхука», — слегка запинаясь, как будто беседовал скорее с собой, чем с Блэйном, произнес старый священник. — До меня доходили только слухи, а истории о «Фишхуке», которые я слышал, поразительны и невероятны. Одно время тут жил торговец, его факторию потом сожгли — но я так и не побывал у него. Люди бы меня не поняли.

— Судя по тому, что произошло сегодня утром, я тоже думаю, что не поняли бы, — согласился Блэйн.

— Говорят, что у тебя паранормальные...

— Это называется «парапсих», — поправил его Блэйн. — Будем называть вещи своими именами.

— Ты и правда таков?

— Не понимаю, чем вызван ваш интерес, святой отец.

— Только познавательными соображениями, — ответил отец Фланаган, — уверяю, чисто познавательными. Кое-что из этого интересует лично меня. Ты можешь говорить со мной так же свободно, как на исповеди.

— Когда-то, — сказал Блэйн, — науку подозревали в том, что она скрытый враг всех религиозных догм. Сейчас повторяется то же самое.

— Потому что люди снова боятся, — произнес священник. — Они запирают двери на все запоры. Они не выходят по ночам. На воротах и крышах своих домов рисуют кабалистические знаки — заметь, вместо святого креста — кабалистические знаки. Они шепотом говорят о таких вещах, о которых никто не вспоминал со времен средневековья. В глубине своих невежественных душ они трясутся от страха. От их древней веры мало что осталось. Конечно, они исполняют обряды, но по выражению лиц, по разговорам я вижу, что делается у них на душе. Они потеряли простое искусство верить.

— Нет, святой отец, просто они очень растерянные люди.

— Весь мир растерян, — сказал отец Фланаган.

И он прав, подумал Блэйн: весь мир в растерянности. Потому что лишился кумира и, несмотря на все старания, никак не может найти другого. Мир лишился якоря, на котором он держался против бурь необъяснимого и непонятного, и теперь его несет по океану, не описанному ни в одной лоции.

Одно время кумиром была наука. Она обладала логикой, смыслом, абсолютной точностью и охватывала все от элементарных частиц до окраин Вселенной. Науке можно было доверять, потому что она прежде всего была обобщенной мудростью человечества.

А потом настал день, когда Человек со всей его пресловутой техникой и всемогущими машинами был вышвырнут с небес назад на Землю. В тот день божество науки утратило часть своего ослепительного блеска, и чуть ослабла вера в него.

Когда же Человек сумел достичь звезд без помощи каких-либо машин, культ механизмов окончательно рассыпался в прах. Наука, техника, машины все еще существовали, играли важную роль в повседневной жизни, однако им больше не поклонялись.

Человек лишился своего бога. Но Человек не может жить без идеалов и целей, ему надо поклоняться какому-то абстрактному герою. А тут образовался вакуум, невыносимая пустота.

В эту пустоту, несмотря на всю свою необычность, идеально вписалась паранормальная кинетика. Наконец-то появилось объяснение и оправдание всем полубезумным культам; наконец пришла надежда на конечное исполнение всех чаяний; наконец родилось нечто достаточно экзотичное, или что можно было сделать достаточно экзотичным, чтобы удовлетворить человеческие эмоции во всей их глубине, — что никогда не было под силу простой машине.

Наконец-то человечество — слава тебе, господи! — овладело магией.

Мир охватил колдовской бум.

Как обычно, маятник качнулся слишком далеко и теперь неся в обратную сторону, распространяя по земле ужас и панику.

И опять Человек потерял кумира, а взамен приобрел обновленные суеверия, которые, подобно вздымающейся волне, понесли его во мрак второго средневековья.

— Я много размышлял по этому поводу, — сказал отец Фланаган. — Мимо подобной темы не может пройти даже такой недостойный слуга церкви, как я. Все, что касается души человеческой, интересует церковь и папу.

Как бы в признательность за искренность Блэйн слегка поклонился, однако с долей обиды заметил:

— Так, значит, вы пришли меня изучать. Вы пришли меня допрашивать.

— Я молил бога, чтоб ты так не подумал, — печально произнес старый священник. — Видимо, у меня ничего не вышло. Я шел к тебе, надеясь, что ты смо-

жешь помочь мне, а через меня — церкви. Ведь церкви, сын мой, тоже иногда нужна помощь. А ты — человек, умный человек — часть загадки, которую мы не можем разрешить. Я думал, ты мне в этом деле поможешь.

— Ну что ж, я согласен, — помолчав, ответил Блэйн. — Хотя и не думаю, что от этого будет какая-то польза. Вы заодно со всем городом.

— Не совсем так, сын мой. Мы ни благословляем, ни осуждаем. Мы пока слишком мало знаем об этом.

— Я расскажу о себе, — сказал Блэйн, — если это вас интересует. Я путешественник. Путешествовать по звездам — моя работа. Я забираюсь в машину, собственно, даже не в машину, а в своеобразное символическое приспособление, которое позволяет мне высвободить разум, а может, даже подталкивает мой разум в нужном направлении. Она помогает ориентироваться... Нет, святой отец, обычными, простыми словами этого не объяснить, получается бессмыслица.

— Я без усилий слежу за твоим рассказом.

— Так насчет ориентации. Описать это языком слов невозможно. В науке принято объяснять языком математики, но это и не математика. Суть в том, что ты знаешь, куда тебе надо попасть, и там и оказываешься.

— Колдовство?

— Да нет же, черт побери, — простите, святой отец. Нет, это не колдовство. Стоит только раз понять это, ощутить, и оно становится частью тебя, все оказывается легко и просто. Делать это так же естественно, как дышать, и так же просто, как падать со скользкого бревна. Представьте...

— Мне кажется, — перебил отец Фланаган, — не стоит останавливаться на технических деталях. Лучше скажи мне, каково это: быть на другой планете?

— Ничего особенного, — ответил Блэйн. — Обычно я чувствую себя так же, как, скажем, сейчас, когда я сижу и беседую с вами. Только сначала — самые первые несколько раз — ты ощущаешь себя до непристойности обнаженным: один разум без тела...

— И разум твой бродит повсюду?

— Нет. Хотя это и возможно, конечно, но не бродит. Обычно стараешься не вылезать из механизма, который берешь с собой.

— Механизма?

— Записывающая аппаратура. Этот механизм собирает все данные и записывает их на пленку. Становится ясна вся картина полностью. Не только то, что видишь сам, — хотя ты, в принципе, скорее не видишь, а ощущаешь, — а все, абсолютно все, что только можно уловить. Теоретически, да и на практике

тоже, машина собирает информацию, а разум служит только для ее интерпретации.

— И что же ты там видел?

— На это потребовалось бы больше времени, чем есть в моем или вашем распоряжении, святой отец,— рассмеялся Блэйн.

— Но ничего такого, что есть на Земле?

— Редко, потому что планет типа Земли не так уж много. Среди общего числа, естественно. Но планеты земного типа вовсе не единственная наша цель. Мы можем бывать везде, где сможет функционировать машина, а она сконструирована так, что работает практически всюду...

— И даже в ядре какого-нибудь солнца?

— Нет, машина бы там не выдержала. А разум, я думаю, смог бы. Но таких попыток еще не делалось. Конечно, насколько знаю я.

— А что ты ощущаешь? О чем думаешь?

— Я наблюдаю,— ответил Блэйн.— Для этого я и путешествую.

— А не кажешься ты себе господином всего мира? Не приходила ли тебе когда-нибудь мысль, что Человек держит всю Вселенную в ладонях рук своих?

— Если вы говорите о грехе гордыни и тщеславия, то нет, никогда. Иногда чувствуешь восторг при мысли о том, куда забрался. Часто тебя охватывает удивление, но чаще всего ты в растерянности. Все вновь и вновь напоминает о том, сколь ты незначителен. А иногда даже забываешь, что ты — человек. Просто комок жизни — в братстве со всем, что когда-то существовало и когда-либо будет существовать.

— А думаешь ли ты о боге?

— Нет,— ответил Блэйн.— Такого не было.

— Плохо,— произнес отец Фланаган.— И это меня пугает. Быть где-то в полном одиночестве...

— Святой отец, я ведь с самого начала объяснил, что не склонен исповедовать какую-либо религию. Я сказал об этом откровенно.

Некоторое время они сидели, глядя друг на друга, разделенные пропастью непонимания. Как будто мы из разных миров, подумал Блэйн. Со взглядами, лежащими друг от друга на миллионы километров, и все же оба — люди.

— А ты не колдун?

Блэйн хотел засмеяться — смех уже стоял у него в горле,— но сдержался. Слишком много страха было в заданном вопросе.

— Нет, святой отец, клянусь вам. Я не колдун. И не оборотень. И не...

Поднятием руки старик остановил его.

— Теперь мы квиты,— объявил он.— Я тоже сказал то, что тебе неприятно слышать.

Он с усилием встал с койки и протянул руку со скрюченными артритом или какой-то другой болезнью пальцами.

— Благодарю тебя,— сказал он.— Да поможет тебе господь.

— А вы будете сегодня вечером?

— Сегодня вечером?

— Ну да, когда здешние горожане потащат меня вешать. Или тут принято сжигать у столба?

Лицо старика скривилось, как от удара.

— Ты не должен так думать. Не может...

— Но ведь они сожгли факторию. И хотели убить торговца, да не успели.

— Они не должны были этого делать,— сказал отец Фланаган.— Я говорил им об этом. Мне известно, что в этом принимали участие и люди из моей паствы. Правда, кроме них там были еще и многие другие. Но от моей паствы я этого не ожидал. Многие годы я читал им проповеди, чтобы отвлечь их именно от такого шага.

Блэйн взял руку священника. Искалеченные пальцы ответили теплым, крепким рукопожатием.

— Наш шериф славный человек,— сказал отец Фланаган.— Он сделает все, что от него зависит. А я поговорю с людьми.

— Спасибо, святой отец.

— Ты боишься смерти, сын мой?

— Не знаю. Я всегда думал, что мне не будет страшно. Поживем — увидим.

— Ты должен обрести веру.

— Может быть. Если я когда-нибудь ее найду. Помолитесь за меня.

— Бог с тобой. Я буду молиться весь день.

Глава десятая

Блэйн стоял у окна и наблюдал, как в сумраке снова собиралась толпа — люди подходили не спеша, без шума, спокойно, почти с безразличием, как будто шли на школьный концерт, собрание фермеров или другое привычное, вполне безобидное мероприятие.

Из кабинета через коридор до него доносились шаги шерифа, и он подумал, знает ли шериф — хотя наверняка знает, он достаточно долго прожил в этом городе, чтобы знать, — чего можно ожидать.

Блэйн стоял у окна, взявшись руками за металлические прутья решетки. Где-то в неухоженных деревь-

ях на тюремном дворе, перед тем как заснуть, устроившись поудобней на своей ветке, пела последнюю вечернюю песню птица.

Он стоял и смотрел, а в это время из своего убежища выполз Розовый и стал расти и расширяться, пока не заполнил его мозг.

— *Я пришел к тебе, чтобы остаться,*— сказал он.— *Мне надоело прятаться. Теперь я знаю тебя. Я исследовал все углы и закоулки тебя и теперь знаю, что ты такое есть. А через тебя — мир, в котором ты живешь, мир, в котором живу я, поскольку это теперь и мой мир.*

— *Теперь без глупостей?*—спросила та половина этого странного дуэта, которая продолжала оставаться Блэйном.

— *Теперь без глупостей,*— ответила другая половина.— *Без воплей, без паники, без попыток выбраться или скрыться. Мне только непонятно, что такое смерть. Я не нашел объяснения понятию смерти, потому что прекращение жизни необъяснимо. Такое просто невозможно, хотя где-то в глубине моей памяти есть смутные воспоминания о тех, с кем это, кажется, произошло.*

Блэйн отошел от окна и, сев на койку, погрузился в воспоминания Розового. Однако воспоминания приходили издалека и из глубокого прошлого и были такими размытыми, нечеткими, что трудно было сказать, настоящие ли это воспоминания или просто игра воображения.

Потому что он видел несметное количество планет, и сонмы различных народов, и множество незнакомых понятий, и беспорядочные обрывки знаний о Вселенной, сваленные в кучу из десяти миллиардов соломинок, из которых, как в той игре, практически невозможно вытащить одну соломинку, не потревожив остальных.

— Ну, как ты там? — спросил незаметно подошедший шериф.

Блэйн поднял голову:

— Да вроде бы ничего. Вот только что глядел на твоих приятелей на той стороне улицы.

— Не бойся,— хмыкнул шериф.— Их не хватит, чтобы даже перейти улицу. А если что, я выйду и поговорю с ними.

— А если они узнают, что я из «Фишхука»?

— Ну, этого-то они не узнают.

— Священнику ты сказал.

— Это другое дело,— сказал шериф,— я должен был сказать священнику.

— А он никому не скажет?

— А зачем? — спросил шериф.

Блэйн промолчал, на такой вопрос обычно трудно ответить.

— Ты послал сообщение?

— Но не в «Фишхук». Одному приятелю, а он уже сообщил в «Фишхук».

— Не стоило тратить время, — сообщил Блэйн. — «Фишхук» знает, где я.

Они уже наверняка пустили своих ищеек, и те взяли след много часов тому назад. У него был всего один шанс скрыться от них — двигаться как можно быстрее и никому не попадаться на глаза.

Вполне вероятно, что они сегодня вечером уже будут в городе, подумал он. И в этом моя надежда, потому что «Фишхук» вряд ли допустит, чтобы здешняя банда со мной разделалась.

Блэйн поднялся с койки и подошел к окну.

— Вы можете уже выходить, — объявил он шерифу. — Они перешли улицу.

Да, конечно, им надо торопиться. Они должны успеть сделать свое дело, пока не стало совсем темно. Потому что, когда придет настоящая, черная ночь, нужно быть в своем уютном домике с закрытыми на все замки и засовы дверями, запертыми окнами и опущенными шторами. И кабалистическими знаками, охраняющими все входы-выходы. Потому что тогда, и только тогда, можно чувствовать себя в безопасности от жутких сил, притаившихся в темноте, от оборотней, вампиров, гоблинов, эльфов.

Шериф повернулся, прошел по коридору к себе в кабинет. Звякнул металл вынимаемого из пирамиды ружья. Глухо лязгнул затвор: шериф дослал в ствол патрон.

Толпа наплывала как темная, колышущаяся волна и, кроме шарканья ног, не издавала ни единого звука.

Блэйн замороженно наблюдал за ней, как будто все это происходило не с ним, как будто это не имело к нему ни малейшего отношения. Как странно, подумал он, ведь я же знаю, что толпа идет за мной.

Но это неважно, смерти же нет. Смерть бессмысленна, и о ней не стоит думать. Это вопиющая расточительность, с которой нельзя мириться.

А кто же это говорил?

— Эй, — позвал он существо, которое было уже не существом, а частью его самого, — *это твоя идея. Это ты не можешь поверить в смерть.*

А это истина, в которую не верить нельзя. Смерть — это реальность, она присутствует постоянно, и под ее присмотром проходит короткое существование всего живого.

Смерть есть, и она близко — слишком близко, чтоб

позволить себе роскошь отрицать ее. Она притаилась в ропоте толпы перед зданием, толпы, которая уже перестала шаркать ногами и, собравшись перед входом, спорила с шерифом. Толпы не было видно, но гулко разносился голос шерифа, призывающего всех разойтись и отправляться по домам.

— Все, что вы здесь можете получить, — кричал шериф, — это полное брюхо свинца!

Толпа кричала ему в ответ, снова шумел шериф, и так продолжалось довольно долго. А Блэйн стоял у решетки, и страх юстепенно охватывал его, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, подобно приливу, поднимаемая ю жилам.

Наконец шериф вошел в здание. И за ним трое — злые и испуганные, однако их страх был надежно спрятан за целеустремленным и угрюмым выражением лиц.

Пройдя через кабинет в коридор, шериф остановился у камеры. Ружье безвольно болталось у него в руке. Трое мужчин стояли рядом с ним.

Стараясь не показать свою растерянность, он посмотрел на Блэйна.

— Мне очень жаль, Блэйн, — сказал он, — но я не могу. Эти люди — мои друзья. Я с ними вырос. Я не могу в них стрелять.

— Конечно, не можешь, — ответил Блэйн, — трус, жалкий трус.

— А ну давай ключи! — рявкнул один из тройки. — Пора его выводить.

— Ключи на гвозде за дверью, — сказал шериф. Он поглядел на Блэйна.

— Я ничего не могу поделать, — сказал он.

— Можешь пойти и застрелиться, — посоветовал Блэйн. — Усиленно рекомендую.

Вернулся человек с ключом, и шериф отошел в сторону.

— У меня есть одно условие, — обратился Блэйн к отпирающему дверь. — Я выйду отсюда сам.

— Ха! — усмеялся тот.

— Я сказал, что выйду сам. Я не дам себя тащить.

— Ты выйдешь так, как нам будет удобно, — прорычал человек.

— Это же мелочь, — вмешался шериф. — Какая вам разница?

Мужчина распахнул дверь камеры:

— Ну ладно, выходи.

Блэйн вышел в коридор. Двое мужчин встали по бокам, один сзади. Никто к нему не прикоснулся. Тот, у кого были ключи, швырнул их на пол. Звук их падения наполнил коридор неприятным звоном.

Вот оно, подумал Блэйн. Невероятно, но это все происходит со мной.

— Пошел вперед, параспих проклятый! — идущий сзади пихнул его в спину.

— Ты хотел идти сам, — сказал другой. — Покажи, как ты умеешь ходить.

Блэйн пошел твердо и уверенно, сосредотачиваясь на каждом шаге, чтоб не споткнуться. Он не должен споткнуться, он не должен допустить ничего, что бы могло его унижить.

Еще жива надежда, сказал он себе. Еще есть шанс, что прибыл кто-нибудь из «Фишхука» и ждет, чтоб похитить меня. Или Гарриет нашла помощь и возвращается, или уже вернулась. Хотя, маловероятно, подумал он. Прошло не так много времени, и она не знает, насколько опасно положение.

Блэйн твердо прошагал через кабинет шерифа и спустился к выходу, неотступно сопровождаемый тремя горожанами.

Кто-то с насмешливой вежливостью распахнул перед ним дверь на улицу.

Охваченный ужасом, Блэйн на секунду замешкался. Как только он выйдет за дверь и окажется перед ожидающей толпой, надежд уже не останется.

— Вперед, грязный ублюдок! — рывкнул идущий сзади. — Там тебя ждут.

Упершись рукой Блэйну между лопаток, он толкнул его. Чуть не упав, Блэйн перескочил через несколько ступенек, затем выровнялся и снова пошел спокойным шагом.

И вот он уже переходит порог, и вот он перед толпой!

Животный крик вырвался из толпы — крик, в котором смешались ненависть и ужас, крик, подобный вою стаи волков, взявших кровавый след, похожий на рев тигра, уставшего поджидать добычу, было в этом звуке и что-то от стога загнанного в угол, затравленного охотниками зверя.

А ведь они, со странной беспристрастностью подумал Блэйн, и есть загнанные звери — люди, убегающие от погони. В них и ужас, и ненависть, и зависть непосвященных, в них обида оставшихся за бортом, в них нетерпимость и ограниченность отказывающихся понять — арьергард старого порядка, удерживающий узкий проход от наступающих из будущего.

Сзади кто-то толкнул его, и он полетел вниз по скользким каменным ступенькам. Поскользнувшись, он упал и покатился, и толпа набросилась на него. Множество рук схватило его, раздирая пальцами мышцы, множество ртов дышало ему в лицо, обдавая горячим зловонным дыханием.

Затем те же руки поставили его на ноги и стали пихать в разные стороны. Кто-то ударил в живот, еще кто-то — по лицу. Сквозь рев толпы прорезался вопль: «А ну-ка, параспих вонючий, телепортируй себя! Всего-то навсего! Просто телепортируй себя!»

И это была самая уместная шутка, потому что никто не умел себя телепортировать. Были левитаторы, которые могли летать подобно птицам; другие, как Блэйн, могли телепортировать небольшие предметы; третьи, и Блэйн тоже, умели телепортировать свой разум за тысячи световых лет, но только с помощью хитроумных машин. А настоящая самотелепортация, мгновенный перенос тела из одного места в другое, встречалась исключительно редко.

Толпа, подхватив шутку, скандировала: «Телепортируй, телепортируй, телепортируй себя, грязный, вонючий параспих!» Толпа смеялась, радуясь собственному остроумию, самодовольно веселилась, осыпая свою жертву градом насмешек. И ни на минуту не переставала перемежать шутки с пинками и ударами.

Теплая струйка бежала у Блэйна по подбородку, губа отекала и распухла, а во рту чувствовался солоноватый привкус. Болел живот, и саднили ребра, а десятки рук и ног продолжали наносить удар за ударом.

Снова чей-то раскатистый голос прорвался через шум: «А ну, хватит! Отойдите от него!»

Толпа отхлынула, но не расступилась, и Блэйн, стоя в центре человеческого кольца, повсюду видел горящие в последних слабых лучах заходящего солнца рысиные глаза, выступившую на губах пену; ненависть, поднимаясь со всех сторон, катилась на него, как запах потных тел.

Кольцо разорвалось, и в середину вышли двое мужчин — один маленький и суетливый, скорее всего счетовод или приказчик, другой — детина с физиономией, на которой будто черти горох молотили. На плече у здоровяка висела свернутая в кольцо веревка, а в руке он держал ее конец, искусно завязанный в аккуратную удавку.

Оба остановились перед Блэйном, и маленький повернулся лицом к толпе.

— Джентльмены, — произнес он голосом, которому позавидовал бы любой распорядитель похорон, — мы должны вести себя достойно и соблюдать приличия. Ничего против этого человека мы не имеем, мы протестуем против той мерзкой системы, которую он представляет.

— Всыпь им, приятель! — с энтузиазмом выкрикнул кто-то из задних рядов толпы.

Человек с голосом распорядителя похорон поднял вверх руку, призывая к тишине.

— То, что мы должны сделать, — елеинным тоном продолжал он, — наш горький и печальный долг. Но это долг, поэтому исполним его в подобающей манере.

— Верно, — снова заорал энтузиаст, — пора кончать с этим! Вадернем проклятого ублюдка!

Здоровяк подошел к Блэйну вплотную и медленно, почти бережно надел на него петлю так, что она легла Блэйну на плечи. Затем осторожно затянул узел на шее.

Веревка была совсем новая и колючая и жгла, как раскаленное докрасна железо. Оцепенение, в котором находился Блэйн, прошло и схлынуло, оставив его стоять холодным, опустошенным и обнаженным на пороге вечности.

Пока все это происходило, он не переставал подсознательно цепляться за уверенность, что такое невозможно, что он так умереть не может; с другими такое могло случаться и случалось, но не с Шепардом Блэйном.

А сейчас его от смерти отделяли считанные минуты; орудие смерти уже на месте. Эти люди — люди, которых он не знает, которых он никогда не знал, хотят забрать у него жизнь.

Он попробовал поднять руки, чтобы сорвать с себя веревку, но не смог ими даже пошевелить. Он сглотнул — появилось чувство медленного и болезненного удушья.

А его еще не начали вешать!

Холод его опустошенного «я» становился все сильнее, его бил озноб всепоглощающего страха — страха, который охватил его и держал, не давая пошевелиться и замораживая тем временем заживо. Казалось, кровь перестала течь по жилам, тело исчезло, а в мозгу громоздятся друг на друга глыбы льда, и череп вот-вот не выдержит и лопнет.

Откуда-то из глубины сознания всплыла мысль о том, что он уже не человек, а просто испуганное животное. Окоченевшее, слишком гордое, чтобы ронять слезы, скованное ужасом, удерживающееся от крика только потому, что отказали язык и горло.

Но если он не мог крикнуть вслух, он закричал внутри себя. Этот крик рос и рос, тщетно пытаясь найти выход. Еще мгновение, понял Блэйн, и если выход не будет найден, этот страшный, безмолвный крик разорвет его на части.

На какую-то долю секунды все померкло, растворилось, и Блэйн вдруг оказался один, и ему больше не было холодно.

Он стоял на посыпанной кирпичной крошкой ста-

рой аллее, ведущей к зданию суда, веревка все еще висела у него на шее, но на площади перед судом не было ни одного человека.

Кроме него, в городе вообще никого не было!

Глава одиннадцатая

Сумерки немного рассеялись, стало светлей. Стояла невообразимая тишина.

Не было травы.

Не было деревьев.

Не было людей и даже намек на их присутствие.

Газон, или то, что раньше было газоном, обнаженной полосой тянулся к асфальтовой улице. На газоне не было ни одной травинки, только земля и галька. Ни мертвой, ни сухой, вообще никакой травы. Как будто травы вообще никогда не было. Как будто даже понятия такого, как трава, никогда не существовало.

С веревкой, все еще свисающей с шеи, Блэйн огляделся вокруг. И всюду была та же картина. В последних отблесках дня застыло здание суда. Вдоль тротуара на пустынной и спокойной улице стояли автомобили. Ряды магазинов слепо глядели прозрачными витринами.

На углу за парикмахерской, одинокое, и мертвое, торчало единственное дерево.

И ни одного человека. Ни птиц, ни щебета. Ни собак. Ни кошек. Ни даже жужжания насекомых. Может быть, подумал Блэйн, не осталось ни единой бактерии или микроба.

Осторожно, как будто боясь разрушить заклинание, Блэйн поднес руки к горлу и ослабил узел. Стащив петлю с головы, Блэйн швырнул веревку на землю и стал осторожно массировать шею. Кожу еще покалывало — в ней застряли оторвавшиеся волокна.

Блэйн попробовал сделать шаг и обнаружил, что в состоянии ходить, хотя тело и саднило от побоев. Выйдя на середину улицы, Блэйн посмотрел вперед и назад. Нигде никого не было видно.

Солнце только-только село, еще не наступила темнота, а это значит, сказал он себе, что я вернулся немного назад во времени.

Блэйн замер посреди улицы, ошеломленный пришедшей мыслью. Как же я сразу не догадался? Ведь все ясно. Нет никаких сомнений в том, что именно я совершил. Хотя, видимо, подумал Блэйн, я сделал это не сознательным усилием, а скорее инстинктивно, как будто в минуту опасности сработал условный рефлекс.

Произошло нечто невероятное, чего он сам никогда

не смог бы сделать, а минуту назад мог поклясться, что такое невозможно. Подобного никогда еще не совершал ни один человек, и ни один человек даже не помышлял бы об этом.

Он совершил путешествие во времени. Он ушел в прошлое на полчаса назад.

Несомненно, это было выше его человеческих возможностей, но не выше возможностей инопланетного существа. Как человек, он не мог обладать подобным инстинктом. Такая способность выходила за пределы даже паранормальных возможностей. Да, сомнений не было: ему удалось пройти сквозь это время только посредством, или с помощью, иного инопланетного разума.

Но этот разум, похоже, озастил его; с ним его больше не было. Блэйн искал его, попробовал позвать — никто не ответил.

Блэйн повернулся и пошел на север, стараясь держаться середины улицы, пересекающей этот город-призрак из прошлого.

Кладбище прошлого, подумал он. Все только мертвое: голые камни, кирпичи, безжизненные глина и доски.

А куда подевалась жизнь?

Почему прошлое должно быть мертвым?

И что стало с тем разумом, который он получил в обмен от существа на другой планете?

Он снова искал его, но не нашел, однако обнаружил его следы: крохотные грязные отпечатки ног, протянувшиеся через мозг; он нашел обрывки и мусор, оставшиеся за ним, — непонятные, хаотичные воспоминания, клочки бессвязных, ни на что не похожих знаний, плавающих подобно обломкам в пене прибою.

Блэйн не нашел существо, но понял, куда оно делось, — ответ пришел сам собой. Разум существа не исчезал, не уходил. Напротив, он стал его частью. В горниле страха и ужаса, в химической реакции опасности родился тот психологический фактор, который спаял два разума воедино.

Деловая часть улицы перешла в кварталы ветхих жилых домов, и впереди уже виднелась окраина городка — того самого городка, который всего полчаса назад (или полчаса вперед?) так страстно хотел убить его.

Блэйн на минуту остановился, оглянулся и, увидев куполообразную крышу здания суда, вспомнил, что все его имущество осталось там, под замком в столе у шерифа. Некоторое время Блэйн размышлял, не вернуться ли ему. Остаться без цента, с совсем пустыми карманами было ужасно.

А потом, если вернуться, можно угнать машину. Если не будет ключей в замке зажигания, сумею замкнуть провода. Надо было раньше сообразить, упрекнул он себя. Машины там стояли, как будто ожидая, чтоб их угнали.

Блэйн двинулся в обратную сторону, но, сделав два шага, остановился и пошел назад.

Он не смел вернуться. Он бежал оттуда, и ни машины, ни деньги — ничто не могло теперь заставить его вернуться в город.

Становилось все темнее. Он шел на север, решив пройти какое-то расстояние — не бегом, а быстрым, широким, свободным шагом, который незаметно съедает дорогу.

Блэйн миновал окраины и оказался среди полей, и здесь чувство одиночества и безжизненности стало еще сильнее. Среди мертвых тополей бежал ручей, неровными рядами выстроились колья призрачных оград — но земля была абсолютно обнаженной, без единого листа или травинки. А в шуме ветра, проносающегося над пустырем, слышались рыдания.

Темнота сгустилась. Пятнистое лицо луны — зеркало с растрескавшимся и почерневшим зеркальным слоем — отбрасывало бледный свет на пустынную землю.

Он подошел к дощатому мостку, переброшенному через небольшой ручеек, и остановился, чтобы передохнуть и оглядеться. Ничто не двигалось, никто не шел за ним следом. Городок остался в нескольких милях позади, а на пригорке за ручьем стояла полуразвалившаяся заброшенная ферма — амбар, больше похожий на курятник, несколько перекосившихся пристроек и сам дом.

Блэйн глубоко вздохнул, и даже воздух показался ему мертвым. У этого воздуха не было ни запаха, ни вкуса.

Блэйн вытянул руку, чтобы взяться за перила моста, и рука, дойдя до деревянного поручня, вошла в него и прошла насквозь, как будто там ничего не было. Не было перил. Не было самого моста.

Блэйн попробовал еще раз. Ведь я мог ошибиться, сказал он себе, мог не довести руку до перил или вообразить, что рука прошла сквозь дерево. Лунный свет обманчив.

На этот раз он действовал крайне внимательно. Его рука вновь прошла сквозь перила.

Он отступил несколько шагов от моста, который если и не был опасен, то все же требовал особой осторожности. Мост не был реальностью, это был или плод воображения, или галлюцинация; призрак, вставший по-

перек дороги. Если бы я ступил на него, подумал Блэйн, или решил пройти по нему, то упал бы в воду.

А мертвые деревья, колья заборов — тоже галлюцинация?

Вдруг он замер как вкопанный, пораженный неожиданно пришедшей мыслью: а что если все — галлюцинация? Какое-то время Блэйн стоял, не шевелясь и едва дыша, в страхе, что от малейшего движения может рассыпаться в прах этот хрупкий и нереальный мир, превратиться в бесконечное ничто.

Однако земля под ногами была, или по крайней мере казалась, вполне твердой. Блэйн топнул ногой, и земля не провалилась под ним. Он осторожно опустился на колени и, широко разведя руки, стал ощупывать землю, чтобы убедиться в ее прочности.

Какой идиотизм, рассердился сам на себя Блэйн, ведь я уже прошел по этой дороге, и она выдержала мои шаги, я не провалился.

И все равно здесь ни в чем нельзя быть уверенным; похоже, в этом месте не существует никаких правил. Или существуют, но такие, до которых надо доходить самому, типа: «Дороги реальны, а мосты — нет».

Хотя, нет, совсем не то. Все должно как-то объясняться. И объяснение должно быть связано с тем фактом, что в этом мире нет жизни.

Это был мир прошлого, мертвого прошлого; в нем существовали только трупы — и даже не сами трупы, а только их тени. И мертвые деревья, и колья оград, и мосты, и дома на пригорке — все это всего лишь тени. Тут не найти жизни; жизнь ушла вперед. Жизнь расположена в одной-единственной точке времени и движется по мере того, как идет время, вместе с ним. А значит, подумал Блэйн, человечество может распрощаться с мечтой попасть в прошлое и жить, думать, видеть, разговаривать вместе с теми, кто давно уже обратился в пыль. Не существует живого прошлого, а человечество прошлого может жить лишь в записях и памяти. Единственная реальность, в которой возможна жизнь, — это настоящее, и жизнь идет рядом с ним, не отставая, а там, где она уже прошла, все ее следы тщательно уничтожаются.

Вероятно, что-то — скажем, Земля — может существовать во всех точках времени сразу, практически вечно сохраняя свою материальность. И умершее — умершее и сделанное искусственно — остается в прошлом подобно призракам. Заборы с натянутой на них проволокой, сухие деревья, строения фермы и мост — все это лишь тени настоящего, удержавшиеся в прошлом. Удержавшиеся, скорее всего, не по своей воле: просто они не могут двигаться, поскольку лишены жиз-

ни. Это длинные, длинные тени, вытянутые сквозь время и прикованные ко времени.

Вдруг Блэйн осознал, что в этот момент на всем земном шаре единственное живое существо — это он. Он, и больше никого.

Блэйн встал с колен и отряхнул пыль с ладоней. Впереди в ярком лунном свете виднелся мост — обычный, нормальный мост. И в то же время он знал, что моста нет.

В западне, подумал Блэйн. Я в настоящей западне, если не узнаю, как отсюда выбраться. А я не знаю.

Даже если б к его услугам была память всего человечества, такого знания в этой памяти бы не нашлось.

Блэйн молча стоял на дороге и размышлял, человек ли он, сколько в нем осталось от человека. Но если он не только человек, если в нем есть еще разум инопланетного существа, у него остается надежда.

Я ощущаю себя человеком, сказал он себе, однако что из этого следует? Даже если я полностью превратился бы в другое существо, все равно я ощущал бы себя самым собой. Человек, получеловек, совсем нечеловек — в любом случае я — это я. И вряд ли б я заметил разницу. Нельзя посмотреть на себя со стороны, оценить себя с хоть какой-то долей объективности.

Я (кем бы я ни был) в минуту паники и ужаса знал, как ускользнуть в прошлое, и логично предположить, что мне известно, как возвращаться в настоящее, или туда, что было настоящим для меня, в ту точку времени, как бы она ни называлась, где существовала жизнь.

Однако следует признать холодный, жестокий факт: о том, как вернуться, у меня нет ни малейшего представления.

Блэйн огляделся: вокруг лежала залитая лунным светом стерильно-холодная земля. Он почувствовал, как где-то в глубине его зародилась дрожь. Он попытался унять ее, поняв, что это лишь прелюдия к необузданному ужасу, но дрожь не проходила.

Он мысленно напрягся, борясь со все нарастающей дрожью, и вдруг вспомнил, зацепил знание краешком разума.

В следующий момент он услышал шум ветра в тополиных кронах — но ведь только что тополей здесь не было. Куда-то исчезла дрожь. Он снова был самым собой.

Из травы и кустов доносилось стрекотание насекомых, огненными капелями мелькали в ночи светлячки. А сквозь ставни дома на холме пробивались тонкие, почти задушенные полосы света.

Блэйн свернул с дороги прямо в ручей, по колено

в воде перебрел на тот берег и вошел в тополиную рощу.

Он вернулся. Вернулся обратно, из прошлого в настоящее, и сделал это сам. На какую-то долю секунды он было ухватил способ такого перехода, но тот снова ускользнул от него, и теперь он опять не знал.

Но это было уже неважно. Блэйн был снова в своем мире.

Глава двенадцатая

Когда он проснулся, было еще темно, и только первые трели птиц говорили о приближении утра. Он взобрался на холм и на огороде неподалеку от дома сорвал три початка кукурузы, взял из кучи несколько картофелин. Затем выкопал стебель мясник-травы и с радостью отметил, что на нем росло целых четыре бифштекса.

Вернувшись в тополиную рощу, Блэйн отыскал в карманах коробку спичек — единственное, что ему разрешил оставить шериф. В коробке было только три спички.

Угрюмо глядя на три спички, он вспомнил тот далекий день, когда, сдавая экзамен на юного следопыта, надо было разжечь костер одной спичкой. Забавно, сдас ли он этот экзамен сейчас?

Он нашел сухой ствол и из сердцевины достал несколько горстей сухой, как порох, трухи. Затем наломал сухих мертвых веток и собрал несколько более толстых сучьев, внимательно следя, чтобы среди них не оказалось ни одного сырого — костер должен быть по возможности бездымным. Рекламирывать собственное присутствие явно не было никакого смысла.

По дороге наверху проехала первая машина. Где-то в отдалении мычала корова.

Огонь занялся со второй спички. С тоненьких прутиков, бережно подкладываемых Блэйном, пламя перешло на толстые ветки, и костер загорелся ясным, бездымным пламенем. Поджидая, пока появятся угли, Блэйн присел у огня.

Солнце еще не взошло, но проблески света на востоке становились все ярче, а от земли веяло прохладой. Внизу, журча по камням и гальке, бежал ручей. Блэйн с удовольствием набрал полную грудь утреннего воздуха, наслаждаясь его вкусом. Он был еще жив, снова был не один на Земле, имел еду — но что дальше? У него не было денег — у него не было ничего, кроме единственной спички и одежды, что на нем. Да еще мозг, который его может выдать, который, по словам старой ведьмы, «как сверкающее зеркало». Для перво-

го же встречного слушача или наводчика он будет легкой добычей.

Правда, можно днем прятаться, а идти ночью — ночью сравнительно безопасно, потому что все прячутся по домам. Еду можно брать в садах и огородах. Можно остаться в живых и каждую ночь проходить по несколько миль, но это слишком медленно.

Должен быть другой выход.

Он подбросил дров в огонь. Костер по-прежнему горел ярко и без дыма. Блэйн спустился к ручью и, улегшись на живот, напился прямо из поющего потока.

А может, не надо было бежать из «Фишхука»? Что бы меня там ни ждало, теперешнее положение вряд ли лучше. Потому что теперь надо скрываться ото всех; доверять нельзя никому.

Лежа на животе, Блэйн глядел на усталное галькой дно. Взгляд его остановился на одной гальке рубинового цвета. Мысленно взяв этот камень, он видел, из чего тот состоит, как расположены его кристаллы, он знал, откуда этот камень появился и где он перебивался за долгие тысячелетия.

Затем он также мысленно отбросил его и взял другой камень, сверкающий кусочек кварца...

Это что-то новенькое!

Такого я раньше никогда не делал!

Однако я сделал это так, словно всегда этим занимался, словно это привычное дело.

Блэйн заставил себя подняться и сесть на корточки у ручья. То, что он сделал, для человека было поразительным, однако он чувствовал себя не таким уж ошеломленным — кем бы он ни был, он был самим собой.

Он снова попробовал отыскать в себе разум Розового, но не нашел; несмотря на это, Блэйн знал, что он в нем. В нем, со всеми своими бессмысленными воспоминаниями, невозможными способностями, дурацкой логикой и поставленными с ног на голову ценностями.

В мозгу вдруг возникла странная картина: процессия пурпурных геометрических фигур, нетвердой походкой бредущих через пустыню цвета червонного золота; в ядовито-желтом небе висит кроваво-багровое солнце, и больше нет ничего... И в тот же ускользающий момент Блэйн вдруг понял, где находится это место, он знал его координаты в незнакомой ему космографической сети и представлял, как туда попасть. Потом все так же неожиданно прошло — исчезли и цифры и информация.

Блэйн медленно встал на ноги и вернулся к костру. Углей уже было достаточно. Палочкой он выкопал в углях ямку, заложил туда картофелины и не очищенный от листьев початок кукурузы и вновь засыпал уг-

лями. Насадив мясо на раздвоенный конец ветки, за-
жарил бифштекс.

С теплом костра, приятно греющим руки и ноги, к Блэйн пришла расслабляющая, неуместная умиротворенность — умиротворенность человека, готового ограничиться самым малым. Вместе с умиротворенностью пришла еще более неуместная уверенность. У него было такое ощущение, будто он заглянул в будущее и убедился, что все будет хорошо. Но это не было ясновидением. Существовали предсказатели, обладающие даром ясновидения или чем-то похожим, но у него такой способности никогда не было. Он скорее ощущал благополучность будущего, не представляя ни каких-то конкретных деталей, ни как там все будет, ни того, чем все кончится. Только уверенность в том, что все будет хорошо, простое старомодное предчувствие — и не больше.

Бифштекс уже шипел, а из костра доносился аромат картофеля. Блэйн усмехнулся: хорошенькое меню на завтрак — бифштекс с печеным картофелем. Хотя и не так уж плохо. Пожалуй, все пока не так уж плохо.

Ему вспомнился Дальтон с сигарой в зубах, с прической ежиком, который, развалясь в кресле, проклинал мясник-траву как очередное посягательство на бизнесменов со стороны злокозненного «Фишхука».

А кроме мясник-травы, подумал он, сколько еще? Интересно бы подсчитать все, что появилось благодаря «Фишхуку».

Прежде всего, с далеких звезд на Землю были привезены новые лекарства — совершенно другая фармакопея, способная облегчить страдания Человека и вылечить его от болезней.

Появились новые ткани, новые металлы, множество новых продуктов. Родились новые архитектурные стили и материалы; люди получили новый тип литературы, узнали новые запахи, постигли новые принципы искусства. И еще к людям пришло дименсино — развлечение, которое вытеснило обычное телевидение, радио и кино.

В дименсино зритель не просто видит и слышит — он участвует. Он становится частью изображаемой ситуации. Зритель отождествляет себя с одним из героев или сразу с несколькими персонажами и живет их чувствами, действиями. На время он перестает быть самим собой, а выбирает себе личность из действующих в дименсино-постановке лиц.

И все это — и продукты, и материалы, и дименсино — монополия «Фишхука».

И потому, подумал Блэйн, все и ненавидят «Фишхук» ненавистью непонимающих, ненавистью остав-

шихся за чертой, ненавидят за помощь, равной которой человечество еще не знало.

Бифштекс поджарился. Положив самодельный вертел из зеленой ветки на куст, Блэйн стал отрывать в углях картофель и кукурузу.

Сидя у костра, Блэйн принялся за еду.

Взошло солнце, замер ветерок, и казалось, весь мир затаил дыхание, стоя на пороге нового дня. На кроны тополей упали первые солнечные лучи, превратив листья в золотые монеты; затих ручей, уступая дневным звукам — мычанию стада на холме, рокоту машин на дороге, отдаленному гулу самолета высоко в небе.

На шоссе ниже моста остановился автофургон. Из кабины вышел водитель, поднял капот и наполовину скрылся под ним. Затем вылез, вернулся в кабину, поискал что-то и, найдя, что искал, снова вышел. До холма отчетливо донеслось звяканье инструментов о бампер.

Грузовик был настоящей древностью — с бензиновым двигателем и колесами, но с дополнительной реактивной тягой. Такую колымагу редко где теперь встретишь, разве что только на свалке.

Частный владелец, решил Блэйн. Перебивается как может, стараясь выдержать конкуренцию крупных фирм по автоперевозкам за счет заниженных цен и до предела срезанных накладных расходов.

Краска на фургоне выцвела и местами облупилась, но поверх ее тянулись свеженамалеванные замысловатые кабалистические знаки, которые, несомненно, должны были отвести прочь все зло мира.

По номеру Блэйн определил, что машина из Иллинойса.

Разложив инструменты, шофер снова полез под капот. На холм обрушился шум ударов молотка и ржавый скрип отворачиваемых болтов.

Блэйн закончил завтрак. У него осталось еще два бифштекса и две картофелины. Он перемешал уже начавшие остывать угли, наколот оба бифштекса на палочку и аккуратно обжарил.

Из-под капота по-прежнему доносились удары и скрип. Пару раз водитель выбирался, чтобы передохнуть, и опять принимался за работу.

Когда бифштексы как следует прожарились, Блэйн положил картофелины в карман и, держа бифштексы на палочке перед собой, как боевое знамя, стал спускаться к дороге.

Заслышав звук шагов, водитель вылез из-под капота и обернулся.

— Доброе утро, — как можно радушнее поздоровался Блэйн. — Завтракаю и вдруг вижу: кто-то подъехал.

Шофер глядел на него с откровенной подозрительностью.

— У меня осталась еда,— сказал Блэйн,— и я ее для вас приготовил. Хотя, может быть, вы уже поели.

— Нет, еще не успел,— оживившись, произнес водитель.— Собирался перекусить в городке там, внизу, но все еще было закрыто.

— Тогда прошу,— и Блэйн протянул ему палочку с нанизанными бифштексами.

Водитель взял палочку, держа ее так, будто она может ужалить его в любую секунду. Порывшись в карманах, Блэйн извлек две картофелины.

— Была еще кукуруза, три початка,— сообщил он,— но я все съел.

— Ты что, это мне даешь?

— Конечно,— подтвердил Блэйн.— Впрочем, можешь швырнуть их мне в физиономию, если тебя это больше прельщает.

Водитель нерешительно улыбнулся.

— Пожалуй, я поел бы. До следующего городка еще миль тридцать, а на нем,— он ткнул пальцем в фургон,— неизвестно, когда я туда доберусь.

— Нет соли,— сказал Блэйн,— но и так неплохо.

— Спасибо. Я не знаю, чем...

— Садись и ешь,— прервал его Блэйн.— Что там с двигателем?

— Не знаю, кажется, карбюратор.

Блэйн снял пиджак, аккуратно положил его на бампер и закатал рукава.

Усевшись на камень на обочине, водитель принял-ся за еду.

Блэйн взял гаечный ключ и полез на радиатор.

— А где ты достал бифштексы? — поинтересовался водитель.

— Да там, на холме. У фермера их целое поле.

— То есть ты их украл?

— А что делать, если нет ни работы, ни денег и надо пробираться в родные места?

— Куда это?

— Туда, в Южную Дакоту.

Водитель, набив полный рот едой, замолчал.

Блэйн заглянул под капот и увидел, что водитель уже ослабил все болты крепления карбюратора, кроме одного. Блэйн наложил на этот болт ключ и потянул. Болт протестующе заскрежетал.

— Черт побрал бы эту ржавчину,— выговорил водитель, не спуская глаз с Блэйна.

Справившись наконец с болтом, Блэйн снял карбюратор и сел рядом с жующим шофером.

— Скоро эта колымага вообще развалится,—

заметил тот.— Впрочем, и с самого начала это был не подарочек, мучаюсь с ней всю дорогу. Сроки летят к чертям.

Блэйн подобрал ключ к болтам карбюратора и начал борьбу с проржавевшей резьбой.

— Пробовал вести машину по ночам,— сообщил водитель,— но после того раза — хватит. Такой риск не для меня.

— Что-нибудь привиделось?

— Если б не знаки на кузове, мне бы крышка. Правда, у меня есть ружье, но от него мало толку. Я не могу одновременно стрелять и крутить баранку.

— Даже если б и мог, вряд ли это помогло.

— Ну нет, приятель,— процедил водитель,— я бы им показал. У меня полный карман патронов с серебряной дробью.

— А не дорого?

— Еще как дорого. Но ничего не поделаешь.

— Наверное,— согласился Блэйн.

— И что ни год, то становится все хуже. Но там, на севере, появился наконец этот проповедник.

— Проповедников везде хватает.

— Точно, хватает. И все они только и могут разводить болтовню. А этот призывает заняться делом.

— Ну вот,— Блэйн отвернул последний болт, вскрыл карбюратор и заглянул внутрь.— Нашел. Видишь, в чем дело?

Водитель наклонился и посмотрел, куда показывал Блэйн.

— Будь я проклят, если это не так!

— Все, через пятнадцать минут будет готово. У тебя есть чем смазать резьбу?

Водитель встал, вытер руки о штаны:

— Пойду посмотрю.

Он направился к машине, но вдруг вернулся:

— Меня зовут Бак,— он протянул руку,— Бак Райли.

— Блэйн. Можешь называть меня Шеп.

Они обменялись рукопожатием.

Райли постоял, переминаясь с ноги на ногу, потом решил.

— Ты, кажется, двигаешься в Дакоту?

Блэйн кивнул.

— Я скоро рехнусь, если и дальше все буду делать один.

— Я как-то могу помочь?

— Согласен вести ночью?

— Черт побери! — сказал Блэйн. — Конечно.

— Ты за рулем, а я буду держать ружье наготове.

— Тебе не мешало бы выспаться.

— В общем, вдвоем как-нибудь справимся. Лишь бы колеса крутились, не останавливаясь. Я и так потерял уже слишком много времени.

— А ты едешь в сторону Южной Дакоты?

Райли кивнул.

— Ну что, присоединяешься?

— С удовольствием. В любом случае лучше, чем идти пешком.

— Кстати, подзаработаешь. Немного...

— Забудь о деньгах. Главное, что ты меня подвезешь.

Глава тринадцатая

Они ехали с юго-запада на северо-восток, ведя машину и днем и ночью, но тем не менее половину времени стояли. Грузовик и вправду оказался чуть лучше ржавой консервной банки. Им приходилось воевать с громоздким двигателем, сражаться со старыми, лысыми шинами, ухаживать за рахитичным шасси, чтобы продвинуться еще на несколько миль.

Дороги были плохими, как и все дороги теперь. Эра гладких, твердых, чуть ли не с зеркальным покрытием шоссе давно кончилась. Пришло время нового транспорта: полуавтомобилей-полусамолетов; хорошие дороги не нужны машинам, которые вовсе не касаются земли.

Чуть живые шины со стоном прыгали по неровному, выщербленному асфальту. С новыми шинами было бы легче, подумал Блэйн, но даже если б Райли мог позволить себе заплатить за них, он вряд ли бы их достал. Спрос на шины обычного типа упал почти до нуля, и увидеть их где-то в продаже было почти невозможно.

И еще одна постоянная проблема — бензин. Заправочных станций не было; последние заправочные станции закрылись лет пятьдесят назад. Транспорту, работающему на атомной энергии, заправляться не надо. Поэтому в каждом городке и приходилось искать магазин сельскохозяйственных товаров или кооперативную фермерскую лавку и покупать горючее там, поскольку большинство сельскохозяйственных машин по-прежнему работало на бензине.

Они спали урывками, используя для сна каждый удобный момент; они ели на ходу, запивая бутерброды и пирожки кофе из старой жестяной фляги.

Так они пробирались древними дорогами, по которым современный транспорт ходил лишь по той причине, что в старину умели строить и знали, что

прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками.

— В жизни б не взялся за эту работу, — сказал Райли, — но мне обещали хорошо заплатить. А деньги, сам понимаешь, не помешают.

— Ничего, все будет нормально, — успокоил его Блэйн. — Может, опоздаешь на день-другой, но доехать мы доедем.

Райли вытер лицо вылинявшим, когда-то красным платком.

— Тут не только грузовик угробишь, — сказал он. — Тут и сам рехнешься от страха.

Это верно, подумал Блэйн, Райли весь пропитан страхом, страх проник ему в кровь и плоть.

И притом он не производит впечатления человека, который просто с детства запуган зверинцем ужасов и кошмаров и продолжает и в зрелом возрасте с легкостью вызывать в своем воображении все эти древние ужасы. Нет, тут что-то более реальное, чем отзвуки детских ночных кошмаров.

Блэйну его попутчик казался причудливым экспонатом из средневекового паноптикума. Человек, который боится темноты и существ, по его представлению, обитающих в ней! Человек, который верит, что его защитят намалеванные кабалистические знаки и дробовик, заряженный серебряной картечью! Блэйну приходилось слышать о подобных людях, но воочию до сих пор он их не видел. А если таковые и были среди его знакомых по «Фишхуку», то они искусно и тщательно скрывали свои взгляды.

Но как Блэйн поражался Райли, так и Райли не переставал удивляться Блэйну.

— Тебе не страшно? — допытывался он.

Блэйн качал головой.

— Ты что, не веришь в нечистую силу?

— Всегда считал это детскими сказками, — отвечал Блэйн.

Тогда Райли начинал убеждать его:

— Это не сказки, приятель, можешь мне поверить. Я встречал столько людей и слышал столько историй, что знаю наверняка. Когда я был еще мальчишкой, у нас в Индиане жил один старик. Однажды его нашли висющим на заборе, у него было перерезано горло, а вокруг тела были следы копыт, и стоял запах серы...

Если не согласишься в эту сказку, найдется другая, не менее жуткая, загадочная, окутанная мраком древности.

— Тебе хорошо, — сказал Блэйну Райли. — Ты их не боишься, и, может быть, они тебя не тронут. Собака кусает бегущего, но лижет руку тому, кто ее не боится.

— Тогда все просто,— заметил Блэйн.— Перестань бояться.

Но давать такой совет человеку вроде Райли было бесполезно.

Каждую ночь, когда Блэйн вел машину, Райли, дрожа от страха и судорожно сжимая ружье с серебряной картечью, вглядывался в темноту.

Все, что им встречалось по пути — перебегающая дорогу лиса, сова, пролетевшая рядом, любая мелькнувшая у обочины тень,— все превращалось в ночные призраки, а вой койотов становился завываниями нечисти, вышедшей на поиски жертвы.

Но не все было только плодом большой фантазии Райли. Однажды им встретилась тень в форме человека, но уже не человек,— она вращалась и изгибалась в ленивом танце на высокой ветке над лесной порослью; они проехали обугленные развалины фермы, черный дымоход которой, как вытянутый обвиняющий палец, указывал в небо. Как-то раз, когда Райли возился с поржавевшими свечами, Блэйн отправился вверх по ручью, чтоб найти родник, и заметил вдали дымок небольшого костра. Они слишком поздно услышали его шаги, и Блэйн успел заметить их тени, взмывшие вверх по заросшему лесом откосу скалы.

На вытоптанной лужайке рядом с костром лежала опрокинутая сковорода, четыре наполовину поджаренных форели валялись на примятой траве рядом со стегаными ватными одеялами.

На случай дождя стоял грубо сложенный шалаш.

Блэйн опустился на колени рядом с костром и поправил сковороду. Затем положил на сковороду рыбу, предварительно очистив ее от приставших веточек и травинок.

Сначала он думал позвать беглецов, сказать, что не надо прятаться, потом понял, что это бесполезно,— доверия от них ждать уже поздно.

Потому что они — дичь. Загнанная дичь в тех самых Соединенных Штатах, где когда-то так ценили свободу, где в свое время столько говорилось о правах человека!

Он стоял на коленях, разрываясь от гнева и жалости, чувствуя, как начинает щипать в глазах. Он потер глаза кулаками, и мокрые костяшки оставили на лице грязные полосы.

Он постоял так еще немного, затем поднялся и пошел обратно, вниз по ручью, позабыв, что искал родник, который был наверняка уже совсем рядом.

Райли о тех, кого он встретил, Блэйн не стал говорить.

Они пересекали пустыни, пробирались через горы

и наконец выехали на бескрайние просторы плоскогорья, где носился только ветер, не встречая на пути своем ни деревца, ни холма.

Блэйн, расслабившись, отдыхал на сиденье рядом с Райли. Солнце разогрело сухой ветер, и к северу, над пересохшим руслом реки, песчаные духи кружили смерчи.

Крепко вцепившись в руль, ссутулившись, Райли вел фургон. На лице у него было написано напряжение, временами его щеку подергивал нервный тик.

Этот человек, подумал Блэйн, боится даже днем, даже при свете он не прекращает свою схватку с темнотой.

А не связано ли это с грузом, который мы везем? — предположил Блэйн. Ни разу за весь путь Райли не обмолвился о своем грузе, ни разу не проверил его. На задней двери фургона висел тяжелый амбарный замок, издающий угрюмое бряцанье каждый раз, когда машина подпрыгивала на ухабах.

Раз или два Блэйн уже собирался спросить Райли, но что-то останавливало его. О том, что этой теме лучше не касаться, говорили ему не поступки или слова Райли, а какая-то его подчеркнутая небрежность.

А потом, решил Блэйн, меня это не касается. Какое мне дело, что там, в фургоне. Для меня главное — сам грузовик, каждый поворот колеса которого приближает к цели.

— Если сегодня ночью мы поднажмем, к утру будем на реке, — сказал Райли.

— На Миссури?

Райли кивнул:

— Если не сломаемся. И если сможем держать скорость.

Но в эту ночь они повстречали ведьм.

Глава четырнадцатая

Сперва они заметили что-то темное, мелькнувшее над дорогой в пучке света фар, потом увидели их, летающих в лунном свете. Собственно, они не летели, поскольку у них не было крыльев, а двигались по воздуху, как рыба плывет в воде, с грациозностью, свойственной только летающим существам.

В первый момент это можно было принять за мельтешение бабочек в луче света или бесшумный бросок на добычу ночного крылатого хищника, но только в первый момент, когда разум не мог преодолеть убеждения, что этого не может быть; но тут же не осталось никаких сомнений в том, что они увидели.

Они увидели летающих людей. Левитаторы, подумал один. Ведьмы, летящие на шабаш, решил другой.

Увидев, что Райли высунул ствол ружья в открытое окно, Блэйн ударил по тормозам.

Райли спустил курок, и звук выстрела в кабине прозвучал оглушительней грома.

Машину занесло, и она остановилась поперек дороги. Дернув Райли за плечо, Блэйн вывел его из равновесия, а другой рукой вырвал у него ружье.

Он взглянул на Райли: на лице у того был написан смертельный ужас. Его челюсть ходила беззвучно вверх-вниз, как у марионетки, в углах рта выступила пена. Глаза его бешено вращались, а лицо превратилось в уродливую маску от сведенных судорогой мышц. Скрюченные пальцы тянулись к ружью.

— Прекрати! — заорал Блэйн. — Это всего лишь левитаторы.

Слово ничего не значило для Райли. Страх грохотал у него в мозгу, заглушая разум и логику.

Уже обращаясь к Райли, Блэйн понял, что слышит голоса, беззвучный хор голосов, обращающихся к нему из ночи.

Друг, один из нас ранен (алая струйка по мускулистому плечу) — не сильно. А где ружье? (Ружье с печально обвислым стволом). Все в порядке — ружье у нашего друга. Теперь займемся этим (загнанная в угол, рычащая собака; скус с поднятым хвостом; готовая к броску, свернувшаяся в кольцо гремучая змея).

— Стойте! — закричал Блэйн. — Подождите! Опасности больше нет. Он не будет стрелять.

Нажав локтем на ручку замка, он распахнул дверь и, оттолкнув Райли, вывалился из кабины, держа в руках ружье. Блэйн переломил дробовик, и патроны выпали; отбросив ружье на дорогу, он облокотился на автомобиль.

Ночь вдруг стала абсолютно беззвучной, не считая стонов и воя Райли, доносящихся из кабины.

— Все, — сказал Блэйн, — больше нечего бояться.

Они нырнули с неба, как будто стояли там на невидимой платформе, и мягко приземлились на ноги.

Медленно и бесшумно они приблизились к нему и остановились, ничего не произнося.

— По-идиотски ведете себя, — сказал им Блэйн. — В следующий раз кому-нибудь из вас отстрелят голову (безголовое тело, прогуливающееся небрежной походкой, клубы пены, вскипающей из обрубка шеи).

Блэйн заметил, что все они были молоды, не старше восемнадцати, а одеты в подобие купальных костюмов. Блэйн уловил исходящее от них чувство веселья и озорства.

Они подошли еще ближе. Блэйн попытался прочесть еще что-либо по их виду, но больше ничего не увидел.

— Ты кто? — спросил один из них.

— Шепард Блэйн, из «Фишхука».

— Куда ты едешь?

— В сторону Южной Дакоты.

— На этом грузовике?

— И с этим человеком, — добавил Блэйн. — Не трогайте его.

— Он стрелял в нас. Он ранил Мари.

— Пустяки, — сказала Мари, — царапина.

— Он боится, — сказал Блэйн. — У него патроны с серебряной картечью.

Блэйн почувствовал, что мысль о серебряной картечи их развеселила.

И ощутил необычность сложившейся ситуации: лунная ночь, заброшенная дорога, машина поперек шоссе, заунывный вой ветра над прерией и они двое, он и Райли, окруженные не индейцами из племени сиу, или команчей, или черноногих, а группой паранормальных подростков, вышедших ночью повеселиться.

И кто вправе осудить их, спросил он себя, или мешать им? Если эти небольшие акции протеста помогают им самоутвердиться в их полной унижений жизни, если этим путем они отстаивают какую-то долю своего человеческого достоинства, тогда их поступки — вполне нормальное человеческое поведение, за которое их нельзя винить.

Он всматривался в лица, которые мог разглядеть в расплывчатом свете луны и фар, и видел, что идет борьба между вспыльчивостью и нерешительностью. Из машины по-прежнему доносились стоны водителя, бьющегося в истерике.

— «Фишхук»? (Башни зданий на холме, квадратные километры зданий, массивные, величественные, вдохновляющие...)

— Верно, — подтвердил Блэйн.

От группы отделилась девушка, подошла к Блэйну и протянула ему свою ладонь.

— Друг, — сказала она, — мы не ждали встретить здесь друга. Нам всем очень жаль, что мы причинили тебе неприятности.

Блэйн взял ее руку и ощутил пожатие сильных, молодых пальцев.

— На дорогах редко кого встретишь ночью, — сказал один из ребят.

— Мы просто веселились, — сказал другой, — в жизни так мало веселого.

— Мало, — согласился Блэйн. — Я сам знаю, как мало.

— Мы ряженые — ведь скоро канун Дня святых, — добавил еще один.

— Ряженые? День святых? А, ну тогда все понял. (Рука, стучащая в закрытые ставни, повешенная на дерево калитка, перевернутая вверх ногами табличка с заклинанием).

— Им это полезно. Сами напрашиваются.

— Пусть так, — сказал Блэйн. — Но ведь это опасно.

— Не очень. Они слишком боятся.

— Но этим положению не поможешь.

— Мистер, положению ничем не поможешь.

— А «Фишхук»? — спросила стоящая перед Блэйном девушкой.

Блэйн внимательно посмотрел на нее и вдруг понял, как она красива: голубые глаза, золотистые волосы и фигура, которая в древние времена сделала бы ее победительницей всех конкурсов красоты, — идол, благополучно позабытый человечеством, увлекшимся парапсихологией.

— Не знаю, — сказал Блэйн. — Прости, но я не знаю.

— Что-то случилось? Тебе грозит опасность?

— Пока нет.

— Тебе нужна помощь?

— Ни к чему, — как можно беззаботнее произнес Блэйн.

— Мы можем полететь с тобой куда скажешь.

— Я не умею летать.

— И не надо. Мы сами (он в воздухе, поддерживаемый за руки двумя левитаторами).

Блэйн передернул плечами:

— Нет уж, благодарю, лучше не надо.

Кто-то открыл дверцу машины, кто-то вышвырнул Райли на землю.

Рыдая, водитель пополз на четвереньках.

— Оставьте его, — закричал Блэйн.

Девушка обернулась. Мысли ее прозвучали резко и властно:

— Отойдите! Не трогайте его! Чтоб никто пальцем его не тронул!

— Но, Анита...

— Даже пальцем, — повторила она.

— Это же подонок. Стреляет серебряной картечью.

— Нет!

Они отошли.

— Нам пора, — сказала Анита Блэйну. — Думаешь, все будет нормально?

— С этим?

Она кивнула.

— Ничего, с ним я справлюсь, — успокоил ее Блэйн.

— *Меня зовут Анита Эндрюс. Я живу в Гамильтоне, мой телефон — 276. Запиши в память.*

— *Записано,* — Блэйн показал ей слова и цифры.

— *Если понадобится помощь...*

— *Я позвоню...*

— *Обещаешь?*

— *Клянусь! (Крест на бьющемся сердце).*

Неожиданно прыгнув, Райли схватил ружье и теперь, пошатываясь, стоял и шарил в кармане в поисках патрона.

Блэйн бросился ему в ноги, ударив его плечом со всего размаха чуть выше колен; одной рукой он обхватил Райли за пояс, другой попытался поймать ствол ружья, но промахнулся.

Падая, он крикнул:

— *Быстрее! Быстрее все убирайтесь!*

Затрещала одежда; Блэйн почувствовал, как шершавый асфальт обдирает ему кожу, но Райли не выпустил, увлекая его за собой.

Когда скольжение по асфальту прекратилось, Блэйн снова попытался нащупать ружье. Ствол блеснул в темноте и опустился ему на ребра. Блэйн охнул, попробовал ухватиться за него, но Райли еще раз взмахнул ружьем, как дубинкой. В отчаянии Блэйн наугад нанес удар и почувствовал, как его кулак погрузился в живот водителя. Раздался возглас боли, и тяжелый ствол прошел в дюйме от лица Блэйна.

Его рука рванулась вперед, поймала ствол и дернула на себя, одновременно выкручивая.

Завладев ружьем, Блэйн откатился в сторону и вскочил.

Райли, как носорог, склонив голову, расставив руки, неся на него. На лице его жутко застыл ревуший оскал.

Блэйн едва успел отбросить ружье. Он попытался увернуться от приближающегося Райли, но Райли сумел ухватить его своей окорокообразной лапой за бедро. Не давая ему убрать руку, Блэйн резко повернулся. Райли попробовал затормозить, но было поздно. С оглушительным грохотом его тело по инерции врезалось в грузовик.

Райли обмяк и свалился. Блэйн, выжидая, смотрел на него: тот не двигался.

Из ночи не доносилось ни звука. Все исчезли, кроме них, вокруг никого не было. Только он, и Райли, и потрепанный фургон.

Блэйн отвернулся, поглядел на небо, но там тоже ничего не было, кроме луны, звезд и одинокого степного ветра. Он опять посмотрел на Райли и увидел, что тот жив. Райли уже сидел, держась за передний борт. Удар о кузов рассек ему лоб, и больше драться он явно не

собирался. Он тяжело пыхтел, стараясь отдышаться, и в глазах у него стоял дикий блеск.

Блэйн сделал шаг в его сторону.

— Дурак проклятый, — сказал он. — Если б ты еще раз выстрелил, нам бы конец. Они нас на куски бы разорвали.

Райли глядел на него вытаращенными глазами, сиюсь что-то сказать, но из его рта издавалось только: «Ты-ты-ты».

Блэйн шагнул к нему и протянул руку, чтобы помочь встать, но Райли отпрянул от него, прижавшись изо всех сил к кузову, как бы пытаясь раствориться в металле.

— Ты один из них! — взвизгнул он. — Я давно понял...

— С ума сошел!

— Я тебя раскусил! Ты не хочешь, чтоб тебя видели. Не отходишь от машины. За едой и кофе всегда хожу я. Ты не ходишь. И насчет бензина договариваюсь я. А не ты.

— Машина твоя, а не моя, — ответил Блэйн. — И деньги у тебя. А у меня, ты знаешь, ни гроша.

— А как ты появился, — скулил Райли. — Вышел прямо из лесу. Ты, наверное, всю ночь там с ними провел. И ты не как все, ты ни во что не веришь.

— Потому что я не дурак, — сказал Блэйн. — Вот и все. Я не больший параспих, чем ты. Думаешь, если б я был колдуном, стал бы я трястись с тобою на этой жестянке?

Он подошел к Райли, схватил его и рывком поднял на ноги. И встряхнул так, что у него закачалась голова.

— Хватит! — заорал на него Блэйн. — Нам ничто не грозит. Поехали отсюда.

— Ружье! Ты выбросил ружье!

— К чертям ружье. Пошли в машину.

— Но ты с ними разговаривал! Я сам слышал!

— Ни слова не сказал.

— Ты не ртом разговаривал, — сказал Райли. — Не языком. Но я слышал. Не все. Только отрывки. Но ты разговаривал.

Прижимая его одной рукой к грузовику, Блэйн открыл дверцу.

— А ну, заткнись и забирайся, — процедил Блэйн. — Подумаешь, ружье у него есть! Серебряная картечь! Он слышал, надо же!

Поздно, решил он. Объяснять бессмысленно. И показывать ему или пытаться помочь тоже бессмысленно. Скорей всего, если ему рассказать правду, он утратит последние остатки логики и совсем сойдет с ума.

Блэйн обошел фургон с другой стороны, сел, завел мотор и развернул машину вдоль дороги.

Целый час они ехали молча. Скрючившись в углу, Райли не спускал с Блэйна испытующих глаз.

— Извини, Блэйн,— наконец произнес он.— Наверное, я был не прав.

— Конечно, не прав. Если бы ты открыл стрельбу...

— Я не об этом,— перебил его Райли.— Если бы ты был одним из них, ты бы не остался. Они могли бы тебя домчать куда надо в сто раз быстрее.

Блэйн рассмеялся:

— Чтоб тебя совсем успокоить, завтра за кофе и продуктами пойду я. Конечно, если ты мне доверишь деньги.

Глава пятнадцатая

Блэйн сидел на стуле в закусочной и ждал, пока ему завернут сэндвичи и нальют во флягу кофе. В зале кроме него было еще два посетителя, и на Блэйна они никакого внимания не обращали. Один только что закончил трапезу и теперь читал газету. Другой, склонившись над тарелкой, метал в рот густую массу, которая раньше была яичницей с жареным картофелем, а сейчас, от тщательного перемешивания, видом напоминала собачий корм.

Блэйн повернулся лицом к мощной стеклянной стене здания.

На улице было по-утреннему тихо, брел один-единственный пешеход, и мимо него время от времени проносились автомобили.

Наверное, было глупо, подумал Блэйн, вот так рисковать лишь для того, чтобы попытаться развеять сомнения Райли, успокоить его. Хотя ясно: что бы водитель ни говорил, подозрения у него остались.

Правда, осталось немного, скоро должна быть река, а в нескольких милях к северу — Пьер. Кстати; любопытно: за всю дорогу Райли ни разу не обмолвился, куда он едет. Впрочем, ничего странного: Райли явно боится и не касается тем, связанных с его грузом.

Блэйн отвернулся от окна, получил сверток с сэндвичами и кофе, отдал бармену пятидолларовую купюру, а сдачу положил в карман.

Выйдя, Блэйн направился к заправочной станции, где его ждал Райли со своим фургоном. Было слишком рано, и заправщики на станцию еще не пришли. Блэйн и Райли договорились перекусить, потом, когда станция откроется, заправиться и двинуться дальше. Возможно, рассчитывал Блэйн, это будет последний день их совместного пути.

Стоит им доехать до реки, и он пойдет сам, на север, в Пьер.

Утро было свежим, почти холодным, и воздух обжигал ему ноздри. Начался еще один хороший день — еще один миг октября, когда небо затянуто дымкой, а воздух пьянит, как вино.

Блэйн вышел к бензоколонке. Грузовика там не было.

А может, подумал Блэйн, он отъехал за угол. Но еще предполагая это, Блэйн уже знал, что не прав. Он понял, что его провели.

Для того чтобы избавиться от Блэйна, Райли пришлось пожертвовать пятью долларами и поискать другое место для заправки.

Блэйна это особенно не поразило, он понимал, что втайне был готов к этому. Так или иначе, с точки зрения Райли это было простейшее разрешение сомнений предыдущей ночи.

На всякий случай Блэйн обошел квартал.

Машины он не нашел. Приходилось рассчитывать на себя.

Еще немного, и городок начнет просыпаться. Надо успеть уйти до этого. Найти какое-нибудь место, где переждать день.

Минуту он стоял, ориентируясь.

Ближняя окраина лежит к востоку, решил он, так как мы въехали с юга и проделали милю-две по городу.

Блэйн тронулся в путь, стараясь двигаться как можно быстрее и в то же время не привлекать внимания. Проехало несколько машин, кто-то вышел на порог за газетой, прошел человек — в руке корзинка с завтраком. На Блэйна никто не обращал внимания.

Дома стали реже, началась последняя улица города. Здесь плоскогорье кончалось, и рельеф пошел под уклон — поросшие лесом бугры и холмы, каждый чуть ниже, чем предыдущий. Впереди Миссури, понял Блэйн. Где-то впереди, за последним холмом, шумит могучая река с ее песчаными отмелями и ивняковыми островами.

Он пересек поле, перелез через ограду и спустился в крутой овраг, где меж кустов бежал крохотный ручеек.

Опустившись на четвереньки, Блэйн заполз в кустарник. Он нашел идеальное укрытие. За пределами города, и ничего такого, что могло бы привлечь людей: рыбу ловить слишком мелко, а купаться слишком холодно. Здесь его не найдут.

Здесь никто не учует сверкающее зеркало у него в мозгу; никто не крикнет: «Парапсих!»

А ночью он двинется дальше.

Он съел три сэндвича, запил кофе.

Взошло солнце. Просачиваясь сквозь кусты, его лучи разбивались на мозаику света и тени.

Из городка слабо доносились звуки — рычание грузовика, лай собак, голос женщины, скликающей детей.

Как я уже далеко забрался после той ночи в «Фишхук», думал Блэйн, сидя под ивами и ковыряя веточкой в песке. Далеко от виллы Шарлин, от Фредди Бейтса. А до сих пор у меня не было времени поразмыслить об этом. То, что было неясно тогда, неясно и сейчас: правильно ли я поступил, убежав из «Фишхука»; не лучше ли было, несмотря на слова Годфри Стоуна, остаться и испытать все, что ни уготовил бы ему «Фишхук».

Мысли вернули его к залитой светом голубой комнате, откуда все началось. Он видел ее, как будто был в ней только вчера — лучше, чем если бы был вчера. Чужие звезды мерцали над этой комнатой без крыши, колеса легко катились по гладкому голубому полу, а вокруг стояли странные предметы, которые могли быть и мебелью, и произведениями искусства, и всем чем угодно.

Все предстало перед ним как реальное — неправдоподобно реальное, без резких контрастов и без расплывчатости, со всеми без исключения деталями и подробностями.

— *Вот ты и вернулся!* — приветствовал его, приподнявшись, лениво распластавшийся Розовый.

Он действительно был там.

Без машины или тела, без каких-либо приспособлений, только силой разума Шепард Блэйн вернулся к Розовому, в его голубую комнату за пять тысяч световых лет от Земли.

Глава шестнадцатая

Разум увидеть нельзя.

И все же Розовый видел его или чувствовал — во всяком случае, о присутствии разума Блэйна он знал.

А Блэйна это не удивляло и не пугало. Он чувствовал себя так, как будто вернулся домой, и голубая комната казалась ему более знакомой и близкой, чем в первое посещение.

— *И-да,* — удовлетворенно хмыкнул Розовый, оглядывая его разум. — *Неплохая получилась парочка.*

Ну конечно, подумала та часть разума, которая еще оставалась Шепардом Блэйном, ведь я, или, по

крайней мере, часть меня, или даже половина и в самом деле вернулась домой. Потому что на сколько-то процентов (возможно, мне никогда не узнать, насколько) я и есть сидящее перед ним существо. Я одновременно и Шепард Блэйн, путешественник с Земли, и дубликат обитателя этой голубой комнаты.

— Ну, и как дела? — любезно осведомилось существо. Как будто не знает само!

— *Есть одна просьба!* — торопливо сказал Блэйн, спеша объяснить все до того, как ему придется покинуть эту планету. — *Одна-единственная. Ты сделал нас как зеркало. Мы отражаем чужие мысли.*

— *А как же иначе?* — удивился Розовый. — *Разве можно по-другому? На чужой планете приходится экранироваться от чересчур любопытных разумов. Конечно, здесь, дома, нет нужды...*

— Ты не понял, — запротестовал Блэйн. — *Твой экран нас не защищает. Он только привлекает к нам внимание. Из-за него мы чуть не погибли.*

— *Этого не может быть,* — сердито оборвало его существо. — *Погибнуть невозможно. Нет такого понятия, как смерть. Смерть бессмысленна. Хотя, может, я и ошибаюсь. Кажется, очень давно была планета...*

Стало почти слышно, как существо перебирает пыльные архивные папки в заваленной знаниями памяти.

— Да, — подтвердило оно. — *Было несколько таких планет. Это позор. Для меня это непонятно. Непостижимо.*

— На моей планете, — сказал Блэйн, — умирает все, поверь мне. Абсолютно все.

— Неужели все?

— Ну, точно не скажу. Возможно...

— Вот видишь. Даже у тебя на планете смерть не обязательна.

— Не знаю, — сказал Блэйн, — кажется, существуют и бессмертные вещи.

— То есть нормальные.

— Смерть не бессмысленна, — настаивал Блэйн. — Смерть — процесс, благодаря которому на моей планете стали возможными развитие и дифференциация видов. Она не дает зайти в тупик. Это ластик, который стирает ошибки и открывает путь новым началам.

Розовый уселся поудобнее. Чувствовалось, как он устраивается, собираясь с мыслями, подтягиваясь, готовясь к долгому и плодотворному обсуждению и, может быть, спору.

— *Может, ты и прав,* — сказал он, — *но такой путь слишком примитивен. Это кончится первоначальным хаосом. Есть лучшие решения. Существует даже этап,*

когда совершенствование, о котором ты говоришь, перестает быть нужным. Но прежде всего скажи, ты доволен?

— Доволен?

— Ты ведь стал более совершенен. Ты больше, чем обычный разум. Ты — это частично ты, частично я.

— Ты ведь тоже частично я.

Существо удовлетворенно хмыкнуло:

— Видишь ли, тебя сейчас двое — ты и я; а я — даже трудно сказать, сколько всего одновременно. Я так много путешествовал и нахватался всякого — и разумов в том числе. Кстати, многое из них, откровенно говоря, можно было и не брать. Но, знаешь, хотя я сам странствую очень много, у меня в гостях почти никто не был. Ты не представляешь, как я признателен тебе за твой визит. Когда-то у меня был знакомый, который частенько меня навещал, но это было так давно, что и не вспомнишь. Кстати, ведь у вас измеряют время, то есть поверхностное время?

Блэйн объяснил, как люди измеряют время.

— М-м, сейчас прикинем, — существо начало быстро подсчитывать что-то в уме. — По вашему счету выходит приблизительно десять тысяч лет назад.

— Когда у тебя был твой приятель?

— Да, — подтвердил Розовый. — С тех пор ты мой первый гость. И ты сам пришел ко мне. Не дожидаясь, пока к тебе приду я. Ты был в машине...

— А почему, — поинтересовался Блэйн, — ты спросил меня про наш счет времени? Ведь у тебя есть мой разум. Ты знаешь все, что знаю я.

— Естественно, — пробормотал Розовый. — Все твои знания во мне. Но я еще не разобрался в них. Ты не представляешь, что у меня там творится!

Еще бы, подумал Блэйн. Тут с одним-то лишним разумом не знаешь, как разобраться. Интересно...

— Ничего, — успокоил его Розовый. — Со временем все образуется. Потерпи немного, и вы станете единым разумом. Вы поладите, как ты считаешь?

— Но с отражателем ты и устроил нам...

— Я вовсе не хочу вам неприятностей. Я стараюсь как лучше. И делаю ошибки. И исправляю их. Снимать экран?

— Снимай, — поспешил согласиться Блэйн.

— Я путешествою, — рассказывало существо, — не сходя с этого места. Сидя здесь, я бываю где захочу, и ты не поверишь, как мало встречается разумов, стоящих обмена.

— Ну, за десять тысяч лет ты их, думаю, набрал немало.

— За десять тысяч лет? — озадаченно спросило

существо.— *Мой друг, десять тысяч лет — это только вчера.*

Существо покопалось в памяти, но, опускаясь в глубины воспоминаний все глубже и глубже, так и не дошло до начала.

— *Иди сюда,*— пригласил Розовый,— *сядь рядом со мной.*

— *Вряд ли в таком виде,*— объяснил Блэйн,— *я могу сидеть.*

— *Конечно, как я не сообразил. Тогда придвинься поближе. Ты ведь пришел ко мне в гости?*

— *Само собой,*— пробормотал Блэйн, не понимая, о чем идет речь.

— *Тогда,*— произнесло существо,— *давай поболтаем о путешествиях!*

— *Давай,*— Блэйн пододвинулся к нему.

Они сидели в голубой комнате, залитой светом неизвестных звезд, и под отдаленный рокот бушующей пустыни Розовый рассказывал. Не только о цивилизации машин. О племени насекомых, которые тысячелетиями накапливали неисчерпаемые запасы пищи, им не нужной, и стали рабами собственной слепой жадности. О расе, сделавшей искусство объектом религиозного поклонения. О станциях подслушивания, обслуживаемых гарнизонами одной галактической империи, о которой давно забыли все, кроме самих гарнизонов. О фантастически сложных сексуальных традициях одной расы, которая практически все усилия направляла на разрешение воспроизводства. О бесплодных, голых планетах, никогда не знающих жизни. И о других планетах, где, как в колбах и ретортах алхимика, шли такие химические реакции, какие разум не в состоянии не то что понять, но даже представить, и где, в результате этих химических реакций, зарождалась шаткая, эфемерная жизнь, чтобы через доли секунды опять уйти в небытие.

Об этом и о бесконечно многом еще.

Слушая, Блэйн в полной мере осознал, насколько фантастичен случайно повстречавшийся ему Розовый, который не может вспомнить начала и не представляет конца; существо со странствующим разумом, за миллионы лет посетившее миллионы звезд и планет на расстоянии миллионов световых лет в этой и соседних галактиках. Перед ним было существо, которое принесло бы человеческому племени неисчерпаемую пользу. То, что говорилось сейчас, стоило всех усилий, затраченных когда-либо человечеством. Человечество встретилось с расой, у которой, похоже, не было других эмоций, кроме дружелюбия; если у нее и существовали когда-то эмоции, то за бесконечные годы мыслен-

ных путешествий они изнашивались в прах. Потому что, наблюдая, подглядывая в окна соседей по галактике, эта раса научилась терпимости и пониманию не только по отношению к себе подобным или человечеству, но и ко всем созданиям, пониманию жизни во всем разнообразии ее проявлений. Научилась принятию любой мотивации, любой этики, любой культуры, какой чужеродной она ни казалась бы.

Вдруг до Блэйна дошло, что все знания, о которых он думает, находятся в равной степени и в мозгу одного человеческого существа — некоего Шепарда Блэйна; если тот только сможет разобрать знания, систематизировать их и аккуратно сложить, то ими можно будет пользоваться.

В беседе Блэйн потерял чувство времени, утратил ощущение того, кто он, где находится и зачем; он позабыл обо всем на свете, как мальчик, самозабвенно слушающий невероятные истории старого матроса, вернувшегося из дальних, неведомых стран.

Комната стала родной, Розовый уже был другом, а далекие звезды не казались чужими; завывания пустынного ветра звучали как с детства знакомая колыбельная.

Он не сразу понял, что рассказы о далеком и давнем уже прекратились, и он слушает только ветер.

Он потянулся, как после сна, и существо сказал:

— *Мы отлично провели время. Не помню, чтоб я когда-либо получал столько удовольствия.*

— *Подожди,* — попросил Блэйн. — *еще один вопрос...*

— *Насчет экрана не беспокойся. Я его убрал. Теперь тебя никто не выдаст.*

— *Я не о том. Я про время. Я — то есть мы каким-то образом управляем временем. Дважды это спасло мне жизнь...*

— *Знание у тебя. В твоём разуме. Надо только найти его.*

— *Но ведь время...*

— *Время,* — сказал Розовый. — *Что может быть проще времени!*

Глава семнадцатая

Блэйн долго лежал, наслаждаясь чувством тела, — у него опять было тело. Он ощущал прикосновение воздуха к коже, теплую влагу, выступившую на руках, лице и груди.

Он уже не был в голубой комнате, потому что у него не было тела, и потом исчез шелест пустынного

ветра. Вместо этого он слышал равномерное хриплое всхлипывание. Густой, резкий запах антисептики наполнял ноздри, горло, легкие.

Медленно, готовый тут же закрыть глаза при первой необходимости, Блэйн поднял веки. И не увидел ничего, кроме безразличной белизны потолка.

Голова его лежала на подушке, под ним была простыня, а сам он был одет в накрахмаленную рубашку.

Он повернул голову и увидел рядом другую кровать, на которой лежала мумия.

«Что может быть проще времени», — сказало существо из другого мира. Оно собиралось рассказать ему о времени, но он не смог остаться еще, чтобы дослушать.

Мумия из соседней кровати была полностью замотана бинтами, и только на месте ноздрей и рта оставались отверстия. Мумия дышала, и каждый вдох сопровождался всхлипыванием.

Белые, как потолок, стены, кафельный пол, стерильность обстановки не оставляли сомнений относительно того, куда он попал.

Блэйн лежал в больничной палате рядом с хрипящей мумией.

Страх волной накатил на него, но Блэйн не шевелился, давая страху перекатиться и схлынуть. Потому что, даже испытывая страх, он чувствовал себя в безопасности. По какой-то причине — он не мог вспомнить по какой — Блэйн был уверен, что ему ничего не грозит.

Где же он был, подумал Блэйн, до голубой комнаты? Он мысленно вернулся в прошлое: овраг за городом, ручей, ивняк...

В коридоре слышались шаги, и в палату вошел человек в белом халате.

Он остановился в дверях и поглядел на Блэйна.

— Пришел в себя наконец, — сказал доктор. — Как себя чувствуешь?

— Неплохо, — ответил Блэйн. Он и в самом деле чувствовал себя отменно. Что же он здесь тогда делает? — А где меня подобрали?

— А раньше с тобой это случалось? — вместо ответа задал вопрос доктор.

— Что «это»?

— Потеря сознания. Кома.

— Что-то не припомню, — покачал головой Блэйн.

— Можно подумать, что ты стал жертвой заклинания.

— Колдовство, доктор? — засмеялся Блэйн.

— Ну, я в это не верю, — скривился кисло врач. — Хотя кто знает. Больные иногда думают так.

Он подошел к Блэйну и сел на край кровати.

— Меня зовут доктор Уитмор,— сказал он.— Ты здесь уже два дня. Мальчишки охотились на кроликов, залезли в кусты и там нашли тебя. Они решили, что ты мертв.

— А что со мной?

— Не знаю,— покачал головой Уитмор.

— У меня нет денег, доктор. Я не смогу заплатить.

— Это не самое главное,— успокоил его доктор.—

Правда, я хотел спросить. При тебе не нашли никаких документов. Ты помнишь, как тебя зовут?

— Конечно. Шепард Блэйн.

— А где ты живешь?

— Нигде. Болтаюсь где придется.

— А как ты попал в этот город?

— Не помню.

Блэйн сел на кровати:

— Доктор, я зря занимаю койку.

— Лучше бы ты полежал еще. Надо сделать несколько анализов...

— Не хочу причинять вам беспокойства.

— Дело в том,— признался Уитмор,— что я никогда не сталкивался с подобным случаем. Я был бы признателен, если б ты задержался. Мы не нашли никаких отклонений, когда тебя привезли. Чуть замедленный пульс. Несколько поверхностное дыхание. Температура на пару градусов ниже обычного. И все. Остальное в норме. Кроме того, что ты был без сознания. Пробудить тебя ничем не удалось.

— Вот кому не повезло,— Блэйн кивнул в сторону мумии.

— Дорожное происшествие.

— В наше время это редкость.

— Да и обстоятельства необычные,— пояснил доктор.— Он вел старый фургон. На полном ходу лопнула шина. И прямо на повороте над рекой.

Блэйн внимательно посмотрел на забинтованного шофера, но под повязкой узнать его было невозможно.

— Я могу перевести тебя в другую палату,— предложил доктор.

— Не стоит. Я долго тут не задержусь.

— Лучше лежи. А то снова отключишься. И на этот раз тебя не найдут.

— Ладно, я подумаю,— пообещал Блэйн.

Доктор поднялся, подошел к соседней койке и, наклонившись над больным, прислушался к его дыханию. Ватным тампоном вытер ему губы, пошептал что-то на ухо, затем выпрямился.

— У тебя есть какие-нибудь просьбы? — спросил он Блэйна.— Ты, наверное, проголодался.

Блэйн кивнул. Вспомнив о еде, он действительно почувствовал голод.

— Хотя, я могу подождать, — сказал он.

— Я распоряжусь на кухне, тебя покормят.

Доктор повернулся и быстро вышел из комнаты, Блэйн лежал, вслушиваясь в его удаляющиеся шаги.

И он вдруг понял — он вспомнил, — почему так спокоен. Существо с далекой планеты сняло экран, освободило его от сверкающего зеркала в мозгу, теперь нечего бояться, ни к чему прятаться.

Рядом с ним мумия издавала стоны, хрипы и всхлипывания.

— Райли, — шепотом позвал Блэйн.

Дыхание не изменилось.

Блэйн сел на кровати, свесив ноги, потом встал. Стоять босиком на узорчатом кафеле было холодно. Ежась в жесткой больничной рубашке, он подошел к напоминающему белый кокон существу.

— Райли! Это ты? Райли, ты слышишь меня?

Мумия шевельнулась.

Она попыталась повернуть голову к нему, но не смогла. С трудом задвигались губы. Язык силился произнести что-то.

— Передай... — выговорил шофер, от усилия растягивая слово.

Напрягшись, он попробовал еще раз.

— Передай Финну...

Блэйн понял, что это не все, он хочет еще что-то добавить. Губы мучительно шевельнулись. В хлюпающем отверстии тяжело поворачивался язык. Беззвучно.

— Райли! — позвал Блэйн, но ответа не получил.

Блэйн стал пятиться назад, пока край кровати не уперся ему под колени. Тогда он сел.

Ну вот, подумал он, страх и догнал этого парня, страх, от которого Райли пытался убежать, прячась от которого он пересек полконтинента. Хотя, возможно, не тот, от которого он убегал, а другой страх и другая опасность.

Райли с шумом, судорожно вздохнул.

Вот лежит человек, думал Блэйн, которому надо что-то передать некоему Финну. Кто такой этот Финн, откуда? Как он связан с Райли?

Финн?

Он знал одного Финна.

Когда-то, очень давно, имя Финн было ему знакомо.

Блэйн напрягся, пытаясь вспомнить все, что ему известно о Финне.

Не исключено, что это не тот Финн.

Потому что он слышал о Ламберте Финне, который тоже был исследователем в «Фишхуке», и он тоже

бесследно исчез, но задолго до исчезновения Годфри Стоуна, задолго до того дня, как сам Блэйн пришел работать в «Фишхук».

Он превратился в призрак, чье имя произносят шепотом, в легенду, в жуткий персонаж жуткой истории, в одну из немногих фишхукских сказок ужасов.

Потому что, говорилось в этой сказке, однажды Ламберт Финн вернулся со звезд визжащим от ужаса маньяком!

Глава восемнадцатая

Уставившись в потолок, Блэйн лежал на кровати. За окошком шуршал ветерок; на стене напротив весело играли тени листьев одинокого дерева. Упрямое дерево, подумал Блэйн, уже кончается октябрь, а оно никак не хочет расставаться с листьями.

Из коридора доносились все те же приглушенные шаги, а в воздухе по-прежнему едко пахло антисептиком.

Надо выбираться отсюда, решил Блэйн, пора двигаться. Но куда? В Пьер, конечно, в Пьер к Гарриет, если Гарриет там. Сам по себе Пьер не больше чем тупик, и делать мне там нечего. Но пока моя задача — добраться туда.

Ведь я все еще беглец, совершивший отчаянный, неподготовленный побег. Я бегу с того момента, как вернулся из последнего путешествия на звезды. И, что хуже всего, бегу бесцельно, лишь для того, чтобы укрыться, обрести безопасность.

Из-за отсутствия цели становилось не по себе. Как будто он пустышка. Перекати-поле, которое катится туда, куда подует ветер.

Он лежал, давая боли впитаться, впуская горечь и сомнение: а надо ли было бежать из «Фишхука», имело ли это смысл? Затем ему вспомнился Фредди Бейтс, его натянутая улыбка, и блески в глазах, и револьвер в его кармане. И сомнения рассеялись сами собой: он поступил правильно.

Райли вскрикнул, захрипел и затих.

Нет, сказал себе Блэйн, хоть доктор и просит, оставаться не следует. Все равно врач ничего не обнаружит, а Блэйн ничего ему не расскажет, так что для них обоих это будет только потеря времени.

Он встал с постели, пересек комнату и подошел к двери, ведущей, по всей видимости, в гардеробную.

Он открыл дверь — его одежда действительно была там. Правда, он не видел нижнего белья, но его рубашка и брюки висели на вешалке, а под ними стояли

его туфли. Пиджак, свалившись с вешалки, лежал на полу.

Скинув больничную рубашку, он сунул ноги в штанины, натянул брюки и туго затянул их на поясе.

Он потянулся за рубашкой, как вдруг остановился, пораженный тишиной — мирным, тихим спокойствием осеннего полдня. Покой желтого листка, свежесть дымки на далеких холмах, винный аромат осени.

Но в этом спокойствии что-то было не так.

Исчезли стоны и всхлипывания с соседней койки.

Пригнувшись, как в ожидании удара, Блэйн прислушался, но ничего не услышал.

Он повернулся, сделал шаг в сторону кровати, но остановился. К Райли подходить уже поздно. Его забинтованное тело лежало неподвижно, а на губах застыла пузырем пена.

— Доктор! — закричал Блэйн. — Доктор!

Сознавая, что поступает глупо и нерационально, он бросился к двери.

У порога он остановился. Уперевшись в косяки, он высунул голову в коридор.

Доктор шел по коридору быстрыми шагами, но не бегом.

— Доктор, — прошептал Блэйн.

Подойдя к двери, он впахнул Блэйна в комнату и направился к кровати Райли.

Доктор достал стетоскоп, прислонил к мумии, наклонившись, затем выпрямился.

— А ты куда собрался? — спросил он.

— Он умер, — сказал Блэйн. — У него остановилось дыхание. Прошло уже...

— Да, он мертв. Он был безнадежен. Даже с гобатианом не было никакой надежды.

— Гобатиан? Вам пришлось применять даже гобатиан? Вот почему его так забинтовали...

— В нем не осталось ни одной целой кости, — сказал доктор. — Как кто-то бросил игрушку на пол и прыгнул на нее двумя ногами. У него...

Доктор замолчал и пристальным взглядом уставился на Блэйна.

— А что ты знаешь о гобатиане? — осведомился он.

— Так, слышал, — ответил Блэйн.

Еще бы мне об этом не слышать, подумал он.

— Это инопланетное лекарство, — сообщил доктор. — Им пользуется одна насекомовидная раса. Раса воинствующих насекомых. Оно творит чудеса. Оно может слепить обратно разодранное по частям тело. Сращивает кости и органы. Регенерирует ткани.

Он поглядел на забинтованный труп, потом опять на Блэйна.

— Читал где-нибудь?

— Да, в научно-популярном журнале,— солгал Блэйн.

В его памяти всплыло зеленое безумие планеты джунглей, где он наткнулся на лекарство, которым пользовались насекомые, хотя на самом деле они вовсе не были насекомыми, а лекарство было вовсе не лекарство.

Впрочем, сказал он себе, к чему играть в слова. Терминология всегда вызывала трудности, а со звездными путешествиями стала и вовсе невозможной. Берешь то, что хоть немного подходит по смыслу. И то хорошо.

— Тебя переведут в другую палату,— сказал доктор.

— Не стоит,— сказал Блэйн.— Я как раз собрался уходить.

— Нет,— ровным голосом возразил доктор.— Я не позволю. Не собираюсь брать что-то на свою совесть. Ты чем-то болен, и очень серьезно. А за тобой некому ухаживать — у тебя нет ни друзей, ни родственников.

— Ничего, обойдусь. Как обходился до сих пор.

— Мне кажется,— придвинулся к нему доктор,— ты чего-то не договариваешь.

Блэйн повернулся к нему спиной и молча направился к гардеробной. Надел рубашку, натянул туфли. Поднял с пола пиджак, прикрыл дверцу и только тогда обернулся к доктору:

— А теперь, если вы посторонитесь, я выйду.

По коридору кто-то шел. Наверное, доктор успел распорядиться, и это несут еду, подумал Блэйн. Может, мне следует сперва подкрепиться, мне это нужно.

Но он слышал шаги по крайней мере двух пар ног. А может, слышали, как он звал врача, и решили посмотреть, не нужна ли помощь?

— Было бы лучше,— сказал доктор,— если б ты передумал. Кроме того, что ты нуждаешься в лечении, есть еще некоторые формальности...

Дальше Блэйн его уже не слышал, потому что те, кто шагал по коридору, уже стояли в дверях, заглядывая в комнату.

— Как ты сюда попал, Шеп? Мы тебя повсюду ищем,— ледяным голосом произнесла Гарриет Квимби.

Одновременно, как удар бича, его стегнуло теплическим шепотом: *«Ну, быстро! Что говорить?»*

— *Просто забирай меня, и все (разъяренная женщина, волочащая за собой заблудшего шалопая). Тогда меня выпустят. Меня нашли под ивняком...*

(Пьяница, каким-то образом залезший в урну для

мусора и не знающий, как ему оттуда выбраться. Цилиндр у него сполз на ухо, нос, пощелкивая, вспыхивает, как неоновая реклама, а в окосевшем взгляде — мягкое недоумение).

— Нет, не то,— остановил ее Блэйн.— Просто лежал под ивой, отключившись от мира. Он считает, я болен...

— А не...

— Не то, что он думает...

— Опять с тобой старая беда,— с улыбкой, в которой было и беспокойство и облегчение, дружеским тоном произнес Годфри Стоун.— Перебрал, наверно. Забыл, что советовал тебе доктор...

— Ну, о чем ты,— запротестовал Блэйн.— Каких-то пара глотков...

— Тетя Эдна с ума сходит,— сказала Гарриет.— Чего она только не воображала. Ты же знаешь, какие у нее нервы. Она уже решила, что никогда тебя больше не увидит.

— *Годфри, Годфри! О господи, целых три года...*

— *Спокойно, Шеп. Сейчас не время. Сначала надо тебя вытащить.*

— Вы что, знаете этого человека,— спросил доктор Уитмор,— он ваш родственник?

— Не родственник, а друг,— пояснил Стоун.— Его тетка Эдна...

— Ладно, пошли отсюда,— прервал его Блэйн.

Стоун вопросительно посмотрел на доктора, тот кивнул головой:

— Только задержитесь у дежурной и возьмите выписку. Я им сейчас позвоню. Вам придется сообщить ваши имена.

— Конечно,— заверил его Стоун.— Мы вам так признательны.

— Не стоит благодарности.

У порога Блэйн остановился и повернулся к доктору.

— Извините,— сказал он.— Я скрыл правду. Мне было стыдно.

— У всех бывают моменты, когда нам стыдно. Ты не исключение.

— Прощайте, доктор.

— Всего хорошего. Впредь будь осторожнее.

И вот уже они шли рядом — втроем — по коридору.

— А кто лежал в соседней кровати? — спросил Стоун.

— Некий Райли.

— Райли!

— Водитель фургона.

— Райли! Его-то мы и искали. На тебя мы натолкнулись совсем случайно.

Стоун собрался вернуться в палату, но Блэйн его остановил:

— Поздно, он мертв.

— А его фургон?

— Разбился. Упал с откоса.

— О Годфри, — вырвалось с ужасом у Гарриет.

Стоун покачал головой, глядя на нее.

— Не вышло, — сказал он. — Не вышло.

— Эй, в чем дело?

— Подожди, все узнаешь. Сначала давай выйдем отсюда.

Стоун взял его под локоть и потащил рядом с собой.

— Хотя бы скажите, при чем здесь Ламберт Финн?

— Ламберт Финн, — вслух произнес Стоун, — сегодня самый опасный человек в мире.

Глава девятнадцатая

— А может, нам отъехать подальше? — спросила Гарриет. — Если доктор что-нибудь заподозрит...

Но Стоун уже свернул с шоссе к мотелю.

— Почему он должен что-то заподозрить?

— Задумается. Он озадачен случаем с Шепом и наверняка начнет размышлять. А в нашей легенде полно слабых мест.

— Для импровизации все было разыграно не так уж плохо.

— Но мы и десяти миль не отъехали от города.

— Мне ночью надо будет вернуться. Хочу посмотреть, во что превратился фургон Райли.

Перед домиком с вывеской «Управляющий» он затормозил.

— Сам хочешь засунуть голову в петлю, — сказала Гарриет.

Человек, подметавший ступени, подошел к ним.

— Добро пожаловать в «Равнины»! — сердечно приветствовал он их. — Могу быть чем-нибудь вам полезен?

— У вас найдутся два смежных номера?

— У нас как раз освободились два смежных. Какая чудесная стоит погода!

— Да, отличная погода.

— Но со дня на день может похолодать. Все-таки поздняя осень. Помню, однажды снег выпал на...

— В этом году так не будет, — перебил его Стоун.

— Да, вряд ли. Кажется, вы сказали, что желаете два смежных?

— Если вы не возражаете.

— Езжайте прямо вперед. Номера десять и одиннадцать. А я сейчас возьму ключи и приду.

Приподняв машину на малой тяге, Стоун соскользнул в проезд. Около номеров стояли уютно припаркованные автомобили. Люди выгружали вещи из багажников. Некоторые отдыхали в креслах в маленьких внутренних двориках. В самом конце стоянки четверо чудаковатых стариков с громкими криками метали подкову¹.

Перед номером десять их машина плавно опустилась на землю.

Блэйн вышел, открыл дверцу Гарриет.

Как хорошо, подумал он. Он чувствовал себя так, как будто попал домой, встретив двух друзей — потерянных и вновь обретенных. Что бы теперь ни случилось, он со своими.

Мотель располагался на обрывистом берегу реки; на север и восток тянулись бескрайние равнины — голые, бурые холмы, поросшие лесом трещины оврагов; толпясь все плотнее, чтобы уместиться вдоль речной долины, леса выстраивались неровным гребнем у мутно-шоколадного потока, который, как бы не зная, куда направить свое течение, задумчиво извивался, оставляя следы своего непостоянства — лужи, болота, старицы, еще более прихотливой формы, чем русло самой реки.

Позвякивая связкой ключей, пришел управляющий. Он отпер и широко распахнул двери.

— Здесь все в полном порядке, — сообщил он. — Мы ничего не упускаем. На всех окнах — ставни, а замки самые лучшие из имеющихся. В шкафу вы найдете подборку кабалистических знаков и заклинаний. Раньше мы их вывешивали сами, но оказалось, что некоторые клиенты предпочитают их располагать по собственной системе.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны, — похвалил Стоун.

— Клиентам приятно чувствовать себя в тепле и заботе, — похвастался управляющий.

— Ну, все, теперь ты нам все рассказал, — остановил его Стоун.

— А в первом корпусе у нас ресторан...

— Обязательно там побываем, — заверила его Гарриет, — я умираю с голоду.

— Зарегистрироваться вы можете у дежурного по пути в ресторан.

— Непременно, — пообещала Гарриет.

¹ Метание подковы — народная игра, немного напоминающая городки.

Управляющий передал ей ключи и веселой подпрыгивающей походкой пошел обратно, с любезной оживленностью кланяясь гостям из других номеров.

— Зайдем, — предложил Стоун.

Пропустив Гарриет и Блэйна вперед, он вошел сам и плотно закрыл за собой дверь.

Гарриет бросила ключи на туалетный столик, оглядела комнату.

— Рассказывай, — повернулась она к Блэйну. — Что было с тобой? Когда я возвратилась в тот пограничный городок, он весь кипел. Там произошло что-то жуткое, не знаю только что. Мне пришлось так быстро убраться оттуда, что некогда было расспрашивать.

— Мне удалось бежать, — сказал ей Блэйн.

Стоун протянул ему руку:

— Тебе это удалось лучше, чем мне. Ты от них оторвался сразу.

Рука Блэйна утонула в громадной ладони Стоуна.

— Я рад тебя видеть, — сказал Стоун.

— Если б не твой звонок тогда, меня бы наверняка поймали. Я запомнил твои слова и не стал дожидаться.

Стоун выпустил его руку, и они стояли, глядя друг на друга. Блэйн видел, как изменился Стоун: он и раньше был крупным, сильным мужчиной, но теперь сила чувствовалась не только в его внешности — в нем ощущалась сила духа, целеустремленность. И еще жесткость, которой Блэйн раньше в нем не знал.

— Боюсь, что мое неожиданное появление еще доставит тебе хлопот, — сказал Блэйн. — Я удирали слишком медленно и не без приключений. Наверняка «Фишхук» уже напал на мой след.

Как бы отбрасывая опасения, Стоун махнул рукой, причем сделал это так небрежно, как будто «Фишхук» здесь ничего не значит, как будто «Фишхук» больше вообще нигде ничего не значит.

— А что с тобой произошло, Шеп? — спросил Стоун, усаживаясь в кресло.

— Я заразился.

— Я тоже, — кивнул Стоун.

Он минуту помолчал, как бы уходя мыслями во времена своего побега из «Фишхука».

— Когда я вышел из телефонной будки, меня уже ждали. Мне не оставалось ничего другого, как пойти с ними. Меня отвезли... *(Огромный пансионат на берегу моря; над ним — до боли в глазах голубое небо, настолько голубое, что слепит глаза, и в то же время в эту голубизну можно глядеть и глядеть, утопая в бесконечности. Вокруг гигантского здания — домики поменьше, поменьше главного корпуса, но тоже не маленькие. Зеленый ковер газона, настолько пышный, что*

тут же становится ясно: его постоянно поливают. За зеленью травы — ярко-белая полоса песчаного пляжа и зеленовато-синий океан, с пенными брызгами разбивающийся о рифы за пределами лагуны. А на пляже — калейдоскоп зонтиков...)

— Как я узнал позже, это место расположено в Южной Калифорнии. Идеально изолированное место, потрясающий курорт посреди глуши... (Развеваемые океанским бризом флажки площадок для гольфа, ровные прямоугольники теннисных кортов, сад, где гости в безупречных вечерних туалетах, лениво переговариваясь, поджидают тележки с напитками и сэндвичами). Там такая рыбалка, что тебе и не снилось, в горах — охота, а купаться можно круглый год...

— Ах, как там тяжело! — улыбнулась Гарриет.

— Нет, — возразил Стоун, — вовсе не тяжело. Первые шесть недель. Или даже шесть месяцев. Там есть все, что нужно мужчине. Отличная еда, выпивка и женщины. Любое желание тут же исполняется. Богат ты или беден — это не важно. Все бесплатно.

— Я представляю, — произнес Блэйн, — что там начинаешь вскоре ощущать...

— Ну, конечно! Абсолютная бесцельность. Будто кто-то взял и тебя, взрослого мужчину, превратил в маленького мальчика, которому остается только забавляться разными играми. Но все же «Фишхук» поступает с нами щедро и великодушно. Даже презирая, ненавидя «Фишхук», надо отдать им должное. Лично против нас они ничего не имеют. Ведь мы не совершили преступление, не нарушили долг — по крайней мере, не все. Они не могут рисковать, оставляя нас работать; они не могут отпустить нас, поскольку, как ты понимаешь, репутация «Фишхука» должна быть безупречной. Нельзя допустить, чтобы их обвинили в том, что они пустили в мир человека, у которого в мозгу появилось какое-то инопланетное качество или который хоть на волос отклоняется от общепринятого человеческого стандарта. Так что они отправляют нас в отпуск — бессрочный отпуск — в заведение для миллионеров.

Это гениальное решение. Человек ненавидит этот вечный праздник и все же не может уехать, поскольку здравый смысл ему шепчет, что надо быть круглым дураком, чтобы бросить все это. Здесь безопасно и весело. Здесь не о чем тревожиться. Тебе ни в чем нет отказа. Трудно серьезно думать о побеге — какой может быть побег, если тебя никто не держит. Правда, стоит попробовать, и вдруг узнаешь, что все вокруг патрулируется, стоят сторожевые вышки. Потом выясняется, что контролируется каждая дорога, каждая тропа.

Да и пытаться уйти пешком через пустыню равносильно самоубийству. Постепенно замечаешь, что за тобой постоянно ведется наблюдение; агенты «Фишхука», замаскированные под гостей, не спускают с тебя глаз, чтоб не упустить, когда ты решишься на побег или хотя бы только подумаешь об этом.

Но настоящие цепи, которые удерживают тебя, — роскошь и беззаботность. От такого трудно отказаться. И в «Фишхуке» это понимают. Поверь мне, Шеп, это самая крепкая тюрьма, когда-либо построенная человеком.

Но, как любая тюрьма, она ожесточает и закаляет. Узнав о шпионах и охране, становишься хитрым и изворотливым. Собственно, сами шпионы и охранники придают смысл твоему существованию. Ошибка «Фишхука» в том, что он перестарался: не нужно было вообще никакой системы безопасности. Предоставленный самому себе, любой мог бы совершать «побег» каждый месяц. И приплетаться восвояси, почувствовав, каково за пределами этого рая. Но когда ты узнаешь о патрулях, винтовках, собаках, ты принимаешь это как вызов и вступаешь в игру, где ставка — собственная жизнь...

— Наверняка, — заметил Блэйн, — побегов было не много. Даже попыток. Иначе бы «Фишхук» придумал что-нибудь новое.

— Ты прав, — хищно ухмыльнулся Стоун. — Побег мало кому удался. И мало кто пытался бежать.

— Только ты и Ламберт Финн.

— Ламберт, — сухо ответил Стоун, — все это время был мне примером. Его успех вдохновил меня. Он бежал за несколько лет до моего появления. Кроме того, задолго до Ламберта был еще один побег. Что стало с тем человеком, до сих пор никому не известно.

— Ну, хорошо, — спросил Блэйн, — а что будет с тем, кто убежал, кто скрывается от «Фишхука»? Что его ждет? Вот у меня в кармане пара долларов, принадлежащих даже не мне, а Райли, у меня нет ни документов, ни специальности, ни работы. Что будет...

— Ты как будто жалеешь, что убежал.

— Бывают моменты, что и жалею. Если б начать сначала, то я бы не дал заставить себя врасплох. Я бы перевел деньги в какую-нибудь соседнюю страну. Подготовил бы новые документы. Зазубрил бы пару учебников, чтобы работать кем-то вроде счетовода и ждать.

— Мы не можем ждать! — выкрикнул Стоун.

— Вспомни старые религиозные распри, — предложил Блэйн. — Войны между протестантами и католиками, между христианством и исламом. Где они теперь?

— Они прекратились благодаря «Фишхуку».

— Все всегда прекращается благодаря чему-то.

Иначе не было бы надежды. Ситуации и события упорядочиваются, и вчерашние бури становятся чисто академическими вопросами для историков.

— Неужели ты будешь ждать,— спросил Стоун,— ждать сотни лет?

— Ждать незачем,— сказала Гарриет,— все уже началось. А Шеп подключится.

— Я?

— Да, ты.

— Шеп, выслушай меня,— попросил Стоун.

— Я слушаю,— ответил Блэйн, и, чувствуя опасность, в нем колыхнулось что-то чужое, и дрожь прокатилась по телу.

— Я создал организацию — можно назвать ее подпольем. У меня есть группа паракинетиков, или штат, или комитет, который разрабатывает первоначальные планы и тактику некоторых экспериментов и исследований. С их помощью мы продемонстрируем, что паранормальные люди могут быть полезными человечеству и без «Фишхука».

— Пьер! — воскликнул Блэйн, глядя на Гарриет. Она кивнула.

— Так вот что ты имела в виду с самого начала. А тогда, на вечеринке у Шарли, ты мне говорила: «Старый приятель, старый друг»...

— Ты считаешь, что я поступила неверно?

— Да нет, почему же.

— Скажи, ты бы согласился, если б я тебе тогда все рассказала?

— Не знаю, Гарриет, честное слово, не знаю.

Стоун поднялся из кресла и сделал несколько шагов в сторону Блэйна. Вытянув руки, он положил их на плечи Блэйну. Его пальцы напряглись.

— Шеп,— твердо произнес он.— Шеп, это очень серьезно и важно. Нельзя, чтобы вся связь человека со звездами шла только через «Фишхук». Человечество не может быть наполовину приковано к Земле, наполовину свободно.

В тусклом комнатном освещении его взгляд не казался жестким. Он казался вдохновенным, а в глазах поблескивали непролитые слезы.

Когда он снова заговорил, голос его уже звучал мягко.

— Есть звезды,— почти шепотом, будто разговаривая с самим собой, сказал он,— где люди должны побывать. Чтобы увидеть, каких высот способна достичь человеческая раса. Чтобы спасти свои души.

Гарриет с деловым видом взяла сумочку, перчатки.

— Вы как хотите, а я с голоду умирать не собираюсь. Идете со мной или нет?

— Я иду,— объявил Блэйн.

И вдруг вспомнил.

Она перехватила мысль и рассмеялась.

— За наш счет. За это пригласишь нас как-нибудь двоих.

— А зачем? — вмешался Стоун. — Он уже в штате и получает жалованье. У него есть работа. Не так ли, Шеп?

Блэйн промолчал.

— Шеп, ты ведь со мной? Ты мне нужен. Без тебя мне не справиться. Мне не хватало как раз тебя.

— Хорошо, я с тобой,— просто ответил Блэйн.

— Ну, раз с этим наконец разобрались,— сказала Гарриет,— пошли обедать.

— Вы идите,— сказал Стоун,— а я буду стоять на страже.

— Но, Годфри...

— Мне надо кое о чем поразмыслить. Есть пара вопросов.

— Пошли,— Гарриет повернулась к Блэйну.— Пусть сидит и думает.

Блэйн последовал за ней несколько озадаченный.

Глава двадцатая

— Теперь рассказывай,— потребовала Гарриет. Они сделали заказ, и Гарриет, устроившись поудобнее за столом, приготовилась слушать.— Что произошло в том городке? Что было после? Как ты попал в больницу?

— Об этом позже,— отказался Блэйн.— Еще будет время обо всем тебе рассказать. Прежде ответь, что с Годфри?

— Ты имеешь в виду, что он остался в номере подумать?

— Да. Но не только. Выражение его глаз. Эта навязчивая идея. Как он гозорит, что спасение людей — побывать на звездах, словно старый отшельник, которому явилось знамение.

— Ты прав,— сказала Гарриет,— все именно так.

Блэйн ошеломленно уставился на нее.

— Это произошло во время того последнего путешествия,— продолжала Гарриет.— Он там тронулся. Что-то он там увидел, что потрясло его.

— Я знаю,— сказал Блэйн.— Иногда в путешествиях встречаешь такое...

— Жуткое?

— Да, конечно, жуткое. Но это не все. Скорее, непостижимое. Процессы, причинно-следственные связи,

совершенно невероятные с позиций человеческой логики и этики. Явления, в которых не видно смысла, которые не укладываются в голову. Рассудок человека оказывается бессильным. И это страшно. Нет точки опоры, ориентира. Ты один, абсолютно один, и вокруг — ничего из знакомого тебе мира.

— У Годфри было другое. Нечто, что он понял и постиг. Может, даже слишком хорошо постиг. Это было совершенство.

— Совершенство?!

— Я знаю, фальшивое слово. Выспренное. Надуманное. И все же единственно подходящее.

— Совершенство,— повторил Блэйн, как будто бы пробуя слово на вкус.

— На той планете не было ни злобы, ни алчности, ни извращенного честолюбия, которое кует злобу и алчность. Совершенная планета планета для совершенного народа. Социальный рай.

— Не вижу...

— Задумайся на минуту. Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть предмет, картину, скульптуру, пейзаж, настолько прекрасный и совершенный, что ты испытываешь физическую боль?

— Приходилось, раз или два.

— Разумеется. Но картина или скульптура — это предмет вне жизни человека, твоей жизни. Это всего лишь эмоциональное переживание. Практического значения оно не имеет. Ты можешь прожить прекрасно всю остальную жизнь, так и не увидев эту вещь снова, ты только изредка будешь вспоминать ее и, вспоминая, снова чувствовать боль. А теперь представь этику, культуру, образ жизни, который мог быть твоим. И это настолько прекрасно, что испытываешь боль, как от гениального полотна, только в тысячу раз сильнее. Вот что увидел Годфри. Вот почему он вернулся «тронутым». Он чувствует себя оборванным мальчишкой из трущоб, из-за ограда увидевшим сказочную страну — настоящую, живую сказку, до которой можно дотянуться, потрогать, но в которую он никогда не попадет.

Блэйн глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Вот оно что. Вот чего он хочет.

— А ты бы на его месте?

— Наверное. Если б я это увидел.

— А ты спроси Годфри. Он тебе расскажет. Или, лучше, не спрашивай. Пускай он сам.

— Тебе он рассказал?

— Да.

— На тебя это произвело впечатление?

— Я же здесь,— ответила она.

Официантка принесла заказ: огромные сочные бифштексы с картофелем и салатом. На середину стола она поставила кофейник.

— Выглядит аппетитно, — сказала Гарриет. — Всегда хочу есть. Помнишь, Шеп, как ты впервые пригласил меня пообедать?

Блэйн улыбнулся.

— Конечно, помню. Ты тогда тоже была страшно голодна.

— И ты купил мне розу.

— Кажется.

— Ты такой милый, Шеп.

— Если я не ошибаюсь, ты журналистка. Как же...

— А я и занимаюсь одной историей.

— И эта история — «Фишхук».

— В какой-то мере, — пробормотала она, принимаясь за бифштекс.

Некоторое время они ели почти молча.

— Послушай, — прервал молчание Блэйн. — При чем здесь Финн? Годфри считает его опасным.

— А что ты знаешь о Финне?

— Немного. Из «Фишхука» он исчез до того, как я там появился. Но слухи остались. Когда он вернулся, он начал визжать. Что-то с ним случилось.

— Случилось, — подтвердила Гарриет. — И теперь он ходит повсюду со своими проповедями.

— Проповедями?

— Изгнатель дьявола, экзорсист, потрясающий Библией. Только без Библии. Доказывает, что звезды — зло, что человеку место на Земле. Здесь он в безопасности, а там его поджидает зло. И что ворота исчадью зла открыли парасихи.

— И его проповеди слушают?

— Слушают, — подтвердила Гарриет. — Люди в восторге от них. Они в них купаются. Ведь для них-то звезды недосыгаемы. Поэтому анафема звездам им по вкусу.

— В таком случае анафема и парасихам. Ведь это они — призраки и оборотни...

— И гоблины. И колдуны. И злые духи. И все прочее.

— Он просто шарлатан.

Гарриет покачала головой:

— Он не шарлатан. Он так же искренен, как Годфри. Он верит в зло. Потому что он видел Зло.

— А Годфри видел Совершенство.

— Именно. Ни больше ни меньше. Финн убежден, что человеку в космосе делать нечего, равно как Стоун убежден, что спасение человечества — звезды.

— И оба борются против «Фишхука».

— Годфри хочет положить конец монополии, но сохранить основу. Финн идет дальше. «Фишкук» для него — не главное. Его цель — паракинетика, ее он собирается уничтожить.

— Финн считает Стоуна врагом?

— Он стоит у него на пути. А поделаться Финн ничего не может: Годфри старается не подставлять себя. Однако Финн знает его планы и считает его основной фигурой, способной объединить паракинетиков. Естественно, при первой возможности он попытается от него избавиться.

— Похоже, тебя это не слишком страшит.

— Годфри не боится. Для него Финн лишь еще одна проблема, еще одно препятствие.

Они вышли из ресторана и двинулись вниз по асфальтированной дорожке, тянущейся вдоль фасадов номеров.

В свете умирающего дня долина переливалась черными и пурпурными бликами, отражаясь в мрачной бронзе реки. Последние солнечные лучи освещали верх обрыва на противоположном берегу; серебристой молнией по синеве в небе все еще носился ястреб.

Они дошли до своего блока, Блэйн толкнул дверь, пропуская Гарриет вперед, затем вошел сам. Не успел он пересечь порог, как столкнулся с Гарриет.

Гарриет коротко вскрикнула, и он почувствовал, как она напряглась, прижавшись к нему.

Он поглядел через плечо. Вытянувшись, лицом вниз на полу лежал Годфри Стоун.

Глава двадцать первая

Уже наклоняясь над ним, Блэйн знал, что Стоун мертв. Он как будто сжался, стал меньше, утратив наполнявшую раньше большое тело жизнь. А теперь он превратился просто в обернутое мятыми тряпками тело, и в его неподвижности было что-то страшное.

Гарриет закрыла наружную дверь. И в клацанье задвижки Блэйну послышалось рыдание.

Наклонившись ниже, Блэйн заметил под головой Стоуна лужицу крови.

Нажав рычаг, Гарриет опустила жалюзи на окнах.

— Может, зажжем свет? — предложил Блэйн.

— Погоди, Шеп, сейчас.

Щелкнул выключатель, с потолка брызнул свет, и они увидели, что у Стоуна разможен череп. Щупать пульс не имело смысла, — после такого удара по голове выжить невозможно.

Покачиваясь на корточках, Блэйн пораженно думал,

какой надо обладать свирепостью и, возможно, отчаянием, чтобы нанести подобный удар.

Он поглядел на Гарриет и покачал головой, удивляясь ее хладнокровию, затем вспомнил, что в репортерской практике насильственная смерть не такая уж редкость.

— Это Финн, — произнесла она тихим ровным голосом, настолько ровным, что почувствовалось, с каким трудом она сдерживается. — Не сам Финн, конечно. Кто-то из его подручных. Или доброволец. Один из его фанатиков-последователей. Многие готовы выполнить любое его приказание.

Она подошла и присела рядом с трупом напротив Блэйна. Рот ее был сжат в прямую, суровую линию. Лицо натянуто и жестко. И только маленький потек там, где сбежала единственная слеза.

— Что будем делать? — спросил Блэйн. — Наверное, надо вызвать полицию.

Она сделала предостерегающий жест.

— Только не полицию. Мы не должны оказаться замешанными. Финн и его банда только этого и ждут. Держу пари, в полицию уже сообщили.

— Думаешь, убийца?

— А почему нет? Звонок, неизвестный голос сообщает, что в «Равнинах», в номере 10, убит человек. Затем быстро вешается трубка.

— Чтобы подставить нас?

— Чтобы подставить того, кто был с Годфри. Они могут не знать, кто мы такие. А тот врач не мог...

— Не знаю. Наверное, мог.

— Слушай, Шеп, по тому, что произошло, я уверена: Финн в Бельмонте.

— В Бельмонте?

— Так называется городок, где мы тебя нашли.

— Буду знать.

— Что-то происходит, — сказала она. — Что-то важное. И не где-нибудь, а здесь. Здесь и Райли, и его грузовик, и...

— Что надо делать?

— Нельзя допустить, чтобы полиция обнаружила Годфри.

— Мы можем вытащить его через заднюю дверь и отнести в машину.

— Не исключено, что за нами следят. Тогда нам не выкрутиться.

Она в отчаянии всплеснула руками.

— Если у Финна теперь будут развязаны руки, он сможет добиться всего, что задумал. Мы не можем дать вывести себя из игры. Мы обязаны остановить его.

— Мы?

— Ты и я. Теперь тебе тянуть лямку Годфри. Тебе решать.

— Но я...

Ее глаза вдруг яростно вспыхнули:

— Ты был его другом. Он тебе все рассказал. Ты обещал быть с ним.

— Конечно, я обещал. Но я начинаю с нуля. Я ничего не знаю.

— Останови Финна, — сказала она. — Выясни, что он затеял, и помешай ему. Найди сковывающий маневр...

— Ох, это твое военное мышление. Сковывающие маневры и линии отступления. (*Пышная дама в генеральском мундире, огромных сапогах и с гроздьями медалей на высокой груди*).

— Прекрати!

— Журналистка! Трезво мыслящая!

— Замолчи, Шеп, — сказала Гарриет. — Как я могу сейчас трезво мыслить? Я верила в Годфри Стоуна. Верила в его дело.

— Мне кажется, я тоже верю. Но все так необычно, так быстро...

— Может, нам лучше всего убежать, скрыться.

— Нет! Подожди. Если мы убежим, мы выбываем из игры, как если бы нас поймали.

— Но у нас нет выхода, Шеп.

— А вдруг есть, — задумчиво произнес он. — Здесь есть поблизости городок с названием Гамильтон?

— Есть, пару миль отсюда. Вниз по реке.

Блэйн вскочил на ноги и огляделся вокруг.

Телефон стоял на ночном столике между кроватями.

— Кому?..

— Другу. Человеку, который нам может помочь. Говоришь, мили две отсюда?

— Если Гамильтон, то да. Ты не ошибаешься?

— Не ошибаюсь.

Блэйн подошел к аппарату, снял трубку и вызвал коммутатор.

— Я могу заказать Гамильтон?

— Номер в Гамильтоне, пожалуйста.

— 276.

— Сейчас соединю.

Блэйн повернулся к Гарриет:

— На улице темнеет?

— Когда я закрывала ставни, уже темно.

Он слышал в трубке гудки вызова.

— Темнота — это хорошо. Днем они бы не смогли.

— Не пойму, что ты задумал, — недоумевающе сказала Гарриет.

— Алло, — произнес голос в трубке.

— Попросите, пожалуйста, Аниту.

— Одну минутку,— ответил голос.— *Анита, тебя. Какой-то мужчина.*

Это невозможно, ошеломленно подумал Блэйн. Так просто не может быть. Наверное, мне показалось.

— Алло,— сказала Анита Эндрюс.— Кто это?

— *Блэйн. Шепард Блэйн. Я ехал с человеком, у которого было ружье с серебряными зарядами.*

— *Да, я помню тебя.*

Значит, все верно. Мне не показалось. Телепатия возможна по телефону!

— Ты сказала, я могу обратиться за помощью.

— *Да, я сказала это.*

— *Помощь мне нужна сейчас. (Тело на полу; полицейская машина со включенной сиреной и красной мигалкой; спидометр и часы на длинных ногах, несущиеся по беговой дорожке; вывеска «Равнины», цифры на двери номера). Клянусь, Анита, я не пытаюсь скрыть преступление. Поверь мне. Сейчас я не могу все тебе объяснить. Так надо. Полиция не должна его здесь найти.*

— *Мы заберем его.*

— *Вы доверяете мне?*

— *Доверяем. В ту ночь ты помог нам.*

— *Тогда спешите.*

— *Сейчас. Я только соберу еще несколько человек.*

— *Спасибо, Анита.*

Но она уже повесила трубку.

Некоторое время он продолжал стоять, уставившись на зажатую в руке трубку, затем опустил ее на рычаги.

— Я уловила кое-что,— сказала Гарриет.— Невозможно.

— Конечно, нет,— подтвердил Блэйн.— Телепатическая связь по проводу. Попробуй Расскажи кому-нибудь!

Он поглядел на распростертое на полу тело.

— Так вот что он имел в виду, говоря о «возможностях, которые «Фишхуку» и не снились».

Гарриет промолчала.

— Хотел бы я знать, что они еще умеют,— проормотал Блэйн.

— Она сказала, что придут за Годфри. Каким образом. Когда?

В ее голосе звучали истерические нотки.

— Они прилетят,— пояснил Блэйн.— Это левитаторы. Ведьмы.

И он горько рассмеялся.

— Но ты...

— Откуда я их знаю? Они напали на нас как-то

ночью. Просто дурачились. У Райли был дробовик...

— Райли!

— Тот, кто лежал в моей палате в больнице. Он умер. Разбился в катастрофе.

— Но как ты оказался с Райли, Шеп?

— Я попросил его подвезти меня. А он боялся ехать по ночам в одиночку. Мы вместе латали его развалину-фургон...

Они пристально и озадаченно смотрели друг на друга.

— Постой. Что ты сказала в больнице? Что вы его...

— Искали. Его нанял Годфри, он задерживался, и...

— Но...

— Что такое, Шеп?

— Я разговаривал с ним за минуту до его смерти. Он пытался что-то передать, но не смог. Но передать это «что-то» он просил Финну. Тогда я впервые и услышал о Финне.

— Все пошло не так, как надо,— с отчаянием произнесла Гарриет.— Абсолютно все. Райли вез звездную машину. Годфри каким-то образом добыл ее, и надо было доставить машину в Пьер. И он нанял Райли...

— «Левая» звездная машина! — потрясенно воскликнул Блэйн.— А ты знаешь, что в каждой стране мира есть закон, запрещающий владение ими. Их разрешается иметь только «Фишхуку».

— Все это Годфри было известно. Но машина была ему необходима. Он пытался собрать ее, но безуспешно. У него не было чертежей.

— Еще бы, откуда им взяться!

— Что с тобой, Шеп?

— Не знаю. Наверное, все нормально. Просто потерял немного. Как я незаметно оказался втянутым...

— Ты в любой момент можешь бежать.

— Нет, Гарриет. Сколько можно бегать. Мне бежать некуда.

— Ты мог бы поступить на работу в какую-нибудь фирму. Тебя с удовольствием взяли бы и хорошо платили бы за информацию о «Фишхуке».

— Это не для меня. И потом, я же дал слово. Я обещал Годфри помощь. К тому же меня не устраивает то, что творится вокруг. Меня не устраивает, чтобы меня хватали и тащили вешать за то, что я «парасих». Меня не устраивает многое из того, что я видел по пути и...

— Ты озлоблен,— сказала Гарриет.— И ты имеешь на это право.

— А ты?

— Я не озлоблена. Я просто напугана. До мозга костей.

— Ты, журналистка со стальными нервами, напугана...

Он повернулся к ней, и в памяти всплыла слепая старушка, торгующая розами. В тот вечер впервые маска упала с лица Гарриет Квимби. Сегодня маска упала во второй раз.

Ее лицо больше не скрывало, что и бесстрашная журналистка временами бывает просто испуганной женщиной.

— *Все будет хорошо*, — успокаивающе прошептал он. — *Все будет хорошо*.

Вдалеке слышался голос сирены, похожий на вой ветра в прериях. Гарриет резко отодвинулась от него.

— Они едут, Шеп!

— К задней двери, быстро, — приказал Блэйн. — беги к реке. Спрячемся в оврагах.

Он подскочил к двери и взялся за засов. В это время в дверь легонько постучали несколько раз.

Блэйн откинул засов, распахнул дверь и в потоке света, льющемся из комнаты, возникла Анита Эндрюс, а за ней стояли ее юные приятели.

— Как раз вовремя, — приветствовал их Блэйн.

— Где тело?

— Вот оно.

Они вбежали в комнату. Сирена приближалась.

— Он был нашим другом, — нетвердо сказала Гарриет. — Это так ужасно...

Не беспокойтесь, мисс, — заверила ее Анита. — Мы похороним его как положено.

Сирена выла уже совсем близко, наполняя комнату ровным гулом.

— *Быстро*, — скомандовала Анита, — *летим низко, чтобы на фоне неба не было видно силуэтов*.

Она еще не договорила, а в комнате уже не было ни ее друзей, ни тела.

Анита посмотрела на Блэйна и, секунду поколебавшись, спросила:

— *Когда-нибудь расскажешь мне, что все это значило?*

— *Когда-нибудь расскажу*, — пообещал Блэйн. — *Спасибо тебе*.

— *Всегда рада помочь. Нам надо держаться вместе. Иначе нас, паракинетиков, сотрут с лица земли*.

Она мысленно обняла Блэйна, и он почувствовал прикосновение ее разума к его разуму, и как будто увидел светлячков, мерцающих в сумерках, и ощутил аромат сирени, плавающий в мягком речном тумане.

Потом Анита улетела, и тут же в дверь номера забарабанили.

— Сядь, — велел Блэйн Гарриет, — старайся держаться естественно. Спокойно. Беззаботно. Мы с тобой просто сидим и болтаем. Годфри был с нами, потом уехал в город. За ним кто-то зашел, и они поехали вдвоем. Кто это был, мы не знаем. Годфри обещал вернуться через час-два.

— Ясно, — ответила Гарриет.

Она уселась в кресло, расслабленно сложила руки на коленях.

Блэйн пошел открывать бюстителям закона.

Глава двадцать вторая

Бельмонт начинал готовиться ко сну. В домах, мимо которых они проезжали, окна и двери были уже наглухо закрыты; они въехали в деловой район, и там тоже уже один за другим гасли огни в витринах.

Впереди в двух кварталах все еще ярко светились вывески на отеле, и реклама сообщала, что бар «Дикий Запад» открыт для посетителей.

— Вряд ли полицейские поверили в наше вранье, — заметила Гарриет.

— Может, и не поверили, — согласился Блэйн. — Но они ничего не могут поделать. Им не к чему прицепиться.

— В какой-то момент мне показалось, что нас арестуют.

— Мне тоже. Но ты так тонко издевалась над ними. Они, должно быть, чувствовали себя такими идиотами, что рады были поскорее убраться.

Он показал на мигающую рекламу бара:

— Может, начнем отсюда?

— А почему бы нет? Тем более что выбирать тут не из чего.

В баре было совсем пусто. Облокотившись на стойку, бармен лениво оттирал несуществующее пятно.

Блэйн и Гарриет уселись напротив него.

— Что будете пить?

Они объяснили.

Он поставил бокалы, потянулся за бутылками.

— Не слишком оживленный вечерок, — начал разговор Блэйн.

— Скоро закрываем. Народ здесь ночью не разгуливает. В этом городе все, как стемнеет, прячутся.

— Скверный городишко?

— Не особенно. Это все комендантский час. Повсюду патрули, полицейские хватают, не разговаривая. Пропади они пропадом.

— А как же вы? — спросила Гарриет.

— О, со мной все в порядке, мисс. Меня тут знают. И понимают, что ко мне может зайти поздний клиент вроде вас. А потом надо еще прибраться, выключить свет. Мне разрешают чуть-чуть задержаться.

— Все равно не сладко,— посочувствовал Блэйн.

— Для нашего же собственного блага, мистер,— покачал головой бармен.— Люди ничего не сообщают. Если б не комендантский час, они бы и ночью ходили, а ночью сами знаете, что может случиться.

— В городе немало народа,— начал наобум Блэйн.— Наверное, бывают всякие происшествия.

Бармен устроился поудобнее, готовясь к долгому разговору.

— А вы разве ничего не слыхали? — доверительно зашептал он.

— Нет, ничего. Мы лишь два часа как приехали.

— Тогда... Хотите верить, мистер, хотите нет, у нас в городе обнаружили звездную машину.

— Что?

— Звездную машину. Такая штукавина, в которой парасихи летают на другие планеты.

— В первый раз слышу.

— Ничего удивительного. Ими разрешается пользоваться только в «Фишхуке».

— Выходит, машина, которую нашли, противозаконна?

— Противозаконней не бывает. Полицейские наткнулись на нее в старом гараже у дороги. На западной окраине. Вы, наверное, проезжали это место по дороге в город.

— Не заметил.

— Неважно, в любом случае ее там нашли. И знаете еще, кто приехал в наш городок? Ламберт Финн!

— Неужели тот самый Ламберт Финн?

— Собственной персоной! Он сейчас в гостинице. Собирает завтра большой митинг у того гаража. Говорят, полиция согласилась выставить звездную машину, чтобы он прочитал о ней проповедь на виду у всех. Советую завтра послушать его, мистер. Завтра он даст жару! Он покажет этим парасихам! Под орех их раздает. После этого они и носу высунуть не посмеют.

— Вряд ли в таком городке много парасихов.

— Ну, в самом городе немного,— неохотно согласился бармен.— Зато неподалеку отсюда есть город Гамильтон. Вот там сплошные парасихи. Они сами его построили. Собрались отовсюду и построили. Есть какое-то слово для этого — только не помню. Так называли место, куда в свое время в Европе сгоняли евреев.

— Гетто.

Бармен расстроено хлопнул ладонью по стойке:

— Как я мог забыть? Ну, конечно, гетто. Только то гетто делали в худшей части города, а это — в самой дрянной дыре, что есть в штате. Земля у реки никуда не годится. Разве там построишь настоящий город! Но парасихам там нравится. Ладно. Пока они никого не трогают, и их не тронут. Ведут себя тихо, и мы их не беспокоим. Они знают, что мы за ними приглядываем. И если где что, нам известно, в какой стороне искать.

Он взглянул на часы:

— Можете пропустить еще по стаканчику, время есть.

— Спасибо, нам хватит, — отозвался Блэйн. И положил на стойку две купюры. — Сдачи не надо.

— О, спасибо, мистер, большое спасибо.

Они поднялись, и бармен вышел из-за стойки:

— Советую вам вернуться к себе как можно быстрее. Если полиция вас поймает, вам не поздоровится.

— Да, надо спешить, — кивнула Гарриет. — Спасибо за беседу.

— Всегда к вашим услугам.

Выйдя из бара, Блэйн открыл дверцу автомобиля Гарриет, потом обошел машину и сел с другой стороны.

— Ну что, в гараж у дороги? — спросил он.

— Зачем тебе это надо, Шеп? Попадем только в неприятность.

— Мы не можем допустить, чтобы Финн прочел у машины проповедь.

— Ты что, собираешься ее куда-нибудь оттащить?

— Пожалуй, нет. Она слишком тяжелая и громоздкая. Но выход должен быть. Мы обязаны помешать Финну. Обязаны. Хотя бы ради Годфри...

— Машину, наверно, охраняют.

— Вряд ли. Заперли на джину замков, но не охраняют. В этом городишке едва ли найдется храбрец, чтобы ночью стоять в карауле.

— Вы с Годфри как две капли воды, — сказала Гарриет. — Так и мечтаете остаться без головы.

— А ты чуть-чуть заглядывалась на Годфри, а?

— Чуть-чуть, — сказала Гарриет.

Блэйн завел мотор и выехал на улицу.

Из черного старого гаража у шоссе не доносилось ни звука. Похоже, ни в нем, ни поблизости не было ни души. Они дважды медленно проехали мимо, присматриваясь, но каждый раз видели одно и то же: обыкновенный большой гараж для дорожной техники — память о тех днях, когда автомобили катились по шоссе, и приходилось следить за дорожным покрытием с помощью специальных машин.

Блэйн свернул с дороги, легко проскользнул в заросли кустарника, опустил машину на землю и погасил огни. Тишина опустилась на них; было что-то тревожное в молчании темноты.

— Гарриет, — позвал Блэйн.

— Да, Шеп.

— Оставайся тут. Не выходи из машины. Я схожу один.

— Ты недолго? Все равно ты ничего не сделаешь.

— Я скоро вернусь. У тебя есть фонарик?

— Где-то был.

Она подняла дверцу отделения для перчаток, и в свете крохотной лампочки среди дорожных карт, бумаг, солнцезащитных очков и прочего хлама нашла фонарик.

Блэйн проверил его, и, убедившись, что фонарь в исправности, погасил его и вышел из машины.

— Сиди тихо! — еще раз предупредил он.

— А ты будь поосторожнее, прошу тебя, — шепнула Гарриет.

Глава двадцать третья

Гараж был больше, чем казался с шоссе. Вокруг от малейшего дуновения ветра шелестела высокая сухая трава. Гараж был сделан из гофрированных металлических листов, которые лет шестьдесят назад, до того как с Альдебарана-VII завезли суперпласт, часто использовались для такого рода сооружений. Монотонность гладкой поверхности металла нарушали грязные пятна немых, затянутых паутиной окон. Почти во весь фасад растянулись огромные, открывающиеся вверх ворота.

На востоке темный силуэт спящего города виднелся на фоне освещенного белесым светом восходящей луны.

Блэйн осторожно обошел здание, пытаясь найти способ проникнуть внутрь. Но подъемные ворота были на замке. Снизу, правда, отошло несколько листов, но металл был слишком прочен, чтобы Блэйн мог его отогнуть вверх и пролезть снизу.

Есть только один способ, понял он.

Он зашел за ближний к дороге угол, прислушался. Кроме шелеста травы, он ничего не услышал. По шоссе никто не ехал и вряд ли поедет. Нигде не светилось ни единого огонька — казалось, что в мире нет вообще никого, кроме него и этого гаража.

Еще некоторое время Блэйн смотрел на шоссе, но ничего подозрительного не заметил.

Тогда он быстро подошел к ближайшему окну и, сняв свой рваный пиджак, обмотал его вокруг руки.

Затем резким ударом выбил стекло, выбрал из рамы осколки, сбросил их с подоконника.

Вернулся к углу, подождал. Ночь по-прежнему была тихой и безжизненной.

Блэйн осторожно влез в окно. Ощувив под ногами пол, он достал фонарик и осветил зал гаража.

У самых ворот, рядом с нашедшим наконец покой фургоном, сверкала полированной поверхностью звездная машина.

Стараясь ступать как можно мягче, Блэйн пересек зал и подошел к машине. Это была та самая машина, которую он досконально изучил в «Фишхуке». В ней есть какая-то загадочная красота, подумал Блэйн, глядя на ее поверхность и видя в ней отражение далеких миров, куда она помогает попасть человеку.

Блэйн почувствовал возрастающее уважение к Стоуну, представляя, чего стоило добыть звездную машину. Для этого потребовались и деньги, и надежные агенты, и безукоризненно отработанный план действия.

Интересно, какое участие принимала в этом Гарриет, подумал он. По крайней мере, когда она помогала мне скрыться от «Фишхука», она действовала решительно. У нее есть спокойствие, самообладание, она прекрасно знает все внутренние механизмы «Фишхука». И мозг у нее работает с точностью лучших швейцарских часов.

Да, решил Блэйн, такая женщина могла организовать похищение машины.

Стоун возлагал на эту машину большие надежды, и теперь они развеяны. Стоун погиб, машина лежит в заброшенном гараже, и ею собирается воспользоваться человек, в котором столько ненависти, что он готов любыми средствами искоренить паранормальную кинетику. Ну что ж, подумал Блэйн, раз исчезла надежда, машина должна тоже исчезнуть. Это самое меньшее, что я обязан сделать для Стоуна. Я в долгу перед Стоуном хотя бы за то ночное предупреждение.

Он знал, что это возможно, возможно, если он сумеет выудить необходимое знание из пенящегося океана чужого разума.

Он поискал и нашел нужную информацию, а заодно убедился, что все остальные знания аккуратно уложены и рассортированы в мысленных архивах, как будто там поработал старательный клерк.

Открытие потрясло Блэйна, потому что все это время он даже не догадывался, что в нем происходит. Типичный человеческий подход, подумал он, — бунт его человеческой сути против беспо-

рядочного, обрывочного знания, выплеснутого в его разум существом с далекой планеты.

Он протянул руку, машинально ища опору, и оперся на угол звездной машины.

Итак, выход есть, я теперь знаю, что можно сделать. Осталось выяснить как. Время, сказал тогда Розовый, — что может быть проще времени. Но я, сказал себе Блэйн, еще не научился так легко манипулировать временем.

Сомнений в том, что надо делать, не оставалось.

Идти в прошлое не имело смысла — машина уже была в прошлом. И оставила в нем длинный глубокий след.

Другое дело — будущее.

Если ее удастся перенести в будущее, то настоящий момент и все последующие моменты превратятся для машины в прошлое, и от нее останется только призрак, над которым будут смеяться, которого будут пугаться, но который человек по имени Ламберт Финн не сможет использовать для разжигания истеричной толпы.

Более того, пришло на ум Блэйну, скорее всего, Финн сам перепугается до смерти.

Он мысленно обволок машину разумом, но ничего не получилось. Разум никак не мог вместить всю машину, сомкнуться вокруг нее. Блэйн передохнул и попробовал еще раз...

Незаметно для себя он оказался в огромном и напряженном пространстве. Опасность чувствовалась и в шуршании за разбитым окном, и в непривычном холоде воздуха, и в острых запахах — казалось, что земля, на которой он стоит, воздух, которым он дышит, и тело, в котором он, Розовый, находится, абсолютно незнакомы ему. И это ощущение при перемещении из известного, которое он не помнил, в неизвестное, местоположение которого он не знал, пугало. Но все будет нормально, все образуется, только ради этого он оставил темноту, и тепло, и безопасность, и когда он сделает что задумал, то вернется обратно, к своим воспоминаниям, к постепенному накапливанию новых знаний; он, как скупец, будет подсчитывать каждую новую крупицу знания и аккуратно складывать все в ровные стопки.

Поднять это искусственное тело, несмотря на его необычность, оказалось нетрудно. Корни его не уходили слишком глубоко, а координаты оказались очень удобными. И он готов был все сделать. Но торопиться было нельзя, несмотря на отчаянное желание закончить все как можно скорее. И он набрался терпения и подождал, пока координаты не окажутся четко заданными, и тог-

да не спеша и точно подсчитал необходимую темпоральную нагрузку, и точно, на сколько требуется, крутнув предмет, отправил его туда, куда хотел.

А затем Розовый нырнул обратно, где его ждала темнота и тепло, а на его месте в туманной пустоте оказался Блэйн — отрезанный от своего мира, но вновь в своем человеческом обличье...

Вокруг не было ничего, только он сам и звездная машина. Он потянул руку и убедился, что машина по-прежнему реальна. И, насколько он видел, она была единственной реальной вещью там, где он очутился.

Потому что даже туман казался каким-то ненастоящим, он словно старался скрыть сам факт своего существования.

Блэйн замер, боясь пошевелиться, боясь, что при малейшем движении он может свалиться в какой-нибудь бесконечный черный колодец, из которого возврата не будет.

Вот оно, будущее, понял Блэйн. Место, не обладающее ни одной из черт того пространства-времени, которое он знал. Место, где еще ничего не произошло — полная пустота. Где нет ни света, ни темноты, одна лишь пустота. Где никогда ничего не было и не должно было быть до того, как здесь оказались он и машина — незваные гости, переступившие через время.

Он медленно сделал выдох и хотел вдохнуть, но не смог — дышать было нечем!

В глазах у него потемнело, а в висках застучало. Он инстинктивно попытался схватиться за что-либо — что-либо в мире, где ничего нет.

И тут снова вернулся Розовый — напуганный и растерянный пришелец в странном узоре цифр и символов. Даже в агонии Блэйн осознал, что его мозг затопило потоком неземной математики.

И вдруг снова стало чем дышать, а под ногами был твердый пол, и запахло плесенью заброшенного дорожного гаража.

Он снова был дома. И чужой разум тоже, поскольку он больше не ощущался. Дома, в тепле и уюте — у меня в мозгу, подумал Блэйн.

Блэйн выпрямился и мысленно ощущал себя. Все было в порядке. Он медленно открыл глаза, которые почему-то были закрыты. Было темно, и он вспомнил, что в руке у него все еще зажат фонарик. Хотя стало несколько светлее — в разбитое окно лилось сияние восшедшей луны.

Блэйн включил фонарь, и луч осветил стоящую машину, теперь странную и нереальную — не машину, а призрак машины, ушедшей в будущее, ее след.

Подняв свободную руку, он вытер со лба пот. Все.

Он сделал, что хотел. Он нанес удар вместо Стоуна. Он помешал Финну.

Наглядного пособия для проповеди больше не было. Вместо него — с насмешкой высунуло язык самое колдовство, против которого так много лет воюет Финн.

Позади что-то шевельнулось, и Блэйн так резко повернулся, что от неожиданности выпустил фонарь, и тот с шумом покатился по полу.

— Шеп,— с глубокой сердечностью произнес голос из темноты.— Как ловко у тебя все получилось!

Блэйн замер, охваченный чувством безнадежности.

Он понял, что это конец. Он сделал все, что мог. Дистанция пройдена, финиш.

Он узнал проникновенный голос. Он не мог его забыть.

В темноте гаража стоял его давний приятель — Кирби Рэнд!

Глава двадцать четвертая

В темноте Рэнд казался черным пятном.

Он шагнул к фонарику, поднял его, включил и направил свет на звездную машину. Луч света насквозь пронзил машину, и в нем заплясали пылинки.

— Да,— повторил Рэнд,— чистая работа. Не знаю, как ты это сделал, и не знаю зачем, но сработано чисто.

Он погасил фонарик, и с минуты они молча стояли в темноте, видя лишь силуэты друг друга.

— Я, видимо, должен тебя поблагодарить от имени «Фишхука».

— Перестань,— оборвал его резко Блэйн.— Ты прекрасно знаешь, я сделал это не для «Фишхука».

— Тем не менее в данном конкретном случае наши интересы совпали. Мы не можем терять машины. Они не должны попадать в чужие руки. Сам понимаешь.

— Отлично понимаю,— подтвердил Блэйн.

Рэнд вздохнул:

— Я ожидал скандала, а скандалы меньше всего нужны «Фишхуку». Особенно скандалы на периферии.

— Пока не произошло ничего такого, о чем «Фишхуку» стоило бы волноваться,— сообщил Блэйн.

— Рад слышать это. Ну, а как ты, Шеп? Как живешь?

— Неплохо, Кирби.

— Очень приятно. Ты успокоил меня. А теперь, я думаю, нам пора уходить отсюда.

Он подошел к окну с выбитым стеклом и сделал шаг в сторону.

— Давай вперед,— сказал он Блэйну.— Я следом. И прошу тебя по-дружески, не пытайся убежать.

— Не бойся,— сухо ответил Блэйн и быстро вылез в окно.

Можно побежать, но, сказал он себе, это будет глупостью, поскольку у Рэнда несомненно есть пистолет, и он сумеет им воспользоваться и в лунном свете. Потом, если начнется стрельба, Гарриет может броситься ко мне на помощь, а если возьмут и ее, то у меня вообще не останется друзей. А так, размышлял он, Гарриет останется в зарослях, увидит, что случилось, и что-нибудь придумает. Теперь она — единственная надежда.

Выпрыгнул Рэнд и, приземлившись, тут же повернулся к нему. Может, даже слишком быстро, слишком по-охотничьи. Потом расслабился и ухмыльнулся.

— Потрясающий трюк,— сказал он.— Когда-нибудь расскажешь мне, как ты это делаешь. Надо же, утащить звездную машину!

Блэйн даже поперхнулся от удивления, но понадеялся, что при лунном свете Рэнду не удалось разглядеть выражение его лица.

Рэнд дружелюбно взял его за локоть.

— Машина вон там, у дороги.

Они вместе зашагали по шуршащей траве, и вокруг все выглядело уже по-другому, не казалось больше мрачным и угрожающим; лунный свет как бы превратил все в расписанное волшебными красками полотно. Справа от них лежал город — массив темных зданий, больше похожих на курганы, чем жилища, среди которых едва просматривались обнаженные деревья, похожие на поставленные вертикально разломаченные кисти. К западу и северу серебрились прерии, размах которых подчеркивали их монотонность и безликость.

А у самой дороги были заросли кустарника. Блэйн бросил в ту сторону быстрый взгляд, но ничего — ни блика на металле, на линии корпуса — не увидел. Пройдя еще несколько шагов, он снова посмотрел туда. Ошибки быть не могло. Автомобиля в кустах не было. Гарриет уехала.

Молодец, подумал Блэйн. Разумное решение. Скорее всего, она уехала сразу, как появился Рэнд. Поняла, что правильнее будет скрыться и подумать, что делать, в спокойной обстановке.

— Вряд ли ты где-то остановился,— сказал Рэнд.

— Да, пока не успел.

— Неприятный городок,— пожаловался Рэнд.— Слишком серьезно относятся ко всякому колдовству-ведовству. Меня уже дважды останавливала полиция.

Сделали мне предупреждение. Мол, чтоб я обязательно укрылся, это для моего же блага.

— Тут сейчас все бурлит. Приехал Ламберт Финн.

— А, Финн,— небрежно бросил Рэнд.— Наш старый друг.

— Но не мой. Я с ним не знаком.

— Милейший человек. Очаровательнейший.

— Очень мало о нем слышал. Только слухи.

Рэнд вздохнул.

— Знаешь,— предложил он,— давай-ка заночуй в фактории. Наш посредник найдет, где тебя положить. А может, он и бутылочку откопает. Что-то мне захотелось вмазать как следует.

— Я бы тоже не отказался,— поддержал его Блэйн.

Потому что бороться сейчас, равно как и бежать, было бессмысленно. Надо не спорить и ждать удобного случая. Они пытаются застать врасплох тебя, ты пытаешься застать врасплох их. И при этом и ты и они знают, что эта с виду беспечная игра пахнет смертью.

Рэнд сел за руль, Блэйн влез в машину следом...

Рэнд завел мотор, но фары не включил. Вырулив на дорогу, Рэнд тронулся в сторону города.

— Полиция ничего особенного сделать не может, разве что засадить на ночь в кутузку,— объяснил он,— но зачем с ними связываться, когда можно обойтись без этого?

— Совершенно незачем,— согласился Блэйн.

Через центр Рэнд не поехал, а обогнул его переулками, затем проскользнул в узкую улочку, опустил на стоянку и выключил мотор.

— Вот мы и приехали,— произнес он.— Пора и выпить.

На его стук им открыли дверь черного хода, и они вошли в заднюю комнату фактории. Большая часть комнаты, заметил Блэйн, использовалась как склад, и только один угол служил жильем. Там стояли кровать, плита и стол. В массивном камине пылал огонь, а перед ним стояли удобные кресла. Рядом с дверью, ведущей в переднюю часть фактории, висела большая, похожая на холодильник коробка. И хотя Блэйн видел ее впервые, он тут же узнал транс — машину для телепортации материи, благодаря которой «Фишхук» стало экономически выгодно иметь фактории по всему земному шару. Любой товар, который мог потребоваться посреднику, мгновенно оказывался в этом ящике, стоило лишь сделать заказ.

Об этой-то машине и говорил Дальтон на вечере у Шарлин. Он сказал, что если «Фишхук» надумает внедрять эту машину повсеместно, то все транспортные сети мира будут уничтожены.

Рэнд указал на кресло:

— Устраивайся. А Грант нам сейчас откроет бутылочку. Найдешь для нас бутылочку, Грант?

— Вы же знаете, что у меня всегда есть запас,— ухмыльнулся посредник.— Разве иначе продержишься в такой дыре?

Блэйн уселся ближе к огню, а Рэнд сел перед ним и оживленно потер руки.

— Когда мы расставались, мы тоже сидели за бутылочкой,— напомнил он Блэйну.— А теперь за бутылочкой возобновляем знакомство.

Блэйн ощутил в себе растущее напряжение, чувство, что он в ловушке, но усмехнулся в ответ.

— А знаешь, сколько тогда было в моем распоряжении времени? — спросил он.— Каких-то восемь паршивых минут. И все.

— Ты ошибаешься, Шеп. У тебя было целых двенадцать минут. Ребята немного замешкались, вынимая пленку с записью.

— А Фредди! Ну кто бы мог подумать, что Фредди работает на тебя?

— Ты бы не поверил, если б тебе называли еще кое-кого, кто на меня работает,— мягко произнес Рэнд.

Они грелись у камина, где трещали яблоневые дрова, и изучали друг друга.

— Рассказал бы ты мне, Шеп,— сказал наконец Рэнд.— Я не все еще понял. Концы с концами не сходятся. Ты влип в районе Плеяд и как-то ухитрился запереть эту штуку...

— Запереть?

— Конечно. Ты ее запер. Причем первоклассно запер. Мы знали, ты что-то нашел, и послали туда других. Твоя тварь сидит и глазеет на них, и больше ничего. С ней пытались разговаривать, но она не реагирует. Делает вид, что ничего не слышит. Это совершенно непонятно...

— Братство,— сказал Блэйн.— Мы с ним побратались. Тебе не понять.

— Думаю, что пойму. Насколько ты не человек, Шеп?

— Проверь меня и увидишь.

Рэнд передернул плечами.

— Нет, спасибо. Знаешь, я ведь все время шел по твоему следу. А он начался с Фредди и становился чем дальше, тем запутанней.

— Ну, а что дальше?

— Черт меня побери, если я знаю.

Посредник вошел, неся бутылку и два бокала.

— А сам не выпьешь? — спросил Рэнд.

Грант покачал головой.

— Надо еще разобрать товар. Так что, если вы позволите...

— Хорошо, хорошо,— разрешил Рэнд.— Можешь идти работать. Только скажи...

— Да, сэр?

— Нельзя ли мистеру Блэйну переночевать здесь сегодня?

— Буду рад. Правда, тут не слишком уютно.

— Ничего,— заверил его Блэйн.— Меня это устроит.

— Я должен был бы предложить вам свою постель, но, откровенно говоря...

— Об этом не может быть и речи.

— Я принесу вам несколько одеял, и вы сможете постелить себе на полу. Получится не хуже, чем в кровати.

— Все, что угодно. Буду только признателен.

Рэнд откупорил бутылку. Грант вышел, мягко прикрыв за собой дверь.

Рэнд налил в бокалы.

— Да,— заметил он,— в принципе, если ты не хочешь, можешь здесь не оставаться.

— Неужели?

— Я возвращаюсь в «Фишхук». Через трансо. Хочешь, присоединяйся.

Блэйн промолчал. Рэнд подал ему бокал.

— Ну, что скажешь? — спросил он.

Блэйн рассмеялся.

— Как у тебя все просто получается.

— А может, и в самом деле все просто,— ответил Рэнд.

Он осушил бокал и откинулся на спинку кресла.

— Ну, ладно, неземной разум — это я понимаю. Профессиональный риск любого исследователя. Но как ты впутался в дело со звездной машиной? Наверняка ты связался со Стоуном.

— Ты же знаешь, что Стоун мертв.

— Впервые слышу,— неубедительно удивился Рэнд.

И вдруг, по каким-то ноткам в голосе Рэнда, интуитивно Блэйн понял, что Рэнду все равно, умер ли Стоун и в городе ли Финн. Для него это не имело никакого значения. Или более того. Возможно, Рэнда устраивала смерть Стоуна, равно как и политика Финна. Потому что монополия «Фишхука» зиждется на «не-парапсихах», на «нормальном» мире, вынужденном обращаться к нему за инопланетными товарами. Так что «Фишхук» и Рэнд, естественно, с горечью осознал Блэйн, могут даже быть заинтересованы в том, чтобы крестовый поход Финна состоялся и достиг поставленной цели.

А если так, то убийцей Стоуна вполне мог оказаться не Финн, а «Фишхук».

Блэйн ужаснулся пришедшей мысли и попытался отбросить ее, но она не уходила — ситуация вырисовывалась куда сложнее, чем просто борьба между Финном и Стоуном.

— А вы не так уж быстро меня нашли, — сказал Блэйн. — Теряешь хватку, Рэнд? Или играешь со мной в кошки-мышки?

— Мы почти потеряли твой след, — нахмурился Рэнд. — Ты оторвался от нас в том городке, где тебя чуть не повесили.

— Ты и там был в ту ночь?

— Не я. У меня там есть люди.

— И вы собирались позволить меня повесить?

— Честно говоря, мнения тогда разделились. Но ты избавил нас от необходимости принимать решение.

— А если бы...

— Думаю, скорее всего, мы дали бы тебя повесить. Конечно, был шанс взять тебя и попытаться с твоей помощью выйти на звездную машину. Но в тот момент мы не сомневались, что сами сумеем ее найти.

Он пристукнул бокалом по столу.

— С ума сойти! — заорал он. — Такую машину везти в такой ржавой мышеловке! Как только...

— Все очень просто, — за Стоуна ответил Блэйн. — Никому бы и в голову не пришло. Ведь все живут по принципу: украл что-то очень ценное — тащи как можно быстрее, как можно дальше...

— И дураку ясно, — сказал Рэнд.

Он взглянул на Блэйна, увидел ухмылку на его лице и улыбнулся в ответ.

— Давай начистоту, Шеп, — предложил он. — Когда-то мы были друзьями. Я не исключаю, что мы и сейчас — хорошие друзья.

— Что ты хочешь узнать?

— Только что ты перенес куда-то машину.

Блэйн кивнул.

— И ты можешь вернуть ее обратно?

— Нет. Уверен, что не смогу. Это — своего рода шутка.

— Не надо мной ли?

— Над Ламбертом Финном.

— Ты его недолюбливаешь, а?

— Я с ним даже не знаком.

Рэнд снова наполнил бокалы. Отпил из своего половину и поставил его на стол.

— Мне пора, — он посмотрел на часы. — Очередной вечер у Шарлин. Не хочется лишать себя удовольствия. Уверен, что не хочешь со мной? Шарлин будет тебе рада.

— Спасибо, я лучше останусь. Передай привет Фредди.

— Фредди у нас больше не работает.

Блэйн встал и подошел с Рэндом к трансю. Рэнд открыл дверцу. Изнутри трансю походило на грузовой лифт.

— Как жаль,— сказал Рэнд, что их пока нельзя использовать в космосе. Столько рук освободилось бы.

— Наверняка над этим уже работают,— заметил Блэйн.

— Конечно. Осталось только отработать систему управления.

Он протянул руку:

— Счастливо, Шеп. До встречи.

— До свиданья, Кирби. Но я бы предпочел не встречаться.

Рэнд ухмыльнулся, вошел в аппарат и закрыл дверь. Не загорелись огни, ничто не загудело, машина будто бы не работала.

И в то же время Рэнд уже находился в «Фишхуке».

Блэйн повернулся к трансю спиной и направился назад, к креслу у камина.

В комнату вошел Грант, держа под мышкой полосатую накидку.

— То, что надо,— объявил он.— Совсем забыл о ней.

Он приподнял накидку и встряхнул ее.

— Потрясающе, а? — восторженно спросил он.

Накидка действительно была потрясающая. Из какого-то необыкновенного меха, она переливалась в отблесках камина, будто осыпанная алмазной пылью. Золотисто-желтого цвета с черными полосами по диагонали, накидка казалась скорее не меховой, а шелковой.

— Уж сколько лет валяется без дела,— сообщил Грант.— Один турист, живший у реки, в свое время заказал ее. А «Фишхук» ее сразу не сумел найти, а когда доставил мне, было поздно. У них всегда так, сэр, вы, наверное, знаете.

— Знаю,— подтвердил Блэйн.

— Тот человек так и не появился. А у меня рука не поднялась отослать такой чудесный мех обратно. Он у меня проходит по накладной, я делаю вид, что смогу его продать. Хотя это, конечно, не так. Такому задрипанному городишке этот мех не по карману.

— А что это?

— Самый теплый, легкий и мягкий мех во Вселенной. Туристы берут его вместо спальных мешков.

— Меня устроило бы обычное одеяло.— запротестовал Блэйн.— Мне неудобно...

— Прошу вас,— настаивал Грант.— Сделайте мне одолжение, сэр. Мне так неловко, что я не могу устроить вас как следует. Но если я буду знать, что вы укрыты этим роскошным мехом...

Блэйн рассмеялся и взял накидку. Она почти ничего не весила.

— Мне еще надо поработать,— сказал посредник.— Так что, с вашего позволения, я пойду. А вы устраивайтесь, где удобно...

— Спасибо,— поблагодарил Блэйн.— Сейчас выпью еще и лягу. Не выпьете со мной?

— Позже,— сказал посредник.— Я всегда пропускаю рюмочку перед сном.

— Тогда я оставлю бутылку.

— Спокойной ночи, сэр. Утром я зайду к вам.

Блэйн уселся обратно в кресло, положив накидку на колени. Он провел по меху рукой — мех был такой нежный и теплый, что казался живым.

Потягивая виски, Блэйн пустился в размышления о Рэнде.

Рэнд, по всей видимости, был самым опасным человеком на всем земном шаре — хотя Стоун самым опасным человеком считал Финна. Рэнд был опасен как личность, гладкий бульдог с мертвой хваткой, человек-ищетка, претворяющий политику «Фишхука» как божественные предначертания. Каждому, кого «Фишхук» объявлял врагом, Рэнд становился смертельно опасен.

И все же он не стал заставлять Блэйна возвращаться с собой. Его приглашение было светским и мимолетным, а отказ Блэйна на вызвал у него ни раздражения, ни видимого недовольствия. Он не попытался применить силу. Впрочем, решил Блэйн, причиной тому, скорей всего, что Рэнд просто не знал, с чем имеет дело. Идя по следу, он узнал достаточно для того, чтобы понять, что у того, кого он преследует, есть способности, «Фишхуку» совершенно неизвестные.

Поэтому каждый шаг он делал медленно и осторожно, стараясь изобразить незаинтересованность. Однако Блэйн знал, что Рэнд не такой человек, чтобы отступить.

Да, Рэнд припрятал какой-то козырь. Но какой?

В том, что ловушка уже готова, а приманка положена, сомнений не оставалось.

Тихо сидя в кресле, Блэйн допил бокал.

А не глупость ли — остаться на ночь в фактории? Может, лучше встать и уйти? Хотя Рэнд мог именно на такой шаг и рассчитывать, и ловушка поджидает меня не здесь, а на улице. Возможно, эта комната — самое безопасное для меня место сегодня ночью.

Мне нужен кров, но ведь спать необязательно. Что, если быть здесь, но не спать? Можно завернуться в накидку, лечь на пол и притвориться спящим. И в то же время следить за Грантом. Поскольку если западня именно в этой комнате, то захлопнуть ее должен только Грант.

Он опустил свой бокал на столик рядом с недопитым бокалом Рэнда. Затем пододвинул к ним бутылку — получился набор из двух бокалов и бутылки. Блэйн взял накидку под мышку, подошел к камину и кочергой пошевелил поленья, которые начали уже затухать.

Я лягу здесь, решил Блэйн, у огня, чтобы свет падал за меня, в комнату.

Он аккуратно расстелил накидку, сложил пиджак под голову и улегся, скинув туфли. Лежать на накидке было мягко и удобно, как на перине. Он завернул края на себя, и накидка плотно облегла его, как спальный мешок. Блэйн почувствовал себя так уютно, как в детстве, когда он нырял в теплую постель под одеяло, укрываясь в своей комнатке от ночного зимнего мороза.

Он лежал на полу, взглядываясь в темноту складского помещения, различая очертания бочек, мешков и коробок. И, лежа в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием огня в камине, он вдруг уловил в воздухе какой-то слабый аромат — тот самый, неопишуемый словами запах, свойственный неземным вещам. Не резкий и не экзотический, ничем вроде бы не выделяющийся, и все же запах, которого не Земле нет: сочетание пряности и ткани, дерева и пищи, всего того, что привозится со звезд. И только малая толика — тут, на маленьком складе небольшой фактории. Но за этой факторией — грандиозные склады «Фишхука», откуда в считанные мгновенья, благодаря стоящему в углу трансo, может быть доставлен любой товар.

Но это лишь часть привозимого со звезд — незначительная часть, которую можно купить, которой можно владеть.

Основная же доля операций «Фишхука» — сбор и хранение идей и знаний из глубин космоса — проходила почти незаметно для большинства. А в фишхукских университетах ученые со всего света изучали эту информацию, пытались ее связать, обобщить и найти ей применение, с тем чтобы в будущем эти понятия и знания определили ход развития и даже судьбу всего человечества.

А кроме этой, предоставленной ученым информации, существовали еще секретные архивы, скрытые за дверцами непреступных сейфов, доступ куда имели

в лучшем случае лишь самые доверенные группы людей и отдельные лица...

Позади, прогорев, с треском рассыпались обугленные поленья. Блэйн повернулся поглядеть на них... Вернее, попытался повернуться.

И не смог.

Что-то было не так.

Каким-то образом он оказался закутанным в накидку слишком туго.

Он попробовал вытащить руки и ослабить ее, но не сумел сделать ни того, ни другого.

Накидка держала его мягкой, но неослабевающей хваткой.

Никакой веревкой нельзя было связать его более надежно. Совсем неожиданно для него накидка превратилась в смирительную рубашку и намертво спеленала его.

Блэйн замер на спине, холодея от страха и чувствуя, как пот скатывается по лбу ему на глаза.

Да, ловушка была расставлена.

Он ждал ее.

Он был настороже.

И все же, не подозревая, что делает, он сам, собственными руками обернул ловушку вокруг себя!

Глава двадцать пятая

Перед тем как войти в транс, Рэнд сказал: «До встречи». Сказал весело и с уверенностью. У него были на то основания, с горечью подумал Блэйн, он все рассчитал. Рэнд предусмотрел каждый шаг и спланировал все до мельчайших деталей. Нашел идеальный способ арестовать человека, которого немного побаиваешься и от которого не знаешь, чего ожидать.

Вытянувшись, Блэйн лежал на полу без движений — лишенный возможности пошевелиться сковавшей его накидкой. Вернее, не накидкой — это было одно из тех открытий, которые «Фишхук» придерживает для особых случаев. Не сомневаясь, что такие случаи представятся.

Блэйн порывлся в памяти, но ничего хотя бы отдаленно связанного с подобным созданием не нашел — а это, конечно, было какое-то существо-паразит, способное бесконечно долго лежать тихо и расслабленно, как накидка, и пробуждаться, ощутив под собой что-либо живое и теплое.

В данном случае добычей стал он, и, возможно, скоро этот мех начнет пожирать его или усваивать его любым другим образом. Что пытаться освобо-

даться силой бесполезно, было ясно — при каждом его движении хватка становилась еще крепче.

Он снова заглянул в память и вдруг нашел — увидел: мрачная, хаотичная планета, переплетающаяся растительность, непонятные, колышущиеся, ползающие, вьющиеся обитатели. Жуткое место, смутно просматривающееся сквозь туман памяти. Но самое поразительное заключалось в другом: даже извлекая информацию из памяти, Блэйн точно знал, что эти воспоминания не его. Он никогда не был на той планете и никогда ни с кем о ней не разговаривал. Правда, он мог видеть это когда-то по дименсино и теперь вспомнить давно забытое.

Картина перед его мысленным взором становилась все четче, будто некий кинемеханик у него в мозгу регулировал резкость изображения, и теперь он с необычайной ясностью мог разглядеть каждую леденящую кровь подробность из жизни обитателей инопланетных джунглей. Эти ползущие, пзвивающиеся существа были ужасны и омерзительны, и ст них веяло лютой, холодной яростью, жестокостью безразличия и непонимания, руководимой только первобытными чувствами голода и ненависти.

Блэйн замер, пораженный тем, что увидел. Ему казалось, что он действительно там, будто часть его лежит на полу у камина, а другая половина в самом деле находится в этих жутких джунглях.

Ему послышался шорох, вернее, та половина в джунглях услышала шум, и та половина поглядела на дерево, слишком, впрочем, уродливое, колючее и гадкое, чтобы называться деревом. Над ним, приготовившись упасть на него с ветки, висел мерцающий алмазной крошкой мех.

Блэйн закричал, или ему показалось, что он закричал, и планета с ее обитателями тут же растаяла, будто чья-то рука у него в мозгу вывела объектив проектора из фокуса.

Он опять — весь, полностью — лежал в своем мире, где был и камин, и склад, и транс в углу. Дверь из склада открылась, и в комнату вошел Грант.

Он аккуратно прикрыл за собой дверь и, повернув свое массивное, широкое тело, уставился на лежащего на полу человека.

— Мистер Блэйн, — тихо позвал он. — Мистер Блэйн, вы спите?

Блэйн промолчал.

— У вас открыты глаза, мистер Блэйн. Что-нибудь случилось?

— Ничего, — ответил Блэйн. — Просто лежу и думаю.

— И приятные мысли, мистер Блэйн?

— Великолепные.

Двигаясь по-кошачьи осторожно, Грант подошел к столу, взял со стола бутылку, вставил горлышко в рот и забулькал.

— Может, вы встанете, мистер Блэйн,— опустив бутылку, предложил он.— Посидим, поболтаем, выпьем. Мне не часто выпадает случай поговорить с кем-то. Конечно, сюда заходят покупатели, но со мной они разговаривают не больше, чем необходимо.

— Спасибо, я лучше полежу. Мне удобно.

Грант отошел от окна и сел в одно из кресел у камина.

— Как жаль,— сказал он,— что вы отказались вернуться в «Фишхук» вместе с мистером Рэндом. «Фишхук» — потрясающее место.

— Да-да, вы правы,— не слушая, автоматически ответил Блэйн.

Он понял — наконец понял,— откуда взялось воспоминание о планете. Он получил ее из систематизированного архива, подаренного ему Розовым. Конечно же, не он, а Розовый побывал на той планете.

В памяти были не только цветные картинки с видами планеты. Там также хранилась полная информация о ней и жизни на ее поверхности. Но данные эти не были еще разобраны и подобраться к ним никак не удавалось.

Самодовольно улыбаясь, Грант откинулся на спинку кресла.

Он протянул руку и постучал пальцами по накидке. Раздался приглушенный барабанный звук.

— Как вам это нравится, мистер Блэйн? — осведомился он.

— Я тебе расскажу, когда освобожу руки,— пообещал Блэйн.

Грант встал с кресла и направился к столу, делая вид, что старается обойти Блэйна подальше. Взяв бутылку, он сделал еще глоток.

— Вам не удастся освободить руки,— сообщил он,— потому что ровно через минуту я запихну вас в транс, и вы окажетесь в «Фишхуке».

Он хлебнул еще и опустил бутылку.

— Не знаю, что вы натворили. И не знаю, зачем вы им понадобились. Но у меня есть приказ.

Он опять приподнял бутылку, затем передумал и поставил ее на середину стола. Потом подошел к Блэйну.

Блэйн увидел новую картину: другая планета, дорога, по которой идет существо, непохожее ни на что, им когда-либо виденное. Нечто вроде ходящего кактуса, только не кактус, и вообще вряд ли растение.

Но ни существо, ни дорога не имели значения. Значение имело то, что по пятам за существом неуклюже припрыгивало с полдюжины «накидок».

Охотничьи собаки, подумал Блэйн. Кактус — охотник, а они — его охотничьи собаки. Или ловец и ловушка. «Накидки», вывезенные с планеты джунглей каким-то бродячим торговцем, выдержавшие космическую радиацию и нашедшие применение на этой планете.

В мозгу у него пульсировало еще что-то — какая-то фраза, фраза на неземном языке, возможно, на языке кактусовидного существа. Она казалась бессмысленной, можно было сломать язык, воспроизводя ее, однако, когда Грант склонился над ним и протянул к нему свои лапы, чтобы поднять его, Блэйн что было силы выкрикнул эту фразу.

И сразу же мех отпустил его. Освободившись, Блэйн рывком катнулся под ноги наклонившемуся над ним посреднику.

Взревев от ярости, Грант рухнул лицом об пол. Блэйн вскочил на ноги и забежал за стол.

Грант медленно встал с пола. Кровь капала из разбитого носа и сочилась с ободранных костяшек руки.

Он сделал быстрый шаг вперед, и лицо его исказила гримаса двойного страха — страха перед человеком, который сумел освободиться от мертвых объятий «накидки», и страха за проваленное задание.

Наклонив голову, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами, он бросился на Блэйна. Отчаяние удвоило его и без того достаточную силу и мощь, заставив его забыть о собственной безопасности.

Блэйн уклонился, но немного не рассчитал, и вытянутая рука Гранта скользнула по его плечу, и толстые пальцы судорожно вцепились в его рубашку. Рывок чуть было не вывел Блэйна из равновесия, но тут материал не выдержал и с громким треском разорвался.

Грант пролетел мимо, затем, хрипло рыча, снова бросился на Блэйна. Вкладывая в удар весь свой вес, Блэйн взмахнул кулаком и услышал хрустящий лязг челюсти. По крупному телу Гранта пробежала дрожь, и он пошатнулся.

Блэйн наносил удар за ударом, чувствуя, как немеют руки, как переставшие ощущать боль кулаки сотрясают Гранта, отбрасывая его все дальше и дальше.

Хотя в нем был и гнев, вовсе не гнев заставлял его безжалостно избивать Гранта, и не страх, и не самоуверенность. Им руководил простой и трезвый расчет:

или он добьет стоящего перед ним человека, или ему конец.

От беспощадного удара в голову Грант дернулся назад. Тело обмякло, как будто из него враз исчезли все кости и мышцы. С глухим стуком Грант рухнул на пол и так и остался лежать тряпичной куклой, из которой вытряхнули опилки.

Блэйн позволил рукам расслабленно повиснуть и тут же ощутил саднящую боль в костяшках пальцев и перенапряженных мускулах.

Как же у меня получилось, недоуменно подумал Блэйн, голыми руками превратить такого громилу в окровавленное месиво? Просто повезло, и я нанес первый и точный удар. А то, что он нашел ключ, отпирающий «накидку», — это тоже везение?

Нет, то была не удача, а нужная и своевременная информация из архива, вложенного в его мозг за пять тысяч световых лет отсюда существом, обменявшимся с ним разумами.

Блэйн взглянул на Гранта. Тот по-прежнему не шевелился.

А что делать теперь?

Конечно, надо как можно скорей уходить. Еще немного, и из транс выйдет какой-нибудь сотрудник «Фишхука», чтоб узнать, почему не приходит столь замечательно упакованная посылка.

Ничего, я снова убегу, с горечью подумал Блэйн. Что-то, а убежать научился. Уже почти месяц бегу, и конца этому не видно. Но однажды, он знал это, бег придется прекратить. Где-то надо будет остановиться, пусть хотя бы для того, чтоб не потерять самоуважения.

Это время еще не пришло. Сегодня я снова убегу, но это будет побег во имя цели. Сегодня побег ему кое-что принесет.

Он шагнул к столу, чтобы взять бутылку, и наткнулся на валяющуюся на полу «накидку». Он со злостью пнул ее, и она, легко взмыв в воздух, упала бесформенным комом прямо в камин.

Схватив бутылку, Блэйн направился к сложенным киям товаров.

Он потрогал один из мешков и убедился, что в нем что-то сухое и мягкое. Затем он вылил на него содержимое бутылки и отбросил ее на середину комнаты.

Из камина Блэйн совком достал горящих углей и высыпал их на смоченный виски мешок.

Заплясали маленькие синеватые язычки пламени. С треском огонь начал расти и расползаться.

Теперь не погаснет, подумал Блэйн.

Еще пять минут, и загорится вся фактория. Склад превратится в ад, и пожар уже никакими силами нельзя

будет остановить. Трансо оплавится и деформируется, и дорога в «Фишхук» будет закрыта.

Наклонившись, он ухватил Гранта за воротник, подтащил его к двери и выволок во двор, футов за тридцать от здания.

Грант застонал, попытался встать на четвереньки, но снова рухнул на землю. Блэйн оттащил его еще на десяток футов и бросил. Грант что-то пробормотал и зашевелился, но встать не смог.

Блэйн вышел на дорогу и минуту постоял, приглядываясь. Окна фабрики все больше озарялись красными отблесками.

Блэйн отвернулся и зашагал вперед.

А сейчас, сказал он себе, самое время нанести визит Финну. Скоро в городке заметят горящую фабрику, начнется паника, и полиции будет не до разрушителей комендантского часа.

Глава двадцать шестая

На ступеньках отеля, глядя на ревущее пламя пожара всего в двух кварталах от них, толпились люди. На Блэйна внимания никто не обратил. Полиции видно не было.

— Опять «гориллы» поработали, — обронил кто-то.

— Не понимаю их, — поддержал его другой. — Днем они идут туда и покупают что им надо, а ночью возвращаются и устраивают пожар.

— Ума не приложу, — продолжил первый, — как «Фишхук» мирится с этим. Нельзя же просто смотреть и ничего не делать.

— «Фишхуку» наплевать, — возразил ему его собеседник. — Я пять лет провел в «Фишхуке». Там вообще ничего нельзя понять.

Репортер, решил Блэйн. Завтра должна состояться проповедь Финна, и поэтому отель забит репортерами. Он поглядел на того, кто провел пять лет в Фишхуке, но не узнал его.

Блэйн поднялся по ступеням и вошел в пустое фойе. Чтобы никто не обратил внимания на его ободранные кулаки, он засунул руки в карманы пиджака.

Отель явно был не из новых, а мебель в фойе, по всей видимости, не менялась с незапамятных времен. И вообще отель производил впечатление увядающего, старомодного заведения, кислотовато пахнущего сотнями людей, которые провели недолгие часы под его крышей.

Несколько человек сидели в креслах, читая газеты или просто со скучающим видом глядя в пустоту.

Блэйн взглянул на часы над окошком администратора. Было одиннадцать тридцать.

Блэйн прошел мимо, направляясь к лифту.

— Шеп!

Блэйн резко повернулся.

С трудом подняв из огромного кожаного кресла грузное тело, через фойе к нему направился человек.

Блэйн стоял на месте, ожидая, пока тот подойдет к нему, и все это время по спине у него бегали мурашки.

Толстяк протянул ему руку.

Блэйн показал ему свою, вынув ее из кармана. «Споткнулся впотьмах».

— Надо бы промыть ссадину,— посоветовал толстяк.

— Я как раз собирался этим заняться.

— Забыл меня, что ли? Боб Коллинз,— напомнил свое имя толстяк.— Мы несколько раз встречались в «Фишхуке». В баре «Красный призрак»

— Ну как же,— смущенно ответил Блэйн.— Вспомнил. А то смотрю — что-то знакомое. Как поживаешь?

— Нормально. Правда, злой, как черт, что меня выдернули из «Фишхука» на эту ерунду, но — такое ремесло. Газетчик должен быть ко всему готов.

— Будешь писать про Финна?

Коллинз утвердительно кивнул.

— А ты?

— А я хочу поговорить с ним.

— Считаю, что тебе дико повезло, если к нему прорвешься. Он в двести десятом. А у его дверей сидит здоровенный мордоворот.

— Думаю, он меня примет.

Коллинз наклонил голову набок:

— Я слышал, ты сбежал. Пустили такую утку.

— Все верно.

— Ты неважно выглядишь,— сказал Коллинз.— Не сочти за обиду, но если тебе нужно одолжить немного денег...

Блэйн рассмеялся.

— Ну, может, выпьем?

— Нет. Я спешу к Финну.

— Ты что, теперь с ним?

— Не совсем...

— Слушай, Шеп, в «Фишхуке» мы с тобой считались приятелями. Скажи, что тебе известно. Хотя бы что-то. Хороший репортаж — и я опять в «Фишхуке». А это для меня — все.

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Шеп, я слышал много разных сплетен. Будто бы у реки под откос полетел фургон. Будто в этом фург-

гоне везли нечто чрезвычайно для Финна важное. Он сам заявил, что сделает перед прессой сенсационное сообщение. И что-то продемонстрирует. Говорят, это будет звездная машина. Неужто звездная машина, Шеп? Никто не знает наверняка.

— Я тоже ничего не знаю.

Коллинз подошел к нему поближе и, снизив голос до хрипловатого шепота, сказал:

— Дело очень серьезное, Шеп. Если Финн получил то, что хотел. Он уверен, что теперь у него есть то, что поможет ему разгромить параспихов, всех и каждого в отдельности, всю паракинетику вообще. Он ждал этого момента не один год. Не просто ждал, а делал свое дело. Подлое дело, конечно. Проповедуя повсюду ненависть. Это провокатор первого класса. Ему не хватало только этого «чего-то». Дай ему это «что-то», и он победит. А на то, как он это сделает, весь мир будет смотреть сквозь пальцы. Еще немного, и с параспихов начнут живьем сдирать шкуры.

— Не забывай, что я тоже параспих.

— И Ламберт Финн тоже. Был.

— Сколько же вокруг ненависти,— устало произнес Блэйн.— Сколько презрительных ярлыков и оскорблений. Реформисты называют паранормальных людей параспихами, а те их в свою очередь зовут гориллами. А таким, как ты, плевать. Тебе все равно. Сам ты охотиться на людей не пойдешь. Но напишешь об этом. И размажешь человеческую кровь по газетной странице. И тебе не важно, чья это кровь, лишь бы кровь.

— Господь с тобой, Шеп...

— Хорошо, я скажу тебе кое-что. Можешь написать, что Финну нечего показывать и нечего сказать. Можешь написать, что он трясется от страха. Напиши, что его как следует щелкнули по носу...

— Шеп, ты меня разыгрываешь!

— Он не осмелится показать то, что у него есть.

— А что это?

— Нечто такое, что превратит Финна в круглого идиота. Он ни за что это не покажет. Завтра утром в мире не будет человека испуганней Ламберта Финна.

— Я не могу этого написать. Ты же знаешь, что не могу...

— Завтра в полдень,— сказал Блэйн,— об этом будут писать все. Если ты начнешь немедленно, то успеешь в последний утренний выпуск. Ты обскачешь всех — если у тебя хватит смелости.

— Ты абсолютно уверен? Ты не...

— Решайся. Я ручаюсь за каждое слово, которое сказал. Остальное — твое дело. А мне пора.

Но Коллинз еще колебался.

— Спасибо, Шеп,— поблагодарил он.— Огромное спасибо.

Блэйн обошел лифт и стал подниматься по лестнице пешком.

Выйдя на второй этаж, по левой стороне в конце коридора он увидел у двери номера сидящего в кресле человека.

Блэйн двинулся прямо к нему. Когда он приблизился, телохранитель встал.

— Минуточку, мистер,— преградил он рукой дорогу Блэйну.

— Мне срочно нужен Финн.

— Вам туда нельзя, мистер.

— Тогда передайте ему...

— Сейчас я ничего не передам.

— Скажите, что я от Стоуна.

— Но ведь Стоун...

— Просто скажите, от Стоуна.

Некоторое время телохранитель стоял в нерешительности, потом опустил руку.

— Ждите здесь,— сказал он.— Я пойду спрошу. И без фокусов.

— Не волнуйтесь. Я подожду.

Он остался один, размышляя, правильно ли поступил. В сумраке плохо освещенного коридора вновь всплыли старые сомнения. Не лучше ли, подумал он, дать задний ход, пока не поздно.

Появился телохранитель.

— Стойте спокойно,— приказал он.— Я должен вас обыскать.

Опытные руки быстро заскользили вдоль тела Блэйна в поисках ножа или пистолета.

Наконец охранник удовлетворенно кивнул:

— Все в порядке. Можете заходить. Я останусь за дверью.

Охранник открыл дверь, и Блэйн вошел.

Комната была обставлена как гостиная. Спальня располагалась за ней.

В углу комнаты стоял стол, за которым сидел высокий человек в одеждах траурно-черного цвета с белым шарфом на шее. Его по-лошадиному вытянутое, костлявое лицо могло бы показаться измученным, если б не пугающее выражение одержимости.

Блэйн твердой походкой шел вперед, пока не оказался у самого стола.

— Так ты Финн,— сказал он.

— Ламберт Финн,— поправил его тот низким голосом профессионального оратора, который, даже отдыхая, не может не быть оратором.

Блэйн достал руки из карманов и положил их на

край стола. Он увидел, что Финн глядит на запекшуюся кровь и грязь.

— Тебя зовут, — произнес Финн, — Шепард Блэйн, и я знаю о тебе все.

— И даже то, что я собираюсь тебя убить?

— Даже и это, — подтвердил Финн. — По крайней мере, я это могу предположить.

— Но не сегодня, — сказал Блэйн, — потому что завтра я хочу посмотреть на твое лицо. Хочу увидеть, как ты все завтра проглотишь и переваришь.

— И это все, зачем ты пришел? Больше тебе нечего сказать?

— Странно, — признался Блэйн, — но в данный момент никакого другого повода мне на ум не приходит. Я даже не могу объяснить, зачем, собственно, я пришел.

— Может, предложить сделку?

— Это мне и в голову не приходило. У тебя нет ничего, что бы ты мог мне дать.

— Может, и так, мистер Блэйн, но зато у вас есть то, что нужно мне. За что я готов прилично заплатить. Не отвечая, Блэйн смотрел на него.

— Ты участвовал в похищении звездной машины, — сказал Финн. — Я хочу знать цели и задачи. Мне нужно сложить куски воедино. Твой рассказ может стать отличным свидетельством.

— Однажды я уже был в твоих руках, — хмыкнул Блэйн, — но ты дал мне ускользнуть.

— Все этот трусливый доктор! — яростно воскликнул Финн. — Испугался шума, побоялся за репутацию своей больницы.

— Лучше надо подбирать людей, Финн.

— Ты мне не ответил, — нахмурился Финн.

— Это насчет сделки? Дорого обойдется. Слишком дорого.

— Я могу заплатить. А тебе деньги необходимы. У тебя нет ни гроша, а «Фишхук» висит на пятках.

— Всего час назад, — сказал Блэйн, — «Фишхук» меня связал и собирался убить.

— Но ты убежал, — произнес Финн, кивая. — И убежишь в следующий раз. И еще раз, может быть. Но «Фишхук» никогда не остановится. При теперешнем положении вещей у тебя нет никакой надежды.

— Разве только у меня? А у кого она есть? Может быть, у тебя?

— Я говорю только о тебе. Ты знаком с некой Гарриет Квимби?

— Очень близко.

— Так вот, — ровным голосом сказал Финн, — она агент «Фишхука».

— Ты с ума сошел! — закричал Блэйн.

— Успокойся и обдумай это. Думаю, ты согласишься, что это правда.

Они стояли, глядя через стол друг на друга, и молчание стояло между ними словно живое существо.

Вдруг в мозгу Блэйна вспыхнула мысль: а не убить ли его сейчас?

Убить его будет совсем нетрудно. Такого убивать легко. Не только за его убеждения, но и его самого как личность.

Для этого надо только вспомнить о расползающейся по земле ненависти. Для этого надо только закрыть глаза и представить качающееся среди ветвей тело, покинутый лагерь, где вместо крова — растянутое на кольях одеяло и на обед — рыба на сковородке; указывающие в небо обгорелые пальцы печных труб.

Он поднял руки со стола, затем опустил их обратно.

И, не задумываясь, неожиданно для себя, совершенно непредвиденно он сделал то, что никогда не сделал бы. И уже делая это, он знал, что это делает не он, а тот, другой, спрятавшийся у него в мозгу.

Потому что то, что он сделал, никогда не сделал бы ни один человек на свете.

Очень спокойно Блэйн произнес:

— Меняюсь с тобой разумами.

Глава двадцать седьмая

Высоко в небе луна плыла над обрывами, а в речной долине беспокойно ухала сова, временами перемежая уханье с самодовольным хихиканьем, и ее крики гулко разносил свежий от начинающегося морозца ночной воздух.

На краю кедровой рощи Блэйн остановился. Деревья, вцепившись корнями в землю, скрючились, изогнулись и были похожи на старых, горбатых гномов. Блэйн замер, прислушиваясь, но слышно было только уханье совы, и слабый шелест упрямых листьев, никак не желающих облетать с ветвей стоящих под холмом тополей. И еще один звук, настолько слабый, что трудно было решить, действительно ли он слышится или нет, — далекий, едва различимый шепот эльфа, а на самом деле голос могучей реки, несущей свои воды вдоль подножий залитых лунным светом обрывов.

Блэйн присел на корточки, укрывшись под разлапистыми кедрами, и снова сказал сам себе, что погони за ним нет, что его никто не преследует. «Фишхук» временно выведен из строя, потому что сгорела фак-

тория. А Ламберт Финн... В данный момент — кто угодно, только не Ламберт Финн.

Без малейшей жалости Блэйн вспомнил выражение глаз Финна, когда он обменялся с ним разумами: остекленевший, полный ужаса взгляд, ошеломленный этим непрошенным вторжением, этим сознательным осквернением могущественного жреца и великого пророка, рядящего свою ненависть в тогу религии или того, что Финн пытался выдать за религию.

— Что ты сделал! — закричал он тогда, охваченный страхом. — Что ты со мной сделал!

Потому что его коснулись и обжигающий холод чужого разума, и его абсолютная бесчеловечность, и ненависть, исходящая от самого Блэйна.

— Все! — объявил ему Блэйн. — Отныне ты уже не Финн. И человек ты тоже только отчасти. Теперь ты частично я, частично — существо, которое я нашел в пяти тысячах световых лет отсюда. И я очень надеюсь, что теперь придет конец тебе и твоим проповедям.

Финн открыл рот и снова закрыл его, не произнеся ни звука.

— А сейчас я уйду, — сказал ему Блэйн, — и ты, во избежание недоразумений, меня проводишь. Ты обнимешь меня, как вновь обретенного брата. И по дороге будешь говорить со мной, как с наилюбимейшим другом детства, а если это у тебя не получится, я сумею объяснить, во что ты превратился.

Финн стоял в нерешительности.

— Во что ты превратился, — повторил Блэйн. — И репортеры внизу запишут каждое слово.

Этого довода для Финна оказалось достаточно, более чем достаточно.

И они вместе прошли по коридору, спустились по лестнице, пересекли фойе, а репортеры ошарашенно глядели на нежно держащих друг друга под руки, оживленно беседующих друзей.

Они вышли на улицу, озаренную все еще полыхающей факторией, и двинулись, будто прогуливаясь и обмениваясь пожеланиями напоследок, по тротуару.

А затем Блэйн скользнул в переулок и побежал в сторону обрывистого берега реки.

И снова я бегу, подумал Блэйн, просто бегу, не имея никакого плана. Правда, были и передышки, и я все же нанес пару ударов по планам Финна. Лишил его наглядного пособия, с помощью которого он собирался доказать злонамеренность и вредоносность паракинетиков; влил в его разум новые сознания; и теперь что бы Финн ни делал, он уже никогда не сможет быть узколобым эгоманьяком, как раньше.

Блэйн присел и прислушался, но, кроме голосов

реки, совы и тополиных листьев, ничего не было слышно.

Он медленно встал на ноги и тут услышал новый звук — вой хищника, голос клыков и когтей. Блэйн застыл, не в силах пошевелиться. Этот вой разбудил в нем страх, который люди пронесли через столетия — из пещер каменного века до дней нынешних.

Собака, наверное, попытался он успокоить сам себя, или койот. Не оборотень же. Оборотней не бывает.

И все же инстинкт, которому он с трудом сопротивлялся, кричал ему: беги, не раздумывая, спрячься, спрячься где угодно, лишь бы укрыться от крадущейся сквозь лунную ночь опасности.

Он стоял напрягшись, в ожидании, что вой повторится, но больше тишину ничто не нарушало. Он расслабил окаменевшие мышцы и стянутые в узлы нервы и снова стал почти самим собой.

Если бы я верил, если хотя бы наполовину верил, я бы побежал, подумал Блэйн. Что может быть проще — поверил и побежал. Это-то и делает людей наподобие Финна столь опасными. Они играют на инстинктах, которые лежат почти на поверхности, под самой кожей, — на страхе, следом за которым идет ненависть.

Выйдя из кедровой рощи, он осторожно пошел низом, вдоль обрыва. Идти здесь при свете луны, как он вскоре понял, оказалось непросто. Он то и дело натыкался на камни, попадал в ямы, где ничего не стоило сломать ногу.

Он снова подумал о том, что не давало покоя с тех пор, как он поговорил с Финном.

Финн сказал, что Гарриет Квимби — агент «Фишхука».

Нет, этого не может быть — кто как не Гарриет помогла мне бежать из «Фишхука».

И все же... Она была со мной в том городке, где меня чуть не повесили. Она была со мной, когда убили Стоуна. Она была, когда я залез в дорожный гараж, где меня поймал Рэнд.

Блэйн попытался загнать эти мысли в подсознание, но они продолжали выползать наружу, преследуя его.

Чепуха. Гарриет — и вдруг агент. Журналистка высшего класса; надежный товарищ; когда нужно, решительна и хладнокровна. Конечно, если бы она захотела, из нее вышел бы отличный шпион — но ей это просто чуждо. Вероломство не в ее характере.

Берег пересекал глубокий овраг, уползающий вниз, к реке. На краю оврага росло несколько изогнутых деревьев.

Блэйн обогнул рощицу понизу и сел на землю.

Внизу под ним неслась река, и в ее черных водах поблескивали серебряные искры, а лес в долине казался еще чернее. По обоим берегам белесыми горбатыми призраками выстроились холмы.

Сова замолчала, но рокот стал громче, и если прислушаться, можно было различить, как журчит вода, омывая песчаные отмели и прорываясь сквозь кроны рухнувших деревьев, чьи корни еще цеплялись за берег.

А здесь неплохо будет заночевать, подумал Блэйн. Правда, у меня нет ни одеяла, ни пледа, но деревья и согреют меня и спрячут. И потом, за весь день я впервые оказался действительно в безопасном месте.

Забравшись в густую поросль, он стал устраиваться. Пришлось вывернуть несколько камней, убрать в сторону обломленный сук. Потом, орудуя на ощупь в темноте, он сгреб в кучу несколько охапок листьев и, только закончив все приготовления, подумал о гремучих змеях. Хотя, сказал он себе, для гремучих змей стало слишком прохладно.

Он сжался в комок на куче листьев. Оказалось совсем не так удобно, как он рассчитывал. Впрочем, ему не так долго здесь лежать. Скоро взойдет солнце.

Блэйн тихо лежал в темноте, а его сознание, как на экране, снова и снова прокручивало события прошедшего дня — мысленно подводило итоги, чему он тщетно пытался положить конец.

Отдельные кадры и сюжеты истекших, наполненных событиями суток беспрерывно сменяли друг друга, теряя реальность, превращаясь в видения.

Как же их остановить, мучился Блэйн, как заставить себя думать о чем-то другом?

Но помимо воспоминаний в нем было еще нечто — разум Ламберта Финна.

Он осторожно попытался заглянуть в него и тут же отпрянул, словно наткнувшись на тугую змеинный клубок ненависти, страха и коварства. А в самом центре этой массы — голый ужас, превративший наблюдателя с Земли в визжащего маньяка, который вышел из своей звездной машины с пеной у рта, выпученными глазами и скрюченными пальцами, ужас другой планеты.

Планета была отвратительной и мерзкой. Он увидел нечто абсолютно враждебное чему-либо человеческому. Оно кричало, выло, визжало. Оно жадно тянулось к нему своей мертвой головой. Все было нерезко, расплывчато; нельзя было разобрать деталей, и лишь волной накатывалось чувство всепоглощающего бездонного зла.

Блэйн отшатнулся, вскрикнув, и его крик оттолкнул, заслонил это средоточие ужаса.

Но он успел ухватить другую, какую-то неуместную, мимолетную мысль.

Мысль о Дне всех святых.

Блэйн взялся за нее покрепче, стараясь отделить бесконечную ленту воспоминаний от дорожки с инопланетным кошмаром.

День всех святых — мягкий октябрьский вечер; по улицам, освещенным уличными фонарями или необычно огромной полной луной, будто специально подплывшей к Земле поближе, чтоб ничего не пропустить, стелется дым сжигаемых листьев. Раздаются высокие, звонкие детские голоса и топот бегущих ног — будто веселые гоблины, пища и повизгивая от удовольствия, водят шумные хороводы. Огни над дверьми гостеприимно приглашают ряженных, и то заходят, то выходят закутанные в накидки фигуры, таща с собой все распухающие мешки с подношениями.

Все вспомнилось Блэйну до мельчайших деталей, будто это было только вчера, когда он, счастливый мальчишка, с криками носился по городу. И как же давно это было на самом деле, подумал он.

Это было еще до того, как страх загустел и разросся, когда к магии относились еще с улыбкой и находили ее забавной и когда еще умели веселиться в День всех святых. А родители не боялись вечером выпускать детей из дома.

Сегодня такое даже трудно себе представить. Теперь в День всех святых на двери ставят двойные запоры, закупоривают дымоход, а на окна вывешивают самые надежные заклинания против злых духов.

Жаль, подумал Блэйн. Сколько было радости. Однажды в канун Дня святых они с Чарли Джоунсом приделали постукалочку к окну старика Чендлера. Притворяясь донельзя разгневанным, старик выбежал с воплями на крыльцо и сделал вид, что заряжает свой дробовик. Они с такой скоростью помчались прочь, что свалились в канаву за домом Льюиса.

А еще был случай — такой случай... Больше ни о чем Блэйн подумать не успел...

Глава двадцать восьмая

Блэйн проснулся от холода и судорог в затекших мышцах и растерялся, не понимая, где он. Глядел на переплетенные над собой ветви, которые никак не мог вспомнить. И лишь постепенно начал осознавать, кто он и где находится.

И почему.

И то, что скоро День всех святых.

Он резко выпрямился и ударился головой о ветки.

С Днем всех святых была связана не просто случайная мысль.

С Днем всех святых был связан целый заговор!

Он застыл, обуреваемый негодованием и ужасом.

Как просто и в то же время дьявольски хитро — именно такой гамбит и должен был разыграть человек, подобный Ламберту Финну.

Нет, этого допустить нельзя. В противном случае произойдет очередная вспышка гнева против паранормальных, а когда схлынет первая волна террора и реакции, будут приняты новые ограничительные законы. Хотя законы, не исключено, уже и не понадобятся — погром может принять такой размах, что будут уничтожены тысячи паракинетиков. Операция «День всех святых» вызовет невиданную до сих пор бурю ярости против них.

Есть только одна надежда, решил Блэйн. Надо попасть в Гамильтон — ближайшее место, где можно рассчитывать на помощь. Там мне не могут не помочь, ведь в Гамильтоне живут только паракинетики, и никто из них не может быть уверен в завтрашнем дне. Если случится то, чего я боюсь, Гамильтон будет уничтожен в первую очередь.

И если я не запутался в днях, то День всех святых — послезавтра. Хотя нет, «завтра» уже наступило. Значит, у меня меньше двух дней, чтобы предотвратить несчастье.

Он выбрался из кустов и увидел, что солнце только-только показалось над холмами, просвечивая звонкий утренний воздух. Откос под ним, покрытый жухлой травой, плавно спускался к бурому речному потоку. Он поежился от холода и похлопал руками, чтобы согреться.

Он вышел на уходящую в реку песчаную косу. Коричневая от песка и глины стремнина с яростным бурлением перекачивалась через отмель. На краю косы Блэйн присел на корточки, зачерпнул в ладони воды и поднес к губам. Вода отдавала илом, глиной, гниющими водорослями. Когда он закрыл рот, на зубах у него захрустел песок.

Но все же это была вода. Он снова зачерпнул, но как крепко он ни прижимал края ладоней, вода убежала между пальцев, едва оставляя ему маленький глоток.

Вокруг было так покойно и мирно, и Блэйн подумал, что таким, наверное, был первый день после сотворения мира, когда Земля не была еще заражена алчностью,

завистью и всем тем, что на протяжении стольких веков отравляет жизнь человечества.

Неожиданно тишину разорвал всплеск. Блэйн вскочил на ноги. Ни на берегу, ни в реке, ни на ивняковом острове за косою никого не было видно. Какой-нибудь зверек, решил Блэйн. Норка, или ондатра, или выдра, или бобр, а может, рыба.

Всплеск повторился, и из-за острова показалась лодка. На корме сидел закутанный в плащ человек, работая веслом так неуклюже, что на него было неловко смотреть. Нос лодки высоко торчал из воды, перевешенный тяжестью гребца и подвесного мотора на корме.

Когда лодка с трудом приблизилась к косе, Блэйн вдруг обнаружил, что фигура человека кажется ему удивительно знакомой. Где-то, когда-то их пути так или иначе пересекались.

Он прошел дальше на отмель, поймал лодку за борт и вытащил ее на песок.

— Благослови тебя господь, — изрек сидящий в лодке. — Какое сегодня чудесное утро.

— Отец Фланаган! — воскликнул Блэйн.

Старый священник улыбнулся очень доброй, даже светлой улыбкой.

— Вы далеко забрались от дома, — заметил Блэйн.

— Я иду туда, куда ведет меня бог. — Отец Фланаган похлопал ладонью по сиденью перед собой: — Хочешь, посиди со мной немного. Да простит меня господь, но я жутко устал.

Блэйн вытащил лодку еще дальше на берег, сел в нее и протянул священнику руку. Отец Фланаган взял ее в обе свои скрюченные артритом ладони и осторожно пожал ее.

— Рад видеть вас, святой отец.

— А я, — ответил священник, — повергнут в смущение. И, должен признать, я искал тебя.

— Странно, — удивился Блэйн, отчасти озадаченный, отчасти напуганный этим признанием. — Такой человек, как вы, наверняка имеет более важные дела.

Священник выпустил его руку, не забыв успокаивающе погладить ее.

— Это не так, сын мой, — сказал он. — Для меня нет более важного дела, чем идти следом за тобой.

— Простите, святой отец, но я не понимаю.

Отец Фланаган наклонился вперед, уперевшись искалеченными руками в колени.

— Ты обязательно должен понять. Слушай меня внимательно. И не впадай в гнев. И не торопи меня.

— Конечно, — согласился Блэйн.

— Ты, наверное, слышал, что говорят о Святой церкви. Что она косная и негибкая, что она придерживается старых правил и древнего образа мыслей, что она если и меняется, то очень медленно. Что она сурова и догматична...

— Да, я слышал все это.

— Дело в том, что это не так. Церковь не отстаёт от времени, она меняется. Ибо, в противном случае, она не смогла бы существовать во всем своем блеске и величии. Ей не страшны ветры и сквозняки людской молвы, она не боится потрясений меняющихся нравов. Она приспосабливается, хотя и не слишком быстро. И эта медлительность вызвана тем, что церковь не должна ошибаться.

— Не хотите же вы сказать...

— Именно хочу. Если помнишь, я тебя спрашивал, оборотень ли ты, а тебе это показалось ужасно забавным.

— Но это действительно забавно.

— То был ключевой вопрос, — сказал священник, — упрощенный до предела, с тем чтобы на него можно было ответить простым «да» или «нет».

— Тогда я отвечу еще раз. Я не оборотень.

Старик вздохнул.

— Ты хочешь, — с обидой произнес он, — затруднить мне мой рассказ.

— Продолжайте, — сказал Блэйн. — Я постараюсь сдерживаться.

— Церковь должна знать, что такое паракинетика: естественная человеческая способность или колдовство? Когда-нибудь, может через много лет, ей придется принимать решение. Ей, как и по всем проблемам человеческой этики, придется определить свою позицию. И я не раскрою секрет, если скажу, что учрежден специальный комитет теологов, изучающих этот вопрос.

— И вы? — спросил Блэйн.

— Я лишь один из многих, которым поручено расследование. Мы только собираем факты, которые в должный момент будут представлены на рассмотрение теологам.

— А я — один из собранных вами фактов?

Отец Фланаган утвердительно наклонил голову.

— Мне только одно неясно, — произнес Блэйн. — Почему у вашей веры вообще возникают сомнения? У вас же есть доказательства «святых чудес». Ответьте мне, что такое любое ваше «чудо», как не проявление паракинетики?

— Ты так считаешь?

— Да, я в этом не сомневаюсь.

— Мне трудно согласиться с тобой. Это слишком

похоже на ересь. Но я хотел спросить тебя вот о чем: в тебе есть что-то необычное, чего я не видел в других?

— Я — наполовину нечеловек, — с горечью ответил Блэйн. — Вряд ли кто еще может сказать о себе то же самое. Сейчас вы беседуете не только со мной, но и с созданием, даже отдаленно не похожим на человека, — существом, которое сидит на планете за пять тысяч световых лет отсюда. И оно живет там уже миллион лет, а может, больше. И проживет еще не один миллион лет. Оно отправляет свой разум путешествовать по другим мирам, но, несмотря на все путешествия, ему очень одиноко. Тайны времени для него не существуют. И не знаю, есть ли для него вообще тайны. И все, что знает оно, знаю я. Мне надо только, если у меня будет время, все разобрать, пронумеровать и разложить по полочкам. У себя в мозгу.

Священник медленно втянул в себя воздух:

— Нечто подобное я и предполагал.

— Так что можете приступать к работе, — сказал Блэйн. — Где у вас святая вода? Окропите меня, и я исчезну в облаке дыма.

— Ты неверно думаешь обо мне, — ответил отец Фланаган. — И о моей цели. И о моем отношении. Если не от дьявола сила, пославшая тебя к звездам, то не более чем несчастный случай то, что с тобой там стряслось.

Его скрюченная рука вдруг вцепилась в Блэйна с силой, которую в ней нельзя было предположить.

— Тебе дана великая сила, — сказал он, — и великое знание. Ты обязан применить их во славу бога и на пользу человечеству. Не часто бремя столь огромной ответственности ложится на человека. Не утрать дарованное тебе. И не используй его во зло. Но и не дай ему пролежать бесплодно. То, что ты получил, пришло тебе в силу божественного умысла, который мы не можем ни понять, ни оценить. Я уверен, что это не простая случайность.

— Перст божий, — вырвалось насмешливо у Блэйна.

— Да, перст божий обратился на тебя.

— Я не просил его. И если б меня спросили заранее, я бы отказался.

— Расскажи мне, — попросил священник. — С самого начала. Прошу тебя.

— Хорошо. Если и вы мне расскажете кое-что.

— Что ты хочешь знать? — спросил отец Фланаган.

— Вы сказали, что шли за мной следом. Откуда вам было известно, где проходит мой след?

— Как же так, сын мой, — изумился отец Фланаган. — Я думал, ты давно понял. Видишь ли, я один из вас. У меня отличное паракинетическое чутье.

Глава двадцать девятая

За рекой показался еще спящий Гамильтон. Несмотря на свой небольшой возраст, город в дымке легкого, мягкого тумана был похож на все соседние старые речные города. Над ним возвышались рыжеватокоричневые холмы, а под холмами, простираясь до самого города, тянулись шахматные клетки полей. Из дымоходов поднимался ленивый утренний дымок, и за каждой оградой обязательно рос розовый куст.

— Все выглядит очень мирно, — сказал отец Фланаган. — Ты уверен в том, что делаешь?

Блэйн кивнул:

— А вы, святой отец? Куда пойдете вы?

— Чуть дальше вниз по реке есть аббатство. Меня там примут.

— Я вас еще увижу?

— Может быть. Я должен вернуться в мой пограничный городок. На мой одинокий пост на границе с «Фишхуком».

— Поджидать других беглецов?

Священник кивнул, включил мотор и направил лодку к берегу. Когда днище зашуршало по песку и гальке, Блэйн выпрыгнул.

Отец Фланаган, повернув голову в сторону запада, принюхался:

— Меняется погода, — сообщил он, — я перемены чую, как овчарка.

По щиколотку в воде Блэйн приблизился к нему и протянул руку.

— Спасибо, что подбросили меня, — поблагодарил он. — Пешком мне бы еще идти и идти.

— Всего доброго, сын мой. Господь с тобой.

Блэйн столкнул лодку с мели. Священник завел мотор, круто развернулся и помчался вниз по течению, махнув Блэйну рукой. Блэйн помахал в ответ.

Затем Блэйн вышел на берег и направился в сторону городка.

Вскоре он шагал по улице, чувствуя, что пришел домой.

Не к себе домой, не домой к друзьям и даже не в дом, о котором он всю жизнь мечтал, а просто в дом, подходящий для всех живущих на Земле. Тут было мирно и надежно, от городка веяло спокойствием и каким-то душевным уютом. В таком месте можно поселиться и жить, просто отсчитывая дни, принимая каждый новый день во всей его полноте и не думая о том, что будет завтра.

На улице, тянувшейся меж аккуратных чистеньких домиков, никого не было, но Блэйн чувствовал, что

на него устремлены взгляды из каждого окна и что в этих взглядах не настороженность или опаска, а обыкновенное любопытство.

Из одного из дворов выбежала собака — грустная, симпатичная гончая — и побежала рядом с ним, как старый добрый товарищ.

Блэйн вышел на перекресток и слева увидел группу небольших торговых зданий. У порога одного из них сидело несколько человек.

Он и гончая свернули в их сторону. Когда они приблизились, сидящие молча подняли на него глаза.

— Доброе утро, господа, — поздоровался он. — Не подскажете ли, где я могу найти человека по имени Эндрюс?

— Я Эндрюс, — ответил один из них после секундного молчания.

— Я хотел бы побеседовать с вами.

— Садись и разговаривай со всеми, — сказал Эндрюс.

— Меня зовут Шепард Блэйн.

— Кто ты, мы знаем, — остановил его Эндрюс. — Нам стало это известно, как только лодка причалила к берегу.

— Ну да, конечно, — согласился Блэйн, — я мог догадаться.

— Вон того зовут Томас Джексон, рядом с ним сидит Джонсон Картер, а вон тот — Эрни Эллис.

— Рад со всеми вами познакомиться, — сказал Блэйн.

— Присаживайся, — пригласил Томас Джексон. — Ты ведь пришел, чтобы нам что-то сказать.

— Наверное, мне следует начать с того, что я убежал из «Фишхука».

— Мы немного знаем о тебе, — произнес Эндрюс. — Моя дочь познакомилась с тобой несколько дней назад. Ты был с человеком по имени Райли. А прошлой ночью сюда принесли тело твоего друга...

— Его похоронили на холме, — сказал Джексон. — С похоронами пришлось поторопиться, но все же это были похороны. Видишь ли, мы его тоже немного знали.

— Спасибо вам, — поблагодарил Блэйн.

— А еще прошлой ночью, — продолжил Эндрюс, — что-то произошло в Бельмонте...

— Нам не нравится такой ход дел, — перебил Картер. — Нас слишком легко втянуть в любые беспорядки.

— Очень жаль, если это так, — ответил Блэйн. — Но, боюсь, я несу вам еще беспокойства. Вам знакомо имя Финн?

Все кивнули.

— Я говорил с ним вчера ночью. И узнал от него нечто, что сам он, надо заметить, никогда в жизни бы мне не сообщил.

Все ждали, что он скажет дальше.

— Завтра ночью — канун Дня всех святых, — продолжил Блэйн. — Вот тогда-то все и должно начаться.

Он увидел, как люди напряглись, и быстро заговорил дальше:

— Не знаю, как ему это удалось, но тем или иным способом Финн создал среди паранормальных людей что-то вроде небольшого подполья. Те, конечно, не подозревают, кто за всем стоит. Для них это псевдопатриотическое движение, своеобразный протест. Не слишком большого размаха, без особенных успехов. Но успехи Финну и не нужны. Все, что ему нужно, — это создать еще парочку прецедентов, продемонстрировать еще несколько «ужасных» примеров. Это его метод: с помощью примеров будить ярость у толпы.

И это подполье, действуя через паранормальных подростков, готовит к этой ночи несколько паракинетических демонстраций. Удобный случай, сказали им, показать, что такое паракинетика. Удобный случай свести кое-какие счеты. Могу себе представить, сколько накопилось неоплаченных счетов.

Он сделал паузу и взглянул на окаменевшие от страха лица.

— Вы должны представлять, как подействует дюжина — всего дюжина — подобных демонстраций на воображение обывателей всего земного шара, если Финн преподнесет их должным образом.

— Их будет не дюжина, — тихо произнес Эндрюс. — По всему миру их, может быть, сотни, а может, даже несколько тысяч. И на следующее утро нас сметут с лица земли.

— А как тебе стало это известно? — взволнованно наклонился к нему Картер. — Такое Финн мог рассказать только своему сообщнику.

— Я обменялся с ним разумами, — объяснил Блэйн. — Есть такой прием, я ему научился на другой планете. Я вложил в него матрицу моего разума, а взамен взял копию его. Вроде копировальной бумаги. Трудно себе представить, но это осуществимо.

— Вряд ли Финн тебе благодарен за это, — заметил Эндрюс. — Заполучить себе в мозг такой беспокойный разум, как твой!

— Да, Финн выглядел несколько огорченным, — согласился Блэйн.

— Подростки будут изображать из себя чертей, — произнес Картер. — Они будут распахивать двери. Пере-

носить автомобили. Разломают какие-нибудь сарай. Ну, и всякие потусторонние вопли, разумеется.

— На этом и строится расчет,— подтвердил Блэйн.— Вроде бы обычные, традиционные шалости на День всех святых. Но для пострадавших это будет не просто озорство. Они решат, что все силы ада вышли из тьмы и обрушились на мир. Повсюду им будут видаться призраки, черти и оборотни. И так хорошего мало, а если учесть большое воображение напуганных обывателей... Наутро будут рассказывать о кишках, намотанных на забор, о перерезанных глотках, о похищенных девочках. И всякий раз это будет не там, где рассказывают, а где-то неподалеку. И люди будут верить. Верить в любую небылицу.

— Тем не менее,— заметил Джексон,— мы не можем слишком сурово осуждать наших детей, решившихся на это. Вы представить себе не можете, мистер, что им пришлось повидать. Их презирают и унижают. Едва вступив в жизнь, они уже знакомятся с сегрегацией и знают, что повсюду на них будут показывать пальцем...

— Я все понимаю,— прервал его Блэйн,— и тем не менее их необходимо остановить. Можно же им как-то помешать. Телепатически по телефону или еще как-нибудь... Вы же умеете.

— Телепатию по телефону открыли пару лет назад,— сказал Эндрюс.— Чрезвычайно просто и в то же время гениально.

— Так воспользуйтесь этим. Свяжитесь с кем только можно. Пусть они предупредят других, а те в свою очередь еще других. Пускай передают по цепочке...

Эндрюс покачал головой:

— Мы не сможем связаться со всеми.

— Но хоть попытайтесь! — закричал Блэйн.

— Естественно, попытаемся,— сказал Эндрюс.— Мы сделаем все от нас зависящее. Не сочти нас неблагодарными. Наоборот. Мы тебе очень признательны. Мы в неоплатном долгу перед тобой. Но...

— Что?

— Тебе нельзя здесь оставаться,— произнес Джексон.— За тобой гонится Финн. А может, и «Фишхук». Нетрудно догадаться, где станешь искать убежища.

— О господи,— воскликнул Блэйн.— Я пришел к вам...

— Нам очень жаль,— сказал Эндрюс.— Мы понимаем, что ты испытываешь сейчас. Мы могли бы попробовать тебя спрятать, но если тебя найдут...

— Что ж, хорошо. Вы дадите мне машину?

Эндрюс отрицательно покачал головой:

— Тоже рискованно. Финн будет контролировать дороги. А по номеру они смогут узнать, откуда машина.

— Тогда что же? В горы?

Эндрюс кивнул.

— Найдете мне еды?

Джексон поднялся на ноги:

— Пойду соберу чего-нибудь.

— Когда все успокоится, можешь приходить,— сказал Эндрюс.— Мы будем тебе рады.

— Спасибо и на этом,— ответил Блэйн.

Глава тридцатая

Блэйн сидел под одиноким деревом на небольшом уступе одного из самых высоких холмов и смотрел на реку. По небу черным пунктиром черкнула стайка спускающихся в долину уток.

А когда-то, подумал он, в это время года небо чернело от стай, улетающих с севера, от первых неистовых вестников зимних метелей. Теперь их осталось совсем мало — часть перебита охотниками, а многие погибли от голода, из-за того, что места, где они обычно делали гнезда, пересохли и превратились в пустыню.

В свое время по этой земле ходили стада бизонов и в каждом ручье можно было поймать бобра. Сейчас же бобров почти нет, а бизоны исчезли вообще.

Вот так человек и истребляет жизнь, думал Блэйн, иногда делая это из ненависти и страха, иногда — просто ради забавы.

А если план Финна осуществится, все повторится, только истреблены будут не животные, а паранормальные люди. Конечно, в Гамильтоне приложат силы, чтобы сделать все от них зависящее, но много ли они успеют? У них есть тридцать шесть часов, чтобы передать предупреждение. Допустим, сократить число происшествий удастся, но предотвратить все случаи? Бряд ли.

Впрочем, мне какое дело, сказал себе Блэйн. Что о них беспокоиться, когда они меня просто выгнали. Люди, которых я считал своим народом, город, где почувствовал себя дома,— они от меня отказались.

Он наклонился и подтянул лямки у рюкзака, куда Джексон сложил еду и фляжку с водой.

Позади послышался шелест, и Блэйн, напружинившись, резко повернулся.

Над травой, приземляясь, зависла девушка, грациозная, как птица, и прекрасная, как утро.

Блэйн глядел на нее, захваченный ее красотой, потому что до этого он ее фактически не видел. Только

однажды, в тусклом свете автомобильных фар, и еще раз, прошлой ночью, в полумраке гостиничного номера — не более минуты.

Вот ее ноги коснулись земли, и она подошла к нему.

— Я только что узнала, — произнесла она. — Мне так стыдно за них. Вы пришли к нам, чтобы помочь...

— Ничего, — сказал Блэйн. — Не стану спорить, это больно, но я могу их понять.

— Они всю жизнь старались, чтобы на нас не обращали внимания. Они мечтали жить по-человечески. Они не могут рисковать.

— Да, это так, — согласился Блэйн. — Но я видел и таких, кто не боится риска.

— Мы, молодежь, доставляем им столько беспокойства. Нам не следовало бы устраивать развлечения на День всех святых, но ничего нельзя поделать — мы и так почти не выходим из дома. А праздники бывают так редко.

— Я очень обязан тебе за ту ночь, — сказал Блэйн. — Если б не ты, мы с Гарриет оказались бы в ловушке...

— Мы сделали все, что могли, для мистера Стоуна. Надо было торопиться, и мы не смогли соблюсти все формальности. Но на похороны пришли все. Он похоронен на вершине холма.

— Твой отец рассказал мне.

— Мы не могли сделать надпись или поставить плиту. Мы просто срезали дерн, а потом положили его на место. Догадаться невозможно. Но у всех нас место записано в памяти.

— В свое время мы со Стоуном были друзьями.

— Когда работали в «Фишхук»?

Блэйн кивнул.

— Расскажите мне о «Фишхук», мистер Блэйн.

— Меня зовут Шеп.

— Хорошо, Шеп. Расскажи.

— Это целый город, огромный и высокий. *(Башни на холме, площади и тротуары, деревья и мощные здания, магазины и лавки, и погребки, люди...)*.

— Шеп, а почему нас туда не пускают?

— Не пускают?

— Некоторые из нас писали туда и в ответ получили бланки заявлений. Только бланки, и больше ничего. Мы их заполнили и отправили. На этом все кончилось.

— Тысячи людей хотят попасть в «Фишхук».

— Ну и что? Почему не пустить нас всех? Пусть «Фишхук» будет нашей страной. Где все униженные наконец найдут покой.

Блэйн не ответил. Он закрыл от нее свой мозг.

— Шеп! Шеп, что случилось? Я что-то сказала не то?

— Послушай, Анита. Вы не нужны «Фишхук».

«Фишхук» уже не тот, каким вы его считаете. Он изменился. Он превратился в корпорацию.

— Да, но мы же всегда...

— Знаю. Знаю. Знаю. Земля обетованная. Единственная надежда. Эльдorado. Все совсем не так. «Фишхук» — это гигантская бухгалтерия. Там подсчитывают убытки и прибыли. О, он, несомненно, помогает человечеству; он дает ему прогресс. Теоретически и даже практически. «Фишхук» — самое грандиозное предприятие за всю историю. Но не надо искать там человечности. Или родственного чувства к остальным паранормальным. Если мы хотим обрести свою «землю обетованную», нам ее надо строить собственными руками. Нам надо драться и драться, чтобы останавливать финнов и срывать операции типа «Дня всех святых»...

— Собственно, я ведь для этого и пришла. Чтобы сказать, что ничего не получается.

— А телефон...

— Мы позвонили в два города — Детройт и Чикаго. Попробовали в Нью-Йорк, но нас не соединили. Можешь себе представить: не соединили с Нью-Йорком. Потом мы попытались связаться с Денвером, но нам сказали, что линия не работает. И мы испугались и прекратили попытки...

— Прекратили! Вы не можете прекращать!

— У нас есть несколько дальних телепатов, мы сейчас пытаемся наладить связь через них. Но у них пока не получается. В дальней телепатии нужда возникает редко, поэтому она не слишком отлажена.

Блэйн застыл, не веря собственным ушам.

Не могли дозвониться в Нью-Йорк! Нет связи с Денвером!

Неужели Финн держит все это в руках?

— Не держит в руках, — поправила его Анита, — а только расставил своих людей в стратегических точках. Не исключено, что в его силах нарушить систему связи во всем мире. А поселения вроде нашего находятся под его постоянным наблюдением. В другие города мы звоним не чаще, чем раз в месяц. А тут три звонка за пятнадцать минут. Финн почувствовал неладное и блокировал нас.

Блэйн снял со спины рюкзак и опустил его на землю.

— Я возвращаюсь, — сказал он.

— Нет смысла. Все, что можно, мы уже делаем.

— Да, конечно. Возможно, ты права. Хотя есть один шанс, надо только успеть в Пьер.

— Пьер — это город, где жил Стоун?

— Да, но... Ты что, знала Стоуна?

— Только слышала о нем. Для паранормальных

людей он был вроде Робин Гуда. Он боролся за них.

— Если я сумею связаться с его организацией, а мне кажется, это возможно...

— Та женщина тоже там живет?

— Гарриет? Только она может вывести меня на группу Стоуна. Но ее может там не оказаться. Я не знаю, где она.

— Если ты подождешь до вечера, мы сможем отвезти тебя по воздуху. Но днем это слишком опасно. Чересчур много глаз, даже в таком месте, как Гамильтон.

— Туда не больше тридцати миль. Дойду пешком.

— По реке было бы проще. Ты умеешь управлять каноэ?

— Когда-то умел. Надеюсь, еще не забыл.

— Так даже безопаснее, — сказала Анита. — Суда по реке сейчас почти не ходят. Выше по реке, недалеко от города, живет мой двоюродный брат. У него есть каноэ. Давай я тебе объясню.

Глава тридцать первая

Непогода пришла неожиданно. Ничто не предсказывало ее приближения, кроме постепенно сереющего неба. В полдень тучи лениво напозлали на солнце, а к трем часам все небо от горизонта до горизонта было затянато серыми барашками.

Блэйн из всех сил налегал на весло, покрывая милью за милей. Много лет ему не приходилось грести, и много лет его тело не знало таких изнурительных нагрузок. Руки у него задеревенели и потеряли чувствительность, плечи ломило, а верх спины обхватило стальным обручем, который сжимался с каждым гребком. Ладони превратились в один большой волдырь.

Но он не снижал темп, зная, что дорога каждая минута. В Пьере ему еще предстоит найти группу паракинетиков, работавших со Стоуном, но даже если он их найдет, те могут отказаться ему помочь. Они могут начать проверять его и его объяснения и вполне резонно станут подозревать в нем шпиона Финна. Если б Гарриет была там, она смогла бы поручиться за него, хотя он не знал, какое положение она занимает в организации и много ли весит ее слово. Да и там ли она?

Но это хоть и слабый, но единственный шанс. Последний, который нельзя упускать. Он должен приплыть в Пьер, он должен найти группу, он должен заставить их поверить себе.

А если он не сумеет, то это будет означать гибель Гамильтона и еще сотен таких гамильтонов по всему

свету. И это будет означать гибель тех паранормальных, что живут не в гамильтонах, а обитают, боясь сделать лишний шаг, среди людей, считающих себя нормальными.

Обыкновенные люди называют их чокнутыми, колдунами, нечистой силой, и кто может на это возразить? У каждого народа для каждого поколения есть свои нормы, и эти нормы устанавливаются не законом и не по универсальному эталону. Они устанавливаются общественным мнением, которое, в свою очередь, складывается и из предубеждений, и из непонимания, и из извращенной логики, столь свойственных человеческому разуму.

А сам ты кто, спросил себя Блэйн. Уж если называть кого-то чокнутым, то в первую очередь тебя самого. Потому что ты даже не человек.

Он вспомнил Гамильтон и Аниту Эндрюс, и его больно кольнуло в сердце — имел ли он право требовать, чтобы кто-либо, неважно, город или женщина, принял его как своего?

Он навалился на весло, стараясь оборвать невыносимые раздумья, прекратить в изнемогающем мозгу бешеную пляску вопросов.

Вместо легкого ветерка задул резкий северо-западный ветер, и на закручивающейся волнами поверхности реки стали появляться белые пенистые гребешки.

Небо, тяжелое и серое, навалилось на землю и темной крышей повисло над рекой. В прибрежном ивняке суетливо защелкали птицы, обеспокоенные ранним приходом сумерек.

Блэйн вспомнил старого священника, приплюсывающего к небу. Погода портится, предупредил он тогда.

Нет, погода меня не остановит, стиснул зубы Блэйн, яростно работая веслом. Меня ничто не остановит. Никакая сила на земле.

Первые мокрые хлопья снега стегнули его по лицу, и всю реку ниже по течению накрыло приближающимся огромным серым занавесом. Все скрылось из виду, и только снег шелестел, падая на воду, и ветер, словно огромный хищник, от которого ускользает добыча, зло скулил за спиной.

Берег был не более чем в сотне ярдов, и Блэйн решил, что продолжать путешествие придется пешком. Как бы он ни спешил, выгадывая время, плыть дальше было невозможно.

Он сделал резкий гребок, чтобы направить каноэ к берегу, и тут на него обрушился новый порыв ветра. Дальше вытянутой руки ничего нельзя было разглядеть. Вокруг метались лишь снежные хлопья, и река, объединившись с ветром, ритмично подбрасывала ка-

ноз. И берег, и холмы над ним исчезли. Остались лишь вода, ветер и снег.

Каноз резко дернуло и закружило, и Блэйн на мгновение потерял всякое чувство направления. Всего несколько секунд — и он безнадежно заблудился на реке, не имея ни малейшего представления, в какой стороне лежит берег. Все, что ему оставалось, это стараться удерживать лодку от вращения.

Ветер стал еще резче и холодней и ледяным ножом вонзался в его вспотевшее тело. По его лицу бежали струйки воды от запорошившего волосы и брови снега.

Каноз беспомощно приплясывало в волнах. Не зная, что делать дальше, подавленный этой пришедшей с реки атакой, Блэйн растерянно подгрребал веслом.

Вдруг из серого тумана всего в нескольких метрах от него вынырнули заснеженные ивовые кусты; каноз неслось прямо на них.

Блэйн только успел напрячься, ухватиться за борта и приготовиться к удару.

Каноз со скрежетом, заглушаемым ветром, врезалось в кусты, приподнялось и опрокинулось.

Очутившись в воде, Блэйн ухватился за ветви, нащупал мягкое скользкое дно и, отфыркиваясь, выпрямился. На каноз рассчитывать больше не приходилось: подводная коряга разодрала полотно вдоль всего борта, и теперь лодка медленно погружалась.

Спотыкаясь и падая, Блэйн выбрался сквозь заросли ивняка на твердую землю и только тут понял, что в воде было теплей. Пронизывая его мокрую одежду, ветер впился в него миллионом ледяных игл.

Весь дрожа, Блэйн устоялся на сотрясаемые штормом кусты. Надо найти закрытое место. И там разжечь огонь. Иначе ночь не продержаться. Он поднял руку к самым глазам: часы показывали только четыре.

Светло будет еще не больше часа, прикинул он, и за это время надо успеть найти, где укрыться от бури и холода.

Он было двинулся вдоль берега и вдруг замер — он не сможет разжечь огонь. У него нет спичек. А может, есть? Все равно они мокрые. Впрочем, их можно бы высушить. Он лихорадочно обшарил промокшие карманы. Но спичек не нашел.

Блэйн зашагал дальше. Если он найдет хорошее укрытие, сумеет выжить и без костра. Какую-нибудь яму под корнями упавшего дерева или дупло, куда сможет втиснуться, — любое закрытое от ветра место, где тепло его тела хотя бы частично просушит одежду и не даст замерзнуть самому.

Деревьев не было. Одни только бесконечные ивы, хлюпающие, как бичи, в порывах ветра.

Он пошел дальше, скользя и спотыкаясь на обломках и топляках, выброшенных на берег в половодье. От частых падений его костюм покрылся грязью и замерз, превратившись в ледяной панцирь, и все же он шел. Останавливаться было нельзя; ему необходимо было укрытие; если он перестанет двигаться, не сможет двигаться, то погибнет.

Он снова споткнулся, упал на колени. Там, у самого берега, в воде, зажатое ивовыми ветвями, плавало полузатопленное каное, тяжело покачиваясь в волнах наката.

Каное!

Он провел по лицу грязной ладонью, чтобы взглянуть получше.

Это было то же самое каное, другого и быть не могло!

Именно от этого каное он отправился вдоль берега.

И снова к нему вернулся!

Он напряг уставший разум в поисках ответа — ответ мог быть только один, один-единственный.

Он в западне — на крохотном речном островке.

И вокруг ничего, кроме ивняка. Ни одного нормального дерева — вывернутого, с дуплом или еще какого-либо. У него нет спичек, а если б они и были, то костер все равно не из чего было бы сделать.

Штанины стали фанерными и похрустывали всякий раз, как он сгибал колени. Казалось, что с каждой минутой становится все холоднее — хотя он слишком замёрз, чтобы судить о температуре.

Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и пошел прямо на обжигающий ветер. По кустам шелестел падающий снег, разгневанно гудела исхлестанная бурей река, и наступающая темнота несла ответ пока еще не заданному вопросу.

Ночь на острове он не выдержит, а покинуть его нет возможности. Он понимал, что до берега не может быть более полусотни метров, но что толку? Десять против одного, что на берегу будет не легче, чем здесь.

Я должен найти выход, приказал себе Блэйн. Я не умру на этом затхлом клочке недвижимого имущества, на этом идиотском островке. И не потому, что моя жизнь представляет великую ценность. Я единственный, кто может получить в Пьере помощь.

Какое издевательство! Ведь я никогда не попаду в Пьер. Я не выберусь с этого острова. Я так и останусь на этом месте, и, скорее всего, меня даже не найдут.

А когда начнется весеннее половодье, течение потащит меня вместе с прочим смытым с берегов мусором.

Он повернулся и отошел подальше от края воды. Нашел место, где ивы хоть немного защищали от ветра, и осторожно сел, вытянув ноги. Механическим жес-

том поднял воротник. Потом плотно сложил на груди руки, спрятал полузамерзшие пальцы в едва различимое тепло подмышек и уставился взглядом в призрачные сгущающиеся сумерки.

Но так нельзя, сказал он себе. В такой ситуации обязательно надо двигаться. Чтобы кровь не застыла в жилах. Надо отгонять сон. Махать руками. Топать ногами. Надо цепляться за жизнь.

Впрочем, зачем, подумал он. Можно пережить все унижения борьбы за жизнь и все же погибнуть в конце концов.

Нет, должен быть лучший путь.

Если у меня в голове мозги, а не солома, я обязан придумать что-то получше.

Главное, решил он, суметь отрешиться от ситуации, чтобы беспристрастно обдумать проблему: как перенести себя, свое тело, с этого острова, и не только с острова, но и в безопасное место.

Но разве есть для меня безопасное место?

И вдруг он понял, что есть.

Есть такое место. Я могу вернуться в голубую комнату, где живет Розовый.

Но нет! Это то же самое, что остаться на острове, потому что к Розовому может полететь лишь мой разум, а не тело. А когда я вернусь, тело, скорее всего, будет уже не пригодно к употреблению.

Вот если б я мог взять с собой тело, то все было бы в порядке.

Но тело взять нельзя.

Он все же решил проверить это, но никак не нашел нужных данных о той далекой планете. Когда же, наконец, нашел то, что искал, и заглянул в сведения, спрятанные в дальнем углу его мозга, то ужаснулся.

Если бы он оказался там во плоти, он не прожил бы и минуты! Планета была абсолютно непригодна для человека.

Но должны же быть другие места. Конечно же, есть другие планеты, куда он мог бы отправиться и во плоти, если бы смог.

Он сидел, сгорбившись от холода и уже не ощущая ни стужи, ни сырости.

Он попробовал позвать Розового, но тот не откликнулся. Он звал его снова и снова, но безуспешно. Он пытался найти его в себе, нащупать, поймать, но не нашел и следа его. И тогда до него дошло — будто чей-то голос сказал ему, — что искать бесполезно. Он никогда не найдет его, потому что существо превратилось в часть его самого. Они слились воедино, и больше не существовало ни Розового, ни человека, а был странный сплав их обоих.

Отныне ему самому предстоит делать все, что требуется, используя навыки того, кем он стал.

В нем были все исходные данные, в нем было знание, в нем были способы и методы, и еще в нем было грязноватое пятно — Ламберт Финн.

Он углубился в свой разум, заглядывая во все укромные уголки, просматривая каждую полочку, не пропуская ни одного ящика, или пакета, или коробки, где были распаханы невероятные по объему и все еще не разобранные сведения — биллионы обрывков информации, бестолково собранные безалаберным существом.

Он находил то, что озадачивало, и то, что вызывало в нем отвращение, и то, что восхищало, но ничто не могло быть применено в данном случае.

И все время под ногами у него назойливо путался разум Ламберта Финна, который еще не успел слиться и, возможно, никогда не сольется с его разумом, а будет постоянно бегать из угла в угол, мешая и отвлекая.

Блэйн оттолкнул его в сторону, сбросил с дороги, засунул под ковер и продолжил поиски, но грязные мысли, и планы, и представления Финна, порожденные средоточием ужаса, по-прежнему выскакивали на поверхность его сознания.

В сотый раз отбросив этот мусор прочь, он уловил что-то похожее на то, что ищет, и бросился за этим в погоню, продираясь через всю мерзость, гнездящуюся в разуме Финна. Потому что он нашел, что было нужно, не на свалке знаний, унаследованных от Розового, а в мусорной куче, доставшейся от Финна.

Это было неземное, извращенное, гнусное знание, и Блэйн понял, что Финн получил его на той самой планете, откуда вернулся умалишенным. Мысленно держа это знание в руках, Блэйн рассмотрел совсем простое устройство, усвоил логику понятий, разобрался, как им пользоваться, и отчасти понял чувство вины и страха, толкнувшие Финна на путь ненависти и преступлений.

Это знание раскрывало дорогу к звездам, физически открывало ее для всех жизненных форм во всей Вселенной. Но неустойчивая психика Финна сделала единственный вывод: Земля тоже досягаема. И прежде всего для планеты, которая владеет этим знанием. Он не подумал обо всех открывающихся возможностях, не понял, какую пользу это знание может принести человеческой расе, для него оно было лишь мостом между планетой, которую он открыл, и планетой, которую считал родной. Он начал беспощадную борьбу за то, чтобы родная планета вернулась к доброму старому прошлому, чтобы она порвала всякую связь с

космосом; он поставил себе цель обескровить и задушить «Фишхук», а для этого — уничтожить всех паранормальных людей, тем самым лишая «Фишхук» будущего пополнения.

По логике Финна, Вселенная не обратит внимания на Землю, если Земля останется маленькой тихой планеткой и не станет привлекать к себе внимания, и тогда за человечество можно не опасаться.

Но как бы там ни было, в его разуме лежали сведения о том, как путешествовать по космосу во плоти, и эти сведения могли сейчас спасти Блэйну жизнь.

Блэйн снова заглянул в свой разум, и там на полочках, где стояли уже извлеченные из хаоса информации знания, нашел каталог тысяч планет, на которых побывал Розовый. Они были сотен различных типов и все — одинаково губельны для незащищенного человеческого организма. Страх снова стал возвращаться к Блэйну: неужели теперь, зная, как перемещать не только разум, но и тело, он не найдет подходящей планеты?

Яростный вой ветра, прорываясь сквозь барьер его сконцентрированного на поиске сознания, сбивал с мысли и напоминал о холоде. Блэйн попробовал согнуть ногу, но едва сумел пошевелить ею. Буря злорадно хохотала над ним, кружась над рекой и барабанила сухими зернами снега по ивию.

Он отрешился от ветра, и снега, и холода, и воя, и стука — и вдруг нашел, что искал.

Он дважды перепроверил данные и остался удовлетворенным. Он мысленно нарисовал сетку координат и расположил там найденную планету. Затем медленно, этап за этапом, выполнил прием дальнего скачка. И стало тепло.

Он лежал лицом вниз, а под ним была трава, и пахло травой и землей. Исчезли завывания бури и всхлипы снегопада.

Он перевернулся на спину и сел.

И от того, что он увидел, у него перехватило дух.

Потому что, если и существовало во Вселенной райское место, то это было оно!

Глава тридцать вторая

Солнце уже перевалило через полуденную отметку и скатывалось на запад, когда Блэйн, хлюпая по раскисшей после первой осенней бури земле, спустился в городок Гамильтон.

Вот я снова здесь, подумал Блэйн, и опять почти поздно — надо было прийти раньше. Потому что, как

только солнце скроется за горизонтом, наступит канун Дня всех святых.

Интересно, сколько паранормальных городов успели предупредить гамилтонцы, спросил себя Блэйн. Не исключено, что они успели куда больше, чем я даже могу предположить. Возможно, им повезло, возможно, и нет.

На ум ему вдруг пришел старик священник: «Перст божий обратился на тебя...»

Когда-нибудь мир оглянется назад, и ему станет стыдно за сегодняшнее сумасшествие — за слепоту, глупость, нетерпимость. Когда-нибудь мир станет честным и мудрым. Когда-нибудь паранормальных людей перестанут считать исчадием ада. Когда-нибудь исчезнет барьер, отделяющий их от «нормальных» людей, — если таковые к тому времени еще останутся. Когда-нибудь станет ненужным «Фишхук». Может быть, даже Земля когда-нибудь станет ненужной.

Потому что он нашел выход. Он не дошел до Пьера, но нашел решение. Он был вынужден найти решение.

И его решение было лучше, чем решение Стоуна. Его метод путешествия превосходил что-либо известное в «Фишхуке». Этот метод полностью исключал любые механизмы. Он превращал человека в полного хозяина своего разума и своего тела и открывал перед ним всю Вселенную.

По небу все еще плыли обрывки облаков — арьергард пронесшейся над долиной бури. По обочинам стояли натаившие из снега лужи, а ветер, несмотря на яркое солнце, еще не утратил своей порывистой остроты.

Блэйн поднялся по улице, ведущей в центр города; в нескольких кварталах, на площади перед магазинами, он увидел ожидающих его жителей — не группу людей, как в прошлый раз, а целую толпу народа. Наверное, большая часть Гамильтона, прикинул Блэйн.

Он пересек площадь и всмотрелся в молчащую толпу, стараясь найти Аниту, но ее там не было.

На ступеньках сидело четверо мужчин — все та же четверка. Блэйн остановился перед ними.

— Мы слышали, ты решил вернуться, — произнес Эндрюс.

— Я не добрался до Пьера, — сказал Блэйн. — Я хотел просить там помощи. Но на реке меня застигла буря.

— Они перекрыли телефонную связь, — сказал Джексон, — и мы использовали дальнюю телепатию. Нам удалось связаться с некоторыми группами, а те передадут дальше. Не знаю, далеко ли.

— Да и за четкость трудно ручаться, — добавил Эндрюс.

— Ваши телепаты все еще поддерживают связь? — спросил Блэйн. Эндрюс кивнул.

Снова заговорил Джексон.

— Людей Финна так и не было. И это настораживает. У Финна что-то случилось...

— Они должны были прийти искать тебя и перевернуть здесь все вверх дном, — подтвердил Эндрюс.

— А может, они не хотят меня искать?

— А может, — холодно заметил Джексон, — ты не тот, за кого себя выдаешь?

Блэйн не выдержал:

— Да пропадите вы пропадом, — выкрикнул он. — А я-то чуть не подохо ради вас. Все. Сами себя спасайте.

Он круто повернулся и пошел прочь, задыхаясь от гнева.

Нет, это не его война. Она чужая ему, как и эти люди. Но все же он считал ее своей войной. Он вступил в нее из-за Стоуна, из-за Рэнда и Гарриет, из-за гонявшегося за ним по всей стране сыщика. И может быть, еще из-за чего-то неопределенного, неясного в нем самом — какого-то дурацкого идеализма, жажды справедливости, желания бросить вызов всем негодьям, мошенникам и реформистам.

Он пришел в этот город не с пустыми руками, он спешил вручить им удивительный дар. А его стали допрашивать, словно шпиона и самозванца.

Ну и черт с ними, сказал он себе. Я достаточно сделал. С меня хватит.

Осталось единственное дело, которое мне предстоит закончить, а потом на все наплевать.

— Шеп!

Он продолжал идти.

— Шеп!

Блэйн остановился и посмотрел назад.

К нему шла Анита.

— Нет, — сказал он.

— Но они — это же еще не все, — произнесла она. — Нас здесь много, и мы готовы слушать тебя.

И она, конечно, была права.

Их было много.

Анита и все остальные. Женщины, и дети, и мужчины, не наделенные властью. Ибо власть делает людей подозрительными и мрачными. Власть и ответственность мешают людям быть самими собой и из личностей превращают их в коллективный орган.

И в этом паранормальный человек или сообщество паранормальных людей не отличается от обыкновенного человека или сообщества обыкновенных людей. Собственно, паранормальность не меняет личность. Она только дает ей возможность стать полнее.

— У тебя ничего не получилось,— сказала Анита.— Трудно было рассчитывать на успех. Но ты старался, и этого достаточно.

Он сделал шаг в ее сторону.

— Ты не права. У меня все получилось.

Теперь они, вся толпа, медленно и безмолвно шли к нему.

А впереди всех шла Анита Эндрюс.

Она приблизилась к нему, остановилась и посмотрела ему в глаза.

— Где ты был? — тихо спросила она.— Мы искали тебя на реке и нашли каню.

Протянув руку, он поймал ее за локоть и крепко прижал к себе сбоку.

— Я расскажу тебе,— сказал он,— чуть позже. Чего хотят эти люди?

— Они напуганы. Они ухватятся за любую надежду.

В двух шагах от него толпа остановилась, и мужчина в переднем ряду спросил:

— Это ты человек из «Фишхука»?

Блэйн кивнул.

— Да. Раньше я служил в «Фишхуке», но не теперь.

— Как Финн?

— Как Финн,— согласился Блэйн.

— И как Стоун,— вмешалась Анита.— Стоун тоже был из «Фишхука».

— Вы боитесь,— сказал Блэйн.— Вы боитесь меня, и Финна, и всего света. Но я нашел место, где вы забудете, что такое страх. Я открыл для вас новый мир, и если он вам нужен, берите его.

— А что это за мир? Чужая планета?

— Эта планета не хуже, чем лучшие уголки Земли. Я только вернулся оттуда...

— Но ты же спустился с горы. Мы сами видели, как ты спускался...

— Да замолчите же вы, идиоты,— закричала Анита.— Дайте ему рассказать.

— Я нашел способ,— продолжал Блэйн,— или, скорее, украл способ путешествовать в космосе и разумом и телом. Сегодня ночью я был на одной из планет. А утром прилетел обратно. Безо всякой машины. Это нетрудно, стоит только понять.

— Но где гарантии...

— Их нет. Ваше дело — верить мне или нет.

— Но даже «Фишхук»...

— С этой ночи,— медленно произнес Блэйн,— «Фишхук» — это вчерашний день. «Фишхук» нам больше не нужен. Мы можем летать, куда нам вздумается. Без машин. Только силой разума. А это и есть цель всех паракинетических исследований. Машина

всегда была только костылем, на который опирался прихрамывающий разум. Теперь этот костыль можно отбросить.

Сквозь толпу протиснулась женщина с изможденным лицом.

— Давайте кончать болтовню, — сказала она. — Ты говоришь, что нашел планету?

— Нашел.

— И можешь взять нас туда?

— Мне незачем брать вас. Вы сами можете полететь туда.

— Ты один из нас, сынок. У тебя честные глаза. Ты же не станешь нам лгать?

— Я не стану вам лгать, — улыбнулся Блэйн.

— Тогда рассказывай, что надо делать.

— А что можно взять с собой? — выкрикнул кто-то.

— Немного, — покачал головой Блэйн. — Мать может взять на руки ребенка. Можно надеть на плечи рюкзак. Перебросить через спину узел. Захватите с собой вилы, топор и еще какие-нибудь инструменты.

Из толпы вышел мужчина и произнес:

— Если уж лететь туда, то надо спешить. И нужно решить, что мы берем с собой. Нам понадобятся продукты, семена растений, одежда, инструменты...

— Вы в любой момент сможете вернуться, — сказал Блэйн. — В этом нет ничего сложного.

— Ладно, — остановила его женщина с измученным лицом. — Хватит терять время. Ближе к делу. Рассказывай, сынок.

— Погодите, еще момент. Есть среди вас дальние телепаты?

— Есть. Я, например, а вон Мертль, и Джим в том ряду, и...

— Вы должны все передавать. Всем, кому сможете. А те пусть передают другим и так далее. Пусть как можно больше людей узнает туда дорогу.

— Хорошо, — кивнула женщина, — можешь объяснять.

Шурша ногами по площади, люди плотным кольцом встали вокруг Блэйна и Аниты.

— Готовы? — спросил Блэйн. — Тогда смотрите.

И он почувствовал, как они смотрят, деликатно заглядывая в его разум и словно сливаясь с ним в одно целое.

И он тоже сливается с ними. Здесь, в этом кругу, десятки разумов объединились в один — один большой разум, полный теплоты, человечности и доброты. В нем был аромат весенней сирени и запах речного тумана, нависшего ночью над землей, и осенние краски

багряных холмов. В нем было потрескивание поленьев в очаге, рядом с которым дремлет старый пес, и пение ветра в карнизах. В нем было чувство дома и друзей, хорошего утра и добрых вечеров, соседа из дома напротив и перезвон колоколов маленькой церквушки.

Блэйн с сожалением отвернулся от этих ощущений, среди которых он мог жить бесконечно долго, и произнес:

— *А теперь запомните координаты планеты, куда вы отправитесь.*

Он передал им координаты, на всякий случай показав их им несколько раз.

— *А делается это вот так.*

И он извлек это омерзительное неземное знание и некоторое время держал перед ними, чтобы дать им привыкнуть, затем шаг за шагом объяснил им принцип и логику, хотя в этом практически не было нужды: раз увидев суть знания, они автоматически усвоили и принцип и логику.

Чтобы быть уверенным до конца, он еще раз все им повторил.

И их разумы отшатнулись от него, и только Анита осталась рядом.

— *Что случилось?* — спросил он Аниту, увидев, с каким выражением глаз они отступили от него.

Анита повела плечами.

— *Это было ужасно.*

— *Естественно. Но я видел вещи и похуже.*

Ну, конечно, в этом-то и дело. Он видел, а они — нет. Эти люди всю жизнь прожили на Земле, и ничего, кроме Земли, не знали. Им никогда не приходилось сталкиваться с неземными понятиями. Знание, которое он им показал, собственно, не было мерзким. Оно было неземным. В чужих мирах много вещей, от которых волосы встают дыбом, но которые для своего мира вполне естественны и нормальны.

— *Они им воспользуются?* — спросил он.

И услышал голос изможденной женщины:

— *Я услышала твой вопрос, сынок. То, что мы увидели, мерзко, но мы им воспользуемся. У нас нет выбора.*

— *Вы можете остаться здесь.*

— *Мы воспользуемся,* — повторила женщина.

— *И передадите информацию дальше?*

— *Сделаем все, что можем.*

Люди начали расходиться. Они выглядели смущенными и растерянными, словно кто-то рассказал непристойный анекдот на церковном собрании.

— *А ты что скажешь?* — спросил он Аниту.

Она медленно повернулась, чтобы стать с ним лицом к лицу:

— Ты должен был сделать это, Шеп. Ты не мог поступить по-другому. Ты не знал, как они все воспримут.

— Да, я не знал. Я так долго общался с неземным. Я сам теперь отчасти неземной. Я не совсем человек...

— Тс-с,— остановила она его.— Я знаю, кто ты.

— Ты уверена, Анита?

— Еще как уверена,— ответила она.

Он привлек ее к себе и крепко обнял на минуту, затем отпустил и заглянул ей в лицо и за улыбкой в глазах увидел слезы.

— Я должен идти,— сказал он.— У меня осталось еще одно дело.

— Ламберт Финн?

Блэйн кивнул.

— Нет! — закричала она.— Ты не станешь!

— Не то, что ты подумала,— ответил Блэйн.— Хотя, бог свидетель, я бы сделал это с удовольствием. До этого момента я действительно хотел убить его.

— Но разве не опасно возвращаться туда?

— Не знаю. Посмотрим. Я попытаюсь выиграть время. Я единственный, кто может это. Финн меня боится.

— Возьмешь машину?

— Если можно.

— Мы начнем уходить, как только стемнеет. Успеешь вернуться?

— Не знаю,— ответил он.

— Ты ведь вернешься? Ты ведь поведешь нас?

— Я не могу обещать, Анита. Не заставляй меня обещать.

— Но если ты увидишь, что мы ушли, ты пометишь за нами?

Блэйн промолчал.

Он не знал, что ответить.

Глава тридцать третья

В фойе отеля было тихо и почти безлюдно. Один человек дремал в кресле. Другой читал газету. За окошечком клерк со скучающим видом глядел на улицу и рассеянно щелкал пальцами.

Блэйн пересек фойе и по короткому проходу направился к лестнице.

— Лифт, сэр? — услужливо предложил лифтер.

— Не стоит,— отказался Блэйн.— Мне всего один этаж.

Он обошел лифт и начал подниматься пешком,

чувствуя, как на затылке дыбом встают волосы. Выйдет ли он отсюда живым, Блэйн не знал.

Но он вынужден был рискнуть.

Дорожка на каменных ступенях заглушала его шаги, и он поднимался в полной тишине, в которой слышен был только нервный присвист его дыхания.

На втором этаже все было по-прежнему. Так же, прислонив кресло к стене, сидел охранник. Увидев Блэйна, он наклонился, не вставая с кресла и широко раскинув ноги, и стал ждать, когда он подойдет поближе.

— К нему сейчас нельзя, — сообщил он Блэйну. — Он только что всех выгнал. Сказал, постарается заснуть.

Блэйн сочувственно кивнул:

— Да, несладко ему приходится.

— Никогда не видел, чтобы люди так расстраивались, — доверительно шепнул телохранитель. — Кто его так, по-вашему?

— Опять это проклятое колдовство.

Охранник глубокомысленно кивнул:

— Правда, он и до того, как это случилось, был не в себе. Когда вы в тот раз пришли к нему, с ним было все нормально, а после вас его словно подменили.

— Я в нем перемен не заметил.

— Я же говорю, при вас он был еще в порядке. И вернулся нормально. А где-то через час я заглянул, вижу: он сидит в кресле и на дверь уставился. Станный такой взгляд. Как будто внутри что-то болит. Он даже меня не заметил, когда я вошел. И так и не замечал, пока я с ним не заговорил.

— Может, он думал?

— Наверное. Но вчера было ужасно. Собрался народ, все приготовились его слушать, репортеров полно, а когда пошли в гараж за звездной машиной...

— Меня там не было, — прервал Блэйн, — но я слышал. Для него это, должно быть, был удар.

— Я думал, он там на месте и кончится, — сказал охранник. — Он весь побагровел...

— А не заглянуть ли нам к нему, — предложил Блэйн. — Если он уже спит, я уйду. А если не спит, мне ему надо сказать пару слов. Крайне важных.

— Ну что ж, раз вы его друг... Давайте попробуем.

Вот как неожиданно оборачивается эта фантастическая игра, подумал Блэйн. Финн не осмелился сказать обо мне ни слова. Он сделал вид, что я его старый приятель, лишь бы самому отгородиться от подозрений. Поэтому меня и не преследовали. Потому молодчики Финна и не перевернули вверх дном Гамильтон, разыскивая меня.

Это хороший сюрприз — если не западня.

Он почувствовал, как невольно напрягаются мышцы, и заставил себя расслабиться.

Охранник уже стоял на ногах и перебирал ключи.

— Эй, погоди,— остановил его Блэйн.— Ты же меня не обывал.

— Да ладно,— ухмыльнулся верзила.— Вы уже прошли проверку. Я видел, как вы выходили с Финном рука об руку. Он мне сказал, что вы его старый друг и вы не виделись много лет.

Он нашел нужный ключ и вставил его в замочную скважину.

— Я войду вперед,— предупредил он,— и погляжу, не спит ли он.

Охранник осторожно открыл дверь и тихо шагнул через порог. Блэйн вошел за ним.

И вдруг натолкнулся на спину неожиданно оставившегося охранника. Из рта у того раздавались странные, булькающие звуки.

Блэйн протянул руку и оттолкнул его в сторону. Финн лежал на полу.

В его позе было что-то неестественное.

Тело Финна было невероятно изогнуто, словно его скрутили руки великана. На лице, прижатом к полу, было написано выражение человека, заглянувшего в ад и почувствовавшего запах поджариваемых на вечном огне грешников. Его черное одеяние отливало неприятным блеском в свете настольной лампы, которая стояла недалеко от тела. А около груди и головы по ковру расплзлось темное пятно. На горло, перерезанное от уха до уха, было жутко смотреть.

Охранник по-прежнему стоял, застыв у дверей, только издаваемое им бульканье перешло в хрипы.

Блэйн подошел ближе к Финну и рядом с отброшенной рукой увидел инструмент смерти: старинную опасную бритву, которая могла бы вполне спокойно лежать где-нибудь на музейной полке.

Все, понял Блэйн, ушла последняя надежда. Договариваться больше не с кем. Ламберт Финн предпочел уйти от всех переговоров.

Он до последней минуты играл свою роль — роль жестокого, непреклонного аскета. И для собственного самоубийства он выбрал самый тяжелый способ.

Но все-таки, с ужасом глядя на красную прорезь поперек горла, думал Блэйн, для чего он так старался, продолжая пилить себя бритвой, даже умирая?

На такое способен только человек, полный ненависти, больной ненавистью к себе — такому, каким он стал.

Блэйн повернулся и вышел из комнаты. В коридоре,

в углу, стоял, перегнувшись пополам, охранник. Его рвало.

— Будь тут, — сказал Блэйн. — А я схожу за полицией.

Охранник вытер подбородок и широко раскрытыми глазами посмотрел на Блэйна.

— Господи, — выговорил он, — в жизни такого не видел...

— Сядь и успокойся, — велел Блэйн. — Я скоро вернусь.

Только не сюда, подумал он про себя. Довольно испытывать судьбу. Мне нужно несколько минут, чтобы скрыться, — я их имею. Охранник слишком потрясен, чтобы что-либо предпринимать какое-то время.

Но как только весть разойдется, начнется невообразимое.

Пощады парапсихам сегодня ночью не будет.

Он быстро пересек коридор и сбежал по ступеням. В фойе было по-прежнему пустынно, и он дошел до выхода незамеченным.

Но прежде чем он успел взяться за ручку двери, дверь распахнулась, и кто-то быстро шагнул ему навстречу.

Звякнув, на пол упала дамская сумочка. Блэйн, расставив руки, перегородил женщине дорогу.

— *Гарриет! Быстрее уходи отсюда! Быстро!*

— *Моя сумочка!*

Блэйн нагнулся, взял сумочку, но тут у нее расстегнулся замок, и что-то черное глухо стукнулось об пол. Блэйн быстро поднял тяжелый короткий предмет и спрятал его в ладони.

Гарриет уже повернулась и выходила. Блэйн поспешил за ней, взял за локоть и повел к своей машине.

Подойдя к машине, он открыл дверцу и втолкнул ее внутрь.

— *Но, Шеп... Моя машина за углом.*

— *Некогда. Надо быстрее убираться.*

Он обежал вокруг машины и сел за руль. Двигаясь куда медленнее, чем ему хотелось бы, Блэйн проехал квартал и свернул на перекрестке по направлению к шоссе.

Впереди стояло обгорелое здание фабрики.

Сумочка все еще лежала у него на коленях.

— Зачем тебе пистолет? — спросил он, отдавая сумочку.

— Я хотела убить его, — выкрикнула она. — Пристрелить, как собаку.

— Ты опоздала. Он мертв.

Она быстро повернулась к нему.

— Ты!

— Да, видимо, можно сказать, что я.

— Подожди, Шеп. Или ты убил его, или...

— Хорошо, — сказал он. — Я убил его.

И это было правдой. Чья бы рука ни убила Ламберта Финна, убийцей был он, Шепард Блэйн.

— У меня для этого был повод. А у тебя? — спросил он.

— Но он убил Годфри. Разве этого недостаточно?

— Ты любила Годфри.

— Я думаю, да. Ты знаешь, какой это был человек, Шеп.

— Знаю. В «Фишхуке» мы были с ним лучшими друзьями.

— Мне так больно, Шеп, так больно!

— Но в ту ночь...

— Тогда было не до слез. Вообще, мне всегда было не до них.

— Ты все знала...

— Давно. Это моя работа — знать все.

Блэйн выехал на шоссе и двинулся в сторону Гамилтона. Солнце уже село. Сочились сумерки, и на востоке, над прерией, зажглась первая вечерняя звезда.

— И что теперь? — спросил Блэйн.

— Теперь у меня собран материал. Весь, какой смогла.

— Ты хочешь написать об этом. Думаешь, твоя газета напечатает?

— Не знаю, — ответила она. — Но написать я должна. Ты сам понимаешь, что я не могу не написать. Я возвращаюсь в Нью-Йорк...

— Нет. Ты возвращаешься в «Фишхук». И не машиной, а самолетом из ближайшего аэропорта.

— Но, Шеп...

— Здесь слишком опасно, — объяснил Блэйн. — Они будут срывать зло на всех, кто хоть немного паранормален. Даже на обычных телепатах вроде тебя.

— Я не могу, Шеп. Я...

— Послушай меня, Гарриет. Финн подготовил провокацию — выступление части паранормальных на День всех святых. Это дело рук его контрразведки. Остальные паракинетики, узнав об этом, попытались помешать этому. Некоторых им удалось остановить, но не всех. И неизвестно, что будет сегодня ночью. Если б он был жив, он использовал бы волнения, чтобы подтолкнуть репрессии, затянуть гайки законодательства. Конечно, были бы и убийства, но не они были главной целью Финна. Но теперь, со смертью Финна...

— Они же теперь нас уничтожат, — охнула Гарриет.

— По крайней мере, постараются. Но есть выход...
— И, понимая все это, ты тем не менее убил Финна!
— Это не совсем убийство, Гарриет. Я пришел, чтобы договориться с ним. Я нашел способ увести паранормальных с Земли. Я собирался пообещать ему освободить всю Землю от паранормальных, если он еще неделю — другую продержит своих псов на цепи...
— Но ты сказал, что убил его.
— Наверное, будет лучше, если я тебе объясню все подробно. Чтобы, когда будешь писать, ты ничего не упустила.

Глава тридцать четвертая

В Гамильтоне было тихо. И пустынно — так пустынно, что пустота ощущалась физически.

Блэйн затормозил на площади и вышел из машины. Не светило ни единого огонька, и мягкий шум реки монотонно отдавался у него в ушах.

— Они улетели, — сказал он.

Гарриет тоже вышла и подошла к нему.

— Все в порядке, дружище, — произнесла она, — забирайся на своего коня.

Он отрицательно покачал головой.

— Но ты должен. Ты обязан отправиться вслед за ними. Твое место — среди них.

— Не сейчас. Может, когда-нибудь, через несколько лет. А пока много дел на Земле. Есть еще много паранормальных, которые дрожат от страха и прячутся по своим норам. Я должен отыскать их. Я обязан спасти всех, кого смогу.

— Но тебя убьют раньше. Ты для них — главная мишень. Люди Финна не оставят тебя в покое...

— Если станет совсем туго, я полечу. Я не герой, Гарриет. Я в принципе трус.

Она уселась за руль и обернулась сказать ему «до свиданья».

— погоди, — остановил ее Блэйн. — А что произошло тогда с тобой, когда я был в гараже?

Она засмеялась слегка резким смехом:

— Когда появился Рэнд, я решила уехать. Чтобы вызвать подмогу.

— Но?

— Меня арестовала полиция. На следующее утро меня выпустили, и с тех пор я тебя повсюду разыскиваю.

— Храбрая девочка, — сказал Блэйн, и тут в воздухе раздался слабый пульсирующий звук — он доносился издалека.

Блэйн замер, прислушиваясь. Звук все усиливался, и Блэйн скоро узнал в нем шум приближающихся автомобилей.

— Быстро, — скомандовал он. — Свет не включай. Скатись под горку и выедешь на шоссе.

— А ты, Шеп?

— За меня не бойся. Поезжай.

Она включила зажигание.

— До встречи!

— Поезжай, Гарриет! И спасибо тебе. За все спасибо. Привет Шарлин!

— До свиданья, Шеп, — сказала она, и машина тронулась в сторону холмов.

Ничего, она доедет, сказал себе Блэйн. Тот, кто сумел перебраться через скалы вокруг «Фишхука», здесь затруднений не встретит.

Оставшись один на площади, он слушал приближающийся рев двигателей. Вдалеке уже засветились точки фар. С реки прилетел прохладный ветерок и забился ему в штанины и рукава.

И так — повсюду, подумал он. Повсюду сегодня ночью гудят машины, ревет разъяренная толпа и бегут люди.

Он сунул руку в карман пиджака и ощутил тяжесть пистолета, выпавшего у Гарриет из сумочки. Он сжал рукоятку — понимая, что воевать с ними надо не оружием.

Против них нужна другая стратегия: изолировать их и дать им задохнуться от собственной посредственности. Пусть получают что хотят — планету, полную абсолютно нормальных людей. Пусть они разлагаются здесь, не зная космоса, не летая к другим мирам, вообще никуда не летал и ничего не делая. Как человек, всю жизнь просидевший в кресле-качалке на пороге своего дома в каком-нибудь старом, умирающем городе.

Без пополнения извне «Фишхук» разладится через какую-то сотню лет, а еще через сто рассыплется вообще. Наоборот, паралюди станут прилетать с других планет, чтобы забрать себе подобных из «Фишхука».

Впрочем, через сто лет это будет уже не важно, потому что человеческая раса уже обоснуется на других планетах и станет строить такую жизнь и цивилизацию, которую ей помешали построить на Земле.

Но пора идти. Нужно покинуть город, пока не приехали машины.

И снова я в одиночестве, подумал Блэйн. Но уже не так одинок — у меня есть цель. Цель, с неожиданной гордостью повторил про себя Блэйн, которую я сам создал.

Он расправил плечи, не обращая внимания на холодный ветер, и зашагал быстрее. У него еще есть дела. Много дел.

Слева от него, в тени деревьев, что-то шевельнулось, и Блэйн, уловив движение, резко повернулся.

— Это ты, Шеп? — раздался неуверенный голос.

— Анита! — воскликнул он. — Глупышка моя! Анита!

Она выбежала из темноты и бросилась к нему на грудь.

— Я не могла, не могла лететь без тебя. Я знала, что ты вернешься.

Он обнял ее изо всех сил и осыпал поцелуями, и не было силы в мире и во всей Вселенной, способной разъединить их. И не было ничего, только стремительный бег их крови, и сирень, и сверкающая звезда, и ветер с холмов, и они.

И еще — рев машин на шоссе.

Блэйн с трудом оторвал ее от себя.

— Бежим, — выкрикнул он. — Бежим, Анита!

— Как ветер! — отозвалась она.

И они побежали.

— Вверх, на гору, — сказала она. — Там машина. Я ее отогнала туда, как стемнело.

Поднявшись на холм до половины, они посмотрели назад.

Первые языки пламени лизнули густую черноту городка, и до них донеслись крики бессильной ярости. Глухо затрещали ружейные выстрелы.

— По теньям стреляют, — сказала Анита. — Там никого не осталось, даже кошек и собак. Их взяли с собой дети.

Но в других городах, подумал Блэйн, остались не только тени. И там будут пожары, и дымящиеся стволы, и веревочные петли, и окровавленный нож. А может — и топот быстрых ног, и темный силуэт в небе, и жуткий вой в горах.

— Анита? — спросил он. — Скажи, оборотни бывают?

— Да, — ответила она. — Оборотни сейчас там, внизу.

И она права, подумал Блэйн. Темнота разума, расплывчатость мыслей, мелкость целей — вот они, настоящие оборотни этого мира.

Они повернулись спиной к поселку и пошли дальше вверх.

Позади все жарче и яростней разгоралось пламя ненависти. Но впереди, над вершиной холма, в блеске далеких звезд светилась надежда.

ПОЕДИНОК РАЗУМОВ

Часть первая

Квида́к наблюдал с пригорка, как тонкий сноп света опускается с неба. Перистый снизу, золотой сноп сиял ярче солнца. Его венчало блестящее металлическое тело скорее искусственного, чем естественного происхождения. Квидак пытался найти ему название.

Слово не вспоминалось. Память затухла в нем вместе с функциями, остались лишь беспорядочные осколки образов. Он перебирал их, просеивал обрывки воспоминаний — развалины городов, смерть тех, кто в них жил, канал с голубой водой, две луны, космический корабль...

Вот оно! Снижается *космический корабль*. Их было много в славную эпоху Квидака.

Славная эпоха канула в прошлое, погребенная под песками. Уцелел только Квидак. Он еще жил, и у него оставалась высшая цель, которая должна быть достигнута. Могу́чий инстинкт высшей цели сохранился и после того, как истончилась память и замерли функции.

Квидак наблюдал. Потеряв высоту, корабль нырнул, качнулся, включил боковые дюзы, чтобы выровняться, и, подняв облачко пыли, сел на хвост посреди бесплодной равнины.

И Квидак, побуждаемый сознанием высшей цели Квидака, с трудом пополз вниз. Каждое движение отзывалось в нем острой болью. Будь Квидак себялюбивым созданием, он бы не вынес и умер. Но он не знал себялюбия. Квидаки имели свое предназначение во Вселенной. Этот корабль, первый за бесконечные годы, был мостом в другие миры, к планетам, где Квидак смог бы обрести новую жизнь и послужить местной фауне.

Он одолевал сантиметр за сантиметром и не знал, хватит ли у него сил поползти до корабля пришельцев, прежде чем тот улетит с этой пыльной и мертвой планеты.

Йенсен, капитан космического корабля «Южный Крест», был по горло сыт Марсом. Они провели тут десять дней, а результат? И ни одной стоящей археоло-

гической находки, ни единого обнадеживающего намека на некогда существовавший город — вроде того, что экспедиция «Полариса» открыла на Южном полюсе. Тут были только песок, несколько чахоточных кустиков да пара-другая покатых пригорков. Их лучшим трофеем за все это время стали три глиняных черепка.

Йенсен поправил кислородную маску. Над косогором показались два возвращающихся астронавта.

— Что хорошего? — окликнул их Йенсен.

— Да вот только, — ответил инженер-механик Вейн, показывая обломок ржавого лезвия без рукоятки.

— И на том спасибо, — сказал Йенсен. — А что у тебя, Уилкс?

Штурман пожал плечами:

— Фотографии местности и больше ничего.

— Ладно, — произнес Йенсен. — Валите все в стерилизатор и будем трогаться.

У Уилкса вытянулось лицо:

— Капитан, разрешите одну-единственную коротенькую вылазку к северу — вдруг подвернется что-нибудь по-настоящему...

— Исключено, — возразил Йенсен. — Топливо, продовольствие, вода — все рассчитано точно на десять дней. Это на три дня больше, чем было у «Полариса». Стартуем вечером.

Инженер и штурман кивнули. Жаловаться не приходилось: как участники Второй марсианской экспедиции, они могли твердо надеяться на почетную, пусть и маленькую сноску в курсах истории. Они опустили снаряжение в стерилизатор, завинтили крышку и поднялись по лесенке к люку. Вошли в шлюз-камеру. Вейн задрал внешний люк и повернул штурвал внутреннего.

— Постой! — крикнул Йенсен.

— Что такое?

— Мне показалось, у тебя на ботинке что-то вроде большого клопа.

Вейн ощупал ботинки, а капитан со штурманом оглядели со всех сторон его комбинезон.

— Заверни-ка штурвал, — сказал капитан. — Уилкс, ты ничего такого не заметил?

— Ничегошеньки, — ответил штурман. — А вы уверены, кэп? На всей планете мы нашли только несколько растений, зверьем или насекомыми здесь и не пахло.

— Что-то я видел, готов поклясться, — сказал Йенсен. — Но может, просто почудилось... Все равно надо продезинфицировать одежду перед тем, как войти. Не стоит рисковать — не дай бог, прихватим с собой какого-нибудь марсианского жучка.

Они разделись, сунули одежду и обувь в приемник и тщательно обыскали голую стальную шлюз-камеру.

— Ничего, — наконец констатировал Йенсен. — Ладно, пошли.

Вступив в жилой отсек, они задраили люк и продезинфицировали шлюз. Квидак, успевший проползти внутрь, уловил отдаленное шипение газа. Немного спустя он услышал, как заработали двигатели.

Квидак забрался в темный кормовой отсек. Он нашел металлический выступ и прилепился снизу у самой стены. Прошло еще сколько-то времени, и он почувствовал, как корабль вздрогнул.

Весь утомительно долгий космический полет Квидак провисел, уцепившись за выступ. Он забыл, что такое космический корабль, но теперь память быстро восстанавливалась. Он погружался то в чудовищный жар, то в ледяной холод. Адаптация к перепадам температуры истощила и без того скудный запас его жизненных сил. Квидак почувствовал, что может не выдержать.

Он решительно не хотел погибать. По крайней мере до тех пор, пока существовала возможность достичь высшей цели Квидака.

Прошло время, и он ощутил жесткую силу тяготения, почувствовал, как снова включились главные двигатели. Корабль садился на родную планету.

После посадки капитана Йенсена и его экипаж, согласно правилам, препроводили в Центр медконтроля, где прослушали, прозондировали и проверили, не гнездится ли в них какой-нибудь недуг.

Корабль погрузили на вагон-платформу и отвезли вдоль рядов межконтинентальных баллистических ракет и лунных кораблей на дегазацию первой ступени. Здесь наружную обшивку корпуса обработали, задраив люки, сильными ядохимикатами. К вечеру корабль переправили на дегазацию второй ступени, и им занялась спецкоманда из двух человек, оснащенных громоздкими баллонами со шлангами.

Они отдраили люк, вошли и закрыли его за собой. Начали они с носовой части, методически опрыскивая помещения по мере продвижения к корме. Все как будто было в порядке: никаких животных или растений, никаких следов плесени вроде той, какую завезла Первая лунная экспедиция.

— Неужели все это и вправду нужно? — спросил младший дегазатор (он уже подал рапорт о переводе в диспетчерскую службу).

— А то как же, — ответил старший. — На таких кораблях можно завести черт знает что.

— Пожалуй, — согласился младший. — А все-таки

марсианская жизнь, если она, конечно, есть, вряд ли на Земле уцелеет. Или нет?

— Откуда мне знать? — изрек старший. — Я не биолог. Да биологи, скорее всего, и сами не знают.

— Только время даром тра... Эге!

— В чем дело? — спросил старший.

— По-моему, там что-то есть, — сказал младший. — Какая-то тварь вроде пальмового жука. Вон под тем выступом.

Старший дегазатор поплотнее закрепил маску и знаком приказал помощнику сделать то же. Он осторожно приблизился к выступу, отстегивая второй шланг от запячного баллона, и, нажав на спуск, расплыл облако зеленоватого газа.

— Ну вот, — произнес он, — на твоего жука хватит. — Став на колени, он заглянул под выступ: — Ничего нет.

— Видно, померещилось, — сказал помощник.

Они на пару обрабатывали из распылителей весь корабль, уделив особое внимание маленькому контейнеру с марсианскими находками, и, выйдя из заполненной газом ракеты, задраили люк.

— Что дальше? — спросил помощник.

— Дальше корабль простоит закупоренным трое суток, — ответил старший дегазатор, — после чего мы проведем вторичный осмотр. Ты найди мне тварь, которая протянет три дня в эдаких условиях!

Все это время Квидак висел, прилепившись к ботинку младшего дегазатора между каблуком и подошвой. Теперь он отцепился и, прислушиваясь к басовитому, раскатистому и непонятному звуку человеческих голосов, следил, как удаляются двуногие темные фигуры. Он чувствовал усталость и невыразимое одиночество.

Но его поддерживала мысль о высшей цели Квидака. Остальное не имело значения. Первый этап в достижении цели остался позади: он успешно высадился на обитаемой планете. Сейчас ему требовались вода и пища. Затем — отдых, основательный отдых, чтобы восстановить уснувшие способности. И тогда он сможет дать этому миру то, чего ему так явно не хватает, — сообщество, которое способен основать один лишь Квидак.

Он медленно пополз через темную площадку, мимо пустых махин космических кораблей, добрался до провололочной ограды и ощутил, что по проволоке пропущен ток высокого напряжения. Тщательно рассчитав траекторию, Квидак благополучно проскочил в ячейку.

Этот участок оказался совсем другим. Квидак по-

чуял близко воду и пищу. Он торопливо пополз вперед — и остановился.

Ощущалось присутствие человека. И что-то еще, куда более грозное.

— Кто там? — окликнул охранник. Он застыл с револьвером в одной руке и фонариком в другой. Неделя назад на склад проникли воры и сперли три ящика с частями для ЭВМ, ожидавшими отправки в Рио. Сейчас он был готов встретить грабителей как положено.

Охранник приблизился — старик с зорким взглядом и крепкой хваткой. Луч фонарика пробежал по грузам, вспыхнул желтыми искрами в пирамиде фрезерных станков повышенной точности для Южной Африки, скользнул по водозаборному устройству (получатель — Иордания) и куче разносортного груза назначением в Рабаул.

— Выходи, а то хуже будет, — крикнул охранник. Луч выхватил из темноты мешки риса (порт доставки Шанхай), партию электропил для Бирмы — и замер.

— Тьфу ты, черт, — пробормотал охранник и рассмеялся. Перед ним сидела, уставившись на свет, огромная красноглазая крыса. В зубах она держала какого-то необычно большого таракана.

— Приятного аппетита, — сказал охранник и, засунув револьвер в кобуру, возобновил обход.

Большой черный зверь съапал Квидака, и твердые челюсти сомкнулись у него на спинке. Квидак попробовал сопротивляться, но внезапный луч желтого света ослепил его, и он впал в прострацию.

Желтый свет удалился. Зверь сжал челюсти, пытаясь прокусить Квидаку панцирь. Квидак собрал последние силы и, распрямив свой длинный в сегментах, как у скорпиона, хвост, нанес удар.

Он промахнулся, но черный зверь сразу же его выпустил. Квидак задрал хвост, изготовившись для второго удара, а зверь принялся кружить вокруг него, не желая упустить добычу.

Квидак выжидал подходящий момент. Его переполняло ликование. Это агрессивное существо может стать первым — первым на всей планете, — приобщенным к высшей цели Квидака. Эта ничтожная зверушка положит начало...

Зверь прыгнул, злобно щелкнув белыми зубами. Квидак увернулся и, молниеносно взмахнув хвостом, прицепился концевыми шипами зверю к спине. Зверь метался и прыгал, но Квидак упорно держался, сосредоточившись на первоочередной задаче — пропустить через хвостовой канал белый кристаллик и вогнать его зверю под шкуру.

Но эта важнейшая из способностей Квидака все еще к нему не вернулась. Не в силах добиться желаемого, Квидак втянул шипы, старательно нацелился и ужалил черного зверя точно между глаз. Удар, как он знал, будет смертельным.

Квидак насытился убитым противником. Особой радости при этом не испытывал — Квидак предпочитал растительную пищу. Окончив трапезу, он понял, что ему жизненно необходим долгий отдых. Только отдых мог полностью восстановить способности и силы Квидака.

В поисках укрытия он одолел горы грузов, сваленных на площадке. Обследовав несколько тюков, он наконец добрался до штабеля тяжелых ящиков. В одном из них он обнаружил отверстие, в которое как раз смог протиснуться.

Квидак вполз в ящик и по блестящей, скользкой от емазки поверхности какого-то механизма пробрался в дальний угол. Там он погрузился в глубокий, без сновидений сон Квидаков, безмятежно положившись на то, что принесет с собой будущее.

Часть вторая

I

Большая остроносая шхуна держала курс прямо на остров в кольце рифа, приближаясь к нему со скоростью экспресса. Могучие порывы северо-восточного ветра надували ее паруса, из люка, закрытого решеткой тикового дерева, доносился грохот ржавого дизеля марки «Элисон-Чемберс». Капитан и помощник стояли на мостике, разглядывая надвигающийся риф.

— Что-нибудь видно? — спросил капитан, коренастый лысеющий человек с постоянно насупленными бровями. Вот уже двадцать пять лет он водил свою шхуну вдоль и поперек юго-западной Океании с ее не обозначенными на картах мелями и рифами. И хмурился он оттого, что никто не брался страховать его старую посудину. Их палубный груз, однако, был застрахован, и часть этого груза проделала путь от самого Огденвилла, перевалочной базы в пустыне, где приземлялись космические корабли.

— Ничего, — ответил помощник.

Он впился глазами в ослепительно белый коралловый барьер, высматривая синий просвет, который укажет узкий проход в лагуну. Для помощника это было первое плавание к Соломоновым островам. До того, как им овладела страсть к путешествиям, он

работал в Сиднее мастером по ремонту телевизоров; сейчас он решил, что капитан спятил и собирается учинить эффективное смертоубийство, бросив судно на рифы.

— По-прежнему ничего! — крикнул он. — Банки по курсу!

— Пусти-ка меня, — сказал капитан рулевому. Он крепко сжал штурвал и уперся взглядом в сплошную стену рифа.

— Ничего, — повторил помощник. — Капитан, лучше развернуться.

— Нет, а то не проскочим, — ответил капитан. Он начинал тревожиться. Но он обещал группе американцев-кладоискателей доставить груз на этот самый остров, а капитан был хозяином своего слова. Груз он получил в Рабауле, заглянул, как обычно, к поселенцам в Нью-Джорджию и на Малайту и заранее предвкушал тысячемильное плавание к Новой Каледонии, которое ожидало его после захода на этот остров.

— Вот он! — заорал помощник.

В коралловом барьере прорезалась узенькая голубая полоска. Их отделяло от нее менее тридцати ярдов, и старая шхуна шла со скоростью около восьми узлов.

Когда судно входило в проход, капитан резко крутанул штурвал, и шхуну развернуло на киле. По обе стороны мелькнул коралл, едва не задев обшивки. Раздался металлический скрежет; верхний рей грот-мачты, спружинив, чиркнул по скале, и они очутились в проходе со встречным течением в шесть узлов.

Помощник запустил двигатель на полную силу и вспрыгнул на мостик помочь капитану управиться со штурвалом. Под парусом и на дизельной тяге шхуна одолела проход, царапнув левым бортом о коралловый риф, и вошла в спокойные воды лагуны.

Капитан вытер лоб большим платком в горошек.

— Чистая работа, — произнес он.

— Ничего себе *чистая*! — взвыл помощник и отвернулся. По лицу капитана пробежала улыбка.

Они миновали стоящий на якоре маленький кеч¹. Матросы-туземцы убрали парус, и шхуна ткнулась носом в рахитичный причал, отходивший от песчаного берега. Швартовы привязали прямо к стволам пальм. Из начинавшихся сразу над пляжем джунглей появился белый мужчина и быстрым шагом направился к шхуне под полуденным солнцем.

Он был худой и очень высокий, с узловатыми коленями и локтями. Злое солнце Меланезии и награди-

¹ Небольшое двухмачтовое парусное судно грузоподъемностью 100—200 тонн.

ло его не загаром, а ожогами — у него облезла кожа на носу и скулах. Его роговые очки со сломанной дужкой скрепляла полоска лейкопластыря. Вид у него был энергичный, по-мальчишески задорный и невероятно простодушный.

Тоже мне охотник за сокровищами, подумал помощник.

— Рад вас видеть! — крикнул высокий. — А мы уж было решили, что вы совсем сгинули.

— Еще чего, — ответил капитан. — Мистер Соренсен, познакомьтесь с моим новым помощником, мистером Уиллисом.

— Очень рад, профессор, — сказал помощник.

— Я не профессор, — поправил Соренсен, — но все равно спасибо.

— Где остальные? — заинтересовался капитан.

— Там, в лесу, — ответил Соренсен. — Все, кроме Дрейка, он сейчас подойдет. Вы у нас долго пробудете?

— Только разгрузюсь, — сказал капитан. — Нужно поспеть к отливу. Как сокровища?

— Мы хорошо покопали и не теряем надежды.

— Но дублонов пока не выкопали? Или золотых песо?

— Ни единого, черт их побери, — устало промолвил Соренсен. — Вы привезли газеты, капитан?

— А как же, — ответил тот. — Они у меня в каюте. Вы слышали о втором корабле на Марс?

— Слышал, передавали на коротких волнах, — сказал Соренсен. — Не очень-то много они там нашли, а?

— Можно сказать, ничего не нашли. Но все равно, только подумать! Два корабля на Марс, и, я слышал, собираются запустить еще один — на Венеру.

Все трое огляделись и ухмыльнулись.

— Да, — сказал капитан, — по-моему, до юго-западной Океании космический век еще не добрался. А уж до *этого места* и подавно. Ну ладно, займемся грузом.

«Этим местом» был остров Вуану, самый южный из Соломоновых, рядом с архипелагом Луизиада. Это был остров вулканического происхождения, довольно большой — около двадцати миль в длину и несколько в ширину. Когда-то тут располагалось с полдюжины туземных деревушек, но после опустошительных налетов работорговцев в 1850-х годах население начало сокращаться. Эпидемия кори унесла почти всех оставшихся, а уцелевшие туземцы перебрались на Нью-Джорджию. Во время второй мировой войны тут устроили наблюдательный пункт, но корабли сюда не заходили. Японское вторжение захватило Новую Гвинею, самые северные из Соломоновых островов и прокати-

лось еще дальше на север через Микронезию. К концу войны Вуану оставался все таким же заброшенным. Его не превратили ни в птичий заповедник, как остров Кантон, ни в ретрансляционную станцию, как остров Рождества, ни в заправочный пункт, как один из Кокосовых. Он никому не понадобился даже под полигон для испытания атомной, водородной или иной бомбы. Вуану представлял собой никудышный, сырой, заросший участок суши, где мог хозяйничать всякий, кому захочется.

Уильяму Соренсену, директору-распорядителю сети виноторговых магазинов в Калифорнии, захотелось похотничать на Вуану.

У Соренсена была страсть — охота за сокровищами. В Луизиане и Техасе он искал сокровища Лафитта, а в Аризоне — Забытый Рудник Голландца. Ни того, ни другого он не нашел. На усеянном обломками берегу Мексиканского залива ему повезло несколько больше, а на крошечном островке в Карибском море он нашел две пригоршни испанских монет в прогнившем парусиновом мешочке. Монеты стоили около трех тысяч долларов, экспедиция обошлась много дороже, но Соренсен считал, что затраты окупились с лихвой.

Много лет ему не давал покоя испанский галеон «Святая Тереза». По свидетельствам современников, судно отплыло из Манилы в 1689 году, доверху груженное золотом. Неповоротливый корабль угодил в шторм, был снесен к югу и напоролся на риф. Восемнадцать человек, уцелевших при крушении, ухитрились выбраться на берег и спасти сокровище. Они закопали золото и в корабельной шлюпке отплыли под парусом в Филиппины. Когда шлюпка достигла Манилы, в живых оставалось всего двое.

Островом сокровищ предположительно должен был быть один из Соломоновых. Но какой именно?

Этого не знал никто. Кладоискатели разыскивали тайник на Бугенвиле и Буке. Поговаривали, что он может оказаться на Малаите. Добрались даже до атолла Онтонг-Джава. Никаких сокровищ, однако, не обнаружили.

Основательно изучив проблему, Соренсен пришел к выводу, что «Святая Тереза», по всей вероятности, умудрилась проплыть между Соломоновыми островами чуть ли не до архипелага Луизиада и тут только разбилась о риф Вуану.

Мечта поискать сокровища на Вуану так бы и осталась мечтой, не повстречай Соренсен Дэна Дрейка — еще одного из той же породы кладоискателей-любителей и к тому же, что важнее, — владельца пятидесятипятифутового кеча.

Так в один прекрасный вечер за рюмкой спиртного родилась экспедиция на Вуану.

Они выбрали еще несколько человек. Привели кеч в рабочее состояние. Скопили деньги, собрали снаряжение. Продумали, где еще в юго-западной Океании мог быть захоронен тайник. Наконец согласовали отпущка, и экспедиция отбыла по назначению.

Они вот уже три месяца работали на Вуану и пребывали в добром настроении, несмотря на неизбежные в такой маленькой группе трения и разногласия. Шхуна, доставившая припасы и груз из Сиднея и Рабаула, была их единственной связью с цивилизованным миром на ближайшие полгода.

Экипаж занимался выгрузкой под надзором Соренсена. Он нервничал, опасаясь, как бы в последнюю минуту не грохнули какой-нибудь механизм, который везли сюда за шесть с лишним тысяч миль. О замене не могло быть и речи, так что, если они чего не досчитаются, придется им без этого как-то обходиться. Он с облегчением вздохнул, когда последний ящик — в нем был детектор металла — благополучно переправили через борт и втащили на берег выше отметки максимального уровня прилива.

С этим ящиком вышла небольшая накладка. Осмотрев его, Соренсен обнаружил в одном углу дырку с двадцатицентovou монету; упаковка оказалась с брачком.

Подошел Дэн Дрейк, второй руководитель экспедиции.

— Что стряслось? — спросил он.

— Дырка в ящике, — ответил Соренсен. — Может, попала морская вода. Весело нам придется, если детектор начнет барахлить.

— Давай вскроем и поглядим, — кивнул Дрейк. Это был низкорослый, широкоплечий, дочерна загоревший брюнет с редкими усиками и короткой стрижкой. Старая шапочка яхтсмена, которую он натягивал до самых глаз, придавала ему сходство с упрямым бульдогом. Он извлек из-за пояса большую отвертку и вставил в отверстие.

— Не спеши, — остановил его Соренсен. Оттащим-ка сперва его в лагерь. Ящик нести легче, чем аппарат в смазке.

— И то верно, — согласился Дрейк. — Берись с другого конца.

Лагерь был разбит в ста ярдах от берега, на вырубке, где находилась брошенная туземцами деревушка. Кладовщики сумели заново покрыть пальмовым листом несколько хижин. Стоял тут и старый сарай для копры под кровом из оцинкованного железа — в

нем они держали припасы. Сюда даже долетал слабый ветерок с моря. За вырубкой сплошной серо-зеленой стеной поднимались джунгли.

Соренсен и Дрейк опустили ящик на землю. Капитан — он сопровождал их и нес газеты — посмотрел на хилые лачуги и покачал головой.

— Не хотите промочить горло, капитан? — спросил Соренсен. — Вот только льда у нас нет.

— Не откажусь, — сказал капитан. Он не мог понять, что за сила гонит людей в такую забытую богом дыру в погоне за мифическими испанскими сокровищами.

Соренсен вынес из хижины бутылку виски и алюминиевую кружку. Дрейк, вооружившись отверткой, сосредоточенно вскрывал ящик.

— Как на вид? — спросил Соренсен.

— Нормально, — ответил Дрейк, осторожно извлекая детектор. — Смазки не пожалели. Повреждений вроде бы нет...

Он отпрыгнул, а капитан шагнул и с силой вогнал каблук в песок.

— В чем дело? — спросил Соренсен.

— Похоже, скорпион, — сказал капитан. — Выполз прямо из вашего ящика. Мог и ужалить кого. Мерзкая тварь!

Соренсен пожал плечами. За три месяца на Вуану он привык к тому, что кругом кишат насекомые, так что еще одна тварь погоды не делала.

— Повторить? — предложил он.

— И хочется, да нельзя, — вздохнул капитан, — Пора отчаливать. У вас все здоровы?

— Пока что все, — ответил Соренсен и, улыбнувшись, добавил: — Если не считать запущенных слушаев золотой лихорадки.

— Здесь вам ни в жизнь золота не найти, — убежденно произнес капитан. — Через полгода загляну вас проведать. Удачи!

Обменявшись с ними рукопожатиями, капитан спустился к лагуне и поднялся на шхуну. Когда закат тронул небо первым розоватым румянцем, судно отчалило. Соренсен и Дрейк провожали его глазами, пока оно одолевало проход. Еще несколько минут его мачты просматривались над рифом, потом скрылись за горизонтом.

— Ну, — сказал Дрейк, — вот мы, сумасшедшие американцы-кладоискатели, и снова одни.

— Тебе не кажется, что он что-то почуял? — спросил Соренсен.

— Уверен, что нет. Мы для него — безнадежные психи.

Они ухмыльнулись и взглянули на лагерь. Под сараем для копры было зарыто золотых и серебряных слитков примерно на пять — десять тысяч долларов. Их откопали в джунглях, перенесли в лагерь и снова аккуратно закопали. В первый же месяц экспедиция обнаружила часть сокровищ со «Святой Терезы», и все указывало на то, что найдутся и остальные. А так как по закону никаких прав на остров у них не было, они совсем не спешили трубить об успехе. Стоит известию просочиться, как алчущие золота бродяги от Перта до Папэте все как один ринутся на Вуану.

— Скоро и ребята придут, — сказал Дрейк. — Поставим мясо тушиться.

— Самое время, — ответил Соренсен. Он прошел несколько шагов и остановился: — Странно.

— Что странного?

— Да этот скорпион, которого раздавил капитан. Он исчез.

— Значит, капитан промазал, — сказал Дрейк. — А может, только вдавил его в песок. Нам-то что за работа?

— Да, в общем, никакой, — согласился Соренсен.

II

Эдвард Икинс шел по зарослям, закинув на плечо лопату с длинной ручкой, и задумчиво сосал леденец. Первый за много месяцев леденец казался ему пищей богов. Настроение у него было прекрасное. Накануне шхуна доставила не только инструменты и запчасти, но также продукты, сигареты и сладости. На завтрак у них была яичница с настоящей свиной грудинкой. Еще немного — и экспедиция приобретет вполне цивилизованный облик.

Рядом в кустах что-то зашуршало, но Икинс шел своей дорогой, не обращая внимания.

Это был худой сутуловатый человек, рыжеволосый, дружелюбный, с бледно-голубыми глазами. Он не умел располагать к себе и понимал, как ему повезло, что его взяли в экспедицию. Хозяин бензоколонки, он был беднее других и не смог полностью внести в общий котел свою долю, из-за чего его до сих пор грызла совесть. В экспедицию его взяли потому, что он был страстным и неутомимым охотником за сокровищами и хорошо знал джунгли. Не меньшую роль сыграло и то, что он оказался опытным радистом и вообще мастером на все руки. Передатчик на кече работал у него безотказно, несмотря на морскую соль и плесень.

Теперь он, понятно, мог внести свой пай целиком. Но раз они и в самом деле разбогатели, это *теперь* уже

не считалось. Вот если б найти какой-нибудь способ...
В кустах снова зашуршало.

Икинс остановился и подождал. Кусты дрогнули, и на тропинку вышла мышь.

Икинс остолбенел. Мыши, как большинство диких зверушек на острове, боялись человека. Они хоть и кормились на лагерной помойке, когда крысы первыми не добирались до отбросов, однако старательно избегали встречи с людьми.

— Шла бы ты себе домой,— посоветовал Икинс мыши.

Мышь уставилась на Икинса. Икинс уставился на мышь. Хорошенький светло-шоколадный зверек величиной не больше четырех-пяти дюймов вовсе не выглядел испуганным.

— Пока, мышенция,— сказал Икинс,— некогда мне, у меня работа.

Он переложил лопату на другое плечо и повернулся, чтобы идти. Поворачиваясь, он краем глаза уловил, как метнулось коричневое пятнышко, и инстинктивно отпрянул. Мышь проскочила мимо, развернулась и подобралась для повторного прыжка.

— Ты что, спятила? — осведомился Икинс.

Мышь ощерила крохотные зубки и прыгнула. Икинс отбил нападение.

— А ну, вали отсюда к чертовой матери,— сказал он. Ему подумалось: может, она и вправду сошла с ума или взбесилась?

Мышь изготовилась для новой атаки. Икинс поднял лопату и замер, выжидая. Когда мышь прыгнула, он встретил ее точно рассчитанным ударом. Потом скрепя сердце осторожно добил.

— Нельзя же, чтобы бешеная мышь разгуливала на воле,— произнес он. Но мышь не походила на бешеную — она просто была очень целеустремленной.

Икинс поскреб в затылке. А все-таки, подумал он, что же вселилось в эту мелкую тварь?

Вечером в лагере рассказ Икинса был встречен взрывами хохота. Поединок с мышью — такое было вполне в духе Икинса. Кто-то предложил ему впредь ходить с ружьем — на случай, если мышьяная родня надумает отомстить. В ответ Икинс только сконфуженно улыбался.

Два дня спустя Соренсен и Эл Кейбл в двух милях от лагеря заканчивали утреннюю смену на четвертом участке. На этом месте детектор показал залегание. Они углубились уже на семь футов, но пока что накопили лишь большую кучу желтовато-коричневой земли.

— Видимо, детектор наврал,— сказал, устало вы-

тирая лицо, Кейбл, дородный человек с младенчески-розовой кожей. На Вуану он спустил вместе с потом двадцать фунтов веса, подхватил тропический лишай в тяжелой форме и по горло насытился охотой за сокровищами. Ему хотелось одного — поскорей очутиться у себя в Балтиморе, в своем насиженном кресле хозяина агентства по продаже подержанных автомобилей. Об этом он заявлял решительно, неоднократно и в полный голос. В экспедиции он единственный оказался плохим работником.

— С детектором все в порядке, — возразил Соренсен. — Тут, на беду, почва болотистая. Тайник, должно быть, ушел глубоко в землю.

— Можно подумать, на все сто футов, — отозвался Кейбл, со злостью всадив лопату в липкую грязь.

— Что ты, — сказал Соренсен, — под нами базальтовая скала, а до нее самое большее двадцать футов.

— Двадцать футов! Зря мы не взяли на остров бульдозер.

— Пришлось бы выложить круглую сумму, — примирительно ответил Соренсен. — Ладно, Эл, давай собираться, пора в лагерь.

Соренсен помог Кейблу выбраться из ямы. Они обтерли лопаты и направились было к узкой тропе, что вела в лагерь, но тут же остановились.

Из зарослей, преградив им дорогу, выступила огромная безобразного вида птица.

— Что это еще за диковина? — спросил Кейбл.

— Казуар.

— Ну так наподдадим ему, чтоб не торчал на дорожке, и пойдем себе.

— Полегче, — предупредил Соренсен. — Если кто кому и наподдаст, так это он нам. Отступаем без паники.

Это была черная, похожая на страуса птица высотой в добрых пять футов, на мощных ногах. Трехпалые лапы заканчивались внушительными кривыми когтями. У птицы были короткие недоразвитые крылья и желтоватая костистая головка; с шеи свешивалась яркая красно-зелено-фиолетовая борода.

— Он опасный? — спросил Кейбл.

Соренсен утвердительно кивнул:

— На Новой Гвинее эти птицы, случалось, насмерть забивали аборигенов.

— Почему мы до сих пор его не видали?

— Обычно они очень робкие, — объяснил Соренсен, — и держатся от людей подальше.

— Этого-то робким не назовешь, — сказал Кейбл, когда казуар шагнул им навстречу. — Мы сможем удрать?

— Они бегают много быстрее,— ответил Соренсен.— Ружья ты с собой, конечно, не взял?

— Конечно нет. Кого тут стрелять?

Пятясь, они выставили перед собой лопаты наподобие копий. В кустах хрустнуло, и появился муравьед. Следом вылезла дикая свинья. Звери втроем надвигались на людей, тесня их к плотной завесе зарослей.

— Они нас гонят,— голос Кейбла сорвался на визг.

— Спокойнее,— сказал Соренсен.— Остерегаться нужно одного казуара.

— А муравьеды опасны?

— Только для муравьев.

— Черта с два,— сказал Кейбл.— Билл, на этом острове все животные тронулись. Помнишь Икинсову мышь?

— Помню,— ответил Соренсен. Они отступили до конца вырубки. Спереди напирали звери во главе с казуаром, за спиной были джунгли и то неизвестное, к которому их оттесняли.

— Придется рискнуть и пойти на прорыв,— сказал Соренсен.

— Проклятая птица загородила дорогу.

— Придется ее сбить,— решил Соренсен.— Берегись лапы. Побежали!

Они бросились на казуара, размахивая лопатами. Казуар замешкался, не в силах выбрать, потом повернулся к Кейблу и выбросил правую ногу. Удар пришелся по касательной. Раздался звук вроде того, какой издает говяжий бок, если по нему треснуть плашмя большим секачом. Кейбл ухнул и повалился, схватившись за грудь.

Соренсен взмахнул лопатой и заточенным ее краем почти снес казуару голову. Тут на него накиннулись муравьед и свинья. От них он отбил лопатой. Затем — и откуда только силы взялись? — наклонился, взвалил Кейбла на спину и припустил по тропе.

Через четверть мили он совсем выдохся, пришлось остановиться. Не было слышно ни звука. Судя по всему, свинья с муравьедом отказались от преследования. Соренсен занялся пострадавшим.

Кейбл очнулся и вскоре смог идти, опираясь на Соренсена. Добравшись до лагеря, Соренсен созвал всех участников экспедиции. Пока Икинс перебинтовывал Кейблу грудь эластичным бинтом, он сосчитал пришедших. Одного не хватало.

— Где Дрейк? — спросил Соренсен.

— На той стороне, удит рыбу на северном берегу,— ответил Том Рисетич.— Сбежать позвать?

Соренсен подумал, потом сказал:

— Нет. Сперва я объясню, с чем мы столкнулись.

Затем раздадим оружие. А уж *затем* попробуем найти Дрейка.

— Послушай, что у нас тут происходит? — спросил Рисетич.

И Соренсен рассказал им о том, что случилось на четвертом участке.

В рационе кладоискателей рыба занимала большое место, а ловля рыбы была любимым занятием Дрейка. Поначалу он отправился на ловлю с маской и гарпунным ружьем. Но в этом богоспасаемом уголке водилось слишком много голодных и нахальных акул, так что он скрепя сердце отказался от подводной охоты и удили на леску с подветренного берега.

Закрепив лесы, Дрейк улегся в тени пальмы. Он дремал, сложив на груди крупные руки. Его пес Оро рыскал по берегу в поисках раков-отшельников. Оро был добродушным существом неопределенной породы — отчасти эрдель, отчасти терьер, отчасти бог весть что. Вдруг он зарычал.

— Не лезь к крабам, — крикнул Дрейк, — доиграешься: снова клешни отведаешь.

Оро продолжал рычать. Дрейк перекатился на живот и увидел, что пес сделал стойку над большим насекомым, похожим на скорпиона.

— Оро, брось эту гадость...

Дрейк не успел и глазом моргнуть, как насекомое прыгнуло, оказалось у Оро на шее и ударило своим членистым хвостом. Оро коротко взлаял. В одну секунду Дрейк был на ногах. Он попытался прихлопнуть тварь, но та соскочила с собаки и удрала в заросли.

— Тихо, старина, — сказал Дрейк. — Смотри, какая скверная ранка. В ней может быть яд. Дай-ка мы ее вскроем.

Он крепко обнял пса — тот часто и быстро дышал — и извлек кортик. Однажды ему уже приходилось оперировать Оро — в Центральной Америке, когда того ужалила змея; а на Адирондаке он, придерживая собаку, щипцами вытягивал у нее из пасти иглы дикообраза. Пес всегда понимал, что ему помогают, и не сопротивлялся.

На этот раз собака вцепилась ему в руку.

— Оро!

Свободной рукой Дрейк сжал псу челюсти у основания, сильно нажал и парализовал мышцы, так что собака разомкнула пасть. Высвободив руку, он отпихнул Оро. Пес поднялся и пошел на хозяина.

— Стоять! — крикнул Дрейк. Пес приближался, заходя сбоку так, чтобы отрезать его от воды.

Обернувшись, Дрейк увидел, что «скорпион» снова

вылез из джунглей и ползет в его сторону. Тем временем пес носился кругами, стараясь оттеснить Дрейка прямо на «скорпиона».

Дрейк не понимал, что все это значит, однако почел за благо не задерживаться и не выяснять. Подняв кортик, он запустил им в «скорпиона», но промахнулся. Тварь оказалась в опасной близости и могла прыгнуть в любую секунду.

Дрейк ринулся к океану. Оро попытался ему помешать, но он пинком отбросил пса с дороги, бросился в воду и поплыл вокруг острова к лагерю, уповая, что успеет добраться раньше, чем до него самого доберутся акулы.

III

В лагере спешно вооружались. Насухо протерли винтовки и револьверы. Извлекли и повесили на грудь полевые бинокли. Разделили патроны. Мигом разобрали все имевшиеся ножи, мачете и топоры. Распаковали оба экспедиционных переговорных устройства и собрались идти искать Дрейка, но тут он сам выплыл из-за мыса, неумоимо работая руками.

Он выбрался на берег усталый, но невредимый. Сопоставив все факты, кладоискатели пришли к некоторым малоприятным выводам.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — спросил Кейбл, — что все это вытворяет какая-то *букашка*?

— Похоже на то, — ответил Соренсен. — Приходится допустить, что насекомое способно управлять чужим сознанием — с помощью там гипноза или, может быть, телепатии.

— Сперва ему нужно ужалить, — добавил Дрейк. — С Оро так и случилось.

— У меня просто в голове не укладывается, что за всем этим стоит скорпион, — сказал Рисетич.

— Это не скорпион, — возразил Дрейк. — Я его видел вблизи. Хвост напоминает скорпионий, но голова раза в четыре больше, да и тельце другое. Присмотреться, так он вообще ни на что не похож, мне такого не доводилось встречать.

— Как ты думаешь, это насекомое с нашего острова? — спросил Монти Бирнс, кладоискатель из Индианаполиса.

— Вряд ли, — ответил Дрейк. — Если это местная тварь, почему она целых три месяца не трогала ни нас, ни животных?

— Верно, — сказал Соренсен. — Все беды начались после прибытия шхуны. Видимо, шхуна и завезла откуда-то эт... Постойте!

— Что такое? — спросил Дрейк.

— Помнишь того скорпиона, которого хотел раздавить капитан, он еще выполз из ящика с детектором? Тебе не кажется, что это та самая тварь?

Дрейк пожал плечами:

— Вполне возможно. Но по-моему, для нас сейчас важно не откуда она взялась, а как с ней быть.

— Она управляет зверьем, — сказал Бирнс. — Интересно, а человеком она сможет управлять?

Все приумолкли. Они сидели кружком возле сарая для копры и, разговаривая, поглядывали на джунгли, чтобы не прозевать появления зверя или «скорпиона».

Соренсен произнес:

— Имеет смысл попросить по радио о помощи.

— Если попросим, — сказал Рисетич, — кто-нибудь мигом разнохает про сокровища «Святой Терезы». Нас обстают — чихнуть не успеем.

— Возможно, — ответил Соренсен. — Но и на самый худой конец наши затраты окупились, набегает даже маленькая прибыль.

— А если нам не помогут, — добавил Дрейк, — мы, чего доброго, и вывезти-то отсюда ничего не сумеем.

— Не так уж страшно, — возразил Бирнс. — У нас есть оружие, со зверями как-нибудь да управимся.

— Ты еще этой твари не видел, — заметил Дрейк.

— Мы ее раздавим.

— Это не так-то легко, — сказал Дрейк. — Она дьявольски юркая. И как, интересно, ты будешь ее давить, если в одну прекрасную ночь она заползет к тебе в хижину, пока ты спишь? Выставляй часовых — они ее даже и не заметят.

Бирнс невольно поежился:

— М-да, пожалуй, ты прав. Попросим-ка лучше помощи по радио.

— Ладно, ребята, — сказал, поднимаясь, Икинс, — я так понимаю, что это по моей части. Дай бог, чтоб аккумуляторы на кече не успели сесть.

— Туда идти опасно, — сказал Дрейк. — Будем тянуть жребий.

Предложение развеселило Икинса:

— Значит, тянуть? А кто из вас сможет работать на передатчике?

— Я смогу, — заявил Дрейк.

— Ты не обижайся, — сказал Икинс, — но ты не сладишь даже с этой твоей дерьмовой рацией. Ты морзянки и то не знаешь — как ты отстучишь сообщение? А если рация выйдет из строя, ты сумеешь ее наладить?

— Нет, — ответил Дрейк. — Но дело очень рискованное. Пойти должны все.

Икинс покачал головой:

— Как ни крути, а самое безопасное — если вы прикроете меня с берега. До кеча эта тварь, скорее всего, еще не додумалась.

Икинс сунул в карман комплект инструмента и повесил через плечо одно из переговорных устройств. Второе он передал Соренсену. Он быстро спустился к лагуне и, миновав баркас, толкнул в воду маленькую надувную лодку. Кладовщики разошлись по берегу с винтовками наизготовку. Икинс сел в лодку и опустил весла в безмятежные волны лагуны.

Они видели, как он пришвартовался к кечу, с минуту помедлил, оглядываясь по сторонам, затем выбрался на борт, дернул крышку люка и исчез вниз.

— Все в порядке? — осведомился Соренсен по своему переговорному устройству.

— Пока что да, — ответил Икинс; голос его звучал тонко и резко. — Включаю передатчик. Через пару минут нагреется.

Дрейк толкнул Соренсена:

— Погляди-ка.

На рифе по ту сторону кеча происходило какое-то движение. Соренсен увидел в бинокль, как три большие серые крысы скользнули в воду и поплыли к кечу.

— Стреляйте! — скомандовал Соренсен. — Икинс, выбирайся оттуда!

— У меня заработал передатчик, — ответил Икинс. — Минута-другая — и я отстучу сообщение.

Пули поднимали вокруг крыс белые фонтанчики. Одну удалось подстрелить, но две уцелевшие успели доплыть до кеча и укрыться за ним. Разглядывая риф в бинокль, Соренсен заметил муравьеда. Тот перебрался через риф и плюхнулся в воду, дикая свинья — за ним следом.

В устройстве послышался треск атмосферных помех.

— Икинс, ты отправил сообщение? — спросил Соренсен.

— Нет, Билл, — отозвался Икинс. — И послушай, никаких сообщений *не надо!* Этому «скорпиону» нужно...

Звук оборвался.

— Что там у тебя? — крикнул Соренсен. — Что происходит?

Икинс появился на палубе. С переговорным устройством в руках он, пятясь, отступал к корме.

— Раки-отшельники, — объяснил он, — взобрались по якорному канату. Я думаю возвращаться вплавь.

— Не стоит, — сказал Соренсен.

— Придется, — возразил Икинс. — По-моему, они

припустят за мной. А вы все плывите сюда и *заберите передатчик*. Доставьте его на остров.

В бинокль Соренсен разглядел раков-отшельников — серый шевелящийся ковер покрывал всю палубу. Икинс нырнул и поплыл к берегу, яростно рассекая воду. Соренсен заметил, что крысы изменили курс и повернули за Икинсом. С кеча лавиной посыпались раки-отшельники. Свинья с муравьемом тоже последовали за Икинсом, пытаясь первыми добраться до берега.

— Живей, — бросил Соренсен. — Не знаю, что там выяснил Икинс, но пока есть возможность, надо захватить передатчик.

Они подбежали к воде и столкнули баркас. За две сотни ярдов от них, на дальнем конце пляжа, Икинс выбрался на сушу. Звери почти что настигли его. Он кинулся в джунгли, по-прежнему прижимая к себе аппарат.

— Икинс, — позвал Соренсен.

— У меня все в порядке, — ответил тот, с трудом переводя дыхание. — Забирайте передатчик и не забудьте аккумуляторы!

Кладоискатели поднялись на кеч, поспешно отодрали передатчик от переборки и по трапу выволокли на палубу. Последним поднялся Дрейк с двенадцативольтовым аккумулятором. Он снова спустился и вынес второй аккумулятор. Подумал — и спустился еще раз.

— Дрейк! — заорал Соренсен. — Хватит, ты всех задерживаешь!

Дрейк появился с компасом и двумя радиопеленгаторами. Передав их на баркас, он прыгнул следом.

— Порядок, — сказал он. — Отчаливай.

Они налегли на весла, торопясь в лагерь. Соренсен пытался восстановить связь с Икинсом, однако в наушниках раздавался только треск помех. Но когда баркас выполз на песок, Соренсен услышал Икинса.

— Меня окружили, — сообщил тот вполголоса. — Похоже, мне-таки доведется узнать, что нужно мистери «скорпиону». Правда, может, я первый его припечатаю.

Наступило продолжительное молчание, затем Икинс произнес:

— Вот он ко мне подползает. Дрейк правду сказал. Я-то уж точно в жизни не видал ничего похожего. Сейчас попробую раздавить его к чер...

Они услышали, как он вскрикнул — скорее от удивления, чем от боли.

Соренсен спросил:

— Икинс, ты меня слышишь? Ты где? Мы тебе можем помочь?

— Он и *вправду* верткий, — отозвался Икинс своим обычным голосом. — Такой верткой твари я в жизни не видывал. Вскочил мне на шею, ужалил и был таков...

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Соренсен.

— Хорошо. Было почти не больно.

— Где «скорпион»?

— Удрал в заросли.

— А звери?

— Ушли. Знаешь, — сказал Икинс, — может, людей эта тварь не берет. Может...

— Что? — спросил Соренсен. — Что с тобой происходит?

Наступило долгое молчание, потом раздался негромкий, спокойный голос Икинса:

— Мы поговорим позднее. А сейчас нам нужно посоветоваться и решить, что с вами делать.

— Икинс!

Ответа не последовало.

IV

В лагере царило глубокое уныние. Они не могли взять в толк, что именно произошло с Икинсом, а размышлять на эту тему никому не хотелось. С неба било злое послеполуденное солнце, отражаясь от белого песка волнами зноя. Сырые джунгли дымились; казалось, они, как огромный сонный зеленый дракон, исподволь подбираются к людям, тесня их к равнодушному океану. Стволы у винтовок так накалились, что к ним невозможно было притронуться; вода во флягах стала теплой, как кровь. Вверху понемногу скапливались, громоздились друг на друга плотные серые кучевые облака. Начинался сезон муссонов.

Дрейк сидел в тени сарая для копры. Он стряхнул с себя сонную одурь ровно настолько, чтобы прикинуть, как им оборонять лагерь. Джунгли вокруг он рассматривал как вражескую территорию. Перед джунглями они расчистили полосу шириной в полсотни ярдов. Эту ничейную землю, возможно, какое-то время еще удастся отстаивать.

Затем наступит черед последней линии обороны — хижин и сарая для копры. Далее — берег и океан.

Три с половиной месяца они были на острове полновластными хозяевами, теперь же оказались прижатыми к узкой ненадежной полоске берега.

Через плечо Дрейк бросил взгляд на лагуну и вспомнил, что у них еще остается путь к отступлению. Если эта тварь слишком уж насыдет со своим проклятым зверинцем, они смогут удрать на кече. Если повезет. Подошел Соренсен и присел рядом.

— Что поделываешь? — спросил он.

Дрейк кисло усмехнулся:

— Разрабатываю генеральный стратегический план.

— Ну и как?

— Думаю, сможем продержаться. У нас полно боеприпасов. Если понадобится, зальем расчищенный участок бензином. Мы, конечно, не дадим этой твари выставить нас с острова. — Дрейк на минуту задумался: — Но искать сокровище станет безумно сложно.

Соренсен кивнул.

— Хотел бы я узнать, что ей нужно.

— Может, узнаем от Икинса, — заметил Дрейк.

Пришлое подождать еще полчаса, прежде чем переговорное устройство заговорило. Голос Икинса звучал пронзительно-резко:

— Соренсен? Дрейк?

— Слушаем, — отозвался Дрейк. — Что тебе сделала эта проклятая тварь?

— Ничего, — ответил Икинс. — Вы сейчас разговариваете с этой тварью. Я называюсь Квидак.

— Господи, — обратился Дрейк к Соренсену, — видно, «скорпион» его загипнотизировал!

— Нет. Вы говорите не с Икинсом под гипнозом. И не с другим существом, которое всего лишь пользуется Икинсом как передатчиком. И не с прежним Икинсом — его больше не существует. Вы говорите со многими особями, которые суть одно.

— Я что-то не пойму, — сказал Дрейк.

— Это очень просто, — ответил голос Икинса. — Я Квидак, совокупность. Но моя совокупность складывается из отдельных составляющих, таких как Икинс, несколько крыс, пес по кличке Оро, свинья, муравьед, казуар...

— Погоди, — перебил Соренсен, — я хочу разобратсья. Значит, я сейчас разговариваю *не* с Икинсом. Я разговариваю — как это — с Квидаком?

— Правильно.

— И вы — это Икинс и все другие? Вы говорите устами Икинса?

— Тоже правильно. Но это не означает, что прочие индивидуальности стираются. Совсем наоборот. Квидак — это такое состояние, такая совокупность, в которой разные составляющие сохраняют свойственные им черты характера, личные потребности и желания. Они отдают свои силы, знания и неповторимое мироощущение Квидаку как целому. Квидак — координирующий и управляющий центр, но знания, постижение, специфические навыки — все это обеспечивают индивидуальные составляющие. А все вместе мы образуем Великое Сообщество.

— Сообщество? — переспросил Дрейк. — Но вы же добиваетесь этого принуждением!

— На начальном этапе без принуждения не обойтись, иначе как другие существа узнают про Великое Сообщество?

— А они в нем останутся, если вы отключите контроль? — спросил Дрейк.

— Вопрос лишен смысла. Теперь мы образуем единую и неделимую совокупность. Разве ваша рука к вам вернется, если ее отрезать?

— Это не одно и то же.

— Одно и то же, — произнес голос Икинса. — Мы единый организм. Мы находимся в процессе роста. И мы от всего сердца приглашаем вас в наше Великое Сообщество.

— К чертовой матери! — отрезал Дрейк.

— Но вы просто обязаны влиться, — настаивал Квидак. — Высшая цель Квидака в том и состоит, чтобы связать все существа планеты, наделенные органами чувств, в единый совокупный организм. Поверьте, вы слишком уж переоцениваете совсем ничтожную утрату индивидуальности. Но подумайте, что вы приобретете! Вам откроются мировосприятие и специфический опыт всех остальных существ. В рамках Квидака вы сможете полностью реализовать свои потенциальные...

— Нет!

— Жаль, — произнес Квидак. — Высшая цель Квидака должна быть достигнута. Итак, добровольно вы с нами не сольетесь?

— Ни за что! — ответил Дрейк.

— В таком случае *мы* сольемся с *вами*, — сказал Квидак.

Раздался щелчок — он выключил устройство.

Из зарослей вышли несколько крыс и остановились там, где их не могли достать пули. Вверху появилась райская птица; она парила над расчищенным участком совсем как самолет-разведчик. Пока они на нее смотрели, крысы, петляя, рванулись к лагерю.

— Открывайте огонь, — скомандовал Дрейк, — но берегите боеприпасы.

Началась стрельба. Целиться в юрких крыс да еще на фоне серовато-коричневой почвы было очень трудно. К крысам тут же присоединилась дюжина раков-отшельников. Выказывая недюжинную хитрость, они бросались вперед именно тогда, когда в их сторону никто не глядел, а в следующую секунду замирали, сливаясь с защитным фоном.

Из джунглей вышел Икинс.

— Гнусный предатель,— сказал Кейбл, ловя его на мушку.

Соренсен ударом по стволу сбил прицел:

— Не смей!

— Но ведь он помогает этой твари!

— От него это не зависит,— сказал Соренсен.—

К тому же он безоружный. Оставь его в покое.

Понаблюдав с минуту, Икинс скрылся в зарослях.

Атакующие крысы и раки одолели половину расчищенного участка. Однако на близком расстоянии прицеливаться стало легче, и рубеж в двадцать ярдов им так и не удалось взять. Когда же Рисетич подстрелил райскую птицу, наступление вообще захлебнулось.

— А знаешь,— сказал Дрейк,— мне кажется, мы выкрутимся.

— Возможно,— ответил Соренсен.— Не понимаю, чего Квидак хочет этим добиться. Он же знает, что нас так просто не возьмешь. Можно подумать...

— Глядите! — крикнул кто-то из обороняющихся.— Наш корабль!

Они оглянулись и поняли, зачем Квидак организовал нападение.

Пока они занимались крысами и раками, пес Дрейка подплыл и кечу и перегрыз якорный канат. Предоставленный сам себе, кеч дрейфовал по ветру, и его сносило на риф. Вот судно ударилось — сперва легко, потом крепче и через минуту, резко накренившись, прочно засело в кораллах.

В устройстве затрещало, и Соренсен поднял его с земли. Квидак сообщил:

— Кеч не получил серьезных повреждений, он только потерял подвижность.

— Черта с два,— огрызнулся Дрейк.— А если в нем, чего доброго, пробило сквозную дыру? Как вы собираетесь убраться с острова, Квидак? Или вы намерены так здесь и осесть?

— В свое время я непременно отбуду,— сказал Квидак.— И я хочу сделать так, чтобы мы отбыли все вместе.

V

Ветер утих. В небе на юго-востоке, уходя вершинами все выше и выше, громоздились серо-стальные грозовые тучи. Под гнетом их черных, плоских снизу, как наковальня, массивов жаркий неподвижный воздух всей тяжестью давил на остров. Солнце утратило свой яростный блеск, стало вишнево-красным и безучастно скатывалось в плоский океан.

Высоко в небе, куда не долетали пули, кружила

одинокая райская птица. Она поднялась минут через десять после того, как Рисетич подстрелил первую.

Монти Бирнс с винтовкой на боевом взводе стоял на краю расчищенного участка. Ему выпало первому нести караул. Остальные наскоро обедали в сарае для копы. Снаружи Соренсен и Дрейк обсуждали сложившееся положение.

— На ночь придется всех загнать в сарай,— сказал Дрейк.— Рисковать слишком опасно — в темноте может напасть Квидак.

Соренсен кивнул. За один день он постарел лет на десять.

— А утром разработаем какой-нибудь план,— продолжал Дрейк.— Мы... Я что-то не то говорю, Билл?

— По-твоему, у нас есть какие-то шансы? — спросил Соренсен.

— А как же! Отличные шансы.

— Ты рассуждай практически,— сказал Соренсен.— Чем дольше это будет тянуться, тем больше зверья Квидак сможет на нас натравить. Какой у нас выход?

— Выследить его и убить.

— Проклятая тварь не крупней твоего большого пальца,— раздраженно возразил Соренсен.— Как прикажешь его выслеживать?

— Что-нибудь да придумаем,— сказал Дрейк. Соренсен начинал его тревожить. Состояние духа в экспедиции и так оставляло желать лучшего, и нечего Соренсену дальше его подрывать.

— Хоть бы кто подстрелил эту чертову птицу,— сказал Соренсен, поглядев в небо.

Примерно раз в четверть часа райская птица пикировала, чтобы рассмотреть лагерь вблизи, и, не успевал караульный прицелиться, снова взмывала на безопасную высоту.

— Мне она тоже на нервы действует,— признался Дрейк.— Может, ее для того и запустили. Но рано или поздно мы...

Он не договорил. Из сарая послышалось громкое гудение передатчика, и голос Эла Кейбла произнес:

— Внимание, внимание, вызывает Вуану. Нам нужна помощь.

Дрейк и Соренсен вошли в сарай. Сидя перед передатчиком, Кейбл бубнил в микрофон:

— Мы в опасности, мы в опасности, вызывает Вуану, нам нужна...

— Черт побери, ты хоть соображаешь, что делаешь?! — оборвал его Дрейк.

Кейбл повернулся и смерил его взглядом. По рыхлому розоватому телу Кейбла струйками лился пот.

— Прошу по радио о помощи — вот что я делаю. По-моему, я вышел на контакт, но они мне еще не ответили.

Он повернул ручку настройки, и из приемника прозвучал скучающий голос с английским акцентом:

— Значит, пешка d2 — d4? Почему ты ни разу не попробовал другое начало?

Последовал шквал помех, и кто-то ответил глубоким басом:

— Твой ход. Заткнись и ходи.

— Хожу, хожу, — произнес голос с английским акцентом. — Конь f6.

Дрейк узнал голоса. Это были коротковолновики-любители — плантатор с Бугенвиля и хозяин магазинчика в Рабауле. Каждый вечер они на час выходили в эфир — поругаться и сыграть партию в шахматы.

Кейбл нетерпеливо постучал по микрофону.

— Внимание, — произнес он, — вызывает Вуану, экстренный вызов...

Дрейк подошел к Кейблу и, взяв микрофон у него из рук, осторожно положил на стол.

— Мы не можем просить о помощи, — сказал он.

— Что ты мелешь! — закричал Кейбл, — Мы должны просить!

Дрейк почувствовал, что смертельно устал.

— Послушай, если мы пошлем сигнал бедствия, на остров тут же кто-нибудь приплывет, но они не будут подготовлены к тому, что здесь творится. Квидак их захватит и использует против нас.

— А мы объясним им, что происходит, — возразил Кейбл.

— *Объясним? Что именно?* Что контроль над островом захватывает какое-то неизвестное насекомое? Они решат, что все мы свихнулись от лихорадки, и с первой же шхуной, которая курсирует между островами, направят к нам врача.

— Дэн прав, — сказал Соренсен. — В такое не поверишь, пока не увидишь собственными глазами.

— А к тому времени, — добавил Дрейк, — будет уже поздно. Икинс все понял, прежде чем до него добрался Квидак. Поэтому он и сказал, что никаких сообщений не надо.

Кейбл все еще сомневался:

— Тогда зачем он сказал, чтоб забрали передатчик?

— Затем, чтобы он не смог отправить сообщение, когда Квидак его охомутает, — ответил Дрейк. — Чем больше народа вокруг, тем легче Квидаку делать свое дело. Будь у него передатчик, он бы в эту самую минуту уже вопил о помощи.

— Да, так оно вроде и выходит, — безнадежно

признал Кейбл. — Но, черт побери, самим-то нам со всем этим не справиться.

— Придется справляться. Если Квидаку удастся нас захватить, а потом выбраться с острова — конец Земле-матушке. Крышка. Никаких тебе всемирных войн, ни водородных бомб с радиоактивными осадками, ни героических группок сопротивления. Все и вся превратится в составляющие этого квидачьего сообщества.

— Так или иначе, а помощь нам нужна, — стоял на своем Кейбл. — Мы здесь одни, от всех отрезаны. Допустим, мы предупредим, чтобы корабль не подходил к берегу...

— Не выйдет, — сказал Дрейк. — К тому же, если б и захотели, мы все равно не сможем просить о помощи.

— Почему?

— Потому что передатчик не работает. Ты говорил в бездействующий микрофон.

— А принимает нормально, — возразил Кейбл.

Дрейк проверил, все ли включено.

— Приемник в порядке. Но видимо, где-то что-то разъединилось, когда мы вытаскивали рацию с корабля. На передачу она не работает.

Кейбл несколько раз щелкнул по мертвому микрофону и положил его на место. Все столпились вокруг приемника, следя за партией между рабаульцем и плантатором с Бугенвиля.

— Пешка с4.

— Пешка е6.

— Конь с3.

Неожиданно отрывистой очередью затрещали помехи, сошли на нет, потом снова прозвучали тремя отчетливыми «очередями».

— Как ты думаешь, что это? — спросил Соренсен. Дрейк пожал плечами:

— Может быть все, что угодно. Собирается шторм и...

Он не закончил фразы. Стоя у открытой двери, он заметил, что едва начались помехи, райская птица камнем упала вниз и пронеслась над лагерем. Когда же она вернулась на высоту и возобновила свое медленное кружение, помехи прекратились.

— Любопытно, — сказал он. — Ты видел, Билл? Как только снова пошли помехи, птица сразу снизилась.

— Видел, — ответил Соренсен. — Думаешь, это не случайно?

— Не знаю. Нужно проверить.

Дрейк вытащил бинокль, прибавил в приемнике звук и вышел из сарая понаблюдать за джунглями. Он ждал, прислушиваясь к разговору шахматистов, ко-

торый происходил за три-четыре сотни миль от острова:

— Ну, давай, ходи!

— Дай же подумать минуту.

— Минуту! Слушай, я не собираюсь всю ночь торчать перед этим треклятым передатчиком. Ходи...

Раздался взрыв помех. Из джунглей семенящим шагом вышли четыре свиньи. Они продвигались медленно — как разведгруппа, которая нащупывает уязвимые места в обороне противника. Свиньи остановились — помехи кончились. Караульный Бирнс вскинул ружье и выстрелил. Животные повернули и под треск помех скрылись в джунглях. Помехи затрещали опять — райская птица спикировала для осмотра лагеря и снова поднялась на безопасную высоту. После этого помехи окончательно прекратились.

Дрейк опустил бинокль и вернулся в сарай.

— Точно, — сказал он. — Помехи связаны с Квидаком. Мне кажется, они возникают, когда он пускает в дело зверей.

— По-тоному, он управляет ими по радио? — спросил Соренсен.

— Похоже на то, — ответил Дрейк. — Либо напрямую по радио, либо посылает приказы на длине радиоволн.

— В таком случае, — сказал Соренсен, — и сам он что-то вроде маленькой радиостанции?

— Конечно. Ну и что?

— А то, — пояснил Соренсен, — что его можно запеленговать.

Дрейк энергично кивнул, выключил приемник, пошел в угол и взял портативный пеленгатор. Он настроил его на частоту, на которой Кейбл поймал разговор между Рабаулом и Бугенвилем, включил и стал в дверях.

Все следили за тем, как он вращает рамочную антенну. Он засек сигнал наибольшей мощности, медленно повернул рамку, снял пеленг и перевел его на компасе в азимут. Затем сел и развернул мелкомасштабную карту юго-западной Океании.

— Ну как? — поинтересовался Соренсен. — Это Квидак?

— Должен быть он, — ответил Дрейк. — Я засек твердый ноль почти точно на юге. Он прямо перед нами, в джунглях.

— А это не отраженный сигнал?

— Я взял контрольный пеленг.

— Может, это какая-нибудь радиостанция?

— Исключено. Следующая станция прямо на юге — Сидней, а до него тысяча семьсот миль. Для нашего пеленгатора многовато. Нет, это Квидак, можно не сомневаться.

— Стало быть, у нас есть способ его обнаружить,— сказал Соренсен.— Двое пойдут в джунгли с пеленгаторами...

— И расстанутся с жизнью,— закончил Дрейк.— Мы можем запеленговать Квидака, но его звери обнаружат нас куда быстрее. Нет, в джунглях у нас нет ни малейшего шанса.

— Выходит, это нам ничего не дает,— сказал Соренсен с убитым видом.

— Дает, и много,— возразил Дрейк.— Теперь у нас появилась надежда.

— То есть?

— Он управляет животными по радио. Мы знаем, на какой частоте он работает, и можем ее занять. Будем глушить его сигналы.

— Ты уверен?

— Уверен? Конечно нет. Но я знаю, что две радиостанции в одной зоне не могут работать на одной частоте. Если мы настроимся на частоту Квидака и сумеем забить его сигналы...

— Понимаю,— сказал Соренсен.— Может, что-нибудь и получится! Если нам удастся заблокировать его сигналы, он не сможет управлять зверьем, а уж тогда запеленговать его будет нетрудно.

— Хороший план,— сказал Дрейк,— но с одним маленьким недостатком: передатчик у нас не работает. Без передатчика нет передачи, а без передачи — глушения.

— Ты сумеешь его починить? — спросил Соренсен.

— Попробую,— ответил Дрейк.— Но особенно не надейся. Всеми радиоделами в экспедиции заведовал Икинс.

— У нас есть запчасти,— сказал Соренсен.— Лампы, инструкции...

— Знаю. Дайте время, и я разберусь, что там вышло из строя. Вопрос в том, сколько времени намерен нам дать Квидак.

Медно-красный солнечный диск наполовину ушел в океан. Закатные краски тронули громаду грозowych туч и растворились в коротких тропических сумерках. Кладовщики принялись укреплять на ночь дверь и окна сарая.

VI

Дрейк снял заднюю крышку передатчика и пришел в ужас от обилия проводов и ламп. Металлические коробочки были скорее всего конденсаторами, а покрытые воском цилиндрические штучки с равным успехом могли оказаться и катушками сопротивления, и чем-то

еще. От одного взгляда на это непонятное и хрупкое хозяйство голова шла кругом. Как в нем разобраться? И с чего начать?

Он включил рацию и выждал несколько минут. Кажется, горели все лампы — одни ярко, другие тускло. Он не обнаружил ни одного оборванного провода. Микрофон по-прежнему не работал.

Итак, с поверхностным осмотром покончено. Следующий вопрос: получает ли рация достаточно питания?

Он выключил ее и проверил батареи аккумулятора вольтметром. Батареи были заряжены до предела. Он снял свинцовые колпачки, почистил и поставил обратно, проследив, чтобы они плотно сели на место. Проверил все контакты, прошептал лъстивую молитву и включил передатчик.

Передатчик все так же молчал.

Дрейк с проклятием выключил его в очередной раз. Он решил заменить все лампы, начиная с тусклых. Если это не поможет, он попробует заменить конденсаторы и катушки сопротивления. А если и это ничего не даст, то пустить себе пулю в лоб никогда не поздно. С этой жизнерадостной мыслью он распечатал комплект запчастей и принялся за дело.

Все остальные тоже были в сарае — заканчивали подготовку к ночи. Дверь заперли и посадили на клинья. Два окна пришлось оставить открытыми для доступа воздуха — в противном случае кладоискатели просто задохнулись бы от жары. Но к каждой раме прибили по сложенной вдвое крепкой противомоскитной сетке, а у окон поставили часовых.

Через плоскую крышу из оцинкованного железа ничто не могло проникнуть, но земляной пол, хоть и был хорошо утрамбован, все же вызывал опасения. Оставалось одно — не сводить с него глаз.

Кладоискатели устраивались на ночь, которая обещала быть долгой. Дрейк продолжал возиться с передатчиком, повязав лоб носовым платком, чтобы пот не тек в глаза.

Через час зажужжало переговорное устройство. Соренсен ответил на вызов:

— Что вам нужно?

— Мне нужно,— произнес Квидак голосом Икина,— чтобы вы прекратили бессмысленное сопротивление. Я хочу, чтобы вы со мной слились. У вас было время обдумать положение, и вы должны понимать, что другого выхода нет.

— Мы не хотим с вами сливаться,— сказал Соренсен.

— Вы должны,— заявил Квидак.

— Вы собираетесь нас заставить?

— Это сопряжено с трудностями, — ответил Квидак. — Мои звериные составляющие не годятся как инструмент принуждения. Икинс — замечательный механизм, но он у нас один. Сам я не имею права подвергаться опасности — это поставит под угрозу высшую цель Квидака.

— Получается тупик, — заметил Соренсен.

— Нет. Нам сложно только вас захватить. Убить вас совсем не трудно.

Все, кроме Дрейка, поежились, он же, занятый передатчиком, даже не поднял головы.

— Мне бы не хотелось вас убивать, — продолжал Квидак. — Но все решает высшая цель Квидака, а она подвергнется риску, если вы не вольетесь, и окажется под угрозой, если вы покинете остров. Поэтому вы или вольетесь, или будете ликвидированы,

— Мне это видится по-другому, — сказал Соренсен. — Если вы нас убьете — допустим, вы в состоянии нас убить, — вам ни за что не выбраться с острова. Икинс не справится с кечем в одиночку.

— Отплывать на кече нет никакой необходимости, — возразил Квидак. — Через полгода сюда опять зайдет рейсовая шхуна. На ней мы с Икинсом и покинем остров. К этому времени никого из вас не будет в живых.

— Вы нас запугиваете, — сказал Соренсен. — С чего вы взяли, будто сможете нас убить? Днем у вас не очень-то получалось.

Он поймал взгляд Дрейка и показал на рацию. Дрейк развел руками и вернулся к работе.

— Днем я и не пытался, — сказал Квидак. — Я займусь этим ночью. *Этой* ночью — чтобы не дать вам найти более действенную систему защиты. Сегодня ночью вы должны со мной слиться, или я убью одного из вас.

— Одного из нас?

— Да. Одного человека. Через час — другого. Возможно, это заставит оставшихся передумать и слиться. А если нет, то к угрозе вы все погибнете.

Дрейк наклонился и шепнул Соренсену:

— Потяни резину, дай мне еще минут десять. Я, кажется, нашел, в чем загвоздка.

Соренсен произнес:

— Нам бы хотелось побольше узнать о Сообществе Квидака.

— Лучший способ узнать — это слиться.

— Но сперва мы бы все-таки хотели узнать немного больше.

— Это нельзя описать, — произнес Квидак убедительно, горячо и настойчиво. — Попробуйте вообра-

зять, что вы — это именно вы и в то же время вас подключили к совершенно новым разветвленным системам чувств. Вы, например, можете узнать мир, каким его ощущает собака, когда бежит лесом, ориентируясь по запаху, и этот запах для нее — и для вас тоже — так же ясен, как дорожный указатель. Совсем по-другому воспринимает действительность рак-отшельник. Через него вы постигнете медленный взаимообмен жизненных форм на стыке суши и моря. У него очень замедленное чувство времени. А вот у райской птицы наоборот — она воспринимает мгновенно и все пространство разом. Каждое существо на земле, под землей и в воде, а их множество, имеет свое собственное, особое восприятие реальности, и оно, как я обнаружил, не очень отличается от мировоззрения животных, некогда обитавших на Марсе.

— А что случилось на Марсе потом? — спросил Соренсен.

— Все формы жизни погибли, — скорбно ответил Квидак. — Все, кроме Квидака. Это случилось в незапамятные времена. А до этого на всей планете долгие века царили мир и процветание. Все живые существа были составляющими в Сообществе Квидака. Но доминантная раса оказалась генетически слабой. Рождаемость все время падала; последовала полоса катастроф. В конце концов вся жизнь прекратилась, остался один Квидак.

— Потрясающе, — заметил Соренсен с иронией.

— Это был дефект расы, — поспешил возразить Квидак. — У более стойкой расы, такой как на вашей планете, инстинкт жизни не будет подорван. Мир и процветание будут длиться у вас бесконечно.

— Не верю. То, что случилось на Марсе, повторится и на Земле, если вам удастся ее захватить. Проходит какое-то время, и рабам просто-напросто надоест цепляться за жизнь.

— Вы не будете рабами. Вы будете функциональными составляющими в Сообществе Квидака.

— А править этим сообществом будет, понимаете, Квидак, — заметил Соренсен. — Как пирог ни режь, а начинка все та же.

— Вы судите о том, чего не знаете, — сказал Квидак. — Мы достаточно побеседовали. В ближайшие пять минут я готов умертвить одного человека. Намерены вы слиться со мной или нет?

Соренсен взглянул на Дрейка. Дрейк включил передатчик.

Пока передатчик нагревался, на крышу обрушились струи дождя. Дрейк поднял микрофон, постучал по нему и услышал в динамике щелчок.

— Работает, — сказал он.

В это мгновение что-то ударилось в затянутое сеткой окно. Сетка провисла: в ней трепыхался крылан, свирепо поглядывая на людей крохотными красными глазками.

— Забейте окно! — крикнул Соренсен.

Не успел он договорить, как вторая летучая мышь врезалась в сетку, пробила ее и шлепнулась на пол. Ее прикончили, но в дыру влетели еще четыре крылана. Дрейк остервенело от них отбивался, однако не сумел отогнать их от рации. Летучие мыши метили ему прямо в глаза, и Дрейку пришлось отступить. Один крылан угодил под удар и упал на землю с переломанным крылом, но остальные добрались до рации и столкнули ее со стола.

Дрейк безуспешно попытался ее подхватить. Он услышал, как лопнули лампы, но должен был защищать глаза.

Через несколько минут они прикончили еще двух крыланов, а уцелевшие удрали в окно. Окно забила досками. Дрейк наклонился и осмотрел передатчик.

— Есть надежда наладить? — спросил Соренсен.

— Ни малейшей, — ответил Дрейк. — Они выдрали все провода.

— Что же нам теперь делать?

— Не знаю!

Раздался голос Квидака.

— Вы должны немедленно дать ответ.

Никто не сказал ни слова.

— В таком случае, — произнес Квидак, — я вынужден, как ни жаль, одного из вас сейчас умертвить.

VII

Дождь хлестал по железной крыше, ветер задувал все сильнее. Издалека приближались раскаты грома. Но в сарае раскаленный воздух стоял неподвижно. Висевший на центральной балке керосиновый фонарь освещал середину помещения резким желтым светом, оставляя углы в глубокой тени. Кладовскатели подались к центру, подальше от стен, и стали спинами друг к другу, что натолкнуло Дрейка на сравнение со стадом бизонов, сбившихся в круг для отпора волку, которого они чуют, хотя еще не видят.

Кейбл сказал:

— Послушайте, может, попробовать это Сообщество Квидака? Может, оно не такое уж страшное, как...

— Заткнись! — отрезал Дрейк.

— Сами подумайте, — увещевал Кейбл, — это все-таки лучше, чем помирать, скажете нет?

— Пока никто еще не умирает,— возразил Дрейк.— Сделай милость, заткнись и гляди в оба.

— Меня сейчас, кажется, вырвет,— сказал Кейбл.— Выпусти меня, Дэн.

— Блэй, где стоишь,— посоветовал Дрейк.— И не забывай смотреть в оба.

— Нет у тебя права мне приказывать! — заявил Кейбл и шагнул было к двери, но сразу же отскочил.

В дюймовый зазор между дверью и полом пролез желтоватый скорпион. Рисетич припечатал его каблук, растоптал в кашу тяжелым ботинком и завертелся на месте, отмахиваясь от трех ос, которые проникли через забитое окно.

— Плевать на ос! — крикнул Дрейк.— Следите за полом!

Из тени выползли несколько мохнатых пауков. Они ворочались на земле, а Дрейк и Рисетич лупили по ним прикладами. Бирнс заметил, что из-под двери вылезает огромная плоская многоножка. Он попробовал на нее наступить, промахнулся, многоножка мигом очутилась у него на ботинке, потом выше — на голый икре. Бирнс взвыл: вокруг ноги у него словно обвилась раскаленная стальная лента. Он успел, однако, раздавить многоножку, прежде чем потерял сознание.

Дрейк осмотрел рану и решил, что она не смертельна. Он растоптал еще одного паука, но тут Соренсен тронул его за плечо. Дрейк поглядел в дальний угол, куда тот показывал.

К ним скользили две большие змеи. Дрейк признал в них черных гадюк. Обычно пугливые, сейчас они наступали с бесстрашием тигра.

Кладовискатели в ужасе заметались, пытаясь увернуться от змей. Дрейк выхватил револьвер и опустился на одно колено. Не обращая внимания на ос, которые вились вокруг, он в колеблющемся свете фонаря попытался взять на мушку изящную живую мишень.

Гром ударил прямо над головой. Долгая вспышка молнии осветила сарай, сбив Дрейку прицел. Он выстрелил, промахнулся и приготовился отразить нападение.

Змеи не стали нападать. Одна быстро проскользнула в нору, вторая двинулась следом, но остановилась на подороге.

Соренсен тщательно прицелился из винтовки. Дрейк отвел ствол:

— Постой-ка минутку!

Змея помешкала, затем выползла из норы и снова заскользила по направлению к ним.

Новый раскат грома и яркая вспышка. Гадюка повернула назад и, извиваясь, исчезла в норе.

— В чем дело? — спросил Соренсен. — Они испугались грозы?

— Нет, вся хитрость в молнии! — ответил Дрейк. — Вот почему Квидак так спешил. Он знал, что надвигается буря, а он еще не успел закрепиться на острове.

— Что ты хочешь сказать?

— Молния, — объяснил Дрейк. — Электрическая буря! Она глушит его радиокоманды! А когда его заглушают, звери снова становятся обычными зверями и ведут себя как им положено. Чтобы восстановить управление, ему требуется время.

— Буря когда-нибудь кончится, — сказал Кейбл.

— На наш век, может, и хватит, — сказал Дрейк. Он взял пеленгаторы и вручил один из них Соренсену. — Пойдем, Билл. Мы выследим эту тварь прямо сейчас.

— Эй, — позвал Рисетич, — а мне что делать?

— Можешь пойти поплавать, если мы через час не вернемся, — ответил Дрейк.

Дождь сек косыми струями, подгоняемый яростными порывами юго-западного ветра. Гром грохотал не смолкая, и каждая молния, как казалось Дрейку и Соренсену, метила прямо в них. Они дошли до джунглей и остановились.

— Здесь мы разойдемся, — сказал Дрейк. — Так больше шансов сойтись на Квидаке.

— Верно, — согласился Соренсен. — Береги себя, Дэн.

Соренсен нырнул в джунгли. Дрейк прошел пятьдесят ярдов вдоль опушки и тоже шагнул в заросли.

Он продирался напрямик; за поясом у него был револьвер, в одной руке пеленгатор, в другой — фонарик. Джунгли, чудилось ему, жили своей собственной злой жизнью, как будто ими управлял Квидак. Лианы коварно обвивались вокруг ног, а кусты стремились заключить его в свои цепкие объятия. Каждая ветка так и норовила хлестнуть его по лицу, словно это доставляло ей особое удовольствие.

Пеленгатор отзывался на разряд при каждой вспышке, так что Дрейк с большим трудом держался курса. Но Квидаку, конечно, достается еще и не так, напомнил он себе. В перерывах между разрядами молний Дрейк выверял пеленг. Чем глубже он забирался в джунгли, тем сильнее становился сигнал Квидака.

Через некоторое время он отметил, что промежутки между вспышками увеличиваются. Буря уносилась к северу. Сколько еще молний будут его защитой? Десять, пятнадцать минут?

Он услышал поскуливание и повел фонариком. К нему приближался его пес Оро. Его ли? А может, Квидака?

— Давай, старина, — подбодрил Дрейк. Он подумал, не бросить ли пеленгатор, чтобы вытащить из-за пояса револьвер, но не знал, будет ли тот стрелять после такого ливня.

Оро подошел и лизнул ему руку. Его пес. По крайней мере пока не кончилась буря.

Они двинулись вместе. Гром переместился на север. Сигнал в пеленгаторе звучал во всю силу. Где-то тут...

Он увидел свет от другого фонарика. Навстречу ему вышел запыхавшийся Соренсен. В зарослях он порядком ободрался и поцарапался, но не потерял ни винтовки, ни пеленгатора с фонариком.

Оро яростно заскреб лапами перед кустом. Все озарилось долгой вспышкой, и они увидели Квидака.

В эти последние секунды до Дрейка дошло, что дождь кончился. Перестали сверкать и молнии. Он бросил пеленгатор. Наставив фонарик, он попытался взять на прицел Квидака, который зашевелился и прыгнул...

На шею Соренсену, точно над правой ключицей.

Соренсен вскинул и опустил руки. Он повернулся к Дрейку и, не дрогнув ни единым мускулом, поднял винтовку. У него был такой вид, словно убить Дрейка — единственная цель его жизни.

Дрейк выстрелил почти в упор. Пуля развернула Соренсена, и он упал, выронив винтовку.

Дрейк склонился над ним с револьвером наготове. Он понял, что не промахнулся. Пуля вошла как раз над правой ключицей. Рана была скверная. Но Квидаку, который оказался непосредственно на пути пули, пришлось много хуже. От него только и осталось, что с пяток черных капель на рубашке Соренсена.

Дрейк торопливо забинтовал Соренсена и взвалил на спину. Он спрашивал себя, как бы он поступил, очутись Квидак над сердцем Соренсена, или на горле, или на лбу.

Лучше не думать об этом, решил Дрейк.

Он двинулся назад в лагерь, и его пес затрусил с ним рядом.

ТЕРАПИЯ

2 мая 2103 года Элвуд Кэсвел быстро шагал по Бродвею с заряженным револьвером в кармане пиджака. Он не имел намерения пускать его в ход, но опасался, что все же может это сделать. Такое предположение не было лишено оснований, потому что Кэсвел страдал манией убийства.

Был мягкий туманный весенний день, в воздухе пахло дождем и цветущим кизилом. Кэсвел сжимал револьвер в потной ладони и пытался придумать хотя бы один веский аргумент, чтобы не убивать человека по фамилии Мэгнесен, который на днях сказал, что Кэсвел чудесно выглядит.

«Какое дело Мэгнесену, как я выгляжу? Проклятые любопытные, лезут не в свои дела, всегда все портят...»

Кэсвел был невысокого роста холерик с сердитыми воспаленными глазами, челюстями бульдога и волосами цвета имбиря. Каждый встречал людей подобного типа; забравшись на ящик из-под дезинфицирующих средств, они произносят речи перед толпой вышедших на обеденный перерыв служащих и иронически настроенных студентов, выкрикивая лозунги вроде: «Марс для марсиан, Венера для венерианцев!»

Однако, по правде говоря, Кэсвела не интересовало тяжелое социальное положение населения других планет. Он работал кондуктором ракетобуса нью-йоркской корпорации «Рэпид трэнзит». Он не лез в чужие дела. К тому же он был абсолютно сумасшедшим.

К счастью, бывали моменты, когда он понимал это, по крайней мере половиной своего сознания.

Пот лил с Кэсвела градом, пока он шел по Бродвею к Сорок третьей улице, где находился магазин «Домашние терапевтические приборы». Скоро закончится рабочий день и его друг Мэгнесен возвратится в свою небольшую квартиру, совсем недалеко от дома Кэсвела. Как легко, как приятно было бы небрежно войти, обменяться одной-двумя фразами и затем...

Нет! Кэсвел глотнул воздуха и напомнил себе, что у него нет настоящего желания никого убивать. Уби-

вать нехорошо. Его посадят за решетку, друзья его не поймут, да и мама никогда этого не одобрит.

Однако эти аргументы были слабыми, слишком заумными и совсем не убедительными. От фактов не скроешься: он хочет убить Мэгнесена.

Разве такое сильное желание может быть нехорошим? Или даже нездоровым?

Да, может! Со сдавленным стоном Кэсвел пробежал последние несколько шагов к магазину «Домашние терапевтические приборы».

Обстановка внутри магазина сразу принесла облегчение. Свет был мягким, шторы — спокойных тонов, и даже выставленные здесь мерцающие терапевтические машины не слишком бросались в глаза. Вот где приятно просто прилечь на ковер под сень терапевтических машин в твердой уверенности, что тебя ожидает избавление от всех неприятностей.

Светловолосый продавец с длинным породистым носом бесшумно (но не вкрадчиво) подплыл к нему и негромко спросил:

— Не нужна ли помощь?

— Терапию! — пробормотал Кэсвел.

— Разумеется, сэр, — обаятельно улыбнулся продавец, разглаживая лацканы пиджака. — Мы для этого и существуем. — Он пристально посмотрел на Кэсвела, быстро поставил в уме диагноз и постучал по сверкающему белизной и медью аппарату. — Вот это, — сказал продавец, — новый Алкоголеразгрузитель фирмы «ИБМ», рекламируется самыми популярными журналами. Привлекательное дополнение к мебели, согласитесь, что он украсит любую квартиру. Внутри имеется телевизор.

Ловким движением узкой кисти продавец открыл Алкоголеразгрузитель, показав телеэкран размером 52 дюйма.

— Мне нужно... — начал Кэсвел.

— Терапию, — закончил за него продавец. — Конечно. Я хочу только подчеркнуть, что эта модель никогда не поставит в неудобное положение вас, ваших друзей или близких. Обратите внимание на утопленную шкалу желаемой интенсивности потребления спиртного. Видите? Если не хотите совсем воздерживаться, можете установить любое из следующих делений: «много», «умеренно», «в компании» или «для аппетита». Это новинка, уникальная в механотерапии.

— Я не алкоголик, — с достоинством сказал Кэсвел. — Корпорация «Нью-Йорк рэпид трэнзит» не нанимает алкоголиков.

— Понимаю, — сказал продавец, недоверчиво глядя на слезящиеся глаза Кэсвела. — Вы, кажется, человек

нервный. Быть может, портативный успокаиватель фирмы «Бендикс»...

— Нервы тут тоже ни при чем. Что у вас есть против мании убийства?

Продавец пождал губы.

— Шизофренического или маниакально-депрессивного происхождения?

— Не знаю, — признался Кэсвел, несколько растерявшись.

— В общем, это не имеет значения, — сказал продавец. — Моя собственная теория. За время работы в магазине я пришел к выводу, что рыжие и блондины предрасположены к шизофрении, а брюнеты — к маниакальной депрессии.

— Интересно. Вы давно здесь работаете?

— Неделю. Итак, сэр, вот что вам нужно.

— Что это?

— Рекс-Регенератор, созданный фирмой «Дженерал моторс». Красив, не правда ли? Вписывается в любой интерьер, внутри отлично оборудованный портативный бар. Ваши друзья, семья, родственники никогда не догадаются...

— Излечит ли он манию убийства? — спросил Кэсвел. — Сильную.

— Вне всякого сомнения. Это совсем не то, что маленькие 10-амперные аппараты для невротиков. Это стационарная 25-амперная машина с большим запасом прочности, предназначенная для действительно тяжелых, застарелых случаев.

— Как раз то, что у меня, — сказал Кэсвел с прости-тельной гордостью.

— Эта малютка все из вас выпишет. Большие, сверхпрочные подшипники! Мощная система охлаждения! Абсолютная изоляция! Диапазон чувствительности более...

— Я беру его, — сказал Кэсвел. — Сейчас же. Заплачу сразу.

— Отлично. Я только позвоню на склад...

— Я могу взять этот, — сказал Кэсвел, вынимая бумажник. — Хочу побыстрее его испытывать. Вы знаете, я собираюсь убить моего друга Мэгнесена.

Продавец сочувственно щелкнул языком:

— Вам этого не захочется... Плюс пять процентов налог. Благодарю вас, сэр. Подробную инструкцию вы обнаружите внутри.

Кэсвел поблагодарил его, обхватил Регенератор обеими руками и поспешил к выходу.

Вычислив свою комиссию, продавец улыбнулся про себя и закурил. Однако неожиданно появившийся из своего кабинета управляющий — крупный пред-

ставительный мужчина в пенсне — испортил все удовольствие.

— Хэскинс, — сказал управляющий, — по-моему, я уже советовал вам избавиться от этой нечистоплотной привычки.

— Да, мистер Фолансби, простите, сэр, — извинился Хэскинс, гася сигарету. — Я немедленно воспользуюсь Деникотинизатором с витрины. Совершил довольно выгодную продажу, мистер Фолансби. Один из больших Рекс-Регенераторов.

— Вот как? — Новость произвела на управляющего впечатление. — Не часто нам удается... подождите! Не хотите ли вы сказать, что продали демонстрационную модель?

— А что... вы знаете, боюсь, что да, мистер Фолансби. Покупатель очень спешил. А разве...

Фолансби всплеснул руками и схватился за голову.

— Хэскинс, я вас предупреждал. Я наверняка вас предупреждал! Демонстрационный Регенератор был марсианской моделью. Для механотерапии марсиан.

— Ага, — сказал Хэскинс. Он подумал мгновение. — Понимаю.

Фолансби смотрел на своего подчиненного в злобщем молчании.

— Но какое это имеет значение? — быстро спросил Хэскинс. — Машина ведь не различает. Мне думается, она будет лечить манию убийства, даже если пациент и не марсианин.

— У марсианской расы никогда не проявлялось склонности к убийству. Марсианский вариант Регенератора не способен даже понять такое. Безусловно, Регенератор попытается провести лечение. Он обязан. Но от чего он будет лечить?

— Понимаю, — сказал Хэскинс.

— Беднягу надо остановить, прежде чем... вы сказали, у него мания убийства? Я ни за что не ручаюсь! Его адрес, скорее!

— Видите ли, мистер Фолансби, он так спешил...

Управляющий долго смотрел на продавца, не веря своим ушам.

— Вызывайте полицию! Свяжитесь с отделом безопасности «Дженерал моторс»! Разыщите его! Хэскинс бросился к двери.

— Стойте! — крикнул управляющий, натягивая плащ. — Я с вами!

Элвуд Кэсвел возвратился домой на таксокоптере. Он втащил Регенератор в гостиную, придвинул его к кушетке и окинул оценивающим взглядом.

— А продавец прав, — сказал он наконец. — Действительно, подходит к обстановке.

С эстетической точки зрения Регенератор оказался удачным приобретением.

Кэсвел полюбовался им еще немного, а затем пошел на кухню приготовить себе бутерброд с курицей. Он ел медленно, не спуская глаз с точки, находившейся несколько выше и левее кухонных часов.

«Будь ты проклят, Мэгнесен! Грязный, лживый, коварный, враг всего чистого и непорочного на земле...»

Вынув револьвер из кармана, он положил его на стол и повертел в разные стороны своим негнущимся пальцем.

Пора начинать терапию.

Если бы не...

Кэсвел с беспокойством почувствовал, что не хочет избавиться от желания убить Мэгнесена. Что будет с ним, если он лишится этой потребности? Жизнь потеряет смысл, содержание, весь вкус и остроту. Она станет бесконечно нудной.

Кроме того, Мэгнесен принес ему большое личное горе, о котором не хотелось вспоминать.

Айрин!

Его бедная сестра, обесчещенная сладкоречивым и хитрым Мэгнесеном, погубленная и брошенная. Разве может быть более убедительная причина, чтобы взять револьвер...

С трудом Кэсвел вспомнил, что у него никогда не было сестры. Теперь самое время приступить к терапии.

Он прошел в гостиную и вынул инструкцию, засунутую в вентиляционное отверстие аппарата. Развернув ее, он прочел:

«Для пользования Регенератором модели Рекс:

1. Поставьте Регенератор рядом с удобной кушеткой (удобную кушетку можно приобрести за дополнительную плату в любом магазине «Дженерал моторс»).

2. Воткните вилку в комнатную розетку.

3. Наденьте раздвижной контактный обруч на голову.

Вот и все! Ваш Регенератор сделает все остальное! Никаких языковых барьеров и проблем диалекта, потому что Регенератор общается методом Непосредственного Чувственного Контакта (патент заявлен). Единственное, что от вас требуется, — довериться аппарату.

Вы не должны испытывать смущение или стыд. У всех есть проблемы, иногда посложнее ваших! Регенератор не интересуется вашей нравственностью или этическими принципами, поэтому не считайте, что он вас судит. Он лишь пытается помочь вам стать здоровым и счастливым.

Как только Регенератор соберет и обработает достаточное количество информации, он начнет лечение. От вас самих зависит продолжительность сеансов. Приказываете вы! И, конечно, вы вправе прервать сеанс в любой момент.

Вот и все! Просто, не правда ли? А теперь включайте ваш Регенератор фирмы «Дженерал моторс» и становитесь нормальным!»

— Ничего сложного,— сказал себе Кэсвел.

Он подвинул Регенератор ближе к кушетке и включил его. Взял обруч, начал надевать его на голову, остановился.

— Я чувствую себя так глупо! — хихикнул он.

Неожиданно он закрыл рот и вызывающе взглянул на черную, поблескивающую никелировкой машину.

— Так, значит, ты считаешь, что можешь сделать меня нормальным, а?

Регенератор не отвечал.

— Ладно, попробуй.— Он натянул обруч на голову, лег на кушетку и скрестил руки на груди.

Ничего не произошло. Кэсвел устроился поудобнее. Почесал плечо и немного передвинул обруч. Ничего. Мысли его начали расползаться.

«Мэгнесен! Ты наглый высокомерный урод, отвратительный...»

— Добрый день,— прозвучал в его голове голос.— Я ваш механотерапевт.

Кэсвел виновато заерзал.

— Здравствуйте. Я тут просто... ну, вы понимаете... вроде как бы...

— Понимаю,— успокаивающе сказала машина.— Ведь мы все, так или иначе... В данный момент я изучаю ваше подсознание с целью синтеза, диагноза, прогноза и лечения. Я обнаруживаю...

— Да?

— Один момент.— Регенератор молчал несколько минут. Потом неуверенно сказал: — Весьма необычный случай.

— Правда? — спросил довольный Кэсвел.

— Да. Коэффициенты похожи на... я, правда, не уверен...— механический голос аппарата стал затухать. Индикаторная лампочка замигала и погасла.

— Эй, в чем дело?

— Какая-то путаница,— ответила машина.— Однако,— продолжала она окрепшим голосом,— необычайная природа симптомов не может поставить в тупик квалифицированную терапевтическую машину. Любой симптом, как он ни причудлив, является всего лишь сигналом, признаком внутреннего несоответствия. А все симптомы можно объяснить на основе общепринятой и доказанной теории. Поскольку теория эффективна, симптомы должны с нею согласовываться. Будем исходить из этой предпосылки.

— А вы уверены, что делаете то, что нужно? — спросил Кэсвел, у которого кружилась голова.

Сверкнув индикатором, машина отрезала:

— Современная механотерапия — точная наука, не

допускающая каких-либо значительных ошибок. Начнем со словесных ассоциаций.

— Валяйте,— сказал Кэсвел.

— Жилище?

— Дом.

— Собака?

— Кошка.

— Флифл?

Кэсвел замешкался, пытаясь сообразить. Чем-то это слово напоминало марсианское, но могло быть и венерианским или...

— Флифл? — повторил Регенератор.

— Марфуш,— сымпровизировал Кэсвел.

— Громкий?

— Сладкий.

— Зеленый?

— Мама.

— Тханагойес?

— Патаматонга.

— Арридес?

— Нексотесмодрастика.

— Чтиспохельгноптецес?

— Рагамару латасентрикпропатрия! — выкрикнул Кэсвел. Это был набор звуков, которым можно гордиться. Человек средних способностей не смог бы их произвести.

— Гм,— сказал Регенератор.— Закономерности совпадают. Так и должно быть.

— Какие закономерности?

— У вас,— сообщила ему машина,— классический случай фим-мании, осложненной сильной дварк-наклонностью.

— Неужели? Мне казалось, что у меня мания убийства.

— Этот термин не имеет смысла,— строго сказала машина.— Поэтому я отвергаю его как бессмысленный набор звуков. Теперь учтите: фим-мания совершенно нормальна. Никогда этого не забывайте. Правда, в раннем возрасте она обычно уступает место ховендиш-отвращению. Индивидуумы, не обладающие этой естественной реакцией на внешнюю среду...

— Я не совсем понимаю то, что вы говорите,— признался Кэсвел.

— Прошу вас, сэр, давайте сразу договоримся. Вы — пациент. Я — механотерапевт. Вы обратились ко мне, чтобы излечиться от недуга. Однако вы не можете рассчитывать на помощь, если сами не будете прилагать соответствующие усилия.

— Ладно,— сказал Кэсвел.— Я попробую.

До сих пор он наслаждался сознанием собственного

превосходства. Все, что говорила машина, казалось забавным. Пожалуй, он даже мог бы указать механотерапевту на некоторые его неточности.

Теперь же ощущение благополучия улетучилось, уже в который раз, и Кэвел почувствовал себя одиноким, ужасно одиноким и потерянным, рабом своих желаний, ищущим хотя бы немного тишины и спокойствия.

Он вынесет что угодно, лишь бы вновь обрести равновесие. Сурово он напомнил себе, что не имеет права критиковать механотерапевта. Эти машины знают свое дело, у них громадный опыт. Он будет стараться, каким бы нелепым ни казался ему, дилетанту, этот способ лечения.

Одно ясно, подумал Кэвел, угрюмо укладываясь на кушетку, механотерапия гораздо труднее, чем он предполагал.

Поиски исчезнувшего покупателя были недолгими и безрезультатными. Его не было на многолюдных улицах Нью-Йорка, и никто не помнил рыжего человечка с воспаленными глазами, тащившего на себе черную терапевтическую машину.

Такое зрелище было слишком обычным.

Вскоре после срочного телефонного вызова явились четверо полицейских во главе с встревоженным молодым лейтенантом — детективом по фамилии Смит.

Едва Смит успел спросить: «А почему вы не удосужились повесить ярлыки на товары?» — как его прервали.

Оттолкнув полицейского, стоявшего у дверей, в комнату вошел мужчина. Он был высокий, угловатый и некрасивый, с глубоко запавшими бледно-голубыми глазами. Мятый и нечищенный костюм висел на нем, как гофрированное железо.

— Что вам нужно? — спросил лейтенант Смит.

Некрасивый мужчина отогнул лацкан пиджака и показал блестящий серебряный значок.

— Я Джон Рэт из отдела безопасности «Дженерал моторс».

— А.. виноват, сэр, — сказал лейтенант Смит, отдавая честь. — Я не думал, что вы так быстро придете на место.

Рэт издал неопределенный звук.

— Вы проверили отпечатки пальцев, лейтенант? Покупатель мог дотронуться до другой терапевтической машины.

— Я сейчас же этим займусь, сэр, — сказал Смит. Нечасто случалось, чтобы оперативный работник «Дженерал моторс», «Дженерал электрик» или «ИБМ» при-

бывал для личного расследования на место. Если участковый полицейский проявит расторопность, то его могут перевести в Индустриальную Полицию...

Рэт повернулся к Фолансби и Хэскинсу и окинул их взглядом, пронизывающим и безличным, как луч радара.

— Выкладывайте все по порядку, — сказал он, вынимая из бесформенного кармана записную книжку и карандаш.

Он слушал рассказ в злобешем молчании. Наконец он захлопнул записную книжку, сунул ее обратно в карман и сказал:

— Терапевтические машины должно оберегать, как святыню. Дать покупателю не ту машину — значит не оправдать оказанное вам доверие, нарушить Общественные Интересы и очернить добрую репутацию Компании.

Управляющий согласно закивал, свирепо глядя на несчастного продавца.

— Марсианский вариант машины, — продолжал Рэт, — вообще не должен был находиться на витрине.

— Я объясню, как это получилось, — поспешно сказал Фолансби. — Нам нужна была демонстрационная модель, и я написал в Компанию письмо с просьбой...

— Это, — безжалостно перебил его Рэт, — может быть расценено как грубое и преступное ротозейство.

Управляющий и продавец обменялись испуганными взглядами. Они вспомнили об исправительной колонии «Дженерал моторс» возле Детройта, где нарушители законов Компании коротали время в угрюмой тишине, занимаясь монотонным вычерчиванием микросхем для карманных телевизионных приемников.

— Правда, это вне моей компетенции, — сказал Рэт. Он обратил свой сумрачный взгляд на Хэскинса: — Вы уверены, что покупатель не назвал своего имени?

— Нет, сэр. То есть да, я в этом уверен, — ответил Хэскинс дребезжащим голосом.

— Упомянул ли он вообще какие-нибудь имена?

Хэскинс закрыл лицо руками. Потом вскинул голову и с жаром произнес:

— Да! Он хотел кого-то убить! Своего друга!

— Кого? — переспросил Рэт с леденящим спокойствием.

— Фамилия его друга... дайте мне подумать... Магнетон! Вспомнил! Магнетон! Или Моррисон? О боже...

На железном лице Рэта отразилось гофрированное презрение. Люди бесполезны в качестве свидетелей. Хуже, чем бесполезны, потому что они могут направить по ложному следу. В смысле надежности лучше всего роботы.

— Неужели он не упомянул ничего существенного?
— Дайте мне подумать! — сказал Хэскинс, лицо которого перекосило от напряжения.

Рэт ждал.

Фолансби откашлялся.

— Я тут подумал, мистер Рэт. Насчет этой марсианской машины. Она ведь не будет лечить земную манию убийства, как таковую?

— Конечно нет. Мания убийства не известна на Марсе.

— Согласен. В таком случае, что она сделает? Не откажется ли она лечить эту болезнь как не знакомую ей? Тогда покупатель просто вернет Регенератор с жалобой, и мы...

Рэт покачал головой.

— Рекс-Регенератор обязан проводить лечение, если он обнаружил признаки психоза. По марсианским стандартам, ваш покупатель тяжело болен, он ненормальный, какова бы ни была действительная причина его болезни.

Фолансби снял пенсне и начал быстро протирать стекла.

— Что же будет делать машина?

— Она будет лечить его от марсианской болезни, наиболее близкой к данному случаю. Можно предположить, что от фим-мании с различными осложнениями. Что же касается последствий лечения, то я ничего не могу сказать. Да и вряд ли кто-либо другой может, потому что таких случаев еще не было. Грубо говоря, альтернатива такова: либо пациент сразу отвергнет терапию и при этом мания убийства останется, либо он пройдет курс марсианской терапии и излечится.

Лицо Фолансби просветлело:

— Значит, исцеление возможно!

— Вы не поняли, — сказал Рэт. — Он излечится... от несуществующего марсианского психоза. Излечить то, чего на самом деле нет, значит создать фантастическую систему галлюцинаций. Машина сработает наоборот: она создаст психоз, вместо того чтобы ликвидировать его.

Фолансби застонал и прислонился к Психосоматике фирмы «Белл».

— В результате, — заключил Рэт, — больного убедят, что он марсианин. Нормальный марсианин, естественно.

Хэскинс неожиданно закричал:

— Вспомнил! Вспомнил! Он говорил, что работает в «Нью-Йорк рэпид трэнзит»! Я это ясно помню!

— Это уже шанс, — сказал Рэт, протягивая руку к телефону.

Хэскинс с облегчением вытер потное лицо.

— И я вспомнил другое, что поможет нам еще больше.

— Что именно?

— Покупатель сказал, что он одно время был алкоголиком. Я уверен в этом, потому что сначала он заинтересовался Алкоголеразгрузителем «ИБМ», пока я его не отговорил. Он был рыжий, а вы знаете, у меня есть теория насчет рыжих и алкоголизма. Согласно ей...

— Отлично, — сказал Рэт. — Алкоголизм должен быть у него в анкете. Это резко сужает сферу поисков.

Когда он набирал номер «Рэпид трэнзит», его некрасивое тяжелое лицо казалось почти симпатичным.

Приятно для разнообразия убедиться в том, что люди еще способны запоминать существенные детали.

— Но, конечно, вы помните свою горикку? — спрашивал Регенератор.

— Нет, — устало отвечал Кэсвел.

— Тогда расскажите мне о ваших юношеских переживаниях в форастрийском флипе.

— Никогда не было ничего подобного.

— Гм. Блокировка, — пробормотала машина. — Чувство обиды. Подавление. Вы уверены, что не помните свою горикку и что она для вас означала? Все прошло через это.

— Только не я, — сказал Кэсвел, сдерживая зевоту.

Механотерапия продолжалась уже почти четыре часа — и без всякой видимой пользы. Сначала он по своей инициативе рассказал о детстве, об отце с матерью, о старшем брате. Однако Регенератор попросил его отбросить эти фантазии. Отношение пациента к воображаемому родителю, или сиблингу, объяснил он, носит фиктивный характер и имеет второстепенный психологический интерес. Самое важное — чувства пациента, открытые и подавленные, которые он испытывает к своей горике.

— Послушайте, — запротестовал Кэсвел, — я даже не знаю, что такое горика.

— Нет, вы знаете. Вы лишь не хотите себе в этом признаться.

— Не знаю. Объясните мне.

— Лучше, если бы вы сами мне рассказали.

— Каким образом? — разозлился Кэсвел. — Я ведь не знаю!

— Что такое, по-вашему, горика?

— Это лесной пожар, — сказал Кэсвел. — Таблетка соли. Бутыль денатурата. Маленькая отвертка. Уже тепло? Записная книжка. Пистолет...

— Эти ассоциации не лишены смысла, — заверил

его Регенератор.— Ваши попытки выбирать их наугад свидетельствуют о наличии внутренней закономерности. Вспоминаете?

— Так что же все-таки, черт побери, такое горика? — рявкнул Кэсвел.

— Дерево, кормившее вас в грудном возрасте, возможно, вплоть до полового созревания, если мои предположения относительно вас правильны. Неумышленно горика подавила ваше естественное отвращение к фим-мании. Это в свою очередь вызвало ощущаемую вами потребность дварковать кого-нибудь влنديшным способом.

— Никакое дерево меня не вскармливало.

— Вы не помните об этом?

— Конечно нет, этого никогда не было.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Неужели у вас нет ни малейшего сомнения?

— Нет! Никакая горика меня не вскармливала. Пожалуйста, я имею право прервать сеанс в любой момент, не так ли?

— Безусловно,— сказал Регенератор,— хотя сейчас это нежелательно. Вы проявляете чувства гнева, обиды, страха. Произвольно отвергая...

— К черту,— сказал Кэсвел и сдернул обруч с головы.

Тишина была прекрасной. Кэсвел встал, зевнул, потянулся и помассировал затылок. Он посмотрел на гудящую черную машину долгим и враждебным взглядом.

— Тебе и насморка не вылечить,— сказал он ей.

Разминая затекшие суставы, он прошелся по комнате и вернулся к Регенератору.

— Чертов обманщик! — крикнул он.

Он отправился на кухню выпить пива. Револьвер еще лежал на столе, тускло поблескивая.

«Мэгнесен! Гнусная, вероломная дрянь! Воплощение дьявола! Мерзкое, злое чудовище! Кто-то должен тебя уничтожить, Мэгнесен! Кто-то...»

Кто-то? Он сам должен это сделать. Ему одному известна неизмеримая глубина развращенности Мэгнесена, его порочности, его отвратительного честолюбия.

«Да, это мой долг»,— подумал Кэсвел. Но, как ни странно, эта мысль не доставила ему удовольствия.

Все-таки Мэгнесен его друг.

Он встал, готовый действовать. Засунул револьвер в правый карман пиджака и посмотрел на кухонные часы. Почти половина седьмого. Мэгнесен, наверно, уже дома, обедает, ухмыляется, обдумывая свои планы.

Самое время его пристукнуть.

Кэсвел большими шагами прошел к двери, отворил ее, собираясь выйти, и остановился.

Ему пришла в голову мысль, мысль столь сложная, столь значительная, со столь далеко идущими последствиями, что он был потрясен до глубины души. В отчаянии Кэсвел пытался отогнать эту мысль. Однако навечно выгравированная в его памяти, она не исчезала.

В этих условиях для него оставалось лишь одно.

Он вернулся в гостиную, сел на кушетку и натянул обруб на голову.

— Да? — спросил Регенератор.

— Черт побери, это удивительно, — сказал Кэсвел. — Вы знаете, я, кажется, действительно вспоминаю свою горюку!

Джон Рэт вызвал по телевидео «Нью-Йорк рэпид трэнзит», где его немедленно соединили с мистером Бемисом, полным загорелым мужчиной с внимательными глазами.

— Алкоголизм? — переспросил Бемис, когда ему объяснили, в чем дело. Незаметным движением он включил магнитофон. — Среди наших служащих? — Нажав ногой на кнопку в полу, Бемис дал сигнал тревоги в отделы Охраны, Рекламы, Взаимоотношений с другими компаниями и Психоанализа. Сделав это, он с серьезным видом посмотрел на Рэта. — Уважаемый сэр, это исключено. Между нами, почему «Дженерал моторс» этим заинтересовалась?

Рэт горько усмехнулся. Этого можно было ожидать. У «Рэпид трэнзит» и «Дженерал моторс» в прошлом имелись разногласия. Официально между обеими гигантскими корпорациями существовало сотрудничество. Однако на практике...

— Дело касается Общественных Интересов, — сказал Рэт.

— Разумеется. — Бемис едва заметно усмехнулся. Взглянув на селекторную доску, он увидел, что несколько сотрудников Компании подслушивают разговор. Если повести себя правильно, можно рассчитывать на повышение по службе. — Видимо, имеются в виду Общественные Интересы «Дженерал моторс»? — продолжал Бемис с вежливым ехидством. — Я полагаю, это нарек на то, что нашими ракетобусами управляют пьяные водители?

— Совсем нет. Меня интересует лишь один случай предрасположения к алкоголизму, одна индивидуальная скрытая форма...

— Исключено. Мы в «Рэпид трэнзит» не берем на работу людей хотя бы с малейшей склонностью такого

рода. Я вам советую, сэр, вычистить собственный дом, прежде чем заниматься инсинуациями!

Бемис выключил телевидео.

Обвинить его, во всяком случае, ни в чем не смогут.

— Тупик, — с досадой сказал Рэт. Он повернулся и крикнул: — Смит! Обнаружили отпечатки пальцев?

Подскочил лейтенант Смит, без пиджака и с засученными рукавами.

— Ничего существенного, сэр.

Рэт стиснул тонкие губы. Почти семь часов прошло с тех пор, как покупатель унес марсианскую машину. Неизвестно, какой ущерб уже нанесен. Покупатель будет вправе подать на Компанию в суд. Но дело не в компенсации; любой ценой нужно спасти репутацию фирмы.

— Простите, сэр, — сказал Хэскинс.

Рэт не слышал. Что делать? «Рэпид трэнзит» отказывается помочь. Разрешит ли командование вооруженных сил перебрать все личные дела по телосложению и пигментации?

— Сэр, — снова сказал Хэскинс.

— Что вам?

— Я вспомнил фамилию друга покупателя. Мэгнесен.

— Не ошибаетесь?

— Нет, — сказал Хэскинс, и в его голосе впервые за много часов прозвучала уверенность. — Я позволил себе, сэр, заглянуть в телефонную книгу. В Манхэттене лишь один человек с такой фамилией.

Рэт угрожающе посмотрел на него из-под косматых бровей:

— Хэскинс, я надеюсь, что вы не ошибаетесь. Очень надеюсь.

— Я тоже, сэр, — признался Хэскинс, чувствуя, как у него начинают трястись колени.

— Потому что в противном случае, — сказал Рэт, — я... Ладно. Пошли!

Под полицейским эскортом они прибыли по адресу через пятнадцать минут. Это был старинный дом из темного песчаника, на одной из дверей второго этажа висела табличка с фамилией Мэгнесен. Они постучали.

Дверь отворил коренастый мужчина лет тридцати, коротко подстриженный и без пиджака. Он слегка побледнел при виде стольких людей в форме, но не испугался.

— Что это значит? — вызывающе спросил он.

— Ваша фамилия Мэгнесен? — рывкнул лейтенант Смит.

— Ага. Что стряслось? Если вы насчет того, что

мой стерео якобы слишком громко играет, так эта старая ведьма внизу...

— Можно войти? — спросил Рэт. — Дело серьезное.

Мэгнесен, казалось, не был расположен их пускать, но Рэт отстранил его и прошел внутрь, сопровождаемый Смитом, Фолансби, Хэскинсом и небольшим отрядом полицейских. Мэгнесен повернулся к ним, недовольный и сбитый с толку. Сцена явно произвела на него сильное впечатление.

— Мистер Мэгнесен, — обратился к нему Рэт самым приятным тоном, на который был способен. — Надеюсь, вы извините нас за вторжение. Уверяю, что дело касается Общественных Интересов, а также ваших собственных. Есть ли среди ваших знакомых маленький, рыжеволосый человек сердитого вида, с воспаленными глазами?

— Да, — медленно и осторожно сказал Мэгнесен. Хэскинс испустил вздох облегчения.

— Пожалуйста, сообщите нам его фамилию и адрес, — попросил Рэт.

— Это, наверно... постойте! А что он сделал?

— Ничего.

— Тогда зачем он вам нужен?

— Объяснять некогда, — сказал Рэт. — Поверьте, что это и в его интересах. Как его фамилия?

Мэгнесен испытующе смотрел на некрасивое, но честное лицо Рэта.

Вмешался лейтенант Смит.

— Давай, выкладывай, Мэгнесен. Тебе же будет лучше. Фамилию — и быстро.

Это был неверный подход. Мэгнесен закурил сигарету, пустил струю дыма в Смита и спросил:

— А разрешение у тебя есть, приятель?

— Еще бы, — сказал Смит, двинувшись вперед. — Я тебе сейчас покажу разрешение, умник.

— Прекратите! — приказал Рэт. — Лейтенант Смит, благодарю вас за помощь. Вы свободны.

Рассерженный Смит удалился со своим отрядом. Рэт сказал:

— Прошу прощения, Смит был излишне усерден. Лучше я вам расскажу все по порядку.

Он кратко изложил всю историю с покупателем и марсианской терапевтической машиной.

После этого рассказа Мэгнесен стал еще подозрительнее:

— Вы хотите сказать, что он собирается убить меня?

— Вот именно.

— Это ложь! Я не знаю, кто вы такой, мистер, но вам никогда не удастся меня в этом убедить. Элвуд мой лучший друг, с самого детства. Мы вместе служи-

ли в армии. Ради меня Элвуд руку себе отрежет. И я сделаю для него то же самое.

— Да, да, — нетерпеливо сказал Рэт. — Во вменяемом состоянии. Однако ваш друг Элвуд... Кстати, это его имя или фамилия?

— Имя, — насмешливо сказал Мэгнесен.

— Ваш друг Элвуд душевнобольной.

— Вы его не знаете. Этот парень любит меня, как родного брата. Послушайте, что Элвуд сделал? Задолжал или что-нибудь в этом роде? Я могу помочь.

— Идиот! — закричал Рэт. — Я пытаюсь спасти вашу жизнь, а также и разум вашего друга!

— Но откуда я знаю? — взмолился Мэгнесен. — Вы, парни, сюда врываетесь...

— Вы должны мне поверить, — сказал Рэт.

Мэгнесен внимательно посмотрел на Рэта и нехотя кивнул.

— Его зовут Элвуд Кэсвел. Он живет по этой же улице в доме 341.

Человек, отворивший дверь, был невысокого роста, рыжий и с воспаленными глазами. Его правая рука была засунута в карман пиджака. Он казался очень спокойным.

— Вы Элвуд Кэсвел? — спросил Рэт. — Вы купили сегодня утром Регенератор в магазине «Домашние терапевтические приборы»?

— Да, — сказал Кэсвел. — Прошу вас.

В небольшой гостиной они увидели черный Регенератор, который стоял у кушетки, поблескивая никелированными частями. Он был выключен.

— Вы им пользовались? — с тревогой спросил Рэт.

— Да.

Фолансби сделал шаг вперед.

— Мистер Кэсвел, не знаю, как это произошло, но мы совершили ужасную ошибку. Регенератор, приобретенный вами, — марсианский вариант, предназначенный для лечения марсиан.

— Я знаю, — сказал Кэсвел.

— Знаете?

— Разумеется. Это быстро выяснилось.

— Ситуация была опасной, — сказал Рэт, — особенно для человека с вашими... ээ... неприятностями. — Незаметно для Кэсвела он внимательно изучал его. Тот вел себя нормально, но внешность часто обманчива, особенно у душевнобольных. У Кэсвела была мания убийства, нет оснований считать, что она исчезла бесследно.

И Рэт пожалел, что так рано отослал Смита и его

отряд. Присутствие вооруженных полицейских иногда успокаивает.

Кэсвел прошел в другой угол комнаты, где стояла терапевтическая машина. Одна рука у него была все еще в кармане, другую он любовно положил на Регенератор.

— Бедняга, он старался изо всех сил, — сказал он. — Конечно, он не мог излечить то, чего не было. — Он усмехнулся. — Правда, ему это почти удалось!

Следя за выражением лица Кэсвела, Рэт сказал подчеркнуто небрежным голосом:

— Рад, что все обошлось, сэр. Компания, разумеется, компенсирует потерянное время и нанесенный вам моральный ущерб...

— Разумеется, — сказал Кэсвел.

— ...и мы немедленно заменим этот Регенератор нормальной земной моделью.

— В этом нет необходимости.

— Нет?

— Нет. — В голосе Кэсвела звучала твердость. — Терапия, начатая машиной, побудила меня провести глубокий самоанализ. В момент полного проникновения в собственное сознание мне удалось переоценить и отбросить мое намерение убить бедного Мэгнесена.

Рэт недоверчиво наклонил голову.

— Вы не испытываете сейчас такой потребности?

— Нисколько.

Рэт насупился, хотел что-то сказать, но остановился. Он повернулся к Фоланси и Хэскинсу:

— Заберите машину. Я с вами еще поговорю в магазине.

Управляющий и продавец подняли Регенератор и вышли.

Рэт сделал глубокий вдох:

— Мистер Кэсвел, я бы вам весьма рекомендовал принять бесплатно новый Регенератор от Компании. Без правильного лечения методом механотерапии сохраняется опасность возобновления процесса.

— В данном случае опасности нет, — мягко, но твердо сказал Кэсвел. — Благодарю вас за заботу, сэр. Спокойной ночи.

Рэт пожал плечами и направился к двери.

— Погодите! — крикнул Кэсвел.

Рэт обернулся. Кэсвел вытащил руку из кармана. В руке был револьвер. Рэт почувствовал, как струйки пота стекают под мышками. Он прикинул расстояние между собой и Кэсвелом. Слишком далеко.

— Возьмите, — сказал Кэсвел, протягивая револьвер рукояткой вперед. — Мне это больше не понадобится.

Рэт с равнодушным выражением лица принял

револьвер и засунул его в свой бесформенный карман.

— Спокойной ночи,— сказал Кэсвел. Он закрыл за Рэтом дверь и запер ее.

Наконец он остался один.

Кэсвел прошел на кухню. Откупорил бутылку пива, сделал большой глоток и сел за кухонный стол. Он не спускал глаз с точки, находившейся немного выше и левее стенных часов.

Он должен разработать свой план сейчас. Времени терять нельзя.

«Мэгнесен! Злое чудовище, срубившее горику Кэсвелов! Мэгнесен! Человек, который тайно собирается заразить Нью-Йорк отвратительной фим-манией! О, Мэгнесен, желаю тебе долгой-долгой жизни, полной мучений, которые я тебе принесу! И для начала...»

Кэсвел улыбнулся, представив, как он будет дварковать Мэгнесена влنديшным способом.

ЛЮДИ БЕЗ ТЕЛ

Думается мне, что мы, люди пожилые, так полностью никогда и не привыкнем к новому состоянию: ведь когда мы родились, об амфибиях — в новом смысле слова, конечно, — никто и слыхом не слыхивал. Лично я часто ловлю себя на том, что беспокоюсь о вещах, ставших теперь совершенно бесполезными и ненужными.

Я, к примеру, как ни стараюсь, не могу забыть о своем деле — вернее, о том, что когда-то было моим делом. Да как же тут забудешь — я на эту штуковину ухлопал тридцать лет жизни, построил ее, можно сказать, с нуля, а теперь оборудование ржавеет и зарастает грязью. И пусть я тысячу раз знаю, что думать о моем бывшем деле глупо, я все равно время от времени беру из хранилища тело и возвращаюсь в родной город, чтобы почистить и смазать это беспризорное оборудование.

Но все мои хлопоты о бывшем деле просто смехотворная чепуха в сравнении с тем, как моя жена Мадж печется о нашем бывшем доме. Ведь те тридцать лет, которые я посвятил своему делу, она целиком отдала этому дому. И что же? Только у нас хватило сил и средств превратить наше жилье в уютное гнездышко, украсить его как следует, как тут же все наши знакомые превратились в амфибий. И теперь Мадж примерно раз в месяц берет из хранилища тело и наводит в доме полный порядок, хотя пользы от него разве что мышам и термитам — небось в холодные дни спасаются в нем от воспаления легких.

Каждый раз, когда приходит моя очередь входить в тело и заступать на дежурство по местному хранилищу, я снова и снова убеждаюсь, насколько женщине труднее быть амфибией. Мадж берет тело намного чаще, чем я, и то же самое можно сказать о всех амфибиях женского пола. Чтобы справиться со спросом, нам приходится держать в хранилищах в три раза больше женских тел, чем мужских. Через какие-то промежутки времени выясняется, что женщина просто не может обойтись без тела, ей позарез

нужно напаялить на него какие-нибудь тряпки и посмотреть на себя в зеркало. Мне кажется, что Мадж, дай ей бог здоровья, не успокоится, пока не перемеряет все тела из всех хранилищ на земле.

Для Мадж, конечно, это великое дело, тут и говорить нечего. И я ее по этому поводу никогда не подначиваю, знаю, какую важную роль амфибийность сыграла для ее личности. Ведь если сказать всю правду, чистую, неприкрытую правду, так старое тело Мадж вряд ли кого могло привести в восторг, оно просто никуда не годилось, а бедняжке, естественно, приходилось повсюду таскать его за собой — ясно, что в старые времена она часто из-за этого расстраивалась.

Но я-то ее все равно любил.

Ну так вот, после того как мы научились переходить в амфибийное состояние, мы построили хранилища и поместили в них освободившиеся тела. И тут, когда хранилища открылись для желающих, Мадж совершенно ошалела. Она сразу же вошла в тело платиновой блондинки, сданное какой-то умопомрачительной красавицей, и я уж думал, что Мадж из него не вытащишь ни за какие коврижки.

Мне же, как и большинству мужчин, в общем-то, наплевать, какое у меня тело. В хранилище ведь были оставлены только крепкие, здоровые, красивые тела, так что одно или другое — разницы никакой. Иногда, когда в память о старых временах мы с Мадж берем тела вместе, я разрешаю выбирать ей тело и для меня, чтобы мы выглядели подходящей парой. Милая Мадж, она всегда выбирает мне тело высокого блондина.

Мое старое тело, которое Мадж, по ее заверениям, любила почти треть столетия, имело черноволосую голову, средний рост, а в последние годы и животик. Я все-таки человек, и мне, честно скажу, было неприятно, когда мое тело отказались поместить в хранилище, а взяли и выкинули. Тело было ничего: уютное и вполне приличное. Не скажу, что первый класс, но вполне надежное.

Но самая неприятная история у меня с телом произошла тогда, когда я дал себя одурачить и согласился взять тело, принадлежащее доктору Эллису Коннигсвассеру. Это тело — собственность Общества амфибий-пионеров, и вынимают его только раз в год, когда в день годовщины открытия Коннигсвассера организуется большой парад Пионеров. Я должен гордиться, говорили все, что мне выпала честь войти в тело Коннигсвассера и возглавить парад. Я им поверил, словно последний идиот.

Чтобы я еще раз влез в его тело — нет уж, дудки, больше я на эту удочку не попадусь. Стоит только взглянуть на эту рухлядь, как сразу же становится ясно, почему Коннигсвассер сделал свое открытие о возможности жизни вне тела. Попробуй-ка поживи в таком теле, какое было у него! Внутри — язва, мигрень, артрит, еще черт знает что, а снаружи — лиловый крюк вместо носа, маленькие пороссячьи глазки, цвет лица, как у повидавшей виды паровой трубы. Тем не менее он был и остается милейшим и приятнейшим человеком, но в старые времена, когда все мы были привязаны к нашим телам, этого никто не знал.

Когда впервые было решено проводить парад Пионеров, мы попросили Коннигсвассера вернуться в свое тело и возглавить шествие, но он отказался наотрез, и нам теперь каждый раз приходится находить какого-нибудь козла отпущения и с помощью лести убеждать его взять на себя выполнение этой миссии. В параде-то Коннигсвассер, конечно, участвует, но только в теле двухметрового громилы-ковбоя, которому ничего не стоит двумя пальцами смять пустую банку из-под пива.

Это тело для Коннигсвассера — сущая игрушка. В нем он готов хоть целый день мять пивные банки, а сам при этом радуется, как дитя малое, а мы все, если находимся в телах, например, после парада, должны стоять вокруг и делать вид, что восхищаемся его силой.

Его можно понять — в старые времена он вряд ли мог что-нибудь смять или согнуть.

Он, безусловно, великий человек, и амфибийный период начинается именно с него, поэтому мы закрываем глаза на разные его выходки, но, боже мой, как он обращается с телами! Как возьмет какое-нибудь в хранилище, так сразу и давай силу-удаль демонстрировать. Пока не доиграется. И тогда кому-то приходится влезать в тело хирурга и приводить пострадавшее тело в порядок, что-нибудь там в нем зашивать.

В Историческом клубе от старых времен осталась фотография Коннигсвассера, и по ней вы можете догадаться, что он никогда не придавал значения своему внешнему виду — это тоже признак определенной инфантильности.

Да, с телом, которым его наградила природа, Коннигсвассер не очень-то церемонился.

Волосы его космами свисали с головы, брюки были такие длинные, что каблуки прорывали их насквозь чуть выше обшлагов, подкладка пальто гирляндой

колыхалась вокруг ног. Кроме того, он забывал как следует питаться, выходя на улицу в холод или в слякоть, забывал как следует одеться, а разные боли и болезни он просто игнорировал, замечая их лишь тогда, когда одной ногой уже стоял в могиле. Он был, по нашим старым понятиям, человеком рассеянным.

Теперь-то, оглядываясь назад, можно сказать, что рассеянность тут ни при чем. Коннигсвассер постепенно превращался в амфибию, зот и все.

По профессии он был математиком, поэтому в его жизни основную роль играл мозг. И этот гениальный мозг должен был повсюду таскать за собой тело, которое ему было нужно, как корове седло. Когда Коннигсвассер заболел и ему приходилось так или иначе заботиться о своем теле, он обычно раздражался гневной тирадой:

— Единственная полезная вещь в человеческом организме — это мозг. Почему он не может существовать отдельно от нашего тела — этого мешка, набитого мясом, костями, кровью, кожей, волосами и сосудами? Что ж тут удивительного, что люди ничего не могут добиться в жизни — ведь со дня своего рождения они навсегда привязаны к паразиту, в которого надо впихивать пищу и защищать от погоды и микробов. И в конце концов эта идиотская штука все равно изнашивается, как бы ты ее ни откармливал и ни холил. Разве есть в этом хоть капля здравого смысла?

— Ну, кому оно нужно, — риторически вопрошал он, — это тело? Что за удовольствие повсюду таскать за собой черт знает сколько килограммов протоплазмы?

Когда у него испортились и выпали все зубы, да так, что даже протезы было не на что закрепить, Коннигсвассер написал в своем дневнике:

«Если жизненная материя смогла развиваться настолько, чтобы выйти из океана, где жизнь была действительно приятной, она, безусловно, сможет пойти в своей эволюции дальше и вырваться из тел, которые, при ближайшем рассмотрении, приносят ей сплошные неудобства».

Не подумайте, что он был ханжой по отношению к телам, нет, и людям с красивыми, здоровыми телами он вовсе не завидовал. Просто он считал, что от тела больше хлопот, чем пользы.

Он не очень надеялся, что при его жизни люди разовьются настолько, чтобы выйти из своих тел. Ему лишь очень хотелось, чтобы это произошло. Как-то Коннигсвассер, сосредоточенно думая об этом,

гулял по зоопарку в своей тенниске. Он остановился возле одной из клеток посмотреть, как кормят львов. Дождь перешел в мокрый снег, доктор направился домой. По дороге он обратил внимание на толпу у края лагуны — кто-то утонул.

Свидетели утверждали, что утопленник — человек пожилой — прямоком вошел в воду и, ничуть не меняясь в лице, шел и шел вперед, пока не скрылся под водой. Взглянув на жертву, Коннигсвассер сказал себе, что причина самоубийства ему вполне понятна — с таким лицом на этом свете делать нечего. Коннигсвассер пошел своей дорогой, и, уже почти вернувшись домой, он вдруг понял, что на берегу лагуны лежало его собственное тело.

Коннигсвассер вернулся к телу, которое все еще безуспешно пытались откачать, вошел в него и отшел домой, главным образом делая одолжение городским властям. Дома он завел тело в чулан, а сам снова вышел из него.

С тех пор он пользовался телом только от случая к случаю, например, когда нужно было что-то написать или перевернуть страницу книги. Кроме того, он периодически подкармливал тело, чтобы в нем было достаточно энергии для подобного рода работ. Все же остальное время тело с озадаченным видом неподвижно сидело в чулане и энергии почти не расходовало. Коннигсвассер сказал мне как-то, что, используя тело таким образом, он расходовал на его содержание не больше доллара в неделю.

Но самое главное заключалось в том, что Коннигсвассер не должен был больше тратить время на сон — сон был нужен телу; ему нечего было больше бояться — это тело боялось, что ему причинят какой-либо вред: ему не нужно было больше беспокоиться о вещах, в которых нуждалось собственное тело. А если тело чувствовало себя плохо, Коннигсвассер не должен был тратить целое состояние на то, чтобы привести его в норму, он просто выходил из тела и ждал, пока ему станет лучше.

Коннигсвассер первое время часто пользовался телом, потому что много писал, и в скором времени появилась книга о том, как выйти из своего тела. Эту книгу без всяких комментариев отклонили двадцать три издателя. Двадцать четвертый рискнул, и книга разошлась двухмиллионным тиражом. Ее появление изменило человеческую жизнь больше, чем изобретение огня, цифр, алфавита, сельского хозяйства и колеса.

Следуя инструкциям Коннигсвассера, почти каждый в течение двух лет мог научиться выходить из

своего тела. Прежде всего необходимо было уразуметь, каким паразитом и диктатором является тело большую часть жизни. Потом следовало четко определить разницу между тем, что нужно твоему телу, а что — тебе самому, то есть твоему разуму. А потом, сосредоточившись на собственных потребностях, нужно было начисто отключиться от потребностей своего тела, кроме самых элементарных, — и всё, осознав свои права, ваш разум становился самостоятельным.

Именно это и произошло с Коннигсвассером, когда в зоопарке он расстался со своим телом. Разум его продолжал наблюдать за львами, в то время как неуправляемое тело направилось к лагуне.

Когда ваш разум становится достаточно самостоятельным, вы совершаете последний этап разделения — вы ведете тело в одном направлении и вдруг резко уводите ваш разум в противоположном. Стоя на месте, выйти из тела почему-то нельзя — обязательно нужно двигаться.

Первое время мой разум и разум Мадж чувствовали себя без тел как-то неуютно, словно первые морские животные, выбравшиеся на землю миллионы лет тому назад, которые, задыхаясь, извивались и корчились в грязи. Но постепенно мы стали чувствовать себя уверенней — в конце концов разум приспособляется к новым условиям гораздо быстрее тела.

У нас с Мадж было достаточно оснований для того, чтобы рискнуть выйти из тел. Конечно, у всех, кто пошел на это в числе первых, оснований было достаточно. Тело Мадж все время болело и вряд ли протянуло бы долго. А уж если она отправится в мир иной, то и мне здесь особого интереса болтаться нет. Поэтому мы взяли за книжку Коннигсвассера и попробовали вытащить Мадж из ее тела, пока оно не умерло. Мне, само собой, пришлось попробовать вместе с Мадж — не оставаться же одному.

Вот поэтому-то мы и маршируем каждый год на параде Пионеров. Этой чести, удостоен не каждый — только первые пять тысяч из тех, кто стал амфибиями. Мы были подопытными кроликами, терять нам было нечего, и мы доказали всем, как приятно и безопасно жить одним разумом — уж по крайней мере в тысячу раз безопаснее, чем в теле, которое, только и гляди, подстроит тебе не одну, так другую гадость.

Одним словом, постепенно у многих появились основания попробовать. Мы стали исчисляться миллионами и даже перевалили за миллиард, невидимые, бесплотные, неуязвимые и — черт подери! — принадлежащие самим себе, абсолютно независимые и не знающие страха.

Если не входить в тела, наше Общество амфибий-пионеров может уместиться на булавоочной головке. Но для парада Пионеров мы все берем тела, а это значит, что нам нужно пятнадцать тысяч квадратных метров площади, а также около трех тонн пищи, которую нужно заглотить, иначе маршировать энергии не хватит. Кроме того, многие обязательно подхватят простуду или еще чего похуже; испортят себе настроение, потому что на пятку чьего-то тела обязательно наступит нога чьего-то другого тела; будут терзаться от зависти, потому что чьи-то тела будут возглавлять парад, а чьи-то будут маршировать в шеренгах, — о господи, столько неприятностей, что и не перечтешь!

Лично я от наших парадов не в восторге. Видите ли, когда мы все собираемся вместе в телах, в нас пробуждается все худшее, независимо от наших разумов. Взять, к примеру, прошлогодний парад. Жарница стояла такая — хоть умри. Ясное дело, никому не понравится торчать несколько часов в потных, душных телах — все стали нервничать.

А когда люди нервничают, тут-то сыр-бор и разгорается. Командующий парадом заявил, что, если мое тело еще раз собьется с ноги, он ему своим телом переломает все ребра. У него, поскольку он был в этот год командующим, тело было самое лучшее, кроме, конечно, ковбоя Коннигсвассера, но я все равно сказал ему, чтобы он заткнул свою поганую глотку. Командующий кинулся на меня, но я бросил свое тело прямо в шеренгу и даже не стал задерживаться и смотреть, что он с ним сделает. Потом ему самому пришлось тащить мое тело в хранилище.

После моей стычки с командующим парадом Мадж живо сориентировалась и тоже бросила свое тело прямо в колонне Женского вспомогательного. Мы оба были в таком восторге от нашей выходки, что решили немного подразвлечься, и отправились прямоком в стан противника — посмотреть, как у них дела.

Сам-то я никогда не рвусь на них посмотреть, это Мадж обычно интересуется, что там носят женщины. Ведь их женщины не имеют возможности отлучаться из тел, поэтому они, само собой разумеется, очень часто меняют моду на туалеты, прически и косметику.

Но меня мода не волнует, хоть бы ее и совсем не было. А на территории противника говорят если не о моде, так о таких глупостях, что и у мумии уши могут завянуть. Например, они любят поболтать о еде, как им получше набить свои тела вредными химикалиями.

Противник ненавидит нас за то, что мы в любое время можем попасть на их территорию и посмотреть, чем они занимаются, а они вообще не имеют возможности нас видеть, если только мы не берем тела. По-моему, они нас боятся до смерти, хотя бояться амфибий так же глупо, как бояться восхода солнца. Да пусть забирают себе на здоровье весь мир — нам, кроме наших хранилищ, ничего не нужно. Но нет же, они, как стадо коров, держатся вместе, потому что ждут, что мы вот-вот явимся, как гром среди ясного неба, и с улюлюканьем кинемся на них.

Они повсюду поставили разных хитрых шуток-вин, которые, по их замыслу, должны распознавать присутствие амфибий. Дураку ясно, что всей этой технике грош цена, но противник чувствует себя уверенней — будто им противостоят огромные силы, но они сохраняют выдержку и готовы дать достойный отпор. Они все время говорят между собой о каком-то «секрете фирмы» и что у нас, мол, нет ничего похожего. Если «секрет фирмы» — это оружие, они правы на все сто.

Можно сказать, что мы с ними находимся в состоянии войны. Впрочем, мы, со своей стороны, никаких активных действий не ведем, разве что всегда держим в тайне местонахождение наших хранилищ. Не знает противник и о том, где мы будем проводить очередной парад. А если они устраивают воздушный налет или запускают ракету, мы немедленно выходим из тел — вот и все.

Но они от этого боятся еще больше, потому что каждый налет и каждая пущенная ракета влетают им в хорошую копеечку. Значит, нужно снова повышать налоги, а им это еще обиднее оттого, что ракеты эти никому не нужны.

Но все-таки и они не дураки — они ведь, кроме мыслительной деятельности, умудряются еще и за телом своим следить, и я, когда отправляюсь на них взглянуть, стараюсь соблюдать осторожность. Поэтому, когда мы с Мадж вдруг увидели посреди их владений наше хранилище, я решил, что нужно смыться.

Мадж, однако, заявила, что это хранилище может означать одно: противник прозрел и они сами готовы превратиться в амфибий.

Что ж, это было похоже на правду. Новенькое хранилище было заполнено телами, открыто для желающих и выглядело совершенно невинно. Мы покружились немного вокруг него, причем радиус кругов Мадж становился все меньше и меньше — уж

очень ей хотелось посмотреть, какими телами они располагают.

— Давай-ка двинемся отсюда, от греха подальше,— предложил я.

— Но я же просто смотрю,— запротестовала Мадж,— от этого ничего не случится.

Однако увидев то, что было выставлено в главной витрине, Мадж забыла обо всем на свете.

В витрине было выставлено потрясающей красоты женское тело — высокого роста и с фигурой богини. Но это было еще не все. Кожа тела имела медный оттенок, а волосы и ногти были выкрашены в зеленоватый цвет. Тело было одето в вечернее платье из золотистой парчи. А рядом находилось тело высокого белокурого гиганта в голубом фельдмаршальском мундире, окантованном алой лентой и увешанном орденами. Наверное, противник стибрил эти тела во время налета на какое-нибудь из наших отдаленных хранилищ, а потом подкрасил их и приодел.

— Назад, Мадж! — крикнул я.

Женщина с медной кожей и зелеными волосами пошевелилась. Тотчас же завывала сирена, и выскочившие из укрытия солдаты набросились на тело, в которое только что вселилась Мадж.

Значит, хранилище было ловушкой для амфибий!

Тело, соблазнившее Мадж, уже связали по рукам и ногам, и Мадж не могла сделать даже несколько шагов, необходимых, чтобы выйти из тела. Солдаты с триумфом, как настоящего военнопленного, посадили Мадж в машину. Чтобы как-то ей помочь, мне пришлось залезть в лежащее тут же тело этого петуха-фельдмаршала. Фельдмаршал тоже был приманкой, и, связав мне лодыжки, солдаты потащили меня следом за Мадж.

Молодой нагловатый майор, старший над солдатами, даже заплясал от радости. Еще бы, ведь он был первый человек, захвативший в плен амфибию, а, по понятиям противника, это целый подвиг. Они-то воевали с нами уже очень много лет и истратили на это бог знает сколько миллиардов долларов. А мы на них только и начали обращать внимание, когда наша свобода оказалась под угрозой.

Оказалось, что над нами с Мадж собираются устроить показательный процесс. После того, как нас всю ночь продержали в тюрьме связанными, нас отвезли в здание суда, где уже наготове были телевизионные камеры.

Мы с Мадж чувствовали себя совершенно изможденными, потому что я уж и не помню, когда последний раз мы так долго торчали в теле. Именно

здесь, в тюрьме, когда нам нужно было думать, готовясь к процессу, тела не давали нам покоя — то ныли от голода, то мы никак не могли уложить их удобнее на нарах, как ни старались; мало того, им вынн да положить восемь часов сна.

Мы обвинялись в самом тяжелом, по законам противника, преступлении — дезертирстве. По теории противника, амфибии совершили ужасную подлость, сбежав из тел, потому что в телах мы, видите ли, могли сделать массу полезных и нужных вещей для человечества. На оправдательный приговор рассчитывать не приходилось — ведь они для того и устроили эту показуху, чтобы лишний раз стало ясно, насколько правы они и насколько неправы мы. В зале суда было полным-полно их тузов и шишек, все с суровыми, непроницаемыми, благородными лицами.

— Мистер Амфибия, — начал обвинитель, — вы молодые и должны хорошо помнить те времена, когда все люди должны были жить в телах, должны были работать и сражаться за свои идеалы и убеждения.

— Я очень хорошо помню, что в те времена всем приходилось сражаться, только никто не знал, зачем, и как все это остановить, — ответил я вежливо. — А что касается убеждений, единственное, в чем люди были убеждены, так это в том, что сражаться им как раз не хочется.

— Что бы вы сказали о солдате, который сбежал перед лицом опасности? — захотел выяснить он.

— Я бы сказал, что он напуган до смерти.

— Но он способствует поражению в бою, не так ли?

— Ну, конечно. — На этот счет наши мнения совпали.

— Но ведь именно так поступили амфибии — они просто бросили человеческую расу, предали ее в битве за жизнь.

— Не знаю, что означает ваше «бросили», — сказал я. — Между прочим, большинство из нас еще живы.

Это была правда. Смерть нас пока что обходила стороной, и нас это вполне устраивало. Во всяком случае, жизнь стала во много раз длиннее, чем это было возможно в теле.

— Вы сбежали от ответственности! — обвинил он меня.

— Когда горит дом, не удивительно, что из него выбегают, — парировал я.

— В трудную минуту вы бросили остальных!

— Дверь, через которую вышли мы, открыта для всех. Выйти может каждый из вас в любой момент.

Для этого нужно четко определить, что необходимо тебе, а что — твоему телу. А потом — сосредоточиться...

Судья с такой силой хватил по столу своим молотком, что чуть его не разбил. Они сожгли все экземпляры книги Коннигсвассера, какие могли, а тут вдруг я начал читать им лекцию о том, как выйти из тела, да еще по телевидению.

— Если бы вам, амфибиям, дать волю, — заявил обвинитель, — очень скоро все на земле побросали бы свои обязанности, и тогда жизнь и прогресс, как мы их понимаем, исчезли бы совершенно.

— Все верно, — согласился я. — Тут вы попали в точку.

— И что же, люди не будут трудиться, не будут бороться за свои идеалы? — выкрикнул он.

— Знаете, у меня в старые времена был друг, который семнадцать лет подряд сверлил на фабрике дыры в каких-то квадратных штуковинах, и все это время он так толком и не знал, для чего же они нужны. Другой мой приятель выращивал изюм для стеклодувной компании, но в пищу этот изюм не шел, и бедняга так никогда и не узнал, зачем же компания его покупала. Да меня от таких вещей всего наизнанку выворачивает — когда я в теле, разумеется, — а как вспомню, чем я сам в жизни занимаюсь, вообще на стенку лезть хочется.

— Значит, вы презираете людей и всё, что они делают, — заключил обвинитель.

— Нет, я их очень люблю, даже больше, чем раньше. Я только считаю, что люди просто не имеют права отдавать столько сил и энергии на уход за своими телами — это стыд и позор. Вот превратились бы вы в амфибий, тогда бы сами поняли, как человек может быть счастлив, если ему не нужно беспокоиться о том, что он будет сегодня есть, как зимой уберечь тело от простуды или что произойдет с ним, когда тело состарится.

— Стало быть, не будет ни честолюбивых устремлений, ни благородных порывов, ни, наконец, величия?

— Не знаю, о чем вы говорите, — ответил я. — Во всяком случае, великих людей хватает и среди нас. И они великие всегда — в телах и вне тел. А вот чего наверняка не будет, так это страха, — я взглянул прямо в объектив стоящей рядом телевизионной камеры. — А это самое главное, что нужно людям, — жить без страха.

Снова загремет судейский молоток, и в зале поднялся страшный шум — это их шишки обрушили на

меня свой гнев. Телевизионщики отвернули от меня свои камеры, а зал очистили от публики — остались только самые главные тузы. Я понял, что сказал что-то очень важное.

Когда наконец установилась относительная тишина, судья объявил, что процесс окончен, мы с Мадж признаны виновными в дезертирстве. Терять нам все равно было нечего, и я решил высказаться.

— Теперь я понял вас, несчастных, — начал я. — Без страха вы ничего не можете добиться. Единственное искусство, которым вы владеете, — это с помощью страха заставить себя и других совершать те или иные поступки. Вот и вся ваша радость в жизни — смотреть, как люди трясутся от страха. Еще бы, чуть что не так — и вы сразу накажете их тела, сразу что-нибудь отберете у их бедных тел.

— У вас только один способ добиться чего-нибудь от людей, — вставила свое слово Мадж, — запугать их. — Оскорбление суда! — закричал судья.

— У вас только один способ запугать людей, — подхватил я, — заставляя их находиться в теле.

Солдаты сграбастали Мадж и меня и поволокли к выходу.

— Учтите, вы начинаете войну! — что было сил завопил я.

Все замерли на месте, и воцарилась гробовая тишина.

— Мы и так воюем, — с трудом произнес генерал.

— Зато мы не воюем, — ответил я. — Но мы будем воевать, если вы не развяжете меня и Мадж сию же секунду, — в фельдмаршальском теле мои слова звучали грозно и убедительно.

— Но вы же не можете воевать, — сказал судья. — Ведь у вас нет оружия, и вне тел вы — ничто.

— Если вы нас не развяжете, пока я досчитаю до десяти, — сказал я ему, — мы, амфибии, занимаем тела каждого из вашей шайки-лейки, доводим вас до первого утеса и сбрасываем вниз. Здание окружено.

Это, конечно, была самая настоящая покупка. Два человека не могут одновременно занимать одно тело, но противник не был в этом уверен.

— Раз! Два! Три!

Поблудневший генерал глотнул слюну и неопределенно махнул рукой.

— Развяжите их, — сказал он слабым голосом.

Солдаты, тоже изрядно струхнувшие, с радостью выполнили этот приказ. Мадж и я были свободны. Я сделал несколько шагов, направил свой разум в противоположном направлении, и прекрасный фельдмаршал, забренчав всеми своими регалиями, рухнул

со ступенек, словно мешок с опилками. Я почувствовал, что Мадж со мной не было. Она не могла так просто уйти из тела с медным цветом кожи и с зеленоватыми волосами и ногтями.

— Кроме того,— услышал я ее голос,— в уплату за нанесенный нам ущерб это тело должно быть переслао мне в Нью-Йорк не позднее понедельника — причем в хорошем состоянии.

— Хорошо, мадам,— только и сказал судья.

Когда мы вернулись домой, парад Пионеров как раз закончился, и все крутились около хранилища. Командующий только что освободился от своего тела и сразу же принес мне извинения за свое поведение во время парада.

— Пустяки, Херб,— успокоил я его,— не надо извиняться. Я же понимаю, что ты не был самим собой — ты ведь щеголял в теле.

ХВОСТ ТИГРА В ДЖУНГЛЯХ

I

Ярко-розовое неслепящее солнце висело низко над дорогой. Шелтон не опускал фильтра. Автомобиль несся, слегка подрагивая и приседая на незаметных неровностях дороги, мотор ровно пел, а стрелка спидометра покачивалась у предпоследнего деления.

На заднем сидении храпел Брайен. Он имел полное право спать, потому что до этого вел машину двенадцать часов подряд.

Шелтон устал. Руки были тяжелыми, а руль — опасно поворотливым. Ноги, лежавшей на акселераторе, он почти не чувствовал.

Шелтон вяло подумал, что он не спортсмен. И что несмотря на свою опасную и полную превратностей профессию, пятисуточная безостановочная гонка, хотя бы и с напарником, явно не для него.

Вот поесть бы сейчас не мешало. Он окликнул Брайена.

— Надо сделать небольшую остановку и немного отдохнуть. У нас есть время, минимум несколько часов. Не могут же они ехать сразу вслед за нами.

Брайен не отозвался. Покрутившись на сиденье, он снова всхрапнул.

Яркий щит на обочине дороги промелькнул так быстро, что Шелтон не успел разобрать, что на нем было. Кроме того, солнце светило прямо в глаза. Шелтон опустил фильтр. Мелькнул еще один щит, и Шелтон успел рассмотреть добродушного толстяка с трубкой. Из трубки шло облачко дыма, в котором было написано: «Отдохните у старого Джо!»

Стремительно приблизился еще один плакат, и Шелтон прочел: «Отдохните у старого Джо и затем продолжайте свой путь!»

Шелтон вздохнул и увидел впереди домик, белый и чрезвычайно старомодный. По всей видимости, такие дома строили лет полтораста назад. Над домом торчала труба, из нее шел легкий дымок.

Машина пронеслась мимо. Домик стоял несколько в стороне от дороги, к нему вела бетонная полоса.

Шелтон вдруг решился и мягко нажал на тормоз. Скрипя, автомобиль остановился. Шелтон подвел машину задним ходом и въехал на дорожку.

Возле дома был легкий навес для автомобилей, где стоял обшарпанный форд старой марки. Шелтон поставил машину так, чтобы не разворачиваться для выезда.

Проснулся Брайен. Он зевнул и вдруг встревоженно вскочил.

— Села покрывка? — спросил он трагически.

— Нет, — сказал Шелтон, — все в порядке. Просто у нас есть время и можно немного отдохнуть.

У Брайена был ошалелый вид, и Шелтон улыбнулся.

— Я схожу в бар и возьму что-нибудь поесть. Пока я не приду — ты сиди за рулем и при малейшей тревоге уезжай, не ожидая меня. Но я надеюсь, что тревоги не будет. Потом, когда я приду, сходишь ты.

— Ладно, — сказал Брайен, ожесточенно почесался и вышел из машины, хлопнув дверцей.

— Ну, выходи, — сказал он, обойдя машину.

Шелтон отпустил руль, открыл дверцу и вышел. В ногах сразу закололо. Где-то внутри сидело нехорошее скованное чувство запрятанной усталости. Однако идти пешком было приятно, и Шелтон засмеялся.

Брайен влез на место водителя, положил руки на руль и проворчал:

— Ну иди, не трать времени. Если удержишься — я не буду выходить. Прихвати пару бутылок прохладительного.

— Ладно, — сказал Шелтон.

Он подошел к выходу и взялся за ручку двери.

Дверь была тяжелая, деревянная, очень старая и к тому же со слишком тугой пружиной. За ней оказалась еще одна дверь, из толстого матового стекла. Промежуток между двумя этими дверями был похож на кабину лифта. Деревянная дверь гулко захлопнулась, Шелтон шагнул, протягивая руку, и вдруг почувствовал на секунду, как странные мелкие иголки пронзили все его тело с ног до головы; он ощутил жгучий короткий зуд. Пять суток безостановочной езды просто так не пройдут, решил Шелтон, открыл стеклянную дверь и вошел в бар.

Зал оказался неожиданно большим. Под стать ему была и стойка — наверное, в сезон бар был довольно бойким местом. Сейчас зал был пуст — лишь за крайним столиком в углу, уронив голову на руки, слабо храпел человек с лысиной. Перед ним на столе стояло множество бутылок, как пустых, так и еще неоконченных. Это был, наверное, хозяин древнего форда.

За стойкой никого не было, но когда Шелтон посту-

чал монетой, вышел невысокий багроволицый бармен, полный, как все бармены. Физиономия у него была в чрезвычайной степени постная. Шелтон посмотрел на него и почему-то раздумал обедать в баре. Вместо этого он взял несколько сэндвичей, кетчуп и прохладительное. Бармен уложил покупки в бумажный мешок. Рассчитавшись, Шелтон взял пакет и повернулся.

Возле выхода, у матовой стеклянной двери стоял человек, которого Шелтон не заметил, входя. На нем был белый фартук — очевидно, это был помощник бармена. Шелтон увидел его и вздрогнул. В этом человеке явно что-то было не так, но что именно, Шелтон сразу не понял, и первой мыслью было, как обычно: «Агент!» Но Шелтон тут же опомнился. Это был не агент — тех Шелтон умел распознавать сразу. Но даже если это был не агент, а, напротив, коллега, член какого-нибудь синдиката, то это тоже нельзя было назвать приятной встречей. От собратьев по профессии хорошего можно было ожидать мало, тем более таким одиночкам и кустарям, как Шелтон и Брайен.

Человек был невероятно обыкновенен, чрезвычайно обыкновенен, но что-то в нем было не так. Шелтон не понял, что именно, но тревога вошла в него, когда тот вдруг мельком взглянул в его сторону. Человек тут же отвел взгляд и усталился куда-то в угол над владельцем древнего форда, но Шелтон увидел его глаза. Словно сверкнули два фотографических объектива со зрачками ирисовых диафрагм!

Он в растерянности замер, сжимая в руках пакет.

— Эрли! — сказал бармен. — Поди сюда.

Человек повернул голову и посмотрел на бармена.

— Принеси ящик с пивом, — сказал бармен. Эрли лениво шевельнулся и медленно прошел мимо Шелтона.

— Добрый вечер, — пробормотал Шелтон и ринулся из бара.

— Ты уже? — спросил Брайен. Он сидел за рулем, дверца была распахнута, одну ногу Брайен держал на педали, другую выставил наружу. Он курил и смотрел на Шелтона.

— Да, уже, — сказал Шелтон. — Поехали.

Он кинул покупки на заднее сиденье, открыл дверцу и сел рядом с Брайеном.

— Поехали, — сказал Шелтон. — Да поехали же!

Брайен пожал плечами, завел мотор, бросил сигарету и выехал на шоссе. В зеркале задрожал, уменьшаясь, белый старомодный дом. Шелтон мял в пальцах сигарету, не закуривая. Вид у него был сомнамбулический. Брайен молча косился на него, но ничего не спрашивал. Ехать им оставалось часа два.

Эту ночь они проспали очень спокойно. Отель оказался прескверным, но достаточно удаленным от центра и потому безопасным. Шелтону быстро удалось связаться по телефону с нужным человеком. Сказано было всего несколько слов, но зато понятных обоим. Теперь было сделано все. Оставалось только ждать. Вечером приходил поезд, и с ним — безопасность. До этого был еще день — спокойный, потому что Шелтон умел замечать следы.

Шелтон не выходил из номера в город, но Брайен, побрившись, отправился, как он сказал, немножко проветриться. Он принес бутылку вина, пачку газет и свеженький гляцевый журнал «Сайенс фикшен энд фэнтези».

Они выпили, смеясь и разглядывая газеты, на первых полосах которых сообщалось о сенсационном деле Маккензи и Гаррисона. Полиция, говорилось в газетах, преследует преступников по пятам. За неимением фотографий преступников газеты поместили изображения начальника полиции мистера Хьюиджа.

По радио они услышали, что преступники сумели на некоторое время сбить полицию со следа, но не пройдет и суток, как они будут схвачены, как только станет известным их местонахождение. Эта фраза ужасно развеселила обоих, и Брайен ушел вниз, чтобы принести еще бутылку.

Они выпили, и Шелтон лег, чтобы подремать, а Брайен, еще раз просмотрев газеты, углубился в журнал.

Шелтон проснулся часа через два. Был разгар дня, до вечера оставалось еще много. Брайен читал, вид у него был в чрезвычайной степени обалделый. Встав, Шелтон заглянул в журнал через его плечо и прочитал:

«Пирсон прижался к стене и остекленевшими глазами следил за приближающимся чудовищем. Ферплекс подходил все ближе, на ходу раздвываясь и все более теряя сходство с человеком: из тела у него вырастали новые руки с тонкими и гибкими длинными пальцами без суставов; и Пирсон закричал, в ужасе представив, как эти холодные бескостные пальцы сомкнутся на его горле... К счастью, он вовремя вспомнил про лежащий в заднем кармане брюк пистолет».

Шелтон захохотал.

— Аллю,— сказал он,— что это еще за ферплексы? Чего им надо от приятеля Пирсона?

Брайен сказал:

— Пирсон — это коммивояжер. Ему здорово не повезло, бедняге. Он пытался что-то всучить ферплексу,

когда тот был еще в человеческом облике. Ферплексы — это жители очень далекой галактики. Здесь приводится номер по какому-то звездному каталогу. Так вот, ферплекс, недолго думая, сунул Пирсона в копиратор. Это такая штука, которая в два счета изготовляет точные копии чего угодно. Так что стало два Пирсона. Оригинал ушел, отделавшись легким испугом, а Пирсон-копия появился на свет по недосмотру ферплекса — что-то испортилось в его копираторе, когда хозяин отсутствовал. Копии не должны были воспроизводиться. Тем не менее Пирсон-копия вылез из шкафа, выяснил обстановку, но в этот момент вернулся хозяин. Кровавая драма. Пирсон стреляет и убегает, узнав страшную тайну ферплексов. Те, конечно, его преследуют.

— Подожди, как же он узнал тайну?

— Да здесь как-то странно написано. Послушай:

«Мысль медленно возвращалась в затуманенный мозг Пирсона. Он почувствовал вдруг запах горелой изоляции и толкнул дверцу. Шкаф раскрылся, и Пирсон вышел. С минуту Пирсон стоял и смутно чувствовал, что какая-то страшная перемена произошла за эти короткие минуты, когда странный хозяин с глазами, зрачки которых имели форму звезды Дауда, отказался от прекрасных мужских подтяжек фирмы «Нельсон», прижал вдруг к носу коммивояжера дурно пахнущий платок, лишив этим Пирсона способности сопротивляться, и втокнул в шкаф. Догадка пронзила Пирсона подобно электрическому току: он вышел не из того шкафа, в который его втокнул хозяин! Этот шкаф стоял напротив, и он был пуст. Растерянный, Пирсон подошел к столу, на котором были разбросаны какие-то бумажки. Машинально подняв один из листов, Пирсон прочел его. После этого он лихорадочно собрал остальные листки и через несколько минут знал все. И в это момент...»

— Так что, — сказал Шелтон, усмехаясь, — эти болваны ферплексы написали все свои секреты на английском языке и оставили на столе?

— Право не знаю... Наверное, автору было необходимо, чтобы Пирсон узнал ужасную тайну, и он ее узнал... Впрочем, нет, это, оказывается, была инструкция некоторым предателям. Ферплексы собирались уничтожить Землю.

— За что это они ее так?

— Видишь ли, ферплексы — весьма несчастные существа. О них автор рассказал в первой главе. Дело в том, что это весьма развитая цивилизация в области науки и техники, однако у них совершенно не ладится дело с общественным развитием. У них постоянные

войны, хотя они ни в чем не нуждаются. Их общественные отношения таковы, что не могут предотвратить войн, поэтому они вынуждены держаться друг от друга подальше, но одновременно они ужасно страдают от этой разобщенности. Сами придумать они ничего не могут, поэтому ферплексы решили позаимствовать чужие общественные отношения. Их привлекла Земля, потому что наша цивилизация, обладая весьма высокой техникой уничтожения, все время стоит на грани катастрофы, способной разрушить всю планету; однако время идет, а катастрофы нет. Тогда ферплексы решили провести эксперимент. Во всех уголках Земли они порасставили копираторы, с целью получить как можно большее количество копий — двойников людей. Эти копии они собираются материализовать на какой-то дальней планете, снабдив всем необходимым, но поставив в новые условия, приближенные к условиям существования ферплексов. Если люди, оказавшись в этих новых условиях, сумеют создать такой общественный аппарат, который исключил бы возникновение войн, то ферплексы со спокойной душой скопируют этот аппарат в своем обществе, а Землю и планету-копию просто уничтожат: такой уж у этих ферплексов злодейский нрав!

— Хм,— сказал Шелтон.— Любопытно. А что Пирсон?

— А с Пирсоном ферплексам не повезло. Испортился копиратор и выпустил копию не вовремя. Настоящий Пирсон ушел, но вскоре они встретятся с двойником в комнате невесты, представляешь?

— Чьей невесты?

— Пирсона, чьей же еще! Два совершенно одинаковых жениха, какво будет бедной девушке!

— Отчего же бедной? Можно считать, ей повезло! Так чем же дело кончилось?

— Не знаю, я заглянул в конец, но там написано «продолжение следует». Кончается на том моменте, когда двое Пирсонов встречаются у невесты. «Убирайтесь-ка вон, любезнейший,— угрожающе сказал Пирсон-оригинал, направляя револьвер на своего двойника,— ваше странное мошенничество даром не пройдет!»

— Ну ладно,— сказал Шелтон и, засмеявшись, посмотрел на часы.— Еще четыре с половиной часа. Помешает ли нам бутылка бренди?

— Не думаю,— сказал Брайен. Он встал, потянулся и надел пиджак.

— Сейчас принесу.

Раздался стук в дверь. Они удивленно переглянулись. Стук повторился, негромкий, но настойчивый. Шелтон вынул пистолет и, прикрыв его газетой, ото-

шел к окну. Брайен медленно подошел к двери и открыл замок. Дверь отворилась.

— Великий боже, — произнес Шелтон, от растерянности опуская руку с револьвером.

— Великий боже, — произнес вошедший, прижавшись к двери.

— Черт побери! — сказал Брайен.

3

Дверь была тяжелая, деревянная, очень старая и к тому же со слишком тугой пружиной. За ней оказалась еще одна дверь, из толстого матового стекла. Промежуток между двумя этими дверями был похож на кабину лифта. Деревянная дверь гулко захлопнулась, Шелтон шагнул, протягивая руку, и вдруг почувствовал на секунду, как странные мелкие иголки пронзили все его тело с ног до головы; он ощутил жгучий короткий зуд. Пять суток безостановочной езды просто так не проходят, решил Шелтон, открыл стеклянную дверь и вошел в бар.

Бар был светел и пуст. Люминесцентные лампы лили с потолка холодноватый белый свет, освещая пустой зал со столами, на которых аккуратно, ножками вверх, стояли стулья. За стойкой тоже никого не было. Что-то было не так, как надо, и некоторое время Шелтон стоял, озираясь и пытаясь сообразить, что же не в порядке. То, что посетителей не было, легко можно было понять — не сезон. Поток туристов хлынет по дороге несколько месяцев спустя, когда начнутся летние отпуска. Сейчас же непонятным было другое, и Шелтон увидел вдруг — что.

Это были окна. Темные окна. Свет лился только с потолка, от ламп.

Шелтон отошел к окну, отдернув легкую прозрачную занавеску. В стекле он увидел собственное отражение, а за стеклом — черноту. На секунду Шелтон подумал, что окна снаружи закрыты ставнями, но это было не так. За стеклом не было абсолютной черноты, надо было просто приглядеться. *За окнами была ночь.*

Шелтон отошел и сел, машинально сняв стул со стола.

— Ну, — сказал он вполголоса, — что-то тут не так. Когда я сюда входил, солнце еще не село.

Он посмотрел на часы, мучительно размышляя, мог ли он напиться до такой степени, чтобы заснуть перед наружной дверью, не успев выйти, а проснувшись и забыв все, полезть обратно в бар. Впрочем, это была явная чепуха. А может, глубокий обморок? От удара по голове, например.

На часах прошло семь минут с того момента, как Шелтон затормозил машину.

Шелтон выругался, но не кинулся опрометью наружу. Часы шли. Солнце еще не село. За окном должно было быть светло; за окном же была ночь, и у Шелтона не возникало ни малейшего сомнения в этом, собственным глазам он верил; он увидел эту ночь, но понятия не имел, откуда она взялась.

— Затмение, что ли? — подумал он вслух.

Он встал, озираясь и раздумывая, стоит ли звать хозяина. Решив, что не стоит, Шелтон оглянулся на залитый светом зал и пошел к выходу.

Он взялся за ручку двери и вдруг почувствовал запах. Пахло горелой изоляцией. Шелтон открыл стеклянную дверь и остановился.

Промежуток между внешней и внутренней дверями был заполнен голубым прозрачным дымом. Дым, похоже, шел из щелей между досками стен. Голубые струйки расчерчивали обе стены вертикальными полосами от пола до потолка. По-прежнему сильно тянуло горелой изоляцией. Шелтону очень хотелось уйти, но он почему-то не решался пройти сквозь дым. Крикнуть: «Пожар!» и позвать хозяина ему даже не пришлось в голову. Вся эта история ему нисколько не нравилась.

Дым вдруг пошел гуще, становясь буро-коричневым; струйки его поползли, оторвавшись от стен, параллельно полу, на середине они встречались с дымом из противоположной стены и свивались, скручивались, вращались.

Дым становился все гуще, все тяжелее, он тянулся из обеих стен, из пола и потолка; в середине медленно вращался густой непрозрачный столб, и новые струи дыма наматывались на него. Шелтон отступил на шаг, держа левой рукой дверь и не давая ей закрыться. Столб в центре вращался, уже мало походя на дым. Одно время пелена дыма, идущего из стен, закрыла все; в дверном проеме колыхалась сплошная бурая стена, но ни одна струйка не проникла в зал.

Дым вдруг быстро рассеялся, и сразу вместо него появилась мутноватая голубая кисея; и опять в дверном проеме качалась сплошная пелена, на этот раз полупрозрачная, и опять в зал ничего не проникало. Кисея рассеялась, темную вращающуюся массу окружило мягкое сияние. Столб, окруженный этим сиянием, все так же вращался, но теперь это был уже не столб, а грубое подобие человеческой фигуры. Голубое сияние становилось все ярче: фигура явно принимала человеческий облик. Сияние стало непереносимо ярким.

Шелтон вдруг почувствовал, что дверь, которую он

слегка придерживал рукой, ошутимо стремится закрыться; машинально он хотел другой рукой удержать ее, но толстое матовое стекло вдруг резко ударило его по пальцам, так, что Шелтон вскрикнул: рука была сильно ушиблена. Толстая стеклянная дверь с силой хлопнула. Последним, что увидел Шелтон в нестерпимом сиянии, было лицо фигуры.

Шелтон, ослепленный, ничего не видел даже в залитом светом баре, когда же он, высадив плечом оконную раму, вывалился наружу, его окружила совершенная тьма. Он побежал наугад в сторону шоссе, спотыкаясь и падая, зная твердо, что сейчас действительно ночь, что он каким-то образом влип в совершенно непонятную историю, из которой нужно как можно быстрее выпутаться, что Брайена давно уже здесь нет и надо как-то добираться самому.

Шелтон долго бежал по шоссе, до тех пор, пока не перестал видеть сзади светящиеся окна бара «У старого Джо». Их закрыл невысокий холм, вниз с которого сходила дорога. Тогда Шелтон, тяжело, с хрипом дыша, пошел, но потом дорога поднялась, и он снова увидел светящиеся окна, уже далеко позади. Время от времени он оглядывался на них, но вдруг, перед спуском, обернулся еще раз и не увидел ничего, кроме длинной ленты шоссе, слабо светящейся бледным фосфорическим светом. Окна погасли. Шелтон вздрогнул и в этот момент услышал звук мотора.

Машина ехала навстречу, в гору, очень медленно, и горели у нее только подфарники. Она была уже близко, мотор глухо рокотал на подъеме, захлебываясь, было ясно, что он вот-вот заглохнет, но водитель почему-то не переключал передачу. Потом, когда автомобиль едва не остановился, мотор взревел, и машина, дернувшись, поехала быстрее.

Шелтон побежал прямо на автомобиль, раскинув руки и что-то крича. Машина мягко подкатила к ногам, остановилась и медленно покатила обратно. Дернувшись, она стала, мотор заглох. Подбежав, Шелтон рванул дверцу.

Он едва успел подхватить вывалившегося ему на руки водителя. Перегнувшись, Шелтон включил в кабине свет. Кроме водителя, в машине никого не было. Это был человек в белом, сильно помятом костюме в темных пятнах, смертельно пьяный. На сиденье валялась большая плоская фляга из-под виски. Секунду Шелтон стоял, придерживая водителя, чтобы он не вывалился, потом, взяв его под мышки, выволок на дорогу и положил на траве за обочиной. Пьяный засопел.

Шелтон вскочил в машину, включил мотор, и, развернувшись, выжал до конца акселератор.

Шелтон сделал огромный крюк, а затем уже свернул на федеральное шоссе. Все это по плану должно было обеспечить безопасность. Теперь Шелтон ехал в маленький и спокойный город, до которого оставалось уже немного. Но тут вдруг села покрывка. Запасной не оказалось, и Шелтон, чертыхаясь, вылез из машины. Уже рассвело, и он посмотрел на часы. На ручных было без пяти минут двенадцать, на тех, что в машине — без одной минуты шесть. Шелтон включил радио. Да, было шесть часов утра.

Он услышал, что преступники, поиски которых продолжают, на время сумели сбить полицию со следа, и криво усмехнулся. Подумав, он обер тряпкой руль машины и кнопки, которых касался, захлопнул дверцу и пошел в обратном направлении. Пройдя около километра, Шелтон остановился и стал сигнализировать проходящим машинам. Машины шли редко, и Шелтон стоял долго. Первые две не остановились, потом с адским воем пронеслась пожарная. Прокатило несколько престарелых, забытых до отказа фордов. Наконец, остановился здоровенный грузовик-фургон. Шелтон влез в кабину и водитель, перегнувшись, сам захлопнул за ним дверцу с третьей попытки, кряхтя и объясняя, какой дурной нрав у этой дверцы. Едва грузовик тронулся, как словоохотливый шофер принялся выбалтывать Шелтону все секреты фирмы, которой принадлежал грузовик. Время от времени водитель осведомлялся: «Верно я говорю, мистер?» и Шелтон рассеянно кивал в ответ.

На том месте, где Шелтон бросил машину, была разлита лужа огромного размера. Жидкость странно отсвечивала. Машины *не было*. Фургон лихо взметнул фонтан брызг и пронесся дальше.

За поворотом грузовик обошел медленно едущую пожарную машину. Это была самоходная цистерна с лестницей и гидропушками, кабины у ней не было. Четверо человек сидело по бокам, и Шелтона вдруг поразили их застывшие под медноблестящими касками лица.

Через пять минут пожарная машина на сумасшедшей скорости обогнала фургон, и Шелтон снова заметил лица сидящих. Через полчаса грузовик въехал в город.

— Спасибо, — сказал Шелтон.

Выскочив из кабины, он захлопнул дверцу, но она стукнула и открылась. Шофер, принявшись хлопать ею, закрыл с третьей попытки. Грузовик тронулся, и дальнейшее произошло в течение полминуты.

Из-за угла с воем показалась пожарная. Между машинами было около пятидесяти метров, пожарная ехала навстречу; грузовик вдруг вспыхнул, вильнул в сторону и уткнулся в стену. Он был объят пламенем и густыми черными клубами дыма. Из гидроручки пожарной машины со свистом ударили толстые белые струи и обрушились на горящий грузовик. С шипением поднялось огромное белое облако пара. Сразу откуда-то появилась толпа зевак. На месте грузовика за завесой пара что-то шипело и корежилось.

Шелтон бросился в узкий проулок и бежал до тех пор, пока на него не стали оглядываться прохожие и изредка попадающиеся полицейские. Тогда Шелтон перешел на шаг, медленно и тяжело дыша. Он вошел в только что открывшуюся закусочную. Хозяин поднимал шторы на окнах. Покончив с этим, он расставил бутылки на стойке и обслужил Шелтона. Заплатив, Шелтон вышел. Было семь часов тридцать минут утра.

В городе было несколько отелей, все скверные, и Шелтон не знал, в каком из них мог остановиться Брайен. Собственно, это было почти все равно, и они не договаривались. Сам бы Шелтон выбрал «Европу», мерзкое заведение, но с претензией на роскошь и безопасное. Но Брайен города не знал и наверняка, конечно, выбрал то, что первым попало под руку, где-нибудь в центре. Поэтому Шелтон начал обходить отели по степени затрудненности их отыскания. Он шел пешком, состояние у него было одновременно и раздраженное, и равнодушное, и встревоженное. Он устал и начинал удивляться: Брайена разыскать не удавалось.

В двенадцать часов осталась только «Европа», и Шелтон, пожав плечами, пошел на девятнадцатую улицу, где находился отель.

Купив газету, Шелтон смог полюбоваться огромными шапками, кричащими, что преступники не найдены. «Мы их найдем!» — было написано большими черными буквами над фотографией, а под ней помельче: «...сказал начальник полиции Хьюидж». С фото угрожающе смотрел сам Хьюидж, утыкая палец прямо в читающего. Шелтон бросил газету на тротуар.

На автомобильной стоянке возле «Европы» стояла их машина. Шелтон облегченно засмеялся. Невероятно, но Брайен выбрал все-таки именно этот отель. Войдя, Шелтон помедлил.

Какой-то тяжелый груз упал с плеч. Непонятные и странные вещи, преследовавшие его по пятам, кажется, кончились. Что-то огромное, темное, внушающее ужас прошло мимо, краем задев при этом Шелтона. Он знал инстинктивно, что попадая в подобные пере-

плеты, нужно как можно быстрее из них выпутываться. И ни в коем случае нельзя стараться понять, что происходит.

...Старинная бенгальская история рассказывает об одном не в меру любопытном человеке. Однажды в джунглях он увидел, что поперек тропинки лежит что-то полосатое. Что это? — заинтересовался человек. Какой красивый пояс! Или это веревка? А может, змея?! Но в кустах сидел тигр, и это был его хвост. Вся эта история очень печально кончилась. Отсюда мораль: если ты, идя в джунглях, увидишь лежащий на тропинке хвост, не вздумай им интересоваться, наступать и тянуть. Кончиться это может так же печально, как и с человеком из бенгальской истории.

Слава богу, Брайен здесь.

Шелтон осведомился, хотя и не был уверен в том, как зарегистрируется его напарник.

— Брайен? — переспросил портье. — Да, Брайен и Шелтон. Они приехали вдвоем, номер 308.

Шелтон улыбнулся. Брайен молодец, что записал обоих, благо документы Шелтона остались в кабине. И догадался записать на настоящие имена, хотя в запасах были еще одни фальшивые документы. Мистер Хьюидж пусть ищет гангстеров Маккензи и Гаррисона. Это ему не повредит.

Шелтон медленно поднялся по лестнице, не позволив. Он знал, что Брайен должен ожидать его.

Шелтон толкнул дверь с табличкой 308. Она была заперта, и он постучал. Подождав, Шелтон постучал еще раз. Раздались неторопливые шаги, щелкнул замок. Шелтон вошел, прикрыл дверь и от растерянности прижался к ней спиной.

— Великий боже, — произнес он с ужасом.

5

— Черт бы меня побрал, это же твой двойник, — сказал Брайен. Он сел на стол и несколько секунд растерянно смотрел на обоих Шелтонов, потом вынул сигарету и закурил. Теперь он смотрел на Шелтонов, слегка прищурив глаза, словно сравнивая. Вошедший был в том же костюме, только пропыленном и разрезанном чем-то на плече, лицо у него было очень усталое, но это, безусловно, был Шелтон.

— Что это значит? — холодно спросил Шелтон в чистом костюме. Он помедлил, сунул револьвер подмышку и, скользнув к двери, запер ее. — Теперь разберемся, — сказал он, пройдясь руками по пропыленному костюму второго Шелтона.

— Брайен, — сказал тот, — что это значит?

— Мы тоже хотим это знать,— жестко сказал Шелтон-один и толкнул второго в кресло.— Отвечай.

Он положил револьвер на стол и сел.

...Несмотря на всю непостижимость свалившегося на них факта, все трое уверились в нем через полчаса. Оба Шелтона были настоящими, ни один не был кем-то другим.

— Будь я проклят,— сказал Брайен после тягостного потрясенного молчания,— будь я неладен, если ферплексы не существуют.

Затем Брайен хихикнул.

— Итак,— сказал он,— Шелтон в роли Пирсона. Не хватает невесты, но похоже, я играю ее роль.

— Замолчи,— сказал Шелтон-первый резко. Он повернулся к двойнику.

— Ну-ка,— сказал тот.— Вспомним все после бара Джо. До этого все сходится.

— Этот Джо — ферплекс,— сказал Брайен.

— Давай ты,— сказал Шелтон-первый.

— Вся эта чертовщина началась между дверьми. Когда я вошел, за окнами была ночь...

Он остановился и подумал, что здорово наступил на хвост тигру. Потом продолжал рассказывать.

Шелтон-первый встал, подошел к окну и выглянул. Постоял немного, опершись о подоконник. Подойдя к столу, он взял револьвер и снова отошел.

Шелтон-второй рассказывал о пожарной машине. Брайен встревожился.

— Надо что-то делать,— сказал он.

...Шелтон-первый вдруг почувствовал, что не может. Это было бы все равно, что выстрелить в родного брата. Или в самого себя. Так оно и было бы. В самого себя.

— Надо немедленно убратсья,— сказал Шелтон-второй.

Брайен посмотрел на часы.

— Через два часа с четвертью придет поезд,— сказал он.

— А, значит, вы говорили с Моррисоном,— сказал Шелтон-второй.— Нет, это поздно. Надо что-то делать немедленно.

— Мы должны сейчас...— начал Шелтон-первый, сжимая в кармане револьвер и чувствуя, что ладонь вспотела.

Где-то вдалеке вдруг послышался вой сирены. Потом он замолк, по девятнадцатой со звоном проехала машина. Сирена взывала вновь, удаляясь: по звуку, свернула за угол. Все трое подумали о *пожарной машине*.

Минута прошла в напряженном молчании.

— Уехала? — беззвучно спросил Шелтон-второй.

Брайен тихо, чуть ли не на цыпочках подошел к окну, открыл его и осторожно высунул голову. Несколько секунд он озибался, потом со сдвленным смешком сказал:

— Так можно падать в обморок от страха перед каждой пожарной машиной.

К окну подошел Шелтон-первый и выглянул.

— Она возвращается, — сказал он через минуту бесцветным голосом. Шелтон-второй и Брайен бросились к подоконнику.

Из-за угла, метрах в ста от отеля, медленно выезжал на девятнадцатую улицу красный пожарный автомобиль. Это была самоходная цистерна с лестницей, кабины у ней не было, четыре человека сидели по бокам. Машина медленно, очень медленно приближалась.

Перед отелем чуть скрипнули тормоза, машина приостановилась, но тут же, как-то неуверенно виляя, двинулась дальше.

— Пронесло, — прошептал Шелтон-второй.

— Надо сматывать удочки.

— Бросаем все — и вниз, к машине!

— Поздно, — сказал Брайен. Веселость слетела с него, он отпрянул от окна с вытаращенными глазами.

Их машина горела! И сейчас же из-за угла вывернул тот же пожарный автомобиль и ударил из гидроружей пенными струями.

— Мы пропали, — взвизгнул Брайен. — Сейчас они до нас доберутся!

— Нет, — сказал Шелтон-первый. — Еще есть надежда.

— Какая?! — завопил Брайен.

— На полицию. — И он, сняв телефонную трубку, крикнул:

— Полиция? Полиция!! Отель «Европа», девятнадцатая улица! Немедленно, понимаете? немедленно! Здесь Маккензи и Гаррисон! Скорее, номер 308!

— Ну вот, — сказал он, положив трубку. — Теперь остается только ждать.

И ждать им пришлось недолго. В дверь застучали. Но кто?!

НЕВЕРОЯТНЫЙ МИР

Тускло-красная планета увеличивалась в небе с ужасающей быстротой. Ракета падала на нее. Хвостовые дюзы изрыгали пламя, чтобы замедлить падение. Пронзительный вопль рассекаемого воздуха оглушал двух человек внутри ракеты.

Молодой Бретт Лестер ощутил тошноту, налегая на спутавшиеся ремни стабилизатора. Он сделал над собою усилие и попытался поглядеть вниз, на поверхность Марса. Он увидел плоскую красную равнину с расплывчатым черным пятном на севере. Хоскинс, занимавший кресло пилота, яростно боролся, чтобы удерживать ракету от вращения. Его широкое, умное лицо превратилось в напряженную маску, а короткие пальцы бегали по рычагам управления.

А потом был последний взрыв, потрясший мозги Лестера, — резкий, оглушительный толчок, потом оцепенелое молчание...

Они были на Марсе.

Лестер понял это, и его охватил ужас. Впервые люди покинули Землю и очутились на другой планете. Он старался подобрать слова, достойные этого исторического момента. Но первым заговорил Хоскинс. Старший инженер осторожно ощупывал ногу, и на лице его отразилось облегчение.

— Кажется, мой нарыв сейчас прорвался, — сказал он.

Лестер был ошарашен и возмущен.

— Ваш нарыв! — воскликнул он. — Вот мы здесь первые из всех людей на Марсе, а о чем вы заговорили прежде всего? О своем нарыве!

Хоскинс взглянул на него и проворчал:

— Этот нарыв мучил меня всю неделю. Попробуйте посидеть на нарыве, а потом скажите, как вам это понравится...

— Хорошо, хорошо, забудем об этом! — вскричал Лестер возбужденно. — Мы на Марсе, человеке! Доходит ли это до вашего тупого, лишенного воображения мозга?

Хоскинс выглянул из окна. Сквозь толстые кварцевые стекла была видна только пустыня ползучего красного песка, странствующих дюн и гребней.

— Да, мы сделали это, — сказал Хоскинс равнодушно. — И если мы вернемся благополучно, это даст кое-что для науки о звездоплавании.

— Вы только об этом и думаете? — спросил Лестер. — Ведь здесь перед нами целый неизвестный мир...

Хоскинс пожал своими широкими плечами.

— Он не неизвестен. Мы знаем от астрономов, на что должен быть похожим Марс: пустынная планета, где очень мало кислорода, совсем нет воды и собачий холод.

— Но мы не знаем, какие живые существа можно встретить здесь! — вскричал Лестер с юношеским энтузиазмом.

Хоскинс усмехнулся:

— Вы, должно быть, начитались этих диких псевдонаучных историй, какие сейчас выходят по сотне в неделю, об этих красных жукоглазых марсианах, об ужасных чудесах и так далее?

Лестер покраснел:

— Ну да, я, конечно, прочел кучу историй... Собственно говоря, это и заставило меня заинтересоваться ракетной механикой.

Старший инженер фыркнул.

— Ну ладно, можете забыть о своих глазастых марсианах и обо всем прочем. Вы должны знать, что в этом мире слишком холодно, а атмосферы слишком мало, чтобы поддерживать жизнь живых существ.

— Знаю, — согласился Лестер. — Но я, можно сказать, надеялся, что можно будет найти...

— Забудьте, — посоветовал Хоскинс. — Здесь нет ничего, кроме, может быть, каких-нибудь лишайников.

— Но нельзя ли нам выйти? — горячо спросил Лестер. — Я бы хотел посмотреть...

Старший опять пожал плечами:

— Хорошо. Нам понадобятся фетровые костюмы и кислородные маски, вы это знаете. А сначала я сделаю пробу воздуха.

Он завозился с приборами. Юный Лестер продолжал жадно вглядываться в пурпурную пустыню, видневшуюся вокруг. Она, по крайней мере, выглядела в точности так, как он и ожидал: мрачная равнина красного песка, чем-то схожего с земным, кроме цвета. Крутящиеся песчаные смерчи вставали там и здесь, а с неба разливался медный свет уменьшившегося солнца. Он обернулся, услышав удивленное восклицание Хоскинса:

— Не могу понять! Прибор показывает, что воздух здесь почти такой же плотный, теплый и насыщенный кислородом, как и на Земле!

Даже Лестер знал, что это невозможно.

— Вы ошиблись! Дайте я попробую.

Он получил те же результаты. Воздух снаружи, как говорил прибор, был лишь немногим прохладнее земного и содержал столько же кислорода.

— С ума сойти! — воскликнул Хоскинс. — Здешные условия, должно быть, сбили прибор с толку. Это невозможно...

— Откроем дверь и посмотрим, — предложил Лестер.

Они попробовали чуточку приоткрыть дверь, готовясь снова захлопнуть ее, если воздух снаружи окажется непригодным для дыхания... Они были изумлены: прибор не солгал. Проникший в кабину воздух был теплым и показался им совершенно похожим на земной.

Они широко открыли дверь и вышли из ракеты на красный песок... Казалось, стоял погожий октябрьский день. Ласково светило медное солнце, а ветерок был прохладным и свежим.

— Святители! Значит, астрономы ошиблись! — воскликнул Хоскинс. — Но все равно, это невозможно. Как может такая маленькая планета, как Марс, сохранить свою атмосферу и как эта атмосфера может быть такой теплой?

Сделав несколько пробных шагов, они почувствовали, что шаги их стали странно плывущими и что двигаться они могут сравнительно легко. Но теплота и кислород продолжали оставаться загадкой.

— Клянусь, все это выше моих сил! — пробормотал Хоскинс. — По всем законам астрономии и физики, Марс должен быть совершенно не таким...

Глаза у Лестера заблестели:

— Если здесь тепло и есть воздух и вода, то могут найтись, в конце концов, и живые существа!

Хоскинс фыркнул:

— Ваши жукоглазые марсиане из рассказов? Я думал, вы уже забыли об этих глупостях.

— А я все-таки надеюсь, что здесь должна быть какая-то жизнь, — настаивал Лестер. — Когда мы селились, я видел на севере большое черное пятно. Что бы это могло быть?

— Наверное, выход темных горных пород на поверхность, — предположил Хоскинс. — Мы можем посмотреть с вершины, вот с этого песчаного холма.

Они взобрались на красный гребень, скользя ногами по песку, и оцепенели от удивления при виде неожиданного сходства пейзажа с земным.

Астронавты стояли на гребне песчаного холма. Отсюда им была видна пустыня на многие мили к северу в сторону черного пятна. Но они не смстрели

туда. Их внимание было приковано к четырем фигурам, которые двигались по песку невдалеке от них. Фигуры остановились и направились к земным людям.

Четыре фигуры были, несомненно, человекообразными существами. Но они не походили на земных людей. У них была красная кожа, безволосый куполообразный череп, выпуклая грудная клетка и ходулеобразные ноги. На них красовались сложные доспехи из ремней, на груди у каждого висела блестящая металлическая трубка.

Лица их были похожи на земные, несмотря на красный цвет кожи и торжественно-безжизненное выражение. Но глаза — совсем не земные. Эти глаза были выпуклыми, со множеством граней, как у насекомых.

— Я брежу! — взвизгнул Хоскинс. — Это, наверно, от толчка! Я вижу четверых красных жукоглазых людей. И они идут прямо к нам!

— Я тоже вижу, — задохнулся Лестер. — Но они не могут быть правдой...

Четверо жукоглазых марсиан молча остановились в несколько футах от путешественников. Потом один из марсиан заговорил.

— Хелло, чужестранцы! — окликнул он пилотов на чистом английском языке. — Возвращаетесь в город?

Хоскинс взглянул на Лестера, Лестер взглянул на Хоскинса. Потом старший инженер тихо засмеялся:

— Это показывает, насколько легко при толчке появляются различные иллюзии. Ущипните меня, Бретт!

Лестер протянул руку и ущипнул. У инженера вырвался крик боли. Четверо красных жукоглазых марсиан смотрели на них удивленно.

— Что, собственно, с вами, ребята? — спросил тот, который уже говорил. — С ума сошли или что-нибудь такое?..

— Значит, он существует и говорит по-английски, — с трудом произнес Хоскинс. — Вы видите и слышите его, не правда ли?

— Да-а... — дрожащим голосом отозвался Лестер. — Я вижу и слышу, но все еще не верю.

— Разрешите, я представлюсь вам, ребята, — сказал первый из марсиан. — Меня зовут Ард Барк. А вас?

Они смущенно назвали себя. Марсианин представил своих спутников:

— А это мои друзья: Ок Вок, Зинг Зау и Му Ку.

— Как, черт возьми, вы ухитряетесь удерживать в памяти свои имена? — спросил Лестер, говоря первое, что пришло ему в закружившийся мозг.

Красное лицо Арда Барка потемнело.

— Нам было нелегко с именами, я должен сознаться... Почему, черт возьми, нас не называли как-нибудь поудобней?

Ни Лестер, ни Хоскинс не смогли на это ответить. Ард Барк любезно продолжал:

— Вы выглядите новенькими, ребята. Когда вы появились?

— Только... только что, — неуверенно ответил Лестер.

— Я так и думал, — заметил Ард Барк: — Таких, как вы, я еще не видел. Ну ладно, пойдемте в город.

Хоскинс и Лестер были озадачены. Значит, это и был город — та расплывчатая темная масса на севере. С этого расстояния он казался разнородной смесью фантастически переменчивых архитектурных форм со всевозможными видами башенок, куполов и минаретов, выделявшихся на фоне медного неба.

Двое жителей Земли были так потрясены неожиданностями, что только через несколько минут сообразили, что идут с Ардом Барком и другими красными марсианами к далекому городу. Хоскинс шепнул на ухо Лестеру:

— Это слишком много для нас: жукоглазые марсиане, потом город...

— Вы не думаете, что мы разбились при посадке и что все это что-нибудь вроде загробной жизни? — яростно спросил его Лестер.

Хоскинс запыхтел:

— Не похоже на загробную жизнь. Кроме того, будь я мертвым, мои нарывы не болели бы сейчас.

Один из марсиан, это мог быть Ок Вок или Му Ку, указал вдаль. Прямо к ним мчалось чудовище, какое можно увидеть только в кошмарном сне. Это было чешуйчатое зеленое существо величиною со слона, похожее на помесь дракона с крокодилом. Оно бежало на десяти коротких ножках. Его огромные разинутые челюсти открывали ряд страшных белых зубов. Ард Барк выхватил металлическую трубку, висевшую у него на поясе, и направил ее на чудовище. Из трубки вырвался блестящий белый луч и ударил в животное. Зеленое чудовище отпрянуло и умчалось.

— Что... что это такое? — дрожащим голосом спросил Хоскинс.

— Вульп, — проворчал Ард Барк, пряча металлическую трубку. — Проклятые твари!

— А каким это лучом вы прогнали его? — спросил Лестер.

— Ну, это считается разрушающим лучом, — ответил Ард Барк. — Собственно говоря, он ничего не раз-

рушает. Это самый обыкновенный безвредный луч, но вульпы от него удирают.

Лестер удивленно взглянул на него:

— Но если это считается разрушающим лучом, почему он не действует?

Ард Барк фыркнул:

— Потому что парень, который его выдумал, ничего не понимал в науке. Как может человек, ничего не понимающий в науке, придумать разрушающий луч?

Ок Вок подтверждающе кивнул:

— Это верно. Мы пользуемся ими как сигналами. Это все, на что они годятся.

Лестер опять переглянулся с Хоскинсом. К этому времени они уже подходили к городу, и Ард Барк указал на большой аэродром на его окраине. Это был, очевидно, порт межпланетного сообщения. На его гладком асфальте стояли сотни межпланетных кораблей самых различных конструкций: одни были цилиндрические, другие стреловидные, торпедообразные или дискообразные. Вид у них был очень внушительный, но Ард Барк насмешливо фыркнул:

— Вот вам еще пример,— сказал он.— Мы получили столько межпланетных кораблей, но ни один из них не поднимается ни на вершок, потому что господа, которые их выдумывали, были недостаточно учеными, чтобы заставить их работать... Ну, вот мы вернулись в город. Вам куда теперь?

— Нам... Нам нужно осмотреться,— пробормотал Лестер.

Марсианская столица имела поистине поражающий вид. Она состояла из нескольких довольно больших городов, стоявших бок о бок, и все они были различного архитектурного стиля. В той части, куда они вошли, стояли черные каменные здания, приземистые и массивные, очень древнего вида. За нею Лестер мог заметить секцию из прекрасных прозрачных полусфер, окруженных куполами. Рядом была секция блестящих шестиугольных хромированных башен, дальше — секция высоких медных конусов, а еще дальше — секция построек, похожих на вертикальные серебряные цилиндры.

Еще удивительнее этого фантастического многообразия незнакомых архитектур был разношерстный характер толпы на улицах. А толпа здесь была большая. Но лишь часть ее состояла из красных жукоглазых людей вроде Арда Барка и его товарищей. Остальные принадлежали к различным видам, резко отличающимся друг от друга формой, размером и цветом.

Ошеломленные глаза Лестера различали марсиан, возвышающихся над толпой на двадцать футов и шести-

руких; марсиан, похожих на маленьких безруких комариков; марсиан четырехглазых, трехглазых и марсиан совсем безглазых, но со щупальцами, вырастающими из лица; синих, черных, желтых и фиолетовых марсиан, не говоря уже о марсианах неопределенных оттенков: анилино-красного, вишневого, бурого цвета и марсиан прозрачных.

Эта удивительная толпа носила самые разнообразные наряды, от простого набора ремней, как у жукоглазых красных марсиан, до шелковых одеяний, блестящих, как драгоценные камни. У многих были мечи или кинжалы, но большинство, по-видимому, было вооружено лучевыми трубками или ружьями.

Удивительнее всего было то, что женщины, все без исключения, были гораздо привлекательнее мужчин. Действительно, Лестер заметил, что любая марсианка, бурая, зеленая, синяя или красная, могла быть образцом земной красоты.

Хоскинс, разинув рот, смотрел кругом:

— Откуда все они явились?

Ард Барк поглядел на него:

— Что вы хотите сказать? Они появились так же, как и вы.

— Не понимаю, — пробормотал Хоскинс. — Ничего не понимаю! Не хочу понимать. Мне одного хочется: вернуться на Землю! Идемте, Лестер.

Он схватил Лестера за руки. Но тут вмешался Ард Барк. Высокий красный жукоглазый человек смотрел на них с неожиданным подозрением.

— Объяснитесь, — продребезжал Ард Барк. — Вы хотите сказать, что вы двое не созданы здесь, как все остальные? Что вы хотите вернуться на Землю?

— Ну да, — вскричал Лестер. Торопливо и гордо он объяснил: — Мы были слишком поражены, чтобы сказать вам сразу. Но мы — первые люди с Земли, посетившие эту планету.

— Люди с Земли? — вскричал Ард Барк. Глаза его горели, а голос поднялся до визга: — *Люди с Земли!*

Над пестрой, фантастической толпой, наполнявшей улицы, как бы поднялась внезапная буря. Зеленые, красные, синие и желтые марсиане столпились вокруг двух путешественников в неожиданно яростном возбуждении.

— Вы уверены, вы совершенно уверены, что вы оба явились с Земли? — спросил Ард Барк со страстным отчаянием.

— Конечно, — гордо ответил Лестер. Он наконец нашел возможность произнести несколько исторических слов: — Друзья с Марса! — начал он. — При таком непредвиденном случае...

— Они с Земли! Держи их, ребята! — завопил Ок Вок.

И с оглушительным ревом вся толпа кинулась на Лестера и Хоскинса.

Сбитые с ног, отбиваясь от множества рук, протянувшихся схватить их, Лестер и его товарищ спаслись от неминуемой гибели только потому, что нападавших было слишком много. Они забарахтались, стараясь выбраться из толпы, и слышали громовый голос Арда Барка, унимавшего толпу:

— Погодите, ребята! Не нужно убивать сейчас же. Отведем их к Суперам. Пусть Суперы придумают, как лучше казнить землян.

Лестера и Хоскинса грубо подняли на ноги. Они ужаснулись, увидев злоебщий блеск в глазах этой марсианской толпы.

— Не пробуйте удрать, вы оба! — резко прикрикнул на них Ард Барк. — Вы сейчас отправитесь к Суперам. Они назначат вам самую жестокую кару за ваши преступления.

— Какие преступления? — слабо запротестовал Хоскинс. — Что мы вам сделали?

— Как будто вы не знаете! — яростно возразил Ард Барк. — Это вы, грязные люди Земли, создали нас, и вы сами это знаете!

— Создали вас? — изумился Лестер. — О чем, во имя неба, вы говорите?

— Теперь я знаю, — заявил убедительно Хоскинс: — Мы лежим в ракете без сознания. Нарыв или не нарыв — это мне только снится...

Их потащили сквозь враждебную, бешеную толпу марсиан всех размеров, форм и оттенков. Руки, когти, щупальца и кинжалы протягивались к ним со всех сторон. Ненависть к ним была, казалось, всеобщей.

Ард Барк и его товарищи тащили землян все дальше, через дико сменявшиеся части удивительного города, пока не достигли секции, состоявшей из огромных золотых пирамид. Там их втащили в самую большую пирамиду, а толпа последовала за ними.

Внутри были огромные машины, сияющие радуги, целый хаос научного оборудования. Между машинами двигались, производя опыты, или сидели неподвижно, наблюдая, марсиане во много раз уродливее всех тех, кого земляне до сих пор видели, — похожие на осьминогов твари с огромными, неподвижными глазами. У каждого было восемь пар щупальцев.

— Это и есть Суперы? — вскричал Лестер отступая.

— Они самые! Это суперученые марсиане, — ответил Ард Барк. — И вы это знаете. Ступайте. Вот Аган, верховный ученый.

Их подтолкнули к осьминогообразному существу, которое посмотрело на них неподвижными глазами, а потом проговорило свистящим голосом:

— Моя телепатическая сила сразу же показала мне, что это жители Земли, высадившиеся на нашей планете. Одного зовут Лестер, а другого — Холлинс...

— Хоскинс... — неуверенно поправил инженер.

Осьминогообразный Аган окинул его гневным взглядом:

— Все равно, похоже. В конце концов, даже телепатия может ошибиться.

Лестер не сводил глаз с этого создания:

— Суперученые марсиане с телом, как у осьминогов... Как раз как в том научно-фантастическом рассказе, который я читал...

Аган перебил своим кисло-пиксливым голосом:

— Да. Этот-то рассказ и виноват в том, что я здесь...

Челюсть у Хоскинса отвисла.

— Вы хотите сказать, что вы, осьминогие люди, появились здесь потому, что там, на Земле, был написан рассказ о марсианах-осьминогах? Что этот рассказ создал вас?

— Конечно, — огрызнулся осьминог. — Вас это удивляет?

Хоскинс дико засмеялся:

— О нет. Это нас несколько не удивляет. Ничто в этом невероятном мире не удивляет нас больше.

— Заткнитесь, Хоскинс! — приказал Лестер. Он серьезно обратился к Агану: — Объяснимся. Как, скажите во имя всего, рассказ, написанный о марсианах-осьминогах, может создать марсиан-осьминогов здесь, за сорок миллионов миль?

— Я вижу, вы мало знаете о силе воли, — ответил Аган, ловко почесывая свой луковицеобразный череп кончиком щупальца. — Это сделал не только написанный о нас рассказ — это сделал тот факт, что сотни тысяч людей читали этот рассказ и, читая, воображали себе нас.

— Но я не вижу...

— Это очень просто, — нетерпеливо перебил осьминог. — Мысленные излучения — определенная физическая сила, столь же материальная, как и радиоволны, хотя и совершенно другого свойства. При достаточной массовости и интенсивности эти высокочастотные мысленные волны могут сочетать свободные атомы в новую форму. — Он поучительно помахал концом щупальца. — Когда вы упорно думаете о каком-нибудь предмете, вы можете мысленно увидеть его. Правда? Это потому, что излучения вашего мозга на миг соединили свободные атомы в туманную и мгновен-

ную форму того, о чем вы думаете. Форма эта держится в мозгу только мгновенно, а потом исчезает.

Но когда многие тысячи людей представляют себе один и тот же предмет, их соединенные мысленные излучения настолько сильны, что могут сложить атомы в постоянную форму. Вот почему, когда тысячи земных людей читают о людях-осьминогах и воображают их, то их мысленные излучения действуют на свободные атомы этой планеты и сочетают их в живые существа, такие, какие себе представляли эти читатели, — в нас.

Лестер попытался возразить:

— Но почему влияние соединенных мысленных излучений сказалось не на Земле, где находятся все читатели, а именно на Марсе?

— Очень просто, — объяснил Аган. — Мысленные излучения следуют по определенным силовым линиям, вроде магнитных. Линии мысленных сил идут от центра к периферии солнечной системы, от Земли к Марсу, — так что все те странные и нелепые марсиане, которых выдумывают писатели на Земле, автоматически созданы здесь из свободных атомов этой планеты.

Лестер взглянул на Арда Барка и на остальных разгневанных жукоглазых людей:

— Значит, все эти различные марсианские расы...

— Все они выдуманы в рассказах земных авторов, — ответил Аган. — И каждый раз, когда рассказ прочтен и сотни читателей вообразили себе его, описанные в нем марсиане возникают здесь... Каждый автор, выдумывая своих марсиан, описывает и их город. Каждый город отличается от других. Вот почему у нас такой беспорядок, так много типов городов и различных видов марсиан.

— Так вот, значит, почему Марс так дьявольски переполнен сейчас! — воскликнул гневно Ард Барк, сверкнув на Лестера и Хоскина своими выпуклыми глазами. — И все это по вашей вине, люди с Земли! Не пиши вы столько дурацких рассказов, у нас никогда не было бы такой кутерьмы... — Жукоглазый марсианин указал на гневную толпу позади себя. — Посмотрите на эту толпу, на марсиан всех цветов, размеров и форм! Почему, черт возьми, ваши земные писатели не могут удовлетворяться только одним типом марсиан в своих рассказах? Тогда здесь все было бы в порядке. Но нет, каждый проклятый писак должен выдумать еще более дьявольский сорт марсиан! И на планете становится так тесно от всяких странных типов, что никогда не знаешь о какой-нибудь новой твари: страшное ли это чудовище или только новый сорт марсиан?

Ок Вок, стоявший рядом с Ардом Барком, добавил и свое яростное обвинение:

— И почему, черт возьми, вы даете нам такие дурацкие имена? Вот смотрите на меня. Ок Вок — как вам нравится такое имя? Оно звучит, как предсмертная икота.

Лестер сделал слабую попытку защититься:

— Но писатели, когда закручивают все эти истории, и читатели, когда читают их, никогда не воображают, что создают здесь вас...

— То-то и плохо! Вы, кажется, там, на Земле, ничего не знаете! — фыркнул Аган. — Возьмите нас, например. Мы описаны как сверхчуждые марсиане с огромными мозгами и непревзойденными научными познаниями. Но когда мы появились здесь, мы не смыслили в науках ни аза!

— Как так? — изумился Лестер. — Если автор описал вас как обладающих большими научными познаниями...

— Ах! Но сам-то автор не понимал в науках ровно ничего, — возразил Аган. — Он толком не мог сказать о наших научных возможностях, потому что сам был таким круглым невеждой, какого можно только себе представить!

Хоскинс оглядел зал с машинами и осьминогими экспериментаторами:

— Но вы, кажется, несколько смыслите в науках?

— Это только потому, ответил Аган, — что у нас, к счастью, большие мозги. Поэтому мы научились сами. Все наши знания мы получили именно так. Ваш автор никогда не смог бы дать их нам, так как я сомневаюсь, чтобы он знал разницу между нейтроном и новой звездой.

— В том-то и дело, — мрачно согласился Ард Барк, — что они ничего не смыслят в науках, так что все сверхнаучные штуки, которые они выдумывают, не могут работать. Как разрушительные лучи, которыми мы якобы обладаем: они и мухи не убьют! А ваши чудесные межпланетные корабли? Они так непрактичны, что не родился еще человек, способный поднять их в воздух.

Лестера осветила внезапная догадка:

— Вы, наверно, на многих языках разговариваете? Аган сделал утвердительный жест:

— Да, нам известны языки всех земных авторов, пишущих романы и рассказы о Марсе. Эти языки мы знаем.

— Кроме шестиглазых людей, — вставил Ард Барк.

— Верно, — согласился осьминог и обратился к Лестеру: — Кажется, на Земле был автор, которому захо-

телось быть реалистичным. Вместо того чтобы заставить своих марсиан, желтых и шестиглазых, говорить по-английски, он заставил их лопотать что-то вроде: «квампис умп гуху» и прочую чепуху. Так что все эти желтые бедняги слоняются здесь, бормоча друг другу «квампис умп гуху». Они сами не понимают, что это значит, да и никто не знает.

Ард Барк сделал нетерпеливое движение:

— Это все ни к чему, Аган. Весь вопрос в том, что делать с этими дзумя людьми с Земли. Как их казнить? Нужно придумать что-нибудь оригинальное и хорошее.

Зинг Зау, второй из жукоглазых, выдвинул предложение:

— Почему бы не отдать их десятигогим пурпурным людям? Эти пурпурные парни — знатоки в пытках. Все их время уходит на кошмарные выдумки, угрозы и злобные взгляды друг на друга. Очевидно, автор был не в себе, когда придумывал их.

Лестер задрожал. Было безумием думать, что его убьют марсиане, созданные мысленными силами. Но эти твари, несмотря на свое странное происхождение, были такими же реальными, как и он сам, и вполне могли сделать это.

— Зачем вам убивать нас! — закричал он. — В конце концов, вы должны быть благодарны земным людям: не будь этих рассказов, и вас не было бы здесь!

У Арда Барка вырвался гневный возглас:

— Но почему, черт возьми, вы делаете нас такими страшными уродами? Зачем вам понадобилось давать нам эти жучьи глаза? Не думаю, чтобы вам самим понравилось ходить с глазами, как у жуков!

— Да, и вы бы не порадовались, имея восемь щупальцев вместо приличных рук и ног, — с досадой добавил Аган. — Как вы думаете, шутка ли ходить на щупальцах? Попробовали бы сами!..

— Да, а как насчет дьявольской погоды, которую вы делаете здесь? — с упреком воскликнул Ок Вок.

— Погоды? — повторил Лестер в недоумении. — Боже мой! Неужели вы хотите сказать, что и погода следует историям, которые пишутся на Земле?

— Ну да! Мысленные силы легко сдвигают свободные атомы воздуха, — объяснил Аган. — Мы никогда не знаем, какой погоды ожидать в данную минуту. Большинство ваших авторов описывают климат Марса как довольно приличный: теплый и солнечный днем, но слишком холодный ночью. Но вдруг кому-нибудь из них приспичит держаться научной точности, и его рассказ делает Марс таким холодным, каким он дол-

жен быть по словам астрономов. Тогда мы чуть не умираем от холода.

— А каналы то появляются, то исчезают, то снова появляются. Очень плохо... — прибавил Ард Барк.

— Значит, каналы есть? — вскричал Хоскинс.

— Иногда есть, иногда нет. Очевидно, в одних рассказах есть каналы, а в других нет. То, что они появляются и исчезают, прямо невыносимо!

Говоря о своих горестях, жукоглазый человек, казалось, взвинтил себя до бешенства.

— Ну что же, Аган? — свирепо спросил он. — Отдать, что ли, этих парней пурпурным людям?

Из толпы, наполнявшей здание, поднялся одобрителный гул. Синие, зеленые и розовые марсиане замахали руками, ногами и щупальцами в знак согласия.

— Погодите! — вскричал Лестер. — Давайте договоримся. Предположим, мы вернемся на Землю и там объясним положение. Может быть, нам удастся принять в рассказах один тип марсиан, один тип погоды и так далее...

Его предложение было сразу же отвергнуто Ардом Барком:

— Вам это никогда не удастся. Издатели требуют все новых рассказов о Марсе, все новых сортов марсиан и всяких чудищ. И так в каждом рассказе!

Ок Вок с жаром накинулся на землян:

— Как жаль, что вы оба не из тех, кто пишет эти проклятые рассказы! Хотел бы я добраться до того парня, который дал мне мое имя! Я бы так ок-вокнул его!

Кто-то из толпы взвизгнул:

— Пурпурные идут!

Лестер и Хоскинс отшатнулись, увидев ужасную группу, ввалившуюся в зал с жадным фырканием. Это были пурпурные существа с десятью конечностями вдоль туловища, как у сороконожки, служившими им и руками и ногами. На конической голове у каждого сверкал единственный глаз, похожий на блюдце. Эти существа махали металлическими ножами, скальпелями и щипцами, имевшими зловеющий вид.

— Давайте их, — прошипел предводитель пурпурных, устремляя на Лестера и Хоскинса голодный взгляд. — Ребята, и помучаем же мы их! Это первый случай показать, на что мы способны.

Лестер побледнел.

— За что вы хотите мучить нас? — вскричал он, обращаясь к ужасному созданию.

Пурпурный предводитель в ответ пожал десятью плечами:

— Такая уж мы порода марсиан, дружок. Это не

наша вина. Писака, который выдумал нас, описал нас как мастеров шикарно помучить всякого земного мужчину или женщину, которые попадутся нам в руки. — Помолчав, он спросил почти с надеждой: — А не хватили ли вы какой-нибудь прекрасной белокурой профессорской дочки? Нет? Очень жаль. Мы могли бы продемонстрировать кое-какие любительские пытки на прекрасной блондинке...

Пурпурные создания кинулись на Лестера и Хоскина.

— Это неправда! — закричал Хоскинс. — Я вам говорю: это нам снится!

Но пять пар схвативших его рук не были сном. Землян уже тащили к шумевшей толпе...

— Погодите минуту! — раздался позади них визгливый голос Агана.

Осьминогий марсианский сверхученый поднимался со своего сиденья. Наступила жуткая минута ожидания, пока он распутывал три своих щупальца, спутавшихся в клубок.

— Проклятые щупальца, вечно подводят меня! — с досадой ворчал он.

Шатаясь, он подполз на своих странных конечностях к пурпурным людям, державшим Лестера и Хоскина.

— У меня есть идея относительно этих землян, — сказал он. — Мы можем использовать их, чтобы преградить земные излучения раз и навсегда.

Все марсианские лица в толпе повернулись к Агану.

— Что же это за идея? — спросил Ард Барк.

Пискливый голос Агана стал еще громче:

— Как вы, конечно, помните, гипновидный стазис нейронной сети головного мозга можно прочесть экстра-электромагнитным лучом, который...

— Хватит! — нетерпеливо перебил Ард Барк. — Что это значит: «Как вы, конечно, помните»? Как мы это можем помнить, когда мы этого совсем не знаем? Вы же знаете, что мы не знаем!

— Вы бы могли дать мне случай объяснить мою идею научно! — обиделся Аган. — Во всяком случае, суть вот в чем: мы, Суперы, можем читать в мозгу человека, ввергнутого в гипнотическое состояние, и изучить таким образом все, что этот человек знает. Изучим содержимое мозгов этих субъектов. Они, очевидно, ученые с большими познаниями. Мы можем получить из их мозга такие сведения о Земле, которых не могли бы добиться никаким другим путем.

— А на что это нам? — грубо спросил Ард Барк.

— В этом и заключена идея, — ответил Аган. — Если мы будем знать о Земле больше, чем сейчас, то

сможем построить машину, которая остановила бы поток мысленных силовых волн с Земли к Марсу.

Наступило молчание. Толпа обдумывала. Пурпурный человек, державший Лестера, отважился прошептать:

— А потом мы сможем начать мучить их?

Лестер решил использовать последний шанс.

— Мы не позволим вам! — громко сказал он Агану. — Мы будем противиться гипнозу и помешаем вам, если вы не поклянетесь освободить нас и дать возможность вернуться на Землю.

Из пестрой марсианской толпы поднялся протестующий гул:

— Не отпускайте их! Это для нас единственный случай отомстить землянам за все!

Но Аган спокойно возразил:

— А что, если отпустить их? Разве это не лучше, чем постоянно страдать от земных авторов и от их рассказов? Разве нам нужны новые марсиане разного вида? Разве вы хотите, чтобы погода вечно менялась, как сейчас? Это для нас случай прекратить все неприятности раз и навсегда.

Его доводы убедили всех. Неохотно, но марсиане согласились, хотя пурпурные отчаянно настаивали на попытках.

— Соглашайтесь, и мы позволим вам вернуться к вашей ракете, — обратился Аган к Лестеру и Хоскинсу. — Вам нужно только войти вот в этот аппарат и настроить свой мозг на подчинение.

— Пойдемте, Хоскинс, — прошептал Лестер. — Это наш единственный шанс выбраться с сумасшедшей планеты.

Они осторожно вошли в машину. Из большой линзы на них сверху полился голубой свет. Лестер почувствовал, что его мозг затмевается под влиянием какой-то силы. Он потерял сознание.

Очнувшись, он увидел Хоскинса и себя все еще в машине. Но поток света был отключен. Аган и другие осьминогие сверхученные потрясали пачкой тонких металлических листов, покрытых какими-то значками.

— Мы получили! Опыт блестяще удался! — возбужденно кричал Аган.

— Вы получили достаточно сведений о Земле, чтобы остановить поток силовых линий с Земли на Марс? — спросил Хоскинс.

Огромные глаза Агана торжественно сверкнули:

— Я могу сделать и больше того!..

— Мы можем идти? — настойчиво спросил Лестер. — Вы обещали.

— Да, можете идти к ракете и возвращаться на свою Землю,— буркнул Аган.

А Ард Барк прибавил кисло:

— И не являйтесь больше на Марс, если желаете себе добра...

Десятиногий пурпурнокожий предводитель сделал последнее отчаянное усилие.

— Вы все-таки даете им уйти без всяких пыток? — жалобно пропищал он. В единственном его глазу стояли слезы. — Как же нам быть? Кого же помучить?

— Он прав, нельзя упускать единственный случай отомстить землянам! — гневно воскликнул Ок Вок.

— Мы дали обещание и должны сдержать его! — твердо заявил Аган, и глаза его сверкнули. — Не бойтесь, теперь мы отомстим землянам сполна.

Толпа расступилась, образуя проход. Ард Барк указал на него Лестеру и Хоскинсу:

— Ступайте, пока можно!

Оба жителя Земли прошли, спотыкаясь, сквозь толпу, поминутно ожидая, что их схватят. Потом они бешено помчались сквозь странные, разнообразные секции фантастического города. Они не замедлили бега даже в красной пустыне и очнулись только тогда, когда достигли металлического корпуса ракеты, вкатились внутрь и захлопнули за собой тяжелую металлическую дверь.

— Ради самого бога, удерем поскорей! — произнес задыхаясь Хоскинс, включая циклотроны. — Я уже не ожидал, что они выпустят нас.

— Я тоже, — подтвердил Лестер нахмурившись. — Я и сейчас не чувствую себя в безопасности. У Агана был странно торжествующий тон, который мне не понравился, когда он говорил о мести людям Земли.

Эти слова прервали выхлопы хвостовых дюз. Аппарат устремился ввысь. Глубоко вдавив людей в пружинные кресла, он с ревом взвился в медное небо и помчался в свободном пространстве.

Лишь через две недели, когда ракета уже приближалась к Земле, оба путешественника несколько опомнились от потрясения, вызванного их поразительным приключением.

— Нам никогда не поверят, — упорно повторял Хоскинс, — если мы попробуем рассказать, что мысленные силы тысяч читателей создали на Марсе жукоглазых людей и других чудовищ. Нас высмеют.

— Пожалуй, вы правы, — мрачно согласился Лестер. — Лучше помалкивать.

Ракета спустилась над Нью-Йорком. Хоскинс хотел сесть в Центральном парке, чтобы поразить столицу своим драматическим возвращением.

Но когда снаряд приземлился наконец в парке, его не приветствовал ни один человек. Ожидаемой восторженной толпы не было. Парк был пуст. Межпланетные путешественники вышли на лужайку и изумленно уставились на соседнюю улицу — Пятую Авеню.

По улице катился дикий, возбужденный гул. Толпы горожан бежали в настоящей панике. И Хоскинс и Лестер разинули рты, увидев, от кого бежала пораженная ужасом толпа. Это была кучка людей. Они во многом походили на обычных людей Земли, но были с четырьмя руками и огромными выпуклыми глазами, как у насекомых!

Лестер остановил одного из бегущих и указал на странные фигуры.

— Откуда, объясните во имя неба, взялись вот эти? — спросил он в ужасе.

Беглец дико покачал головой:

— Никто не знает... Эти твари и другие такие же чудовища появились по всему свету за последнюю неделю. Мы не знаем как и не знаем, кто они...

Лестер побледнел и схватил Хоскинса за плечо:

— Боже мой, так вот что значили слова Агана о близкой мести людям Земли! Те сведения, которые они получили от нас, позволили им не только остановить поток мысленных силовых волн с Земли на Марс, но и обратить его вспять, заставить течь с Марса на Землю!

Хоскинс окаменел от ужаса:

— Значит, эти твари созданы здесь в отместку?

— Марсианами, да! — вскричал Лестер. — Вот их месть. Они там, вверху, черти, пишут теперь рассказы о жукоглазых и четырехруких жителях Земли!!!

ВРЕМЯ УШЛО? ВРЕМЯ ПРИШЛО?

Величайшие утопические романы будут написаны в нашей стране, и очень скоро, можно дать голову на отсечение. Тем более, что мы будем бороться за осуществление этой утопии. *Анатолий Луначарский*

Утопии кажутся гораздо более осуществимыми, чем мы некогда предполагали, и мы находимся здесь перед вопросом, являющимся трудным, но трудным совсем по-новому: как мы можем избежать того, чтобы они действительно осуществились? *Николай Бердяев*

Обе эти цитаты позаимствованы не из первоисточников, а из литературно-критической работы, посвященной научной фантастике и вышедшей четверть века назад. Очевидный соблазн повторить их сегодня вызван фантастическими переменами в общественном сознании: «реакционер» Бердяев — после маоистского Китая, после чудовищной утопии Пол Пота, после эйфории «социалистической» революции в Афганистане и бессмысленной войны, после, наконец, размышлений над собственной 72-летней историей, — не выглядит ли он умнее, глубже, встревоженнее за судьбу своего народа и всего человечества, нежели уважаемый Анатолий Васильевич?

Забавно сегодня читать и такое: «Романы-«антиутопии» для того и создаются, чтобы сеять у людей уныние и неверие в светлое будущее человечества. В нашей печати давно уже получила подобающую оценку «антиутопия» английского писателя Олдоса Хаксли «Великолепный новый мир» — откровенный пасквиль на идеал коммунистического общества...»

Сегодня, когда и Хаксли, и Оруэлл, и предшественник их в жанре антиутопии — наш соотечественник Евгений Замятин стали известны советскому читателю, он вправе сам судить, где пасквиль, а где — провидение.

В прочитанном вами сборнике жанра антиутопии в чистом виде нет. Однако великолепнейший «Альтруизин» С. Лема весьма близок к тому, «чтобы сеять у людей уныние и неверие в светлое будущее». Этот рассказ блестяще высмеивает изначально присущее нам стремление насильно ссчастливливать. (Вспомните железобетонный ритм весьма характерной праздничной песни, еще недавно щедро лившейся в красные дни из громкоговорителей: «Будет людям счастье! Будет на века!» Будет — и точка. Попробуй только пикни). Да и у Саймака, этого учителя «космической этики», в романе «Что может быть проще времени» гигантский концерт «Фишхук», по-своему осчастливливая человечество, в то же время отвергает его в состояние нового средневековья.

Элементы антиутопии просматриваются и в других произведениях сборника, например, у Шекли. Что такое Квидак и его Сообщество, как не торжество механического, тоталитарного коллекти-

визма над личностью? Квидак тоже обещает людям неслыханные возможности, неслыханное счастье. Для этого надо лишь пожертвовать собой. Ах, не хотите? Тогда придется осчастливить вас насильно...

Схватка группки людей с Квидаком — это, по существу, схватка между свободой и насилием, говоря шире — между добром и злом, которые — увы — в человеческом обществе, по-видимому, неразделимы. Но существуют моменты жизни, когда необходимо определиться: с кем ты и за что ты.

Невероятный и в то же время узнаваемый феодальный мир предстает перед нами на палубах гигантского звездолета, давно потерявшего курс в безбрежных просторах Вселенной. Внутри корабля царит своего рода гармония, ведь даже мьютам определена в этом обществе своя роль; сохранены терминология, звания, субординация — казалось бы, все идет своим чередом... За исключением того, что корабль (или общество?) несется черт знает куда! И чтобы восстановить здравый смысл, т. е. истинную цель полета, героям Хайнлайна приходится вступить в схватку.

С «антиутопической» точки зрения можно рассматривать и рассказ Болларда «Утонувший великан» — как своего рода перевертыш, где антиутопичен наш, реальный мир. Великан, выброшенный на берег неподалеку от провинциального городка, является в наш мир словно проблеск неизмеримо более прекрасного и потому — огромного мира. Наш же мир скучно обыден и обывательски мелок. Он настолько безнадежен, этот наш мир, что даже невероятное событие, которое, казалось, должно было бы что-то перевернуть, *не изменяет ничего*. Так прекрасный космический корабль мог бы провалиться в болото бесследно, и ряска невозмутимо сомкнулась бы над ним.

Боллард пессимистичен? Возможно.

Быть может, нотки пессимизма есть и у других авторов. Даже у такого оптимиста и жизнелюба, как Саймак. Ведь счастливый для «парапсихов» конец — это все-таки уход с родной Земли. И пусть им отныне открыт весь космос, но свою родную планету пришлось оставить. А «Детский сад»? Ведь в том, что мудрости будут нас, землян, учить чужие, тоже есть горький привкус...

Но отвлечемся от антиутопических мотивов. Составитель не имел целью представить сборник произведений, подобранных по этому признаку. Откровенно говоря, единственное, чего хотелось, это сделать книгу интересной. Не полезной, не поучительной, а только лишь — интересной (памятуя о том, что людьми движут — интересы).

Хочется высказать еще одну мысль. Сейчас, когда — в пору гласности, очевидным стало катастрофическое отставание нашей страны от наиболее развитых государств — США, Японии, стран Западной Европы, — не стоит ли обратить внимание на то обстоятельство, что в этих странах либо издавна существовала богатая научно-фантастическая литература (Америка, Англия), либо с началом научно-технической революции, резким ускорением экономического развития страна импортировала развитую англо-американскую фантастику, одновременно с рождением национальной (классический пример — Япония).

Заметим, что в Советском Союзе в двадцатые годы существовала интересная и сильная фантастика, которая развивалась вполне в русле мировых тенденций. Однако в тридцатые с «бесполезными» жанрами литературы было покончено. А теперь мы убедились в

том, что научно-техническая революция в нашей стране почему-то не приживается.

Значит ли это, будто составитель утверждает: фантастика является стимулятором прогресса? Прямолинейный вопрос, как и прямолинейный ответ сильно упростили бы ситуацию. Ясно однако, что развитие фантастики сопровождается экономическое и духовное развитие общества. Что за чем следует? Уклонимся от ответа.

Так или иначе, даже чисто со статистической точки зрения фантастика полезна. Чем? Тем, что раскрепощает мышление? Дает простор воображению, тренирует его? Раздвигает горизонты? Ставит высокие цели? По мнению американского фантаста Д. Найта, «научная фантастика — это революционное искусство в том смысле, что она учит читателей относиться скептически ко всем догмам, политическим, религиозным и даже научным. Она хранит и использует способность человека не останавливаться в познании. И главное, это литература, которая не поворачивается спиной к будущему».

Примем это за факт и остановимся еще на одном факте: все большее количество молодежи в нашей «самой читающей» стране книг не читает. Связан ли этот факт с тем, что возрастает уровень преступности? Число наркоманов? С тем, что безыдейность или, сказать лучше, бездуховность перестала считаться вывихом, а становится едва ли не общей нормой у молодых?

Время упущено: из-за бездарной издательской политики, из-за нелепых идеологических установок целое поколение было практически лишено нормальных, светлых, интересных книг. Прежде всего — фантастики. Между прочим, кое-где вполне серьезно ставился такой тезис, что фантастика *отвлекает* молодежь от формирования комсомольско-молодежных коллективов, участия в ударных комсомольских стройках, то есть от практических задач, и вообще ведет *не туда*.

Но вот еще один факт. Количество клубов любителей фантастики, разгромленных в 1984 году, в бытность Генеральным К. У. Черненко, нынче не сокращается, а растет: в стране их сейчас уже около двухсот пятидесяти. Регулярно стали проводиться всесоюзные клубные семинары и праздники фантастики. 1989 год был в этом отношении показательным: состоялись «Соцкон» (первый в СССР международный семинар) в Николаевской области, «Новокон» в Краснодарском крае, традиционная «Аэлита» в Свердловске и новоявленный одесский праздник «Фанкон».

Клубы любителей фантастики молодеют: выросло новое поколение «фэнов». Значит, нужны книги: и новые произведения, и переиздания.

Значит, фантастика — необходима. Время пришло?!

Джеймс Боллард

Английский писатель-фантаст, о творчестве которого в советской критике можно найти разноречивые мнения. Двадцать с лишним лет назад о нем писали так: «Боллард — один из тех фантастов, кого особенно ценят критики-снобы... Им очень нравится, что многочисленные рассказы Болларда написаны изощренно и красиво, но по существу ни о чем. Это один из примеров ухода современной буржуазной фантастики в беспредметность».

Сегодня ясно, что подобная оценка была поверхностной и политизированной. Но чтобы судить о писателе самим, надо, по меньшей мере, прочитать его! Готовится к выпуску первый в нашей стране сборник Дж. Болларда. А пока перед советским читателем только скупая россыпь рассказов в сборниках и периодике. Назовем среди них *«Хронополис»* (сб. НФ, вып. 9), *«Конец»* (сб. НФ, вып. 21), *«Из лучших побуждений»* (сб. «Патруль времени»).

Представляя читателям рассказ *«Утонувший великан»* в сборнике произведений, удостоенных премии «Небьюла», американский писатель-фантаст Деймон Найт утверждал, что этот рассказ, с его холодновато-спокойным, отточенным стилем, запомнится не меньше, чем *«Превращение»* Франца Кафки.

Рэй Брэдбери

Один из самых известных в мире и в нашей стране американских писателей-фантастов. Выходец из бедной семьи, он не окончил университета, начав трудовую жизнь продавцом газет. С 22-летнего возраста перешел на литературные заработки, а в 33 года две книги сделали его знаменитым: это *«Марсианские хроники»* и *«451° по Фаренгейту»*.

«Жюль Верн был моим отцом. Уэллс был моим мудрым дядюшкой. В заднем углу чердака у нас дома жил Эдгар Аллан По, мой двоюродный брат с крыльями летучей мыши», — говорит писатель о духовном мире своего детства, о своих литературных предтечах. Прибавим к ним Эдгара Райса Берроуза, под явным влиянием которого находился молодой Брэдбери. Сейчас он сам — живой классик американской фантастики.

Сюжеты рассказов Рэя Брэдбери причудливо калейдоскопичны. Он мастер философской притчи, великолепный стилист. Несмотря на печальные и трагические мотивы, постоянно присутствующие в его произведениях, творчество Брэдбери внутренне всегда оптимистично.

В нашей стране вышло больше десяти отдельных изданий (например, *«Фантастика Рэя Брэдбери»*, *«Вино из одуванчиков»*, *«Р — значит ракета»*, *«В дни вечной весны»*, *«Память человечества»* и др.), а также несколько десятков рассказов писателя в сборниках и периодике. Двух с половиной миллионный тираж получила одна из последних книг — солидный том, вышедший под названием *«О скитаньях вечных и о Земле»* в издательстве «Правда».

Дино Буццати (1906—1972)

Маститый итальянский писатель, использовавший в своих произведениях гротеск, фантастические ситуации и элементы научной фантастики как прием.

Советским любителям фантастики известен по рассказам, вошедшим в сборники издательства «Мир»: *«Автомобильная чума»*, *«Король в Хорм эль-Хагаре»* (сб. «Гости страны Фантазии»), *«И опустилось летающее блюдо»* (сб. «Луна двадцати рук»), а также опубликованным в периодике: *«Семь этажей»* (Неделя, 1969, № 38) и др.

Курт Воннегут

Оригинальный стиль этого выдающегося американского писателя настолько выбивается из привычного ряда, что Воннегута вряд ли можно отнести к какому-нибудь литературному направлению или школе, хотя вначале его творчество причисляли к научной фантастике, а затем к течению, получившему наименование черного юмора.

Юмор действительно переполняет произведения Воннегута, причем юмор особого рода, когда осмеянию, кажется, может подвергнуться и подвергается все. Но Воннегут никогда не переходит черты, за которой уже — ничего святого, в его произведениях нет и намека на цинизм.

Один из лучших романов писателя — *«Бойня номер пять, или Крестовый поход детей»* — навеян воспоминаниями о пережитой им лично варварской бомбардировке Дрездена.

«Где-то в Германии течет речка под названием Вонне. Это и есть исток моей странной фамилии», — говорит о себе писатель. Потомок выходцев из Германии, американец Курт Воннегут в 1945 году находился в Дрездене в лагере для военнопленных. 13—14 февраля на город, не имевший военного значения, было обрушено несколько тысяч тонн авиационных бомб. Погибло более 135 тысяч человек, что сравнимо с результатами атомных бомбардировок.

Не потому ли во многих произведениях Воннегута так отчетливо отращивание к войне — и вообще к насилию?

Советский читатель с первым крупным произведением К. Воннегута познакомился в 1967 году: в «Библиотеку современной фантастики» был включен роман *«Утопия 14»*. Затем вышла *«Колыбель для кошки»*. Переводы других романов и целая россыпь рассказов появились в журналах «Новый мир», «Иностранная литература», «Неман» и др. Два толстых тома избранных произведений вышли в Москве и Кишиневе.

В 1989 году Ставропольское книжное издательство выпустило сборник К. Воннегута в серии «Зарубежный антивоенный роман». В состав сборника вошел один из ранних романов американского писателя — *«Сирены Титана»*, а также *«Бойня номер пять»* и *«Колыбель для кошки»*.

Эдмунд Гамильтон (1904—1977)

Один из основоположников жанра «космической оперы» американский писатель-фантаст Э. Гамильтон советскому читателю долгое время был практически неизвестен, так как переводы его произведений практически исчерпывались рассказом *«Невероятный мир»* и повестью *«Сокровища громовой Луны»*, появившейся в 1956 году в журнале «Техника — молодежи». Этот же журнал затем опубликовал рассказ *«Дети Солнца»*, а в последние годы — один из наиболее известных романов Гамильтона *«Звездные короли»*. В «мировском» сборнике «Патруль времени» появился также рассказ *«Отверженный»* (ранее под другим заглавием опубликованный в «Литературной России»).

Вот, пожалуй, и все, что сегодня советский читатель знает о Гамильтоне. Ряд произведений этого автора написан им в соавторстве с женой, писательницей Ли Бреккет, о творчестве которой мы знаем еще меньше (один ее рассказ, «Чужие люди», был опубликован в журнале «Волга», другой, «Все цвета радуги», в «Юном технике»).

Мюррей Лейнстер
(1896—1975)

Мюррей Лейнстер — псевдоним американского писателя Уильяма Дженкинса, написавшего за свою жизнь свыше 1300 произведений.

Советским читателям, пожалуй, наиболее известен его рассказ *«Первый контакт»* (1945), неоднократно издававшийся на русском языке (см. напр. в сборниках *«Экспедиция на Землю»* — М., *«Мир»*, 1965; *«И грянул гром...»* — М., *«Мол. гвардия»*, 1976). Этот рассказ, в котором повествуется о встрече в космосе двух звездолетов — земного и инопланетного — в свое время побудил И. А. Ефремова «ответить» Лейнстеру повестью *«Сердце Змеи»* и неоднократно упоминался в литературно-критических обзорах зарубежной фантастики.

В «мировских» сборниках серии *«Зарубежная фантастика»* опубликованы также рассказы *«Этические уравнения»* (сб. *«Звезды зовут...»*), *«На двенадцатый день»* (сб. *«Пять зеленых лун»*), *«Демонстратор четвертого измерения»* (сб. *«Фантастические изобретения»*). Рассказы М. Лейнстера появлялись и в периодике: *«Чужаки»* (Искатель, 1962, № 1), *«Парламентер»* (Знание — сила, 1967, № 12) и др.

Повесть *«Исследовательский отряд»* в 1956 году получила премию Хьюго.

Станислав Лем

Выдающийся (быть может, уместно употребить даже эпитет — великий) фантаст нашего времени, польский писатель Станислав Лем одновременно — профессиональный философ.

Родился во Львове, по образованию — врач, с послевоенного времени живет в Кракове; впрочем, несколько лет провел на Западе.

В пятидесятые годы дебютировал как фантаст романом *«Астронавты»* (о полете на Венеру, где герои Лема обнаружили следы цивилизации, уничтоженной в ядерной войне). Затем последовала довольно слабая, с сегодняшней точки зрения, коммунистическая утопия *«Магелланово облако»*, сыгравшая, однако, существенную роль в становлении польской (да и советской, наряду со знаменитой *«Туманностью Андромеды»* И. А. Ефремова) фантастики.

Рассказы Лема в русских переводах были представлены сборниками *«Вторжение с Альдебарана»*, *«Звездные дневники Иона Тихого»*, *«Формула Лимфатера»*. В ленинздатовских антологиях появились переводы романов *«Непобедимый»* и *«Эдем»*, составляющих вместе с *«Солярисом»*, одним из лучших романов Лема, своеобразную трилогию. В *«Охоте на Сэавра»* (1965) — одном из первых выпусков серии *«Зарубежная фантастика»* издательства «Мир» — перед читателем предстал цикл рассказов о пилоте Пирксе, написанных весьма реалистично; в 1967 году в этом же издательстве вышла к советскому читателю фантазмагорическая *«Кибериада»*, затем (к сожалению, с купюрами) философский роман *«Голос неба»*. В разных изданиях опубликованы фрагменты двух полностью еще не переведенных книг: *«Мнимая величина»* и *«Идеальный вакуум»*, состоящих из... предисловий и рецензий на несуществующие книги. В журнале *«Химия и жизнь»* появился перевод «готической» повести *«Маска»*, в *«Знамени»* — псевдодетектив *«Насморк»*.

Словно суперсовершенная электронная машина из его повести *«Голем XIV»*, Станислав Лем поражает читателя интеллектуальным превосходством, а также потрясающим разнообразием применяемых (или изобретаемых!) им литературных жанров.

Кроме художественных произведений, последними из которых можно назвать *«Мир на Земле»* (сб. *«Операция «Вечность»*) и *«Расследование»* (сб. *«Детектив и политика»*), на русском языке вышел также философский трактат *«Сумма технологий»* и автобиографический роман *«Высокий замок»*.

Деймон Найт

Известный американский писатель-фантаст.

В 1967 году журнал «Иностранная литература» обратился к писателям разных стран с одним вопросом: почему ими в своем творчестве избран жанр научной фантастики. «Я не рискнул бы сказать, что это я избрал научную фантастику; скорее она избрала меня, — ответил Деймон Найт. — Впервые я прочел научно-фантастический журнал в 1933 г. Это был августовский выпуск «Удивительных историй», основанный Хьюго Гернсбеком в 1926 г. Все последующие значительные события моей жизни были следствием этого события; и я часто думаю, кем бы я стал, если бы в те годы еще не выходил этот журнал. Я начал переписываться с другими энтузиастами научной фантастики, покинул родной Орегон, когда мне исполнилось восемнадцать, и стал снимать со своими новыми друзьями квартиру в Нью-Йорке. Один из этих друзей, Фредерик Пол, нашел мне первую мою работу редактора-ассистента в издательстве «Книги для всех»... Именно тогда я постиг почти все, что мне известно о писательском ремесле. С тех пор... я зарабатывал себе на жизнь только трудом, так или иначе связанным с научной фантастикой».

Деймон Найт занимал пост президента общества американских писателей-фантастов. К сожалению, о его творчестве советские читатели знают мало, так как пока что переводы произведений Найта эпизодичны. Назовем рассказы «Человек в кувшине» (Знание — сила, 1966, № 9), «Аналоги» (там же, 1974, № 11), «Кукловод» (сб. НФ, вып. 20), «Восславит ли прах тебя?» (Наука и религия, 1986, № 1).

Юджин О'Черрет

Молодой американский писатель. Родился в Джорджии, по роду основных занятий — журналист. В числе предков О'Черрета — русские крепостные крестьяне, выходцы из Полтавской губернии.

«Хвост тигра в джунглях» — первое произведение этого автора, публикуемое на русском языке.

Фредерик Пол

Известный американский писатель-фантаст, критик, издатель. Член исполкома Всемирной организации научных фантастов.

В тридцатые годы был одним из организаторов группы любителей научной фантастики «Футуриенс». Работал в журналах «Удивительные истории», «Завтрашние миры», «Галакси» и др. Писал в соавторстве с С. Корнблатом, А. Азимовым, Ф. Лейбером, Джудит Меррил (своей третьей женой).

В 1965 году советский читатель познакомился сразу с двумя значительными произведениями этого автора: повестью «Туннель под миром» (см. в одноименном сборнике издательства «Мир») и романом «Операция «Венера», который Ф. Пол написал в соавторстве с С. Корнблатом. Признанный мастер новеллистики, Фредерик Пол не обижен переводами на русский язык, хотя, разумеется, знакомство с его творчеством могло быть более полным.

Клиффорд Саймак (1902—1988)

Сын крестьянина из-под Праги, эмигрировавшего в Америку, Клиффорд Саймак родился в штате Висконсин. Это один из наиболее известных американских писателей-фантастов.

В молодости некоторое время работал учителем, затем многие годы — журналистом. Обе эти профессии, по-видимому, не были для Саймака случайны, так как в его произведениях всегда присутствуют как педагогические нотки, так и определенный пафос «журнализма».

В творчестве Саймака можно выделить два момента, последовательно пронизывающих большинство его произведений: это, во-первых, тема Контракта с иным разумом, во-вторых — это утверждение характера обыкновенного, нормального, честного человека, которому чужды расизм, ксенофобия, комплекс превосходства, зато присущи достоинство, доброта, стремление к справедливости.

Этим выдающимся писателем написано двадцать с лишним романов и более сотни рассказов. За заслуги в научной фантастике К. Саймак был увенчан полным набором всех литературных премий.

Советскому читателю хорошо известны такие произведения Саймака, как повести *«Необъятный двор»*, *«Кимон»*, *«Денежное дерево»*, рассказы *«Поколение, достигшее цели»*, *«Разведка»* (в журнале *«Наш современник»*, 1970, № 2; в последующем публиковался под названием *«Схватка»*). На русском языке выпущен и целый ряд отдельных изданий: *«Прелесть»* (1967), *«Сделай сам»* (1967), *«Все живое...»* (1968), *«Почти как люди»* (1970), *«Заповедник гоблинов»* (1972), *«Город»* (1974), *«Миры Клиффорда Саймака»* (1978), *«Кольцо вокруг Солнца»* (1982).

Роберт Хайнлайн (1907—1988)

Этот плодовитый американский писатель, на счет которого десятки романов, в русских переводах представлен весьма скудно и непропорционально дарованию. Советский читатель знаком в основном с его рассказами: *«Взрыв всегда возможен»*, *«Долгая вахта»*, *«Зеленые холмы Земли»*, *«Логика империи»* и др., двумя повестями: *«Один в поле»* (журн. *«Памир»*) и *«Монополия нечистой силы»* (журн. *«Наука и религия»*). *«Пасынки Вселенной»* — единственный роман, переведенный на русский язык.

Причина, по-видимому, в политических взглядах писателя. Критики отмечают во многих романах Хайнлайна поклонение культу силы и сильной личности. Получив ряд престижных в англо-американской фантастике наград за свои произведения, Хайнлайн приобрел заодно репутацию милитариста (заметьте, что он заканчивал военно-морскую академию США в Аннаполисе).

Роберт Шекли

Практически в самом начале своей писательской карьеры этот американский фантаст, ныне живущий в Англии, завоевал лидерство в жанре короткого рассказа. Блестящий юмор, парадоксальность, неожиданные («огенриевские») концовки его новелл вызывают восхищение.

Рассказы Шекли публиковались у нас в периодике и антологиях фантастики. В 1966 году вышел первый в нашей стране авторский сборник *«Паломничество на Землю»*, а через два года — персональный (16-й) том в «Библиотеке современной фантастики», один из самых популярных в этом великолепном издании. Кроме рассказов, в этом томе помещены также повести *«Билет на планету Транай»*, *«Обмен разумов»* и *«Четыре стихи»*. И в крупных произведениях Шекли сохраняет свой поразительный юмор; в этом смысле особенно удачны *«Обмен разумов»* и роман *«Координаты чудес»*.

Артистизм, изящество произведений Шекли вовсе не лишают их социального содержания, напротив, острота и жизненность тематики, в совокупности с совершенством формы, придают творчеству писателя глубину и значимость.

Помещенная в настоящем сборнике повесть *«Поединок разумов»*, быть может, стилистически выглядит бледнее лучших произведений Шекли, поэтому для более полного представления о творчестве этого замечательного фантаста можно обратиться, кроме упомянутых выше, к сборнику *«Миры Роберта Шекли»* (издательство «Мир») и к тому произведению Г. Гаррисона и Р. Шекли, выпущенному в Киншине издательством «Штинца».

- Боллард Дж. *Утопивший великан*.
Nebula Award Stories.— New York, 1967.
- Брэдбери Р. *Детская площадка*.
Научно-фантастические рассказы американских писателей.— М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960.
- Брэдбери Р. *Изгой*.
Литературная Армения, 1977, № 2.
- Бущати Д. *Забастовка телефонов*.
Иностранная литература, 1962, № 9.
- Воннегут К. *Люди без тел*.
Литературная Россия, 1976, 26 марта, № 13.
- Гамильтон Э. *Невероятный мир*.
Мир приключений.— М.: Детгиз, 1956.
- Лейнстер М. *Исследовательский отряд*.
На суше и на море.— М.: Географгиз, 1960.
- Лем С. *Альтруизин*.
Польша, 1969, № 3.
- Лем С. *Стиральная трагедия*.
Иностранная литература, 1962, № 11.
- Найт Д. *Двое лишних*.
На суше и на море.— М.: Мысль, 1966.
- О'Черрет Ю. *Хвост тигра в джунглях*.
Sock it to me! — New York, 1966.
- Пол Ф. *Я — это другое дело*.
Библиотека современной фантастики, том 10.—
М.: Мол. гвардия, 1967.
- Саймак К. *Детский сад*.
К. Саймак. Прелесь.— М.: Мир, 1967.
- Саймак К. *Что может быть проще времени*.
Урал, 1982, № 7—9.
- Хайнлайн Р. *Пасынки Вселенной*.
Вокруг света, 1977, № 1—5.
- Шекли Р. *Поединок разумов*.
Иностранная литература, 1987, № 7.
- Шекли Р. *Терапия*.
Иностранная литература, 1967, № 1.

Содержание

Роберт Хайнлайн
Пасынки Вселенной
Перевод с английского Ю. Зараховича

3

Мюррей Лейнстер
Исследовательский отряд
Перевод с английского А. Ставиской

98

Деймон Найт
Двое лишних
Перевод с английского В. Смирнова

141

Джеймс Боллард
Утонувший великан *
Перевод с английского Е. Панаско

172

Рэй Брэдбери
Детская площадка
Перевод с английского Т. Шинкарь

182

Рэй Брэдбери
Изгой
Перевод с английского Вл. Гакова

200

Фредерик Пол
Я — это другое дело
Перевод с английского Л. Мишина

214

Дино Буццати
Забастовка телефонов
Перевод с итальянского Л. Вершинина

220

Станислав Лем
Стиральная трагедия
Перевод с польского Ф. Широкова

226

Станислав Лем
Альтруизин,
или Правдивое повествование о том,
как отшельник Добриций космос осчастливить пожелал
и что из этого получилось
Перевод с польского А. Гамерлинского

243

Клиффорд Саймак
Детский сад
Перевод с английского Д. Жукова

265

Клиффорд Саймак
Что может быть проще времени
Перевод с английского Гр. Темкина

305

Роберт Шекли
Поединок разумов
Перевод с английского В. Скороденко

466

Роберт Шекли
Терапия
Перевод с английского А. Вавилова

502

Курт Воннегут
Люди без тел
Перевод с английского М. Загота

520

Юджин О'Черрет
Хвост тигра в джунглях *
Перевод с английского В. Кошкина

533

Эдмунд Гамильтон
Невероятный мир
Перевод с английского З. Бобырь

547

Вместо послесловия

564

Об авторах сборника

567

Источники

572

Невероятный мир: Зарубежная фантастика
Н 40 Сост. Е. В. Панаско.— Кемеровское кн. изд-во,
1991.—574 с.

ISBN 5—7550—0324—6

Основу сборника зарубежной фантастики составляют произведения таких популярных авторов, как Станислав Лем, Клиффорд Саймак, Рэй Бредбери, Роберт Шекли.

4703000000

Н ————— Без объявл.
М145(03)—91

ББК 84.4 + 84.7

Литературно-художественное издание

НЕВЕРОЯТНЫЙ МИР
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Редактор *Т. И. Махалова*
Художник *Е. Ф. Зайцев*
Художественный редактор *В. П. Кравчук*
Технический редактор *Г. Н. Манохина*
Корректор *С. А. Мазеева*

ИБ № 1705

Подписано к печати 28.06.91. Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная.
Гарнитура Школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт.
30,5. Уч.-изд. л. 35,48. Тираж 100 000 экз. Заказ 2003. Цена 10 р.

Кемеровское книжное издательство.
650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5

Отпечатано с готовых пленок Адыгблполиграфобъединения управления
издательства, полиграфии и книжной торговли Краснодарского
крайисполкома. 352700 г. Майкоп, ул. Пионерская, 268 на Кемеровском
полиграфкомбинате. 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5

